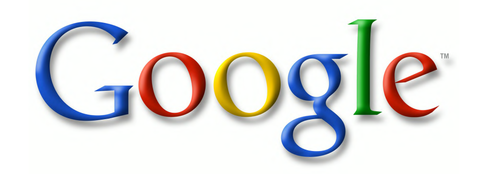
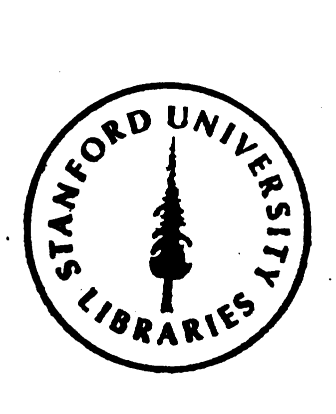

Гг. абонаты, по заявленію при взятіи книги о порчѣ ея, вслучаѣ обнаруженія таковой при возвращеніи книги, уплачиваютъ стоимость поврежденія по оцѣнкѣ библіотекаря

СОЧИНЕНІЯ

К КАВЕЛИНА.

СОЧИНЕНІЯ

К. КАВЕЛИНА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

Цѣна за 4 части 5 р. сер.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Спб., марта 23 дня 1859 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

И

РЕЦЕНЗІИ.

О вотчинахъ и помѣстьяхъ. *Сочиненіе Александра Лакіера. Спб. 1848.*

Предметъ этого разсужденія чрезвычайно важенъ. — Мы ужь не говоримъ о томъ, какое мѣсто онъ занимаетъ въ гражданскомъ правѣ, довольно того, что въ XVI и XVII вѣкахъ вотчина и помѣстье были главными, преобладающими, такъ сказать типическими формами вещныхъ правъ; что даже въ законодательствѣ они развиты больше, опредѣлены подробнѣе; что наконецъ въ новомъ законодательствѣ вещныя права сравнительно съ другими всего менѣе подверглись кореннымъ и постояннымъ измѣненіямъ. Не только въ гражданскомъ правѣ, но въ цѣломъ нашемъ древнемъ быту вотчина и помѣстье, особенно первая, играютъ чрезвычайно важную роль. Цѣль княжескихъ усобицъ бывала часто: добыть вотчину, которая розно понимается въ XI и XIII вѣкѣ; московскій государь называется вотчичемъ и дѣдичемъ, его владѣнія—вотчинами; это названіе въ XVII вѣкѣ дается нѣкоторымъ городамъ въ видѣ отличія, награды. Слѣдовательно, вотчинное владѣніе, вотчина выражали не только объемъ правъ частной собственности, но гораздо больше: государственное обладаніе. Ясно, что вотчина одно изъ главныхъ началъ, на которыхъ стояла древняя Русь, одна изъ типическихъ формъ, обусловливавшихъ ея бытъ, и къ которой сводилось множество частныхъ явленій этого быта. Постепенное измѣненіе этой формы, какъ перерожденіе одного

изъ основныхъ народныхъ понятій, есть существеннѣйшая часть нашей внутренней исторіи. Вотъ почему мы прочли книгу г. Лакіера съ удвоеннымъ любопытствомъ и вниманіемъ. Къ сожалѣнію, она не удовлетворила нашимъ ожиданіямъ.

Два пути предстояли автору: или тщательно собрать всѣ факты, относящіеся къ вотчиному и помѣстному праву, и расположить ихъ въ порядкѣ, по какой-нибудь внѣшней системѣ. Правда, его сочиненіе не было бы изслѣдованіемъ или разсужденіемъ; окончательнаго голоса въ наукѣ оно бы не имѣло; за то оно обогатило бы ее въ матеріяльномъ отношеніи, потому что такого полнаго собранія матеріяловъ для помѣстій и вотчинъ у насъ еще нѣтъ; это былъ бы трудъ капитальный, въ высокой степени полезный и важный. Такова работа г. Калачова надъ Русской Правдой. При теперешнихъ ученыхъ пособіяхъ, подобная работа даже и не такъ трудна, какъ кажется съ перваго взгляда. Гг. Ивановъ, Морошкинъ проложили путь, а изданія Археографической Экспедиціи и Коммиссіи, Полное Собраніе Законовъ съ указателемъ сдѣлали доступными и подручными драгоцѣнные матеріялы. Или авторъ могъ, на основаніи предварительныхъ собственныхъ изслѣдованій, раскрыть въ своемъ разсужденіи и содержаніе и значеніе вотчиннаго и помѣстнаго права въ нашей исторіи и прослѣдить ихъ развитіе не какъ гражданскаго или государственнаго института, а какъ начала, опредѣлившаго множество различныхъ юридическихъ явленій. Предложивъ себѣ эту задачу, онъ могъ не входить въ подробности излагая факты, даже могъ ограничиться однимъ указаніемъ на самые главные, характеристическіе изъ нихъ; за то онъ выяснилъ бы теоретическую сторону вопроса, то есть происхожденіе вотчиннаго и помѣстнаго права или начала, ихъ значеніе въ русскомъ быту, постепенныя измѣненія и упадокъ этихъ началъ и логическую, внутреннюю преемственность и причины этихъ явленій въ связи съ нашей общественной и граж-

данской жизнью. Г. Лакіеръ не сдѣлалъ ни того, ни другого. Какъ собраніе фактовъ, его разсужденіе неудовлетворительно; какъ теоретическое изслѣдованіе — еще менѣе. Думая разрѣшить обѣ задачи, авторъ не разрѣшилъ ни одной. Постараемся доказать наше мнѣніе фактами.

Въ началѣ книги мы находимъ введеніе или вступленіе, впрочемъ безъ этого названія. Его цѣль—опредѣлить главныя теоретическія и историческія основанія разсужденія. Разберемъ ихъ.

Авторъ начинаетъ съ того, что «нѣтъ и не можетъ быть ни отдѣльнаго человѣка, ни народа безъ собственности». Истина безспорная! Развивая эту тему, онъ приходитъ къ мысли, что:

«Вообще, въ *первобытномъ своемъ состояніи* народъ, *прикованный къ землѣ,* потому что ей всѣмъ одолженъ, привыкаетъ смотрѣть на нее, если не какъ на единственный предметъ обладанія, то по крайней мѣрѣ какъ на предметъ, достойный быть во владѣніи каждаго лица... Человѣкъ по этому стремится *пріобрѣсть себѣ какъ можно болѣе земли*». (Стр. 1).

Заключеніе это кажется намъ слишкомъ смѣлымъ. Конечно всѣмъ народамъ и людямъ земля нужна уже потому, что они на ней живутъ. Но отсюда, до владѣнія землей, до взгляда на нее какъ на «достойный предметъ» обладанія, до стремленія, «пріобрѣсть какъ можно болѣе земли» — цѣлая бездна. Если это вообще справедливо, то тѣмъ болѣе въ отношеніи къ первобытнымъ народамъ. Народъ въ младенческомъ, первобытномъ состояніи совсѣмъ не знаетъ поземельнаго владѣнія; его появленіе есть успѣхъ, признакъ сравнительно высшей гражданственности. Нужны ли доказательства? Древняя и новая исторія ими преисполнены; наука уже давно признала это положеніе за аксіому. Послушаемъ далѣе:

«Пока земель много «простое завладѣніе и владѣніе служитъ достаточнымъ основаніемъ для укрѣпленія за лицемъ правъ на землю». Потомъ пріобрѣтеніе земли становится труднѣе. «Наконецъ съ образованіемъ изъ первобытныхъ

обществъ государствъ, правительство начинаетъ смотрѣть на все *незанятое пространство* какъ на свою собственность, и является необходимость опредѣлить способы пріобрѣтенія правъ собственности, какъ оно укрѣпляется, передается, охраняется и прекращается». (Стр. 2).

Признаемся, мы никакъ не можемъ понять аргументаціи автора. Какое отношеніе имѣетъ трудность или легкость пріобрѣтенія земель къ опредѣленію способовъ пріобрѣтенія, передачи и прекращенію права собственности вообще и притомъ непремѣнно въ государствѣ, а не въ первобытныхъ обществахъ? Вѣдь владѣніе, фактическое основаніе собственности, простиралось не на однѣ земли, а и на движимости? Неужели, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ нимъ, не было никакихъ опредѣленныхъ способовъ пріобрѣтенія, передачи и прекращенія до основанія государствъ? Мы не видѣмъ далѣе причины, почему бы эти способы пріобрѣтенія, передачи и потери не могли быть опредѣлены до появленія государствъ, и въ отношеніи къ землѣ. Вѣдь были же въ эти первобытныя времена племенные, родовые, семейные союзы, въ которыхъ какъ-нибудь, хоть и слабо, но опредѣлялось и охранялось владѣніе и собственность? Г. Лакіеръ очевидно выражается здѣсь неточно. Поземельную собственность онъ смѣшалъ съ собственностью вообще. Мы увидимъ, что это главный источникъ всѣхъ его дальнѣйшихъ ошибокъ. Затѣмъ онъ продолжаетъ:

«Медленнымъ, тихимъ, болѣзненнымъ процессомъ народъ доходитъ до понятія о собственности, какъ до понятія, отвлеченнаго само въ себѣ и безграничнаго въ выполненіи. Полное право собственности предполагаетъ въ лицѣ, обладающемъ предметами, не только способность, но и власть дѣлать съ ними все, что ему кажется необходимымъ для его частныхъ цѣлей, даже для его прихотей, разумѣется если служеніе этому произволу лица не противорѣчитъ цѣлямъ высшимъ—религіознымъ, государственнымъ, и т. д. Не скоро доходитъ человѣкъ до сознанія о своей частной личности, которая бы всецѣло владычествовала надъ предметами внѣшняго міра... Въ первобытномъ своемъ состояніи напротивъ человѣкъ... находится или подъ совершеннымъ вліяніемъ религіи... или же погруженъ въ государственное начало... Тотъ же характеръ носитъ

на себѣ и собственность: въ теократическихъ государствахъ Востока верховнымъ и единственнымъ обладателемъ, вотчинникомъ всей земли является Богъ, другіе временно владѣютъ частями ея по контрактамъ съ представителями божества — жрецами. Въ государствахъ, чисто политическихъ, каковы были Греческое и Римское, владѣло всѣмъ государство, отъ котораго частное лице, подъ условіемъ разнаго рода услугъ, получало участокъ земли и владѣло имъ до тѣхъ поръ, пока правительству не представлялась необходимость раздать земли другимъ, отобрать ихъ для себя и пр. Вообще частное лице, слившееся съ другими отвлеченными личностями, не можетъ имѣть своей личной воли. Только новое человѣчество, просвѣщенное христіянствомъ, сознало личность человѣка въ отдѣльности, не отрывая его ни отъ церкви, ни отъ государства; по этому въ мірѣ только христіянскомъ могло явиться и дѣйствительно явилось правильное понятіе о частной собственности, неограниченной въ той мѣрѣ, въ какой это дозволяютъ правила религіи, образъ правленія и вообще государственное устройство». (Стр. 3).

И въ этихъ словахъ мы видимъ тоже смѣшеніе понятій, что̀ и прежде. Отказываясь совершенно уразумѣть фразу: «понятіе о собственности, какъ понятіе отвлеченное само въ себѣ (?) и безграничное въ выполненіи (!)», мы опять спросимъ г. Лакіера, на какомъ основаніи онъ принимаетъ поземельную собственность за критерій или мѣрило права собственности вообще? Если въ жреческихъ государствахъ земля принадлежала храму, а въ древнихъ республикахъ городамъ, такъ что частной поземельной собственности не было, то изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, чтобъ тамъ вовсе не была извѣстна собственность. Были же движимыя вещи предметомъ частнаго обладанія, и какъ доказать, что на нихъ хозяева не имѣли полнаго, неограниченнаго права? Все дѣло въ томъ, что авторъ хотѣлъ сказать одно, а вышло совсѣмъ другое. Его разсужденія о личности и ея правахъ заставляютъ догадываться, что цѣль его была— показать невозможность собственности, принадлежащей отдѣльному лицу. Собственность, принадлежащая общинѣ, есть тоже частная, гражданская, хотя она и не принадлежитъ одному лицу. Если мы такъ поняли г. Лакіера—съ нимъ можно согласиться; но не вполнѣ: многія данныя удостовѣряютъ насъ, что

даже тамъ, гдѣ личность заслонена и какъ бы изчезаетъ въ патріархальномъ быту, личная собственность все же существуетъ подлѣ общиной и родовой.

Но всего страннѣе мысль, будто только въ христіянскомъ мірѣ «явилось правильное понятіе о частной собственности»— правильное въ смыслѣ полнаго, по возможности неограниченнаго. Пусть укажетъ авторъ, въ какомъ христіянскомъ кодексѣ право собственности развито такъ широко, приняло такой исключительный, абсолютный характеръ, какъ въ языческомъ римскомъ правѣ? У насъ, въ Россіи, авторъ отрицаетъ существованіе полнаго права собственности до Екатерины II; однако мы христіяне съ X вѣка. Это мнѣніе, противорѣчащее и историческому значенію христіянства и исторіи законодательствѣ, совершенно непонятно, если принять его въ буквальномъ смыслѣ. Но, кажется, здѣсь выраженіе тоже въ разладѣ съ мыслью. Слова: «новое человѣчество сознало личность человѣка въ отдѣльности», даютъ намъ поводъ думать, что авторъ смѣшалъ абсолютный характеръ собственности съ правомъ собственности отдѣльнаго, физическаго лица, и принялъ одно за другое. Что личная собственность, если можно такъ выразиться, развилась въ христіянскомъ мірѣ — это справедливо, хотя нельзя совершенно отрицать ея существованія въ языческомъ мірѣ; но въ послѣднемъ она является на второмъ планѣ, подлѣ собственности моральныхъ лицъ, и, подобно личности, несамостоятельно [1]).

Изъ одного этого поверхностнаго разбора главныхъ теорети-

---

[1]) Намъ могутъ возразить, что и въ римскомъ правѣ *dominium* было личное. Но семейное устройство Римлянъ, удержавшееся весьма долго, противорѣчитъ этому. *Paterfamilias*, имѣвшій неограниченное право распоряжаться своей собственностью, даже по завѣщанію, очевидно дѣйствовалъ какъ представитель семьи, а не отдѣльное лице; на него перенесены права, принадлежавшія цѣлому роду—нравственному лицу.

ческихъ положенiй автора о правѣ собственности уже видно, какъ сбивчивъ, спутанъ его взглядъ. Въ выводахъ нѣтъ послѣдовательности; одно не вытекаетъ изъ другого, выраженiе не соотвѣтствуетъ мысли, обличая какую-то нетвердость воззрѣнiя и безпрестанно вовлекая автора въ ошибки весьма важныя. А между тѣмъ эти положенiя — основа, фундаментъ, на которомъ воздвигается зданiе цѣлаго изслѣдованiя!

Мы думаемъ, что при историческомъ изученiи собственности, положимъ, что это будетъ напримѣръ поземельная—главный интересъ состоитъ не въ томъ, абсолютное или неабсолютное, другими словами, ограниченное или неограниченное это отношенiе къ вещи. Во первыхъ, такого рода вопросъ относится къ теорiи, или философiи права, и тамъ долженъ быть разсмотрѣнъ. Когда мы говоримъ: собственность, мы ужь этимъ самымъ заранѣе предупреждаемъ, что намѣрены разсуждать о полномъ вещномъ отношенiи. Во вторыхъ — и это весьма важно—фактическое пользованiе собственностью вездѣ и всегда одинаково; гдѣ только есть люди, и въ ихъ нераздѣльномъ обладанiи вещи, тамъ, заранѣе можно сказать, непремѣнно установятся между этими людьми и этими вещами совершенно одинакiя отношенiя, какъ ни различны человѣческiя общества и предметы гражданскаго владѣнiя: распоряженiе, пользованiе, употребленiе, уничтоженiе, отчужденiе, отыскиванiе изъ чужихъ рукъ—общiя всѣмъ въ мiрѣ законодательствамъ послѣдствiя собственности.—Въ чемъ же вопросъ? Единственно въ тѣхъ условiяхъ, при которыхъ собственность существуетъ въ данномъ человѣческомъ обществѣ; повидимому изучая ее, мы на самомъ дѣлѣ изучаемъ это общество и взаимныя отношенiя людей, его составляющихъ, но только съ одной стороны, подъ извѣстнымъ угломъ. Такимъ образомъ видимое преобладанiе (а не невозможное исключительное существованiе) собственности фиктивныхъ, абстрактныхъ лицъ надъ собственностью

отдѣльныхъ физическихъ индивидовъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что личность еще несамостоятельна и поглощается общиной, родомъ, кастой жрецовъ, завоевателей и т. д.; наоборотъ, преобладаніе послѣдней надъ первой доказываетъ сильное развитіе личности и ослабленіе преобладанія отвлеченныхъ лицъ. Видимое отсутствіе яснаго опредѣленія и охраненія собственности свидѣтельствуетъ о младенческомъ состояніи общества; значитъ, оно не слилось еще въ одно цѣлое, связанное узами гражданственности, а состоитъ изъ небольшихъ отдѣльныхъ союзовъ, въ которыхъ собственность опредѣляется и охраняется обычаемъ; ибо выводить отсюда, что ея нѣтъ—невозможно. Наконецъ чѣмъ подробнѣе, точнѣе опредѣлена собственность, чѣмъ она болѣе ограждена законами, тѣмъ, очевидно, гражданскій бытъ выше и развитѣе. Чтò же касается до самой собственности, она оттого, въ сущности, нисколько не измѣняется, и какой-нибудь Ирокезъ и красный Индѣецъ конечно точно такъ же пользуется вполнѣ своей собственностью, какъ и Европеецъ. Если хотите, первый пользуется ею даже полнѣе; ибо въ образованномъ, развитомъ человѣческомъ обществѣ требованія общежитія стѣсняютъ, ограничиваютъ полныя права на вещь; напротивъ, тамъ, гдѣ нѣтъ развитаго общественнаго или гражданскаго быта, нѣтъ понятія о государствѣ, этихъ ограниченій не существуетъ.

Отсюда мы выводимъ слѣдующее: при историческомъ изученіи собственности все вниманіе должно быть обращено на то, въ какія условія она поставлена у извѣстнаго народа, въ разныя эпохи его существованія. Тутъ представляются слѣдующіе главные вопросы: 1) кто имѣетъ собственность и кто нѣтъ? 2) какіе предметы собственности? движимыя вещи или земли недвижимыя? 3) кому какая собственность принадлежитъ и можетъ принадлежать? 4) какимъ образомъ пріобрѣтается собственность? 5) какимъ образомъ собственникъ пере-

стаетъ имъ быть? 6) какими способами охраняется собственность? 7) наконецъ, обычаями разрѣшаются всѣ эти вопросы или писанными законами, такъ называемымъ положительнымъ правомъ? Разрѣшивъ эти вопросы, на основаніи историческихъ данныхъ, для всѣхъ эпохъ или періодовъ исторіи извѣстнаго народа и объяснивъ причины, почему они у него различно рѣшались въ разныя времена, мы получимъ полную исторію собственности у этого народа. Всѣ разсужденія г. Лакіера объ ограниченной и неограниченной собственности, самостоятельности и несамостоятельности лица и т. д. не только ошибочны и сбивчивы, — они въ его книгѣ безполезны, ибо ни къ чему не ведутъ, да и не могутъ вести.

«Изложенныя общія мысли о постепенномъ развитіи самостоятельнаго права собственности находятъ себѣ полное приложеніе въ исторіи отечественнаго права собственности: сперва военачальникъ, какъ предводитель дружины, потомъ родоначальникъ, наконецъ государь-вотчинникъ соединяли въ себѣ, строго говоря, обладаніе всею землею Русскою и удѣляли ее во временное владѣніе первоначально *своимъ мужамъ*, членамъ дружины, потомъ родичамъ князьямъ, связаннымъ съ своимъ старшимъ братомъ, в. княземъ кровнымъ родствомъ, и наконецъ людямъ, служилымъ за ихъ храбрость, за пролитіе ими крови на войнѣ и впослѣдствіи за службу гражданскую». (Стр. 3—4).

Какъ можно было прилагать эти, къ сожалѣнію, слишкомъ «общія мысли» о постепенномъ развитіи какого-то непонятнаго «самостоятельнаго права собственности» къ исторіи русскаго права собственности, мы рѣшительно не понимаемъ; что онѣ никакъ не прикладываются—это очевидно. По мнѣнію автора, вся земля въ Россіи была собственностью князей и царей, которые раздавали ее во «временное владѣніе» своимъ приближеннымъ, родственникамъ или подданнымъ. Это мнѣніе не выдерживаетъ даже самой слабой критики. Во временное ли владѣніе отдавали князья до Ярослава (ибо ихъ, кажется, разумѣетъ авторъ подъ «военачальниками, предводителями дружины») своимъ «мужамъ» земли, или въ вѣчное и потомственное—

объ этомъ молчатъ источники; въ лѣтописи ни слова, ни намека въ пользу г. Лакіера. Далѣе: великимъ княземъ не всегда былъ старшій братъ; понятіе о старшинствѣ измѣнялось нѣсколько разъ, какъ уже доказалъ г. Соловьевъ; притомъ мы видимъ, что великій князь распоряжался владѣніями сообща съ другими, старшими же князьями, или на основаніи договора, «ряда» съ ними; потомъ: весьма рано князья начали домогаться вотчинъ — наслѣдія отцовъ, и владѣть ими потомственно, слѣдовательно не временно, и не на основаніи пожалованья; наконецъ, великіе князья и государи раздавали земли не только во временное владѣніе, но и въ вотчину, слѣдовательно въ наслѣдственную собственность. Очевидно, цѣль г. Лакіера доказать, что частной собственности въ древней Руси не было; что князья и государи были единственными собственниками, а всѣ прочіе — временными владѣльцами. Но изъ временной раздачи владѣній мужамъ — даже допустивши, что она точно была временная — этого не слѣдуетъ; такъ же мало изъ системы удѣловъ и помѣстій. Временное владѣніе и частная собственность могли существовать одно возлѣ другого. Не ввело ли автора въ заблужденіе, что князья и государи называли свои владѣнія вотчинами? Можетъ-быть. Но вотчины частныхъ лицъ, вотчины монастырей и церквей, издавна существовавшія въ древней Руси, могли бы, кажется, навести его на истинный смыслъ этого термина въ устахъ князей и царей. Безъ глубокихъ изслѣдованій ясно, что онѣ означали государственное, а не частное, гражданское обладаніе; только сначала по совершенному отсутствію, а въ послѣдствіи по неразвитости, неясности, государственныхъ понятій, они облекали эти понятія въ формы близкаго къ нимъ гражданскаго, частнаго быта, который у насъ, какъ и вездѣ, сперва былъ первообразомъ государственнаго и общественнаго устройства. Рѣшительнымъ доказательствомъ служитъ то, что они имѣли свои особенныя, лично имъ

принадлежавшія вотчины. Будь вся Россія княжеская или царская вотчина въ гражданскомъ, частномъ значеніи этого слова, имъ бы не для чего было отличать въ ней свои собственныя владѣнія. Притомъ, были же вотчины частныхъ людей и церкви; а по теоріи автора онѣ были невозможны. Намъ пожалуй возразятъ, что по бѣдности, неразвитости древней юридической терминологіи разныя вещныя права означались однимъ названіемъ? Но это несправедливо. Вѣдь нашлось же особенное названіе для помѣстій въ отличіе отъ вотчинъ?

Это одна сторона вопроса. Есть и другая. Чтобъ имѣть право такъ утвердительно говорить, что въ древней Руси не было частной собственности, а было только временное владѣніе, однихъ апріорныхъ и притомъ, какъ мы видѣли, весьма сбивчивыхъ и темныхъ выводовъ мало: нужны свидѣтельства, факты, которые бы ясно, несомнѣнно доказывали положеніе, или по крайней мѣрѣ дѣлали его весьма вѣроятнымъ, правдоподобнымъ. Но такихъ фактовъ авторъ не приводитъ; да ихъ и нѣтъ. Самыя древнія историческія извѣстія не застаютъ у насъ появленія собственности; а когда они впервые начинаютъ упоминать о ней, частная собственность уже существовала. Замѣтимъ, это упоминаніе относится къ весьма отдаленному времени; мы имѣемъ купчія частныхъ лицъ отъ XIV вѣка; а княжескія вотчины, независимыя отъ великокняжеской, существовали въ XIII, даже въ концѣ XII вѣка. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, авторъ неправъ, распространяя свое положеніе на всю древнюю Русь. Далѣе. О томъ, какъ образовалась у насъ частная собственность нѣтъ извѣстій: это пробѣлъ въ нашей исторіи. Не знаемъ, почему авторъ считаетъ себя вправѣ наполнить его гипотезой, не только ничѣмъ не доказанной, но по существу своему невѣроятной? Мы съ бóльшимъ правомъ утверждаемъ, напротивъ, что частная собственность была у насъ извѣка; и вотъ наши доказательства:

Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, не было народа безъ частной собственности. Она могла измѣняться и изъ собственности нравственныхъ лицъ стать собственностью индивидовъ, могла быть болѣе или менѣе опредѣлена, что всегда и вездѣ зависитъ отъ степени гражданственности; но чтобъ ея вовсе не было — это явленіе невозможное, потому что оно противорѣчитъ всей исторіи человѣческаго рода. Одинъ поверхностный взглядъ на внутренній бытъ древней Руси совершенно убѣждаетъ, что весьма долгое время, почти до XIII вѣка, вопросъ о поземельной собственности нисколько не занималъ нашихъ князей и владѣтелей. Варяги, покоривъ себѣ русско-славянскія и другія племена въ теперешней Россіи, обложили ихъ данью и водили съ собой на войну. Чтобъ они отдѣляли себѣ часть земли у покоренныхъ народовъ, какъ дѣлали Германцы — не видно. Они не пришли къ намъ съ мыслью о постоянномъ водвореніи, что ясно доказываютъ походы Олега и Святослава. Добыча, золото, а не земля, ихъ прельщали. Слѣдовательно, въ варяжскую эпоху земля не могла сдѣлаться собственностью князей. Они были властителями, господами надъ покоренными племенами, и потому господство ихъ имѣло личный, а не территоріяльный характеръ. Тоже самое было, пока родовыя, кровныя связи опредѣляли взаимныя отношенія князей, потомковъ Владиміра и Ярослава. Они старались удержать или возвратить себѣ мѣсто, степень, принадлежавшую имъ по старшинству и рожденію между другими князьями; владѣніе играло второстепенную роль. Оттого ни одинъ князь не владѣлъ постоянно одной областью; они переходили съ мѣста на мѣсто, добиваясь владѣнія, соотвѣтствовавшаго степени старшинства въ родовой іерархіи. Слѣдовательно, и здѣсь опять не территоріяльные вопросы стояли на первомъ планѣ, а личные. Правда, чѣмъ ближе къ XIII вѣку, тѣмъ территоріяльные интересы болѣе и болѣе начинаютъ преобладать надъ родовыми разсчета-

ми; послѣдніе становятся уже предлогами для пріобрѣтенія тѣхъ или другихъ владѣній. Но характеръ постояннаго, наслѣдственнаго господства надъ этими владѣніями, когда оно было пріобрѣтено и установилось, долго оставался тотъ же, чтò и прежде: онъ продолжалъ быть личнымъ, а не территоріяльнымъ, т. е. князья управляли жителями своихъ областей сами, или чрезъ приближенныхъ, брали съ нихъ дань, сбирали войско и т. д. Вопросъ о томъ, кто собственникъ всей земли: владѣтель или жители княжества, никогда не возникалъ и не могъ возникнуть. Князь называлъ свои владѣнія вотчиной, потому что былъ надъ ними наслѣдственный господинъ. Выводить изъ этого слова, что онъ считалъ себя собственникомъ всей земли по гражданскому праву, и что жители, по его понятію, сидѣли на этой землѣ только съ правомъ употребленія и пользованія — значитъ не понимать нашего древняго быта. Подобныя юридическія опредѣленія лежали внѣ условій тогдашней Руси, и она ихъ совершенно не понимала.

И вотъ мы пришли къ XIII вѣку. Съ этого времени вплоть до реформы Петра Великаго мы не находимъ ни одного памятника, ни одного свидѣтельства, даже намека не видимъ, чтобъ когда-нибудь, въ теченіи этихъ пяти вѣковъ, вся земля была объявлена собственностью государства, а жители — только ея временными владѣльцами. Напротивъ мы видимъ, что частная поземельная собственность существуетъ, называются вотчины; эти вотчины покупаются, завѣщеваются, отыскиваются искомъ, дѣлятся, мѣняются, обводятся межами. Чтò жь это? не частная собственность?

Это такъ въ періодъ времени, извѣстный намъ по несомнѣннымъ, оффиціяльнымъ даннымъ. А как было до того? Все населеніе нашихъ городовъ и селъ, возьмемъ хоть до XIII вѣка, чтò, оно не имѣло поземельной собственности? Мы видѣли, какъ смотрѣли князья на свои владѣнія. И при этомъ взглядѣ

не было такихъ же покупокъ, продажъ, мѣны, отдачи подъ залогъ земли? она не завѣщевалась, не дарилась, не отдавалось въ приданое? Нѣтъ, это совершенно невозможно! Скажи авторъ, что всѣ эти права, вытекающія изъ собственности, принадлежали не отдѣльнымъ физическимъ лицамъ, а родамъ и общинамъ, съ этимъ мы бы согласились; но отрицать ихъ совершенно для всего населенія и приписывать однимъ князьямъ—вотъ что̀ намъ кажется несбыточнымъ, и думаемъ, что мы не одни этого мнѣнія.

«По тройственному, образовавшемуся путемъ историческимъ, значенію русскаго государя, какъ дружинонаначальника, какъ родоначальника и наконецъ какъ государя-вотчинника всей Россіи намъ необходимо разсмотрѣть въ какой формѣ, съ какимъ содержаніемъ проявилось право частной собственности во время существованія каждаго изъ этихъ понятій о государѣ и обратить особенное вниманіе на тотъ періодъ времени, когда изъ понятія о вотчинѣ и дѣдичѣ всея Россіи вылилась идея государя, какъ главы Россіи, о томъ періодѣ, когда государь за службу на пользу отечества сталъ жаловать частнымъ лицамъ помѣстья и вотчины. (Стр. 4).

Въ какой формѣ, съ какимъ содержаніемъ проявилось право частной собственности въ древней Руси, трудно изслѣдовать автору, когда онъ за нѣсколько строкъ передъ тѣмъ такъ положительно утверждалъ, что ея не было, а было одно временное владѣніе.—Вотъ введеніе. Думаемъ, что читатели не найдутъ насъ слишкомъ взыскательными, если скажемъ, что мы вправѣ были надѣяться найдти въ немъ больше, чѣмъ нашли на дѣлѣ.

Затѣмъ г. Лакіеръ начинаетъ выполнять свою программу и проводить основную мысль. Для варяжской эпохи авторъ не приводитъ ни одного доказательства въ пользу той мысли, что съ водвореніемъ у насъ на Руси земля стала собственностью дружиноначальниковъ и дѣлилась между имъ и его приближенными; а между тѣмъ удивляется: «какъ до сихъ поръ многіе не хотятъ видѣть леннаго начала въ дружинной системѣ,

господствовавшей у насъ до временъ Ярослава I» (стр. 4). Въ заключеніе авторъ говоритъ: «До сихъ поръ (то есть до кончины Ярослава I) в. князь былъ обладателемъ всей земли, дружинники получали отъ него въ ленъ за услуги, ими государству (?) оказанныя, города; а частной собственности на движимыя имѣнія (вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать недвижимыя), на землю не видимъ» (стр. 17). И въ другомъ мѣстѣ: «Изъ всѣхъ изложенныхъ событій необходимо вывесть заключеніе, что ближайшіе къ в. князю дружинники, помогавшіе ему болѣе другихъ, за труды свои получали во владѣніе города, тогда какъ простые члены дружины были вознаграждаемы деньгами» (стр. 13).

У г. Лакіера странный способъ дѣлать заключенія. Лѣтописи и другіе источники говорятъ о Варягахъ, ихъ пришествіи въ Россію и ихъ дѣйствіяхъ; изъ того, что̀ мы знаемъ о послѣднихъ, видно, что варяжскіе князья облагали подвластныя племена данью, нѣкоторые города отдавали во владѣніе своимъ приближеннымъ, которые тоже сбирали съ нихъ дань, — другихъ сподвижниковъ вознаграждали деньгами или натурой. Авторъ разсуждаетъ такъ: тутъ вѣдь не упоминается о частной собственности, слѣдовательно ея не было. Онъ не принялъ въ разсчетъ, что лѣтописецъ имѣлъ въ виду не собственность, а Варяговъ, что онъ говоритъ только о нихъ, а не о туземцахъ-насельникахъ, которые можетъ-быть, и даже вѣроятно, имѣли же какую-нибудь собственность; что умолчаніе не есть отрицаніе, и это правило давно признано за аксіому всѣми изслѣдователями; что наконецъ, если этакъ разсуждать, то пожалуй можно вывести, что у Славянъ не было ни носовъ, ни ушей, ни пальцевъ, потому что, сколько помнится, объ этомъ тоже не говорится въ источникахъ.

Слѣдующія восемнадцать страницъ посвящены развитію для удѣльной эпохи и московскаго государства той же безплодной

и въ основаніи своемъ ложной мысли, что у насъ не было частной собственности; подробно, хотя и далеко не такъ отчетливо, какъ у г. Соловьева, здѣсь доказывается, что князья сначала владѣли Россіей сообща, потомъ стали наслѣдственными вотчинниками княжествъ; что въ особенности со временъ Іоанна IV Россія становится государствомъ. Все это такъ; но чтò жь слѣдуетъ изъ этого для частной собственности? По какому бы титулу ни владѣли князья — это государственное, а не частное владѣніе. Сначала государственное владѣніе имѣло характеръ и формы частнаго? Правда, но все же оно не идетъ нисколько къ дѣлу въ разсужденіи о частной, гражданской собственности. Мѣстами разсказъ автора перерывается замѣчаніями въ родѣ слѣдующихъ: «Великія княгини наши... владѣли землями, отчасти пріобрѣтенными куплею, отчасти полученными въ приданое. Имѣнія эти составляли неотъемлемую ихъ собственность, которою онѣ могли располагать по произволу» (стр. 23). Другими словами, доказывается, что была частная собственность, кромѣ велико-княжеской.

Или: «Пока государи московскіе были вотчинниками и дѣдичами Россіи, пока и удѣльные князья смотрѣли на свою волость, на свои удѣлы, какъ на свою неотъемлемую вотчину, право частной собственности существовать самостоятельно, и вполнѣ развиться не могло. Правители, руководясь различными христіанскими побужденіями, раздавали свои земли въ монастыри, и въ распряхъ своихъ, какъ увидимъ ниже, не разъ нарушали права частныхъ владѣльцевъ на ихъ земли» (стр. 30).

Изъ этихъ словъ уже ясно, что кромѣ велико-княжеской вотчины были еще вотчины другихъ князей, на которыя князья смотрѣли, «какъ на свою неотъемлемую вотчину». Стало быть г. Лакіеръ самъ отрицаетъ прежнее свое положеніе: «сперва военачальникъ, какъ предводитель дружины, потомъ родоначальникъ, наконецъ государь-вотчинникъ соединяли въ

себѣ, строго говоря, обладаніе всею землею Русскою и удѣляли ее во временное владѣніе первоначально своимъ мужамъ, членамъ дружины, потомъ родичамъ князьямъ, связаннымъ со своимъ старшимъ братомъ, в. княземъ кровнымъ родствомъ» (стр. 3). Изъ того, что владѣнія князей стали ихъ вотчинами, мы не видимъ, почему не могло существовать самостоятельно право частной собственности; а что оно нарушалось по поводу княжескихъ распрей, то отсюда ничего не слѣдуетъ; въ самомъ правильно-организованномъ общежитіи это бываетъ.

Коснувшись временъ Петра Великаго, авторъ указываетъ на многочисленныя регаліи, наложенныя имъ на частную недвижимую собственность, и потомъ прибавляетъ:

«Они стали регаліями, стали собственностію государственною и служили для достиженія государственныхъ цѣлей. Эти ограниченія не подавили частной собственности, онѣ служатъ только доказательствомъ, что въ періодъ времени, о которомъ мы говоримъ, право частной собственности не вполнѣ еще развилось».

Въ этихъ словахъ опять непослѣдовательность: нечего было подавлять частной собственности, когда ея не было. Почему регаліи служатъ доказательствомъ, что «право частной собственности не вполнѣ еще развилось», мы не понимаемъ; вездѣ и всегда собственность была въ этомъ смыслѣ не вполнѣ развитой и всегда будетъ; общежитіе, государственныя требованія налагаютъ на нее ограниченія, и степень развитія личности гражданской тутъ ровно ничего не значитъ. Вопросъ о регаліяхъ можно обсуждать съ точки зрѣнія финансовой, политико-экономической, государственнаго хозяйства: съ юридической онъ давно рѣшенъ окончательно и безъ аппелляціи.

«Преемники Петра I, отчасти по невыгодамъ для казны владѣть регаліями, отчасти по своему усмотрѣнію, мало-по-малу уничтожали одно ограниченіе собственности за другимъ... Вслѣдствіе просвѣщенія народа Петромъ I и его мудрыми преемниками, вслѣдствіе развитія чрезъ то личности гражданъ, дарованіе такихъ правъ было исторически необходимо». (Стр. 34).

Каждая новая строка невольно увеличиваетъ наше изумленіе. До Петра регаліи не лежали на собственности. Петръ Великій ихъ ввелъ; его преемники и окончательно императрица Екатерина опять ихъ сняли. Перемѣны эти очевидно были результатомъ различныхъ государственныхъ, административныхъ системъ. Но г. Лакіеръ видитъ въ этомъ слѣдствіе просвѣщенія и развитія личности гражданъ, точно какъ будто и то и другое идетъ зигзагомъ: до Петра просвѣщеніе и личность были развиты, потомъ при немъ упали, а послѣ него черезъ пятдесятъ лѣтъ опять развились. Непостижимо!

«Бѣглый взглядъ на исторію развитія у насъ государственнаго воззрѣнія на Россію, какъ вотчину и дѣдину государя, убѣждаетъ насъ въ справедливости мысли, высказанной прежде, а именно, что право полной частной собственности развилось у насъ поздно и могло развиться, какъ это было вездѣ, тогда только, когда гражданинъ созналъ свою личность при помощи средствъ, данныхъ ему правительствомъ, при помощи образованія. Изъ этого разумѣется нельзя выводить, что до императрицы Екатерины II не было у насъ права частной собственности на недвижимыя имѣнія: оно было, но въ маломъ объемѣ и образовалось главнымъ образомъ чрезъ пожалованіе государями частнымъ лицамъ во владѣніе земель или лично государевыхъ, или дворцовыхъ, или наконецъ государственныхъ, равно какъ чрезъ подтвержденіе правительствомъ правъ частныхъ людей, монастырей и духовенства на земли. Справедливость этого подтверждаетъ вся исторія помѣстій и вотчинъ; но прежде, чѣмъ перейдемъ къ ней, необходимо сдѣлать одно замѣчаніе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣлитъ систему изложенія нашего предмета: изъ сказаннаго должно бы заключить, что частное владѣніе предшествовало у насъ праву собственности, и что слѣдовательно исторія помѣстій должна быть изложена прежде исторіи вотчиннаго права. Не только внѣшнее удобство, но и существенная необходимость заставила насъ начать съ вотчиннаго права и перейдти къ помѣстному: въ числѣ вотчинъ занимаетъ первое мѣсто вотчина и дѣдина великаго князя, какъ государя, отъ котораго служилымъ людямъ давались во временное владѣніе опредѣленные участки, помѣстья, обращавшіяся при извѣстныхъ условіяхъ въ вотчины частныхъ лицъ. Самыми богатыми вотчинниками послѣ государя были церкви, монастыри и духовенство: они очень рано начинали получать недвижимыя имѣнія отъ благочестивыхъ русскихъ государей въ вотчину, постоянно получали ихъ отъ лицъ великокняжескаго рода, и только иногда, и то обыкновенно не въ большемъ объемѣ, отъ частныхъ лицъ» (Стр. 35—36).

И тутъ та же шаткость въ выводахъ, то же противорѣчіе въ словахъ. Прежде говорилось, что у насъ не было частной собственности, теперь авторъ беретъ это положеніе назадъ и не позволяетъ выводить изъ своихъ же прямыхъ словъ, что ея не было. Да это вѣдь не выводъ, а буквальное повтореніе того, что̀ утверждалъ самъ авторъ! Что̀ значитъ, что право частной собственности было въ маломъ объемѣ—не понимаемъ; такъ же не видимъ, почему оно «главнымъ образомъ образовалось чрезъ пожалованье». Гдѣ факты на все это? Мы видѣли, что «вотчина и дѣдина» государей не можетъ быть разсматриваема, какъ ихъ частная собственность, и слѣдовательно здѣсь вовсе не мѣсто говорить о ней, какъ справедливо замѣтилъ уже г. Погодинъ (Москвитянинъ 1848 № 6). Наконецъ, изъ какихъ источниковъ почерпнулъ авторъ, что главныя поземельныя церковныя владѣнія произошли отъ пожалованья князьями и государями, и только иногда, «и то обыкновенно не въ большомъ объемѣ, отъ частныхъ лицъ?» Мы просимъ привести хоть одно доказательство.

Остальная часть «разсужденія» дѣлится на три главы. Разсмотримъ ихъ по порядку.

Первая глава говоритъ о государевыхъ вотчинахъ. Такъ какъ предметъ ея не частная собственность лицъ княжескихъ семействъ и царскаго дома, а вотчина въ государственномъ значеніи этого слова, то она лишняя въ сочиненіи г. Лакіера. Но въ ней есть неправильности, которыя нельзя оставить безъ вниманія. Авторъ особенно подробно разсматриваетъ значеніе словъ вотчина и удѣлъ.

«Изъ духовныхъ завѣщаній в. князей московскихъ—говоритъ онъ—и договоровъ ихъ съ меньшею братьею видно, что вотчиною называлось великое княжество — Москва съ нѣкоторыми городами, переходившіе въ видѣ маіората постоянно отъ отца къ старшимъ сыновьямъ, прочіе же получали удѣлы; да и самъ в. князь вмѣстѣ съ вотчиною получалъ удѣлъ, т. е. имѣніе на свою долю—собственность, которую онъ по произволу дѣлилъ между своими дѣтьми,

давалъ во владѣніе, продавалъ частнымъ лицамъ и на которую онъ смотрѣлъ, какъ на свою личную принадлежность». (Стр. 39 и 40).

Стало-быть вотчина — великое княжество, удѣлъ—владѣніе прочихъ князей; удѣлъ могъ получить и великій князь, но не какъ великій князь, а какъ членъ княжескаго семейства. Вотъ мнѣніе автора. Но онъ неправъ. Вотчина и удѣлъ — два понятія, не исключающія другъ друга. Удѣлъ значитъ особенное, отдѣльное владѣніе князя, вотчина—наслѣдственное владѣніе. На этомъ основаніи могъ быть вотчинный удѣлъ, могла быть удѣльная вотчина. Г. Лакіеръ приводитъ много мѣстъ изъ оффиціяльныхъ документовъ XV и XVI вѣковъ, но ни одно не оправдываетъ высказаннаго имъ различія удѣла и вотчины. Не великое княжество, а велико-княжеское достоинство впервые названо отчиной въ завѣщаніи Дмитрія Донского. Это было явленіе весьма важное въ государственной исторіи древней Руси: Дмитрій первый сталъ смотрѣть на велико-княжескую корону, какъ на законное наслѣдіе московскаго княжескаго рода, тогда какъ прежде она зависѣла отъ усмотрѣнія хана. Вотъ единственный смыслъ выраженія: «а се благословляю сына своего князя Василія своею вотчиною великимъ княженіемъ». Въ такомъ же смыслѣ, то есть для означенія велико-княжескаго достоинства, употребляетъ это выраженіе Василій Темный. Всего убѣдительнѣе оно доказывается наконецъ словами митрополита Филиппа Новгородцамъ: «отъ тѣхъ мѣстъ и до сихъ мѣстъ они (русскіе великіе князья) есть государи христіаньстіи рустіи и ваши господа, отчичи и дѣдичи, а вы ихъ отчина изъ старины, мужи волныи». Новгородъ, какъ извѣстно, не былъ собственностью князей; даже велико-княжеская власть стала въ немъ переходить наслѣдственно не прежде усиленія московскихъ князей, и авторъ совершенно неправъ говоря, «что Новгородъ дѣйствительно былъ вотчиною великаго князя, маіоратомъ старшей линіи» (стр. 49); его

опровергаетъ списокъ князей, княжившихъ въ Новѣгородѣ. Такъ же неправъ авторъ, утверждая, что въ составъ великаго княжества, называвшагося будто бы вотчиной, входила «Москва съ нѣкоторыми городами, переходившими въ видѣ маіората постоянно отъ отца къ старшимъ сыновьямъ». Самъ г. Лакіеръ безпрестанно приводитъ изъ княжескихъ завѣщаній, что Москва дѣлилась между дѣтьми умершаго великаго князя; этого мало: части, доставшіяся каждому изъ нихъ, опять подраздѣлялись между наслѣдниками, совершенно какъ частное владѣніе. Только Іоаннъ III соединилъ всю Москву подъ свою власть; до него она не имѣла и тѣни маіората.

Столько же доказательствъ въ пользу той мысли, что удѣлъ былъ вотчиной, т. е. наслѣдственнымъ владѣніемъ князей. Даже Іоаннъ III предоставляетъ удѣлы меньшимъ своимъ сыновьямъ въ наслѣдственное владѣніе, и только въ томъ случаѣ, если у нихъ нѣтъ мужскаго потомства, велитъ отдать удѣлъ великому князю. Тоже самое доказываетъ «пожалованье князьямъ городовъ и областей въ удѣлъ и вотчину»; г. Лакіеръ подробно исчисляетъ случаи такого пожалованья (стр. 55 — 60) и приходитъ къ заключенію, что подъ удѣломъ и вотчиной, землями, отдаваемыми великимъ княземъ младшимъ въ замѣнъ ихъ владѣній, разумѣлись земли, по формѣ удѣльныя, а юридически принадлежавшія въ собственность великому князю; другими словами, что удѣлъ-вотчина давалъ владѣльцу его право на чужую вещь; напротивъ, вотчина-удѣлъ, которая давалась тоже младшимъ князьямъ въ замѣнъ ихъ владѣній, переходила въ ихъ собственность. (стр. 59). Но мы и здѣсь не можемъ согласиться съ авторомъ. Не говоримъ уже, что это различіе слишкомъ искуственно, и потому, въ примѣненіи къ древней Руси, весьма невѣроятно; мы не можемъ понять, почему бы, въ двухъ совершенно одинаковыхъ случаяхъ, а именно при обмѣнѣ велико-княжескихъ владѣній на княжескія, уста-

новлялись для князей разныя права? Всѣ толкованія мѣстъ изъ источниковъ, приведенныя авторомъ, или ничего не говорятъ въ его пользу, или говорятъ противъ него. Напримѣръ: удѣлъ вотчина, по мнѣнію г. Лакіера, означаетъ, что область, владѣемая княземъ, осталась собственностью великаго князя. Приведенное имъ мѣсто изъ договорной грамоты Василія Дмитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ опровергаетъ это мнѣніе. Тутъ встрѣчаются фразы: «отступился ему и дѣтямъ его (Владиміра) въ удѣлъ и въ вотчину». Стало-быть наслѣдственное владѣніе; «въ удѣлъ и въ вотчину далъ есмь имъ Козлескъ, какъ было за мною за великимъ княземъ». Стало-быть послѣдній передаетъ всѣ свои права («какъ было за мною»). Такихъ примѣромъ много. Что пожалованные въ обмѣнъ города отличаются въ актахъ отъ вотчинныхъ (стр. 56), это не доказываетъ ихъ юридическаго различія отъ другихъ владѣній удѣльныхъ князей. Извѣстно, что выслуженныя вотчины въ XVII вѣкѣ, получили характеръ родовыхъ; однако онѣ различаются. Различіе это основывается единственно на способѣ происхожденія или пріобрѣтенія, а не на различіи правъ на нихъ, какъ въ древнемъ счетѣ денегъ весьма часто сумма означалась монетами (столько-то рублей, столько-то алтынъ и денегъ), а не нумерической общей единицей. Всего болѣе, повидимому, говоритъ въ пользу г. Лакіера мѣсто изъ договоровъ Василья Васильевича съ Дмитріемъ Шемякой. Сначала великій князь даетъ ему въ удѣлъ и вотчину удѣлъ дяди своего, а потомъ, въ другомъ договорѣ Шемяка обязуется не искать подъ княземъ и его дѣтьми городовъ и волостей, которые онъ получилъ отъ него въ удѣлъ и въ вотчину, потому что они вотчина великаго князя. Но тутъ очевидно новый договоръ, уничтожающій прежній, на основаніи котораго владѣнія, отданныя Шемякѣ въ удѣлъ и вотчину, возвращаются снова къ великому князю. Что удѣлы пожалованные действи-

тельно были вотчинами, т. е. жаловались въ наслѣдственную собственность въ эту эпоху, видно изъ того, что эти удѣлы назывались вотчинами, и даже изъ нихъ князья отдавали земли въ монастырь, на правахъ полныхъ собственниковъ, а этого не могло бы быть, еслибъ великіе князья удерживали право собственности надъ пожалованными удѣлами-вотчинами. Ошибка автора, какъ намъ кажется, произошла оттого, что онъ, во первыхъ, придалъ значеніе перестановкѣ словъ: «вотчина и удѣлъ», «удѣлъ и вотчина», въ сущности безразличной; во вторыхъ, его ввело въ заблужденіе отношеніе московскихъ великихъ князей къ удѣльнымъ. Весьма естественно, что первые, почувствовавъ свою силу, начали изводить послѣднихъ. Флетчеръ въ замѣчательномъ сочиненіи своемъ о внутреннемъ состояніи Россіи говоритъ между прочимъ, что великіе князья прибѣгали къ обмѣну удѣловъ и областей удѣльныхъ князей изъ политическихъ видовъ; имъ нужно было удалить ихъ изъ ихъ наслѣдственныхъ владѣній, окружить другими людьми, чтобъ отнять всякое вліяніе и возможность дѣлать заговоры и измѣны. Вотъ весьма вѣроятное объясненіе всѣхъ перемѣщеній удѣльныхъ князей изъ области въ область. «Московская охранительная политическая система», «уваженіе» московскихъ государей «къ неприкосновенности удѣловъ», (стр. 55) — фантазіи автора, а не историческая дѣйствительность; правда, московскіе князья дѣйствовали обыкновенно очень осторожно и медленно достигали своей цѣли. Но причина не уваженіе къ удѣламъ, а частью сила обычая, котораго великіе князья долго не могли нарушить явно, отъ котораго они даже сами не вдругъ могли отстать, — частью сила удѣльныхъ князей, которыхъ опасно было возстановить противъ себя. Чѣмъ слабѣй становились князья, тѣмъ, разумѣется, болѣе и болѣе уравнивались они съ прочими велико-княжескими подданными, и тѣмъ повелительнѣе говорили съ ними московскіе государи.

Вотъ почему мы не можемъ согласиться съ авторомъ, что земли жаловались въ удѣлъ и вотчину въ награду за службу (стр. 61); частнымъ людямъ—такъ; князьямъ удѣльнымъ въ это время—едва ли. Пожалованье въ награду могло начаться только съ того времени, когда удѣльные князья совершенно утратили и тѣнь прежней независимости, а это сдѣлалось позднѣе. Мы не думаемъ также, чтобъ на однѣ земли, пожалованныя въ удѣлъ и вотчину, простиралось право великихъ князей отнимать ихъ за измѣну, за переходъ князя къ недругу Москвы (idem): этому равно подчинялось всякое имущество, безъ различія, пока конфискація существовала въ обычаяхъ и законахъ. Справедливо изъ всѣхъ разсужденій автора только то, что названіе удѣлъ, еще напоминавшее владѣльческія права удѣльныхъ князей, изчезло совершенно, когда послѣдніе окончательно низошли въ разрядъ подданныхъ, и что право дочерей этихъ князей наслѣдовать въ удѣльныхъ вотчинахъ обозначило переходъ этихъ вотчинъ изъ государственныхъ, политическихъ, въ частныя, гражданскія.

Остальныя страницы этой главы посвящены изслѣдованію о вотчинахъ княгинь, о черныхъ, посопныхъ и подклѣтныхъ селахъ. Вообще эти изслѣдованія удовлетворительнѣе предыдущихъ. Отмѣтимъ только нѣкоторыя неточности. На стр. 64 авторъ говоритъ: «Пожалованными такимъ образомъ землями (въ прожитокъ) княгиня распоряжалась какъ вотчинница». Это несправедливо. Прожиточныя вотчины давали только пожизненное пользованіе: владѣлица не могла ихъ отчуждать. Тамъ же, о прожиточныхъ помѣстьяхъ сказано, что княгиня имѣла право облагать жителей... «податьми». Право это принадлежало ей неисключительно, ибо изъ выноски, сдѣланной авторомъ, видно, что въ наложеніи податей принималъ участіе удѣльный князь, въ области котораго находилась прожиточная вотчина. Въ полное распоряженіе оставлялись княгинѣ

одни примыслы, т. е. благопріобрѣтенныя имѣнія (стр. 65).— Изслѣдованіе объ удѣльныхъ селахъ любопытно, но не довольно полно. Во первыхъ, авторъ выражается неточно, говоря, что подъ ними разумѣлось «имѣніе, принадлежавшее лицу въ полную собственность» (стр. 66). Сколько мы упомнимъ, удѣльныя села встрѣчаются всегда въ смыслѣ княжескихъ владѣній и должны, кажется, состоять въ тѣсной связи съ удѣлами, наслѣдственными владѣніями, которыя наконецъ измельчали до того, что утратили государственный характеръ и обратились совершенно въ частную, гражданскую собственность.

Вторая глава посвящена вотчинамъ монастырей, церквей и духовенства. И здѣсь авторъ отклонился отъ задачи и какъ бы растерялся въ разнообразіи и множествѣ фактовъ. Статьи объ управленіи церковными имѣніями, о приказахъ, завѣдывавшихъ духовенствомъ и его подданными, собственно не у мѣста въ изслѣдованіи о частной гражданской собственности. Съ другой стороны, въ исторіи секуляризаціи церковныхъ имѣній встрѣчаемъ важныя пропуски; такъ, напримѣръ, г. Лакіеръ совсѣмъ не говоритъ о томъ, что при Петрѣ Великомъ монастырскія имѣнія, отобранныя изъ духовнаго вѣдомства, снова были ему возвращены; причины секуляризаціи изслѣдованы чрезвычайно слабо. Несмотря однако на эти недостатки, вторая глава, вообще говоря, составлена довольно тщательно. Въ числѣ неправильностей мы замѣтили слѣдующія. На стр. 74 авторъ разрѣшаетъ вопросъ: имѣло ли духовенство право владѣть недвижимыми имѣніями? Къ сожалѣнію, онъ изслѣдуетъ его поверхностно, а между тѣмъ этотъ вопросъ, безспорно, одинъ изъ важнѣйшихъ въ нашей церковной исторіи. Въ XIV вѣкѣ, онъ былъ поднятъ съ большой силой въ Новѣгородѣ и Псковѣ, а съ XVI сталъ предметомъ обсужденій и въ Московскомъ государствѣ. Въ 1-мъ примѣчаніи, г. Лакіеръ го-

воритъ, что «на основаніи Кормчей именно книги отдавали русскіе свои имѣнія въ монастыри» и приводитъ въ доказательство мѣсто изъ одного церковнаго устава: «уставъ, бывши прежде насъ въ Руси отъ прадѣдъ и дѣдъ нашихъ имати пискупомъ десятину отъ даній и отъ виръ и отъ родажъ, что входитъ въ княжь дворъ всего». Но изъ этой ссылки видно только, что церкви уступалась извѣстная часть доходовъ, а не имѣнія; что это дѣлали князья, на обязанности которыхъ съ самаго начала лежало обезпеченіе церкви и ея служителей, когда она еще не имѣла своего имущества; притомъ замѣтимъ, что такъ называемыя русскія статьи, т. е. составленныя въ Россіи, къ которымъ относится и упомянутый уставъ, встрѣчаются, какъ извѣстно, не во всѣхъ кормчихъ, а только въ одной фамиліи или разрядѣ ихъ, и что онъ—постановленіе свѣтское, а не церковное. По всѣмъ этимъ причинамъ мы думаемъ, что выводъ г. Лакіера слишкомъ смѣлъ. Да и 41-е правило Апостоловъ, гораздо рѣшительнѣе подтверждающее право церкви на владѣніе имѣніемъ, подлежитъ разнымъ толкованіямъ.— На стр. 75 г. Лакіеръ говоритъ, что десятина давалась церквамъ изъ государственныхъ доходовъ, а въ лѣтописи вездѣ читаемъ, что князь давалъ изъ имѣнія своего урокъ, или десятину отъ всего своего имѣнія: между тѣмъ и другимъ есть разница. — На стр. 76 авторъ объясняетъ поводъ изданія устава о десятинѣ Софійской Новгородской церкви тѣмъ «что самому правительству было нужно то, что составляло десятину», и что вслѣдствіе этого князь узаконилъ получать церкви вмѣсто десятины онежскую дань, сто гривенъ съ другими доходами, а недостающее до 100 гривенъ обязался доплачивать самъ. Переводъ этотъ слишкомъ произволенъ и не совсѣмъ удаченъ. Въ подлинникѣ читаемъ: «а здѣ въ Новѣгородѣ, что есть десятина отъ дани обрѣтохъ уряжено преже мене бывшими князи толико отъ виръ и продажъ десятины

зьрѣлъ, олико даній въ руцѣ княжіи въ клѣть его. Нужа же бяше пискупу, нужа же князю въ томъ, и десятой части Божіи. Того дѣля уставилъ есмь Св. Софіи, ать емлетъ пискупъ за десятину отъ виръ и продажъ сто гривенъ новыхъ кунъ, иже выдаваетъ Домажиричь изъ Онѣга; аче не будетъ сполна... дополнокъ возметъ 20 гривенъ у князя исъ клѣти». Мѣсто это темно; можетъ-быть окончательное его объясненіе возможно только съ открытіемъ новаго списка этого десятиннаго устава. Изъ того, который мы имѣемъ, видно, что «десятина отъ даній» различалась отъ «десятины отъ виръ и продажъ»; кажется, что десятина, опредѣленная первоначально съ дани, переведена потомъ на виры и продажи, и переведена такъ, что она взималась съ виръ и продажъ въ количествѣ, соотвѣтствовавшемъ дани, а не вирамъ и продажамъ. Почему и для чего перенесена такимъ образомъ десятина, не сказано. Изъ лѣтописей мы знаемъ, что послѣднія шли на вооруженіе войска («то на оружьи и на конихъ буди»); такимъ образомъ это перенесеніе десятины было неудобно и для церкви и для князя; для князя потому, что ему должно было дополнять недостающее въ доходы отъ виръ и продажъ изъ другихъ источниковъ, для епископа — потому что величина десятины опредѣлялась не вирами и продажами, а данью. Въ отдѣленіи десятины произошли запутанность, сложность, и это, по нашему мнѣнію, хотѣлъ князь выразить словами: «нужа же бяше пискупу, нужа же князю въ томъ, въ десятой части Божіи». Нужа никогда не употребляется въ смыслѣ нужно, какъ переводитъ г. Лакіеръ, и притомъ, если «правительству,—какъ говоритъ авторъ,—«было нужно то, что составляло десятину», то вѣдь этому пособить можно было однимъ отнятіемъ десятины; а князь этого не сдѣлалъ. Чтобъ упростить отдѣленіе десятины въ пользу церкви, онъ обратилъ ее въ опредѣленный, постоянный доходъ—сто гривенъ кунами, которыя выдавались

изъ Онѣги; недостающее, однако не болѣе 20 гривенъ, дополнялось изъ княжеской казны. Такъ мы понимаемъ это мѣсто. Можетъ-быть мы и ошибаемся; во всякомъ случаѣ наше толкованіе имѣетъ за себя больше вѣроятій, чѣмъ переводъ г. Лакіера.

На стр. 77 авторъ говоритъ, что десятинной церкви въ Кіевѣ принадлежали цѣлые города, и основывается на словахъ лѣтописи, что Владиміръ обѣщалъ давать этой церкви отъ градъ своихъ десятую часть, и что Полоный назывался «десятиннымъ городомъ Святой Богородицы». Намъ кажутся эти доводы недостаточными. Подъ выраженіемъ «отъ градъ своихъ десятую часть» едва ли можно разумѣть, что князь уступилъ церкви десятую часть своихъ городовъ. Если это и возможно, то изъ приведеннаго мѣста выводить нельзя. Какъ князь уступилъ церкви десятину отъ даней, виръ, продажъ, такъ же могъ онъ уступить десятину изъ доходовъ отъ городовъ, ему принадлежащихъ. Названіе «десятинный городъ» тоже подвержено различному толкованію. Князь могъ уступить церкви всѣ доходы десятаго изъ своихъ городовъ, вмѣсто того, чтобъ отдавать ей десятую часть изъ доходовъ каждаго города; подъ десятиннымъ городомъ, далѣе, могъ лѣтописецъ разумѣть городъ, платившій церкви десятину, въ отличіе отъ другихъ. неплатившихъ ничего церкви. Это потому возможно, что князь отдавалъ десятую часть отъ своихъ городовъ, слѣдовательно принадлежавшихъ ему, въ отдѣльное владѣніе. Дѣлая эти возраженія г. Лакіеру, мы вовсе не хотимъ непремѣнно утверждать противное его мнѣнію; можетъ-быть его объясненіе и лучше тѣхъ, которыя мы предложили. Пріискивая возможность другого толкованія, мы хотимъ только доказать, что онъ недовольно остороженъ въ своихъ заключеніяхъ, и что мѣстъ, приведенныхъ имъ изъ источниковъ, мало для произнесенія окончательнаго отвѣта на вопросы столько важные, какъ, напри-

мѣръ, вопросъ о томъ, имѣла ли церковь въ XII вѣкѣ право собственности на города, или не имѣла? Отвѣтъ приблизительный, около, по догадкамъ и вѣроятіямъ, еще не даетъ права говорить, аподиктически. — На той же стр. прим. 12, въ жалованной грамотѣ Мстислава Юрьеву монастырю слово боуйцѣ г. Лакіеръ переводитъ: покровителю военныхъ, но не объясняетъ и не показываетъ, гдѣ встрѣчалъ онъ это слово съ такимъ значеніемъ, и не опровергаетъ довольно общепринятаго мнѣнія, по которому подъ боуйцѣ разумѣютъ названіе села, пожалованнаго княземъ Юрьеву монастырю. Оттого ему кажется, что въ печатной грамотѣ есть пропускъ.—На стр. 78 авторъ такъ же рѣшительно, хотя и такъ же неосновательно, утверждаетъ, что «съ того времени, какъ Россія стала вотчиною и дѣдиною великокняжескаго рода, ни одно лице, къ нему принадлежавшее, не умирало безъ завѣщанія, въ которомъ бы не было какого-нибудь отказа въ пользу церкви», и т. д. Легко это сказать, но доказать — просто невозможно. Притомъ фраза сбивчива: если авторъ думалъ этимъ выразить, что не было завѣщанія безъ такого распоряженія—онъ можетъ-быть правъ: за него всѣ вѣроятія; но если принять его слова буквально, что ни одинъ членъ великокняжескаго семейства не умиралъ безъ завѣщанія—это очевидно не правда.

Почти каждая страница представляетъ подобныя недоказанныя положенія. На стр. 80 и 81 читаемъ: «по мѣрѣ того, какъ развивалось у насъ понятіе о государствѣ, уменьшалось и количество земель, отдаваемыхъ государями въ монастыри, и частные люди, которые, по ограниченному у насъ въ древности праву собственности, не могли никогда давать въ монастыри большія имѣнія, стали также переставать жертвовать частью своего достоянія на номинокъ души». Нужна большая рѣшительность, чтобъ такъ положительно говоритъ о фактахъ

неизвѣстныхъ, и притомъ такой важности. Уменьшеніе или увеличеніе церковныхъ вкладовъ есть характеристическая черта не только въ исторіи церковныхъ вотчинъ, но въ исторіи русской цивилизаціи. Отъ разнаго рѣшенія этого вопроса взглядъ на нее совершенно измѣняется. Авторъ знаетъ, что множество документовъ, которые могли бы имѣть въ этомъ дѣлѣ окончательный голосъ, изчезли безвозвратно; изъ существующихъ обнародована по объему самая незначительная часть. Да что мы говоримъ? Кто не знаетъ, какое огромное количество однѣхъ жалованныхъ грамотъ монастырямъ еще не напечатано; а вѣдь онѣ еще не самый богатый источникъ для изученія постепеннаго увеличенія церковныхъ имѣній. Гдѣжь пользовался авторъ статистическими данными, которыя одни могутъ рѣшить вопросъ. Да наконецъ онъ и самъ себѣ противорѣчитъ, ибо на стр. 98 мы читаемъ у него, слѣдующее: «нѣтъ почти ни одного завѣщанія, въ которомъ бы не отказывались земли въ пользу церкви, такъ что если не оставалось завѣщанія, предполагалось, что умирающій, если бы успѣлъ распорядиться о своемъ имѣніи, не забылъ бы церкви». И это совершенно справедливо. Ограниченное право собственности частныхъ людей въ древней Руси— еслибъ оно и дѣйствительно было ограничено — не свидѣтельствуетъ нисколько о величинѣ имѣній, отказываемыхъ церкви. Право на имѣніе могло быть ограничено, а количество ихъ велико; одно нисколько не зависитъ отъ другого и съ нимъ не связано. — Далѣе, на стр. 82, г. Лакіеръ упоминаетъ о какихъ-то будто бы имъ упомянутыхъ стѣсненіяхъ свободной отдачи земель въ монастыри еще до Іоанна III; мы не видали и не знаемъ этихъ стѣсненій.

Начиная съ 82 стр. авторъ подробно излагаетъ исторію секуляризаціи церковныхъ имѣній. Мы уже высказали выше свое мнѣніе объ этой части разсужденія; кромѣ нѣкоторыхъ про-

цусковъ, она особенно потому неудовлетворительна, что очень поверхностно излагаетъ причины секуляризаціи: почти на каждой страницѣ находимъ новыя, не сведенныя и не обслѣдованныя критически; оттого вѣроятныя и невозможныя причины пестро перемѣшаны, и изчисляются въ хронологическомъ порядкѣ.

Авторъ, вѣроятно увлекшись разсказомъ, какъ-будто забылъ, къ чему клонились мѣры правительства въ отношеніи къ церковнымъ вотчинамъ, потерялъ нить административнаго переворота, приготовлявшагося исподоволь слишкомъ двѣсти пятдесятъ лѣтъ, — потерялъ до того, что на стр. 94 говоритъ: «окончаніе реформы, начатой Петромъ Великимъ на счетъ отвода къ монастырямъ узаконеннаго количества земли и угодій, произошло при императрицѣ Екатеринѣ II». Кажется, не для чего напоминать, что реформа Петра Великаго, оконченная Екатериной II, вовсе не состояла въ отводѣ монастырямъ узаконеннаго (?) количества земли и угодій, а въ обращеніи монастырскихъ и церковныхъ имѣній изъ духовнаго вѣдомства въ свѣтское, такъ что результатомъ реформы было уничтоженіе права собственности церкви на церковныя вотчины; церковь была послѣ того, надѣлена землями и угодьями отъ государства, но уже безъ права собственности; самое пріобрѣтеніе вновь земель запрещено церкви, исключая особенныхъ случаевъ, въ которыхъ на такое пріобрѣтеніе стало необходимо соизволеніе верховной власти. — На стр. 99 г. Лакіеръ объясняетъ обращеніе на выкупъ плѣнныхъ денегъ, отданныхъ въ монастыри «по душѣ» безпотомно умершихъ, тѣмъ, «что проповѣдникъ долженъ жить отъ своей проповѣди». Но это объясненіе вовсе невѣроятно. Не надобно забывать, что это постановленіе состоялось очень не задолго до Петра, когда секуляризація церковныхъ имуществъ уже успѣла сдѣлать значительные успѣхи.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя неточности въ этой главѣ. Жалованная данная грамота, по мнѣнію автора, тоже, что̀ теперь указъ о вводѣ во владѣніе (стр. 112); это несправедливо. Послѣднему въ древней юридической практикѣ соотвѣтствовали послушная и ввозная грамоты. — «Первыя два присутственныя мѣста (патріаршій дворъ и патріаршій приказъ) завѣдывали судомъ надъ жителями домовыхъ патріаршихъ имѣній» (стр. 113). Въ ссылкахъ, приведеннымъ авторомъ, о патріаршемъ приказѣ ни слова. «Онѣ (патріаршія вотчины) вмѣстѣ съ архіерейскими и монастырскими недвижимыми имѣніями подчинены первоначально Духовной Коллегіи, а потомъ Св. Синоду» (стр. 115). Также различены Духовная Коллегія и Синодъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 126). Сколько мы знаемъ, Духовная Коллегія и Синодъ — одно и тоже учрежденіе. О подсудности монастырей Приказу Большого Дворца сказано (стр. 123, примѣч. 187): «Явленіе это вполнѣ объясняется тѣмъ, что какъ дворецкій былъ собственно чиновникъ при государѣ, такъ и образовавшійся изъ него Приказъ Большого дворца, завѣдывавшій доходами съ имѣній государевыхъ, постоянно находился при немъ. Государь слѣдовательно самъ могъ слѣдить постоянно за его распоряженіями». Съ этимъ мы не можемъ вполнѣ согласиться. Дворцовый приказъ не потому завѣдывалъ монастырскими дѣлами, что находился всегда при царѣ, который могъ такимъ образомъ слѣдить за его распоряженіями; причина гораздо проще: Приказъ Большого Дворца разросся изъ должности дворецкихъ, которымъ князья сначала дѣйствительно поручали завѣдываніе монастырями, какъ ближайшимъ своимъ слугамъ. Сперва монастыри судилъ и вѣдалъ самъ князь; это было важной привиллегіей; въ немъ монастыри находили защиту и опору противъ произвола кормленщиковъ и ихъ слугъ. А когда кругъ дѣятельности князей расширился, занятія ихъ стали многосложнѣе, они удѣляли часть дѣлъ,

находившихся въ ихъ непосредственномъ завѣдываніи, приближеннымъ и довѣреннымъ лицамъ. Монастыри отданы дворецкимъ. Такъ они и остались за ними, и когда, по многосложности занятій дворецкихъ, появились Дворцовые приказы—за Дворцовыми приказами. Понятно, что первоначальное значеніе этой привиллегіи монастырей— судиться непосредственно самимъ княземъ, или «кому онъ укажетъ» — должно было значительно измѣниться, отчасти утратиться. Но все-таки монастырямъ была выгодна подвѣдомственность одному учрежденію, а не нѣсколькимъ, тѣмъ болѣе воеводамъ, смѣнявшимся довольно часто. Въ древней Руси, при недостаткѣ правильной администраціи и проистекавшей отсюда необходимости задабривать судью,— отчего и непонятная въ наше время пословица: небойся суда, бойся судьи,—было дѣломъ чрезвычайно важнымъ, сколько правителей, и кто именно правитъ. Имѣть одного и постояннаго было гораздо выгоднѣе, чѣмъ нѣсколькихъ и часто смѣнявшихся. Возвращаясь къ вопросу, мы замѣтимъ, что завѣдываніе Дворцовымъ приказомъ монастырей зависѣло не отъ сопутствованія этого приказа государю, а оттого, что они находились первоначально въ вѣдомствѣ дворецкихъ.

Перейдемъ теперь къ послѣдней, третьей главѣ: о вотчинахъ частныхъ лицъ и помѣстьяхъ. Эта часть разсужденія г. Лакіера имѣетъ тѣже достоинства, какъ и прежнія, но недостатки ея гораздо значительнѣе и рѣзче. Частныя вотчины и помѣстья составляютъ главную задачу изслѣдованій автора; но именно она-то разрѣшена всего неудовлетворительнѣе. И ошибокъ встрѣчаемъ здѣсь несравненно болѣе. Очевидно, авторъ приступилъ къ дѣлу не опредѣливши напередъ главныхъ вопросовъ, не установивъ и не выяснивъ путеводныхъ точекъ, которыя служили бы ему руководствомъ при изложеніи предмета и дали бы его изысканіямъ цѣлость и единство. Положенія величайшей важности схвачены какъ-будто налету, случай-

но, и такъ и представлены; частое противорѣчіе факта съ теоріей—вѣрное доказательство, что или фактъ ошибочно понятъ, или теорія невѣрна. Всюду видны поверхностное изученіе, небрежность, едва понятныя, въ такомъ важномъ предметѣ.

Правъ полной собственности, принадлежавшихъ въ древней Россіи исключительно государю и церкви надъ ихъ землями, не имѣли частныя лица надъ своими вотчинами и помѣстьями. Кромѣ государственнаго характера, преобладавшаго у насъ въ древней частной собственности, полному развитію ея мѣшалъ родовый элементъ, возникшій первоначально изъ духа народнаго и образованія государства чрезъ нарожденіе, и поддерживаемый въ послѣдствіи, особенно со времени Петра В., для государственныхъ цѣлей. Справедливость сказаннаго докажетъ намъ изложеніе способовъ пріобрѣтенія частной собственности, въ древней Россіи, перехода имѣній отъ одного лица къ другому и наконецъ прекращенія права собственности. При этомъ необходимо различать два оттѣнка: вотчины и помѣстья, изъ которыхъ вторыя до 1714 года отличались отъ первыхъ своимъ исключительно государственнымъ, служебнымъ характеромъ, и отсутствіемъ въ нихъ вслѣдствіе сего родовой стихіи, пока помѣстья не слились въ 1714 году съ вотчинами, подъ именемъ недвижимыхъ имѣній. Измѣнилось названіе, но собственность частныхъ лицъ была обременена различными регаліями, необходимыми для государственныхъ цѣлей, пока наконецъ эти ограниченія не сняты съ частныхъ имѣній при императрицѣ Екатеринѣ II. (Стр. 131 и 132).

Нѣкоторыя изъ этихъ совершенно ошибочныхъ и ложныхъ общихъ положеній о частной собственности въ древней Руси мы уже разбирали, и потому не станемъ долго надъ ними останавливаться. Очевидно здѣсь, какъ и прежде, авторъ перемѣшалъ собственность отдѣльнаго лица съ собственностью рода, и потому, что не было первой, отрицаетъ у насъ существованіе полной частной собственности вообще. Но къ этой главной, основной ошибкѣ присоединились еще множество другихъ, совершенно для насъ непонятныхъ. На какомъ основаніи авторъ упоминаетъ вмѣстѣ, не раздѣляя, о помѣстьяхъ и вотчинахъ, и называетъ ихъ оттѣнками одного и того же права? Откуда взялъ г. Лакіеръ, что родовой элементъ въ собственности былъ поддерживаемъ, особенно со времени Петра Вели-

каго, для какихъ-то государственныхъ цѣлей? Гдѣ онъ видитъ въ помѣстной системѣ отсутствіе родовой стихіи, или, правильнѣе сказать, какъ онъ не замѣтилъ ея въ помѣстной системѣ? Все это слишкомъ ясно показываетъ, какъ обдуманно приступилъ авторъ къ дѣлу. А между тѣмъ, что̀ такое помѣстья, чѣмъ различаются они отъ вотчинъ, какъ помѣстья мало-по-малу воспринимали въ себя начала собственности и съ тѣмъ вмѣстѣ родовой элементъ, какъ собственность постепенно выработывалась у насъ изъ родового начала, особенно со времени реформы, — все это азбука въ исторіи помѣстной и вотчинной системы. О сбивчивыхъ понятіяхъ автора о полномъ правѣ собственности нечего и говорить. Опредѣливши право собственности «какъ понятіе отвлеченное въ самомъ себѣ и безграничное въ исполненіи, въ той мѣрѣ, въ какой это дозволяютъ правила религіи, образъ правленія и вообще государственное устройство», г. Лакіеръ показалъ свое неискусство обходиться съ теоретическими вопросами.

Чтобы отстоять свою основную мысль, будто бы частные люди не имѣли у насъ полныхъ правъ собственности, авторъ долженъ былъ, логически, впасть въ другую, не менѣе важную ошибку. «Частная собственность»—читаемъ мы на 132 страницѣ — «вытекла изъ Государевой. Древнѣйшіе по этому способы пріобрѣтенія частными людьми вотчинъ истекали изъ воли Монарха». Еслибъ онъ сказалъ, что способы пріобрѣтенія собственности опредѣляются и устанавливаются положительнымъ законодательствомъ, и безъ его признанія недѣйствительны, это было бы несомнѣнно такъ. Но и тутъ замѣтимъ, что утвержденіе правительствомъ способовъ пріобрѣтенія появляется не прежде появленія самого законодательства, слѣдовательно обыкновенно довольно поздно. Но утверждать, что вотчины исторически произошли у насъ вслѣдствіе пожалованья или уступки ихъ частнымъ лицамъ со стороны князей, значитъ

просто не знать исторіи русскаго законодательства. Роды, общины, городскія и сельскія, съ незапамятныхъ временъ и гораздо прежде призванія князей жившіе на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, владѣли ими на вотчинномъ правѣ; завладѣніе и заселеніе пустопорожней земли еще въ XVIII вѣкѣ давало право собственности. Повторимъ, что государь былъ обладателемъ всей Россіи въ государственномъ, а не частномъ смыслѣ слова, и всѣ повинности и регаліи, лежавшія съ Петра Великаго до Екатерины II на частной собственности, доказываютъ только зависимость ея отъ государства—явленіе весьма естественное, общее всѣмъ законодательствамъ, а не ея отсутствіе. Въ числѣ способовъ пріобрѣтенія собственности первымъ названа продажа князьями земель боярамъ. Не доказываетъ ли одно это, что бояре уже имѣли частную собственность? Не будь этого, какъ бы они могли покупать ее у князей? Правда, эта собственность нерѣдко нарушалась; но это зависѣло всегда отъ государственныхъ причинъ, отъ отношеній князей по удѣламъ, слѣдовательно противъ существованія частной собственности не свидѣтельствуетъ нисколько. Авторъ говоритъ: «иногда великіе князья, именно вслѣдствіе преобладавшаго тогда начала, распредѣляя въ духовномъ завѣщаніи свои владѣнія, отдавали своему потомству пожалованныя и проданныя частнымъ лицамъ земли» (стр. 132). Въ подтвержденіе своей мысли онъ приводитъ мѣсто изъ завѣщанія Василія Темнаго: «а кому буду давалъ своимъ княземъ и боярамъ и дѣтемъ боярскимъ свои села въ жалованье или хотя и въ куплю кому далъ; ино то мои села моимъ дѣтямъ, во чьемъ удѣлѣ будетъ, ино тому то и есть». Конечно можетъ быть, что эти пожалованныя и проданныя вотчины дѣйствительно были отобраны у ихъ владѣльцевъ и стали собственностью княжескаго дома. Будь и такъ — это бы еще ничего не доказывало противъ существованія права собственности въ древней Россіи. Но сверхъ того, намъ ка-

жется, что это мѣсто можетъ быть и иначе объяснено. Отдача боярскихъ и другихъ владѣльческихъ земель князьямъ по удѣламъ имѣла, какъ намъ кажется, только государственное, а не гражданское, частное значеніе. Изъ договоровъ и завѣщаній князей московской эпохи видно, что бояре и слуги могли имѣть вотчины въ одномъ удѣлѣ, а служить въ другомъ; иногда, напротивъ, мѣсто владѣнія опредѣляло и службу, такъ что, переходя къ другому князю, владѣлецъ лишался своей собственности. Бывало также, что вотчины бояръ и слугъ одного князя, находившіяся въ удѣлахъ другихъ князей, считались, по ихъ владѣльцамъ, принадлежащими къ удѣлу перваго, и наоборотъ, вся территорія удѣла безъ изъятія могла находиться въ нераздѣльномъ государственномъ обладаніи мѣстнаго князя. Не разумѣетъ ли завѣщаніе Василія Темнаго отдачу купленныхъ и пожалованныхъ владѣній удѣльному князю въ этомъ послѣднемъ, а не въ гражданскомъ значеніи? Не смѣемъ утверждать навѣрное, что такъ было, но думаемъ, что это не только возможно, но даже весьма вѣроятно; ибо, повторяемъ, мы видимъ и знаемъ частную собственность въ древней Руси и не можемъ представить себѣ времени, когда ея не было.

Говоря о давности, какъ способѣ пріобрѣтенія вотчинъ, авторъ дѣлаетъ три ошибки: во первыхъ, онъ причисляетъ давность къ способамъ пріобрѣтенія, «истекавшимъ изъ воли монарха». Во вторыхъ, по его мнѣнію, «давность у насъ въ первоначальномъ своемъ состояніи имѣла главнымъ образомъ въ виду наказать владѣльца за его небрежность, за то, что онъ допустилъ постороннее лице провладѣть извѣстное число лѣтъ его имѣніемъ, не оспаривая этого законнымъ порядкомъ» (стр. 137). Но у насъ не только въ древности, даже въ XVIII вѣкѣ, когда гражданственность была сравнительно развита гораздо больше, поводомъ къ установленію давности служило желаніе правительства по возможности

уменьшить число исковъ, уничтожить безконечные и слишкомъ запутанные процессы, раззорительные для тяжущихся, обременительные для судовъ. Тѣмъ болѣе такъ было въ болѣе отдаленныя времена. Прибавимъ къ этому, что право собственности, которое всегда и вездѣ проистекаетъ изъ владѣнія, во всѣхъ законодательствахъ очень долго сохраняетъ на себѣ живые слѣды своего историческаго прототипа, и постоянное владѣніе необходимо, чтобъ право собственности могло сохраниться. Прервалось владѣніе — прерывается вскорѣ и право собственности. Оттого такой ограниченный срокъ для поземельной давности въ нашихъ судебникахъ. Только съ значительными успѣхами гражданственности право становится самостоятельнѣе, такъ сказать независимѣе отъ факта, и срокъ давности увеличивается. Въ третьихъ, г. Лакіеръ утверждаетъ, что «срокъ для истеченія давности былъ продолжительнѣе по отношенію къ недвижимымъ имѣніямъ, которыми владѣлецъ, особенно при большомъ ихъ количествѣ, не могъ или не имѣлъ нужды пользоваться часто, и кратче въ дѣлахъ объ имѣніи движимомъ и по обязательствамъ» (стр. 137). Этому противорѣчитъ однако самымъ положительнымъ образомъ наше законодательство: для земли была трехлѣтняя давность, для денежныхъ исковъ по заемнымъ актамъ — пятнадцатилѣтняя. Авторъ, можетъ-быть, имѣлъ въ виду 40-лѣтнюю давность, погашавшую право выкупа родовыхъ имѣній; но вѣдь это не была давность поземельная, а чисто личная, которая свидѣтельствовала только о силѣ кровныхъ отношеній и связей, признаваемыхъ и освященныхъ законодательствомъ.

Въ изслѣдованіи одного изъ весьма важныхъ вопросовъ древняго русскаго законодательства: имѣли ли крестьяне право пріобрѣтать въ собственность землю? г. Лакіеръ дѣлаетъ тоже нѣсколько ошибокъ. Онъ думаетъ, что съ прикрѣпленіемъ ихъ къ землѣ это право необходимо изчезло; но съ этимъ

нельзя согласиться. Прикрѣпленіе приготовило уничтоженіе гражданскихъ правъ для одной только части крестьянскаго сословія; для другой они не прекращались, и въ XVIII вѣкѣ только подтверждены закономъ. Ошибка эта оттого произошла, что авторъ думаетъ, будто крестьяне «прикрѣплены къ землѣ наравнѣ съ холопами и дворовыми людьми». Какъ онъ пришелъ къ этому результату — не знаемъ; ибо всѣ источники единогласно свидѣтельствуютъ, что холопы и дворовые люди составляли личную собственность господъ, но не были прикрѣплены къ землѣ до первой ревизіи и не имѣли никакихъ гражданскихъ правъ; напротивъ, крестьяне и послѣ прикрѣпленія долго сохраняли гражданскія права, а жившіе на казенныхъ земляхъ никогда ихъ и не утрачивали. Но самая важная ошибка г. Лакіера состоитъ въ томъ, что, говоря о правѣ крестьянъ имѣть поземельную собственность, онъ не обратилъ никакого вниманія на владѣніе землею общинъ и городовъ. Какъ собственность родовая рѣшительно преобладала у насъ въ старину надъ собственностью отдѣльныхъ лицъ, такъ точно право крестьянъ на поземельную собственность, которымъ рѣдко пользовались отдѣльныя ихъ семьи и лица, весьма опредѣленно и ясно выражалось въ поземельной собственности городскихъ и сельскихъ общинъ. Это авторъ совершенно опустилъ изъ виду. А отчего? Оттого, что онъ перемѣшалъ гражданскую поземельную собственность съ государственнымъ обладаніемъ территоріи. По его мнѣнію, московскіе государи имѣли право гражданской собственности на всю землю внутри предѣловъ Московскаго государства; для собственности частныхъ лицъ не оставалось уже мѣста, и потому онъ вычеркнулъ ее изъ древней Руси. Естественно, что и общины представились ему тоже сидящими на государевой землѣ, съ правомъ владѣнія и пользованія. Но такъ ли было на самомъ дѣлѣ? Не говоря уже о свидѣтельствѣ древнихъ актовъ и за-

конодательныхъ памятниковъ, изъ которыхъ несомнѣнно видно, что въ древней Руси были общины, никому не принадлежавшія въ собственность и совершенно свободно распоряжавшіяся своими землями и угодьями, самое законодательство XVIII вѣка доказываетъ это очевиднымъ образомъ. Цѣлый рядъ постановленій, особливо съ царствованія императрицы Екатерины II, вводитъ положеніе, что земли, не принадлежащія въ собственность частнымъ лицамъ или императорской фамиліи, принадлежатъ, по гражданскому праву, государству, и только оно имѣетъ право распоряжаться ими на правахъ собственника. Итакъ, это было новое явленіе, въ нашемъ внутреннемъ быту; иначе не для чего было бы проводить его законодательными мѣрами. Еще въ «Уложеніи» земли, никому не принадлежащія, называются ничьими. Первое вмѣшательство администраціи во внутренній бытъ городовъ обнаруживается общей мѣрой не ранѣе Алексѣя Михайловича. Но мы знаемъ, что оно вызвано было жалобами городскихъ жителей и притомъ имѣло финансовое значеніе, и никакого прямаго отношенія къ поземельнымъ правамъ городскихъ общинъ. Еслибъ авторъ изучилъ поземельную собственность древнихъ общинъ, отношеніе къ ней отдѣльныхъ членовъ этихъ общинъ и постепенное обращеніе этой собственности въ государственную, онъ конечно оказалъ бы важную услугу исторіи русскаго внутренняго быта, и гораздо легче рѣшилъ бы вопросъ, до сихъ поръ представляющій непобѣдимыя трудности.

Весьма сбивчиво изложена также статья, которая уже, сама по себѣ, могла бы составить предметъ очень интересной юридической монографіи: мы говоримъ о «родовомъ характерѣ нашихъ древнихъ вотчинъ». Въ чемъ этотъ элементъ обозначился и какъ онъ постепенно ослабѣвалъ — вопросъ чрезвычайно важный, особенно по той роли, которую кровное начало играло въ нашемъ древнемъ быту. На стр. 141 мы встрѣтили

слѣдующія слова: «право отчуждать по произволу вотчину и право, составлявшее вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность передавать ее въ родъ потомству, которому она пожалована въ лицѣ представителя рода, какъ бы противоположны между собою, но они сходятся въ одномъ правѣ полной собственности въ той мѣрѣ, въ какой она была доступна для частнаго человѣка въ древней Россіи». Что хотѣлъ сказать этимъ авторъ? не знаемъ. Вопросъ поставленъ имъ очень любопытный; его разрѣшеніе должно дать ключь къ постепенному переходу собственности изъ родовой въ отдѣльную, личную. Жаль, что авторъ, вмѣсто того, ограничился непонятной и ничего не значащей фразой.

«Родовыя вотчины продавались нерѣдко... въ полную, безграничную, неотъемлемую собственность, безъ предоставленія родственникамъ продавца права выкупа, о чемъ въ купчей именно упоминалось» (стр. 143). Это несовсѣмъ вѣрно. Продавецъ могъ отказываться отъ права выкупа за свое нисходящее потомство; что же касается до прочихъ, то необходимо было, чтобъ они сами отъ него отказались, какъ видно изъ новгородскихъ купчихъ. — Говоря далѣе о правѣ выкупа, г. Лакіеръ объясняетъ постановленіе Іоанна Грознаго, которымъ закладъ земли обращенъ въ залогъ, и смягчены прежнія, тягостныя для заемщиковъ условія стремленіемъ «правительства сохранить вотчину въ родѣ» (стр. 145). Мы находимъ это объясненіе совершенно ошибочнымъ. Во всѣхъ законодательствахъ, сначала очень строгихъ и суровыхъ къ должникамъ, наступаетъ рано или поздно эпоха, когда они принимаются правительствомъ подъ защиту и охраняются отъ произвола, корыстолюбія и жестокости кредиторовъ. Великій Іоаннъ, задумавшій и отчасти совершившій столько важныхъ реформъ, первый обратилъ сострадательное вниманіе на жалкую участь должниковъ и началъ ограждать ихъ законами. Къ числу этихъ законовъ относится и упомянутый г. Лакіеромъ

(1558 года, 11 января); сохраненіе вотчинъ въ родѣ могло быть его послѣдствіемъ, но вовсе не было цѣлью.

Какъ мало вникалъ авторъ въ родовой характеръ нашего древняго вотчиннаго права, видно между прочимъ изъ его разсужденій объ отношеніи завѣщанія къ наслѣдованію по закону въ до-Петровской Руси. Онъ говоритъ (стр. 153 и 154).

«Начало свободнаго распоряженія своею вотчиною и вмѣстѣ съ тѣмъ преобладаніе родоваго начала составляютъ отличительную черту древняго русскаго наслѣдственнаго права, а завѣщаніе и законъ были двѣ соотвѣтствующія означеннымъ началамъ формы наслѣдованія, *съ преобладаніемъ впрочемъ перваго*».

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 160):

«Ни въ уложеніи, ни въ послѣдующихъ узаконеніяхъ до 1679 года не было прямо высказано начало, что вотчинникъ не вправѣ завѣщевать по произволу свои родовыя и выслуженныя вотчины, хотя, вообще говоря, *права*, изъ полной собственности истекающія, и *въ отношеніи къ наслѣдственному праву, были во многомъ ограничены и вслѣдствіе того на практикѣ колебались при исполненіи завѣщаній о родовомъ имѣніи*».

Наконецъ (стр. 154, примѣч. 81):

«Безполезно было бы доказывать, что въ русскомъ наслѣдственномъ правѣ былъ исключительно родовой элементъ, хотя съ другой стороны нельзя отвергать его существованія».

Итакъ, въ одно и тоже время, авторъ доказываетъ два положенія, совершенно противоположныя: сперва, что завѣщаніе преобладало у насъ надъ законнымъ порядкомъ наслѣдованія,—потомъ, что законный порядокъ преобладалъ надъ завѣщаніемъ. Первое онъ утверждаетъ вообще, второе—въ отношеніи къ родовымъ и выслуженнымъ вотчинамъ. Чѣмъ разрѣшается это противорѣчіе, какъ относятся другъ къ другу оба положенія, объ этомъ ни слова; авторъ не позаботился даже указать на источники, гдѣ онъ вычиталъ объ ограниченіи права свободнаго завѣщанія родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ

до 1679 года, и о практическомъ примѣненіи обычныхъ понятій о родовомъ имѣніи. Отношеніе родоваго начала къ свободному завѣщанію въ древнемъ русскомъ наслѣдственномъ правѣ представлено у него прямо противоположно тому, какъ было на дѣлѣ,—и онъ былъ бы совершенно правъ, еслибъ сказалъ: безполезно было бы доказывать, что въ русскомъ наслѣдственномъ правѣ было исключительно признано свободное распоряженіе имѣніемъ по завѣщанію, хотя, съ другой стороны, нельзя отвергать его существованія. Вся эта темнота и запутанность произошли оттого, что г. Лакіеръ, изучая наше наслѣдственное право, принялъ исходной точкой римское право, а не древніе русскіе обычаи. У Римлянъ наслѣдованіе по закону было противодѣйствіемъ, обузданіемъ произвола завѣщателей, которые были особенно неблагосклонны къ своимъ естественным ънаслѣдникамъ. Оттого у Римлянъ завѣщательное распоряженіе представляло совершенную противоположность законному порядку наслѣдованія, и они взаимно исключали другъ друга. У насъ, въ древней Руси, не было ничего подобнаго. У насъ кровное начало поддерживалось нравами, обычаями, и потому-то, между прочимъ, такъ долго родовое начало не было предметомъ законодательныхъ опредѣленій: оно держалось собственной обычной крѣпостью. Время перехода его въ законодательство было временемъ его упадка, обезсиленія; законъ старался поддержать и упрочить то, что̀ въ обычаяхъ уже колебалось и падало. Вотъ почему у насъ завѣщаніе, свободное распоряженіе объ имѣніи на случай смерти вовсе не были противоположны законному порядку наслѣдованія, какъ у Римлянъ. Завѣщатели обыкновенно строго придерживались естественнаго порядка наслѣдованія, исключенія были весьма рѣдки, да и изъ нихъ бо̀льшая часть состояли въ отказѣ имѣнія не ближайшему, а другимъ родственникамъ, или въ неравномъ распредѣленіи частей между наслѣ

теперь ужь нельзя приниматься такъ легко. Наконецъ мы не можемъ принять и самого этимологическаго объясненія слова «помѣстье» отъ «военныхъ мѣстъ». Во первыхъ, мѣста были не въ одной военной службѣ; а потомъ авторъ знаетъ, что мѣста имѣли относительное значеніе, въ счетахъ между служившими московскому государю, тогда какъ помѣстья раздавались по чинамъ. Извѣстно, что система испомѣщенья появилась у насъ весьма рано, вмѣстѣ съ первыми раздачами областей и городовъ княжескимъ приближеннымъ съ ихъ слугами; почему бы, кажется, удѣльнымъ князьямъ имѣть такое вліяніе на ея окончательное установленіе? Авторъ легко могъ придти къ тому же заключенію; на стр. 161 и 162 онъ указываетъ на ея слѣды при Калитѣ и Симеонѣ Гордомъ; только его обычная метода писать не обдумавши напередъ предмета вполнѣ была причиной, что подмѣченныя имъ данныя для объясненія помѣстной системы до Іоанна III и IV не привели его ни къ какимъ результатамъ, и испомѣщеніе служебныхъ князей — фактъ весьма важный въ государственной исторіи Россіи, но побочный въ исторіи помѣстной системы — играетъ у него такую важную роль въ объясненіи происхожденія и образованія помѣстной системы.

Изъ какихъ земель раздавались помѣстья? Авторъ «разсужденія» говоритъ, что до Іоанна III и при немъ «Государи назначали своимъ слугамъ землю за службу изъ своихъ вотчинъ, а въ послѣдствіи времени они испомѣщали ихъ изъ зе-
мель государевыхъ, дворцовыхъ и черныхъ» (стр. 170 и 171).
...одтвержденіе приведено нѣсколько ссылокъ, доказываю-
...что дѣйствительно черныя и дворцовыя земли раздава-
...мѣстья — и только. Дѣйствительно ли раздача раз-
...ль происходила въ той послѣдовательности, какъ
...оръ, и какое значеніе имѣла эта постепен-
...азличныхъ земель въ помѣстья — объ этомъ

авторъ ничего не говоритъ. А это тоже вопросъ чрезвычайно важный, одинъ изъ первыхъ въ исторіи нашихъ поземельныхъ правъ и отношеній.

Наконецъ и вотчины частныхъ людей обращались въ помѣстья, но въ такомъ случаѣ, когда жена, оставшаяся вдовою по смерти мужа своего вотчинника и получившая отъ него землю на прожитокъ, съ обязанностью по смерти своей отдать ее въ монастырь до выкупа «для мужа своего поминка», выходила за мужъ. Вотчина бралась въ помѣстныя земли, за нее давались изъ казны въ монастырь деньги по Уложенію, жениху же жаловалось изъ той вотчины въ помѣстье, по усмотрѣнію государя». (Стр. 175).

Это несправедливо. Не вотчина обращалась въ помѣстье, а земля, по тогдашнему законодательству обратившаяся въ государеву, и слѣдовательно переставшая быть вотчиной.

«Служба вообще и въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказаніе услугъ государству лицами привиллегированныхъ сословій, напримѣръ гостями, были условіемъ дачи помѣстьевъ; служба же съ опредѣленнымъ оружіемъ и количествомъ людей — необходимымъ ея слѣдствіемъ». (Стр. 183).

Это неточность. Если авторъ ужь разъ упомянулъ о гостяхъ, онъ долженъ былъ вспомнить, что не только они, но и многіе другіе, получавшіе помѣстья, служили не кровью и не съ оружіемъ. Изъ словъ Кошихина видно, что гости получали помѣстья за успѣшные сборы царскихъ пошлинъ, выгодную для казны продажу казенныхъ товаровъ и т. д. Подъячіе, сидѣвшіе по приказамъ, вѣроятно тоже весьма рѣдко оказывали государству военныя услуги, а получали же помѣстья.

На стр. 184 авторъ излагаетъ странную и весьма невѣроятную гипотезу, что кромѣ мѣстническихъ споровъ происходили еще, соотвѣтствовавшіе имъ, споры о помѣстьяхъ, и что «если мы и не находимъ о томъ въ памятникахъ почти (?) никакихъ извѣстій, то это вѣроятно потому, что счетъ о мѣсты или собственно такъ называемое мѣстничество заключало въ себѣ и споръ о помѣстьяхъ». Въ подтвержденіе этой мысли г. Лакіеръ приводитъ темное мѣсто изъ переписки Грознаго

съ Курбскимъ, изъ котораго ровно ничего не слѣдуетъ; потомъ указываетъ на челобитныя «о томъ, что такой-то служилый человѣкъ не достоинъ владѣть землею въ помѣстье, потому что измѣнилъ государю, что онъ утаилъ бывшія за нимъ имѣнія» и т. п. Эти челобитныя — говоритъ авторъ — «невольно наводятъ на мысль, что побужденіемъ въ этомъ случаѣ для просителей и доносчиковъ было не одно желаніе получить выгланныя помѣстья, а другой, высшій интересъ». Но почему это? Законы обѣщали отдать помѣстья тому, кто докажетъ, что извѣстное лице владѣетъ ими неправильно. Нуждавшихся въ помѣстьяхъ было много; они и пользовались этимъ. Это такъ просто, что не требуетъ никакого дальнѣйшаго объясненія. Наконецъ г. Лакіеръ ссылается на указъ Алексѣя Михайловича, который, придавая помѣстья дѣтямъ боярскимъ, выразился такъ: «что они у Государева дѣла въ головахъ и знаменщикахъ были радостью и за то ихъ государь похваляетъ, а та имъ служба къ государской милости и чести. А будетъ кто станетъ ихъ тѣмъ упрекати: и тому быти сослану въ Сибирь, а придати тѣмъ, которые въ 156 году были на государевѣ службѣ на Украйнѣ въ полкѣхъ до отпуску». Но и это мѣсто опять-таки не говоритъ въ пользу г. Лакіера. Въ изслѣдованіяхъ г. Валуева о мѣстничествѣ мы находимъ, что служба въ головахъ и знаменщикахъ считалась низшей, и для знатныхъ родичей влекла за собой потерку, уменьшеніе служебной чести, такъ что роды, занимавшіе такія мѣста, худали, понижались въ служебной лѣствицѣ. Что были знатные роды захудавшіе, видно изъ Кошихина. Наконецъ, мы знаемъ, что государи изъ дома Романовыхъ всячески старались стѣснить и по возможности ограничивать мѣстничество, вредное для службы и несогласное съ новымъ, государственнымъ порядкомъ, въ которомъ выборъ государя и личныя достоинства должны были сдѣлаться единственнымъ основаніемъ права зани-

мать то или другое мѣсто въ службѣ. Достаточно припомнить все это, чтобъ найдти настоящій смыслъ мѣста, приведеннаго г. Лакіеромъ. Между дѣтьми боярскими, служившими въ головахъ и знаменщикахъ, вѣроятно были члены знатныхъ родовъ. Добровольно они занимали эти мѣста, или нѣтъ—нельзя сказать; ибо очень часто, особенно въ XVII вѣкѣ, царь приказывалъ служить безъ мѣстъ, то есть не считаясь мѣстами, до окончанія похода, а кто не повиновался, тотъ послѣ такого приказанія наказывался какъ ослушникъ царской воли. Несмотря на то, многіе отказывались служить и подвергалис царскому гнѣву; тѣже, которые, подобно боярскимъ дѣтямъ, упомянутымъ въ приведенномъ указѣ Алексѣя Михайловича, оказывались покорными, заслуживали царскую милость и поь лучали награды. Государь запрещалъ упрекать ихъ тѣмъ, что они служили на низшихъ мѣстахъ, потому что они служили по его приказанію, а не добровольно, и слѣдовательно временное уменьшеніе ихъ служебной чести не могло служить имъ укоромъ. А что̀ касается до придачи помѣстій, то она была явленіемъ весьма обыкновеннымъ въ XVII вѣкѣ, и представляетъ простую награду за службу, — ничего болѣе; ее получали всѣ царскіе слуги, безъ различія мѣстъ и чиновъ.

И вотъ на чемъ основалъ авторъ свою гипотезу! Вникнувъ глубже въ отношеніе помѣстной системы къ мѣстничеству, нетрудно увидать, что такая гипотеза сама по себѣ, независимо отъ молчанія источниковъ, невозможна и несбыточна. Помѣстья давались не по мѣстамъ, а по чинамъ; между мѣстомъ и чиномъ не было никакихъ постоянныхъ отношеній, и потому назначеніе какого-нибудь боярина или окольничаго въ головы не оскорбляло ихъ; ихъ оскорбляло то, что, занимая низшую должность, они должны были занимать мѣсто низшее въ сравненіи съ другимъ, который, по родовымъ отношеніямъ, обусловленнымъ рожденіемъ или службой, былъ ниже, моложе

ихъ. Другими словами, мѣста имѣли для служащихъ относительное, а не постоянное, опредѣленное значеніе. Ясно, что споры о помѣстьяхъ не могли быть; ясно, что они не имѣли и не могли имѣть ровно никакого отношенія къ мѣстническимъ спорамъ.

«Помѣщикъ обязанъ былъ съ своей стороны стараться объ улучшеніи качества находящейся у него только во временномъ владѣніи земли (стр. 120). Совершенная неправда! Этого не требуютъ и теперь, тѣмъ менѣе могли требовать въ XVII вѣкѣ.

На стр. 194 авторъ говоритъ, что отнятыя помѣстья и вотчины раздавались, между прочимъ, отличившимся своими подвигами. Но въ приведенной имъ выпискѣ видно, что ихъ получали исправные, а не отличившіеся. Между тѣмъ и другимъ есть разница. Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что стрѣльцы, солдаты, драгуны, рейтары комплектовались изъ крестьянъ (стр. 227). Мы прибавимъ, что не изъ однихъ крестьянъ: въ исчисленныя службы вступали и иноземцы, и мелкопомѣстные помѣщики и вотчинники, посадскіе люди (что̀ потомъ запрещено) и родственники исчисленныхъ служилыхъ людей.

Опуская другія болѣе или менѣе важные неточности и промахи въ этой главѣ, замѣтимъ въ заключеніе, что авторъ мало и не критически изслѣдовалъ постепенное обращеніе помѣстій въ вотчины—одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ въ исторіи помѣстной системы. Очень недавно перестали приписывать Петру Великому неисторическое смѣшеніе помѣстій съ вотчинами и стали замѣчать, что это смѣшеніе совершилось уже до него, а удерживалось только ихъ номинальное различіе. Но до сихъ поръ это положеніе все еще имѣетъ видъ гипотезы, конечно вѣроятной, но не получившей научной обработки. Автору непремѣнно слѣдовало провѣрить это мнѣніе и подтвердить его внимательнымъ изслѣдованіемъ причинъ такого смѣшенія фактовъ, въ которыхъ оно выразилось, и наконецъ

опредѣлить различіе, которое еще существовало между помѣстьями и вотчинами при началѣ реформъ Петра. Но онъ этого не сдѣлалъ. Мы даже не находимъ въ его книгѣ и намековъ на нѣкоторыя мѣры, выразившія однако весьма рѣзко это постепенное сліяніе: укажемъ на разрѣшеніе продавать помѣстья въ удовлетвореніе частныхъ долговъ, — сперва пустыя, а потомъ и населенныя.

Этимъ мы оканчиваемъ нашъ длинный разборъ книги г. Лакіера. Просимъ читателей не сѣтовать на насъ, если мы ихъ утомили. Предметъ разсужденія такъ важенъ, но, къ сожалѣнію, все еще такъ мало обработанъ, что нельзя не входить въ подробный, иногда мелочной и скучный разборъ всего того, что̀ о немъ пишется. Прибавимъ, что книга, ясно, отчетливо и вѣрно разрѣшающая заданный вопросъ, оставляетъ критикѣ одно наслажденіе сообщить публикѣ результаты, добытые изслѣдованіями. Это нетрудно сдѣлать и скоро и въ немногихъ словахъ. Совсѣмъ другое, когда разсужденіе ниже своей задачи. Обязанность рецензента въ такомъ случаѣ не только откровенно высказать свое мнѣніе, но тщательнымъ опроверженіемъ книги въ цѣломъ и въ частяхъ отклонить или, по крайней мѣрѣ, ослабить по возможности неблагопріятное ея вліяніе на дальнѣйшую историческую литературу, и въ особенности на понятія учащихся о данномъ предметѣ. Къ сожалѣнію, разсужденіе г. Лакіера относится ко второй, а не къ первой категоріи.

Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи, *изданное по Высочайшему соизволенію Кіевскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Иваномъ Фундуклеемъ. Кіевъ. 1848.*

Книга г. Фундуклея безспорно одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ пріобрѣтеній русской археологіи въ текущемъ году.

Всѣмъ, кто хоть поверхностно слѣдилъ за ходомъ нашей исторической литературы, извѣстно, какое вниманіе, особенно въ послѣднее время, обратили на себя могилы или курганы, городища и другія насыпи, подъ разными названіями, во множествѣ находимыя во всей Россіи. Это вниманіе объясняется и оправдывается значеніемъ насыпей. Разрытіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, сначала случайное или въ надеждѣ найдти кладъ, потомъ систематическое, съ ученой цѣлью, привело къ заключенію, что онѣ — памятники отдаленнѣйшей эпохи исторіи, отъ которой намъ не сохранилось никакихъ данныхъ, никакихъ историческихъ свидѣтельствъ. Это обстоятельство придаетъ городищамъ и могиламъ особенную важность. Какъ единственные остатки безслѣдно-изчезнувшаго міра и быта, они представляютъ матеріялъ для историческаго изслѣдованія эпохи, которая безъ нихъ осталась бы для насъ совершенно недоступной и неизвѣстной.

До сихъ поръ этотъ матеріялъ мало разработанъ. Блистательные труды Ходаковскаго, еще не приведенные въ систему и не повѣренные учеными, сами представляютъ не болѣе какъ матеріялъ для будущихъ изысканій. Тоже должно сказать о разрытіи могилъ въ южной Россіи, о трудахъ покойнаго В. Пассека, Кеппена и м. д. Въ этой, столько темной и необработанной области археологіи каждый новый трудъ, хотя бы онъ былъ не что иное какъ простой перечень матеріяловъ, есть уже большое пріобрѣтеніе. Первоначальная обработка данныхъ, сюда относящихся, еще оставляетъ желать слишкомъ многаго, чтобъ можно было уже теперь мечтать о выводахъ, заключеніяхъ, тѣмъ менѣе о возсозданіи этой отдаленнѣйшей древности.

Добросовѣстный издатель «Обозрѣнія могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи» смотритъ на предметъ съ этой точки зрѣнія. По его словамъ, «прежде всего должно стараться собрать какъ можно болѣе данныхъ, изъ которыхъ бы можно было

дѣлать выводы», поэтому, онъ имѣлъ «въ виду преимущественно собраніе простыхъ данныхъ». Мы не беремъ на себя повѣрять книгу г. Фундуклея или опровергать ея, вообще говоря, осторожные выводы. Для этого мы не имѣемъ ни данныхъ, ни достаточно-спеціяльныхъ знаній по этому предмету. Ограничимся однимъ изложеніемъ главныхъ результатовъ изслѣдованій.

Въ книгѣ, изданной г. Фундуклеемъ, собраны мѣстныя свѣдѣнія о могилахъ, городищахъ и другихъ насыпяхъ одной только Кіевской губерніи. Въ первомъ отдѣлѣ этого труда эти свѣдѣнія изложены по-уѣздно; число и положеніе могилъ, ихъ названія, вещи въ нихъ находимыя, случайныя открытія древнихъ вещей въ землѣ, городища, городки, замковища, валы, пещеры: вотъ порядокъ, въ которомъ собранные матеріялы описываются по каждому уѣзду отдѣльно. Какъ видно, авторъ не только поручалъ особымъ лицамъ собираніе этихъ свѣдѣній, но пользовался показаніями тѣхъ, которые были знакомы съ предметомъ; открытія, сдѣланныя за нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, не ускользнули тоже отъ его вниманія. Второй отдѣлъ есть «общій выводъ изъ розысканій о могилахъ, валахъ и городищахъ Кіевской губерніи»,—другими словами, сводъ данныхъ, перечисленныхъ и описанныхъ въ первомъ отдѣлѣ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ заключеній и критическихъ изслѣдованій автора. Сколько первый отдѣлъ важенъ для спеціялистовъ, столько второй можетъ быть интересенъ для большинства читателей. Это заставляетъ насъ изложить содержаніе его нѣсколько подробнѣе.

Всѣхъ могилъ въ двѣнадцати уѣздахъ Кіевской губерніи насчитано 6239; такъ какъ онѣ не вездѣ довольно подробно осмотрѣны, а нѣкоторыя уже раскопаны и сравнены съ землей и потому не вошли въ счетъ, то авторъ думаетъ, что всего могилъ было вдвое (?) болѣе, а именно 12478. Средняя высота ихъ 2—3 саженъ въ отвѣсѣ, но нѣкоторыя несравненно выше;

такъ одна въ Липовецкомъ уѣздѣ, теперь снесенная на двѣ трети, еще имѣетъ въ вышину до десяти саженъ.

О могилахъ существовали до недавняго времени, различныя мнѣнія. Польскіе писатели дѣлили ихъ на военныя, гробовыя и путеводныя или походныя. Послѣдними назывались тѣ, которыя служили какъ бы указателями пути во время великихъ переселеній народовъ. Но гробы, и притомъ весьма древніе, находимые въ раскопанныхъ могилахъ, уничтожили мнѣніе, будто бы онѣ насыпаны для этой цѣли. По той же причинѣ оказалось ложнымъ и другое, подобное этому предположеніе, будто могилы насыпаны съ той же цѣлью Татарами или Поляками. Нѣкоторые, признавая «могилы за гробницы», относили происхожденіе ихъ къ позднѣйшимъ временамъ. Но и это несправедливо. Во первыхъ, древнія историческія свидѣтельства о могилахъ этому противорѣчатъ; потомъ, обычай насыпать могилы въ христіянскую эпоху не существовалъ; наконецъ преданіе молчитъ о ихъ происхожденіи, а оно бы говорило, еслибъ могилы возникли недавно. Несомнѣннымъ кажется, что онѣ насыпаны народомъ осѣдлымъ, который долго жилъ на одномъ мѣстѣ, и только постепенно, въ продолженіи длиннаго періода времени, могъ размножить эти могилы въ такомъ огромномъ количествѣ. Топографическія наблюденія показываютъ далѣе, что могилы большею частью лежатъ на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ; внутри степей ихъ менѣе; это заставляетъ думать, что есть какая-то связь, постоянное соотношеніе между могилами и мѣстами, которыя въ глубочайшей древности были наиболѣе удобны для селитьбы, а именно по берегамъ рѣкъ и на возвышенностяхъ, — другими словами, что могилы обозначаютъ мѣста или близость мѣстъ самаго древнѣйшаго населенія. Какой народъ ихъ насыпалъ — нельзя рѣшить. Можетъ-быть отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ изслѣдованіе череповъ, находимыхъ внутри насыпей. Авторъ называетъ эти могилы

скиөскими, «желая — какъ онъ самъ говоритъ — показать, что наши (кіевскія) могилы усвояемъ народу осѣдлому, туземному и самому древнѣйшему». Множество могилъ заставляетъ заключать о бывшей большой населенности края. Наконецъ весьма вѣроятное предположеніе, что могилы насыпались надъ людьми знатными и, судя по одинаковости могилъ, равно уважаемыми, приводитъ къ мысли, что народъ, воздвигнувшій эти памятники, находился подъ родовымъ правленіемъ и не зналъ единовластія; въ противномъ случаѣ могилы находились бы въ одномъ мѣстѣ.

По своей наружной формѣ могилы дѣлятся на три категоріи, или разряда. Къ первому относятся имѣющія обыкновенную форму, то есть круглыя и съ круглыми верхами. Но и онѣ разнятся часто между собою: однѣ нѣсколько расширены внизу, у самого основанія, другія отъ подошвы тотчасъ поднимаются вверхъ дугообразно; есть и овальныя, похожія на скирды; есть и остроконечныя, конусообразныя. «Разныя формы этихъ памятниковъ безъ сомнѣнія (?) означаютъ собою разное назначеніе ихъ, а можетъ-быть различный народъ и различныя эпохи, къ которымъ слѣдуетъ ихъ относить». Второй разрядъ могилъ составляютъ такъ называемыя чубатыя. «Каждая изъ нихъ состоитъ какъ бы изъ двухъ могилъ, одна на другую поставленныхъ такъ, что первая представляетъ какъ бы пьедесталъ, съ свободнымъ обходомъ вокругъ, а другая представляетъ верхъ и притомъ двурогій, съ жолобообразнымъ углубленіемъ, сдѣланнымъ для удобнѣйшаго восхожденія, прямо противъ такого же углубленія, идущаго снизу или отъ перваго яруса могилы. Съ боковъ эти насыпи представляютъ могилу съ четырмя горбами, похожую на старинный свадебный коровай; а одно это сходство формъ уже переноситъ воображеніе къ древнѣйшимъ временамъ славянщины (?)». Наконецъ могилы третьяго разряда — раскопанныя, или майданныя — представляютъ

обыкновенно «кругловатый замкнутый валъ, который пониженіемъ въ одномъ мѣстѣ образуетъ подобіе воротъ или въѣзда. Издали такой окопъ представляетъ продолговатую могилу; но взошедши на ея верхъ замѣчаете внутри углубленіе, котораго дно находится на одинакой поверхности съ землею внѣ вала. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ могилахъ этого рода, среди этого внутренняго дола или ямы возвышается опять холмъ, высотою равняющійся, а иногда даже превосходящій внѣшній валъ... Составленную изъ такого круглаго вала могилу окружаютъ почти всегда валы или шанцы, насыпанные въ нѣсколько рядовъ, въ видѣ полумѣсяцевъ. Такихъ рядовъ бываетъ два и три, даже до 6, 7 и болѣе». Эти могилы огромнѣе всѣхъ другихъ.

Внутри могилъ находимы были: катакомбы (въ одной только, въ Чигиринскомъ уѣздѣ), пепелъ и уголья, кирпичь и пережженная глина, построенные деревянные гробы, многочисленныя доказательства бывшаго трупосожиганія—горшки съ недожженными человѣческими костями, пепельницы, слёзницы; лошадиныя кости, человѣчьи черепы одни, безъ остововъ, и наоборотъ, остовы безъ головъ, остовы, обложенные березовой корой или каменьями; кости звѣрей; иногда кости человѣческія необыкновенной величины; сосуды съ изображеніями, по всѣмъ вѣроятіямъ и признакамъ греческіе, и различныя металлическія вещи: стрѣлы, кольца, шлемъ аѳинскій, истуканчики, монеты римскія, греческія, ольвійскія и арабскія. Всѣ эти находки подаютъ автору поводъ къ любопытнымъ и большею частью весьма правдоподобнымъ заключеніямъ. Катакомба свидѣтельствуетъ, что могила служила надгробнымъ памятникомъ, а найденныя въ ней желѣзныя вещи и стрѣлы, въ томъ числѣ одна костяная, по словамъ автора, «заставляютъ относить насыпь этого памятника къ самымъ отдаленнѣйшимъ, безъ сомнѣнія (?) скиѳскимъ временамъ». Пепелъ и уголья, кирпичь, каменные своды въ могилахъ очевидно опровергаютъ давнее

предположеніе, будто могилы были простыми насыпями или путевыми знаками, сторожевыми постами. «Они ясно показываютъ, что если это (могилы) были гробовища, то они принадлежали людямъ до-историческимъ, у которыхъ погребеніе совершалось съ какими-то торжественными, религіозными обрядами, и всего вѣроятнѣе съ жертвоприношеніемъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя времена. Зарытіе костей лошадиныхъ вмѣстѣ съ человѣчьими», по замѣчанію автора, тоже «не можетъ быть случайнымъ, но указываетъ на какой-то обрядъ; а потому онѣ принадлежатъ временамъ и народамъ до-христіянскимъ». (Мы бы сказали народамъ не христіянскимъ, и это было бы несомнѣнно; заключеніе автора не довольно строго). Черепа безъ остововъ, находимые въ могилахъ и на ровныхъ мѣстахъ, подтверждаютъ, по мнѣнію автора, извѣстіе Страбона объ антропофагахъ и меланхленахъ, которые будто бы съѣдали тѣла умершихъ и погребали одни головы,—тѣмъ болѣе, что на основаніи изслѣдованій г. Надеждина эти скиѳскіе народы жили въ той самой странѣ, гдѣ найдены эти черепа. Остовы, обложенные берестовой корой, «очевидно касаются временъ до-христіанскихъ, тѣхъ временъ, когда обычаи находились на нижней степени развитія» (?). «Остовы, обложенные каменьями», продолжаетъ авторъ, «не суть ли гробы скадинавскихъ выходцевъ?.. Погребеніе остововъ подъ камнями, сложенными на подобіе гробницы, было въ обычаѣ у скандинавовъ». Присутствіе урнъ и разныхъ вещей работы греческой «показываетъ, до какихъ мѣстъ простирались греческія колоніи; показываетъ то, что̀ прежде было только предполагаемо, то есть, что колоніи греческія весьма далеко простирались вверхъ по Днѣпру. Кажется, что ваза съ изображеніями (найденная въ могилѣ Каневскаго уѣзда) служитъ первымъ свидѣтелемъ, являющимся на защиту такого мнѣнія; имъ устанавливается отношеніе нашихъ могилъ (Кіевской губерніи) къ тѣмъ, которыя находятся надъ

Евксиномъ, открывается существованіе на этихъ берегахъ Днѣпра народовъ образованныхъ уже въ такія времена, которыя обыкновенно считаются чисто варварскими. По крайней мѣрѣ достойно вниманія, что когда возлѣ могилы, въ которой найдены тѣ издѣлія народа, знакомаго съ искусствомъ, и сожигавшаго свои тѣла послѣ смерти,—разрываема была другая могила, стоящая на томъ же полѣ и ни въ чемъ по наружности не отличавшаяся отъ первой, — то въ ней найдены остовы, гробницы, устроенныя изъ деревянныхъ брусьевъ, и остатки варварскаго оружія. Впрочемъ мы знаемъ изъ исторіи, что Греки жили разсѣянно между Скиѳами; что были поселенія Скиѳовъ огречившихся и въ нѣкоторомъ отношеніи уже образованныхъ». Наконецъ остовы въ сидячемъ положеніи, найденные въ нѣкоторыхъ могилахъ, напоминаютъ обычай финскихъ народовъ; и до сихъ поръ подъ Ураломъ встрѣчаются такіе остовы въ землѣ.

Чтобъ уяснить исторію и значеніе могилъ, авторъ прислушивался къ народнымъ преданіямъ; но этотъ, часто богатый, историческій источникъ на этотъ разъ оказался скуднымъ. Это новое доказательство глубокой древности могилъ; очевидно онѣ возникли въ эпоху, неимѣющую ничего общаго съ теперешними жителями страны, если между ними не сохранилось никакихъ преданій о могилахъ. Историческое воспоминаніе замѣнилось въ головѣ простолюдиновъ фантастическими представленіями, что могилы сыпали люди допотопные, люди адамовы — великаны, и ихъ росту все соотвѣствовало; верблюды были овцы этихъ людей, и т. д. Названія ихъ также мало объясняютъ ихъ происхожденіе.

Какое значеніе имѣли могилы втораго разряда? Нѣкоторые думали, что онѣ поврежденныя или разрытыя могилы перваго разряда; но этого нельзя допустить, глядя на ихъ постоянно однообразный видъ. Авторъ думаетъ, что онѣ «служили мѣста-

ми религіозныхъ обрядовъ и какъ бы степными алтарями». Ни одна изъ нихъ еще не разрыта до самого основанія, и потому тѣмъ труднѣе объяснить, хотя приблизительно, ихъ назначеніе.

Могиламъ третьяго разряда авторъ посвящаетъ длинное изслѣдованіе, въ которомъ сначала весьма подробно опровергаетъ разныя мнѣнія, выдававшія эти могилы за простые селитряные майданы, или смоляныя печи, или за шанцы, военныя укрѣпленія, или наконецъ за обвалившіяся гробовыя могилы. По мнѣнію автора, эти насыпи были назначены для людоѣдныхъ жертвоприношеній. Меланхлены и антропофаги, жившіе въ этомъ краю и имѣвшіе обычай пожирать тѣла умершихъ, предавая погребенію однѣ головы ихъ, дѣлали это не изъ удовольствія, а вслѣдствіе религіознаго обычая; обычай этотъ конечно совершался съ нѣкоторой торжественностью, на особыхъ, нарочно для того отведенныхъ мѣстахъ, и такими мѣстами были насыпи третьяго разряда.

Мы внимательно слѣдили за авторомъ въ изслѣдованіяхъ, которыя привели его къ этому заключенію, и должны сознаться, что доводы его слабы. Можетъ-быть онъ и правъ, но его мнѣніе покуда не только не доказано, даже не обставлено данными, которыя придали бы этому мнѣнію видъ вѣроятной гипотезы. Несмотря на то, его аргументація, изслѣдованія въ подтвержденіе этой смѣлой гипотезы весьма любопытны, и если цѣль не достигнута, то путь, которымъ авторъ къ ней шелъ, самъ по себѣ есть пріобрѣтеніе для науки. Сближеніе и истолкованіе различныхъ мѣстъ изъ древнихъ писателей о людоѣдствѣ нѣкоторыхъ племенъ показались намъ оригинальными и новыми. Указаніе на слѣды Геродотовскихъ меланхленовъ въ теперешнемъ населеніи страны также очень важно и не должно быть пропущено безъ вниманія.

Изъ прочихъ насыпей авторъ подробно разсматриваетъ городища и замковища. Число ихъ (159 въ Кіевской губерніи)

онъ считаетъ уменьшеннымъ противъ дѣйствительности. Всѣ они, хотя и соединенныя подъ общимъ названіемъ, имѣли разное назначеніе и относятся къ различнымъ эпохамъ. Бо̀льшая часть суть могилы третьяго разряда; четырехъ-угольныя городища, по всѣмъ вѣроятіямъ, были военныя укрѣпленія, и слѣдовательно представляютъ памятники битвъ, происходившихъ въ разныя времена; замковища суть остатки замковъ, городковъ и крѣпостей; значительныя пространства, окруженныя валами, нѣкоторые принимаютъ за посады греческихъ колоній; встрѣчаются между этими насыпями небольшіе четырехъ-угольные неправильные окопы, служившіе, по преданіямъ, убѣжищемъ противъ татарскихъ набѣговъ; открываются также въ числѣ насыпей слѣды городовъ, теперь изчезнувшихъ и о которыхъ нѣтъ никакихъ извѣстій; нѣкоторые изъ этихъ городовъ были обширны и весьма древни, судя по вещамъ, находимымъ на мѣстахъ, гдѣ они, по преданію, находились; были между ними и греческіе. Авторъ перечисляетъ до 15 такихъ разрушенныхъ городовъ.

О валахъ, которыхъ такъ много въ Кіевской губерніи, авторъ не дѣлаетъ общихъ заключеній. Мы приведемъ изъ перваго отдѣла книги интересное описаніе Траянова вала въ Васильковскомъ уѣздѣ.

«Валъ, называемый *Траяновымъ*, начинается въ Сквирскомъ уѣздѣ въ селеніи Почуйкѣ; вступаетъ оттуда въ предѣлы Васильковскаго уѣзда при селѣ Краснолѣсахъ; потомъ тянется по лѣвой сторонѣ рѣки Роси, черезъ мѣстечко Бѣлую-Церковь и черезъ селенія Томиловку, Чепелевку, Сухолѣсы, мѣстечко Рокитну и село Ольшаницу; наконецъ у села Саварокъ склоняется къ Каневскому уѣзду, къ селенію Синицѣ. Въ протяженіи онъ имѣетъ до 80 верстъ; въ Васильковскомъ же уѣздѣ онъ простирается почти на 40 верстъ; средней высоты имѣетъ онъ 2 сажени. Названіе этого вала объясняется побѣдами императора Траяна (106 года по Р. Х.), который, завоевавъ Дакію, обратилъ свое оружіе на нынѣшнюю Украйну. Находимыя въ здѣшнихъ мѣстахъ римскія монеты утверждаютъ догадку о первоначальномъ устроеніи этого вала Римлянами. Кромѣ Пѣсни о полку Игоревѣ, Траянъ вспоминается и въ здѣшнихъ народныхъ преданіяхъ, въ которыхъ онъ называется царемъ Ермаланскимъ, т. е. Римлянскимъ.

«Въ недавнее время, въ имѣніи Кошеватскомъ (Таращанскаго уѣзда) найдена монета съ лицевымъ изображеніемъ на одной сторонѣ Траяна, съ подписью: Imp. Trajanus Deci; а на другой сторонѣ съ изображеніемъ воина съ копьемъ, стоящаго между двумя львами, и съ надписью: P. N. S.'C. O. L. VYM.

Не менѣе замѣчателенъ, хотя и въ другомъ отношеніи, огромный Эміевъ валъ, проходящій чрезъ Кіевскій, Васильковскій и Сквирскій уѣзды. Съ нимъ соединены народныя преданія объ убіеніи гидры,—преданія, общія и древнему и новому міру, старому и новому свѣту.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о каменныхъ бабахъ, или истуканахъ. Ихъ найдено два въ Кіевской губерніи. Назначеніе ихъ темно: на сибирскихъ могилахъ они изображаютъ мущинъ, въ южной Россіи — женщинъ. Простолюдины разсказываютъ, что эти бабы когда-то были живыя—боги или люди, но окаменѣли въ Христово пришествіе; это и другія повѣрья, связанныя съ каменными бабами, стоявшими на могилахъ, указываютъ на религіозное назначеніе послѣднихъ.

Вотъ въ общемъ очеркѣ содержаніе въ высокой степени любопытной книги г. Фундуклея. Ограниченные предѣлами рецензіи, мы, разумѣется, не могли входить въ подробности, но смѣло ручаемся, что читатель найдетъ въ самомъ «Обозрѣніи» много любопытнаго и новаго, о чемъ не было мѣста упоминать здѣсь. Недостатки изслѣдованій автора — нѣкоторая сбивчивость, отчасти произвольность выводовъ, отсутствіе строгихъ научныхъ пріемовъ, по крайней мѣрѣ мѣстами—съ избыткомъ выкупаются богатствомъ собранныхъ матеріяловъ, добросовѣстностью труда и многими удачными, остроумными изысканіями. Рисунки сдѣланы весьма тщательно и изображаютъ видъ замѣчательнѣйшихъ могилъ Кіевской губерніи (I—VII), вещи, найденныя въ нихъ (VIII—XIII; XV — XVII), и двѣ каменныя бабы (XIV).

РУКОВОДСТВО КЪ РОССІЙСКИМЪ ЗАКОНАМЪ, *составленное экстра-ординарнымъ профессоромъ Императорскаго С. Петербургскаго Университета, докторомъ законовѣдѣнія Николаемъ Рождественскимъ. Спб. 1848.*

Наша юридическая литература чрезвычайно бѣдна догматическими сочиненіями по части собственно-русскаго законодательства. Эта бѣдность тѣмъ ощутительнѣе, что у большей части другихъ образованныхъ народовъ, особенно у Французовъ, Англичанъ и Нѣмцевъ, существуетъ безчисленное множество всякаго рода руководствъ, сборниковъ и указателей, имѣющихъ цѣлью объясненіе дѣйствующихъ законовъ, расположеніе ихъ въ систематическомъ порядкѣ, а иногда даже и приведеніе ихъ въ извѣстность. Почему же не является у насъ сочиненій такого рода? Отвѣчать на этотъ вопросъ нетрудно. Очевидно, что мы въ подобныхъ трудахъ далеко не такъ нуждаемся, какъ жители другихъ государствъ, въ которыхъ кодификація не достигла еще той полноты и отчетливости, какую имѣетъ она у насъ. Понятно что тамъ, гдѣ правительство не издаетъ само сборниковъ законовъ, за этотъ трудъ должны взяться частные люди; и наоборотъ, тѣмъ, гдѣ правительство уже озаботилось о приведеніи въ извѣстность и соединеніи въ одно цѣлое всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній, въ трудахъ частныхъ лицъ уже не испытывается по этому предмету большой надобности. Справедливость этого замѣчанія неопровержимо доказывается исторіей нашей юридической литературы. Сочиненія о дѣйствующемъ отечественномъ законодательствѣ стали рѣдко выходить, именно съ тѣхъ поръ, какъ изданіемъ «Полнаго Собранія» и «Свода Законовъ» приведены были въ извѣстность и систему всѣ источники новѣйшаго русскаго права. До 1832 года, напротивъ, такихъ сочиненій выходило чрезвычайно много, и можно сказать, что въ нихъ со-

средоточивалась по преимуществу тогдашняя юридическая литература. Въ этотъ періодъ времени мы находимъ и простыя собранія или указанія законовъ, и настоящія систематическія изложенія тѣхъ или другихъ частей дѣйствовавшаго въ то время законодательства. Къ первой категоріи относятся сборники Чулкова, Правикова, Максимовича и Фіялковскаго; ко второй—сочиненія Дильтея, Артемьева, Терлаича, Кукольника, Вельяминова-Зернова, Гуляева и нѣкоторыхъ другихъ. Только съ 1832 года потребность въ такихъ сочиненіяхъ уменьшилась, вмѣстѣ съ тѣмъ и появленіе ихъ въ свѣтъ сдѣлалось явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ.

Но слѣдуетъ ли изъ этого, что догматическое образованіе русскаго законодательства со времени изданія «Свода Законовъ» сдѣлалось совершенно невозможнымъ или безполезнымъ? Конечно нѣтъ. Существованіе «Свода» уменьшаетъ потребность въ такихъ сочиненіяхъ, но не вовсе ее уничтожаетъ. Надо замѣтить, во первыхъ, что въ «Сводъ» не вошли многіе уставы и учрежденія, познаніе которыхъ необходимо и для людей спеціяльныхъ и для всѣхъ вообще лицъ, находящихся болѣе или менѣе подъ вліяніемъ этихъ законовъ. Такъ уставы церковнаго управленія, законы по части народнаго просвѣщенія и нѣкоторыя другія не введены еще въ систему «Свода» и помѣщены только въ «Полномъ Собраніи Законовъ», гдѣ можно найдти конечно отдѣльныя постановленія въ хронологическомъ ихъ порядкѣ, но которое не представляетъ систематическаго ихъ собранія съ яснымъ отдѣленіемъ правилъ дѣйствующихъ отъ недѣйствующихъ. Очевидно, что въ этомъ отношеніи ученая дѣятельность не только полезна, но и въ высшей степени необходима; особенно нуждаются въ ней люди, которые не могутъ или не имѣютъ охоты и времени рыться въ такомъ многотомномъ изданіи, каково «Полное Собраніе Законовъ». Далѣе: хотя для людей практическихъ, обязанныхъ постояннымъ

исполненіемъ той или другой части законодательства, необходимо всегда имѣть въ виду и знать всѣ безъ исключенія статьи «Свода», относящіяся къ этой части, несомнѣнно однако, что людямъ неспеціяльнымъ, для которыхъ достаточно быть знакомыми съ общими началами законодательства и вовсе безполезно знать всѣ его подробности и частности, невозможно достигнуть этой цѣли изученіемъ самого «Свода», именно по причинѣ его подробности и полноты. Для такихъ-то именно людей необходимы краткія и систематическія руководства, изъ которыхъ бы они могли составить себѣ безъ труда ясное понятіе о важнѣйшихъ началахъ того или другого отдѣла законовъ. Наконецъ нельзя не замѣтить, что недостатокъ юридическаго образованія служитъ иногда рѣшительнымъ препятствіемъ къ уразумѣнію прямого смысла закона и еще болѣе къ раскрытію причинъ его существованія, какъ общихъ, философскихъ, такъ и мѣстныхъ, историческихъ. Это обстоятельство, усиливая потребность въ научномъ обработываніи дѣйствующихъ русскихъ законовъ, доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что такое обработываніе тогда только будетъ дѣйствительно полезно и сообразно съ своей цѣлью, когда не будетъ ограничиваться одной выпискою статей «Свода», буквально или въ сокращеніи, но поставитъ себѣ задачей: привести въ ясную и правильную систему отдѣльныя узаконенія, объяснивъ значеніе и цѣль каждаго болѣе или менѣе подробными примѣчаніями, заимствованными какъ изъ общей теоріи права, такъ и въ особенности изъ частной исторіи русскаго законодательства. По такой методѣ, сколько намъ извѣстно, написано только одно изъ нашихъ новѣйшихъ юридическихъ сочиненій, именно сочиненіе г. Кранихфельда: «О гражданскихъ законахъ»: да и то заслуживаетъ одобренія болѣе за намѣреніе, нежели за исполненіе.

Что касается до сочиненія г. Рождественскаго, то о немъ трудно судить критикѣ, потому что когда не извѣстны цѣль и

желанія автора, то нельзя говорить и о томъ, въ какой мѣрѣ достигнута эта цѣль и исполнились желанія. Г. Рождественскій не потрудился снабдить свой трудъ предисловіемъ и предоставилъ самимъ читателямъ угадывать намѣреніе, которое заставило его приняться за изданіе «Руководства къ Россійскимъ Законамъ». Руководство это, какъ видно, не стоило большого труда автору; оно представляетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ простое сокращеніе «Свода Законовъ», при чемъ нѣкоторыя статьи изложены короче, чѣмъ въ подлинникѣ, другія — тѣми же словами, а третьи совсѣмъ выпущены. Что книга г. Рождественскаго можетъ принести пользу, съ этимъ мы спорить не станемъ. Но тутъ важенъ вопросъ, о степени пользы, и въ этомъ отношеніи нельзя не сознаться, что «Руководство въ Россійскимъ Законамъ» не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть разсматриваемо какъ важное пріобрѣтеніе для нашей юридической литературы. Самый существенный его недостатокъ состоитъ въ совершенномъ отсутствіи всякихъ историческихъ и философскихъ данныхъ, — другими словами, въ отсутствіи того, въ чемъ собственно и заключается ученое обработываніе законовъ. Есть кромѣ того и другія, также довольно важныя погрѣшности. Судя по заглавію книги, слѣдовало отъ нея ожидать изложенія всѣхъ частей законодательства, а между тѣмъ авторъ изложилъ только законы государственные (въ тѣсномъ смыслѣ), гражданскіе и уголовные. Почему исключены остальные отдѣлы права?—неизвѣстно. Неужели авторъ думаетъ, что знаніе законодательства, напримѣръ финансоваго, менѣе важно и полезно, нежели знаніе учрежденій или законовъ судопроизводства? Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы объяснить причину такого несоотвѣтствія между заглавіемъ книги и дѣйствительнымъ ея содержаніемъ. Въ отношеніи къ системѣ, сочиненіе г. Рождественскаго также не совсѣмъ удовлетворительно. Авторъ слѣдуетъ безусловно порядку,

принятому въ самомъ законѣ, и не обращаетъ никакого вниманія на то, что для цѣлей практическихъ нуженъ одинъ порядокъ, для цѣлей научныхъ—совсѣмъ другой. Наконецъ и въ самихъ началахъ, которыми руководствовался авторъ при сокращеніи или выпускѣ законовъ, мы не замѣтили большой опредѣленности и раціональности; нѣкоторыя узаконенія, весьма важныя, пропущены, другія, совершенно частныя, выписаны сполна; такъ выпущены подробное опредѣленіе порядка престолонаслѣдія и законы о правительствѣ и опекѣ, а законы о вступленіи на престолъ и коронованіи изложены почти цѣликомъ. Вообще можно полагать, что авторъ при сужденіи о помѣщеніи въ свою книгу того или другого узаконенія не руководствовался твердыми и ясными правилами; такъ, напримѣръ, при изложеніи предметовъ вѣдомства министерскихъ департаментовъ, онъ въ однихъ случаяхъ изчислилъ ихъ подробно, въ другихъ ограничился общими указаніями. Въ самомъ сокращеніи статей «Свода» не замѣтно большой раціональности; авторъ не подводилъ частныхъ случаевъ подъ общія категоріи, а просто и безъ разбора сохранилъ одни изъ этихъ случаевъ, выпуская другіе, столько же важные: такъ въ параграфѣ о Главномъ Управленіи Путей Сообщенія онъ говоритъ: «Департаментъ Искуственныхъ дѣлъ сосредоточиваетъ въ себѣ: всѣ вообще искуственные предметы и распоряженія, къ устройству и исправному содержанію дорогъ и шоссейныхъ путей относящихся; улучшеніе существующихъ и устройство новыхъ водяныхъ сообщеній, и проч.» (стр. 62). Въ числѣ этого прочаго находится одна изъ важнѣйшихъ аттрибуцій и департамента и всего управленія, именно строительная часть гражданскаго вѣдомства. Спрашивается, почему пропустилъ ее авторъ, если онъ счелъ нужнымъ упомянуть тутъ же о другой, совершенно равнозначительной?

FORSCHUNGEN IN DER AELTEREN GESCHICHTE RUSSLAND'S, *von Philipp Krug.*

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ, *Филиппа Круга. Двѣ части. Спб. 1848.*

Подъ этимъ заглавіемъ вышли въ сентябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года посмертныя сочиненія академика Круга, изданныя, по распоряженію Академіи, адъюнктомъ ея, Э. Э. Кунигомъ. Уже съ перваго десятилѣтія текущаго столѣтія, Кругъ пріобрѣлъ въ ученомъ мірѣ громкую извѣстность двумя сочиненіями, которыя въ Россіи и за границей были приняты съ единогласными похвалами. Первое, изданное въ 1805 году Академіей на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Zur Münzkunde Russlands», а два года спустя и на русскомъ (Критическія Разысканія о Древнихъ Русскихъ Монетахъ. Спб. 1807), посвящено изслѣдованіямъ древнѣйшей русской исторіи въ нумизматическомъ отношеніи. Эти изслѣдованія были такъ новы, оригинальны и, кромѣ главнаго предмета, разрѣшали столько другихъ важныхъ историческихъ вопросовъ, что самъ раздражительный и нетерпѣвшій противорѣчій Шлёцеръ, въ тогдашнее время первый знатокъ древней русской исторіи, и котораго Кругъ опровергалъ не только въ частностяхъ, но въ основномъ воззрѣніи на отдаленнѣйшую ея эпоху, отозвался о книгѣ и ея авторѣ съ величайшимъ уваженіемъ и призналъ его достойнымъ судьей своихъ работъ по русской исторіи. Это былъ необыкновенный успѣхъ! Такой же блистательный успѣхъ имѣло другое сочиненіе Круга, изданное Академіей въ 1810 году: «Kritischer Versuch zur Aufklärung der Byzantinischen Chronologie mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands». (Опытъ критическаго разъясненія византійской хронологіи, особенно въ отношеніи къ др[illegible]ской

исторіи)[1]. Этотъ трудъ не только окончательно утвердилъ ученый авторитетъ Круга, какъ глубокаго критика по русской исторіи, но и положилъ начало новой эпохѣ въ изученіи византійской хронологіи, имѣющей, какъ извѣстно, весьма важное значеніе для древней русской исторіи. Первые знатоки ея, Дюканжъ, Пажи, Байеръ, Риттеръ, Гиббонъ были опровергнуты и поправлены Кругомъ. Этими поправками доказана историческая достовѣрность многихъ событій и извѣстій изъ перваго періода нашей исторіи и устранены сомнѣнія, возникшія изъ хронологическихъ несообразностей.

Такими первокласными критическими работами вполнѣ объясняется то вниманіе и нетерпѣніе, съ которымъ всѣ любители и знатоки русской исторіи слѣдили за ученою дѣятельностью Круга и ожидали появленія новыхъ его изслѣдованій, обѣщанныхъ имъ при разныхъ случаяхъ. Но ожиданія не сбылись. Въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ, Кругъ не издалъ ни одного изъ своихъ изысканій!

Въ 1844 году (4-го іюня) онъ умеръ. Вслѣдъ затѣмъ, нѣсколько дней спустя, былъ напечатанъ въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» хронологическій списокъ рукописныхъ статей, представленныхъ имъ въ разное время Академіи съ 1806 года по самое время кончины. Въ этомъ спискѣ, составленномъ по протоколамъ Академіи, значится сорокъ шесть статей; первая относится къ 5 марта 1806 года, послѣдняя къ 26 апрѣля 1844 года; слѣдовательно, она представлена Кругомъ за мѣсяцъ съ небольшимъ передъ смертью. Изъ разсмотрѣнія списка открывается, что въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ до 1831 года, Кругъ представлялъ Академіи ежегодно по двѣ, рѣдко по одной статьѣ; но съ 1831 года, рядъ

[1]) Этой книги есть два русскіе перевода: одинъ сдѣланъ Ѳедотовымъ и Левестамомъ, другой покойнымъ Языковымъ. Кругъ не далъ согласія на изданіе этихъ переводовъ (См. въ разбираемой книгѣ стр. CCLV).

ихъ прерывается и съ этого времени до 1844 находимъ только двѣ (1833 и 1844) въ напечатанной росписи.

Одинъ перечень извѣстныхъ трудовъ Круга снова возбудилъ живое любопытство всѣхъ, интересующихся предметомъ, и подавалъ надежды на важныя открытія въ бумагахъ покойнаго. Чтобъ привести въ извѣстность ученое наслѣдство Круга, Академія Наукъ, въ томъ же 1844 году, составила коммисію изъ академиковъ Шёгрена, Устрялова и адъюнкта Кунига, и поручила ей представить подробный отчетъ о бумагахъ Круга, что и исполнено въ февралѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1845 года.

Изъ донесенія, представленнаго коммиссіей историко-филологическому классу Академіи и напечатаннаго въ бюллетенѣ его (Т. II, № 18), видно, что въ бумагахъ Круга найдены ученыя статьи, частію вполнѣ обработанныя и оконченныя, частію неполныя, или только начатыя; множество замѣтокъ, набросанныхъ на клочкахъ бумаги, даже билетахъ и конвертахъ; наконецъ, примѣчанія, внесенныя въ печатные экземпляры Шлёцерова Нестора и собственныхъ сочиненій автора. Ученыя статьи состоятъ въ отрывкахъ или донесеніяхъ, представленныхъ Академіи Кругомъ, или въ сочиненіяхъ, читанныхъ въ академическихъ собраніяхъ. Изъ послѣднихъ пятнадцать вполнѣ обработаны и были приготовлены къ изданію самимъ авторомъ; двадцать-одна или не окончены, или представляютъ одно начало, или извлеченія изъ источниковъ. Остальныхъ десяти не нашлось въ бумагахъ. По предположеніямъ коммиссіи, семь изъ нихъ могли войдти въ составъ другихъ статей или книги о византійской хронологіи, но что сталось съ недостающими тремя—рѣшительно неизвѣстно[1]).

[1]) Заглавіе недостающихъ статей слѣдующе: 1) Erklärung aller in den Russischen Chroniken vorkommenden Namen von Sonntagen, nach ihnen benannten Wochen und Heiligentagen, mit genauer Bestimmung

Окончательный разборъ всѣхъ этихъ рукописныхъ сочиненій и замѣтокъ и приготовленіе къ печати тѣхъ изъ нихъ, которыя почему-либо заслуживали вниманія, поручено отъ Академіи г. Кунигу. Его-то двухлѣтнему труду и справедливому уваженію къ заслугамъ и памяти Круга обязаны мы прекраснымъ изданіемъ значительной части ученыхъ работъ покойнаго академика, вмѣстѣ съ подробнымъ очеркомъ его ученой, литературной и служебной дѣятельности.

Іоганнъ-Филиппъ Кругъ родился въ Галлѣ (на Саалѣ) въ 1764 году. Около двадцати лѣтъ отъ роду вступилъ онъ въ Галльскій университетъ, гдѣ учился теологіи и философіи. По окончаніи университетскаго курса, онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ разныхъ частяхъ Пруссіи и въ 1787 году вступилъ учителемъ въ семейство маркграфа шветскаго (на Одерѣ). Съ этого времени развилась и укрѣпилась въ немъ страсть къ нумизматикѣ, обнаружившаяся еще въ дѣтствѣ. Онъ рано началъ собирать монеты и медали, но умножилъ свою коллекцію уже въ домѣ маркграфа, и потомъ тѣми, которыя достались ему по наслѣдству отъ отца. Въ 1791 году, онъ оставилъ Силезію и вступилъ въ Калишѣ учителемъ въ семейство польскаго полковника Курціуса. Въ 1794 году, когда Курціусъ, послѣ окончательнаго паденія Польши, вступилъ въ русскую службу, Кругъ, вмѣстѣ съ его семействомъ, переѣхалъ въ Россію, и съ тѣхъ поръ не оставлялъ ея ни разу.

Въ слѣдующемъ 1795 году, судьба привела его въ Москву. Здѣсь познакомился онъ съ графиней Орловой, вдовой графа И. Г. Орлова, которая и поручила ему воспитаніе своего сына. Оно продолжалось шесть лѣтъ (до 1801 года). Въ этотъ пе-

der Zeit, in die sie fielen. 2) Ueber den dreifachen Anfang des Jahres in Russland. 3) Berichtigte Zeitangaben der Russischen Jahrbücher. Fortsetzung. Одни заглавія и имя автора заставляютъ уже сильно жалѣть, что статьи не отыскались.

ріодъ времени, окончательно опредѣлились занятія Круга, доставившія ему въ послѣдствіи такую извѣстность. Онъ имѣлъ досугъ. Семейство Орловыхъ, жившее почти постоянно въ Москвѣ, или въ недалекомъ подгородномъ имѣніи, любило его. Обстоятельства, слѣдовательно, благопріятствовали ученымъ трудамъ; Кругъ посвятилъ ихъ русской нумизматикѣ.

Первымъ поводомъ къ этимъ занятіямъ послужило слѣдующее обстоятельство. Одному изъ родственниковъ графини Орловой такъ понравился мюнц-кабинетъ Круга, состоявшій изъ иностранныхъ монетъ и медалей, что онъ предложилъ ему взять за то въ замѣнъ свое довольно значительное собраніе русскихъ монетъ. Кругъ долго не могъ рѣшиться. Русскій мюнц-кабинетъ его не прельщалъ, потому что онъ не зналъ еще тогда (кажется, это было въ 1795 году) ни русскаго, ни церковно-славянскаго языка. Наконецъ промѣнъ состоялся. Этому много содѣйствовали совѣты профессора Баузе. «Особенно побудила меня», говоритъ самъ Кругъ: «увѣренность, что надо быть гораздо богаче меня, чтобъ продолжать какъ я началъ, и все-таки не оставалось надежды когда-нибудь довести свое собраніе до нѣкоторой полноты. Напротивъ, ограничиваясь однѣми монетами страны, которую я избралъ для постояннаго жительства, можно было надѣяться достигнуть этой полноты современемъ».

Пріобрѣтенный русскій мюнц-кабинетъ былъ сначала мертвымъ капиталомъ для Круга. Онъ не зналъ ни слова по-русски. Монеты заставили его учиться русскому языку; но, выучившись, онъ все-таки не удовлетворилъ своего любопытства въ отношеніи къ монетамъ. Его особенно интересовали надписи на старыхъ монетахъ. Онъ просилъ объяснить ихъ, но объясненія многихъ лицъ ему показались сомнительны; онъ обратился къ ученымъ духовнымъ особамъ; ихъ отвѣты были нѣсколько удовлетворительнѣе. Наконецъ, по благому совѣту

тогдашняго архимандрита Донскаго монастыря, Кругъ сталъ изучать библію и старыя рукописныя лѣтописи, писанныя на церковно-славянскомъ языкѣ, что̀ привело его къ занятію древней русской исторіей. И въ этомъ ему чрезвычайно благопріятствовало пребываніе въ домѣ гр. Орловыхъ. Въ библіотекѣ покойнаго графа (погибшей вмѣстѣ со многими другими въ 1812 году) хранилось много церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей. По нимъ и изъ сравнительнаго изученія славянской и греческой библіи, выучился Кругъ церковно-славянскому языку. А между тѣмъ его собраніе русскихъ монетъ увеличивалось; онъ скупалъ ихъ безпрерывно въ Москвѣ, внутреннихъ губерніяхъ и южной Россіи, куда ѣздилъ лѣтомъ нѣсколько лѣтъ сряду вмѣстѣ съ семействомъ графини Орловой.

Успѣхи Круга были неимовѣрны. Перемѣна мѣста въ 1801 году не измѣнила его выгоднаго для ученыхъ занятій положенія, и онъ продолжалъ ихъ ревностно. Въ 1803 году онъ писалъ о себѣ: «что̀ сперва было для меня препровожденіемъ времени и игрушкой, стало теперь серьёзнымъ дѣломъ. Я скоро выучился по-русски... перечиталъ все, что̀ имѣетъ хоть малѣйшее отношеніе къ русской нумизматикѣ; въ славянскихъ книгахъ и рукописяхъ, правда, нашелъ очень немного такого; но чрезъ это чтеніе я пріобрѣлъ немалыя познанія въ русской исторіи, такъ что теперь по спорнымъ пунктамъ уже спрашиваютъ моего мнѣнія».

Въ продолженіи этихъ трудовъ, созрѣла у Круга мысль написать сочиненіе о русской нумизматикѣ. Къ сожалѣнію, въ біографіи, изъ которой мы беремъ всѣ эти свѣдѣнія, не сказа́но, когда именно, или, по крайней мѣрѣ, когда впервые высказалъ Кругъ свое намѣреніе. Изучивъ всѣ значительные мюнцкабинеты въ Москвѣ (между прочими кабинетъ гр. Мусина-Пушкина, Баузе и др.), и перечитавъ всѣ русскіе и иностран-

ные источники русской исторіи, какіе онъ только могъ здѣсь достать, Кругъ захотѣлъ провести нѣсколько времени въ Петербургѣ. Цѣль предполагаемой поѣздки была ученая. Желая по возможности расширить и дополнить свои познанія въ русской нумизматикѣ, Кругъ хотѣлъ изслѣдовать здѣшніе мюнц-кабинеты, воспользоваться библіотекой и собрать всевозможныя свѣдѣнія о русскихъ монетахъ.

Вызовъ Баузе, который въ то время былъ въ Петербургѣ, и другія обстоятельства устроили въ 1803 году эту поѣздку. Въ Петербургѣ ужь знали и цѣнили Круга. Мысль издать изслѣдованія о русской нумизматикѣ его не покидала, и въ этомъ намѣреніи сильно поддерживалъ его Баузе. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Кругъ занимался въ Эрмитажѣ и собиралъ новыя данныя для своей работы. Ему всячески помогалъ и содѣйствовалъ Кёлеръ, подъ исключительнымъ надзоромъ и сохраненіемъ котораго находились эрмитажная библіотека и собраніе древностей. Были и другіе цѣнители нумизматическихъ познаній Круга, особенно между академиками. Они и Кёлеръ старались навсегда пріобрѣсти для Россіи такой замѣчательный историческій талантъ. Въ Академіи въ это время уже давно не было никого по части исторіи. Изъ немногихъ сочленовъ ея, почти исключительно математиковъ и естествоиспытателей, одинъ Шторхъ обращалъ вниманіе на русскую исторію. Но вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Александра, рѣшено было, вмѣстѣ съ другими перемѣнами въ Академіи, ввести въ кругъ ея занятій и этотъ предметъ.

Посреди ученыхъ трудовъ и усильной работы надъ задуманной русской нумизматикой, открылись Кругу, съ помощью Кёлера, виды на положеніе, чрезвычайно благопріятное для его занятій. Въ 1804 году, Кёлеръ объявилъ желаніе имѣть Круга при себѣ помощникомъ по эрмитажной библіотекѣ и мюнц-кабинету, а въ слѣдующемъ году Кругъ дѣйствительно

получилъ это мѣсто. «Отсюда», говоритъ онъ: «началась для меня какъ бы новая жизнь». Въ то же время (1804) онъ познакомился съ Шторхомъ, который предложилъ ему написать въ теченіе полугода статью о русской исторіи и искать вновь открываемаго по этой части мѣста въ Академіи. Вслѣдствіе этого Кругъ представилъ Шторху рукопись своего сочиненія, подъ заглавіемъ: «Einleitung in die Münzgeschichte des Russischen Reichs. Erster Zeitraum. Vom Anfange des Staats bis auf die Regierung Wladimir's des 1-sten» (Введеніе въ исторію Нумизматики Русскаго Государства. Періодъ первый. Отъ начала государства до великокняженія Владиміра I-го). Шторхъ представилъ это сочиненіе Академіи, которая въ засѣданіи 27 февраля 1805 года единогласно внесла имя Круга въ списокъ кандидатовъ-соискателей вновь открытыхъ мѣстъ. Но въ томъ же засѣданіи нѣкоторые члены, и въ главѣ ихъ математикъ Гурьевъ, воспротивились принятію Круга въ Академію, на томъ основаніи, что онъ не родился въ предѣлахъ Имперіи. «Русскіе академики», говоритъ Кругъ: «стараются (и я думаю, что они правы, потому что мы въ Россіи) всѣ мѣста мало-по-малу по возможности замѣстить Русскими. А такъ какъ я Нѣмецъ и родился не въ Русской имперіи, напримѣръ въ Лифляндіи, даже никогда не былъ въ русской службѣ, то русскіе академики рѣшительно протестовали противъ моего назначенія». Но они не протестовали, а только усомнились, можно ли принять Круга. Дѣйствительныя заслуги и несомнѣнныя достоинства его рѣшили дѣло въ его пользу не только въ Академіи Наукъ, но и въ Россійской Академіи, которой была передана на обсужденіе его ученая работа, и въ томъ же году онъ былъ избранъ адъюнктомъ Академіи по русской исторіи.

Получивъ мѣсто въ Академіи, Кругъ счелъ обязанностью публично заявить свое вступленіе на ученое поприще. Намѣ-

реніе издать полную исторію русскихъ монетъ онъ долженъ былъ оставить, потому что только небольшая часть матеріяловъ для этого сочиненія была имъ обработана и готова. Онъ рѣшился раздѣлить весь трудъ на три или четыре части, и первую изъ нихъ издалъ, не означивъ своего имени, осенью въ томъ же 1805 году. Это и была его первая ученая работа, появившаяся въ печати, о которой мы говорили выше.

Первый выпускъ нумизматическихъ изслѣдованій Круга былъ принятъ, какъ мы уже сказали, съ единогласными одобреніями. Еще въ февралѣ мѣсяцѣ, когда сочиненіе было представлено Шторхомъ на открывшійся тогда въ Академіи конкурсъ, Шубертъ сказалъ о Кругѣ: «изъ него можетъ выйдти второй Шлёцеръ». Рецензіи и критическія статьи, какъ въ Россіи, такъ и за границей, были не менѣе благопріятны. Профессоръ Буле, въ «Московскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ», Каченовскій въ «Вѣстникѣ Европы», Шлихтегроль, Коцебу, Гюлльманъ въ Германіи, Оберлинъ во Франціи, не говоря о другихъ, отозвались съ величайшимъ уваженіемъ и похвалами о книгѣ. Въ такомъ же смыслѣ писали къ Кругу Іоганнъ Мюллеръ и Карамзинъ.

Но всего болѣе озабочивало его мнѣніе тогдашняго корифея русской исторической критики, Августа Шлёцера. Кругъ не раздѣлялъ всѣхъ мнѣній Шлёцера и полемизировалъ противъ нихъ въ своемъ сочиненіи. «Сознаюсь», говоритъ онъ, «что многія изъ моихъ объясненій самому мнѣ кажутся очень смѣлыми; но, пользуясь случаемъ, я хотѣлъ попробовать, нельзя ли защитить подлинность нѣкоторыхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ, мѣстъ, которыя иные склонны считать подложными». Эти слова относились къ Шлёцеру. Какъ приметъ онъ полемику? Останется ли къ ней равнодушнымъ, или, какъ человѣкъ раздражительный, послѣдуетъ первому впечатлѣнію и ѣдко, желчно отзовется о первомъ трудѣ неизвѣстнаго изслѣдователя? Эти

вопросы очень занимали Круга. Не нужно предполагать въ немъ непомѣрное самолюбіе, тщеславіе, или излишнее преклоненіе передъ авторитетами, чтобъ найдти эту озабоченность весьма естественной и понятной. Кто знаетъ и умѣетъ цѣнить высокія заслуги Шлёцера въ критической русской исторіи, кто когда-нибудь самъ выступалъ впервые съ новымъ взглядомъ — результатомъ добросовѣстныхъ трудовъ и мысли, вскормленной и взлелѣянной съ любовью—передъ судъ людей, составившихъ себѣ заслуженное имя въ наукѣ, уже много для нея сдѣлавшихъ и опытныхъ, тотъ не обвинитъ Круга. Не надо забывать, что Шлёцеровъ «Опытъ Русскихъ Лѣтописей» (Probe russischer Annalen. 1768. Bromb. und Göttingen), по собственному его признанію, указалъ ему дорогу въ ученыхъ занятіяхъ русской исторіей; онъ часто разсказывалъ, какъ объясненія знаменитаго критика были для него поучительны и возбуждали его къ работѣ. Наконецъ, въ письмахъ къ Гаспари (въ Дерптѣ) и Якоби (въ Харьковѣ) онъ признаетъ Шлёцера своимъ «единственнымъ совмѣстнымъ судьей», приговору котораго, исключая, можетъ-быть, мелочей, онъ подчинится безусловно и безъ апелляціи. Весьма натурально, что суда такого человѣка онъ ожидалъ не совсѣмъ равнодушно. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1805 года, Кругъ писалъ къ брату: «я думаю, что строгій судъ будетъ произнесенъ надо мной въ Геттингенѣ. Я во многихъ мѣстахъ выказалъ ошибки Шлёцера, правда, большей частію не называя его, но онъ это почувствуетъ и мнѣ за то отплатитъ. Впрочемъ, это ничего: я все-таки достигну своей послѣдней цѣли, научусь, и въ будущее большее сочиненіе внесу одни твердо основанныя положенія». Рецензія Буле, гдѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ проводится параллель между Шлёцеромъ и Кругомъ и отдается послѣднему преимущество, смутила его. Въ началѣ 1806 года, онъ писалъ въ одномъ письмѣ: «Фусъ сообщилъ мнѣ Московскія

Вѣдомости; помѣщенная здѣсь рецензія вѣрно надѣлаетъ мнѣ много вреда. Параллели между Шлёцеромъ и мной дерзки и непремѣнно заставятъ его выискать множество ошибокъ въ моемъ сочиненіи. Я совершенно убѣжденъ въ невозможности когда-либо соперничать съ Шлёцеромъ». Даже письма І. Мюллера и Карамзина не могли успокоить Круга, что̀ видно изъ послѣдующаго письма его къ брату.

Въ концѣ ноября 1805 года, Кругъ написалъ къ Шлёцеру письмо и послалъ свою книгу. Отвѣтъ (въ мартѣ слѣдующаго года) самымъ пріятнымъ образомъ обманулъ его тревожныя ожиданія. Письмо во многихъ отношеніяхъ замѣчательно. Оно дѣлаетъ честь Шлёцеру и опредѣляетъ значеніе книги Круга въ нашей тогдашней исторической литературѣ. «Ваше сочиненіе», писалъ Шлёцеръ, «меня поразило! Со временъ Байера, это первое сочиненіе о древней русской исторіи въ цѣлой Россіи, написанное не только разумно, но съ настоящей критикой и со всей необходимой начитанностью въ иностранныхъ источникахъ; и такъ, первое сочиненіе такого рода черезъ семьдесятъ слишкомъ лѣтъ! Поэтому, сами вы для меня — замѣчательное явленіе, что̀ и даетъ мнѣ смѣлость просить васъ сообщить мнѣ о себѣ ближайшія свѣдѣнія, а именно, въ Россіи ли вы родились? Какъ напали вы на изученіе древней русской исторіи? Откуда пріобрѣли вы ваши несомнѣнныя познанія и т. д. Я спрашиваю васъ не изъ пустаго любопытства; можетъ-быть, я буду имѣть случай сдѣлать изъ этихъ данныхъ пріятное для васъ употребленіе». Съ тѣмъ вмѣстѣ Шлёцеръ обѣщалъ Кругу написать въ маѣ подробный отчетъ о его книгѣ и прислать экземпляръ рецензіи.

Эта нетерпѣливо ожидаемая Кругомъ рецензія наконецъ появилась въ октябрѣ 1806 года въ «Гёттингенскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ» (№ 163). Выписываемъ изъ нея самое интересное.

Изчисливъ недостатки сочиненія, касающіеся формы его, а а именно: неправильное заглавіе, безпорядочное изложеніе предмета, отсутствіе оглавленія, указателя и т. д., Шлёцеръ переходитъ къ изчисленію достоинствъ. «Они», говоритъ Шлёцеръ, «важнѣе. Настоящее заглавіе этихъ двѣнадцати листовъ было бы слѣдующее: Критическія изслѣдованія отдѣльныхъ мѣстъ Несторовой лѣтописи (мѣста о древнихъ монетахъ, конечно, составляютъ значительную часть). И эти изслѣдованія, съ тѣхъ поръ, какъ русская литература лишилась Байера (ум. 1738), первыя въ этомъ родѣ, написанныя и напечатанныя въ самой Россіи, слѣдовательно, первыя и до сихъ поръ единственныя, спустя 67 лѣтъ. Они отличаются двумя вещами: дѣйствительной ученой (только слишкомъ часто смѣлой) критикой, и основательной начитанностью въ иностранныхъ сочиненіяхъ; этихъ двухъ свойствъ, какъ извѣстно, недоставало до сихъ поръ всѣмъ безъ исключенія туземцамъ, занимавшимся своей древней исторіей. Г. Кругъ знакомъ со многими изъ этихъ сочиненій (иностранныхъ), пользуется ими прилежно и тщательно, и большею частію приводитъ подлинныя слова источниковъ. Это не требовало извиненій, а, напротивъ, заслуживаетъ похвалы, и есть обязанность добросовѣстнаго историка тамъ, гдѣ онъ долженъ быть критикомъ».

«... Шлёцеръ задалъ много дѣла г. Кругу: иногда онъ (Кругъ) бываетъ къ нему несправедливъ, но очень часто его исправляетъ, поправляетъ и дополняетъ доводами, особенно мѣткими параллелями, которыя дѣлаютъ честь его начитанности.

«На 14 стр. авторъ сознается въ намѣреніи оправдать тѣ мѣста лѣтописи, которыя иные объявляютъ за подложныя. Это, конечно, относится въ особенности къ сказкамъ, отъ которыхъ хотятъ очистить достопочтеннаго Нестора? Намѣреніе похвально, только не надо осуществлять его насильственно... О другомъ важномъ пунктѣ взгляды рецензента и

автора еще различнѣе. Г. Кругъ увѣренъ, что Россія рано стояла уже на гораздо высшей степени образованности, чѣмъ многіе думаютъ, и, чтобъ осуществить эту любимую мечту, онъ выводитъ изъ своихъ толкованій ип роизвольной выборки лѣтописныхъ мѣстъ доказательства древности, величія, могущества и образованности, гдѣ другіе, вслѣдствіе живаго обзора тогдашняго положенія вещей, ничего не находятъ, кромѣ новизмы, малости и дикости. Байеръ называлъ это invento calmo navem aedificare; принимать мимоходный хищническій набѣгъ за прочное завоеваніе, и даже заключать отсюда о постоянной, дружественной связи между грабителями и ограбленными — значитъ поступать подобно генеалогу, который произвелъ родоначальника одной фамиліи въ полковники на томъ основаніи, что по одному свидѣтельству этотъ родоначальникъ прибылъ въ страну во главѣ полка (въ должности барабанщика). Рецензентъ не можетъ себѣ представить, чтобъ люди, жившіе до Рюрика далеко на сѣверъ влѣво и вправо за Смоленскомъ, были много лучше Каждакскихъ островитянъ и обитателей пролива Нутки, какими ихъ нашли еще недавно. Всѣ три были въ совершенно одинакомъ положеніи, раздѣлены на маленькія кучки, безъ тѣсной связи между собою, безъ сношеній съ другими, отдѣлены отъ всѣхъ образованныхъ народовъ, притомъ подъ суровымъ небомъ, гдѣ зародышъ человѣческаго развитія, лежащій и въ нихъ столько же, какъ и во всѣхъ другихъ людяхъ, никакимъ образомъ не могъ развернуться безъ чужой помощи извнѣ. Конечно, г. Кругъ не раздѣляетъ мнѣнія нѣкоторыхъ русскихъ и венгерскихъ старовѣровъ, будто позорятъ народъ, когда ему говорятъ, что предки его не были такіе же цивилизованные люди (galants hommes), какъ они теперь—другими словами, что порочатъ человѣка высокаго ума, въ шесть футовъ ростомъ, когда говорятъ о немъ, что онъ былъ нѣкогда неразумнымъ и маленькимъ ребенкомъ? Напро-

тивъ, какая слава озаряетъ русское государство, когда возникновеніе его представляютъ какъ орудіе Провидѣнія, предназначенное украсить обширный міръ, быть-можетъ, въ продолженіе тысячелѣтій остававшійся пустыней, и мало-по-малу изъ Мери, Веси и Древлянъ, и т. д. сдѣлать Русскихъ! Но при такихъ условіяхъ образованіе, и послѣ Рюрика, должно было идти чрезвычайно медленно...

«...Авторъ объявляетъ, что за этой книжкой выйдутъ еще двѣ или три. Почему не шесть, почему не двѣнадцать? Жатва обильна. Пусть онъ повѣряетъ и исправляетъ Шлёцера, пока Шлёцеръ можетъ писать: при этомъ выиграютъ обѣ стороны—но это не важно—при этомъ выиграютъ истина и достоинство русской исторіи».

Эта рецензія дѣлаетъ тѣмъ болѣе чести Шлёцеру, что во второмъ письмѣ къ Кругу онъ откровенно признался, что его изслѣдованія задѣли его самолюбіе.

Въ то время, какъ со всѣхъ сторонъ сыпались доказательства хорошаго впечатлѣнія, произведеннаго книгой, Кругъ усердно работалъ надъ второй частью своихъ нумизматическихъ изслѣдованій, и въ началѣ марта 1806 года представилъ Академіи первый отдѣлъ своихъ изысканій о гривнѣ, подъ заглавіемъ: «Abhandlung über die Griwna. Erster Theil. Von der Griwna als Halsschmuck der alten Russen» (Разсужденіе о гривнѣ. Часть первая. О гривнѣ, шейномъ украшеніи древнихъ Руссовъ). Еще въ концѣ года Кругъ намѣревался напечатать это разсужденіе — вторую часть прежняго труда. Но другой предметъ отклонилъ его вниманіе и надолго овладѣлъ имъ. Это была русская хронологія, до того времени исполненная ошибокъ и неправильностей. Для подобной работы, Кругъ имѣлъ всѣ нужныя качества и знанія. Чтò его побудило ею заняться — неизвѣстно. Вѣроятно, Шлёцеръ далъ первый толчокъ своимъ письмомъ и рецензіей.

Отъ русской хронологіи Кругъ перешелъ къ византійской, но когда и какъ—тоже неизвѣстно. Въ 1810 году, появилось его знаменитое сочиненіе «Kritischer Versuch zur Aufklärung der Bysantinischen Chronologie». Имъ не только исправлены и приведены въ ясность нѣсколько сотъ хронологическихъ данныхъ, дотолѣ невѣрныхъ и ошибочныхъ, но, что̀ несравненно важнѣе—съ помощью этой повѣрки былъ пролитъ новый свѣтъ на многія историческія событія, на которыя смотрѣли неправильно, потому что хронологіей занимались слишкомъ поверхностно. Крещеніе Ольги, договоры Олега и Игоря съ Греціей, защищены такимъ образомъ навсегда отъ скептическихъ нападокъ. Первѣйшіе знатоки византійской исторіи въ Европѣ: Геренъ, Шлоссеръ, Рюсъ, Гюльманъ, Газе, отозвались о сочиненіи Круга въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Въ такомъ же тонѣ появились и другія рецензіи. Многіе ученые воспользовались книгой въ своихъ сочиненіяхъ. Несмотря на то, результаты изслѣдованій Круга о византійской хронологіи почему-то не сдѣлались общеизвѣстными, такъ что въ послѣднія десятилѣтія вышло много книгъ въ Россіи, Германіи и Франціи по исторіи среднихъ вѣковъ вообще, и по нѣкоторымъ частямъ русской и византійской государственной, церковной и юридической исторіи, въ которыхъ изысканія Круга вовсе не были приняты въ соображеніе. Не только у извѣстныхъ, но даже у знаменитыхъ писателей находимъ тому доказательства, даже до настоящаго времени. Это часто оскорбляло Круга. Ему было обидно, что книга его, которая такъ превозносилась за границей, не произвела никакого впечатлѣнія въ Академіи; что онъ не получилъ за нее ни признательности, ни поощренія; что въ 1815 году онъ все еще былъ адъюнктомъ, а другіе, стоявшіе ниже его, давно его опередили; что самъ Карамзинъ недостаточно обратилъ вниманія на его изслѣдованія, и только по его указаніямъ исправилъ и дополнилъ первые томы своей

исторіи, а Полевой даже и не читалъ его книги. «Если такъ поступаютъ люди, которыхъ я назвалъ», пишетъ Кругъ: «можно ли ожидать, чтобъ другіе, до которыхъ это такъ близко не касается, больше интересовались такими изслѣдованіями? И прійдетъ ли кому когда-нибудь въ голову перевести подобную книгу вполнѣ, или въ извлеченіи на русскій языкъ, хоть бы иной могъ изъ нея чему-нибудь и поучиться? Печатаютъ же «мы не понимаемъ такой учености!»[1]). И послѣ того вѣрь, будто такъ уже сильно желаютъ видѣть изданіе моихъ статей, которыя почти всѣ критическаго содержанія! Разумѣется, это одни слова! Конечно, изъ этого еще не выходитъ, что мои изслѣдованія напрасны; но я въ самомъ дѣлѣ думаю, что полезнѣе употреблю время, пока еще могу работать, продолжая набрасывать на бумагу результаты своихъ изысканій, чѣмъ теряя его на перебѣленіе, пополненіе промежутковъ вещами уже извѣстными, и на исправленіе корректуры».

Этимъ нѣкоторымъ образомъ объясняется, почему съ 1810 года Кругъ не издалъ ни одного большаго сочиненія. Все, что имъ напечатано съ этого времени, ограничивается, кромѣ изслѣдованій Лерберга, небольшими статьями или извлеченіями, которыя онъ, по особеннымъ случаямъ, сообщалъ изъ своихъ ученыхъ работъ.

Византійская исторія продолжала занимать его и послѣ 1810 года. Еще за два года передъ тѣмъ (1808), онъ предложилъ Академіи объявить всю византійскую хронологію предметомъ ученаго конкурса на академическую премію. Такъ какъ представленныя сочиненія были неудовлетворительны, то Кругъ и Лербергъ предложили возобновить эту тему и продолжить срокъ конкурса до 1815 года. Но на этотъ разъ сочиненій вовсе не

---

[1]) Намекъ на «Догадки и Замѣчанія» С. Глинки, направленныя противъ Шлёцера, гдѣ употреблена именно эта фраза.

представлено (по смерти Круга, Академія рѣшила поощрять изученіе византійской исторіи новыми конкурсами). Впрочемъ, результаты дальнѣйшаго изученія Византійцевъ, по времени и трудамъ, которые употребилъ на нихъ Кругъ, не представляютъ особенной важности. До насъ дошло нѣсколько небольшихъ разсужденій и отдѣльныхъ тамъ-и-сямъ разсѣянныхъ замѣтокъ; множество ихъ содержится также въ обширныхъ добавленіяхъ къ обоимъ печатнымъ сочиненіямъ; они отчасти касаются и византійской нумизматики, которою Кругъ тоже долго занимался. Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ его византійскихъ изслѣдованій было открытіе, что источникомъ для Нестора служилъ Георгій Амартолъ. Въ послѣдствіи, г. П. Строевъ дошелъ до того же результата другимъ путемъ. Во всякомъ случаѣ, Кругу принадлежитъ честь перваго открытія факта, столь важнаго для древней русской исторіи и объясненія Несторовой лѣтописи.

Послѣ 1810 года, изслѣдованія Круга о русской исторіи относились въ особенности къ до-татарскому періоду. Мысль обработать исторію одного изъ московскихъ государей, занимавшая его еще въ 1805 году, въ послѣдствіи была совершенно оставлена. Тогдашнее состояніе источниковъ и необработанность по времени первыхъ вопросовъ русской исторіи, подававшихъ поводъ къ самымъ нелѣпымъ мнѣніямъ, сосредоточили все вниманіе Круга на первыхъ вѣкахъ русской исторіи. Послѣ нумизматики, хронологіи и византійской исторіи, онъ сталъ изучать вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси. Съ неутомимымъ трудолюбіемъ и добросовѣстностью, которыя составляли характеристическую черту Круга, изучилъ онъ не только византійскіе и русскіе источники, но и скандинавскіе, множество средневѣковыхъ латинскихъ источниковъ, и въ послѣдствіи даже восточные. Такимъ образомъ, онъ открылъ нѣсколько новыхъ свидѣтельствъ о происхожденіи Варяго-Руссовъ; но глав-

ная заслуга его заключается въ томъ, что онъ уже началъ понимать рѣзкую національную и политическую противоположность, долго существовавшую между норманскими Руссами и восточными Славянами. Къ сожалѣнію, этотъ результатъ оставался недоступнымъ для другихъ, потому что Кругъ медлилъ изданіемъ своихъ ученыхъ трудовъ. Нельзя себѣ представить, съ какимъ вниманіемъ и терпѣніемъ онъ изучалъ источники, входилъ въ малѣйшія подробности избраннаго предмета, захватывалъ побочные вопросы, даже такіе, которые имѣли самую отдаленную связь съ главной темой. Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ: чтобъ правильно объяснять мѣста изъ русскихъ лѣтописей, онъ не ограничился познаніями въ церковно-славянскомъ языкѣ, пріобрѣтенными въ Москвѣ, а употребилъ на ближайшее съ нимъ знакомство еще два года въ Петербургѣ. Средства для изученія церковно-славянскаго языка тогда были еще скудны; Кругъ рѣшился на тяжкій путь. Онъ началъ сравнивать церковно-славянскую Библію (въ добавокъ по разнымъ чтеніямъ) съ ветхимъ завѣтомъ семидесяти толковниковъ и греческимъ текстомъ евангелій. Такимъ образомъ прочиталъ онъ славянскую Библію четыре раза съ начала до конца, и только послѣ такой работы считалъ свои свѣдѣнія достаточными для правильнаго уразумѣнія и точной передачи подлинныхъ словъ славянскихъ лѣтописцевъ. Этотъ тяжкій трудъ не остался безплоднымъ, что̀ видно изъ обстоятельныхъ толкованій разныхъ свидѣтельствъ лѣтописи въ его статьяхъ. Кромѣ того, Кругъ могъ вполнѣ оцѣнить достоинство древнѣйшихъ списковъ, отличающихся чистотой церковно-славянской конструкціи и выраженій; не забудемъ, что изданіе Остромірова Евангелія тѣсно связано съ именемъ Круга. Число перечитанныхъ и собранныхъ имъ матеріяловъ изумительно. Довольно взглянуть на бывшія у него подъ руками изданія славянскихъ, византійскихъ, латинскихъ и исландскихъ источниковъ и отмѣтки въ

нихъ, чтобъ въ этомъ убѣдиться. Бо̀льшую часть зрѣлаго возраста провелъ онъ въ изученiи иностранныхъ источниковъ. Работа невидная и неблагодарная въ приложенiи къ первымъ четыремъ вѣкамъ русской исторiи, мало освѣщаемымъ иностранными извѣстiями! Когда Кругъ приступилъ къ обработкѣ собранныхъ историческихъ матерiяловъ, ему уже минуло пятьдесятъ лѣтъ. Самаго трудолюбиваго ученаго не достало бы на обработку такого множества данныхъ, особенно съ той обстоятельностью, какъ это дѣлалъ Кругъ. А онъ въ добавокъ и утомился. Въ 1818 году, онъ писалъ къ одному изъ своихъ друзей (кажется, Эверсу): «Къ сожалѣнiю, я употребилъ слишкомъ много времени на чтенiе (источниковъ), захватилъ слишкомъ много, мои приготовленiя чрезъ мѣру расширились», мнѣ бы слѣдовало ограничить собиранiе матерiяловъ; иное, можетъ-быть и многое останется теперь напрасно собраннымъ и недоконченнымъ, даже и не начатымъ; не достанетъ времени и силъ обработать. Я ужь не могу быть такъ же прилежнымъ, какъ былъ, и такъ и умру, не издавъ и десятой доли результатовъ моего чтенiя». Въ двадцатыхъ годахъ, Кругъ искалъ уже человѣка, который могъ бы привести въ порядокъ и издать его ученое наслѣдiе послѣ его смерти. Отъ времени до времени, онъ еще самъ принимался за разные начатые свои труды, съ тѣмъ, чтобъ ихъ докончить; но силъ недоставало.

Въ продолженiе академической дѣятельности, Кругъ покровительствовалъ и оказывалъ содѣйствiе многимъ молодымъ ученымъ, которые въ послѣдствiи заняли почетное мѣсто въ русской исторической литературѣ. Вскорѣ послѣ принятiя Круга въ Академiю, возвратился изъ Гёттингена любимый ученикъ Ав. Шлёцера, А. И. Тургеневъ. Кругъ всячески старался направить его на ученую дорогу и серьёзно помышлялъ предложить его въ адъюнкты Академiи по части русской исторiи. Но, по домашнимъ обстоятельствамъ Тургенева, это не состо-

ялось. Тогда Кругъ обратилъ вниманіе на двухъ другихъ молодыхъ людей, которыхъ, между прочимъ, Шлёцеровъ «Несторъ» пристрастилъ къ изученію русской исторіи. То были Лербергъ, дерптскій уроженецъ, и Эверсъ, прибывшій изъ Германіи и поселившійся въ Дерптѣ. Съ первымъ Кругъ былъ въ тѣсной дружбѣ, которая завязалась съ 1805 года. Въ мартѣ 1807 года, Лербергъ, по предложенію Круга, былъ избранъ въ члены Академіи по русской исторіи. По смерти своего друга, Кругъ издалъ его сочиненія подъ заглавіемъ: «Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands von A. C. Lehrberg, etc. St. Petersburg. 1816, in 4». (Изслѣдованія, служащія къ объясненію древнѣйшей русской исторіи А. К. Лерберга, и т. д. Санктпетербургъ. 1816 г.). Съ Эверсомъ Кругъ познакомился въ 1808 году, сдружился съ нимъ, и эта связь продолжалась слишкомъ двадцать лѣтъ. Въ 1808, и потомъ опять въ 1813 году, Кругъ очень желалъ ввести Эверса въ Академію, но попытки его были напрасны. Тѣмъ не менѣе Кругъ успѣлъ оказать Эверсу весьма существенныя услуги: защитилъ его противъ крутыхъ нападокъ Шлёцера и много содѣйствовалъ ему въ полученіи каѳедры въ Дерптскомъ университетѣ. Все это дѣлаетъ тѣмъ болѣе чести Кругу, что онъ не раздѣлялъ ученыхъ убѣжденій Эверса. Наконецъ, стараніями Круга, вступилъ въ Академію Френъ, основатель наукообразнаго изученія мухаммеданскаго Востока въ Россіи; г. Погодина тоже онъ замѣтилъ въ самомъ началѣ его учено-литературной дѣятельности. «Такого критическаго ума и здраваго сужденія я еще не встрѣчалъ между молодыми Русскими», писалъ онъ въ 1826 году къ одному изъ друзей, прочитавъ изслѣдованія «О Происхожденіи Руси», изданныя въ 1825 году. Кругъ хотѣлъ имѣть г. Погодина своимъ адъюнктомъ, въ 1826 году предложилъ въ члены-корреспонденты, а въ 1828 году въ адъюнкты Академіи. Послѣднее, несмотря

на единогласное избраніе, не состоялось. Такое же содѣйствіе оказывалъ Кругъ Шегрену, который, по его предложенію, былъ принятъ въ сочлены Академіи; г. Устрялову, избранному, по рекомендаціи Круга, въ адъюнкты по русской исторіи въ 1837 году. Словомъ, всѣхъ замѣчательныхъ и ученыхъ молодыхъ людей, которыхъ занятія имѣли прямое или косвенное отношеніе къ русской исторіи, Кругъ поддерживалъ всѣми силами, и старался упрочить и обезпечить ихъ дальнѣйшую ученую дѣятельность. Черта характера весьма почтенная, и, къ сожалѣнію, весьма рѣдкая въ ученыхъ.

Въ заключеніе очерка многообразной дѣятельности Круга на пользу русской исторіи, остается сказать нѣсколько словъ о его отношеніяхъ къ покойному канцлеру Н. П. Румянцову. Они раскрываютъ не менѣе интересную и достойную уваженія сторону ученаго поприща Круга.

Канцлеръ познакомился съ Кругомъ въ числѣ другихъ знатоковъ и любителей русской исторіи; но ихъ сближеніе началось по смерти Лерберга, который былъ другомъ обоихъ. Съ этого времени тянется рядъ проектовъ и плановъ, задуманныхъ ими вмѣстѣ, и которыхъ цѣлью было подвигать изученіе русской исторіи. Однимъ изъ первыхъ предпріятій, внушенныхъ Румянцову Кругомъ, было изданіе византійскихъ источниковъ русской исторіи, а именно Георгія Амартола и Льва Дьякона. По порученію канцлера, Кругъ вошелъ для того въ сношенія съ эллинистомъ Газе въ Парижѣ (1813 и 1814). Газе ужь нѣсколько лѣтъ готовилъ изданіе Льва Дьякона; Румянцовъ вызвался взять на себя издержки. Цѣль достигнута не прежде 1819 года. Другія предпріятія, сюда относящіяся — изданіе многихъ ненапечатанныхъ византійскихъ источниковъ, поиски въ библіотекахъ Англіи и собраніяхъ рукописей въ монастыряхъ Азіи, приведеніе въ извѣстность византійскихъ рукописей въ Испаніи — все это осталось неисполненнымъ за смертью Ру-

мянцова. Только часть этихъ плановъ — изданіе Пселля и Амартола, приводится въ исполненіе теперь. Кругъ былъ душою этихъ предпріятій и велъ по нимъ переписку съ европейскими учеными и духовными особами въ Константинополѣ и Азіи. Потомъ Румянцовъ обратилъ вниманіе на классическіе греко-римскіе памятники и описанія южной Россіи, и усердно собиралъ босфорскія медали и другіе памятники. И въ этомъ Кругъ былъ его совѣтникомъ и органомъ. Изданное по этому предмету на счетъ канцлера маловажно въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ задумалъ.

Кавказъ сдѣлался для него тоже предметомъ любопытства. Онъ хотѣлъ узнать его исторію съ помощію оріенталистовъ, а въ послѣдствіи и арменистовъ. Когда утраченная въ подлинникѣ хроника Евсевія была найдена въ армянскомъ переводѣ, у него родилась надежда отыскать и другихъ недошедшихъ до насъ классическихъ писателей въ такихъ же переводахъ.

Извѣстно, съ какою ревностью канцлеръ собиралъ и издавалъ памятники церковно-славянской литературы. О каждомъ пріобрѣтеніи такого рода онъ сообщалъ Кругу, который поддерживалъ его страсть, указывалъ на лингвистическую важность тѣхъ изъ нихъ, которые не представляли ничего особеннаго для исторіи, и обратилъ вниманіе канцлера на заграничныя церковно-славянскія рукописи, напримѣръ, парижскія. По рекомендаціи Круга, Румянцовъ поручалъ многія весьма важныя работы Востокову—напримѣръ, изданіе Остромірова Евангелія. Чрезъ Круга Румянцовъ познакомился съ Френомъ, къ которому былъ очень хорошо расположенъ. Узнавъ, что восточныя литературы могутъ многое прояснить въ древне-русской исторіи и этнографіи, Румянцовъ началъ собирать восточныя монеты и рукописи, и изъявилъ готовность напечатать ихъ цѣликомъ или въ извлеченіяхъ. Задумано собраніе восточныхъ извѣстій о Норманнахъ, Славянахъ, Болга-

рахъ, Козарахъ, Монголахъ, Татарахъ, Грузинахъ и другихъ кавказскихъ народахъ. Канцлеръ хотѣлъ печатать его на свой счетъ. Вести дѣло поручено Кругу, который для этого вошелъ въ сношенія со многими оріенталистами и другими учеными. Съ смертью канцлера это предпріятіе разстроилось. На деньги, посланныя Румянцовымъ къ Сенъ-Мартену для предположеннаго изданія, готовится теперь собраніе однихъ византійскихъ извѣстій.

Исторія генуэзскихъ колоній у Чернаго моря также живо интересовала канцлера. Съ нею былъ тѣсно связанъ вопросъ о древнѣйшихъ торговыхъ сношеніяхъ между Европой и Азіей черезъ Россію — сношеніяхъ, которыя опровергались нѣкоторыми учеными, между прочимъ, Шлёцеромъ, и существованіе которыхъ потомъ сдѣлалось несомнѣнно, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ближе познакомились съ восточной нумизматикой. Канцлера занимала мысль составить исторію древней русской торговли. Много было сдѣлано для собранія нужныхъ свѣдѣній; но результаты не соотвѣтствовали ожиданіямъ. Изслѣдованія отношеній Ганзы къ Новгороду, Лифляндіи, Эстляндіи и т. д. были обильнѣе послѣдствіями. Къ сожалѣнію, наука не могла извлечь изъ нихъ пользы, ожиданной канцлеромъ. И во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ Кругъ игралъ важную роль. Онъ велъ переписку съ учеными Генуи, вызвался доставить канцлеру копіи съ географическихъ картъ, составленныхъ въ средніе вѣка Итальянцами; по порученію канцлера, сносился съ германскими учеными для отысканія свидѣтельствъ о древнѣйшей русской торговлѣ, и по его предложенію и выбору былъ посланъ канцлеромъ молодой ученый въ Германію, для разъясненія исторіи сношеній Ганзы съ Россіей.

Наконецъ, нельзя пройдти молчаніемъ участіе Круга въ предположенномъ Румянцовымъ изданіи русскихъ лѣтописей, и Археографической экспедиціи археолога П. М. Строева.

Въ ноябрѣ 1813 года, министръ народнаго просвѣщенія, Разумовскій, словесно сообщилъ Кругу, что канцлеръ подарилъ Академіи 25,000 руб. асс. для изданія русскихъ лѣтописей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, министръ предложилъ Кругу принять на себя это изданіе по плану Шлёцера. По этому случаю, Кругъ, спустя нѣсколько времени, подалъ министру записку, гдѣ подробно изложилъ причины, по которымъ не можетъ принять на себя изданія, самый планъ его, свои предположенія о томъ, какое другое полезное употребленіе можно бы сдѣлать изъ этихъ денегъ, еслибъ изданіе лѣтописей не состоялось; наконецъ, взглядъ на причины, препятствовавшія у насъ въ то время развитію историческихъ наукъ вообще и русской исторіи въ особенности. Эта записка—важный историческій документъ для исторіи русскаго просвѣщенія. Она показываетъ, какъ быстро оно у насъ идетъ и съ какой заботливостью правительство устраняетъ всѣ замѣченныя препятствія къ преуспѣянію изученія русской исторіи. Мы не имѣемъ никакого понятія о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми должны были бороться наши ученые, какихъ-нибудь тридцать лѣтъ назадъ.

Изложивъ, какія условія долженъ совмѣщать въ себѣ издатель русскихъ лѣтописей по мысли Шлёцера, Кругъ говоритъ: «Эти условія, какъ они ни необходимы, рѣдко бываютъ соединены въ одномъ лицѣ, и нужны совершенно иныя обстоятельства, чѣмъ теперешнія, чтобъ молодые Русскіе рѣшились лишь попробовать пріобрѣсти хоть нѣкоторыя изъ нихъ. На мнѣ лежитъ обязанность доказать то, что̀ я говорю, и показать, почему это такъ. Но, чтобъ имѣть возможность это дѣлать, я позволю себѣ, какъ это ни тягостно, сказать вашему сіятельству нѣсколько подробнѣе о самомъ себѣ, потому только, что я, разумѣется, знаю лучше свое положеніе, чѣмъ другихъ». Разсказавъ свою ученую дѣятельность, изданныя сочиненія и лестные отзывы о нихъ и за границей, Кругъ про-

должаетъ: «Въ Россіи же — совсѣмъ другое! Быть-можетъ, скажутъ: это происходитъ оттого, что мои сочиненія написаны на иностранномъ языкѣ. Но первая моя книга уже въ 1807 году вышла въ русскомъ переводѣ; а кто ее знаетъ, и кто читаетъ?»...

Отказываясь отъ изданія лѣтописей лѣтами, разными начатыми и предположенными работами, и предлагая поручить это дѣло Эверсу и какому-нибудь ученому изъ Русскихъ, Кругъ находилъ возможнымъ въ случаѣ, если изданіе лѣтописей почему-либо окажется неудобнымъ, употребить внесенныя канцлеромъ деньги на полное изданіе иностранцевъ, писавшихъ о Россіи съ XIII до конца XVII вѣка, или на изданіе Георгія Амартолы.

Археологическое путешествіе Строева насчетъ Академіи опредѣлено въ 1828 году. За два года передъ тѣмъ, Академія, по предложенію Круга, избрала гг. Строева и Погодина въ свои члены корреспонденты. Уже въ 1817 и 1818 годахъ, г. Строевъ объѣздилъ, по порученію канцлера, многія губерніи для изслѣдованія монастырскихъ архивовъ и библіотекъ. Въ 1823 году, онъ представилъ Московскому обществу исторіи и древностей россійскихъ, какіе важные результаты можетъ имѣть путешествіе по внутренней Россіи для русской исторіи и церковно-славянской литературы. Въ послѣдствіи, онъ представилъ свой планъ Академіи и просилъ ее сдѣлать для него возможнымъ такое путешествіе. На Круга возложено было представить объ этомъ докладъ. Кругъ вполнѣ одобрилъ проектъ г. Строева, вслѣдствіе чего Академія приняла предложеніе и археографическое путешествіе, имѣвшее такія важныя послѣдствія для изученія древней Руси, состоялось. Однимъ изъ результатовъ его было собраніе драгоцѣнныхъ историко-юридическихъ актовъ, значительная часть которыхъ издана въ четырехъ томахъ Археографической Коммиссіей подъ наз-

ваніемъ: «Акты, собранные въ архивахъ и библіотекахъ Россійской Имперіи Археографическою Экспедиціею».

Наконецъ, Кругу же обязана нѣкоторымъ образомъ наука образцовымъ изданіемъ «Каталога Румянцовскаго Музея» Востоковымъ. Когда Румянцовскій Музей поступилъ въ казенное вѣдомство, братъ покойнаго канцлера предложилъ Кругу принять на себя его завѣдованіе, но Кругъ отказался и рекомендовалъ на это мѣсто Востокова. Заслуги послѣдняго извѣстны всему русскому ученому міру и въ жизни Круга, конечно, не послѣднюю свѣтлую точку представляетъ благородное покровительство такой ученой знаменитости.

Вотъ очеркъ ученой и служебной дѣятельности Круга на пользу русской исторіи. Его частная жизнь, его, такъ сказать, неоффиціяльныя отношенія не вошли въ составъ его біографіи, изданной вмѣстѣ съ его посмертными учеными трудами. Мы думаемъ, что г. Кунигъ поступилъ весьма правильно, опустивъ эту сторону жизнеописанія Круга.. Не говоря уже, что домашняя, частная, субъективная жизнь Круга слишкомъ близка къ нашему времени и потому не можетъ быть передана вполнѣ и правдиво, она, какъ намъ кажется, и не имѣетъ особеннаго интереса для большинства читателей, исключая тѣхъ, которые были близки къ покойному и связаны съ нимъ дружбой. Кругъ былъ попреимуществу изслѣдователь, критикъ, а не историкъ. Онъ видѣлъ въ своихъ изысканіяхъ необходимое приготовленіе къ критической русской исторіи, и съ любовью остановился на предварительной разработкѣ фактовъ. Вотъ почему объемъ его изслѣдованій мало-по-малу съуживался и, наконецъ, ограничился первыми четырьмя вѣками русской исторіи. Оспоривать важность и необходимость критической исторіи было бы странно въ наше время. И русская и иностранная историческія литературы слишкомъ убѣдительно доказываютъ, какое огромное значеніе она имѣетъ въ

развитіи историческаго смысла и какъ, посредствомъ мелочной критики, по видимому, ничтожныхъ подробностей, открываются цѣлыя историческія эпохи и возстановляется настоящій смыслъ событій, искаженныхъ вольной и невольной ложью современныхъ и послѣдующихъ сказателей и писателей. Но, отдавая въ полной мѣрѣ должную справедливость критической разработкѣ исторіи, нельзя не согласиться, что она только половина и даже, какъ мы осмѣливаемся думать, второстепенная половина великой науки исторіи. Это ея подножіе, прочный фундаментъ, если хотите, ея внѣшняя оболочка, но еще не она сама. Разработка данныхъ то же въ исторіи, что техническая сторона въ художествахъ, выработанный слогъ или стихъ въ изящной литературѣ. Ихъ взаимная связь и вліяніе другъ на друга не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, но они не одно и то же. Художественная техника никогда не была доведена до той высоты, на какой теперь стоитъ—а искусство въ упадкѣ; у насъ много людей, владѣющихъ стихомъ и прозой не хуже первоклассныхъ русскихъ поэтовъ и прозаиковъ — а нѣтъ великихъ писателей. То же и въ исторіи. Можно съ величайшею подробностью изучить всѣ историческіе факты и не быть историкомъ. Это потому, что исторія не собраніе данныхъ въ ихъ хронологической послѣдовательности и фактическомъ сцѣпленіи, такъ же какъ художнственное произведеніе не есть одно правильное сочетаніе тѣней, красокъ, звуковъ или словъ: она живое откровеніе народнаго духа, его характера и наклонностей, достоинствъ и недостатковъ, какъ они опредѣлились въ дѣйствительности, подъ вліяніемъ тысячи внѣшнихъ условій. Исторія въ этомъ высшемъ значеніи есть не только повѣсть о бывшемъ, но разумѣніе настоящаго, чаяніе будущаго. Это физіологія историческихъ типовъ, изученіе человѣка въ его опредѣленномъ дѣйствительномъ бытіи. Она даетъ непосредственное сознаніе народности, и потому воспи-

тываетъ, развиваетъ, укрѣпляетъ и освѣжаетъ народный духъ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ исторія въ первоначальной формѣ пѣсни, сказки, преданія, до ея теперешнихъ колоссальныхъ, величественныхъ размѣровъ, она вездѣ и всегда, сознательно и безсознательно имѣла это значеніе. Правда, степень развитія, потребности времени, господство разныхъ философскихъ школъ, наконецъ, бо̀льшая или мѐньшая даровитость писателей, нерѣдко искажали и затемняли это призваніе исторіи. Въ ней искали прямыхъ уроковъ, но она не наставница съ указкой въ рукѣ; изъ нея черпали доказательства непреложной справедливости самыхъ различныхъ мнѣній, системъ, началъ, направленій: она опровергаетъ и подтверждаетъ всѣ и потому ни одного не отстаиваетъ, ни одного не исключаетъ, какъ бы смѣясь надъ ограниченностью и узкостью людей. Ее строили по готовымъ схемамъ, любимымъ мыслямъ, дѣлали ее ареной и судьей всѣхъ литературныхъ, философскихъ и политическихъ споровъ; но она выше всего этого. Исторія не даетъ готовой формулы на вѣчные вѣки, не создаетъ опредѣленной системы, не вмѣшивается въ пренія и распри людей, не снабжаетъ кодексомъ нравственныхъ правилъ; какъ созданіе искусства, она настроиваетъ, вырабатываетъ непосредственную основу человѣческой дѣятельности, изъ которой выходятъ мысли и дѣйствія, даетъ смыслъ и тактъ, питаетъ живительными источниками нравственную природу человѣка, не стѣсняя его дѣятельности, не связывая его ума и воли. Исторія возвращаетъ мысль изъ области отвлеченностей, въ которыя она охотно вдается, стремясь безпрерывно впередъ, въ міръ дѣйствительности, уравновѣшиваетъ ея порывы съ условіями данной среды, которыми мышленіе слишкомъ часто пренебрегаетъ, въ ущербъ цѣльности, гармоничности человѣческой природы, во вредъ плодотворной и энергической дѣятельности.

Написать исторію въ этомъ высшемъ ея значеніи, и критическую исторію — двѣ вещи разныя. Повторяемъ, первая не можетъ быть совершенна безъ второй, но вторая ея не замѣнитъ ни въ какомъ случаѣ. Каждая изъ нихъ идетъ, развивается своей дорогой, имѣетъ своихъ дѣятелей и поборниковъ; обѣ дополняютъ, развиваютъ другъ друга, но не сливаются. То вѣрно, что блистательная роль въ жизни и судьбѣ народовъ не предстоитъ критической исторіи: она такъ спеціальна, суха, такъ строга, что не можетъ быть предметомъ общаго благоговѣнія. Ей въ удѣлъ заслуженное уваженіе небольшаго числа ученыхъ, исключительно занимающихся предметомъ. Всеобщность, нравственное дѣйствіе и вліяніе всегда будутъ принадлежать исторіи художественно-написанной, и только она можетъ быть «священной книгой народовъ», по выраженію Карамзина. Напрасно говорятъ нѣкоторые ученые: погодите писать такую исторію; вотъ неизслѣдованный вопросъ, вотъ необъясненное событіе; ихъ нужно сперва обработать критически, и уже потомъ приняться за цѣлое. Въ живой литературѣ никогда не бываетъ и не можетъ быть такой постепенности. Никто не ждетъ другаго; всѣ дѣлаютъ свое, потому что задача разная. Исторія, въ ея высшемъ, національномъ значеніи, есть складалище народныхъ вѣрованій, цвѣтъ умственнаго и нравственнаго развитія народа, его послѣднее слово въ данное время. Это нѣчто больше вѣрнаго разсказа фактовъ, и потому-то она не можетъ быть отложена до полнаго ихъ возстановленія и обработки. Въ этомъ смыслѣ принималъ исторію Карамзинъ. Критическая сторона «Исторіи Государства Россійскаго» слаба и недостаточна. Можно ли сравнивать превосходныя изслѣдованія Круга, Шлёцера, Эверса, Лерберга, Неймана съ разысканіями Карамзина? А между тѣмъ, его «Исторія» имѣетъ огромную извѣстность, воспитала нѣсколько поколѣній и занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ

русскаго образованія. Отчего? Конечно не вслѣдствіе буквальной вѣрности разсказа событій, непреложности выводовъ и заключеній, тѣмъ менѣе вслѣдствіе существеннаго достоинства основнаго взгляда автора. Въ ученомъ и историческомъ отношеніяхъ, эта книга уже перестала быть авторитетомъ; были и во время ея появленія люди, способные произнести объ ней такой же судъ. Но что̀ ставило ее выше критики, что̀ составляетъ ея силу, дало ей великое значеніе?— то, что она была первымъ и по времени довольно удачнымъ опытомъ создать народную исторію. Ея нравственная сторона неизмѣримо высока. Она дала Карамзину силы побѣдить невѣроятныя трудности, совершить трудъ, въ матеріяльномъ отношеніи и теперь еще кажущійся невозможнымъ для одного лица при бо́льшихъ ученыхъ средствахъ и пособіяхъ. То же было и прежде? Отчего такъ преслѣдовалъ Ломоносовъ Миллера и Шлёцера? Оттого, что онъ предчувствовалъ животрепещущее отношеніе исторіи къ народной жизни. Откуда взялись столько же эксцентрическія направленія въ изученіи русской исторіи послѣ Карамзина? Изъ того же источника. Вопросъ о происхожденіи Руси, вопросъ о древней и новой Россіи близко принимались и принимаются къ сердцу, потому что съ ними тѣсно связывали или связываютъ національные интересы. Эта связь бываетъ болѣе или менѣе груба, смотря по времени и степени образованности; но она существовала и никогда не изчезнетъ. Въ исторіи, каждая сторона народной жизни, даже неимѣющая всеобщаго значенія, требуетъ признанія и подобающаго ей мѣста именно потому, что послѣдняя не курсъ философіи, не математическое построеніе вѣчныхъ истинъ, а художественное воспроизведеніе дѣйствительности и народнаго духа. Такое великое нравственное и общественное призваніе исторіи едва ли гдѣ нибудь такъ ощутительно, потребность ея такъ настоятельна, какъ у насъ.

... Исторія, въ смыслѣ художественнаго воспроизведенія національной жизни, какова бы она ни была, есть одинъ изъ сильнѣйшихъ двигателей цивилизаціи, одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ вывести сознаніе изъ вѣками пробитой колеи общихъ, отвлеченныхъ воззрѣній на путь цѣльнаго, живаго, органическаго развитія. Эта роль предстоитъ и русской исторіи. Возрастающій къ ней интересъ ясно показываетъ, какое направленіе начинаетъ принимать наша жизнь. Исторіей обозначается и все болѣе и болѣе будетъ обозначаться развитіе нашего самосознанія, возмужаніе чувства національности, укрѣпленіе непосредственной, единственно твердой почвы дѣятельности и практическаго, простаго разумѣнія.

Едва ли нужно доказывать, что, говоря о великой будущности и значеніи русской исторіи, мы разумѣемъ подъ ней не фантасмагоріи, которыя наивно выдаются нѣкоторыми за русскую старину, ибо мысль сбилась съ пути, воззрѣніе забыло и потеряло основное начало, вызвавшее его наружу, когда они схематизируются въ неподвижныя рамки и ратуютъ съ своими противниками, не разбирая средствъ. Мы вполнѣ понимаемъ, что можно смотрѣть на вещи различнымъ образомъ, и что онѣ непремѣнно такъ и представляются, имѣя тысячи сторонъ и отражаясь розно въ различныхъ умахъ; но есть способы выраженія мнѣній, которые лишаютъ послѣднія всякаго довѣрія, набрасываютъ на нихъ тѣнь лжи и обмана.

Чтобъ написать національную исторію, надо необходимо принадлежать къ народу по рожденію и воспитанію, ибо можно вполнѣ изучить и понять геній чуждой народности, можно до извѣстной степени имъ проникнуться или подъ него поддѣлаться, но непремѣнно останется черта, болѣе или менѣе рѣзкая, которая обозначитъ безконечное различіе между копіей и подлинникомъ, какъ естественное отличается отъ искусственнаго, непосредственно-присущее отъ пріобрѣтеннаго и при-

вивнаго. Какъ нельзя дать геній, талантъ, индивидуальную особенность, а только можно развить готовое и уже существующее въ зародышѣ, такъ и національный типъ, умъ, складъ, геній можно развить, а не пріобрѣсти. Правда, нѣкоторые противополагаютъ у насъ народное человѣческому, искусственное не естественному, а патріархальному, безсознательное разумному. Но мы говоримъ не объ этомъ хаосѣ понятій и близорукомъ непониманіи вещей. Изъ того, что для нѣкоторыхъ все разумное есть иностранное, сознательное — неестественное, еще не слѣдуетъ, чтобъ это дѣйствительно такъ было.

Возвратимся къ Кругу, біографія котораго подала намъ поводъ къ этому невольному отступленію. Ученая и служебная его дѣятельность почтенна и поучительна, принадлежитъ Россіи и составляетъ важную страницу въ исторіи русской цивилизаціи; но частная, внутренняя, невидимая сторона его развитія не имѣетъ для насъ этого интереса. Онъ былъ замѣчательный знатокъ, добросовѣстный изслѣдователь русской исторіи, но не былъ и не могъ быть у насъ историкомъ. То же должно сказать и о цѣлой, болѣе чѣмъ замѣчательной школѣ иностранныхъ ученыхъ, изучавшихъ Россію въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ. Безъ нихъ наука не получила бы у насъ такъ скоро права гражданства, не были бы заброшены тѣ зачатки критическаго изученія насъ самихъ, которые успѣли уже пустить корни въ Россіи, даже принести плодъ. Но ихъ частная біографія есть достояніе той національности, къ которой они принадлежали. Это для насъ не то, что біографія замѣчательныхъ Русскихъ. Подробности ихъ частной жизни, черты ихъ характера близки къ намъ, ибо въ нихъ выражаются наши успѣхи, степень развитія, хорошія и дурныя стороны — словомъ, нашъ народный геній. Въ ихъ нравственной природѣ, частной жизни, сношеніяхъ, занятіяхъ, наклонностяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ зародышъ и ключъ къ направленію и взгля-

дамъ, которые они принесли съ собой въ политическую, служебную, ученую дѣятельность: внѣшнее и оффиціальное находится въ тѣснѣйшей органической связи съ внутреннимъ.

Думаемъ, что, высказавъ такое мнѣніе, мы достаточно оградили себя отъ всякаго подозрѣнія въ пристрастіи къ школѣ нѣмецкихъ ученыхъ, которые въ продолженіе прошлаго столѣтія и началѣ теперешняго создали науку русской исторіи, и первые дали критическое, серьёзное направленіе изслѣдованіямъ. Не перецѣнивая ихъ безотносительнаго достоинства, не отрицая ошибокъ и, можетъ-быть, пристрастій, вкравшихся въ ихъ труды, мы, однако, не можемъ равнодушно вспомнить о придиркахъ, насмѣшкахъ и обвиненіяхъ, которыми ихъ окружали. Оскорбительно читать или слышать преднамѣренно-невыгодныя разсужденія объ нихъ въ наше время, когда, благодаря ихъ предварительнымъ трудамъ, и пройдя чрезъ ихъ школу, мы наконецъ сами доросли до способности и возможности идти далѣе, понимать себя яснѣе, и, слѣдовательно, имѣемъ все, что̀ нужно для безпристрастной оцѣнки заслугъ прежнихъ дѣятелей. Ничтожныя нападки такого рода, обличающія систематическое униженіе дѣйствительныхъ достоинствъ, неподходящихъ подъ извѣстныя схемы и узкія формулы, не достигаютъ предположенной цѣли. Онѣ выказываютъ пристрастіе и слабость, несовмѣстимую съ убѣжденіемъ, ибо убѣжденіе не имѣетъ нужды въ штукахъ, знаетъ свою силу, знаетъ, что, рано или поздно, за нимъ побѣда, и не унижается до всякихъ средствъ, чтобъ ее упрочить. Выдумывать небылицы на Шлёцера, Миллера, Лерберга и другихъ ученыхъ, писавшихъ о русской исторіи, вмѣсто того, чтобъ обнаружить ихъ дѣйствительно слабыя стороны—еще не значитъ оказать услугу русской исторіи, найдти новый аргументъ въ пользу нашей народности, или возбудить сочувствіе и уваженіе къ образу мыслей, идущему по такому пути.

Біографія Круга представляетъ много поучительнаго для придирчивыхъ, пристрастныхъ порицателей школы, къ которой онъ принадлежалъ. Онъ живо сочувствовалъ и всячески содѣйствовалъ всѣмъ предпріятіямъ, имѣвшимъ цѣлью историческое изученіе Россіи. Многія изъ нихъ ему обязаны своимъ началомъ, многія образовались по его совѣту и мысли. Его сужденія объ историческихъ трудахъ, появившихся въ Россіи, были всегда благосклонны, всегда поощрительны, потому что онъ принималъ къ сердцу все, что̀ дѣлалось для русской исторіи, и содѣйствіемъ надѣялся приготовить и вызвать бо̀льшее и лучшее. Наконецъ, мы видѣли, что онъ постоянно покровительствовалъ всѣмъ молодымъ Русскимъ, сколько-нибудь замѣчательнымъ по своимъ историческимъ или археологическимъ знаніямъ и талантамъ. Это было почтенное лице, достойное полнаго уваженія и благодарности Русскихъ. То, что̀ Кругъ сдѣлалъ для русской исторіи своимъ вліяніемъ, совѣтами, покровительствомъ, столько же важно, какъ и его ученые труды, быть-можетъ, даже важнѣе. Приступимъ къ обозрѣнію этихъ трудовъ.

Посмертныя сочиненія Круга (объ изданныхъ при жизни его мы уже говорили; они не вошли въ разбираемую нами книгу) не могли быть напечатаны вполнѣ и въ томъ видѣ, какъ они найдены коммиссіей. Одни служатъ дополненіемъ или продолженіемъ его нумизматическихъ изслѣдованій и византійской хронологіи, и печатаніе ихъ отложено до втораго изданія этихъ сочиненій. Другія состояли въ отдѣльныхъ замѣткахъ, или первыхъ листахъ только что начатой работы. Число обработанныхъ вполнѣ, или отчасти, сравнительно меньше. Поэтому, было необходимо подробно ихъ разобрать, нѣкоторыя слить въ одно, размѣстить отдѣльныя замѣтки и матеріалы по мѣстамъ, куда они относились. До какой степени хорошо выполненъ этотъ трудъ г. Кунигомъ, въ какой мѣрѣ точенъ и удовлетворителенъ

сдѣланный имъ выборъ изъ сочиненій Круга, можетъ судить только тотъ, кто такъ же близко какъ онъ знакомъ съ бумагами покойнаго. Мы можемъ говорить только о томъ, что̀ видимъ. Впрочемъ, тщательность изданія, подробный отчетъ о каждой статьѣ, съ указаніемъ, въ какомъ видѣ она найдена, гдѣ, какъ напечатана, или почему оставлена (CCXXV—CCLV). Наконецъ, начитанность и близкое знакомство издателя съ предметомъ — все это внушаетъ большое довѣріе къ его труду и заставляетъ думать, что съ появленіемъ этой книги русская историческая литература обогатилась возможно-лучшимъ изданіемъ доселѣ ненапечатанныхъ сочиненій Круга.

Сдѣлаемъ по возможности полный обзоръ этихъ сочиненій, придерживаясь порядка, въ какомъ они изданы.

1) «Wer sind die Marcomanni und Nordalbinci in den Schriften des IX und X Jahrhunderts?» Въ этой статьѣ разрѣшается вопросъ, какіе народы должно разумѣть подъ Маркоманнами и Нордалбинцами, упоминаемыми въ памятникахъ IX и X вѣка? О Маркоманнахъ, извѣстныхъ древнимъ, не говорится нигдѣ съ половины пятаго вѣка. Слѣдовательно, къ нимъ это названіе относиться не можетъ. Кругъ доказываетъ, что подъ Маркоманнами разумѣлись въ это время Скандинавы. Послѣдніе могли получить это названіе потому, во первыхъ, что писатели среднихъ вѣковъ охотно придавали новымъ народамъ имена, извѣстныя древнимъ писателямъ, желая тѣмъ избѣгнуть варваризмовъ. Норманны, неизвѣстные древнимъ, передѣланы въ Маркоманновъ, упоминаемыхъ у классическихъ римскихъ писателей, какъ Dani передѣланы въ Daci, Норвежцы въ Norici, Gothi въ Geti, Rossi въ Rutheni. Во вторыхъ, имя Маркоманновъ могло этимологически означать жителей пограничной провинціи, потому что marca употреблялось не только въ смыслѣ границы, но и въ значеніи страны, прилежащей къ границѣ. Итакъ, это названіе шло къ Норманнамъ, сопредѣльнымъ им-

періи Карла Великаго. Наконецъ средневѣковые читатели могли знать, что Норманны, подобно Маркоманнамъ, состояли изъ разныхъ племенъ и потому такъ ихъ и назвали. Нордалбинцы, или Нордалбинги тоже названіе Скандинавовъ, отъ nord сѣверъ и Half, alf, halbe — страна, край.

2) «Ueber einen handschriftlichen Chronograph in der Bibliothek der Ermitage, als eine von den Quellen der Nikonschen Chronik in der akademischen Bibliothek. Ein Beitrag zur Kritik der Russischen Jahr-Bücher». «Никоновская Лѣтопись», какъ извѣстно, издана отъ Академіи, первая часть самимъ Шлёцеромъ (1767 г.), вторая Башиловымъ (1768 г.), потомъ, спустя 18 лѣтъ, напечатаны постепенно остальныя шесть частей (1786—1792). Шлёцеръ и Башиловъ строго придерживались подлинника, не измѣняя въ немъ ни буквы. А какъ текстъ былъ неисправенъ, то изданіе исполнено грубыхъ ошибокъ, затемняющихъ смыслъ лѣтописи. Кругъ открылъ въ Эрмитажной Библіотекѣ Хронографъ, принадлежавшій стольнику Василью Никифоровичу Собакину, и котораго подлинникъ, по соображеніямъ, написанъ въ половинѣ XV вѣка. Изъ сличенія текста «Никоновской Лѣтописи» и Эрмитажнаго хронографа, Кругъ выводитъ, что послѣдній былъ однимъ изъ источниковъ первой, что списокъ хронографа исправнѣе академическаго списка «Никоновской Лѣтописи» и можетъ служить къ исправленію его ошибокъ. По поводу этого сличенія, Кругъ замѣчаетъ, основываясь на предисловіи хронографа, что вставки, встрѣчающіяся въ «Никоновской Лѣтописи», заимствованы не изъ византійскихъ источниковъ, а изъ древнѣйшихъ славянскихъ хроникъ, содержавшихъ въ себѣ сербскую и болгарскую исторіи и переводы изъ византійскихъ писателей. Это замѣчаніе столько важное для исторіи составленія нашихъ лѣтописей и оправдывающееся съ каждымъ новымъ открытіемъ древнихъ славянскихъ рукописей, потому заслуживаетъ особеннаго вниманія,

что сдѣлано Кругомъ еще въ 1813 году. Онъ также одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ историческое достоинство хронографовъ. «Не только для «Никоновской Лѣтописи» говоритъ онъ — «но и для другихъ нашихъ лѣтописей, можно ожидать важныхъ результатовъ отъ сличенія съ хронографомъ, не говоря уже о пользѣ, состоящей въ объясненіи значенія словъ и вообще въ узнаніи древности. Правда, событія, относящіяся собственно къ русской исторіи, здѣсь обыкновенно описаны коротко; но голый перечень существенныхъ обстоятельствъ умножаетъ матеріялы для критики, и сжатый разсказъ часто тѣмъ бываетъ важенъ для изслѣдователя, что даетъ ему возможность узнать невѣрныя вставки въ позднѣйшихъ компиляціяхъ и отдѣлить исторически достовѣрное отъ произвольныхъ прибавокъ, историческихъ распространеній, невѣрныхъ, субъективныхъ представленій» (стр. 110).

3) «Ueber den novgorodischen Gostomyssl». Весьма замѣчательная и характеристическая статья, показывающая, какъ иногда произвольно обращались съ нашими лѣтописными извѣстіями даже лучшіе, добросовѣстнѣйшіе критики русской исторіи лѣтъ двадцать тому назадъ. Кругъ считаетъ извѣстіе о Гостомыслѣ за басню, которую должно вычеркнуть изъ русской исторіи. Но почему? Это подробно доказывается такимъ образомъ: въ Германіи не знали ничего о томъ, что Руссы были Норманны, народъ совершенно отдѣльный отъ Славянъ и Финновъ, и что они слились съ ними гораздо послѣ своего прибытія. Уже въ XI вѣкѣ Адамъ Бременскій, а въ XII вѣкѣ Гельмольдъ, считали Руссовъ за природныхъ Славянъ. Въ самой Россіи преданія о первоначальномъ различіи этихъ племенъ должны были мало-по-малу сглаживаться и наконецъ изчезнуть изъ народной памяти. Такимъ образомъ, въ XV вѣкѣ, не было и помина о первоначальной противоположности Руссовъ и Славянъ. Въ XVI вѣкѣ прибылъ въ Россію Гер-

берштейнъ. Онъ зналъ Гельмольдову лѣтопись, по которой Руссы были крайнимъ славянскимъ племенемъ на востокъ, какъ Вагры крайнимъ славянскимъ племенемъ на западъ отъ Балтійскаго моря. Онъ слышалъ или читалъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Варяжское море получило свое названіе отъ Вагріи, и заключилъ отсюда, что наши Варяги пришли отъ соплеменнаго намъ народа Вагровъ, находя это объясненіе призванія болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ предположеніе, что Славяне обратились къ совершенно-чуждому народу. Вагры, слѣдовательно, были для него синонимомъ съ Варягами, Алтенбургъ, Старградъ, отечествомъ Рюрика, который, переселившись въ Россію, назвалъ новую свою резиденцію по имени прежней (Ладога, Aldagen, Aldeygoborg), а вторую послѣ нея Новгородомъ. Все это казалось ему простымъ и естественнымъ. Но, спросятъ читатели, какое же отношеніе имѣютъ эти ипотезы Герберштейна къ Гостомыслу? — А вотъ какое. Это объясненіе льстило ложному патріотизму тогдашнихъ Русскихъ. Они не могли доказать его своими историческими источниками и прибѣгли къ иностраннымъ. Въ послѣднихъ упоминается о многихъ славянскихъ князьяхъ, изъ которыхъ можно было сдѣлать выборъ. Какой-нибудь Табомыслъ, dux или regulus Obodritorum, о которомъ упоминается въ 862 году, не годился по молодости лѣтъ. Удобнѣй былъ упоминаемый въ 844 году rex Obodritorum Гостомыслъ; онъ, конечно, могъ дать ильменскимъ Славянамъ совѣтъ добыть князей изъ среды своихъ сосѣдей. Разъ этотъ Гостомыслъ былъ отысканъ Герберштейномъ и указаны его отношенія къ Россіи: не мудрено было произвести его даже въ новгородскіе князья, или, по крайней мѣрѣ, въ посадники. Другіе еще и тѣмъ не удовольствовались, а изъ франкскихъ лѣтописей выбрали двухъ другихъ оботритскихъ князей VIII и IX вѣка и сдѣлали изъ нихъ Рюриковыхъ отца и дѣда. Но послѣдніе такъ же мало относятся къ русской исторіи, какъ и Госто-

мыслъ. То есть, другими словами, новгородскій Гостомыслъ выдуманъ съ легкой руки Герберштейна. Нельзя не улыбнуться, читая все это. Въ XV, XVI и XVII вѣкахъ пришествіе Руси было у насъ національнымъ вопросомъ, и поводомъ была ипотеза Герберштейна. Едва вѣрится, чтобъ все это могъ написать Кругъ, ученый, столько осторожный и основательный въ своихъ изслѣдованіяхъ. Свидѣтельство о Гостомыслѣ, очевидно, не выдумано Герберштейномъ, а взято имъ изъ туземныхъ источниковъ, какъ и всѣ его историческія извѣстія. Да и нельзя понять, почему именно Гостомыслъ и тожество его имени съ названіемъ оботритскаго князя такъ смутило Круга. Оно нисколько не противорѣчитъ его превосходнымъ замѣчаніямъ о первоначальной противоположности Славянъ и Руссовъ, о причинахъ и ходѣ постепеннаго обрусѣнія, или, правильнѣе, славянизаціи пришельцевъ. Гостомыслъ, новгородскій старѣйшина, посадникъ, дѣйствительно могъ существовать, и память о немъ сохраниться въ преданіяхъ, нисколько не мѣшая остальному. Нельзя доказать, что именно такъ было, какъ повѣствуютъ объ немъ позднѣйшіе письменные памятники, но рѣшительно нѣтъ никакого повода находить такое сказаніе невѣроятнымъ, или невозможнымъ. А когда нѣтъ причины отвергать извѣстіе или свидѣтельство, надо его принять. Мало ли извѣстій, ничѣмъ недоказанныхъ! Сколько историческихъ данныхъ обращено новѣйшей наукой въ миѳы, тогда какъ они преданія! Мы не ставимъ ей этого въ упрекъ, потому что весьма естественно было, открывъ новую, еще нетронутую сторону предмета, искать ее во всемъ, вездѣ, даже и тамъ, гдѣ и тѣни ея нѣтъ. Критика завела процессъ со всей исторіей, потребовала доказательствъ происхожденія и древности отъ всѣхъ данныхъ и вычеркнула изъ области исторіи тѣ изъ нихъ, которые затеряли свои генеалогическія таблицы и оффиціяльные документы рожденія. Много хлама и сора выметено

такимъ образомъ изъ исторіи, но много затронуто и живаго, органически связаннаго съ прошедшимъ, такого, которое дѣйствительно было, но не могло доказать своего существованія иначе, какъ самымъ фактомъ бытія. Какъ все отвлеченное, абстрактное, такъ и эта критика—теперь пала. Поняли, что абсолютный методъ обсужденія событій и историческихъ матеріяловъ невѣренъ, что данныя можно принимать или отвергать только разсматривая ихъ въ связи съ другими, а не подъ вліяніемъ прихотливыхъ сомнѣній, что наконецъ, многія изъ нихъ, особенно древнѣйшія, сохранившіяся въ преданіяхъ, не столько важны по ихъ исторической достовѣрности, сколько по колориту, характеру, который уже самъ по себѣ даетъ живое представленіе объ отдаленной эпохѣ исторіи. Отмстила ли когда-нибудь Ольга Древлянамъ, какъ разсказываетъ лѣтопись, или нѣтъ, такъ ли именно призвали Варяговъ соединенныя племена—это не такъ важно. Положимъ, что это сказки, преданія, даже неимѣющія исторической основы. Но онѣ лучше множества другихъ исторически-несомнѣнныхъ фактовъ живописуютъ время, въ которое сложились, и въ этомъ смыслѣ представляютъ богатый историческій матеріялъ. Разскажи Несторъ подробно имена всѣхъ Древлянскихъ и иныхъ князей съ величайшею хронологическою и генеалогическою точностью, онъ не могъ бы оказать русской исторіи большей услуги, чѣмъ помѣстивъ у себя рядъ народныхъ преданій. Конечно, эти замѣчанія нейдутъ къ сказанію о Гостомыслѣ, которое само по себѣ не такъ важно. Но разобранная нами статья показываетъ тонъ, пріемы, точку отправленія прежней русской исторической критики. Сколько нелѣпостей, какъ подумаешь, написано о русской старинѣ — единственно потому только, что принимались за нее не такъ, какъ слѣдуетъ!

4) «Beweis, dass der Anfang des Russischen Staats nicht erst in das Jahr 862 könne gesetzt, sondern in das Jahr 852 müsse

vorgerückt werden». Начало русскаго государства относится къ 852, а не къ 862 году. Михаилъ, сынъ Өеофила, вступилъ на византійскій престолъ въ 841 — 842 году (6350), царствовалъ 25 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ; слѣдовательно, послѣдній годъ его царствованія 867, а 24-й годъ 866 отъ Р. Х., 6374 отъ сотворенія міра. Между тѣмъ, Несторъ относитъ 24-й годъ царствованія Михаила къ 875—876 (6384) году, т. е. ставитъ его 10 лѣтъ позже, чѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ. Съ этимъ связана ошибочная хронологія и всѣхъ событій русской исторіи, которыя Несторъ опредѣлилъ по годамъ Михаилова царствованія. Имя Руссовъ стало извѣстно не въ 854, а въ 844; Рюрикъ съ братьями призваны не въ 862, а въ 852. Откуда взялась эта ошибка? Несторъ почерпнулъ ее изъ греческой хроники, кажется, Никифора, Константинопольскаго патріарха, которому не могъ не вѣрить. Никифоръ относитъ вступленіе Михаила на престолъ къ 6360 году отъ сотворенія міра—и это послѣднее его извѣстіе; съ этимъ свидѣтельствомъ Несторъ соображалъ хронологію своей лѣтописи во все царствованіе Михаила, безпрестанно ставя событія десятью годами позже. Но хронологическія данныя, послѣ Михаилова царствованія вѣрны въ лѣтописи. Ихъ нельзя согласить съ предыдущими, потому что переписчики и продолжатели брали хронологическія показанія изъ другихъ греческихъ хроникъ, а не изъ той, которой придерживался Несторъ, и частью изъ точности, частью по незнанію, оставили противорѣчащія показанія рядомъ одни возлѣ другихъ. Такъ Василій вступаетъ на царство въ 6376 году, а въ 6384 году все еще идетъ счетъ по годамъ Михаилова царствованія; крещеніе Болгаръ повѣствуется то подъ 7, то подъ 17 годомъ того же царствованія и т. д.

5) «Welchem Volk giebt Nestor den Namen Корлязи?» Подъ Корлязами Несторъ разумѣлъ жителей Западной Франкской Имперіи, которые назывались Carolinge, Carlenses, потому что

опотмки Карла Великаго дольше царствовали во Франціи, чѣмъ въ Германіи. Кромѣ этого находимъ въ статьѣ объясненіе и другихъ названій Несторова изчисленія народовъ. Такъ подъ Фрязи должно, по мнѣнію Круга, разумѣть восточныхъ, тевтонскихъ Франковъ по сю сторону Рейна; земля волошская— Франція, Волъхва — жители Нормандіи; Галичане — сосѣди Мавровъ въ Испаніи. Кругу было неизвѣстно Шафариково объясненіе имени Волоховъ. Статья составлена въ 1824 году.

6) «Ueber den Ursprung der Namen Russen und Varäger». (Изслѣдованіе о происхожденіи имени Руссовъ и Варяговъ). Это критическій разборъ свидѣтельствъ нашихъ и иностранныхъ источниковъ объ этихъ названіяхъ, и оцѣнка разныхъ толкованій ихъ. Существенное содержаніе ея слѣдующее: Въ Бертинскихъ лѣтописяхъ, подъ 839 годомъ, уже встрѣчается имя Rhos: такъ называютъ себя чужеземцы, присланные отъ императора Өеофила къ Лудовику Благочестивому. По его изслѣдованію, они оказались Шведами; царь Гаканъ прислалъ ихъ къ Өеофилу для заключенія дружбы. Но кто называлъ ихъ Россами? Откуда взяли это имя? Шлёцеръ думаетъ, что они принесли его съ собой отъ Чуди въ Константинополь. Но это невѣроятно. Если Чудь такъ называла ихъ, значитъ ли это, что такъ ихъ называли и всѣ народы отъ Балтійскаго до Чернаго моря? Нѣтъ, Греки тогда уже знали имя Россовъ. Названіе Гаканъ не собственное имя, а титулъ, который имѣли тоже аварскіе и хозарскіе князья, болѣе извѣстные въ Константинополѣ, чѣмъ Россы. Но кто же были эти Россы? Норманны. Это доказывается свидѣтельствомъ Ліутпранда и другими данными, изъ которыхъ вмѣстѣ видно, что подъ названіемъ Норманновъ разумѣлись народы, говорившіе по-датски (dönsk tûnga, Norraen tûnga или Norraena), то есть германскіе жители Скандинавіи. Названіе Руссовъ присвоено имъ Греками, названіе Норманновъ—Франками, такъ что во второй половинѣ IX и первой X

вѣка вездѣ, гдѣ у Грековъ писалось Ρῶς, Франки переводили это имя словомъ Normanni. Изъ всѣхъ изслѣдованій Кругъ выводитъ, наконецъ, что Греки, а не Финны начали прежде употреблять имя Россъ (Ρῶς, ῥούσιος) и придали его Норманнамъ. Несторъ нашелъ это имя въ греческой хроникѣ; такъ называютъ Норманновъ византійскіе императоры въ письмахъ своихъ къ франкскимъ; такъ называетъ ихъ и Лїутпрандъ. Почему не могли назваться имъ Норманны и въ 839 году (по свидѣтельству Бертинскихъ лѣтописей они называли себя Россами). Это имя, полученное отъ Грековъ, они не только удержали потомъ за собой, но назвали имъ и страну, въ которую призваны княжить; его приняли и всѣ народы, подвластные русскимъ князьямъ. Чтò же именно побудило Грековъ назвать Норманновъ Россами? Ліутпрандъ говоритъ, что это имя произошло отъ физическихъ свойствъ Руссовъ, а Левъ Дьяконъ именно свидѣтельствуетъ, что имя Россъ употреблялось только въ просторѣчіи. У Грековъ есть прилагательное ῥούσιος, и ῥοῦς, которое очень близко къ греческимъ названіямъ Россовъ. Это прилагательное, обозначающее рыжій цвѣтъ волосъ Руссовъ, смѣнило прежде употребительное ξανθός, которые уже не встрѣчается ни разу въ сочиненіи Константина Багрянороднаго de Ceremoniis и замѣняется здѣсь словомъ ῥούσιος. Итакъ, Россы получили это названіе въ Греціи отъ красноватаго цвѣта волосъ въ 838 г., когда впервые прибыли въ Византію; отсюда это названіе распространилось далѣе, частью чрезъ самихъ Норманновъ, частью изъ Византіи. Всѣ эти выводы, исключая норманскаго происхожденія Руссовъ, теперь устарѣли и уже опровергнуты. Что имя Руссовъ впервые дано было въ Греціи, принято Норманнами и стало народнымъ—совершенно невѣроятно, да кромѣ того имѣетъ противъ себя историческія доказательства. Такъ имена народовъ и племенъ не возникаютъ! Названіе Руссовъ—народное, племенное; потому и этимоло-

гическое его происхожденіе не представляетъ особенной важности.

Имя Варяговъ объясняется такъ: на службѣ у римскихъ императоровъ издавна находились варвары, особенно Готы, подъ названіемъ foederati. Рядомъ съ этимъ названіемъ появляется названіе φαργάνοι (fargani). Подъ ними разумѣлись, кажется, Германцы, служившіе имперіи. Какое это слово? По всѣмъ вѣроятіямъ, готское, ибо служащихъ Готовъ было въ Константинополѣ болѣе, чѣмъ остальныхъ варваровъ. А въ готскомъ языкѣ есть два глагола, однозвучные съ этимъ словомъ: faran — отправляться и farjan—греести. А какъ Готовъ часто посылали въ море, на которомъ они дѣйствовали почти исключительно веслами, и рѣдко употребляли паруса; такъ какъ они, сверхъ того, соединяли въ одномъ лицѣ качества гребцовъ и воиновъ, подобно Скандинавамъ, то очень немудрено, что они рано стали сами себя называть Фарганами, то есть скорыми, ловкими гребцами (Schnellruderer), и это названіе потомъ перешло въ письменный языкъ. Позднѣйшіе Византійцы называютъ этихъ Фаргановъ Варангами (Βαράγγοι). Въ первый разъ, это названіе встрѣчается у Кедрена, за нимъ у Скилитца (оба жили во второй половинѣ XI вѣка), который говоритъ, что простой народъ называетъ войско (manus militaris) варангами. Это названіе тоже народное. Варанги были Скандинавы, и въ старо-сѣверномъ языкѣ назывались Voeringiar. Но самое слово не скандинавское. Оно принесено возвращавшимися со службы изъ Греціи. Скандинавы были, какъ извѣстно, искусные гребцы. Тѣ изъ нихъ, которые служили византійскимъ императорамъ, проживали обыкновенно прежде въ Россіи, гдѣ господствующимъ языкомъ въ XI вѣкѣ былъ славянскій. А какъ названіе варанговъ появляется не ранѣе XI вѣка, то самое вѣроятное — говоритъ Кругъ — предположить, что они принесли это названіе съ собой изъ Россіи, и,

слѣдовательно, этимологическаго объясненія его должно искать въ славянскомъ языкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Варяги и Варанги одно и то же слово, если вспомнимъ, что *я* произносилось прежде какъ *анг*. Какое же слово могло служить корнемъ названію Варяги? *Варять*. По немъ названы Скандинавы, происходившіе отъ сѣверныхъ народовъ, и по великому искусству и способности къ мореплаванію названы скорыми, ловкими пловцами, Варягами. Двое писателей X вѣка переводятъ это названіе (равно какъ и имя Фаргановъ) словомъ Дромиты (Δρομῖται). Все это объясненіе весьма слабо и не выдерживаетъ даже поверхностной критики. Въ концѣ втораго тома, г. Куникъ напечаталъ свои изслѣдованія о томъ же предметѣ. Мы скажемъ объ этомъ въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что статья Круга, которой содержаніе мы здѣсь изложили, включаетъ три различныя монографіи, написанныя въ 1816, 1819 и 1829—30 годахъ.

7) «Ueber die Sprache der Russen im IX und X Jahrhundert». Одна изъ существенныхъ заслугъ Круга, какъ справедливо замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ издатель его посмертныхъ сочиненій, заключается въ томъ, что онъ весьма подробно и ясно показалъ рѣзкую противоположность Руссовъ и подвластныхъ имъ племенъ, продолжавшуюся около двухъ вѣковъ послѣ призванія. Теперь это уже, конечно, не новость. Г. Погодинъ, въ своихъ «Изслѣдованіяхъ, Замѣчаніяхъ и Лекціяхъ», развилъ эту мысль въ малѣйшихъ подробностяхъ и оттѣнилъ такъ рѣзко скандинавскій элементъ первой эпохи нашей исторіи, что дальше идти въ этомъ направленіи едва-ли есть какая-нибудь возможность; многое, что̀ несомнѣнно принадлежитъ славянскому элементу, г. Погодинъ присвоилъ скандинавскому. Итакъ, въ этомъ отношеніи труды Круга не обогащаютъ русской исторической литературы новыми результатами. Но въ исторіи русской исторической критики такіе результаты, хотя уже и из-

вѣстные, во всякомъ случаѣ очень замѣчательны. Въ статьѣ, которой заглавіе мы выписали, Кругъ доказываетъ противоположность Руссовъ и Славянъ въ отношеніи къ языку. Убѣжденный, что Руссы несомнѣнно Скандинавы, Кругъ доказываетъ, что и первоначальный русскій языкъ былъ не славянскій, а скандинавскій. Договоры съ Греками, по его мнѣнію, написаны на греческомъ и норманнскомъ языкахъ; законы были скандинавскіе; самая «Русская Правда» Ярославова заимствована изъ скандинавскихъ источниковъ. Но этого мало; много словъ перешло къ намъ отъ Норманновъ—словъ, которыя мы теперь считаемъ за коренныя славянскія, напримѣръ, «верв, вира, говядо, гость, гривна, гридинъ, людинъ, огнищанинъ, болярииъ, пѣнязь, скотъ, тіунъ» и т. д. Отчего же Руссы ославянились и приняли славянскій языкъ? Что могло побудить Ярослава написать свою «Правду» на туземномъ языкѣ? Въ Европѣ причины романизаціи германскихъ племенъ и забвеніе ими природнаго языка можно объяснить высшей образованностью покоренныхъ племенъ и особенно вліяніемъ христіанства, которое заимствовано побѣдителями отъ подвластныхъ. У насъ не было ни той, ни другой причины: Славяне и Финны не были образованнѣе Руссовъ, и всѣ были язычники во время призванія. Слѣдовательно, были другія причины: перенесеніе мѣстопребыванія съ сѣвера на югъ, чрезъ что Руссы пришли въ ближайшее соприкосновеніе съ Греками, и связь ихъ съ германскими племенами ослабла; здѣсь, на югѣ, Руссовъ было несравненно меньше Славянъ; этого не было въ Новѣгородѣ; браки съ Славянками; но всего болѣе содѣйствовало славянизаціи и здѣсь, какъ и въ Европѣ, введеніе христіанской вѣры. Тѣмъ не менѣе оба языка, норманнскій и славянскій, такъ долго существовали у насъ рядомъ, что они не могли не позаимствоваться другъ отъ друга. Не забудемъ, что слишкомъ сто лѣтъ прошло отъ призванія Варяговъ до крещенія Руси.

Впрочемъ, эти языки не такъ воздѣйствовали другъ на друга, какъ римскій и различные германскіе діалекты въ романскихъ государствахъ, или англо-саксонскій и норманскій, представлявшіе два діалекта одного и того же языка. У насъ русскій и славянскій языки не слились, а только нѣкоторые корни перешли изъ одного языка въ другой. Число такихъ корней, перешедшихъ изъ скандинавскаго въ славянскій гораздо значительнѣй, по мнѣнію Круга, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Рѣзкое различіе между Руссами, Славянами, Финнами, и т. д. продолжалось еще долго въ XI вѣкѣ, пока наконецъ всѣ они слились въ одинъ народъ.

Несмотря на то, что эта статья содержитъ въ себѣ, какъ мы уже сказали, мысли теперь общеизвѣстныя, неоспоримыя въ основномъ началѣ, но опровергнутыя въ нѣкоторыхъ частностяхъ и приложеніяхъ, она представляетъ большой интересъ по самому способу изложенія. Ея первоначальное составленіе относится къ 1822 году.

8) «Abstammung und Erklärung einiger Russischen Wörter in Nestors Chronik und Jaroslavs Gesetzen». «Обыкновенно допускаютъ», говоритъ Кругъ въ началѣ статьи, «что съ принятіемъ христіанской вѣры многія греческія слова перешли въ славянскій языкъ; точно также никто не отрицаетъ, что во времена монгольскаго владычества множество татарскихъ словъ, которыхъ прежде не было въ славянскомъ языкѣ, получили у насъ право гражданства; гораздо болѣе возраженій встрѣчаетъ мнѣніе, что въ древнѣйшія времена русскаго государства въ нашъ языкъ было принято множество германскихъ словъ, изъ которыхъ одни со временемъ опять изчезли, другія же сохранились и по сію-пору». Статья написана по поводу предполагаемаго новаго изданія «Словаря» Россійской Академіи, которая, по мнѣнію Круга, слишкомъ мало обратила вниманія на очевидно германское происхожденіе многихъ словъ. Къ такимъ

словамъ Кругъ относитъ: «князь, пѣнязь, усерязь, витязь, шлягъ, стерлягъ, пудъ, судъ, градъ, гридъ, рядъ, скотъ, хлѣбъ, шнекъ, полкъ, вира, мѣсячина, дума, броня, мыто, мытарь, свекоръ, король, снѣдь, рыцарь, рухлядь, весь, ремень, люди, нетій, нятіи, кнутъ» [1]). Въ изданныхъ трудахъ Круга находятся этимологическія изслѣдованія немногихъ изъ этихъ словъ, напримѣръ, «князя, пѣнязя, думы, ябетника, тіуна» и т. д. Написана была еще статья объ «огнищанинѣ», но г. Кунигъ не помѣстилъ ея въ числѣ посмертныхъ трудовъ Круга. Этимологіи извѣстны: «князь» отъ «konung», «пѣнязь» отъ «pfenning». Слова «дума» нѣтъ въ славянской библіи. Слѣдовательно, заключаетъ Кругъ, это слово вошло въ русскій языкъ позже изъ германскаго языка, гдѣ корень dom, doem, daem встрѣчается во многихъ германскихъ нарѣчіяхъ съ тѣмъ же первоначальнымъ значеніемъ, какъ и въ русскомъ. Польское же dumac перешло изъ русскаго. Въ словѣ ябетникъ, *никъ* есть форма, означающая лице мужескаго пола; буквой *я* въ русскомъ языкѣ передаются носовые звуки *an*, *am*, *en*, *em*; слѣдовательно, корень ябетника есть *ambt*, *amt*. Но это корень германскій и встрѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ (ambactus даже у Цезаря). Въ разныхъ нарѣчіяхъ онъ означаетъ слугу, служителя, чиновника. Итакъ, ябетникъ, слово въ слово amtmann. Сдѣлавшись по своему званію ненавистнымъ (онъ собиралъ пени и приводилъ въ исполненіе судебные приговоры), онъ былъ названъ тіуномъ, то же скандинавскимъ названіемъ Thion, нѣмецкимъ *Dien*-er, служитель.

Судъ надъ многими изъ этихъ словопроизводствъ уже произнесенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что много словъ и корней перешло

---

[1]) Этимологію *стерлега* находимъ въ Zur Münzkunde: *нетія* и *суда* въ византійской хронологіи; но словопроизводство нѣкоторыхъ изъ исчисленныхъ и даже неисчисленныхъ здѣсь (напримѣръ, *столъ*) попадается въ разныхъ мѣстахъ разбираемой нами книги.

въ нашъ языкъ изъ германскаго; но столько же, если не больше, изъ предполагаемыхъ германскихъ — коренныя славянскія. Очень понятно, почему первые наши изслѣдователи, особенно тѣ, для которыхъ скандинавское происхожденіе Руссовъ было внѣ всякаго сомнѣнія, впали въ крайность, объясняя русскіе древніе, особенно юридическіе термины. Еще въ недавнее время въ такую крайность вдался г. Погодинъ въ своихъ изслѣдованіяхъ норманскаго періода. Не говоря объ очевидныхъ натяжкахъ, многихъ изслѣдователей, въ томъ числѣ и Круга, вводило въ заблужденіе тожество нѣкоторыхъ славянскихъ и германскихъ корней. Встрѣчая одинъ и тотъ же корень въ обоихъ языкахъ, защитники скандинавства Руссовъ доказывали, что Славяне заимствовали его отъ Германцевъ, а славянисты навязывали на томъ же основаніи Германцамъ славянскіе корни. Ни тѣмъ, ни другимъ не приходило въ голову допустить присутствіе однихъ и тѣхъ же корней въ обоихъ языкахъ, потому что оба народа произошли отъ одной отрасли человѣческаго рода. Мы уже имѣли случай высказать свое мнѣніе о сходствѣ, даже тожествѣ обычаевъ, обрядовъ, повѣрій и преданій у разныхъ народовъ, и какъ мало можно изъ него заключать о заимствованіи. То же думаемъ мы и о корняхъ. Надобно имѣть положительныя филологическія доказательства, что слово или корень перешли изъ одного языка въ другой. Нѣтъ ихъ—какъ бы слова и ихъ корень ни были сходны съ иностранными, ихъ нельзя считать заимствованными. Словомъ, происхожденіе словъ и корней можно доказывать только отрицательно; положительно же никогда нельзя доказывать, а если и можно, чрезвычайно рѣдко.

Въ этой же статьѣ находимъ нѣсколько страницъ о «Русской Правдѣ»—собственно отчетъ Круга о рукописномъ разсужденіи дерптскаго профессора Неймана, написанный въ 1814 году. Мнѣніе Неймана о славянскомъ характерѣ «Русской

Правды», равно какъ и замѣтки Круга, не представляютъ теперь ничего новаго. Одно весьма любопытно. Въ своихъ изслѣдованіяхъ Нейманъ, кажется, пришелъ къ результату, что въ Россіи крестьяне до временъ Іоанна Васильевича (конечно, великаго князя) были крѣпки землѣ; Кругъ говоритъ, что это мнѣніе, повидимому, подтверждается многими мѣстами и выраженіями въ нашихъ лѣтописяхъ. Мы не умѣемъ положительно утверждать противное въ дѣлѣ столько темномъ и важномъ, но намъ кажется, что общепринятое теперь мнѣніе объ этомъ предметѣ вѣроятнѣе ипотезы Неймана и Круга [1]).

9) «Askold und Dir. Ihre Einwanderung mit Rurik, Herkunft, Trennung von Rurik, Besitzname von Kiew, ihr Zug gegen die Griechen, ihr Tod und Begräbniss». Критическій разборъ нашихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ объ Аскольдѣ и Дирѣ. Цѣль статьи, какъ говоритъ самъ Кругъ, не біографія этихъ спутниковъ Рюрика, а объясненіе нѣкоторыхъ выраженій и словъ въ лѣтописи, недовольно или неправильно объясненныхъ. Съ этой стороны, изслѣдованіе Круга, написанное еще въ 1823 году, представляетъ и теперь много интереснаго и поучительнаго. Оставляя въ сторонѣ толкованія общеизвѣстныя, и общепринятыя, остановимся на оригинальныхъ и теперь еще отчасти новыхъ объясненіяхъ Круга. «Испросистася (Аскольдъ и Диръ) ко Царю городу»— значитъ ли, что они обязаны были просить у Рюрика позволенія идти въ Константинополь, или они имѣли право у него требовать, чтобъ онъ ихъ отпустилъ изъ своей службы, когда они хотѣли ѣхать въ Константинополь? Съ этимъ вы-

[1]) Было ли когда-нибудь напечатано это разсужденіе Неймана о «Русской Правдѣ» — не знаемъ. Кажется, нѣтъ. Въ подробномъ обозрѣніи литературы по «Русской Правдѣ», г. Калачовъ упоминаетъ о трудахъ молодаго Неймана, сына профессора, они напечатаны Эверсомъ въ Дерптѣ (см. предисловіе къ Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands etc). Очень жаль, что вопросъ, поставленный Нейманомъ и его разрѣшеніе до сихъ поръ недоступны для большинства читателей.

раженіемъ тѣсно связано другое: «покажи ны путь въ Греки». Разсмотрѣвъ разныя толкованія, Кругъ останавливается на томъ, что оно значитъ: отпусти, отошли, пусти насъ своей дорогой. Итакъ, Аскольдъ и Диръ просили, чтобъ Рюрикъ отпустилъ ихъ изъ своей службы въ Грецію, потому что они хотѣли тамъ служить. Параллельное мѣсто въ лѣтописяхъ представляетъ просьба Варяговъ, которые помогли Владиміру взять Кіевъ. Они требовали окупа, но Владиміръ не исполнилъ ихъ желанія, и они отпросились у него въ Грецію. Просьба Варяговъ объ отпускѣ въ послѣднемъ случаѣ основывалась на томъ, что, по договору между Игоремъ и Греками, каждый пріѣзжая изъ Россіи въ Константинополь, долженъ былъ представить письменный видъ отъ великаго князя или его бояръ въ доказательство, что онъ пріѣхалъ съ мирными намѣреніями.—Подъ *горой*, на которой похороненъ Аскольдъ, должно разумѣть *берегъ*, а не гору въ настоящемъ смыслѣ слова. Слѣдовательно, близь Кіева берегъ, а не гора называлась *Угорское*. Кругъ защищаетъ подлинность этого названія и по этому поводу подробно разсматриваетъ мѣсто лѣтописи, гдѣ говорится о пришествіи Угровъ подъ Кіевъ. Разсказъ, какъ извѣстно, помѣщенъ подъ 898 годомъ. Шлёцеръ думалъ, что Несторъ относитъ это событіе къ 898 году; но это несправедливо. Оно разсказано здѣсь въ связи съ послѣдующимъ вторженіемъ Угровъ въ Моравію и Чехію, изъ чего нельзя заключить, что и то и другое произошло въ одно время. Вообще, для критики Несторовой лѣтописи, эта статья представляетъ много любопытнаго.

10) «Ideen über die älteste Verfassung und Verwaltung des Russischen Staats». Эта статья неполная; отъ нея остался только одинъ первый отрывокъ. Въ предисловіи, Кругъ говоритъ, что «онъ намѣренъ написать рядъ отрывковъ, которые, какъ показываетъ самое названіе, не имѣютъ притязанія

изчерпать предметъ, или разрѣшить всѣ сомнѣнія, но, быть-можетъ, они прольютъ на иное свѣтъ, въ какомъ предметъ не разсматривался». Къ составленію такихъ отрывковъ побудила Круга краткость и недостаточность извѣстій какъ о призваніи, такъ и вообще о нашемъ внутреннемъ устройствѣ со времени прибытія Руссовъ. Документовъ того времени нѣтъ; извѣстій иностранныхъ или туземныхъ о призваніи тоже; слѣдовательно, нѣтъ возможности достовѣрно опредѣлить происшествіе и его послѣдствія. Оттого такъ безконечно различны мнѣнія; всѣ они основаны только на большей или меньшей вѣроятности, на предположеніяхъ, а не на достовѣрныхъ фактахъ. Ближайшій путь къ разрѣшенію вопроса есть подробное знакомство съ положеніемъ вещей въ Европѣ вообще, особенно же въ странахъ сосѣднихъ съ Россіей, въ IX и X вѣкахъ, кромѣ того, объясненіе относящихся сюда и доселѣ незамѣченныхъ мѣстъ въ древнѣйшей русской лѣтописи совершенно сходными чертами изъ современной исторіи сосѣднихъ народовъ. Вотъ точка зрѣнія Круга. Въ ней много вѣрнаго; но мы думаемъ, что и она не можетъ удовлетворительно разрѣшить вопросъ. Сравненіе много объясняетъ—противъ этого странно спорить; но съ помощью сравненія наполнять въ исторіи пробѣлы не только трудно, но почти невозможно. Въ исторіи каждаго народа есть неуловимыя особенности и оттѣнки, которые, при всемъ внѣшнемъ сходствѣ съ такими же оттѣнками у другихъ народовъ, производятъ совсѣмъ другія историческія явленія, имѣютъ иныя послѣдствія и, слѣдовательно, совершенно различное значеніе. Поэтому, не имѣя данныхъ объ нихъ, ничего нельзя сказать, и сравненіе не поможетъ возстановить неизвѣстное. Наконецъ, сближенія всегда слишкомъ соблазнительны, и часто невольно приводятъ къ искаженію немногихъ слѣдовъ бывшаго, или къ мысли о заимствованіяхъ одного народа у другаго — мысли, которой мы до послѣдняго времени

были обязаны непониманіемъ нашей исторіи и старины. — Русскіе князья были призваны изъ Скандинавіи и пришли къ намъ не въ видѣ завоевателей; слѣдовательно, заключаетъ Кругъ, въ Сѣверной Руси образъ правленія и государственныя (?) учрежденія были почти такія же, какъ и въ тогдашней Скандинавіи.

«Въ Скандинавіи», продолжаетъ онъ, «издавна существовало монархическое правленіе... Короли были большею частію только стражами и блюстителями существующихъ законовъ, верховными судьями, предсѣдателями народныхъ собраній (у Англосаксовъ послѣднія назывались Wittenagemot) и предводителями войскъ. Государство дѣлилось между сыновьями, которыхъ обыкновенно, по большому числу женъ, было много. Это устройство, конечно, было очень хорошо извѣстно тѣмъ, которые добровольно подчинились владычеству Рюрика; можетъ-быть, оно-то именно и побудило эти племена и особенно ихъ князей, безъ сомнѣнія нехотѣвшихъ подвергнуться произвольному обращенію, избрать наслѣдственнаго начальника именно изъ скандинавскаго рода. При этомъ могло даже казаться ненужнымъ заключать особенный договоръ, ибо само собой разумѣлось, что права тѣхъ, которые избирали князя, были обезпечены.

«Причина, побудившая соединенныя племена избрать монарха, заключалась въ томъ, что одинъ родъ возставалъ на другой, и между ними была взаимная вражда (междоусобія); это совершенно подтверждается стратегикономъ Маврикія относительно Славянъ: о прочихъ племенахъ у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ иностранныхъ извѣстій. По свидѣтельству Маврикія, у Славянъ было много князьковъ, между которыми не было согласія и часто происходили войны; ибо, завидуя другимъ, каждый изъ нихъ боялся, чтобъ другой надъ нимъ не возвысился. Ослабленные этими продолжительными внутренними распрями, они уже не были въ состояніи противостоять вооруженной силой страшнымъ Норманнамъ и сдѣлались ихъ данниками. Но «славянскій народъ, котораго ничто не можетъ заставить подчиниться и подпасть подъ иго, особенно у себя дома» (Маврикій), скоро ободрился снова, отказалъ имъ въ дальнѣйшей дани, изгналъ ихъ и такимъ образомъ еще разъ сдѣлался самостоятельнымъ. Но вскорѣ снова поднялись распри между родами и снова начали они «воевать другъ на друга». Тогда, наконецъ, остановились они на мысли безспорно самой лучшей, потому что уже давно Греки ея боялись и всячески старались отклонить ее: они всѣ согласились подчиниться одному общему князю.

«Воинственныя главы этихъ племенъ, безъ сомнѣнія, были весьма храбры; поэтому храбрость не могла быть главнѣйшимъ качествомъ, необходимымъ для монарха, которому всѣ они обѣщали повиноваться; кромѣ того, въ высшихъ

классахъ она тогда подразумѣвалась сама собою: здѣсь всего болѣе, почти исключительно принималось въ разсчетъ, высокое, знатное происхожденіе. Они не подчинились бы добровольно никому, кромѣ происходящаго изъ знатнаго рода. Но гдѣ бы они нашли людей болѣе знатнаго происхожденія, чѣмъ у своихъ сосѣдей-Германцевъ за моремъ, въ Скандинавіи? Они знали, что тамъ жили съ многочисленнымъ потомствомъ древнѣйшіе королевскіе роды, ведущіе начало отъ самихъ боговъ. Оттуда еще за нѣсколько столѣтій брали себѣ королей отдаленные народы. Быть подданнымъ члена такого рода никому не могло быть тягостно. Онъ такъ высоко стоялъ надъ всѣми ими, что ему нельзя было завидовать; каждый изъ славянскихъ, финскихъ и многихъ другихъ родоначальниковъ, въ распряхъ съ другими, могъ надѣяться на его безпристрастное правосудіе; отъ него также можно было ждать, что онъ дастъ твердость законамъ, установитъ и устроитъ порядокъ, чего до тѣхъ поръ не доставало обширной и богатой странѣ, защититъ и обезопаситъ новое государство отъ нападеній тѣхъ, которые къ нему не принадлежали. Туда-то послали они достать себѣ князя, который бы господствовалъ надъ ними и судилъ ихъ по закону.

«Изъ такого благороднаго рода были первые русскіе князья, и въ послѣдствіи здѣсь такъ же не позволяли себѣ отказаться отъ него, какъ прежде въ Скандинавіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при такихъ обстоятельствахъ древнія привилегіи соединенныхъ народовъ, призвавшихъ Рюрика, съ прибытіемъ его въ Россію остались неприкосновенными. Такъ поземельная собственность въ древнѣйшей Россіи большею частью удержала своихъ прежнихъ владѣльцевъ, исключая, можетъ-быть, тѣхъ, которые открыто возставали противъ новыхъ властителей; какъ въ Скандинавіи, они не имѣли никакихъ другихъ повинностей, кромѣ обязанности на свой счетъ служить военную службу, когда дѣло шло о защитѣ отечества, къ чему ихъ призывали зажженными кострами, или вѣстовыми съ особенными значками (Kerbstecken).

«Воинственный Олегъ, преемникъ Рюрика, по убіеніи Аскольда и Дира — потому что они не были княжескаго рода, какъ онъ и Игорь — и по утвержденіи своего мѣстопребыванія въ отдаленномъ Кіевѣ, впервые наложилъ на нихъ поземельную подать, которая до половины XI вѣка платилась въ Новѣгородѣ Варягамъ ежегодно *мира деля* (т. е. для мира), или для того, чтобъ они хранили миръ, или, какъ я скорѣй думаю, потому что эти наемные Варяги сами отправляли теперь военную службу вмѣсто землевладѣльцевъ, и защищали сѣверныя области Россіи противъ нападеній своихъ же единоземцевъ; ибо о *fretho panning*—сборѣ за княжескую защиту или покойное владѣніе, здѣсь не можетъ быть рѣчи. Уже Рюрикъ, въ качествѣ верховнаго обладателя страны, построилъ многіе города, въ которые посадилъ своихъ бояръ или знатнѣйшихъ мужей, и далъ имъ власть надъ окрестными странами. Такихъ городовъ, вѣроятно, было до того времени не много въ Россіи. То

же самое было и въ Германіи, и притомъ позже. Генрихъ I (ум. 936) впервые построилъ тамъ крѣпости противъ вторженія Венгровъ. И объ итальянскихъ Норманнахъ разсказывается, что, прибывъ въ Италію, они обратили въ крѣпостцы многочисленныя виллы, до того времени остававшіяся беззащитными.

«... Но съ тѣхъ поръ, какъ русскіе князья оставили Новгородъ и избрали своимъ мѣстопребываніемъ занятый ими Кіевъ—отчего въ послѣдствіи южныя провинціи и назывались нѣкоторое время преимущественно передъ другими Русью—они чувствовали себя гораздо менѣе стѣсненными въ своей власти, чѣмъ прежде. Желаніе расширить ее было въ нихъ естественно. Здѣсь они могли ввести многія учрежденія и перемѣны, которыхъ требовало время и которыя казались имъ полезными и необходимыми; кромѣ того, они могли отмѣнить многія злоупотребленія. Можетъ-быть, это-то обстоятельство много и содѣйствовало тому, что они избрали Кіевъ своей резиденціей и главнымъ городомъ, потому что въ завоеванныхъ областяхъ правительственное устройство необходимо должно было организоваться иначе, нежели въ Новгородской избирательной общинѣ, гдѣ князья, если и не были ограничены договорами, то должны были сохранять древніе обычаи. Можетъ-быть, поэтому уже въ 970 году ни одинъ князь не хотѣлъ княжить въ Новѣгородѣ, такъ что Святославъ, котораго Новгородцы просили объ одномъ изъ его сыновей, говоритъ: «да, еслибъ захотѣлъ кто идти къ вамъ!» И это древнее устройство, на которое нападали часто и сильно, несмотря на то, удержалось до великаго князя Іоанна Васильевича: можетъ-быть, оно продолжалось бы и долѣе, еслибъ Новгородцы не вздумали тогда отложиться отъ Рюрикова рода и не захотѣли подчиниться великому князю Казимиру. Только тогда Іоаннъ Васильевичъ формально объявилъ имъ войну, приславъ складную граммату. Напротивъ, въ странахъ, завоеванныхъ первыми преемниками Рюрика, они, конечно, воспользовались правами побѣдителей, и можно думать, что они господствовали здѣсь почти такъ же, какъ датскій король, Кнутъ въ Англіи.

«Въ этихъ-то провинціяхъ они имѣли несравненно больше средствъ, чѣмъ въ первоначальной Руси, наградить по заслугамъ и желанію своихъ алчныхъ друзей и военныхъ товарищей, съ помощью которыхъ особенно вели войны и совершали завоеванія — наградить ихъ раздачею регалій, наслѣдственными имѣніями и ленами, или золотомъ и серебромъ. Но съ расширеніемъ власти нашихъ князей, и потребности ихъ стали гораздо значительнѣе. Чтобъ сколько-нибудь удовлетворить алчности своихъ добровольныхъ военныхъ товарищей, для чего подати не всегда были достаточны, ибо дружинники служили не иначе, какъ за высокую плату, и тогда могли быть вербованы въ большомъ количествѣ — князья необходимо должны были стараться увеличить свои доходы и обогатиться какъ можно болѣе. Наша древняя исторія представляетъ не одинъ примѣръ, какъ знатными и простыми обладало то же желаніе, и то, что императоръ Константинъ Багрянородный разсказываетъ о ненасытимой алчности сѣ-

верныхъ народовъ вообще, въ особенности примѣнимо къ Скандинавамъ и Руссамъ [1])...

«... Въ новопріобрѣтенныхъ областяхъ русскими великими князьями было основано много такихъ крѣпостей (см. выше). О нихъ упоминаетъ и Константинъ Багрянородный въ одномъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ о зимнихъ квартирахъ Руссовъ «Трудное зимнее путешествіе Руссовъ бываетъ такое. Когда наступаетъ ноябрь мѣсяцъ, князья ихъ тотчасъ выступаютъ изъ Кіева со всѣми Руссами (вѣроятно большая часть дружины съ ея предводителями) и уходятъ въ городки, называемые *гирами*, а именно: въ славянскія мѣстечки (имена племенъ пропускаетъ Кругъ и въ выноскѣ выписываетъ мѣсто изъ фульдскихъ лѣтописей; quia certum latorem non habui, scribere nolui. Meluis est enim tacere quam falsa loqui)... и другихъ Славянъ, платящихъ дань Руссамъ. Кормясь тамъ въ продолженіе всей зимы, они, начиная съ апрѣля, когда пройдетъ въ Днѣпрѣ ледъ, снова спускаются въ Кіевъ». Константиновы γῦρα, кажется, и суть такія крѣпости; и въ средневѣковой латини они называются *Gyrones*, *Girones*, — вѣроятно родъ крѣпостей, которыя, несмотря на то, что были очень просты, все-таки были превосходныя зданія въ сравненіи съ жилищами Славянъ, среди которыхъ стояли и вполнѣ соотвѣтствовали своему назначенію защищать отъ нападеній. Сюда-то отправлялись зимой Руссы съ своими предводителями. Многія области, въ которыхъ они построили эти крѣпостцы, можетъ-быть, именно въ это время года и были завоеваны, и поэтому можно предполагать, что на тѣхъ Славянъ, которымъ побѣдители оставили свободное владѣніе землями, наложена была за это обязанность содержать на свой счетъ побѣдителей, проживавшихъ здѣсь съ того времени по зимамъ, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, отъ начала ноября до апрѣля.— Уже императоръ Маврикій хотѣлъ заставить Славянъ давать своимъ войскамъ провіантъ въ продолженіе всей зимы и послать войска въ ихъ земли; но это подало поводъ къ возстанію, вслѣдствіе котораго онъ потерялъ престолъ. Но тутъ обстоятельства были другія. Славяне были не враги, а подданные Руссовъ, обложенные данью; притомъ у Скандинавовъ издавна было въ обычаѣ суровое время года, когда нельзя было предпринимать походовъ ни сухимъ путемъ, ни водою, проводить въ своемъ отечествѣ, гдѣ рѣки и заливы въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ были покрыты льдомъ, или внѣ отечества въ зимнихъ лагеряхъ, гдѣ пища и питье были достаточно обезпечены, или откуда они могли добывать жизненные припасы покупкой или грабежомъ. Уже около половины IX вѣка, часто упоминается, въ какихъ мѣстахъ Англіи языческое войско каждый разъ располагалось зимнимъ лагеремъ; то же во Франціи и въ Германіи.—Столько, даже неважнаго, разсказывается о Норманнахъ въ чужихъ земляхъ, тогда какъ мы, къ сожалѣнію, почти ничего не знаемъ о томъ,

---

[1]) Подъ Руссами авторъ вездѣ разумѣетъ пришедшихъ къ намъ Норманновъ.

что они дѣлали у насъ—а у насъ они, конечно, играли гораздо бо̀льшую роль, чѣмъ гдѣ либо. Съ какимъ тщаніемъ должны мы собирать отдѣльныя извѣстія, въ которыхъ совершенно случайно разсказывается что-нибудь относящееся къ этому предмету!»

Все, что̀ здѣсь говоритъ Кругъ, какъ видятъ сами читатели, очень любопытно, особенно, когда знаешь, что выводы снабжены безчисленнымъ множествомъ выписокъ изъ скандинавскихъ и другихъ средневѣковыхъ источниковъ, и почти каждое слово подтверждено ясными доказательствами. Какъ ученая работа, эта статья имѣетъ несомнѣнныя достоинства. Но возстановляетъ ли она исторію нашей древнѣйшей Руси? Вотъ въ чемъ мы позволяемъ себѣ сомнѣваться! Гдѣ источники почти ничего не говорятъ, тамъ ипотезы, аналогіи, вѣроятія подозрительны. Замѣтимъ, что норманнская эпоха русской исторіи есть особенное, исключительное историческое явленіе. О ней еще спорятъ, норманнская она, или нѣтъ. Она не оставила никакихъ слѣдовъ въ нашей послѣдующей жизни, ибо по близкому сходству древнѣйшаго славянскаго и германскаго быта, учрежденія и обычаи ничего не говорятъ въ пользу того или другаго мнѣнія: сколько учрежденій и обычаевъ считались сначала несомнѣнно скандинавскими, а при ближайшемъ изслѣдованіи оказались славянскими! Мы, по крайней мѣрѣ, еще не знаемъ ни одного юридическаго явленія въ такъ называемой варяжской Руси, которое не объяснялось бы одинаково обоими элементами. При такой неизвѣстности, при скудости извѣстій, принять за основаніе, что наши древнія учрежденія скандинавскія и подыскивать къ нимъ мѣста изъ скандинавскихъ источниковъ — трудъ, конечно, не безполезный, но онъ не рѣшаетъ вопроса. Тотъ, кто пойдетъ отъ мысли, что эти учрежденія были славянскія, и станетъ къ нимъ подыскивать мѣста изъ славянскихъ памятниковъ, найдетъ и съ ними удивительное сходство. Надобно же, наконецъ,

сознаться, что пока не будутъ открыты новые источники— туземные или иностранные, описывающіе тогдашнюю Русь— кромѣ предположеній ничего нельзя сказать о ней. Еслибъ эта эпоха была перерывомъ между подробными предыдущими и послѣдующими данными, еще можно было бы возстановить догадками связующія, но потерянныя для потомства нити, хотя исторія представляетъ намъ не одинъ примѣръ, какъ часто и тутъ ипотезы бываютъ ошибочны. А здѣсь—ничего не извѣстно передъ призваніемъ Варяговъ; когда же начинаются подробныя извѣстія, и слѣдъ Варяговъ простылъ. Мы далеки отъ мысли обвинять Круга за его методъ изслѣдованій и ученые пріемы. Когда онъ писалъ — на предметъ смотрѣли иначе, многаго не знали изъ того, что теперь знаютъ. Но его начитанность и критика невольно вводятъ въ соблазнъ, противъ котораго нельзя довольно предостерегать. Въ основаніи ихъ лежитъ недоказанная ипотеза—вотъ чего не надо никогда забывать, чтобъ не сбиться съ толку.

11) «Ueber die Gridba der früheren Russischen Fürsten, verglichen mit dem Institut der Hirdmannen in Skandinavien». Наши гридни, гридьба — скандинавскіе гирдманы, тѣлохранители, стража князей и другихъ знатныхъ лицъ. У Снорре есть извѣстіе, что подобное установленіе существовало и въ Россіи: это придаетъ особенный историческій интересъ изслѣдованіямъ Круга. Кнутъ старшій (ум. 1036) имѣлъ около себя многочисленную стражу (hirdh), набранную изъ всѣхъ странъ, надъ которыми онъ былъ королемъ. Она состояла большею частію изъ Датчанъ, но принимались и посторонніе. Въ особенности Кнутъ избиралъ тѣхъ, которые отличались знатной породой или состояніемъ; они должны были на свой счетъ запасаться великолѣпнѣйшимъ оружіемъ, и соперничали въ этомъ между собою, что дѣлало для небогатыхъ невозможнымъ принадлежать къ составу этого отряда. Но гирдманны

получали огромное жалованье, которое платилось имъ помѣсячно. Ихъ было три тысячи человѣкъ, потомъ до шести тысячь. Въ 1018 или 1019 году, Кнутъ, съ помощью разумныхъ мужей, составилъ для нихъ уголовный уставъ (Witherlogh или Vitherlag), возобновленный въ концѣ XII вѣка датскимъ королемъ Кнутомъ VI. Въ Англіи эта стража называлась Thingamenn, Thingmanna, Thinglith, въ Скандинавіи Hirdmenn. Въ Норвегіи, въ числѣ прислуги находились придворные разныхъ названій, не получавшіе ни жалованья, ни содержанія отъ короля, и, что весьма замѣчательно—гости (hospites, gestir), получавшіе половину жалованья противъ гирдманновъ. Слы и гостье, встрѣчающіеся въ договорахъ нашихъ князей съ Греками, получаютъ чрезъ это новое объясненіе. Гирдманны были изъ самыхъ приближенныхъ короля, днемъ и ночью хранили его, участвовали въ королевскихъ пирахъ и обѣдахъ, во всѣхъ собраніяхъ, судебныхъ и законодательныхъ, подобно ближайшимъ родственникамъ, и были какъ бы правителями королевства. Изъ мѣстъ нашей лѣтописи о гридяхъ, гридьбѣ, гридняхъ можно заключать, что они были то же самое, что скандинавскіе hirdmann. — Hirdi значитъ охранять, сторожить. Опровергая на этомъ основаніи словопроизводства другихъ изслѣдователей русской исторіи, хотя и принимавшихъ скандинавское происхожденіе гридней, Кругъ весьма основательно замѣчаетъ, что Карамзинъ ошибся, смѣшавъ гридней съ мечниками. — Гости, hospites, должны были извѣдывать королевскихъ враговъ и ихъ истреблять; имущество послѣднихъ, которое они могутъ унести съ собою, принадлежитъ имъ, кромѣ золота, составляющаго долю короля. Находясь при королѣ, они стоятъ на стражѣ, кромѣ главной. Сверхъ того, есть еще родъ королевскихъ придворныхъ, которые не имѣютъ стола, не бываютъ часто при дворѣ и ничего не получаютъ, но только состоятъ подъ особеннымъ покрови-

тельствомъ короля. Придворные называются вообще Huskarls. Въ договорахъ нашихъ князей съ Греками упоминаются карли. Не имѣетъ ли это слово отношенія къ скандинавскому устройству нашего первоначальнаго двора?

12) «Bemerkungen zu Achmed Ibn-Foszlan's Gesandshaftsbericht, über Sprache, Religion, Sitten und Gebräuche der heidnischen Russen zu Anfange des X Jahrhunderts». Длинная статья, въ которой изъ разбора извѣстій Ибнъ-Фоцлана о Руссахъ и сравненія этихъ извѣстій съ обычаями и нравами Скандинавовъ оказывается, что Ибнъ-Фоцланъ говоритъ о Руссахъ-Скандинавахъ. Изслѣдованія и толкованія, которыя здѣсь находимъ, очень любопытны, хотя, вообще, теперь уже не новы.

13) «Ueber das alte nordische Julfest, welches im X Jahrhundert unter dem Namen τὸ Γοτθικὸν auch am Hofe zu Konstantinopel gefeiert ward». Въ сочиненіи о церемоніяхъ византійскаго двора (de Cerimoniis aulae Byzantinae), составленномъ въ половинѣ X вѣка, говорится о праздникѣ, называемомъ готскимъ, который отправлялся въ Константинополѣ во время святокъ, въ императорскомъ дворцѣ. Готскимъ назывался онъ потому, что въ немъ главную роль играли Готы. Въ числѣ разныхъ дѣйствій, его сопровождавшихъ, между прочимъ разсказывается, что Готы ударяли прутьями по щитамъ и шумѣли, крича «туль, туль». Текстъ пѣсень до насъ дошелъ съ толкованіями; но послѣднія, очевидно, позже вошли въ составъ описанія церемоній, а первый такъ неправиленъ, что его понять нельзя. Было предложено много догадокъ въ объясненіе этого праздника и его происхожденія, но онѣ не удовлетворительны. Кругъ думаетъ, что, вмѣсто *туль*, должно читать *юль*, и что, слѣдовательно, готскій праздникъ есть не что иное, какъ сѣверный праздникъ Юля, Іола, извѣстный тамъ доселѣ и празднуемый въ то же время. Отсюда онъ выводитъ, что и наша коляда въ связи съ этимъ праздникомъ и происхо-

дитъ отъ юль и ѣда; отсюда же, по его мнѣнію, происходятъ слова: «гулять, колдовать, коливо, куличь, кулебяка», даже названія «Колывань, Коллебягъ и Голяды» — послѣдніе отъ «Голъ, Юль и ядь»; слѣдовательно, Голяды не народъ, а поклонники Юля. Что большая часть изъ этихъ словъ находятся и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, это не смущаетъ Круга. Корень ихъ, говоритъ онъ, не славянскій. Вся эта этимологія очевидно натяжка, порожденная одностороннимъ взглядомъ на скандинавскій характеръ первой эпохи нашей исторіи, въ связи съ неправильнымъ пониманіемъ происхожденія и сходства народныхъ обычаевъ и преданій.

15) «Ueber die Bäder der russischen Geschäftsträger zu Konstantinopel im X Jahrhundert». Въ договорѣ Олега съ Греками одной статьей постановлено, гостямъ «да творятъ...мовь елико хотятъ». Нѣкоторые думали, что мовь значитъ здѣсь рѣчь, слова, разговоръ. Толкованіе очевидно ложное. Карамзинъ переводитъ статью такъ: «они имѣютъ также свободный входъ въ народныя бани». Въ опроверженіе такого толкованія, Кругъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ сочиненія о церемоніяхъ (89 глава, стр. 234). «Баня въ томъ домѣ, гдѣ онъ (персидскій посолъ въ Константинополѣ) будетъ жить, или въ сосѣднемъ, должна быть изготовлена такъ, чтобъ онъ самъ и тѣ, которые съ нимъ, могли мыться, когда хотятъ, и чтобъ баня была открыта для нихъ однихъ». Отсюда Кругъ выводитъ и, какъ кажется, весьма основательно, что въ приведенныхъ словахъ Олегова договора идетъ рѣчь о привилегіи, вообще предоставляемой въ Константинополѣ посламъ тѣхъ народовъ, которыхъ Греки особенно боялись, а именно о привилегіи имѣть отъ византійскаго правительства особенную баню.

15) «Ueber die Rangordnung im späteren Griechenland und im früheren Russland». Нѣсколько замѣтокъ о сходствѣ византійскаго устройства и управленія съ русскимъ. Онѣ совершенно

необработаны, но любопытны. Какъ у насъ, такъ и въ Греціи было восемь степеней чиновъ. Впрочемъ, это сближеніе поверхностно. Интереснѣе вотъ что. «Болѣе, чѣмъ вѣроятно (еслибъ мы и не имѣли прямыхъ извѣстій), что при послѣдующемъ (послѣ Ольги) еще большемъ сближеніи между Греціей и Россіей, когда весьма многое введено въ послѣднюю вмѣстѣ съ вѣрой, у насъ мало отступали отъ церемоніяла византійскаго двора. Примѣръ представляютъ коронаціи, даже до позднѣйшаго времени. Стоитъ только сравнить вѣнчаніе на царство Алексѣя Михайловича съ коронаціей императора Мануила Комнина. Да и сколькихъ обычаевъ, существующихъ у насъ до сихъ поръ, должно искать начала въ Греціи! Такова, напримѣръ, выдача жалованья по третямъ; самое слово жалованье буквально переведено съ византійскаго largitiones».

16) «Eupraxia, Tochter des Grossfürsten Vsevolod, Gemahlin des Kaisers Heinrich des IV». Неоконченное изслѣдованіе объ Евпраксіи, дочери Всеволода Ярославича, и супругѣ маркграфа штадтскаго, а потомъ императора Генриха IV. Несчастная судьба ея извѣстна (Карамзинъ, Т. II, стр. 97 и прим. 157 по 1-му изданію). Она развелась съ Генрихомъ и скончалась въ Россіи. «Поводъ къ этому сочиненію» говоритъ г. Кунигъ: «подалъ канцлеръ Румянцовъ, который поручилъ одному молодому человѣку собрать въ разныхъ иностранныхъ библіотекахъ извѣстія объ Евпраксіи. Эти свѣдѣнія были умножены и обработаны Кругомъ. Его изслѣдованія дошли до насъ въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ ни одна не полна, такъ что я долженъ былъ отпечатать и переработанныя выписки изъ источниковъ».

17) «Ueber den Vertrag des Fürsten Jaroslav Jaroslavitsch und der Nowgoroder mit den Deutschen, Gotländischen und Wälschen Kauffahrern vom Jahr 1269». Хронологическія и этимологическія объясненія договора Ярослава Ярославича и Новго-

родцевъ съ нѣмецкими и готландскими купцами (1269 г.), написаннаго на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи и хранящагося въ любекскомъ архивѣ; копія съ него снята по порученію канцлера Румянцова; кромѣ того, онъ отпечатанъ у Сарторія и вновь въ 1843 въ Codex diplomaticus Lubecensis.

18) «Ueber die Библіотека Иностранныхъ Писателей о Россіи, herausgegeben von В. Семеновъ». Въ небольшомъ вступленіи къ этой статьѣ, Кругъ опредѣляетъ значеніе иностранныхъ писателей о Россіи, какъ одного изъ важныхъ источниковъ русской исторіи. «Такъ какъ до временъ Петра I-го, говоритъ онъ, мало писали въ самой Россіи, исключая канцелярій, то многое, заслуживающее вниманія, особенно о нравахъ и обычаяхъ, и казавшееся туземцамъ совершенно обыкновеннымъ, потому что встрѣчалось ежедневно, можно узнать почти исключительно черезъ однихъ иностранцевъ, которые лучше видѣли, потому что взглядъ ихъ не притупился привычкой. А подробное знакомство съ отечествомъ, конечно, усиливаетъ любовь къ нему. Поэтому издатели разбираемой книги хотятъ сообщить своимъ соотечественникамъ не только подлинный текстъ многихъ писателей XV, XVI и XVII вѣка, говорившихъ о Россіи, но перевести его на русскій языкъ и снабдить предисловіями и объяснительными примѣчаніями. Безспорно, это весьма полезное и похвальное предпріятіе, если удовлетворительно выполнено. Уже одно изданіе подлинниковъ, служащихъ для повѣрки точности переводовъ, доступность ихъ для каждаго любителя за дешевую цѣну, и соединеніе ихъ въ одной книгѣ было бы заслугой, ибо многія изъ этихъ сочиненій хранятся теперь только въ однѣхъ большихъ библіотекахъ. Они содержатся частью въ рѣдкихъ собраніяхъ, состоящихъ часто изъ многихъ фоліантовъ, или наоборотъ, представляютъ отдѣльныя, небольшія книжечки, изданныя одинъ разъ и мало-по-малу вышедшія изъ оборота».

Всѣ, даже поверхностно знакомые съ учеными изданіями историческихъ памятниковъ, знаютъ, какъ неудовлетворительна въ этомъ отношеніи «Библіотека» г. Семенова. Исполненіе далеко не соотвѣтствуетъ самымъ непритязательнымъ требованіямъ. Текстъ и переводъ исполнены ошибокъ и опечатокъ; примѣчанія составлены безъ необходимыхъ предварительныхъ свѣдѣній. Словомъ, въ ученомъ отношеніи, это весьма неудачное изданіе. Можно представить себѣ, какъ должно было оно показаться Кругу, когда даже тѣмъ, которые далеко не такъ близко знакомы съ требованіями науки, недостатки «Библіотеки» бросаются въ глаза. Выказавъ ея главные недостатки и подтвердивъ свое мнѣніе многими очевидными примѣрами и доказательствами, Кругъ говоритъ въ заключеніи: «Несмотря на то, что такимъ образомъ многое въ трудѣ г. Семенова я нахожу неудовлетворительнымъ, я все-таки полагаю справедливымъ, по рѣдкости подобныхъ явленій въ русской литературѣ, присудить ему демидовскую премію въ 2500 рублей— частью для того, чтобъ его самого поощрить къ продолженію полезнаго предпріятія, частью, чтобъ другимъ молодымъ людямъ подать поводъ заниматься изслѣдованіями русской исторіи и древностей». Этотъ отзывъ представленъ Академіи въ 1837 году. Въ немъ собрано много интересныхъ данныхъ для древней русской исторіи.

19) «Fragmente einer russischen Chronologie». Отрывки изъ хронологическихъ таблицъ, составленныхъ Кругомъ, но недошедшихъ до насъ вполнѣ. (Подробное обозрѣніе его хронологическихъ изслѣдованій по русской исторіи и судьбы ихъ сообщилъ г. Кунигъ. Смотри стр. CCXXXIV—CCXXXVI).

20) «Ueber die Aerzte im früheren Russland». Въ «Краткой Россійской Исторіи» сказано, что до Іоанна IV въ Россіи не было врачей и аптекарей. Кругъ приводитъ длинный рядъ фактовъ, начиная со временъ Юрія Долгорукаго до присыл-

ки врачей Елисаветой англійской, которыми доказывается, что они были у насъ издавна.

21) «Berichte über einige die russische Geschichte betreffende Arbeiten». Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны три отчета Круга, представленные Академіи. Первый «Ueber die historischen Arbeiten in Russland von 1815—1820» (Обозрѣніе историческихъ трудовъ въ Россіи съ 1815 — 1820 года) составленъ по порученію Академіи Наукъ. Австрійскій исторіографъ баронъ Гормайръ (Hormayr) желалъ знать, что сдѣлано въ Россіи съ 1815 года для Русской исторіи вообще, что въ особенности для сохраненія и дальнѣйшихъ открытій памятниковъ древности и среднихъ-вѣковъ; но всего болѣе, что сдѣлано для исторіи славянскихъ народовъ съ VI по IX вѣкъ. Это желаніе онъ выразилъ въ письмѣ къ статсъ-секретарю, графу Каподистрія, который передалъ его министру народнаго просвѣщенія, князю Голицину, а послѣдній предложилъ Академіи. Статья Круга представляетъ любопытные матеріялы для библіографіи и исторіи изученія русской исторіи. Вторая: «Auszug aus dem Bericht über Jos. von Hammer's Geschichte der goldenen Horde». Въ 1808 году, по предложенію Лерберга, объявлена темой на академическую премію исторія монгольскаго владычества въ Россіи. Въ 1826 году, по случаю празднованія столѣтняго юбилея, Академія возобновила эту задачу, и черезъ нѣсколько лѣтъ повторила ее, потому что доставленное разсужденіе оказалось неудовлетворительнымъ. Поэтому поводу Гаммеръ написалъ свою «Исторію золотой кипчакской орды», или «Монголы въ Россіи». Кругу поручено было разсмотрѣть тѣ части рукописи, которыя составлены по русскимъ лѣтописямъ и историкамъ, и представить объ нихъ свое заключеніе. Кругъ нашелъ, что Гаммеръ не совершенно удовлетворительно воспользовался русскими источниками и данными. Третья: «Bericht über M.

Pogodin's Nestor». Это отзывъ о изслѣдованіяхъ г. Погодина о Несторѣ. Кругъ отзывается съ большими похвалами объ ученомъ трудѣ г. Погодина, и находитъ, что онъ вполнѣ достоенъ демидовской преміи.

Вотъ все, напечатанное г. Кунигомъ изъ бумагъ Круга. Въ критической статьѣ, посвященной общему обозрѣнію книги, мы не могли останавливаться подробно надъ всѣмъ, что̀ есть замѣчательнаго въ изданныхъ теперь трудахъ Круга, или что̀ невѣрно, сомнительно; прибавимъ къ этому, что было бы несправедливо строго судить эти труды, изданные не самимъ авторомъ и много лѣтъ спустя послѣ того, какъ они были написаны.

Несмотря на то, изданные десять, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, они имѣли бы интересъ новости. Множество объясненій, намековъ, ипотезъ, которыя теперь стали общимъ достояніемъ науки и всѣмъ извѣстны, находимъ у Круга, и часто въ статьяхъ, уже давно написанныхъ. Это показываетъ, какъ глубоко онъ смотрѣлъ на предметъ. Чтобъ оцѣнить достоинство изданныхъ теперь изслѣдованій не должно смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія теперешней науки русской исторіи. Теперь, конечно, эти изслѣдованія не представляютъ особенной важности. Исходная точка изслѣдованій Круга не вполнѣ вѣрна и напоминаетъ старую школу. Объясненія и ипотезы большею частію уже извѣстны или опровергнуты. Кругъ былъ послѣдній замѣчательный представитель старо-академической школы критическихъ писателей по русской исторіи. Его послѣдователи, въ томъ числѣ г. Погодинъ, который, по нашему мнѣнію, имѣетъ очень много общаго съ историческимъ взглядомъ Круга, пошли далѣе. У г. Погодина, какъ мы замѣтили въ другомъ мѣстѣ, есть уже предчувствіе русской исторіи въ ея высшемъ значеніи, есть стремленіе къ живому, цѣльному пониманію русской исторіи, которое онъ, къ сожалѣнію, часто

преслѣдуетъ и порицаетъ въ другихъ. Въ Кругѣ было гораздо болѣе терпимости, гораздо менѣе предубѣжденій...

Въ концѣ книги, въ особомъ прибавленіи, находимъ историко-этнографическія замѣчанія или, правильнѣе, опроверженія нѣкоторыхъ мѣстъ Круговыхъ изслѣдованій. «Я уже прежде объяснилъ» говоритъ г. Кунигъ, авторъ замѣчаній: «почему намѣревался въ концѣ книги сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на Круговъ анализъ народныхъ именъ (Варяговъ, Руссовъ, Дромитовъ и Фаргановъ). Считаю это тѣмъ болѣе нужнымъ, что ипотеза Круга о греческомъ происхожденіи названія Россъ и усвоеніи его Норманами и Славянами уже прежде проникла въ русскую, нѣмецкую и французскую литературы. Многія соображенія Круга въ самомъ дѣлѣ такъ соблазнительны, что теперь, когда читатель можетъ обозрѣвать ихъ вполнѣ, они легко могутъ увеличить запутанность, къ сожалѣнію, еще до сихъ поръ господствующую въ отношеніи къ этимъ названіямъ въ исторической этнографіи.

«Кругъ очевидно слишкомъ мало обратилъ вниманія на формы этихъ названій со стороны грамматической, т. е. съ точки зрѣнія исторіи языка. А историческая этнографія необходимо должна быть построена на этомъ основаніи, если хотимъ, чтобъ она привела наконецъ къ болѣе прочнымъ результатамъ касательно историческихъ отношеній отдѣльныхъ племенъ между собою, а именно ихъ смѣшенія и взаимнаго вліянія другъ на друга. Чѣмъ болѣе историческая этнографія будетъ принимать за точку отправленія историческую грамматику, тѣмъ общѣе станетъ убѣжденіе, что можно открыть первоначальную форму многихъ этнографическихъ названій древности и среднихъ вѣковъ, но далеко не всегда — смыслъ этихъ названій; что изо ста названій народовъ едва ли можно съ помощью исторіи и грамматики объяснить какихъ-нибудь три или пять изъ нихъ; разительнымъ подтвержденіемъ этой мысли

служатъ четыре народныя названія, изслѣдованныя Кругомъ; для нихъ источники представляютъ богатый филологическій и историко-этнографическій матеріялъ, и, несмотря на то, до сихъ поръ съ полной достовѣрностью можно объяснить значеченіе только одного изъ этихъ названій, а именно Дромитовъ».

Содержаніе замѣчаній и поправокъ г. Кунига, въ короткихъ словахъ заключается въ слѣдующемъ. Названіе Варяговъ произошло не въ Россіи отъ глагола варяю, а дается древнесѣверными писателями исключительно Норманнамъ, служившимъ въ Греціи. О Фарганахъ упоминается въ греческихъ историкахъ вмѣстѣ съ турецкими Казарами и Мадьярами. Они принадлежали къ конницѣ, и, по всѣмъ вѣроятностямъ, были собственно—Турки, которые тогда все болѣе и болѣе проникали впередъ изъ Верхней Азіи. Названіе они могли получить отъ Фарганы, главнаго города турецкаго ханства того же имени (въ теперешнемъ Коканскомъ Ханствѣ). Слѣдовательно, Фарганы не имѣютъ ничего общаго съ Варингами и, слѣдовательно, никакого отношенія къ русской исторіи. — Вопросъ: почему у нѣкоторыхъ Византійцевъ Игоревы Руссы названы Дромитами, былъ предметомъ множества ипотезъ. Изъ напечатанныхъ греческихъ писателей, объ нихъ упоминаютъ только два: Симеонъ Логоѳетъ или Метафрастъ и неизвѣстный продолжатель Ѳеофана. Но первый изъ нихъ, по изслѣдованіямъ г. Кунига, представляетъ лишь второстепенный историческій источникъ для событій X вѣка, и оба заимствовали извѣстіе о Дромитахъ изъ древнѣйшаго источника. Δρομίτης, грамматически и лексически не можетъ быть существительнымъ нарицательнымъ, происходящимъ отъ δρόμον, и быть эпитетомъ приморскаго народа. Δρομίτης—географическое названіе, какъ Τριπολίτης — житель Триполиса, Θουλῖται — жители полуострова Туле, Δρομῖται—были обитатели полуострова, который лежитъ на востокъ отъ устьевъ Днѣпра, и у нѣкоторыхъ

греческихъ писателей называется δρόμος Ἀχιλλέως. Римляне и Греки не тольки считали этотъ dromos частью Тавроскиѳіи, но такъ и называли его; по крайней мѣрѣ, они думали, что эта береговая страна, или страна, подобная острову, заселена Таврами, Тавроскиѳами и Дромитами. Названіе Тавровъ и Тавроскиѳовъ изъ чисто-національнаго въ послѣдствіи обратилось въ общее географическое, какъ и названіе Скиѳовъ. Тавры были извѣстны своими морскими разбоями и страшной жестокостью. Руссы, отличавшіеся тѣми же свойствами, были сначала названы Тавроскиѳами по сходству съ ними, а потомъ стали ихъ считать дѣйствительными Тавроскиѳами. Но Тавроскиѳы и Дромиты были однозначительное названіе; потому последнее и придано Руссамъ. Наконецъ — Ῥῶς не греческое слово, и не склоняется, слѣдовательно, не есть ни существительное, ни прилагательное; Греки впервые услыхали это названіе въ 838 году отъ пословъ шведскаго племени. Чтò значитъ это названіе — вопросъ второстепенный, если разъ доказано, что оно искони народное, а не принятое въ послѣдствіи отъ другаго народа.

Изадніе, вообще говоря, исправно. Однако, тамъ и сямъ попадаются опечатки, даже ошибки; такъ на стр. 485 вмѣсто Rurik читаемъ Nestor. Нельзя также не пожалѣть, что не сдѣлано къ книгѣ подробнаго алфавитнаго указателя предметовъ и словъ. Манера Круга наполнять каждую статью эпизодами, отступленіями, побочными и мимоходными замѣтками, дѣлаетъ такой указатель къ его сочиненіямъ совершенно необходимымъ для всѣхъ занимающихся русской исторіей.

История образования и развитія системы русскаго гражданскаго судопроизводства до Уложенія 1649 года. *Соч. И. Михайлова. Спб. 1848 г.*

История русскаго гражданскаго судопроизводства, особенно древняго, обработана тщательнѣе всѣхъ прочихъ сторонъ исторіи русскаго законодательства. Въ изслѣдованіяхъ Эверса, Рейца, Неймана, въ многочисленныхъ разсужденіяхъ и сочиненіяхъ о «Русской Правдѣ», въ статьѣ г. Калачова о «Судебникѣ Іоанна Грознаго», гражданское судопроизводство не однажды было предметомъ трудолюбивыхъ и дѣльныхъ обслѣдованій. Этого мало: ему посвящены даже отдѣльныя монографіи: мое сочиненіе о русскомъ судоустройствѣ и гражданскомъ судопроизводствѣ отъ Уложенія до учрежденія губерній императрицы Екатерины II; изслѣдованіе покойнаго Куницына о древнемъ судопроизводствѣ въ Россіи, преимущественно новгородскомъ. Диссертація г. Михайлова увеличиваетъ собою рядъ разсужденій и изслѣдованій объ этомъ предметѣ — и, къ чести автора должно сказать, не однимъ только новымъ заглавіемъ новой книги. Г. Михайловъ знаетъ предметъ, и знаетъ его основательно, по источникамъ; взглядъ его вообще вѣренъ, точка отправленія историческая; словомъ, онъ соединяетъ въ себѣ всѣ главныя условія, необходимыя для того, чтобъ изъ-подъ его пера вышло дѣльное изложеніе одного изъ самыхъ любопытныхъ предметовъ въ исторіи русскаго законодательства. Мы, по крайней мѣрѣ, находимъ что книга г. Михайлова имѣетъ не одни достоинства диссертаціи: какъ ученый трудъ, она представляетъ многія хорошія стороны, которыя упрочиваютъ ея дальнѣйшее существованіе въ русской историко-юридической литературѣ и отличаютъ ее отъ множества другихъ эфемерныхъ статей и книжекъ, являющихся въ свѣтъ тоже подъ фирмой диссертацій на ученую степень.

Книжка г. Михайлова состоитъ изъ двухъ частей. Первая представляетъ очеркъ историческаго образованія и развитія русскаго гражданскаго судопроизводства до Уложенія и по Уложенію; вторая — такой же историческій очеркъ составныхъ частей гражданскаго судопроизводства въ отдѣльности. По самому объему разсужденія (131 страница, in-8°) въ немъ нельзя искать ни критическихъ розысканій, ни подробнаго изслѣдованія и изложенія такого многосложнаго и вмѣстѣ труднаго предмета. Но ни одно изъ прежнихъ сочиненій по этой части не даетъ такого цѣльнаго, связнаго обозрѣнія его исторіи до Уложенія, какъ диссертація г. Михайлова. Это заслуга, и немаловажная. Признаемся, мы не знаемъ, почему авторъ повидимому не удовлетворяется этимъ и, составляя книгу, какъ будто мѣтилъ на что-то другое.

«Наша юридическая литература»—говоритъ онъ во введеніи — «не имѣла еще сочиненія, въ которомъ бы исторія нашего древняго судопроизводства была изложена въ истинно-историческомъ духѣ. Въ наше время отъ историка, мы требуемъ не только изложенія фактовъ въ ихъ исторической послѣдовательности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и преимущественно историческаго взгляда на предметъ. Для любознательнаго духа нашего времени, мало сухаго знанія фактовъ, мало знать что̀ было; онъ хочетъ знать почему было такъ, а не иначе. Поэтому не поверхностный взглядъ, но только глубокое, всестороннее познаніе предмета, основанное на изслѣдованіи его сущности, свойствъ внутреннихъ и отношеній внѣшнихъ, удовлетворяетъ требованіямъ нашего времени. До сихъ поръ, по отношенію къ предмету настоящаго сочиненія, весьма мало было обращаемо вниманіе на это существенное условіе историческихъ сочиненій. Эпитетъ историческаго придавали нерѣдко однимъ фактамъ, изложеннымъ въ послѣдовательности времени; иногда же однимъ взглядамъ болѣе или менѣе отвлеченнымъ, оставлявшимъ въ сторонѣ самые факты. Отъ этого происходило то, что историческій трудъ представлялъ собою или одни факты, не разъясненные взглядомъ, или напротивъ былъ отвлеченнымъ взглядомъ, не имѣвшимъ положительнаго достоинства, потому что основаніемъ его былъ субъективный взглядъ автора, а не самые факты. Избѣжать того и другаго недостатка, по нашему мнѣнію возможно только тогда, когда въ изложеніи будетъ отдѣлено историческое обозрѣніе фактовъ, въ ихъ связи причинъ и слѣдствій, отъ историко-философскаго взгляда на тѣ же самые

факты. Подобнаго рода сочиненіе должно заключать въ себѣ, съ одной стороны, массу фактовъ, матеріяловъ собранныхъ и подвергнутыхъ критическому разбору, въ отношеніи ихъ содержанія, и съ другой стороны ученый взглядъ, дающій жизнь каждому факту. Каждое явленіе выражаетъ въ себѣ свое внутреннее начало; раскрыть это начало, дать ему значеніе въ ряду другихъ явленій, есть цѣль такого взгляда. Когда взглядъ будетъ слѣдствіемъ анализа фактовъ, а факты будутъ подтвержденіемъ взгляда, тогда сочиненіе сохранитъ свою пользу даже и въ томъ случаѣ, когда бы факты были поняты не въ настоящемъ ихъ значеніи; потому что хотя взглядъ представитъ въ этомъ случаѣ ложную, обманчивую сторону предмета, но факты всегда останутся вѣрны самимъ себѣ и заблужденіе автора наведетъ на истину того, чей взглядъ проницательнѣе и чей научный тактъ вѣрнѣе» (стр. 7 и 8).

Все это совершенно справедливо и основательно. Но спрашивается: восполняетъ ли книжка г. Михайлова пробѣлъ, указанный имъ въ нашей юридической литературѣ? исправляетъ ли она обнаруженные имъ, существенные недостатки того, что̀ уже сдѣлано? Мы позволимъ себѣ въ этомъ усомниться. Сочиненіе г. Михайлова далеко не критическое изслѣдованіе; оно и не историко-философское построеніе избраннаго предмета. Мы сказали, что это весьма хорошо составленный очеркъ, но не болѣе, и конечно всякой, кто прочтетъ эту книгу, согласится съ нами. Настаиваемъ на этомъ, чтобъ предупредить слишкомъ строгія сужденія и требовательность читателей и критиковъ, чему слова самого автора могутъ подать поводъ: Составляя свою програму, авторъ конечно имѣлъ въ виду будущія работы по этой части, а не свою диссертацію. Взглянемъ теперь на ея содержаніе.

Авторъ разсматриваетъ сначала развитіе нашего гражданскаго судопроизводства вообще, отъ древнѣйшихъ временъ до Уложенія, и показываетъ, какимъ образомъ первоначальная семейная расправа главы семейства мало-по-малу измѣнялась въ древнѣйшемъ общинномъ бытѣ, въ періодъ владычества Варяговъ, по «Русской Правдѣ», во время удѣловъ, и потомъ при единодержавіи московскихъ царей, въ обоихъ Судебникахъ,

послѣдующихъ за ними законахъ и наконецъ въ Уложеніи получила правильный видъ и возвысилась на степень довольно подробно опредѣленной и развитой системы гражданскаго процесса. Эта часть показалась намъ весьма интересной и во многихъ отношеніяхъ полнѣй, удовлетворительнѣй второй. Мы встрѣчаемъ здѣсь счастливыя мысли, удачныя и новыя гипотезы. Въ особенности любопытнымъ показалось намъ объясненіе отношенія между туземнымъ-славянскимъ и пришлымъ варяжскимъ или германскимъ элементами въ нашемъ древнемъ судопроизводствѣ. Вотъ чтò говоритъ объ этомъ г. Михайловъ:

«Князья вносятъ съ собою въ жизнь племенъ, въ ихъ общественный бытъ новый элементъ германскій. Съ ними является новая система управленія, новыя учрежденія и обычаи, новое начало въ порядкѣ суда и расправы. Если то состояніе племенъ, которое выражаетъ лѣтописецъ словами «не бысть у нихъ правды и вста родъ на родъ и быша въ нихъ усобица многая», было существенною причиною призванія князей, то безъ сомнѣнія первая дѣятельность ихъ была обращена на водвореніе тишины, внутренняго порядка и утвержденіе правды. Но, какимъ образомъ могли князья выполнить эту высокую, священную обязанность? Конечно, введеніемъ въ жизнь племенъ, въ ихъ бытъ, въ ихъ систему расправы и суда, законовъ, учрежденій, обычаевъ германскихъ, которые одни только были имъ извѣстны и которые по ихъ убѣжденію казались имъ наилучшими, наисправедливѣйшими. Князья, прежде всего замѣтивъ, что междоусобія преимущественно возникали изъ обычая мести, получившаго полную силу и значеніе; не имѣя возможности искоренить этотъ обычай, хотѣли обуздать его по крайней мѣрѣ опредѣленіемъ въ законѣ случаевъ, въ которыхъ месть могла быть употреблена. При этомъ случаѣ всего естественнѣе было то, что князья опредѣлили месть закономъ такъ, какъ это было у Германцевъ. Какъ у германскихъ народовъ, право личной мести было ограничено тѣмъ, что оно составляло особое преимущество людей свободныхъ, принадлежало только обиженному и его родственникамъ и было допускаемо только въ тяжкихъ обидахъ, такъ точно оно дѣйствовало и было признаваемо въ Руси долгое время послѣ призванія князей. Другою мѣрою, для поддержанія порядка введеннаго князьями, было учрежденіе *виръ*, т. е. денежныхъ взысканій за разныя нарушенія, съ лицъ ихъ совершавшихъ, а также съ мѣстъ или округовъ, гдѣ они были совершены или гдѣ нарушители правъ имѣли мѣсто-жительства. Названіе и числовое сходство нашихъ древнихъ виръ съ скандинавскими указываютъ на ихъ не славянское происхожде-

ніе. У народовъ германскаго племени, для охраненія общаго мира и частной безопасности каждаго, какъ личной, такъ и по имуществу, введено было взаимное поручительство, Gesammtbürgschaft. Оно состояло въ слѣдующемъ: за безопасность и поведеніе своихъ членовъ ручалось семейство. Ближніе родственники защищали каждаго отъ обидъ и мстили врагамъ его: они же помогали ему внести сумму взысканія — Wehrgeld, опредѣленную въ вознагражденіе обиженному и для примиренія съ его родственниками. Подобнымъ образомъ, отвѣчали хозяева за своихъ слугъ и господа за своихъ рабовъ. Кромѣ того, всѣ свободнагό состоянія люди находились въ обществѣ Freoburgh, соглашаясь взаимно отвѣчать за поведеніе и безопасность своихъ сочленовъ. Виры, опредѣленныя въ «Русской Правдѣ» за разныя нарушенія съ тѣхъ вѣдомствъ (?), гдѣ они учинены или гдѣ нарушители имѣли мѣстожительства, должно разсматривать, какъ это замѣтилъ г. Куницынъ, въ смыслѣ учрежденій для сохраненія мира и взаимной безопасности людей свободныхъ. Съ нашей стороны, мы признаемъ это мнѣніе, однако не раздѣляемъ его съ г. Куницынымъ: вполнѣ, намъ кажется естественнѣе и ближе искать начало этого учрежденія въ тѣхъ предшествовавшихъ этому времени общинахъ, о которыхъ мы упомянули выше, потому что сущность общины, какъ мы показали это, и состояла въ этой взаимной защитѣ. Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что князья застали и у насъ это учрежденіе, сходное съ германскимъ, но застали въ такомъ ослабленіи, въ такомъ упадкѣ, что они должны были снова и вполнѣ возстановить его; и при этомъ возстановленіи сущность учрежденія осталась та же, но количество, мѣра, пространство взысканія и лица подлежащія ему, конечно, были опредѣлены князьями тождественно съ германскими обычаями и законами» (стр. 20—22).

Еще яснѣе высказана эта мысль въ слѣдующихъ словахъ:

«Касательно того, въ какой степени и въ какомъ отношеніи элементы славянскій и германскій отражаются въ «Русской Правдѣ», наше мнѣніе есть слѣдующее: управленіе первыхъ князей было преимущественно обращено на водвореніе повсемѣстной, общей тишины. Этимъ объясняется то обстоятельство, что при подробномъ опредѣленіи виръ, дѣйствія частной мести и значенія ея, они не обращали особеннаго вниманія на внутренній бытъ возстановленныхъ ими общинъ, и въ частности на самый обычай суда и расправы. Обращая вниманіе на судъ, какъ на одинъ изъ источниковъ дохода, они поставляли при судѣ своихъ тіуновъ, отроковъ, вирниковъ, для сбора пошлинъ судебныхъ. Самое же производство разбора и отысканія истины въ спорномъ дѣлѣ, предоставляли усмотрѣнію и дѣятельности самихъ частныхъ лицъ. Такимъ образомъ, вліяніе германскаго элемента необходимо должно было болѣе отразиться въ судоустройствѣ, чѣмъ въ самомъ судопроизводствѣ» (стр. 22 и 23).

Сколько мы можемъ припомнить, загадочное отношеніе двухъ элементовъ нигдѣ еще не было объясняемо такимъ образомъ. Во всякомъ случаѣ, мысль, здѣсь высказанная, можетъ быть весьма обильна результатами при изученіи и ученой обработкѣ древнѣйшей русской исторіи и должна повести къ многимъ новымъ, неожиданнымъ объясненіямъ темныхъ ея сторонъ и доселѣ неразрѣшимыхъ противорѣчій.

Но нельзя согласиться со всѣмъ, что̀ говоритъ авторъ въ этой первой части. Такъ онъ объясняетъ различіе новгородскаго судопроизводства отъ гражданскаго процесса въ остальныхъ частяхъ Россіи вліяніемъ германскаго элемента, который будто бы укрѣпился въ Новгородѣ вслѣдствіе постоянныхъ и частыхъ торговыхъ сношеній съ Ганзою. На чемъ основано это объясненіе? гдѣ факты? Мысль о вліяніи, заимствованіяхъ въ такую отдаленную эпоху исторіи не новая и вызвала столько сомнѣній и возраженій, особливо въ послѣднее время, что автору слѣдовало бы по крайней мѣрѣ подтвердить ее хоть нѣсколькими доказательствами, а не высказывать въ видѣ всѣмъ извѣстной и безспорной исторической истины. Чѣмъ болѣе мы вникаемъ въ нашу старину, тѣмъ болѣе невѣроятной становится гипотеза о заимствованіи Новгородцами своихъ учрежденій отъ Германцевъ. Взгляните только на древнѣйшіе памятники различныхъ славянскихъ законодательствъ, даже на теперешній бытъ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, остающихся на первоначальной степени развитія — и вы увидите между этими законодательствами, этимъ бытомъ и древнѣйшимъ новгородскимъ устройствомъ такое разительное сходство, что невольно посмотришь на предметъ совсѣмъ съ другой стороны. Скажемъ болѣе: столкновенія Славянъ съ Германцами, въ древнія времена, не только не подавали повода къ вліянію послѣднихъ на первыхъ: напротивъ, они только рѣзче, выпуклѣе развили національныя особенности и учре-

жденія Славянъ, разумѣется покуда переселенія, завоеванія Германцевъ, наконецъ истребленіе всего или части славянскаго народонаселенія и замѣна его германскимъ не внесли въ жизнь новыхъ матеріяльныхъ данныхъ. Примѣры не далеки. Древнѣйшія польскія и чешскія учрежденія гораздо опредѣленнѣе, точнѣе, гораздо болѣе развиты юридически, чѣмъ древнѣйшія русскія, а между русскими новгородскія и псковскія гораздо болѣе, чѣмъ остальныя. Это явленіе столько же понятно и естественно, какъ непонятно и неестественно вліяніе, въ отдаленныя времена, когда національности сознавались рѣзче, болѣе внѣшнимъ образомъ, чѣмъ въ послѣдствіи, и когда не было еще общей для европейскихъ народовъ образованности.

Это не все, съ чѣмъ мы не можемъ согласиться съ г. Михайловымъ, или что̀ находимъ неудовлетворительнымъ въ первой части его ученаго труда. Есть и многое другое сомнительное и даже, по нашему крайнему разумѣнію, невѣрное. Указаніе и опроверженіе всего такого завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Мы ограничимся нѣсколькими указаніями на особенно важное.

Авторъ весьма ясно показываетъ постепенныя измѣненія и переходы домашней расправы въ общинный судъ, роль, которую игралъ германскій элементъ въ развитіи судопроизводства (что̀ мы видѣли выше), значеніе въ этомъ отношеніи «Русской Правды» и жалованныхъ, уставныхъ судебныхъ грамотъ въ періодъ удѣловъ. Не такъ внимательно прослѣдилъ онъ, какъ намъ кажется, исторію судопроизводства въ періодъ единодержавія московскихъ царей до половины XVII вѣка. По крайней мѣрѣ изложеніе слабѣй и какъ-то стерто. А между тѣмъ, безспорно, это самая важная и практически самая главная половина первой части разсужденія г. Михайлова. Откуда могъ произойти этотъ недостатокъ? Мы думаемъ, что авторъ

слишкомъ мало обратилъ вниманія на административную, государственную сторону судопроизводства въ этотъ періодъ времени и слишкомъ исключительно, отчасти одностороннe, вникалъ въ одну юридическую часть предмета, тогда какъ съ половины XV до половины XVII вѣка административный элементъ играетъ самую существенную, первую роль въ развитіи судопроизводства. Основатели Московскаго государства, Іоаннъ III, Іоаннъ Грозный, ученикъ и преемникъ послѣдняго — Годуновъ, наконецъ новая династія Романовыхъ, которымъ предстояло трудное дѣло возстановить и утвердить Россію, глубоко потрясенную предшествовавшими смутами, — могли ли они смотрѣть на судопроизводство иначе, какъ преимущественно съ политической точки зрѣнія? Тоже повторилось и послѣ нихъ: преобразованія Петра Великаго въ судопроизводствѣ были програмой, указаніемъ для того, чтò должно было развиться и юридически опредѣлиться позднѣй, какъ и сдѣлалось на самомъ дѣлѣ и теперь дѣлается; юридическаго характера реформы Петра въ судопроизводствѣ не имѣли, какъ вообще все то, чтò имъ сдѣлано въ отношеніи къ гражданскому праву. Вотъ чтò г. Михайловъ опустилъ изъ виду. Существенныя преобразованія Іоанна Грознаго въ судопроизводствѣ и особливо въ судоустройствѣ у него означены, но такъ въ тѣни, что, не зная дѣла, подумаешь, будто особенно важнаго въ это время ничего не произошло, тогда какъ законоположенія Грознаго составляютъ въ исторіи нашего судопроизводства эпоху, и эпоху весьма блистательную. Онъ поколебалъ въ самомъ основаніи систему кормленій и нанесъ такіе сильные удары частному характеру судопроизводства, что съ этого времени оно стало болѣе и болѣе возвышаться на степень отрасли государственнаго управленія, пріобрѣтать независимость отъ частнаго произвола, изъ котораго до Іоанна не могло выбиться. За то, съ его времени, оно никогда уже не

возвращалось въ прежнее положеніе, хотя преемники его дѣйствовали другими путями и употребляли другія средства. Г. Михайловъ оцѣнилъ и опредѣлилъ весьма правильно значеніе судебниковъ въ отношеніи къ судопроизводству и въ исторіи русскаго законодательства. Послѣ того ему оставалось только сгруппировать законодательныя распоряженія Грознаго о судопроизводствѣ и судоустройствѣ, чтобъ ихъ общая цѣль, значеніе въ исторіи и послѣдовательность въ развитіи судопроизводства въ это время обнаружились сами собою. Но онъ этого не сдѣлалъ, и потому говоритъ о предметѣ въ слишкомъ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ.

Изъ этого же недостатка объясняется, почему г. Михайловъ ничего не говоритъ о причинахъ и ходѣ постепеннаго отдѣленія гражданскаго судопроизводства отъ уголовнаго. Заключившись въ тѣсныхъ рамкахъ своего предмета, онъ и не могъ ничего сказать объ этихъ причинахъ и этомъ ходѣ; ибо этотъ вопросъ въ только что возникающихъ государствахъ есть по преимуществу политическій, тѣсно связанный съ самымъ образованіемъ и установленіемъ государства. Послѣ, и гораздо послѣ, отдѣленіе этихъ двухъ формъ судопроизводства формулируется теоретически, становится предметомъ умозрительныхъ опредѣленій и разграниченій: сначала отдѣленіе происходитъ вслѣдствіе административныхъ и государственныхъ потребностей, и нѣтъ возможности объяснить дѣла какими-нибудь общими началами. Такъ и у насъ было. Еще по Уложенію, татьба и самое убійство судились и уголовнымъ и гражданскимъ порядкомъ, смотря по дѣлу и по вору или убійцѣ. Какъ же тутъ примѣнить какое-нибудь общее начало? Но когда мы вспомнимъ, что первые зачатки особеннаго уголовнаго судопроизводства появляются въ розыскѣ воровъ, разбойниковъ и убійцъ, которые промышляли этимъ дѣломъ и обратили на себя особенное вниманіе правительства уже въ XV вѣкѣ, то

всѣ эти странности, непослѣдовательность и неправильности въ сужденіи дѣлъ уголовнымъ порядкомъ или судомъ объясняются легко сами собою. А ключъ къ этому и другимъ подобнымъ явленіямъ въ исторіи русскаго судопроизводства съ установленія единодержавія скрывается въ требованіяхъ и направленіи тогдашней администраціи и развитіи Московскаго государства.

Есть кромѣ этихъ недостатковъ и другія неправильности и противорѣчія. Въ двухъ мѣстахъ своей книги (стр. 29 и 38) г. Михайловъ говоритъ, что «Судебникъ» въ отношеніи къ мѣстнымъ законамъ былъ общимъ вспомогательнымъ закономъ. Собственно объ этомъ выраженіи нельзя было бы спорить: ясно, что частный, мѣстный, особенный законъ отмѣняетъ дѣйствіе общихъ законовъ въ отношеніи къ тому предмету, для котораго онъ изданъ, такъ что въ этомъ данномъ случаѣ общій законъ является вспомогательнымъ, а не главнымъ. Но все дѣло въ томъ, какъ смотрѣть на отношеніе мѣстныхъ законовъ къ общему во времена судебниковъ? Составляли ли мѣстные законы правило, а Судебникъ — исключеніе изъ него и только тамъ дѣйствовалъ, гдѣ не было мѣстныхъ законовъ; или, наоборотъ, мѣстные законы были привилегіей, льготой, исключеніемъ изъ общаго закона, изложеннаго въ судебникахъ? Мы думаемъ, что послѣднее, если не по факту, въ дѣйствительности, то по намѣренію и стремленію законодателей гораздо вѣроятнѣе, и потому полагаемъ, что считать судебники вспомогательнымъ закономъ, вообще говоря, нельзя, не отрицая, впрочемъ, что въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, гдѣ были особенные, мѣстные законы, судебники не имѣли значенія общаго, непремѣннаго закона и нисходили въ разрядъ вспомогательныхъ постановленій, подобно нѣкоторымъ другимъ, дѣйствовавшимъ въ это время и позднѣе въ Россіи. На стр. 32, г. Михайловъ говоритъ, что однимъ изъ резуль-

татовъ уставныхъ и судныхъ грамотъ, появившихся въ періодъ удѣловъ, была «замѣна прежняго словеснаго судопроизводства письменными формами». Это выраженіе неточно. Судъ, судоговореніе оставались словесными до преобразованій Петра Великаго; да и онъ послѣ возстановилъ словесное судопроизводство указомъ о формѣ суда, такъ что окончательное измѣненіе словеснаго судопроизводства относится къ позднѣйшему времени, хотя и нельзя опредѣлить года, когда именно это сдѣлалось, ибо нѣтъ на то прямаго указа. Но пока удержалось судоговореніе, судъ въ древнемъ, техническомъ значеніи этого слова, нельзя утверждать, что судопроизводство стало письменнымъ: составленіе суднаго списка, вызовъ отвѣтчика и другія внѣшнія, та́къ сказать, административныя принадлежности суда могли стать письменными и весьма рано; но отсюда, до обращенія судопроизводства въ письменное—разстояніе еще велико. Наконецъ авторъ противорѣчитъ самъ себѣ, приписывая, на стр. 33, утвержденіе въ нашемъ судопроизводствѣ судебныхъ поединковъ вліянію германскаго права, тогда какъ на стр. 19, онъ весьма основательно выводитъ самосудъ, самоуправство изъ естественнаго хода развитія древнѣйшаго патріархальнаго общества, а на стр. 110, самъ признаетъ самоуправство и самосудъ первообразомъ и основнымъ началомъ судебныхъ поединковъ. «Что касается до поединковъ въ значеніи способовъ рѣшенія дѣла—говоритъ онъ —то они должны быть отнесены по началу своему, къ древнѣйшимъ временамъ самоуправства и самосуда. Въ послѣдствіи общественная власть, прекращая самоуправство и самосудъ, не могла искоренить обычая частной мести, и замѣнила обычай самоуправства болѣе правительною формою судебныхъ поединковъ».

Пропуская нѣкоторыя другія неточности и можетъ-быть неправильности, перейдемъ ко второй части, посвященной историческому обозрѣнію составныхъ частей гражданскаго су-

допроизводства въ отдѣльности. Эта часть слабѣе первой. Мы находимъ ее слабѣе первой потому, что она неполна какъ собраніе фактовъ, да и какъ ихъ обозрѣніе неудовлетворительна. Чего мы вправѣ требовать отъ обозрѣнія? очерка главныхъ, существенныхъ сторонъ предмета. Если вы избираете своимъ предметомъ историческое образованіе юридическаго учрежденія, изложите его такъ, чтобъ главныя измѣненія его и причины этихъ измѣненій были ясно обозначены. Тѣмъ болѣе это необходимо, когда предметъ сложенъ, и перемѣны, уничтожая или ослабляя одно, выводятъ и развиваютъ другое, какъ бы указывая этимъ на связь и взаимное отношеніе различныхъ частей одного и того же цѣлаго. Находимъ ли мы такого рода изложеніе во второй части диссертаціи г. Михайлова? Нѣтъ, не находимъ. Здѣсь говорится въ отдѣльности о подсудности, тяжущихся сторонахъ, началѣ иска, вызовѣ къ суду и судоговоренію, судебныхъ доказательствахъ, рѣшеніи и исполненіи судебныхъ рѣшеній. Каждая изъ этихъ частей разсмотрѣна исторически; то, чтò авторъ сдѣлалъ, онъ сдѣлалъ хорошо и основательно. Но онъ сдѣлалъ мало, и не то, чтò слѣдовало. Историческій перечень фактовъ, расположенныхъ по извѣстной системѣ, впрочемъ неполный перечень, во всякомъ случаѣ не можетъ замѣнить того, чтò только и могло дать сочиненіе такого малаго объема: не замѣнитъ обозрѣнія главныхъ началъ предмета и ихъ развитія во взаимномъ отношеніи другъ къ другу. Чтобъ доказать справедливость нашихъ словъ, приведемъ нѣсколько фактовъ.

Какъ относились между собой различныя судебныя доказательства въ нашемъ древнемъ судопроизводствѣ, какъ они появлялись и изчезали, иногда смѣняя собою другъ друга, и почему это происходило въ извѣстномъ порядкѣ? Вотъ, конечно, самые важные и самые любопытные вопросы въ предметѣ, избранномъ авторомъ. Съ разрѣшеніемъ ихъ половина задачи

рѣшена и предметъ необходимо выясняется. Къ сожалѣнію, именно этого-то разрѣшенія предложенныхъ вопросовъ мы и не находимъ у г. Михайлова. Правда, есть намеки, есть мимоходныя замѣтки, но авторъ ими не воспользовался, а главное— онъ и ихъ не изложилъ такъ, чтобъ они выдавались рѣзко и выпукло. Оттого пятая глава второй части (о судебныхъ доказательствахъ), самая важная по предмету, какъ-то безцвѣтна и не даетъ никакихъ результатовъ, не оставляетъ по себѣ ничего, послѣ внимательнаго чтенія. Объ историческомъ значеніи и происхожденіи различныхъ судебныхъ доказательствъ ничего не сказано. Мы думали найдти въ статьѣ о повальномъ обыскѣ что-нибудь, и не нашли ничего, кромѣ сухого разсказа фактовъ. А исторія повальнаго обыска сама по себѣ уже могла бы составить интересную монографію; объясненіе причинъ, почему обыскъ современемъ измѣнился, и очень послѣдовательно, дало бы множество важныхъ результатовъ для исторіи всего гражданскаго судопроизводства. Испытаніе желѣзомъ и водой, подобно поединкамъ, не знаемъ хорошенько почему, признается авторомъ за германское учрежденіе или обычай, перешедшій къ намъ, тогда какъ достовѣрно извѣстно, что испытаніе водой изстари существовало у Чеховъ. Исторія судебныхъ поединковъ—какая интересная и поучительная часть исторіи русскаго судопроизводства! Какъ же она изложена? Факты какъ-будто сами просятъ, чтобъ на нихъ обратили вниманіе. Напримѣръ, это постепенное ограниченіе, стѣсненіе судебныхъ поединковъ, очевидное недовѣріе законодательства къ ихъ приговору, чисто случайному; а у автора все это какъ-то сглажено, незамѣтно. Кто, не занимаясь самъ предметомъ, подумаетъ, прочитавъ диссертацію г. Михайлова, что дополнительныя статьи къ судебнику, изданныя въ 1556 году, отмѣнили поле, или судебные поединки, и замѣнили ихъ другими, болѣе раціональными доказательствами? Потомъ, почему,

спрашивается, остатки древнѣйшаго, жреческаго языческаго судопроизводства— испытаніе желѣзомъ и водой и судебные поединки, изложены послѣ всѣхъ другихъ доказательствъ, а не прежде? По времени эти формы суда были первыя, и сначала онѣ не были доказательствами, а именно судами Божьими. Замѣтимъ, что между ними не упомянутъ даже жребій, который окончательно рѣшалъ дѣла между русскими и иностранцами еще въ XVI вѣкѣ. Исторія присяги тоже любопытная и важная часть исторіи гражданскаго судопроизводства; но и ею мало воспользовался авторъ какъ и многимъ другимъ. Говоря о судебныхъ пошлинахъ, г. Михайловъ силится доказать, что онѣ вовсе не относятся къ исторіи судопроизводства. Отчасти мы съ этимъ согласны, но не совсѣмъ. Дѣйствительно, судебныя пошлины, какъ одинъ изъ источниковъ доходовъ, относятся къ исторіи нашихъ древнихъ финансовъ; но онѣ имѣютъ и другую сторону, которая прямо относится къ исторіи судопроизводства, а именно ихъ виды и подраздѣленія, обусловленные древнимъ судопроизводствомъ; притомъ мы знаемъ, что судебныя пошлины составляли доходъ судей, и только въ послѣдствіи, мало-по-малу, сдѣлались достояніемъ государевой казны. Это измѣненіе характера и назначенія судебныхъ пошлинъ уже конечно принадлежитъ къ исторіи судопроизводства, ибо прибавляетъ новую черту къ историческому значенію и характеру суда въ разныя эпохи. Наконецъ, допустимъ даже, что говорить о судебныхъ пошлинахъ при изложеніи судопроизводства не слѣдуетъ. Но другія издержки по процессу—проѣсти и волокиты, напримѣръ, разныя судебныя пени въ пользу противника по тяжбѣ, ѣздъ и хоженое, и т. д., почему же онѣ не изложены?

Кромѣ того, есть неправильности. Вотъ нѣсколько. На стр. 65, авторъ говоритъ: «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ во Псковѣ, законъ опредѣлялъ какія именно лица могутъ

посылать повѣренныхъ, и затѣмъ запрещалъ прочимъ присылать ихъ, а обязывалъ тягаться самихъ. Такъ въ Псковской Судебной Грамотѣ находимъ: «А на судъ помочью не ходити; лѣсти въ судебницу двѣма сутяжникома. А пособниковъ бы не было ни съ одной стороны, опричь жонки, или за дѣтину, или за черньца, или за черницу, или который человѣкъ старъ вельми, или глухъ ино за тѣхъ пособнику быти». Тутъ рѣчь вовсе не о повѣренныхъ, которыхъ тяжущійся посылалъ вмѣсто себя на судъ, а о тѣхъ лицахъ, которыя приходили на судъ вмѣстѣ съ тяжущимся, чтобъ помогать, пособлять ему доказывать справедливость своего дѣла. Этотъ обычай и до сихъ поръ сохранился во многихъ мѣстахъ, въ деревняхъ, гдѣ нерѣдко къ владѣльцу приходитъ съ тяжущимися нѣсколько другихъ крестьянъ; они не замѣшаны въ дѣлѣ, и оно не касается до нихъ; они приходятъ такъ, по дружбѣ, или по родству съ истцомъ или отвѣтчикомъ, или просто, безъ всякой основательной причины: принимаютъ участіе въ судѣ, поправляютъ тяжебщика, даже говорятъ за него, хотя бы иной и самъ могъ, не хуже ихъ, объяснить, въ чемъ дѣло. Судящему этотъ безпорядокъ, впаденье въ чужую рѣчь, непрестанное перекрещиванье голосовъ и неурядица на судѣ такъ же непріятны теперь, какъ и четыреста лѣтъ тому назадъ были непріятны. Онъ и теперь отсылаетъ съ суда этихъ лишнихъ и ненужныхъ говоруновъ и горлановъ, какъ о томъ же озаботился въ свое время законъ во Псковѣ, допустивъ появленіе на судъ помощниковъ и пособниковъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжущійся почему либо самъ не могъ защищать свое дѣло. Между такими пособниками и повѣренными большая разница.— Характеръ зазывной грамоты тоже невполнѣ опредѣлилъ г. Михайловъ. Можетъ-быть она и «имѣла значеніе болѣе почетнаго вызова» (стр. 79), хотя едва ли это такъ вездѣ и всегда было, и хотя гораздо вѣроятнѣе, что вызовъ зазыв-

ной грамотой былъ такой же вызовъ, какъ и всякой другой, но отличавшійся отъ нихъ названіемъ по мѣстности, или, и безъ всякой причины, по однимъ случайнымъ обстоятельствамъ. Но въ Уложеніи зазывной грамотой называется актъ, которымъ вызывали къ суду въ Москву отвѣтчика, живущаго внѣ округа, непосредственно подсуднаго московскимъ приказамъ. Эти зазывныя грамоты отвозились на мѣсто, кажется, самимъ истцомъ или кѣмъ-либо по его распоряженію, тогда какъ въ территоріи, непосредственно подсудной московскимъ судьямъ, вызовъ совершался посредствомъ приказнаго пристава, для чего выдавалась ему приставная память. Изъ другихъ невѣрностей укажемъ еще только на то, что авторъ говоритъ о вотчинномъ приказѣ, никогда не существовавшемъ (стр. 56).

Несмотря на эти недостатки, и вторая часть, вообще, имѣетъ свои хорошія стороны. Во первыхъ, авторъ воспользовался богатыми матеріялами, напечатанными Археографической Коммиссіей. Уже это одно придаетъ его книгѣ большую цѣну. Кромѣ того здѣсь, какъ и въ первой части, мы находимъ удачныя и вѣрныя замѣчанія, которыя, если память насъ не обманываетъ, еще никѣмъ не были сдѣланы печатно. Такъ напримѣръ г. Михайловъ указываетъ на двоякое значеніе пристава и дьяка. «Обязанность пристава, въ прежнія времена— гововоритъ онъ—не ограничивалась только доставленіемъ къ суду отвѣтчика. Они были закономъ назначенные защитники и ходатаи по дѣламъ» (стр. 76). «При воеводѣ — читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ—былъ дьякъ, и хотя обыкновенно его сравниваютъ по значенію съ нынѣшнимъ секретаремъ, однако въ судебномъ отношеніи онъ имѣлъ большее значеніе. Такъ въ грамотахъ часто встрѣчаются выраженія: воевода да дьякъ слушали, приговорили, велѣли дать правую грамоту, обвинили, или оправили — которыя указываютъ на то, что дьякъ имѣлъ

участіе въ самомъ сужденіи и рѣшеніи дѣла; также встрѣчается ясное предписаніе воеводѣ объ этомъ предметѣ: всякія дѣла судить и рѣшать (ему воеводѣ) съ подъячимъ, а одному никакихъ дѣлъ не судить» (стр. 58, 59). Жаль только, что авторъ не объясняетъ, почему дьяки и подъячіе получили такое значеніе, и что у него ничего не сказано о различіи, въ отношеніи къ судопроизводству, большого кормленія съ боярскимъ судомъ и малаго кормленія безъ боярскаго суда,—различіи, которому въ послѣдствіи вполнѣ соотвѣтствовало различіе власти воеводъ въ сужденіи и рѣшеніи дѣлъ, смотря потому, былъ ли при нихъ дьякъ, или не былъ. — Такъ же удачно объясненіе суда двѣнадцати мужей, о которомъ упоминается въ «Русской Правдѣ».

«Судъ 12 выборныхъ, какъ первое судебное учрежденіе, мы объясняемъ тѣмъ, что по многочисленности членовъ рода, обсужденіе каждаго дѣла всѣми или главными изъ нихъ было затруднительно; необходимо было предоставить разборъ дѣла нѣкоторымъ немногимъ членамъ рода наиболѣе опытнымъ, отсюда произошелъ обычай выбирать такихъ, и имъ въ особенности поручать разборъ дѣла. Княжескій судъ былъ послѣднимъ средствомъ защиты. Дѣла первоначально не различались по содержанію, но судились и разбирались одинаково: всѣ были *такъ сказать подвѣдомы* суду 12 выборныхъ. Этотъ судъ составлялъ какъ бы средину между мировымъ семейнымъ разборомъ и судомъ князя; выше его былъ судъ князя, ниже судъ главы семьи» (стр. 46).

Сверхъ того само изложеніе основательно, дѣльно и добросовѣстно. Нигдѣ не проглядываетъ желаніе натянуть факты по извѣстной готовой мысли, истолковать ихъ какъ-нибудь хитро и замысловатаго. Ошибки автора именно поэтому не вредятъ цѣлой книгѣ.

Въ концѣ диссертаціи отпечатаны положенія, въ числѣ двадцати шести. Они заимствованы изъ самого разсужденія, и потому мы не считаемъ нужнымъ долѣе на нихъ останавливаться. Мимоходомъ замѣтимъ только, что въ 25-мъ тезисѣ авторъ ошибочно признаетъ тождественность рѣшенія и правой

грамоты. Они не одно и тоже. Рѣшеніе есть только приговоръ, правая же грамота—актъ, которымъ удостовѣрялось, что извѣстное дѣло было судимо и рѣшено въ пользу такого-то лица. Это лице и получало отъ судей правую грамоту. Она заключала въ себѣ не одно рѣшеніе, но вмѣстѣ и изложеніе дѣла, доказательствъ и оправданій обѣихъ тяжущихся сторонъ. Древнѣйшія правыя грамоты очевидно были копіи съ судныхъ списковъ, къ которымъ присоединяли и судебный приговоръ.

Вотъ все главное, существенное, что̀ мы имѣли сказать о трудѣ г. Михайлова. То, что̀ имъ сдѣлано, заставляетъ, не безъ основанія, ожидать большаго и лучшаго въ послѣдствіи, ибо, повторяемъ, авторъ соединяетъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для полезныхъ и дѣльныхъ работъ по исторіи русскаго законодательства. Намъ остается только пожелать, чтобъ ожиданіе насъ не обмануло, и чтобъ настоящее разсужденіе г. Михайлова не было его первымъ и послѣднимъ ученымъ трудомъ, какъ бываетъ часто. Въ заключеніе замѣтимъ, что книжка г. Михайлова написана языкомъ правильнымъ и яснымъ; мѣстами однако есть неточности и какая-то шаткость, сбивчивость въ употребленіи техническихъ терминовъ. Изданіе хорошо, но много опечатокъ.

ОБОЗРѢНІЕ ВНѢШНЕЙ ИСТОРІИ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, *съ предварительнымъ изложеніемъ общаго понятія и раздѣленія законовѣдѣнія, составленное экстра-ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Санктпетербургскаго Университета, докторомъ законовѣдѣнія Николаемъ Рождественскимъ. Спб. 1849.*

Книга г. Рождественскаго—первый опытъ исторіи русскаго законодательства, доведенной до нашего времени. Трудъ Рей-

ца — единственное сочиненіе, заслуживающее это названіе, останавливается на Уложеніи царя Алексѣя Михайловича. Уже поэтому одному г. Рождественскій имѣетъ право на снисходительный судъ. Не надо также забывать, что авторъ имѣлъ педагогическую, а не учено-литературную цѣль. Книга его предназначается въ руководство гимназіямъ; слѣдовательно, и не обязана раскрывать новыя стороны предмета, исправлять ошибки и недостатки предшествовавшихъ изслѣдованій; ея назначеніе — вкратцѣ изложить послѣдніе результаты сдѣланнаго, представить сжатый очеркъ науки, и то прагматически, а не полемически. Наконецъ, г. Рождественскій предположилъ себѣ составить очеркъ внѣшней, а не внутренней исторіи русскаго законодательства, слѣдовательно, только одной и притомъ меньшей части предмета. Этимъ опредѣляется и точка зрѣнія на его книгу. При такихъ данныхъ условіяхъ требованія критики по необходимости должны быть весьма ограничены и умѣрены. Все дѣло въ томъ, въ какой мѣрѣ авторъ выполнилъ свою задачу, приблизился къ идеалу, который можно составить себѣ для сочиненій этого рода, при неразработанности науки, недостаткѣ классическихъ монографій по отдѣльнымъ ея частямъ, и при другихъ условіяхъ.

Вообще книгу г. Рождественскаго нельзя назвать безполезной. За недостаткомъ другихъ, не только лучшихъ сочиненій, она, конечно, имѣетъ свои достоинства. Важныхъ ошибокъ въ ней нѣтъ; перечень статей и сочиненій по части русскаго законодательства, хотя и не полный, безъ сомнѣнія, будетъ весьма полезенъ и для преподавателей и для учениковъ.

Главные недостатки книги, какъ намъ кажется, заключаются въ неполнотѣ, отсутствіи обдуманнаго плана и несоразмѣрности частей. Исторія всѣхъ народовъ въ мірѣ бѣднѣе источниками въ началѣ, чѣмъ въ послѣдствіи. Развиваясь, жизнь становится разнообразнѣе и сложнѣе. Сперва законодательныхъ

постановленій чрезвычайно мало; чѣмъ далѣе, тѣмъ число ихъ становится значительнѣе; слѣдовательно, и обозрѣніе законодательныхъ и юридическихъ памятниковъ первыхъ вѣковъ исторіи народа естественно должно быть менѣе объемисто, чѣмъ послѣдующихъ, потому что такъ распредѣляется и число памятниковъ. Но въ разбираемой нами книгѣ выходитъ наоборотъ: исторія русскаго законодательства до Петра Великаго занимаетъ здѣсь почти вдвое болѣе мѣста, чѣмъ исторія новаго, до вступленія на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора. Первая начинается на 34 страницѣ и оканчивается 115-й; вторая идетъ отъ 115-й до 165-й. Въ томъ и другомъ періодѣ отдѣльно видимъ то же самое; напримѣръ, тридцать страницъ посвящены обозрѣнію юридическихъ памятниковъ до изданія Уложенія, и только двадцать обозрѣнію узаконеній, изданныхъ съ этого времени до начала преобразованій Петра. Чѣмъ объяснить эту чрезмѣрную краткость, гдѣ можно и должно было много сказать, и чрезмѣрную, конечно относительную, длинноту тамъ, гдѣ слѣдовало говорить меньше? Не могъ же авторъ принять за мѣрило время, количество вѣковъ, которые творятъ такъ не одинаково! Въ ученомъ изслѣдованіи совсѣмъ другое дѣло. Здѣсь, чѣмъ памятникъ древнѣе, тѣмъ надъ нимъ больше работы. Уложеніе, напримѣръ, по объему гораздо больше Русской Правды, а между тѣмъ въ отношеніи къ Русской Правдѣ все вопросъ, и вопросъ весьма трудный, требующій многочисленныхъ изысканій, справокъ, соображеній; для Уложенія, напротивъ, бо́льшая часть этихъ вопросовъ не существуетъ, и рѣшать ихъ нечего. Если поэтому изъ изслѣдованій о Русской Правдѣ теперь уже можетъ быть составлена маленькая библіотека, а объ Уложеніи написано всего нѣсколько статей и диссертацій — тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но какъ можно въ прагматическомъ обозрѣніи нашихъ законодательныхъ памятниковъ сказать о законодатель-

ствѣ первыхъ восьми вѣковъ русской исторіи болѣе, чѣмъ о законодательствѣ двухъ послѣднихъ; вотъ что̀ трудно, чего невозможно понять.

Отсюда и проистекаетъ неполнота книги г. Рождественскаго. До XVI вѣка онъ изчисляетъ русскіе законодательные памятники довольно подробно. Законодательство Іоанна Грознаго уже представляетъ важные пропуски: неупомянута, напримѣръ, «Книга Разбойнаго Приказа», первое русское уголовное Уложеніе. Чѣмъ дальше, тѣмъ это изчисленіе поверхностнѣе и неполнѣе. Неужели въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича только и стоило упомянуть, что объ Уложеніи, печатной Кормчей, Полицейскомъ Уставѣ, Уставной Грамматѣ и Новоторговомъ Уставѣ? Неужели въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича только и были замѣчательны Новоуказныя Статьи о помѣстьяхъ и вотчинахъ, да Соборное Дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества? Ссылки и указанія на какихъ-нибудь пятьдесятъ указовъ Петра Великаго, двадцать постановленій императрицы Екатерины II, девяносто узаконеній императора Александра, конечно, не могутъ дать и поверхностнаго понятія о законодательной дѣятельности этихъ государей. А сколько сдѣлано въ эти три царствованія!

Какими началами руководствовался авторъ при составленіи своей книги? Какой планъ положенъ имъ въ основаніе «Обозрѣнія»? Мы старались отыскать эти начала, угадать планъ— и не могли. Внѣшняя исторія русскаго законодательства— главный предметъ книги. Но что̀ такое внѣшняя исторія законодательства? Обозрѣніе законодательныхъ памятниковъ разсказъ когда они появились, въ какой формѣ, вслѣдствіе какихъ причинъ и поводовъ, кѣмъ составлены и изданы; словомъ, это исторія законодательныхъ постановленій, а не положеній и правилъ, которыя въ нихъ развивались и измѣнялись съ теченіемъ времени, съ перемѣной обстоятельствъ и видовъ пра-

вительства. Примѣнимъ это опредѣленіе къ нашему предмету. Что̀ выйдетъ? Изслѣдованія съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ успѣхомъ разъяснили внѣшнюю исторію нашихъ древнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ. Слѣдовательно, въ примѣненіи къ нимъ она возможна до нѣкоторой степени. Въ наше время Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи обнародовало подробныя извѣстія о ходѣ работъ по составленію Свода Гражданскихъ Законовъ, Уголовнаго Уложенія и о занятіяхъ различныхъ законодательныхъ коммиссій, учреждавшихся съ царствованія Петра Великаго; слѣдовательно, и въ отношеніи къ нимъ внѣшняя исторія возможна. Она возможна, наконецъ, и въ отношеніи къ тѣмъ постановленіямъ, въ которыхъ изложено, какъ они составлены, съ какою цѣлью, вслѣдствіе какихъ причинъ и поводовъ. Но о большей части узаконеній, и весьма важныхъ, мы вовсе не имѣемъ этихъ свѣдѣній. Какъ же поступить въ такомъ случаѣ? Пропустить ихъ нельзя, а сказать во внѣшней исторіи русскаго законодательства нечего. Неизбѣжно, такая исторія должна выйдти неполная, отрывочная.

Взглянемъ на этотъ предметъ еще съ другой стороны. Въ общепринятомъ значеніи, внѣшняя исторія законодательства— предметъ ученаго, критическаго труда, а не краткаго гимназическаго руководства. Руководство должно, не входя въ подробное изслѣдованіе юридическихъ началъ и положеній, изложить въ краткомъ очеркѣ главнѣйшія постановленія по всѣмъ отраслямъ законодательства въ систематическомъ порядкѣ и хронологической послѣдовательности. Раздѣлите это изложеніе на періоды, или пріймите за основаніе дѣленія царствованія— все равно. Учащійся извлечетъ большую пользу изъ такой книги. Онъ получитъ хотя и не полное, но ясное понятіе о предметѣ. Если онъ прямо съ ученической скамьи поступитъ въ службу, съ него на первый разъ будетъ достаточно и тѣхъ

знаній, которыя дастъ ему такая книга. Если, напротивъ, онъ захочетъ посвятить себя исключительно изученію русскаго законодательства — и въ такомъ случаѣ онъ будетъ имѣть канву, очеркъ, первыя основанія для дальнѣйшихъ занятій. Внѣшняя исторія законодательства не можетъ дать этого: она уже предполагаетъ нѣкоторыя знанія въ исторіи законодательства. Г. Рождественскій это чувствовалъ, но не воспользовался своими наблюденіями при составленіи «Обозрѣнія». Нельзя было не изложить содержанія упомянутыхъ и описанныхъ имъ законодательныхъ памятниковъ. Онъ и сдѣлалъ это— но въ примѣчаніяхъ, и то только для древняго періода. Мы находимъ у него даже цѣлую главу, исключительно посвященную обозрѣнію нашего юридическаго быта и устройства отъ Іоанна III до преобразованій Петра Великаго, потому что въ руководствѣ нельзя обойдтись безъ изложенія внутренней исторіи законодательства. Но для новаго авторъ этого не сдѣлалъ. Къ удивленію, мы не находимъ въ его книгѣ даже хронологическаго перечня узаконеній, изданныхъ въ послѣднее двадцатилѣтіе. Третье отдѣленіе книги содержитъ въ себѣ только обзоръ исторіи составленія Свода Гражданскихъ Законовъ и Уложеній о Наказаніяхъ для Имперіи и Царства Польскаго.

Наконецъ, нельзя не пожалѣть, что авторъ не руководствовался никакими постоянными правилами при выборѣ узаконеній. Относительная важность законодательныхъ памятниковъ опредѣляется не величиной ихъ, названіемъ или другими случайными признаками, а единственно значеніемъ ихъ во внутренней исторіи. Придерживаясь готовыхъ научныхъ схемъ и раздѣленій, авторъ обратилъ больше вниманія на постановленія относящіяся къ государственному праву въ тѣсномъ смыслѣ, чѣмъ на законоположеніе по финансовому, хозяйственному и полицейскому управленію. Это предпочтеніе однихъ законовъ передъ другими необъяснимо, особенно въ учебномъ руковод-

ствѣ. Несмотря на эти недостатки, книга г. Рождественскаго, какъ мы сказали, имѣетъ свои достоинства. Будемъ надѣяться, что при второмъ ея изданіи авторъ обратитъ вниманіе на наши замѣчанія. Потребность въ хорошемъ элементарномъ руководствѣ къ изученію исторіи русскаго законодательства весьма ощутительна, и подобная книга можетъ принести у насъ неизчислимую пользу.

О ЗНАЧЕНІИ СЛОВЪ: ВАРЯГЪ, КАЗАКЪ, РОССЪ И РЕТЪ, *или Какъ должно понимать эти слова въ исторіи. Соч. Никиты Н. Богомолова. Тифлисъ. 1849.*

Ничто не ново подъ луною — великая истина! Даже и то старое, что̀, казалось, прошло навсегда, безвозвратно, имѣетъ иногда способность вдругъ, ни съ того ни съ сего, ожить и—жить! Лучшимъ доказательствомъ служитъ книжка, которой заглавіе мы выписали. Мы думали было, что мода «вольнаго словопроизводства» по части русской исторіи навсегда прошла, и ея ошибки, болѣе или менѣе забавныя, умудрили изслѣдователей. Какъ же мы жестоко ошиблись! Г. Богомоловъ доказалъ намъ, что не только эта мода не прошла, но что она даже до сего времени находится въ добромъ здоровьѣ и обѣщаетъ многолѣтнее существованіе. Она имѣетъ свое прошедшее — труды гг. Морошкина, Савельева-Ростиславича, Макарова, Святлова, свое настоящее—предлежащій трудъ г. Богомолова; какъ отвѣчать за будущее? и будущее вѣрно будетъ—въ этомъ нечего отчаяваться.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе книжки г. Богомолова.

Варягъ состоитъ изъ словъ: *Вар* и *ах*, *аг* или *ак*: *Вар*, *фар*, *пар*, *бар*, значитъ конникъ; *ак*, *аг*, или *ак*—

бѣлый или соль (въ переносномъ смыслѣ тоже бѣлый). Казакъ есть составное изъ *каз* и *ак*. Первое изъ этихъ словъ *каз*, *аз*, *газ*, *хаз*, значитъ тоже конь. Россъ равнымъ образомъ означаетъ коня (Ross); наконецъ ретъ (Rhet) происходитъ отъ словъ рать, rittar. Такимъ образомъ Варягъ, Казакъ, Россъ и Ретъ имѣютъ одинъ смыслъ, означаютъ всѣ одинаково, всадника кавалериста, и потому тожественны между собою.

Это покуда цвѣточки; а вотъ и ягодки. *Ак*, *аг*, *ак* суть слова персо-турецкія; *аг* по-армянски значитъ соль; по-гречески *als*, по-молдавски *alb*; оба послѣднія слова принимаютъ сокращенную форму *ol*. На славянскомъ языкѣ они выражаются словами соль, силь, или въ сокращенной формѣ *сло*, *сла*, *слан*; искаженная ихъ форма есть *скло*. Отсюда аг-ваны, албани, ал-ани, ванд-али, сла-вяни, сло-вани, сло-ваки, склавини, силь-ваны,—одинъ народъ, бѣлые ваны; ваны же—славяне; вар-аг, каз-ак, русс-ак — всадники, защитники вановъ, и относятся къ ванамъ, какъ видъ къ роду, какъ прежде малороссійскіе казаки относились къ Малороссіи. Слова *варс*, *фарс*, *барс*, или *парс*, значатъ конный человѣкъ. Отсюда конязь, князь, könig, гуннъ, пар-ванъ, (пареянинъ), бар-инъ, barbar, бериліи или верзиліи, вары — однознаменательны; Кіевъ происходитъ отъ *кай*, по-молдавски лошадь и есть градъ конниковъ, Каневъ. *Хаз*, и *газ* означало въ древности по-арабски коня; какъ и слова *гайспъ*, *госпъ*; отсюда госп-одинъ, баринъ, князь — одно и тоже; каз-акъ, аз-иги, кос-оги—одно и то же; хаз-ар—князь Аріи и т. д.

Не смѣемъ слѣдить далѣе за авторомъ, боясь утомить читателей. Славянъ, въ видѣ мирныхъ жителей или войска, ихъ защищающаго, авторъ видитъ вездѣ, отыскиваетъ подъ разными азіятскими и европейскими именами и находитъ: Угры или Маджары суть Славяне, Курты — тоже Славяне; не ме-

нѣе Славяне—Авары, Франки, Гермундулы, Варинги, Аорсы, Свеи, Германы, Братинги, Сибариты, Сарматы, Скиѳы, Нордолбинги, Роксолане, Мамазиты (доможиты), sitticі (житьи), глутунги (горожане), Цыганы, Торки или Турки, Берендѣи (бары-Индіи) и т. д.

Словомъ, всѣ народы суть Славяне, скрывающіеся только подъ разными названіями. Жаль, что авторъ, избравъ этотъ путь, не шелъ по немъ до конца и не изчерпалъ матеріи. Во второмъ приложеніи онъ говоритъ, что Пелазги суть Бѣл-азы, или казаки. Чтò бы ему стоило развить эту мысль, которую такъ разительно подтверждаютъ названія греческихъ народовъ и областей! Взгляните на карту: Ѳессалы или Тессалы очевидно—тесали; Аѳиняне—наши офени; Спарты—съ порты, то есть съ одеждой; Македоняне—макъ и донникъ. Въ древней Италіи поражаетъ то же самое: Умбры — отъ умъ беру (видно были глуповаты); Пицены — явно Пищаны; Самниты — отъ сомну, или, можетъ-быть, отъ сомнѣнія; Калабры—около брали, то есть любили попользоваться на чужой счетъ. Но и Британія—чтò иное, какъ не искаженное бери тонѣе, то есть, тоньше? То же въ Галліи: рѣшительно, что ни названіе народа, то славянское, только исковерканное: Атребаты — отъ отребить; Свессіоны — явно своя сыны; Беловаки — бѣловѣжи; самый Парижъ и Сена не явно ли происходятъ отъ пори и сѣно. Куда ни взглянешь на карту—вездѣ Славяне такъ и выглядываютъ; нужно только смотрѣть во всѣ глаза, чтобъ не пропустить.

Можетъ-быть, читатели найдутъ, что мы слишкомъ увлекаемся. Едва ли такъ. Если можно серьёзно считать Парѳянъ за Славянъ, почему же не произвести Акарнаніи отъ окарнать? Мы не видимъ достаточной причины. Ужь если производить, такъ производить на славу! Тутъ нѣтъ границъ. Да...

Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно!

Чтò хотите, повторяйте хотя тысячу разъ, что одно созвучіе и основанная на нихъ этимологія ничего не значатъ и не доказываютъ — всѣ эти разсужденія ни къ чему не поведутъ. Видно тому быть такъ. А нельзя не пожалѣть труда и знанія, которые употреблены авторомъ въ дѣло при написаніи этой книжки. Образцовые ученые пріемы Сенъ-Мартена, изъ сочиненія котораго «О происхожденіи кавказскихъ народовъ» помѣщенъ въ разбираемой нами книжкѣ отрывокъ въ видѣ приложенія, не наставили автора. А онъ еще полемизируетъ съ Сенъ-Мартеномъ!

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И ЗЕМСКІЯ ОТНОШЕНІЯ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ. *Соч. Александра Тюрина. Спб. 1850.*

Немногимъ изслѣдователямъ по русской исторіи удавалось начинать свое учено-литературное поприще такими зрѣло-обдуманными и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасными трудами, какъ г. Тюрину. Если мы не ошибаемся, разсматриваемое нами сочиненіе есть второе изъ напечатанныхъ доселѣ сочиненій того же автора. Первое, безъ имени сочинителя, появилось въ іюльской книжкѣ «Современника» 1849 г., подъ заглавіемъ: «Смерть Ярополка Изяславича». Уже по этой коротенькой статьѣ, написанной по одному, изъ самыхъ частныхъ вопросовъ русской исторіи, можно было заключить о талантливости автора; послѣднее сочиненіе окончательно убѣждаетъ насъ еще и въ знаніяхъ г. Тюрина.

Содержаніе новой брошюры его можно разсказать въ нѣсколькихъ словахъ. Это очеркъ развитія нашего внутренняго быта отъ древнѣйшихъ извѣстій до XII вѣка, составленный на основаніи туземныхъ и иностранныхъ источниковъ, а при скудости или недостаточности ихъ—съ помощію аналогическихъ,

соотвѣтствующихъ или тожественныхъ явленій въ быту другихъ славянскихъ племенъ. Въ развитіи нашего внутренняго быта, авторъ принимаетъ собственно пять формъ: 1) бытъ, такъ сказать, до-родовой, или, какъ говоритъ г. Тюринъ, племенной, первоначальный; 2) бытъ родовой, когда появляются отдѣльные, независимые другъ отъ друга родовые союзы; 3) бытъ общественный — сожительство родовъ, соединеніе ихъ въ союзы или общины; эта форма отличается отъ предыдущей тѣмъ, что въ послѣдней всѣ отношенія основаны на кровномъ родствѣ, въ первой же появляется общежитіе, гражданскій союзъ, уже основанный не на кровной связи; 4) бытъ земскій, въ которомъ появляется соединеніе общинъ между собою, опредѣляются между ними отношенія старшинства и зависимости, и образуются земли или волости; 5) бытъ государственный, когда земли и волости соединяются подъ власть князя, упрочивающаго ихъ единство, цѣлость и внутреннее благоустройство. Изъ этихъ пяти формъ или эпохъ, авторъ подробно разсматриваетъ, съ помощью указанныхъ выше источниковъ, только три первыя, и предлагаетъ краткій или, правильнѣе, сжатый очеркъ четвертой. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ попытокъ возсоздать послѣдовательность нашего внутренняго развитія, и уяснить ея законъ, движущее начало, попытка г. Тюрина одна изъ самыхъ удовлетворительныхъ, какъ по мысли, такъ и по исполненію. Правда, объясненіе древнѣйшей русской исторіи законами родоваго быта и развитія теперь уже не новость; эту мысль имѣли многіе, задолго до появленія сочиненія г. Тюрина. Но заслуга его—въ томъ, что онъ развилъ эту основную тему весьма самостоятельно, оригинально, вновь такъ-сказать открылъ ее при самомъ тщательномъ, добросовѣстномъ изученіи источниковъ; оттого въ его изслѣдованіи встрѣчаются новыя, большею частію весьма удачныя объясненія, вѣрныя мысли и взгляды, прекрасныя за-

мѣтки и сближенія. Въ цѣломъ видѣнъ систематическій умъ, умѣнье не теряться въ мелочахъ, а обнимать общее, что, кстати замѣтить, большая рѣдкость между посвящающими себя русской исторіи. Всѣ эти достоинства разбираемаго нами труда и условія, которыя соединяетъ въ себѣ авторъ, подаютъ самыя пріятныя надежды относительно его дальнѣйшей ученой и литературной дѣятельности на пользу русской исторіи.

При всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ сочиненія г. Тюрина, оно имѣетъ однако свои недостатки — и въ цѣломъ, и въ подробностяхъ. Въ цѣломъ недостатки изслѣдованія г. Тюрина проистекаютъ главнымъ образомъ изъ того, что онъ, повидимому, равно старался избѣгнуть и односторонности при объясненіи нашего древняго быта однимъ кровнымъ началомъ, и ошибокъ, въ которыя впалъ Шлёцеръ, преувеличивая низкую степень общественнаго развитія русско-славянскихъ племенъ, въ древнѣйшую эпоху. Избѣгая того и другаго, авторъ, какъ мы думаемъ, опустилъ изъ вида нѣкоторыя явленія нашего внутренняго быта, и не совсѣмъ безпристрастно объяснилъ другія.

Во первыхъ, трудно понять, что̀ именно за эпоху народной жизни ищетъ авторъ у Славянъ до образованія у нихъ родоваго союза, и какая это могла быть эпоха? Судя по нѣкоторымъ намекамъ и по общему характеру статьи, посвященной разсмотрѣнію до-родоваго быта, можно догадываться, что авторъ разумѣетъ бытъ, въ которомъ не признаются узы крови: «первоначальное состояніе дикости», когда племя живетъ «какъ стадо звѣрей, или какъ стая перелетныхъ птицъ». Если мы поняли правильно — авторъ весьма ошибочно смотритъ на начало, колыбель человѣческихъ обществъ. Нигдѣ, никогда, ни на какой ступени развитія, какъ бы она ни была низка, человѣческое общество не представляется въ такомъ видѣ. У народовъ кочующихъ, даже у бродячихъ звѣролововъ—семья, слѣ-

довательно кровная связь лежитъ въ основаніи общежитія. Да и какъ можетъ быть иначе, когда племя образуется черезъ нарожденіе, распложеніе! Человѣкъ, какъ бы ни былъ онъ неразвитъ и грубъ, какою бы ни жилъ непосредственною жизнью, съ самаго появленія своего приноситъ съ собою, въ исторію, тѣ же наклонности, стремленія, инстинкты, которыя въ послѣдствіи развиваются, сознаются, такъ-сказать, утончаются жизнью и опытностью. Жизнь племени безъ семейства, безъ кровныхъ узъ, какъ стадо звѣрей — немыслима и невозможна; это созданіе воображенія, или ошибочной теоріи о происхожденіи человѣческихъ обществъ. Семья, кровный союзъ, обнимающій однихъ родителей и дѣтей, или и другихъ родственниковъ, такъ же древни, какъ родъ человѣческій. Но степень сознанія ихъ, какъ основъ общежитія, бо́льшая или мѐньшая ихъ опредѣлительность, твердость, характеръ отношеній, ими создаваемыхъ — конечно, неодинаковы въ разныя эпохи. Существуя непосредственно, кровныя связи болѣе шатки, менѣе опредѣленны, менѣе служатъ нормою для установленія отношеній между лицами, чѣмъ въ послѣдствіи, когда эти связи уясняются, переходятъ въ сознаніе, становятся закономъ и получаютъ юридическій характеръ. Въ этомъ смыслѣ у двухъ племенъ можетъ быть одинъ и тотъ же кровный, родственный бытъ; но одно изъ нихъ можетъ жить еще чисто-непосредственною. физическою жизнью, и эти кровныя узы часто могутъ нарушиться, перекрещиваться другими, потому только, что первыя не успѣли развиться въ опредѣлительный, ясный, всѣми уважаемый и хранимый законъ, обычай, или вѣрованіе; у другаго племени, болѣе развитаго, напротивъ, родственный союзъ, за недостаткомъ другаго—гражданскаго или государственнаго — можетъ служить единственной формой отношеній между соплеменниками, или родичами, и чтиться свято. Въ томъ и другомъ случаѣ, бытъ конечно различенъ, но

основанія его одинаковы: не одинакова только степень развитія однихъ и тѣхъ же началъ. Вотъ почему мы думаемъ, что различіе разныхъ русско-славянскихъ племенъ, о которомъ свидѣтельствуетъ Несторъ, можетъ быть объяснено не однимъ пристрастіемъ благочестиваго монаха, но и дѣйствительнымъ различіемъ въ относительной образованности самыхъ племенъ. Неясное сознаніе брачнаго и родственнаго союза, а слѣдовательно и нестрогое ихъ соблюденіе — легко могли уживаться у нѣкоторыхъ племенъ съ общежитіемъ, даже съ родовымъ распорядкомъ. Тутъ нѣтъ ничего невозможнаго и невѣроятнаго. Потомъ, г. Тюринъ совершенно правъ, утверждая, что общинный бытъ, развившійся изъ чисто-родоваго, не одно и то же съ родовымъ, и что есть логическая, внутренняя преемственность между бытами общиннымъ, земскимъ и государственнымъ, различающимися между собою. Но вникая съ величайшею, можно сказать микроскопическою подробностію въ явленія древнѣйшей общественности Славянъ, вглядываясь въ малѣйшіе оттѣнки этихъ явленій и ихъ мельчайшія различія, авторъ упустилъ изъ вида то весьма важное обстоятельство, что все развитіе, съ его фазисами, эпохами и подраздѣленіями, вмѣстѣ взятое, не выходило изъ предѣловъ патріархальнаго, на кровныхъ началахъ основаннаго, быта. Конечно, эти начала, сперва непосредственныя, проходя разныя эпохи развитія, мало по малу сознаются и потомъ постепенно начинаютъ ослабѣвать и смѣняться другими; но въ то же время нельзя не замѣтить, что все же они, по преимуществу, опредѣляютъ общественность, управляютъ ею и служатъ нормою отношеній, даже въ тѣхъ случаяхъ, которые, повидимому, не имѣютъ съ ними ничего общаго. Община, въ которой живутъ хотя и разно-*родные* люди, но сознающіе свои взаимныя отношенія подъ формами родства и родовой іерархіи, развѣ не та же родовая община? Въ ней есть и другіе элементы — без-

спорно; но эти элементы управляются кровнымъ, родственнымъ распорядкомъ, подчинены ему. И если мы видимъ, что община распадается, подобно роду, что подобно роду она имѣетъ общее владѣніе, что подобно тому же роду она ищетъ себѣ главы, безъ котораго нѣтъ въ ней наряду — не ясно ли, что она проникнута родовыми элементами, которые опредѣляютъ ея жизнь и бытъ? Далѣе, если въ земскомъ союзѣ цѣлыя общины считаются родствомъ и относятся между собою какъ члены рода—не въ правѣ ли мы будемъ заключить, что родовыя, кровныя, родственныя начала опредѣляютъ жизнь такого земскаго союза, и что, слѣдовательно, они продолжаютъ жить какъ норма общественныхъ отношеній? Въ государственномъ союзѣ сначала то же самое. Исторія князей Рюрикова дома и ихъ взаимныхъ отношеній есть государственная исторія первоначальной Россіи; а чѣмъ она главнымъ образомъ опредѣляется, на чтò опираются князья, на чемъ основываютъ они свои права и взаимныя притязанія? На счетахъ родства, кровныхъ отношеній. Стало-быть и здѣсь нормой, закономъ, служитъ, кровный союзъ. Такимъ образомъ, чрезъ всѣ эти явленія древняго внутренняго быта русскихъ Славянъ, проходитъ одно основное движущее и опредѣляющее начало, выше котораго нѣтъ другаго, на которое всѣ ссылаются, изъ котораго всѣ заимствуютъ доводы въ свою пользу и въ пользу своихъ частныхъ цѣлей. Вотъ почему нѣкоторые, не совсѣмъ безъ основанія, думали и думаютъ, что кровныя, родственныя начала преобладали, господствовали въ общественномъ быту древней Россіи очень долго и впервые стали упраздняться не ранѣе московскаго государства, а въ частномъ — продолжали существовать гораздо долѣе, именно въ мѣстничествѣ, законахъ о порядкѣ гражданскаго наслѣдованія, обычаяхъ и нравахъ.

Далѣе, разсматривая бытъ Славянъ до образованія родоваго союза, или, правильнѣе, доказывая, что о такомъ бытѣ нѣтъ

никакихъ извѣстій, что весьма справедливо; г. Тюринъ, по нашему мнѣнію, не вникъ довольно глубоко въ смыслъ извѣстій Нестора и Козьмы Пражскаго, и, принявъ за основаніе нѣсколько готовыхъ представленій о томъ, какія могли и должны были быть родственныя отношенія у Славянъ въ древнѣйшія времена, толкуетъ эти извѣстія весьма произвольно. Авторъ разсуждаетъ такъ: у Славянъ родовой бытъ является уже съ древнѣйшихъ извѣстій. Какъ же могло не быть у нихъ браковъ? Очевидно, воображенію его представляется родовой бытъ, какимъ мы его теперь знаемъ у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ — бытъ очищенный христіанствомъ и исторіей. Но такія сближенія ошибочны. Въ одно и то же время, какъ мы сказали, могъ быть родовой бытъ, и весьма слабыя, шаткія представленія о бракѣ, какъ по неопредѣленности, непосредственности отношеній, такъ и потому что родство опредѣлялось отцомъ, а не матерью. Авторъ хорошо знаетъ, что тогда не было различія въ правахъ между законными и незаконными дѣтьми. Несмотря на то, онъ такъ проникнутъ своею любимою мыслью, что въ противность фактовъ имъ же самимъ приведенныхъ, объясняетъ выраженіе communia connubia — не безбрачіемъ, а многоженствомъ и повтореніемъ брака по смерти одного изъ супруговъ, о чемъ даже и помина нѣтъ у Козьмы Пражскаго. Этого мало: увлекаясь все далѣе и далѣе, г. Тюринъ находитъ, что у Славянъ, въ древнѣйшую эпоху, преобладало одноженство, при чемъ многобрачіе оставалось только дозволеннымъ. Трудно смѣлѣе этого объяснить источники и историческія свидѣтельства: о единобрачіи у языческихъ Славянъ нигдѣ не говорится; о многоженствѣ и отсутствіи браковъ, свидѣтельствъ множество — допустивъ даже, что Козьма Пражскій изображалъ древнѣйшій бытъ Чеховъ болѣе на основаніи своей фантазіи, чѣмъ по историческимъ даннымъ. Притомъ въ усиліяхъ автора, во чтобы то ни стало, привести къ един-

ству различныя свидѣтельства о родовомъ бытѣ, очевидно лежитъ недоразумѣніе, и не довольно глубокое проникновеніе въ характеръ этого быта. Отличительная черта родоваго быта именно въ томъ и состоитъ, что въ немъ, особливо сначала, уживаются рядомъ величайшія противорѣчія: единоженство съ многоженствомъ, строгость власти съ отсутствіемъ ея, равенство женщинъ съ мужчинами, и рабство женщинъ и т. д. Таковъ всегда бытъ совершенно непосредственный, въ которомъ даже родовыя, кровныя отношенія не успѣли окрѣпнуть въ постоянныя правила и получить юридическій оттѣнокъ.

Кромѣ этихъ общихъ, главныхъ недостатковъ сочиненія г. Тюрина, въ немъ встрѣчается нѣсколько частныхъ объясненій и положеній, съ которыми нельзя согласиться. Изъ словъ Глѣба, сына Владиміра Великаго, сказанныхъ послѣ убійства брата его, Бориса: «я остался одинъ», г. Тюринъ выводитъ, что Глѣбъ какъ-бы не считалъ своими братьями прочихъ сыновей Владиміра отъ другихъ женъ. Но это натяжка. Борисъ и Глѣбъ происходили отъ одного отца и матери, жили дольше другихъ при отцѣ, и, какъ думаетъ г. Соловьевъ, были плодомъ христіанскаго брака Владиміра. Слѣдственно, было много причинъ, по которымъ Борисъ и Глѣбъ могли быть ближе, дружнѣе между собою, чѣмъ съ прочими братьями, и на эту-то связь, а не на родство, указываютъ слова Глѣба. Да если даже и принять толкованіе г. Тюрина — слова эти нисколько не свидѣтельствуютъ въ пользу одноженства у языческихъ Славянъ. На стр. 54 авторъ говоритъ, что въ отношеніяхъ между супругами не было рѣзкаго неравенства, и доказываетъ, что вѣно не было куплею, что мужъ не покупалъ себѣ жены. Конечно вѣно, въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, не представляетъ формы купли; но наши свадебные обычаи сохранили такія живыя, несомнѣнныя, воспоминанія о бывшихъ когда-то похищеніяхъ и покупкѣ невѣстъ, что предметъ

этотъ во всякомъ случаѣ заслуживалъ бы подробнѣйшаго разсмотрѣнія, по крайней мѣрѣ, опроверженія существующихъ мнѣній и взглядовъ. На стр. 58 авторъ говоритъ, что съ паденіемъ родоваго быта не признавалась отдаленная кровная связь, и потому въ древней русской семьѣ признавалась только самая ближайшая связь родителей и дѣтей; даже внуки считались чужими для дѣда. Этимъ объясняетъ г. Тюринъ отсутствіе права представленія въ древнемъ наслѣдованіи по русскому праву. Но какъ же согласить съ этимъ, что въ XVII вѣкѣ право представленія, или, правильнѣе, сонаслѣдованія дядей съ племянниками, тётокъ съ племянницами, признается. Странно, что у насъ сперва наслѣдовали всѣ родичи, потомъ одни сыновья, даже съ исключеніемъ внуковъ, а потомъ опять введено въ наслѣдованіе родовое начало. Отсутствіемъ права представленія авторъ доказываетъ, будто древняя русская семья извѣстна намъ только въ томъ видѣ, въ какомъ она явилась послѣ упадка родоваго быта; мы, напротивъ, находимъ столько несомнѣнныхъ признаковъ продолженія родоваго распорядка и въ позднѣйшее время, что не можемъ согласитися съ этимъ мнѣніемъ, а полагаемъ, что извѣстные намъ древнѣйшіе законы о наслѣдованіи или недостаточно разъяснены, или же относятся только къ нѣкоторымъ классамъ народа, подобно законамъ о наслѣдованіи, изданнымъ при Іоаннѣ Грозномъ. Иначе нельзя объяснить безсвязности, которую представляла бы въ противномъ случаѣ исторія нашего наслѣдственнаго права.

Есть и еще нѣсколько такихъ мѣстъ въ статьѣ г. Тюрина, которыя оставляемъ, не желая выйдти изъ предѣловъ журнальной рецензіи. Повторяемъ, несмотря на эти недостатки, изслѣдованіе г. автора имѣетъ существенныя достоинства и обѣщаетъ много впереди.

Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній относящихся до россіи, ***издаваемый Николаемъ Калачовымъ. Книга первая. Москва. 1850.***

Года два тому назадъ, мы слышали, что г. Калачовъ задумалъ изданіе сборника матеріяловъ и изслѣдованій по русской исторіи. Имя издателя, его знанія, его историческіе труды — заранѣе ручались за достоинство и интересъ сборника; но программа, содержаніе его, не были опредѣлены; много времени прошло въ предварительныхъ обсужденіяхъ, и, понимая всю пользу и важность предпріятія, мы, признаемся, боялись, чтобъ и оно, подобно столькимъ другимъ, не остановилось на однѣхъ надеждахъ и приготовленіяхъ.

На этотъ разъ, однако, мы ошиблись, и ошиблись самымъ пріятнымъ, утѣшительнымъ образомъ. Первая вышедшая книжка «Архива» не только разсѣяла всѣ сомнѣнія насчетъ самого предпріятія, но составомъ и достоинствомъ статей превзошла ожиданія. Сборникъ г. Калачова — капитальное пріобрѣтеніе для русской исторической литературы. Продолжая издаваться въ этомъ видѣ, онъ станетъ на ряду съ лучшими русскими изданіями, посвященными исключительно той или другой наукѣ. Вотъ почему мы думаемъ оказать услугу нашимъ читателямъ, представляя имъ, по возможности полное и подробное, обозрѣніе первой, вышедшей теперь книжки «Архива».

«Архивъ» г. Калачова, какъ видно изъ состава первой книжки и предисловія издателя, будетъ издаваться по обширному плану. Въ немъ можетъ найдти мѣсто все, что̀ прямо или косвенно относится къ Россіи, прошедшей и настоящей, по всѣмъ сторонамъ и отраслямъ ея быта. Каждая книжка будетъ дѣлиться на двѣ главныя части: въ составъ первой войдутъ изслѣдованія и матеріялы; вторая посвящается библіографіи. Каждая изъ этихъ половинъ, въ свою очередь, под-

раздѣляется на нѣсколько отдѣловъ. Первая должна заключать въ себѣ: 1) изслѣдованія и критическій разборъ памятниковъ; 2) матеріялы; 3) приготовительные труды для словаря историко-юридическаго собственныхъ именъ и техническихъ терминовъ, встрѣчающихся въ древнихъ русскихъ памятникахъ; 4) дополненія и приложенія къ отдѣльнымъ изслѣдованіямъ и изданіямъ матеріяловъ, касающихся внутренняго быта Россіи; 5) изслѣдованія и акты на иностранныхъ языкахъ по части древней исторіи русскаго права, въ переводахъ и извлеченіяхъ; наконецъ, 6) археологическія указанія, замѣтки и новости, служащія къ объясненію быта и письменности древней Россіи. Библіографическая часть должна вмѣщать въ себѣ троякаго рода указатели: 1) книгъ, вышедшихъ по части русской исторіи, статистики и права съ 1848 года, съ означеніемъ ихъ содержанія и замѣчательнѣйшихъ рецензій; 2) сочиненій, вышедшихъ по тѣмъ же предметамъ до 1848 года, начиная съ первыхъ печатныхъ книгъ въ Россіи, по отдѣламъ; 3) статей, помѣщенныхъ по тѣмъ же предметамъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, такъ же съ означеніемъ содержанія. Кромѣ того, для справокъ къ каждому указателю будетъ приложенъ ключъ упоминаемыхъ въ немъ именъ и предметовъ.

О важности подобныхъ изданій мы не станемъ распространяться. Пользу ихъ оцѣнитъ всякій. Не можемъ, однако, не изъявить ученому издателю «Архива» особенной благодарности за счастливую и, сколько мы знаемъ, новую мысль — ввести въ свое изданіе специяльные библіографическіе указатели. При крайнемъ недостаткѣ специяльныхъ библіографическихъ пособій, столь ощутительномъ для всѣхъ занимающихся русской исторіей, эта часть «Архива» будетъ истиннымъ благодѣяніемъ и подвигомъ на пользу науки. Прибавимъ, что въ первой книгѣ, которая у насъ теперь подъ руками, помѣщены весьма

тщательно составленные указатели книгъ, вышедшихъ въ 1848 году, и статей, помѣщенныхъ въ «Сѣверномъ Архивѣ» за все время его изданія, съ ключами по именамъ, названіямъ и предметамъ. Надъ первымъ трудился г. Капустинъ, надъ вторымъ г. Аѳанасьевъ, уже извѣстный публикѣ своими учеными трудами и помѣстившій двѣ другія превосходныя статьи въ разбираемой нами книжкѣ «Архива». Не мѣньшей благодарности заслуживаетъ мысль — посвятить особый отдѣлъ изданія матеріяламъ для техническаго древне-русскаго словаря, для котораго до сихъ поръ ничего еще не сдѣлано, хотя данныхъ разработано очень довольно. Вообще планъ изданія хорошъ и удовлетворителенъ. Нельзя однако не пожалѣть, что г. Калачовъ, коротко знакомый съ литературой по русской исторіи, особенно древней, и умѣющій оцѣнить всю важность и положительную или отрицательную пользу иностранныхъ извѣстій о древней Руси, не оставилъ для нихъ мѣста въ своей программѣ, даже въ отдѣлѣ библіографіи. Единственный указатель въ этомъ родѣ, который мы имѣемъ, составленный покойнымъ академикомъ Аделунгомъ, по отзывамъ знатоковъ — весьма недостаточенъ, а онъ имѣетъ предметомъ однихъ путешественниковъ, бывшихъ въ Россіи, оставляя въ сторонѣ всѣ прочія сочиненія и извѣстія, которыхъ такое множество. Выраженная ученымъ издателемъ «Архива» благородная готовность принять всякое указаніе на недостатки изданія и исправить ихъ при удобномъ случаѣ — даетъ намъ право надѣяться, что обѣ половины «Архива», въ особенности вторая, пополнятся новыми отдѣлами, за ученое достоинство и интересъ которыхъ заранѣе ручаются глубокія знанія и добросовѣстность издателя.

Содержаніе первой книжки «Архива» совершенно соотвѣтствуетъ ожиданіямъ, возбуждаемымъ его программой, и подаетъ самыя отрадныя надежды въ будущемъ. Въ ней помѣ-

щено всего двадцать отдѣльныхъ статей. Объемъ, предметъ и самое достоинство ихъ неодинаковы; но нѣтъ ни одной лишенной интереса, или посредственной. Каждая прибавляетъ что-нибудь новое къ извѣстнымъ доселѣ матеріяламъ или обогащаетъ науку русской исторіи болѣе или менѣе любопытными и важными выводами и взглядами; самыя ипотезы, встрѣчающіяся въ нихъ, если не всегда справедливы, то во всякомъ случаѣ поучительны, и обнаруживаютъ добросовѣстное изученіе предмета. Все вмѣстѣ, несмотря на разнообразіе содержанія и число сотрудниковъ (слишкомъ пятнадцать), представляетъ цѣлое по одинаковости тона и строго-ученому направленію, выдержанному отъ первой страницы до послѣдней. Кто хоть немного знакомъ съ безконечными спорами наполнявшими нашу историческую литературу, того, конечно, пріятно изумитъ это совершенное отсутствіе ѣдкой и желчной полемики въ изданіи, соединившемъ труды ученыхъ и писателей различныхъ воззрѣній. Еще пріятнѣе видѣть, что нѣкоторыя статьи составлены и обработаны при непосредственномъ содѣйствіи нѣсколькихъ ученыхъ, каждымъ по своей спеціяльной части.

Все это весьма утѣшительно. Кромѣ знанія дѣла и опытности редактора, оно доказываетъ, что разработка русской исторіи покидаетъ рутину, отрѣшается отъ произвольныхъ пріемовъ и начинаетъ возвышаться на степень методическаго, строгаго изученія. «Архивъ» г. Калачова окончательно убѣждаетъ, что въ русской исторіи уже успѣли обозначиться и утвердиться нѣкоторыя общія положенія, одинаково признаваемыя всѣми, занимающимися этимъ предметомъ, несмотря на различіе ихъ мнѣній и взглядовъ. А это фактъ чрезвычайно важный; въ немъ зародышъ и задатокъ науки, возможности систематическихъ ученыхъ преній, разрѣшенія спорныхъ вопросовъ и соглашенія противорѣчащихъ взглядовъ.

По содержанію своему, всѣ статьи, напечатанныя въ разныхъ отдѣлахъ сборника, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: однѣ суть изслѣдованія, болѣе или менѣе систематическія и оконченныя, о разныхъ предметахъ русской исторіи, или же представляютъ критическую обработку разныхъ памятниковъ нашей старины; другія сообщаютъ одни матеріялы, только съ необходимыми объясненіями, но безъ изслѣдованій и ученой разработки самаго содержанія. Къ послѣднему разряду относятся слѣдующія статьи: 1) «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича», сообщенныя г. Забѣлинымъ. Изъ нихъ видно, что въ 1767 году, по случаю учрежденія въ Москвѣ Коммисіи для сочиненія проекта новаго уложенія, императрица Екатерина II пожелала видѣть подлинникъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича, чтобъ узнать, кто именно скрѣпилъ его своимъ рукоприкладствомъ. Его искали въ Сенатскомъ и Разрядномъ Архивахъ, въ Синодальной Типографіи и даже подъ престоломъ Успенскаго Собора, гдѣ обыкновенно хранились важнѣйшіе государственные документы; но напрасно. Наконецъ, нашли его въ бывшемъ Приказѣ Большой Казны, который, вмѣстѣ съ Казеннымъ Приказомъ, вошелъ въ составъ Мастерской и Оружейной Палаты. Здѣсь «Уложенный столбецъ» хранился въ желѣзномъ сундукѣ, вмѣстѣ съ печатнымъ экземпляромъ перваго изданія. 19-го апрѣля тотъ и другой были представлены государынѣ, которая повелѣла Миллеру списать рукоприкладства, находящіяся на подлинномъ спискѣ, и для сохраненія послѣдняго сдѣлать серебряный ковчегъ съ позолотою, въ которомъ онъ хранится и доселѣ въ Оружейной Палатѣ. Къ этимъ свѣдѣніямъ г. Забѣлинъ присоединилъ весьма подробное описаніе подлинника Уложенія и копію съ рукоприкладствъ, изъ которой видно, что Уложеніе подписали патріархъ, 2 митрополита, 3 архіепископа, 1 епископъ, 5 архимандритовъ, игуменъ, 15 бояръ,

10 окольничихъ, казначей, думный дворянинъ, печатникъ, думный дьякъ, благовѣщенскій протопопъ, духовникъ государя, 5 московскихъ дворянъ, 148 городовыхъ дворянъ, трое гостей, 12 выборныхъ отъ московскихъ сотенъ и слободъ, 89 выборныхъ посадскихъ изъ городовъ и, наконецъ, 15 выборныхъ отъ столькихъ же московскихъ Стрѣлецкихъ Приказовъ — всего 315 человѣкъ. Кромѣ того, здѣсь же помѣщенъ списокъ варіантовъ Уложенія по печатнымъ изданіямъ 7157 (1649) и 1737 года, составленный, какъ думаетъ г. Забѣлинъ, Миллеромъ, и по значительному различію нѣкоторыхъ статей, нелишенный интереса; изъ этого списка видно, что въ «Полномъ Собраніи Законовъ» текстъ Уложенія отпечатанъ по печатному изданію 1737 года; наконецъ, тутъ же помѣщены выбранныя изъ подлиннаго Уложенія указанія, находящіяся при разныхъ статьяхъ, откуда, то есть, изъ какихъ источниковъ онѣ заимствованы. Такихъ отмѣтокъ и указаній всего 177; изъ нихъ видно, что 56 статей взято изъ Литовскаго Статута, 24 изъ Градскихъ Законовъ, 62 частью изъ того же Уложенія, частью изъ разныхъ предшествующихъ уложеній и законовъ, 12 изъ «Стараго» Судебника, наконецъ, 17 составлено вновь. Весьма небольшое число статей (всего пять) заимствованы частью изъ Моисеева Закона, частью изъ Стоглава, и даже Земскаго Приказа. Противъ одной статьи отмѣчено: напомнить; противъ двухъ другихъ указаны источники и прибавлено: поговорить съ бояры. Судя по языку, должно думать, что всѣ эти замѣтки современныя. Весьма было бы любопытно узнать, кѣмъ и когда сдѣланы замѣтки и почему только при нѣкоторыхъ статьяхъ, а не при всѣхъ? Если это не случайность, то разрѣшеніе предложенныхъ вопросовъ можетъ пролить большой свѣтъ на ходъ редакціи Уложенія, о которомъ мы доселѣ ничего не знаемъ, и который между тѣмъ представляетъ много загадочнаго. Въ 7156 году 16 іюня про-

исходилъ совѣтъ о составленіи Уложенія, а въ 7157 году, 3 октября, оно было уже слушано и подписано. Итакъ на редакцію его было употреблено во всякомъ случаѣ не болѣе трехъ мѣсяцевъ и шестнадцати дней. Спрашивается, какъ могло быть составлено Уложеніе въ такой изумительно-короткій срокъ? Не забудемъ, что оно состоитъ изъ 25 главъ и 967(8) статей. Что Уложеніе «сочинено» изъ готовыхъ матеріаловъ, списанныхъ въ него большею частью слово въ слово, не объяснитъ дѣла, если предположимъ, что весь трудъ былъ исключительно возложенъ на редакціонную коммиссію. Одна матеріальная работа уже сама по себѣ огромна, не говоря о необходимости соглашать источники, свѣрять ихъ, располагать по извѣстному порядку, даже составлять нѣкоторыя статьи вновь. Для разрѣшенія всѣхъ этихъ трудностей, осмѣливаемся высказать слѣдующее предположеніе, основанное на ходѣ и порядкѣ дѣлопроизводства въ древней Россіи, особенно въ приказахъ. Извѣстно, что каждый Приказъ имѣлъ особую книгу, въ которую списывались всѣ вновь выходившіе законы и постановленія, относящіеся къ кругу его вѣдомства. Оттого во многихъ законоположеніяхъ XVII вѣка мы находимъ въ концѣ повелѣніе «тотъ государевъ указъ записать въ такомъ-то приказѣ» (П. С. З. т. 1 № 169), или «записать въ книгу (тамъ же №№ 212 и 221) въ такомъ-то приказѣ (тамъ же № 247) впредь для вѣдома». Нѣкоторыя изъ этихъ записныхъ или указныхъ книгъ сохранились до нашего времени и представляютъ болѣе или менѣе полныя хронологическія собранія законовъ по разнымъ отраслямъ управленія. Приказы, завѣдывавшіе нѣсколькими частями, по всѣмъ вѣроятіямъ имѣли столько же отдѣльныхъ указныхъ книгъ, сколько было въ нихъ отдѣльныхъ управленій; такъ, по крайней мѣрѣ, заключаемъ мы изъ того, что встрѣчаются особливыя записныя книги для указовъ о помѣстьяхъ и особыя для законовъ о вотчинахъ,

хотя тѣ и другія дѣла, какъ извѣстно, вѣдались въ одномъ приказѣ. Итакъ указныя книги представляли по разнымъ частямъ готовыя уложенія, съ подробными указаніями на отмѣненные и измѣненные законы, а доклады приказовъ, еще не внесенные въ Думу, заключали въ себѣ новые случаи, неразрѣшенные законодательнымъ порядкомъ, слѣдовательно, всѣ матеріялы, нужные для написанія новыхъ статей. Редакціонной коммиссіи оставалось только собрать эти указныя книги и заготовленные доклады изъ разныхъ приказовъ, выбрать текстъ законовъ, сгруппировать статьи, выбранныя изъ старыхъ законовъ съ текстомъ новыхъ, которые ихъ дополнили или измѣнили, наконецъ составить, на основаніи заготовленныхъ докладовъ, нѣсколько примѣрныхъ статей — и главная существенная часть работы была готова. Такимъ образомъ мы думаемъ, что распредѣленіе статей Уложенія по главамъ сдѣлано на основаніи записныхъ книгъ, а порядокъ главъ опредѣлился старшинствомъ приказовъ, изъ записныхъ книгъ которыхъ онѣ выбраны, конечно, съ нѣкоторыми необходимыми отступленіями; по крайней мѣрѣ, очень вѣроятно, что это старшинство имѣло на расположеніе главъ большое вліяніе. Отношеніе нѣкоторыхъ главъ къ приказамъ очевидно; напримѣръ, вторая по всѣмъ вѣроятіямъ составлена изъ указныхъ книгъ Тайнаго Приказа, шестая — Посольскаго, седьмая — Большаго Разряда, десятая — Судныхъ Приказовъ, одиннадцатая, шестнадцатая и семнадцатая — Помѣстнаго Приказа, двѣнадцатая — Патріаршаго Суднаго, тринадцатая — Монастырскаго, восьмнадцатая — тоже Помѣстнаго или Печатнаго, девятнадцатая — Приказа Большія Казны, двадцатая — Холопья, двадцать первая — Разбойнаго, двадцать третья — Стрѣлецкаго, двадцать четвертая — Казачьяго, двадцать пятая — Новой Четверти. Ближайшее разсмотрѣніе укажетъ, можетъ-быть, приказы, соотвѣтствующіе прочимъ, здѣсь неозна-

ченнымъ главамъ. Нѣкоторыя, напримѣръ 14-я «о крестномъ цалованіи», 15-я «о вершеныхъ дѣлахъ», 22 я «указъ, за какія вины кому чинити смертная казнь», и т. т., повидимому составлены изъ книгъ разныхъ приказовъ — на чтò указываетъ ихъ общее содержаніе — или собраны изъ разныхъ иностранныхъ источниковъ права, какъ свидѣтельствуютъ указанія на источники статей 22-й главы, въ которой изъ 26 статей только 6 оставлены безъ указаній. Если все сказанное выше имѣетъ за себя нѣкоторое вѣроятіе, то сдѣланныя въ подлинномъ спискѣ указанія и отмѣтки получаютъ важное значеніе и смыслъ. Не относятся ли онѣ только къ тѣмъ статьямъ, которыя не находились въ текстѣ записныхъ книгъ, и прибавлены къ нему при составленіи Уложенія? Можетъ-быть, этимъ объяснится, почему при нѣкоторыхъ статьяхъ есть ссылки не только на иностранные, греческіе и литовскіе, но и на русскіе источники, и почему въ то же время нѣтъ этихъ ссылокъ при множествѣ другихъ статей, которыхъ источники положительно извѣстны. Примѣромъ можетъ служить 11-я глава Уложенія »о посадскихъ людехъ». Къ ней вовсе не сдѣлано указаній, а между тѣмъ постановленія, изъ которыхъ выписаны многія ея статьи, извѣстны, и напечатаны въ «Актахъ Археографической Экспедиціи» (т. IV № 32). Все это, конечно, требуетъ еще многихъ подробныхъ изслѣдованій и соображеній. Рѣшаясь высказать свое мнѣніе, мы заранѣе и смиренно признаемъ его за ипотезу, которая, можетъ-быть, и не подтвердится при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла. Теперь, покуда, она намъ кажется имѣющею нѣкоторую вѣроятность, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ. — Въ предисловіи къ свѣдѣніямъ сообщеннымъ г. Забѣлинымъ объ Уложеніи, г. Калачовъ обѣщаетъ напечатать въ «Архивѣ» подробное указаніе извѣстныхъ намъ источниковъ Уложенія, и сличеніе ихъ съ статьями послѣдняго, а въ «добавленіяхъ» къ

свѣдѣніямъ, отпечатанныхъ въ концѣ первой книжки «Архива», помѣстилъ другія, несходныя съ первыми, указанія источниковъ Уложенія, отмѣченныя въ рукописи Уложенія, которая хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и принадлежащія, повидимому, Миллеру. Такимъ образомъ, благодаря гг. Забѣлина и Калачова, мы имѣемъ теперь новые, весьма важные матеріялы для ученой обработки Уложенія и въ скоромъ времени увидимъ въ печати ея вожделѣнное начало.

2) «Проектъ Устава о служебномъ старшинствѣ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей по тридцати четыремъ степенямъ, составленный при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ». Подъ этимъ заглавіемъ кн. М. А. Оболенскій помѣстилъ въ первой книжкѣ «Архива» чрезвычайно любопытный и замѣчательный памятникъ XVII вѣка: списокъ «думныхъ» должностей и чиновъ по старшинству, въ которомъ они слѣдуютъ одни за другими. Всѣ «думные» чины и должности подраздѣлены здѣсь на 34 степени; 29-я, 32-я и 34-я включаютъ даже нѣсколько должностей и чиновъ (первая девять, а послѣднія двѣ по двадцати), старшинство которыхъ опредѣляется титуломъ «намѣстника» того или другаго города. По росписи число думныхъ чиновъ должно простираться до восьмидесяти. Первыя двадцать-девять степеней занимаютъ бояре, тридцать вторую окольничіе, послѣднюю думные дворяне. Разныя высшія придворныя должности носятъ русскія и греческія названія, указывающія на вліяніе византійскихъ источниковъ; всѣ они описаны и эти описанія служатъ интереснымъ матеріяломъ для опредѣленія ихъ значенія. Князь Оболенскій совершенно справедливо замѣчаетъ въ предисловіи къ этому памятнику, что онъ находится въ тѣсной связи съ уничтоженіемъ мѣстничества, опредѣляя старшинство по должностямъ, а не по роду, и что онъ «является представителемъ возникшей въ это время

государственной потребности — ввести въ наше отечество закономъ опредѣленную лѣстницу чиновъ, что, наконецъ, приведено было въ исполненіе Петромъ Великимъ извѣстною табелью о рангахъ». Наконецъ, нельзя вполнѣ не согласиться съ замѣчаніемъ почтеннаго археолога, что порядокъ, въ которомъ изчисляются намѣстничества, представляетъ важное пособіе для опредѣленія взаимнаго отношенія старшинства и меньшинства между городами древней Руси, замѣченнаго еще покойнымъ Валуевымъ. Выписки изъ «Намѣстническихъ Книгъ», сообщенныя въ видѣ примѣчаній къ разбираемому памятнику, содержатъ въ себѣ много драгоцѣнныхъ матеріяловъ по этому предмету для тѣхъ, кто не можетъ пользоваться этими книгами въ подлинникѣ. Но мы не можемъ безусловно согласиться съ княземъ Оболенскимъ, что обнародованный имъ памятникъ — проектъ устава, будто-бы, неизвѣстно почему, неполучившій силу закона. Предпосланное къ сему вступленіе, дошедшее до насъ, къ сожалѣнію, или въ искаженномъ видѣ, или безъ начала, содержитъ въ себѣ слѣдующія слова: «Сегожъ ради, мы великій государь, не восхотѣ(въ) славныхъ и дивныхъ вещей предати невѣдѣнію, указали тѣ государствъ нашихъ чины писанію предати и въ предъидущіе роды блюсти». Изъ этихъ словъ скорѣе можно заключить, что распорядокъ чиновъ, здѣсь изложенный, былъ уже введенъ, существовалъ на фактѣ, и только записанъ для памяти и для соблюденія на будущее время; слѣдовательно, мнимый уставъ и не могъ ввести новый порядокъ государственной службы. На этомъ основаніи его нельзя назвать и проектомъ устава, требовавшимъ утвержденія. Замѣтимъ, что дошедшій до насъ отрывокъ вступленія не имѣетъ даже формы законодательныхъ актовъ того времени. Весьма любопытно, что при Ѳеодорѣ же Алексѣевичѣ введено распредѣленіе на степени и въ высшее духовное управленіе, именно между архіереями; также была мысль титуловать ихъ

именами городовъ, «которые въ его царской державѣ имениты суть». Но эта мысль не приведена въ исполненіе.

3) Въ отдѣлѣ матеріяловъ для словаря историко-юридическаго и техническихъ терминовъ, напечатаны объясненія г. Ундольскаго на слова: «альманахъ», «индиктіонъ», «кругъ міротворный», «кустодія», «матица», «перекрой», «пестредное ученіе», «предрѣчіе», «седмочисленникъ», «форматъ». Археологи и антикваріи найдутъ много любопытнаго въ этихъ объясненіяхъ; но мы думаемъ, что статьи о хронологическихъ терминахъ написаны не для большинства читателей, собственно и нуждающихся въ словарѣ, а для однихъ спеціялистовъ, близко знакомыхъ съ предметомъ; оттого эти статьи вышли темны и неудобопонятны; онѣ предполагаютъ уже основательныя познанія въ нашей древней хронологіи. Кромѣ того, полемическій тонъ статьи объ «Индиктіонѣ великомъ» не совсѣмъ идетъ къ словарю, гдѣ читателю нужно только яснѣе разсказать, что̀ значитъ слово, какія есть объ немъ мнѣнія и которое изъ нихъ справедливѣе, или вѣроятнѣе. При этомъ, конечно, могутъ быть ссылки на лучшія полемическія сочиненія и статьи; даже могутъ быть изложены главныя основанія, рѣшающія споръ въ пользу того или другаго мнѣнія; но полемика не можетъ и не должна имѣть мѣста въ словарѣ: она только сбиваетъ съ толку.

4) «Князья Суздальскіе-Шуйскіе», замѣтка объ ихъ происхожденіи г. Соловьева. Князья Суздальскіе-Шуйскіе, по утвердившемуся у насъ мнѣнію Карамзина, происходятъ отъ Андрея Ярославича, брата Александра Невскаго. Но въ лѣтописи есть извѣстіе, что родоначальникъ этихъ князей, Андрей Александровичъ, сынъ Невскаго. Которая же изъ этихъ двухъ генеалогій правильнѣе? Г. Соловьевъ приводитъ доводы, говорящіе въ пользу послѣдней и находитъ, что дѣло должно быть подвергнуто новымъ изслѣдованіямъ.

5) «Книги родословныя». Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны дополнительные матеріялы къ исторіи нашихъ родословныхъ книгъ, именно, два акта изъ фамильнаго архива А. Д. Черткова. Одинъ изъ нихъ — копія съ указа царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, сказаннаго стольникамъ и другимъ служилымъ людямъ о подачѣ въ разрядъ родословныхъ росписей, для «пополненія родословной книги». Второй содержитъ въ себѣ указаніе, какіе роды изъ записанныхъ въ родословной книгѣ доставили свои поколѣнныя росписи и какіе не доставили; также показаны роды, доставившіе свои росписи, а между тѣмъ незаписанные въ родословной книгѣ.

6) «Команда (военная) — артикулы». На одномъ изъ нихъ надписано: «копія съ артикулу Мирона Баишева», на другомъ: «артикулъ Словянъ, которые содержатца подъ протекціею венеціанскою». Оба относятся, по мнѣнію издателя, къ концу XVII или началу XVIII вѣка; хотя и дошли до насъ въ спискѣ конца послѣдняго вѣка. По мнѣнію г. Бодянскаго, высказанному въ «добавленіяхъ», оба писаны на языкѣ южныхъ Словянъ, живущихъ поблизости къ Венеціи, что̀ уже видно отчасти и изъ надписи послѣдняго артикула. Особеннаго вниманія заслуживаетъ, что въ немъ упоминается «великій царь Питеръ». Очень можетъ-быть, что оба предназначались для введенія или даже употреблялись въ нашемъ войскѣ въ царствованіе Петра; ибо извѣстно, что онъ охотно принималъ и даже вербовалъ въ русскую службу Славянъ, которые, будучи знакомы съ европейскими бытомъ и учрежденіями, въ то же время легче могли усвоить себѣ русскій языкъ, чѣмъ прочіе иностранцы. Одинъ изъ такихъ Славянъ могъ составить эти артикулы, или сообщить уже существующіе въ славянскихъ земляхъ. Оба артикула сообщены г. Алябьевымъ и объяснены въ «добавленіяхъ» г. Бодянскимъ.

7) «Двѣ выписки изъ лѣтописнаго сборника, сообщенныя

г. Бѣляевымъ, чрезвычайно любопытны. Одна содержитъ въ себѣ единственное покуда лѣтописное свидѣтельство о московскомъ соборѣ 7059 г., на которомъ сочиненъ Стоглавъ. Извѣстно, что до сихъ поръ мы не имѣли ни одного такого свидѣтельства, отчего мнѣнія ученыхъ о составленіи Стоглава были разнообразны и противорѣчащи. Теперь этотъ важный вопросъ можетъ почитаться окончательно рѣшенымъ. Вторая выписка не менѣе интересна. Въ ней говорится, что Бориса Годунова «вси отай поношаху и не любляху», между прочимъ потому, что «корчемницы пьянству и душегубству и блуду желатели во всѣхъ градѣхъ цѣну кабаковъ высоко вознесоша, и иныхъ законовъ чрезъ мѣру много бысть, да тѣмъ милостыню даваше (Борисъ), и церкви строяше, и смѣша клятву со благословеніемъ, и одолѣ злоба благочестію» и пр. Г. Бѣляевъ думаетъ, что слова «и иныхъ законовъ чрезъ мѣру много бысть» указываютъ на то, что Борисъ Годуновъ издалъ много узаконеній. Съ этимъ толкованіемъ едва ли можно согласиться. Лѣтописецъ говоритъ, что царь пекся о благочестіи, о бѣдныхъ и нищихъ, но упрекаетъ Бориса, что онъ извлекалъ средства для этого изъ нечистыхъ источниковъ, именно изъ возвышенныхъ корчемниками цѣнъ; слѣдующія за тѣмъ слова: «и иныхъ законовъ чрезъ мѣру много бысть» могутъ только указывать на множество другихъ существовавшихъ тогда налоговъ и поборовъ, или какихъ-нибудь стѣснительныхъ запрещеній; иначе эти слова совершенно неумѣстны и непонятны, особенно съ продолженіемъ «да тѣмъ (т. е. изъ этихъ источниковъ) милостыню даваше и церкви строяше» и т. д. Лѣтописный сборникъ, изъ котораго выписаны оба отрывка, хранится въ библіотекѣ г. Погодина и, по отзывамъ г. Бѣляева, содержитъ въ себѣ много разныхъ любопытныхъ историческихъ данныхъ, которыхъ нѣтъ въ другихъ источникахъ. Надѣемся, что г. Бѣляевъ, не замедлитъ сообщить и ихъ вмѣстѣ

съ обѣщанными двумя окружными грамотами митрополита Макарія, написанными на основаніи Стоглава.

8) «Важный хронографъ особеннаго состава». Въ этой статьѣ г. Забѣлинъ подробно описываетъ хронографъ, принадлежащій кн. М. А. Оболенскому. Въ этомъ хронографѣ древнѣйшей редакціи изъ всѣхъ извѣстныхъ. находится много приписокъ, которыя размѣщены въ немъ на поляхъ, вклеены на особыхъ листкахъ и внесены даже цѣлыми тетрадями. Тѣ изъ нихъ, которыя приложены къ выпискамъ изъ хронографа позднѣйшей редакціи о русскихъ событіяхъ (съ 1461 г. до избранія на царство Михаила Θеодоровича), заимствованы, по замѣчанію г. Забѣлина, изъ какого-нибудь, доселѣ неизвѣстнаго русскаго лѣтописнаго сборника; въ «Архивѣ» напечатаны двѣ такія приписки, именно о погибели Самозванца и Марины Мнишекъ и объ освобожденіи отъ Поляковъ Москвы. Г. Забѣлинъ говоритъ, что всѣ приложенія и приписки, упомянутыя выше, «весьма любопытны и важны; изъ нихъ мы узнаемъ отношеніе редакцій хронографа, древней 1512 года, и другой, позднѣйшей, принадлежащей началу XVII столѣтія. Извѣстно, что эта послѣдняя редакція, принявъ въ основаніе первую, дополнила и распространила ее вставками и разными прибавленіями. Эти-то самыя вставки и прибавленія вошли въ описываемый хронографъ въ видѣ приписокъ». Признаемся. мы не понимаемъ, что̀ можетъ описываемый списокъ хронографа прибавить къ нашему знанію объ отношеніи двухъ разныхъ редакцій этого рода памятниковъ, когда обѣ редакціи хорошо уже извѣстны изъ многихъ другихъ списковъ, а списокъ кн. Оболенскаго, принадлежа къ древнѣйшей редакціи, только пополненъ приписками изъ списковъ новѣйшей? Еслибъ это былъ единственный списокъ древнѣйшей редакціи— другое дѣло. Позднѣйшія приписки, конца XVII вѣка не позволяютъ даже подозрѣвать въ немъ основнаго, первоначальнаго списка, отъ котораго ведетъ

свое начало позднѣйшая редакція. Такимъ образомъ интересъ этого хронографа можетъ-быть неоспоримый, и открытіе или описаніе его чрезвычайно важно, но только едва ли для опредѣленія отношеній между двумя редакціями хронографовъ. Кромѣ приписокъ, въ хронографѣ кн. Оболенскаго помѣщены рисунки конца XVII вѣка. Одинъ гравированъ на мѣди, другой на деревѣ, прочіе рисованы тушью или красками. Самые интересные изъ нихъ — небольшіе, вырѣзанные и наклеенные на особыхъ листкахъ портреты в. к. Василія Ивановича, царя Ѳеодора Ивановича, Жикгимонта-Августа, короля польскаго, и царя Михаила Ѳеодоровича. Изъ нихъ, по замѣчанію г. Забѣлина, особенно любопытны портреты в. к. Василія и царя Ѳеодора; подобныя изображенія являются въ первый разъ, и, весьма вѣроятно, что оригиналы, съ которыхъ они сняты, принадлежатъ иностранцамъ и, быть-можетъ, заимствованы изъ какого-нибудь описанія путешествія въ древнюю Москву, потому что русскому художнику того времени едва ли бы пришло на мысль представить царя въ простой, обыкновенной одеждѣ, а не царскомъ нарядѣ. Портреты русскихъ государей отпечатаны въ «Архивѣ» съ описаніями.

Послѣднія 9 и 10 статьи суть составленные гг. Капустинымъ и Афанасьевымъ и упомянутые нами выше библіографическіе указатели. Они обработаны, сколько мы можемъ судить, добросовѣстно и отчетливо. Жаль только, что въ указателѣ книгъ и сочиненій за 1848 годъ, подъ №№ 76—79, упомянуты вообще изданныя рѣчи и отчеты университетовъ, гимназій и т. д., а не показаны предметы рѣчей, и не выписаны ихъ заглавія. Что касается до полноты этого указателя, то въ немъ, конечно, есть пропуски; но подобныя библіографическія работы представляютъ для частнаго человѣка почти непреодолимыя трудности. Вотъ почему каждый, хоть сколько-нибудь

интересующійся дѣломъ, обязанъ по возможности содѣйствовать такимъ въ высокой степени полезнымъ и важнымъ работамъ и сообщать редакціи «Архива» замѣченные имъ пропуски. Мы съ своей стороны укажемъ г. Капустину на слѣдующія книги и сочиненія, пропущенныя въ его «Указателѣ».

1) Die Livländische Reimchronik des Dittlieb von Alnpeke (1296), in das Hochdeutsche übertragen und mit Anmerkungen versehen von E. Meyer. Reval. 1848.—2) (Napiersky) Chronologischer Abriss der älteren Geschichte Livlands (1165—1562). Riga. 1848.— 3) Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands, herausgegeben von der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der russischen Ostseeprovinzen. Vierten Bandes zweites Heft. Riga. 1848. (Находятся въ Указателѣ подъ № 121, но съ неполнымъ заглавіемъ). Содержаніе: v. Busse. Kriegszüge der Novgoroder in Ehstland in den Jahren 1267 und 1268, nebst dem Friedensschlusse und andern Urkunden. Ueber alte Gräber und Alterthümer in Polnisch-Livland, mit lithographischen Abbildungen. (Отмѣчена въ Указателѣ особою статьею, подъ № 51) Auszüge aus einer Sammlung Reval's Vorzeit betreffenden Nachrichten und Verordnungnen, aus dem 17-ten Jahrhunderte. Zwei Hausurkunden des Fahrensbachischen Geschlechts, von 1494 und 1531. Nachträge zur Biographie des Rembert Geilsheim, eines livländischen Staatsmannes des 16-ten Jahrhunderts.—4) Das alte auf unsere Undeutschen gedichtete Liedlein, so wie über Livländisch-Deutsche Volksdichtung, Volkssprache uberhaupt. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte des älteren Livland's, von Eduard Pabst. Reval, 1848.—5) Ein Blick auf die geschichtliche Entwickelung des älteren russischen Erbrechts, bis zum Gesetzbuche des Zaren Alexei Michailowitsch. Eine zur Erlangung der Würde eines Magisters der Rechtswissenschaft, einer hochverordneten Juristenfacultät der Kaiserlichen Universität zu Dorpat vorgelegte, von derselben genehmigte und öffentlich zu vertheidigende Abhandlung, verfasst von Fedor Witte. Dorpat. 1848.

Вотъ краткій обзоръ статей «Архива», содержащаго одни матеріялы, или только ихъ первоначальную, приготовительную разработку. Однѣ, конечно, интереснѣе и важнѣе другихъ, но нѣтъ ни одной лишенной интереса, ни одной которую можно бы, безъ ущерба для науки, вычеркнуть изъ изданія. Это достоинство статей столько же приноситъ честь сотрудникамъ,

сколько такту и выбору ученаго издателя »Архива», г. Калачова.

Прочія десять статей сборника, по содержанію своему, суть изслѣдованія, несмотря на то, что половина ихъ размѣщена въ третьемъ, четвертомъ и шестомъ отдѣлахъ «Архива», непредназначенныхъ, какъ мы видѣли, для изслѣдованій. Разсмотримъ ихъ.

«Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи Славянъ, преимущественно восточныхъ, во времена языческія», соч. г. Соловьева. Значеніе этой статьи опредѣляется ея заглавіемъ. Это «очеркъ», написанный съ большимъ талантомъ, какъ все, что̀ выходитъ изъ-подъ пера ученаго профессора, котораго труды и имя уже пользуются заслуженною извѣстностью. Настоящій трудъ г. Соловьева обнимаетъ двѣ стороны древняго языческаго быта Славянъ: общественный и религіозный. Первая раскрыта превосходно и съ рѣдкимъ безпристрастіемъ. Авторъ принимаетъ за основаніе древней общественности Славянъ родовой бытъ, и изъ него объясняетъ древнѣйшія туземныя и иностранныя свидѣтельства объ этомъ племени. Намъ всегда казалось, что родовое начало — единственный ключь къ уразумѣнію внутренняго быта нашихъ предковъ въ древнія времена, единственное средство согласить извѣстія и данныя, съ перваго взгляда представляющія неразрѣшимыя, безвыходныя противорѣчія. Тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ прочли мы статью г. Соловьева; она самымъ удовлетворительнымъ образомъ разрѣшаетъ эти противорѣчія, объясняетъ доселѣ непонятное, темное въ древнихъ сказаніяхъ и въ весьма ясныхъ, по нашему крайнему разумѣнію, вѣрныхъ, истинныхъ чертахъ возсоздаетъ нашъ давно-прошедшій бытъ и нравы. Превосходно объяснены славянское гостепріимство, первоначальное значеніе рабства у Славянъ, положеніе женщины, роль, которую бракъ игралъ въ родовомъ быту, происхожденіе «вѣна», при-

даное и т. д. Здѣсь же мы встрѣчаемъ чрезвычайно любопытныя замѣчанія о языческомъ обрядѣ вѣнчанія и объясненія теперешнихъ свадебныхъ обрядовъ, очевидно сохранившихся отъ глубокой древности; о вѣчахъ, ихъ составѣ въ разныя времена и общей родовой собственности. Все это не только интересно, но поучительно и принадлежитъ къ существеннымъ пріобрѣтеніямъ русской археологіи. Только объясненія двухъ свадебныхъ обрядовъ, соблюдаемыхъ и понынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, показались намъ хотя и весьма остроумными, но нѣсколько натянутыми, и потому едва ли совершенно справедливыми. Вотъ что говоритъ авторъ:

«Похищеніе, при разрозненности родовъ, необходимо. Будучи слѣдствіемъ разрозненности и вражды, похищеніе дѣвицъ, въ свою очередь, производитъ вражду между родами; родъ, оскорбленный похищеніемъ, можетъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія: это самое ведетъ уже къ продажѣ дѣвицъ; похититель можетъ тотчасъ послѣ увода, не дожидаясь войны, предложить вознагражденіе. Но кромѣ этого, купля невѣстъ происходитъ, естественно, еще изъ другихъ причинъ; при разрозненности, отчужденности родовъ, долженъ необходимо развиться родовой эгоизмъ, который заставляетъ смотрѣть на женщину, съ самаго дня ея рожденія, какъ на чужую, назначенную для чужаго рода; родственники содержатъ дѣвушку, кормятъ и одѣваютъ ее не для себя, для чужихъ: отсюда, естественно, что они будутъ требовать отъ рода, въ который дѣвушка переходитъ, вознагражденія за содержаніе; однимъ словомъ, происхожденіе купли невѣстъ одинаково съ происхожденіемъ позднѣйшей платы за выводъ, или выводной куницы. На это ясно указываетъ обрядъ теперешней простонародной свадьбы въ нѣкоторыхъ областяхъ русскихъ: Подлѣ невѣсты сидитъ братъ или другой какой-либо свойственникъ. Дружко спрашиваетъ его: зачѣмъ сидишь здѣсь? — Я берегу свою сестру.—«Она уже не твоя, а наша», возражаетъ дружко.— А ежели она теперь ваша, то заплати мнѣ за ея прокормленіе. Я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ — «Что жь ты издержалъ?» спрашиваетъ дружко. — Много! восемь бочекъ бураковъ, четыре бочки капусты, и проч. Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько мелкихъ денегъ, кладетъ на деревянную тарелку и ставитъ на ней чарку водки; потомъ подноситъ ему, но онъ не беретъ, потому что мало. Дружко склоняетъ его на уступку, но онъ не соглашается; торгъ продолжается, пока не сойдутся въ цѣнѣ. По продажѣ невѣсты, братъ ея выходитъ изъ-за стола; на его мѣсто садится князь (женихъ).

«Обычай купли могъ поддерживаться и по другимъ причинамъ· родъ, купившій дѣвушку, слѣдовательно взявшій ее въ полную собственность, лишалъ ее через это всякой самостоятельности, и это давало ему ручательство въ безпрекословномъ ея повиновеніи и прочности брака; такимъ образомъ купля была выгодна для обѣихъ сторонъ. Но ясно, что такой родовой эгоизмъ долженъ былъ встрѣтить сопротивленіе въ родительской любви, которая, простираясь одинаково на сыновей и дочерей, требовала, чтобъ и послѣднія не исключались изъ наслѣдства, и, выходя изъ рода, брали свою часть, которая давала имъ возможность лучшаго существованія въ чужомъ родѣ; отсюда происхожденіе *приданаго*... Но если нѣжность родительская, при пособіи упомянутыхъ обстоятельствъ, стремилась къ уничтоженію купли дочерей и ко введенію въ обычай приданаго, то эгоизмъ рода долженъ былъ найтди себѣ защитниковъ въ братьяхъ невѣсты, которыхъ интересъ страдалъ оттого, что они не только не вознаграждались за содержаніе сестры во время ея дѣвической жизни; но еще отъ ихъ родовой собственности отнималась часть для ея приданаго. Отсюда обычай приданаго долженъ былъ встрѣтить себѣ сильныхъ противниковъ въ братьяхъ невѣсты, которые, безъ вѣдома родителей, могли сдѣлать всевозможныя препятствія браку сестеръ, пользуясь особенно своею физическою, молодецкою силою; отсюда необходимость со стороны жениха и его родичей задаривать братьевъ невѣсты, чтобъ они не мѣшали дѣлу, выкупать у нихъ сестру. О помѣхѣ, которую дѣлали братья при бракахъ сестеръ, и о выкупѣ у нихъ послѣднихъ свидѣтельствуютъ очень ясно простонародные наши свадебные обряды; такъ, напримѣръ: Женихъ сходитъ съ лошади, а на нее садится братъ невѣстинъ, или другой какой-нибудь свойственникъ, и скачетъ по улицѣ во всю прыть. Бояре (провожатые), сѣвъ на своихъ лошадей, обращаются за нимъ въ погоню. Схвативъ его, ведутъ къ невѣстѣ и предъ нею подчуютъ виномъ; тотъ кланяется и не пьетъ. Тогда дружко выпиваетъ вмѣсто его и наливъ другую чарку водки, подноситъ брату невѣсты; тотъ опять отказывается. Дружко спрашиваетъ: что тебѣ надобно?— «Денегъ». Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько денегъ, кладетъ на тарелку и подноситъ ему. Онъ беретъ деньги, выпиваетъ вино и слѣзаетъ съ лошади; тогда бояре бьютъ слегка по спинѣ его прутьями; онъ уходитъ отъ нихъ, потомъ возвращается и, взявъ обнаженную саблю, садится подлѣ невѣсты». Окончаніе обряда приведено выше. Кража лошади у жениха братомъ невѣсты и бѣгство его показываетъ ясно, что братъ невѣсты употреблялъ всѣ средства, чтобъ на счетъ жениха вознаградить себя за выводъ сестры изъ рода безъ продажи и даже съ приданымъ» (стр. 10—13).

Безспорно, на невѣстъ смотрѣли въ родѣ, какъ на чужихъ, и отсюда могла образоваться продажа ихъ, какъ вознагражденіе за издержки содержанія отъ рожденія до замужства. Но

почему же сестру продавалъ братъ, а не отецъ? Чувство любви отцовской противилось этому, скажутъ намъ? Нѣтъ. Во многихъ нашихъ свадебныхъ обрядахъ отцы жениха и невѣсты сами бьютъ по рукамъ, послѣднiй самъ передаетъ невѣсту изъ полы въ полу со всѣми обрядами обыкновенной продажи. Да и гораздо естественнѣе и легче представить себѣ, при господствѣ родоваго порядка, продажу невѣсты отцомъ, чѣмъ братомъ. Чтò жь послѣднiй могъ значить при живомъ отцѣ! Онъ былъ подчиненъ ему вполнѣ, не менѣе прочихъ. На этомъ основанiи сопротивленiе братьевъ браку сестры «безъ вѣдома родителей» и притомъ на основанiи «физической, молодецкой силы», кажется намъ въ эти отдаленныя времена совершенною невозможностью. Сынъ могъ оставить отца, завести свой домъ, жить особо — да; но препятствовать его волѣ, въ его домѣ, хотя бы и тайно—это просто немыслимо при родовомъ порядкѣ. Пословица, приведенная г. Соловьевымъ («тесть любитъ честь, зять любитъ взять, тёща любитъ дать, а шуринъ глаза жмуритъ, дать не хочется»), конечно, можетъ-быть и подтверждаетъ мысль, что братья не совсѣмъ любовно смотрѣли на выдачу сестрѣ приданаго, хотя — будь сказано мимоходомъ—приданое сначала было дѣломъ не столько родительской нѣжности, сколько родовой чести, выраженiемъ желанiя не уронить себя передъ родомъ жениха. Но чтò жь могло значить, какую силу могло имѣть это недовольство братьевъ, когда такъ хотѣлъ отецъ? Ровно ничего! Наконецъ допустимъ даже, что объясненiе г. Соловьева справедливо. Чтò жь значитъ, что когда братъ невѣсты, пойманный поѣзжанами на лошади жениха и задобренный деньгами, слѣзетъ съ лошади, они его бьютъ, а потомъ онъ является съ саблею подлѣ сестры и продаетъ ее? Считать вмѣстѣ съ авторомъ весь этотъ обрядъ за символическое представленiе, какъ братъ невѣсты употреблялъ всѣ средства вознаградить себя насчетъ жениха

за выводъ сестры безъ продажи и даже съ приданымъ—невозможно, и по многимъ причинамъ. Во первыхъ, въ символическій обрядъ принимаются только существенныя, необходимыя черты дѣйствительности, факта, а не случайныя. Братъ невѣсты могъ вознаградить себя тысячью различными способами: почему жь въ обрядъ принято именно бѣгство на жениховомъ конѣ, а не что-нибудь другое? Странно! Еще страннѣе, что, поймавъ брата невѣсты, поѣзжане сначала съ нимъ торгуются, потомъ, когда онъ слѣзетъ, бьютъ его по спинѣ плетью, а затѣмъ онъ снова является вооруженный подлѣ сестры и торгуется съ ними. Положимъ, побои означаютъ, что поѣзжане одержали верхъ надъ братомъ невѣсты; но тогда остальная часть обряда — безсмыслица, чего никакъ нельзя допустить, по общему его составу. Онъ, очевидно живой остатокъ весьма отдаленнаго времени, очень отчетливо и ясно воспроизводитъ какой-то бытовой фактъ; но какой именно—вотъ что̀ остается непонятнымъ, по крайней мѣрѣ для насъ, несмотря на остроумное объясненіе ученаго автора.

Вторая половина статьи г. Соловьева посвящена, какъ мы уже замѣтили, языческой религіи первобытныхъ Славянъ. Она, подобно первой, написана съ талантомъ, исполнена любопытныхъ замѣтокъ, ипотезъ, наведеній и сближеній. Особенно удачнымъ и вѣрнымъ, показалось намъ объясненіе значенія русалокъ, едва ли не въ первый разъ высказанное съ такой ясностью, и такъ убѣдительно. Но въ цѣломъ эту половину статьи мы нашли слабѣе первой. Общая картина славянскаго язычества, набросанная г. Соловьевымъ, не даетъ вполнѣ яснаго, отчетливаго представленія о предметѣ; встрѣчаются натяжки, толкованія болѣе или менѣе произвольныя, и слишкомъ смѣлыя ипотезы. Эти недостатки вполнѣ объясняются формою статьи г. Соловьева и предметомъ, которому посвящена вся вторая половина. Первоначальный общественный и домашній

бытъ Славянъ имѣетъ уже свою, можно сказать, богатую литературу. Много ученыхъ трудилось надъ нимъ; множество матеріяловъ, объясняющихъ этотъ бытъ, собрано и обработано съ большимъ тщаніемъ, подъ вліяніемъ самыхъ различныхъ воззрѣній. Поэтому теперь уже до нѣкоторой степени возможно представить удовлетворительное обозрѣніе этого быта въ общихъ чертахъ, и если довольно еще остается для него сдѣлать, то довольно уже сдѣлано, и сдѣлано хорошо. Славянская миѳологія находится до сихъ поръ въ совершенно иномъ положеніи. Изъ всѣхъ частей славянскихъ древностей это самая необработанная, самая заброшенная. Покуда матеріялы будутъ очищены отъ постороннихъ примѣсей, старыхъ и новыхъ, туземныхъ и иностранныхъ, сколько пройдетъ времени, а это только первая, черная работа; отъ нея до воссозданія картины нашихъ древнихъ вѣрованій предстоитъ еще длинный и тяжелый путь. Для изученія юридическаго быта Славянъ, теперь есть по крайней мѣрѣ хоть нѣсколько точекъ опоры, хоть нѣсколько добытыхъ изученіемъ общихъ началъ, положеній. Въ славянской миѳологіи покуда все шатко, все неопредѣленно; это хаосъ, не только «покрытый мракомъ неизвѣстности», но, что̀ гораздо хуже, завѣшенный покрываломъ лжи и нелѣпѣйшихъ выдумокъ, которое разорвать гораздо труднѣе, чѣмъ обработывать новый, еще нетронутый предметъ. Вотъ почему славянская миѳологія еще не укладывается въ «очеркъ». Объ ней что̀ ни слово, то вопросъ, затрудненіе. О системѣ, цѣломъ и мечтать нельзя. Только одна мелкая, невидная, и покамѣстъ неблагодарная разработка частныхъ фактовъ и возможна. Все это, конечно, не уменьшаетъ достоинствъ прекраснаго труда г. Соловьева, но только доказываетъ всю невозможность вѣрно схватить однѣ главныя черты русской миѳологіи въ сжатомъ изложеніи, на какихъ-нибудь тридцати страницахъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія, и чтобъ

отдѣлить въ статьѣ г. Соловьева вѣроятное и истинное отъ сомнительнаго и невѣрнаго, мы считаемъ небезполезнымъ войдти въ нѣкоторыя подробности.

Основываясь на Ипатьевской Лѣтописи, г. Соловьевъ говоритъ, что верховными божествами языческихъ Славянъ былъ Сварогъ, тожественный съ Перуномъ; сыновьями его были Солнце (Дажьбогъ, Хорсъ или Коросъ) и огонь. На все это есть доказательства. Но мы никакъ не можемъ согласиться съ авторомъ, когда онъ положительно утверждаетъ, что дидъ, ладо, лёль, люль, суть названія солнца, на томъ только основаніи, что въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» Русскіе названы «внуками» Дажьбога, что по древански Igolga значитъ дѣдъ, и что ладо значитъ свѣтъ, красота, миръ, любовь, радость. Названія по родству показываютъ только, что Славяне понимали свои отношенія къ другимъ людямъ и разнымъ языческимъ олицетвореніямъ подъ родовыми формами: такъ они понимали всѣ свои отношенія, почти безъ изъятій. Почему же дѣдъ, лель (хотя бы лель и значило дѣдъ) именно означали солнце, а не водянаго, напримѣръ, не домоваго? На это нужны доказательства, а г. Соловьевъ ихъ не приводитъ. Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ часто встрѣчаются выраженія «*мати* зеленая дубравушка», «*мать* сыра земля» и т. д. Домовой, водяной называются *дѣдушками*. Изъ этихъ названій можно вывести только древнее поклоненіе имъ, не болѣе. Чтò касается до *ладо*, то, на основаніи извѣстныхъ доселѣ данныхъ, можно даже положительно утверждать, что это слово не имѣетъ никакого прямаго отношенія къ поклоненію солнцу. Ладо — обыкновенный припѣвъ весеннихъ, троицкихъ, семицкихъ хороводовъ, гдѣ главными дѣйствующими лицами являются мужъ и жена, невѣста и женихъ. *Ладо* — жена, любимая дѣвушка. Все это доказываетъ, что ладо — если только когда-нибудь было у насъ божество этого име-

ни—могло имѣть прямое отношеніе къ браку, любви, а не къ солнцу. Далѣе г. Соловьевъ говоритъ, что солнце называлось у Славянъ карачуномъ, и какъ божество губительное, у Сербовъ называется «старымъ кровникомъ». Но, во первыхъ, чѣмъ же доказано, что празднованіе «карачуна» есть празднованіе солнца? Что̀ же касается до названія старый кровникъ, то оно въ пѣсни о смерти Марка Кралевича, на 42 стихъ которой ссылается авторъ, относится не къ солнцу, а къ божеству вообще; слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія видѣть въ этомъ эпитетѣ характеристику именно солнца, а не другаго какого-нибудь божества.

Нѣсколько строкъ ниже читаемъ, что имя Ладо, языческаго божества, послѣ принятія христіянства перешло въ имя бѣса и получило дурное значеніе; въ доказательство г. Соловьевъ приводитъ выраженія: ступай къ ладу или ляду, лядащій — дрянной, слабый. Конечно, есть много примѣровъ такого превращенія языческихъ боговъ и другихъ олицетвореній, подъ вліяніемъ христіянства, въ злыхъ духовъ и дьяволовъ; но все-таки мы не знаемъ, правъ ли авторъ въ настоящемъ случаѣ. Ладо и теперь значитъ согласіе, единомысліе; всѣ слова, отсюда проистекающія, не противорѣчатъ этому основному смыслу. Поэтому мы, съ своей стороны, затрудняемся производить лядъ, лядащій, отъ ладо, тѣмъ болѣе, что гласныя *а* и *я* полагаютъ и теперь большое различіе въ смыслѣ приведенныхъ словъ; это не можетъ быть случайно именно потому, что различіе всегда и вездѣ выдержано; для насъ, по крайней мѣрѣ, очевидно, что слова лядъ и лядащій должны имѣть какой-нибудь другой корень.

Слѣдующее затѣмъ объясненіе значенія Стрибога и Волоса основано на прямыхъ свидѣтельствахъ; но тутъ же встрѣчаемъ весьма гадательное предположеніе, что Волосъ — божество, взятое, можетъ-быть, отъ Финновъ. Да и самыя со-

мнѣнія въ славянствѣ Волоса показались намъ весьма произвольными; авторъ сомнѣвается потому только, что всѣ прочіе, исчисляемые Несторомъ, языческіе боги — стихійные, одинъ Волосъ богъ скота. Но что̀ жь изъ этого? Почему жь это было невозможно? — Значеніе Симарглы и Мокоша неизвѣстны. Имя Симарглы покойный Прейсъ дѣлитъ на сема и регла и считаетъ ихъ за одно съ ассирійскими божествами сходныхъ названій. Несмотря на авторитетъ покойнаго профессора, мы, признаемся, не безъ большаго недовѣрія смотримъ на филологическія сближенія тамъ, гдѣ объясняемый предметъ извѣстенъ только по имени, и то, можетъ-быть, искаженному; они оставляютъ слишкомъ много простора фантазіи, догадкамъ — пути, на которомъ сбился не одинъ изслѣдователь. Въ отношеніи къ такимъ предметамъ нужно повременить, выждать открытія новыхъ источниковъ, или наступленія поры, когда весь предметъ такъ будетъ разработанъ, что можно, на основаніи извѣстнаго, дѣлать вѣрныя, основательныя посылки къ неизвѣстному. Оттого-то мы воздерживаемся отъ всякихъ филологическихъ операцій надъ именемъ Симарглы, которыя могли бы сдѣлать это названіе болѣе понятнымъ, и обращаемся снова къ статьѣ г. Соловьева.

За изчисленіемъ и объясненіемъ именъ боговъ, слѣдуетъ обозрѣніе языческаго богослуженія. Изъ него, говоритъ авторъ, «ясно видно, что праздники, въ древности, совершались въ честь стихійныхъ божествъ». Замѣтимъ, что ниже авторъ говоритъ особливо о праздникахъ въ честь мертвыхъ, слѣдственно здѣсь онъ имѣетъ въ виду поклоненіе однимъ изчисленнымъ выше божествамъ. Какіе же это праздники? Г. Соловьевъ насчитываетъ только три: Коляду, Масляницу и Купалу, и соединенный съ послѣднимъ праздникъ Ярилы. Всѣ они, по его мнѣнію, празднованіе солнца, сперва «когда оно начнетъ брать силу, дни начинаютъ прибывать», потомъ въ

началѣ весны и наконецъ, «когда солнце достигаетъ высшей степени своей силы и дѣятельности».

Съ этимъ общимъ построеніемъ нашихъ языческихъ праздниковъ мы не можемъ согласиться по многимъ причинамъ. Дѣйствительно, между праздниками есть послѣдовательность и связь; но опредѣляются ли онѣ поклоненіемъ солнцу — вотъ вопросъ. Мы думаемъ, что такимъ опредѣленіемъ служило постепенное оживленіе природы послѣ зимняго поворота солнца, весною и лѣтомъ, и постепенное замираніе ея осенью, и смерть зимою. Солнце, играющее первую, важнѣйшую роль въ этихъ перемѣнахъ, безспорно, было, именно по этому, однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ поклоненія; но сводить къ солнцу всѣ праздники — несогласно съ фактами, ибо въ нихъ мы легко открываемъ слѣды отдѣльнаго поклоненія разнымъ явленіямъ и силамъ природы, въ разныя времена года. Такъ празднуется время любви, воспроизводящая сила природы, созрѣваніе травъ и тысяча другихъ предметовъ. Между нѣкоторыми изъ нихъ существовала связь, единство въ понятіяхъ язычниковъ; между другими, несмотря на ихъ сродство, не было повидимому никакой связи. Въ чемъ состояла она, или почему ея не было, какое значеніе имѣла эта соединенность и эта безсвязность въ общей системѣ вѣрованій — вотъ вопросы, которые должна рѣшить наука. Построеніе языческихъ вѣрованій на основаніи нашихъ теперешнихъ понятій такъ же ошибочно, такъ же безплодно для науки, какъ было безплодно и безрезультатно изслѣдованіе отношеній удѣльнаго періода съ точки зрѣнія европейскаго феодализма. Въ эту ошибку, какъ намъ кажется, впалъ г. Соловьевъ, излагая древнія языческія вѣрованія и празднества. Онъ видитъ одно солнцепоклоненіе въ древнемъ богослуженіи, тогда какъ совокупность богослужебныхъ языческихъ обрядовъ, напротивъ, свидѣтельствуетъ о первобытномъ, младенческомъ обожаніи цѣлой природы во

всѣхъ ея проявленіяхъ. За этой основной ошибкой естественно должны развиться множество другихъ, затемняющихъ и искажающихъ предметъ. Вѣрованіямъ языческихъ Славянъ подкладывается система, которой они, судя по тому, что̀ мы знаемъ, не имѣли; рождается вопросъ о чиноположеніи боговъ, до котораго славянская миѳологія не развилась, и едва-едва начинала подниматься; потомъ само собою слѣдуетъ вообще перенесеніе на славянское язычество миѳологическихъ представленій другихъ народовъ того же взгляда, того же метода изслѣдованія. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ на этомъ пути, мы въ концѣ концовъ недоумѣвая спрашиваемъ себя: да чѣмъ же славянская миѳологія отличается отъ миѳологій всѣхъ другихъ народовъ? И справедливо! Въ хаосѣ готовыхъ, извнѣ привнесенныхъ понятій и подмѣченныхъ кой-какихъ фактовъ и началъ, произвольно сшитыхъ по даннымъ образцамъ, всякая мысль потеряется, всякій умъ станетъ въ тупикъ. Странное дѣло! Мы повторяемъ себѣ тысячу разъ, что извѣстіями о славянскихъ богахъ надо пользоваться съ величайшей осторожностью и строгой критикой; что славянскій Олимпъ — предметъ самый запутанный и трудный, да отчасти и подозрительный; мы смотримъ съ недовѣріемъ на олицетворенія въ славянской миѳологіи, замѣчая по всему складу и характеру языческихъ представленій, что Славянинъ поклонялся непосредственно природѣ, и что антропоморфизмъ только сталъ показываться, когда настало христіянство. И что̀ же? Зная все это, мы продолжаемъ сбиваться въ прежнюю колею, стараемся открыть и постигнуть генеалогію славянскихъ боговъ, стройную систему въ вѣрованіяхъ!

Желаніе привести все языческое богослуженіе Славянъ къ солнцепоклоненію, естественно, вовлекло г. Соловьева въ другую важную ошибку. Онъ находитъ у насъ только три-четыре праздника, тогда какъ извѣстныхъ теперь несравненно

болѣе; стóитъ только заглянуть въ собранія гг. Снегирева, Терещенки, Сахарова. А сколько праздниковъ еще вовсе неизвѣстныхъ! Пишущій эти строки имѣлъ несказанное наслажденіе просматривать богатые этнографическіе матеріялы, поступившіе изъ разныхъ мѣстностей Россіи въ Императорское Географическое Общество, и удостовѣриться, что о многихъ народныхъ праздникахъ, очевидно остаткахъ глубокой старины, мы не имѣемъ до сихъ поръ никакого понятія. Огромное большинство этихъ праздниковъ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ поклоненію солнцу. Оттого г. Соловьевъ и не говоритъ объ нихъ. Это, очевидно, слѣдствіе ошибочнаго воззрѣнія на славянскую миѳологію.

Вотъ что̀ мы нашли нужнымъ сказать вообще противъ основнаго взгляда г. Соловьева на народные праздники, и противъ мысли, что послѣдніе совершались въ честь однихъ стихійныхъ божествъ. Не менѣе ошибочны, сомнительны или гадательны показались намъ и многія частности, относящіяся къ описанію праздниковъ. Авторъ находитъ «очень вѣроятнымъ» производство коляды отъ ко-Ладу, или коло-Лада. Но почему жь оно вѣроятно? Это предположеніе старинное и давно брошенное, потому что неудовлетворительно. Тожество Лада и Ляда еще вопросъ; притомъ, какъ нарочно, «Ладо» не встрѣчается ни въ одной колядской пѣснѣ, а между тѣмъ слышится весьма часто въ пѣсняхъ и хороводахъ, сопровождающихъ весенніе праздники. Было ли божество Плуга, это еще вопросъ, и производство отъ него словъ плюгавый, плюгавство, едва ли можетъ быть принято безъ предварительныхъ изслѣдованій. Такъ же бездоказательны ипотезы, что масляница и встрѣча весны — одинъ праздникъ, отнесенный частью на конецъ рождественскаго мясопуста, частью на свѣтлое воскресенье, оттого, что приходился въ великій постъ; что праздникъ Ярилы первоначально отправлялся въ петров-

скомъ посту и «по всѣмъ вѣроятностямъ» совпадалъ съ праздникомъ Купалы, а въ послѣдствіи тоже перенесенъ на другіе дни. Подобныя перестановки и раздробленія языческихъ праздниковъ безспорно были; доказательствомъ можетъ служить то, что всѣ они пріурочены къ христіянскому календарю. Но при неразработанности нашей миѳологіи очень трудно возстановить первоначальную ихъ хронологію. Г. Соловьевъ самъ приводитъ изъ собранія г. Сахарова примѣръ празднованія весны на пятой недѣлѣ поста въ Тульской губерніи и празднованіе Ярилы, 24 іюня; одинъ такой фактъ показываетъ, съ какою осторожностью надо касаться этого темнаго предмета; ибо, если сохранился праздникъ въ одной мѣстности, то невольно спрашиваешь себя, отчего не сохранился онъ въ другой? Приходишь къ мысли, что его и не было здѣсь, и когда нѣтъ положительныхъ доказательствъ противнаго, этотъ выводъ едва ли не есть во всякомъ случаѣ самый безошибочный. Замѣтимъ кстати, что масляница дѣйствительно носитъ на себѣ многіе признаки весенняго праздника; но въ то же время, и можетъ-быть еще болѣе, она, какъ и святая недѣля, напоминаетъ праздники въ честь мертвыхъ. Обычай же кататься въ саняхъ по улицамъ—не только масляничный, а вмѣетѣ и святочный; слѣдовательно, невозможно пріурочивать одинъ праздникъ къ другому, по одному этому признаку, какъ дѣлаетъ г. Соловьевъ.

Продолжая сближенія народныхъ праздниковъ съ поклоненіемъ солнцу, авторъ говоритъ, между прочимъ, что религіозное значеніе и «прямое отношеніе» хороводовъ къ солнцу «не подлежитъ сомнѣнію», и доказываетъ это тѣмъ, что названіе ихъ происходитъ отъ Короса или Хороса — божества солнца, и кромѣ того ихъ круговою формою. Чтò касается до религіознаго значенія хороводовъ, то мы вполнѣ согласны съ авторомъ; но этимологія хороводовъ, ихъ отношеніе къ солнцу, кажется намъ далеко недоказаннымъ. Такъ же произвольнымъ находимъ

мы мнѣніе, будто сожженіе «бѣлаго пѣтуха» въ день Купалы относится къ солнцу; что курица, по самому своему названію (куръ, отъ коръ, корсъ, хорсъ), птица «угодная солнцу». Курица играетъ большую роль въ свадебныхъ обрядахъ; пѣтухъ приносился въ жертву домовому, зарывался въ землю при тайныхъ обрядахъ «опахиванія», и т. д. Являясь въ столь различныхъ обрядахъ и языческихъ дѣйствіяхъ, курица и пѣтухъ не могли быть исключительно посвящены солнцу; по крайней мѣрѣ, одни филологическія сближенія не могутъ рѣшить дѣла безъ предварительныхъ тщательныхъ разысканій.

Разсмотрѣвъ «поклоненіе стихійнымъ божествамъ», г. Соловьевъ переходитъ «къ другой половинѣ славянской миѳологіи, именно къ поклоненію геніямъ и душамъ усопшихъ». О выводахъ и филологическихъ сближеніяхъ автора, относящихся къ этому предмету, мы скажемъ ниже, при разсмотрѣніи изслѣдованій о домовомъ, г. Аѳанасьева. Здѣсь ограничимся замѣчаніемъ, что въ обозрѣніи повѣрій объ умершихъ и праздниковъ, доселѣ соблюдаемыхъ въ честь ихъ, также встрѣчается много такого, съ чѣмъ нельзя безусловно согласиться. Авторъ говоритъ, что «радуница» до христіянства, безъ сомнѣнія, соединялась съ масляницей, что послѣднее названіе есть позднѣйшее и сближаетъ названіе «радуницы» съ латинскимъ radius, лучъ. Но на чемъ все это основано?—«Вилы» южныхъ Славянъ, по его мнѣнію, одинакаго происхожденія съ «русалками». Но гдѣ жь доказательства? Ихъ нѣтъ и на 20 стр. изслѣдованій г. Буслаева (о вліяніи христіянства на славянскій языкъ), на которыя указываетъ авторъ. Почему скандинавскіе карлики nar, nainn были «полнымъ олицетвореніемъ» навіевъ, и «духи» въ видѣ карликовъ, славянскіе людки, были «не что̀ иное, какъ души умершихъ»—г. Соловьевъ то же не объясняетъ, а созвучныя названія не рѣшаютъ дѣла. То же должно сказать объ измѣненіи малороссійскихъ «мавокъ» въ

«навокъ», которыя мы съ такимъ же правомъ измѣняемъ въ «малокъ»; о словопроизводствѣ **коровая** отъ корса или хорса, названій солнца. Наконецъ, намъ кажутся слишкомъ смѣлыми, слишкомъ обобщенными заключенія, что «у восточныхъ Славянъ было въ обычаѣ закланіе и приготовленіе яствы, **покормъ**, а не **сожженіе**» и, что «всего болѣе заставило уважать деревья и приносить предъ ними жертвы» вѣрованіе, будто души обитаютъ въ лѣсахъ, на деревьяхъ, преимущественно на дубахъ»; безспорно, однако, что оба положенія вполнѣ справедливы, если только ихъ привести въ надлежащія границы.

Вотъ почти все, что̀ намъ показалось слабымъ, недоказаннымъ, или невѣрнымъ въ статьѣ г. Соловьева. Ея достоинства, имя автора и новость предмета налагали на насъ обязанность не пропустить ничего безъ вниманія. Спѣшимъ прибавить, что рядомъ съ указанными недосмотрами и неточностями, мы встрѣчаемъ во второй половинѣ статьи много превосходныхъ замѣчаній и взглядовъ. Такъ въ пѣніи коляды и собираніи приношеній авторъ справедливо видитъ остатокъ собиранія приношеній для общей жертвы. Въ игрѣ «горѣлки» подмѣчены, весьма остроумно, остатки умыкиваній «съ нею же съвѣщашеся», о которыхъ говоритъ лѣтописецъ; не знаемъ только, почему авторъ относитъ горѣлки къ празднованію Ярилы; сколько мы знаемъ, этой игры не бываетъ на праздникѣ Ярилы; такъ же неудачна этимологія горѣлокъ отъ **горящихъ** костровъ (на 24 іюня). Драгоцѣнны, по своей вѣрности, замѣтки о первобытной враждебности между собою родовъ по враждебному значенію въ теперешнихъ повѣрьяхъ «чужаго» домоваго; о соотвѣтствіи между оживаніемъ природы и умершихъ; о сродствѣ между семикомъ и масляницею. Весьма справедливо отвергаетъ авторъ существованіе у русскихъ Славянъ языческихъ храмовъ и жрецовъ, и ставитъ на ихъ мѣсто родона-

чальниковъ, главъ семействъ; взглядъ его на человѣческія жертвы у Славянъ вѣренъ истинѣ и исполненъ безпристрастія. Есть и кромѣ того, много другихъ прекрасныхъ замѣтокъ и сближеній.

Но лучшія, по нашему мнѣнію, страницы этой половины статьи принадлежатъ изслѣдованіямъ о русалкахъ; въ своемъ родѣ онѣ могутъ быть признаны образцовыми. Русалки, по мнѣнію г. Соловьева, суть души умершихъ. Эта мысль была уже высказана г. Буслаевымъ, но мимоходомъ и безъ доказательствъ. Теперь она обставлена доводами, противъ которыхъ трудно спорить. Знатоки славянскаго быта находятъ, что это изслѣдованіе неполно, потому что авторъ не воспользовался безчисленными повѣрьями о русалкахъ, распространенными между Словаками. Можетъ-быть; но, въ замѣнъ, г. Соловьевъ превосходно воспользовался русскими повѣрьями. Можно дополнить его изслѣдованія, но едва ли можно сказать о томъ же предметѣ что-нибудь новое. Позволимъ себѣ одно замѣчаніе: не слишкомъ ли широко опредѣлено значеніе русалокъ? Кажется, подъ ними нельзя разумѣть души всѣхъ вообще умершихъ, а только молодыхъ женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей. Приведенное въ эти границы мнѣніе г. Соловьева кажется намъ вполнѣ справедливымъ. Въ заключеніе выписываемъ общій выводъ автора о язычествѣ восточныхъ Славянъ. Въ немъ есть много спорнаго, но много и справедиваго, основательнаго.

«Религія эта состояла, во первыхъ, въ поклоненіи стихійнымъ божествамъ; во вторыхъ, въ поклоненіи душамъ умершихъ, которое условливалось родовымъ бытомъ и изъ котораго преимущественно развилась вся славянская демонологія. Вслѣдствіе также родоваго быта у восточныхъ Славянъ не могло развиться общественное богослуженіе, не могло образоваться жреческое сословіе: отсюда частію объясняется то явленіе, что язычество у насъ, не имѣя ничего противопоставить христіянству, такъ легко уступило ему общественное мѣсто; но будучи религіею рода, семьи, дома, оно надолго осталось здѣсь. Если бы у насъ язычество изъ домашней религіи успѣло перейдти въ общественную и пріобрѣсти всѣ учрежденія послѣдней, то безъ сомнѣнія оно

гораздо долѣе велѡ бы явную борьбу съ христіянствомъ; но за то, разъ побѣжденное, оно не могло бы оставить глубокихъ слѣдовъ; если бы христіянство имѣло дѣло съ жрецами, храмами и кумирами, то, низложивъ ихъ, оно покончило бы борьбу; язычникъ, привыкшій къ общественному богослуженію, и лишенный храма и жреца, не могъ бы долго оставаться язычникомъ: еслибъ онъ вздумалъ возстановить храмъ и собрать жрецовъ, то это было бы явное сопротивленіе торжествующей религіи, которое влекло бы за собою опять явное пораженіе. Но язычникъ Русскій не имѣлъ ни храма, ни жреца, и потому безъ сопротивленія допустилъ строиться новымъ для него храмамъ, съ служителями божества, оставаясь въ то же время съ прежнимъ храмомъ — домомъ, съ прежнимъ жрецомъ — отцомъ семейства, съ прежними жертвами у колодца, въ рощѣ. Трудно было бороться съ тайнымъ служеніемъ божествамъ скрываемымъ, домашнимъ» (стр. 53 и 54).

«О значеніи Изгоевъ и состояніи изгойства въ древней Руси». Превосходная, образцовая статья издателя «Архива», адъюнкта Московскаго университета, г. Калачова. Слово «изгой» долго было загадкой, надъ которой напрасно ломали себѣ голову изслѣдователи. Въ недавнее время, съ открытіемъ устава Новгородскаго князя Всеволода-Гавріила о церковныхъ судахъ, русская исторія пріобрѣла драгоцѣнное свидѣтельство объ изгояхъ, сколько мы помнимъ впервые напечатанное въ извѣстномъ сводномъ изданіи «Русской Правды» г. Калачова. Оказалось, что изгои не были племенемъ, какъ думалъ Карамзинъ, но составляли въ древней Руси сословіе или званіе. На основаніи упомянутаго свидѣтельства и филологическихъ изслѣдованій, авторъ доказываетъ, что при чисто-родовомъ быту нашихъ предковъ изгои были то же, что сироты, т. е. лица, непринадлежащія ни къ какому родовому союзу, и потому беззащитныя, чуть-чуть не безправныя. Съ появленіемъ первыхъ зачатковъ гражданственности, стали возникать гражданскія сословія и союзы, которые, какъ дальнѣйшее развитіе родовой среды, изъ которой выросли, носили на себѣ глубокіе признаки родоваго патріархальнаго порядка. Въ эту вторую эпоху изгои получили уже значеніе людей, почему-либо непринадлежащихъ

къ гражданскимъ общинамъ, званіямъ и союзамъ и были такъ же беззащитны, какъ сироты. Этихъ людей, стоявшихъ внѣ патріархальнаго, родоваго и первоначальнаго гражданскаго общежитія приняла подъ свою защиту и покровительство церковь, почему изгои-сироты и были церковные люди. Вотъ основная мысль, развитая г. Калачовымъ съ рѣдкимъ знаніемъ и замѣчательнымъ историко-критическимъ талантомъ. По статьѣ разсѣяно много глубокихъ замѣчаній о нашемъ древнемъ бытѣ, обличающихъ въ авторѣ вѣрный и тонкій историческій тактъ. Мы съ своей стороны вполнѣ согласны съ авторомъ, и въ цѣломъ и въ бóльшей части подробностей, и считаемъ его статью за важное, существенное пріобрѣтеніе русской исторической литературы. Это одна изъ тѣхъ монографій, какія встрѣчаются, къ сожалѣнію очень, очень рѣдко.

«О наслѣдственности древнихъ сановъ въ періодъ времени отъ 1054 до 1240 года»—сочиненіе г. Погодина. Въ этой статьѣ авторъ собралъ лѣтописныя свидѣтельства о всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ (кромѣ князей, духовенства и Новгородцевъ) за означенный періодъ времени, и изъ соображенія этихъ свидѣтельствъ вывелъ слѣдующіе интересные результаты: 1) саны или достоинства, высшія должности, принадлежали у насъ въ древности извѣстнымъ родамъ, и передавались какъ-бы по наслѣдству отъ отца къ сыну, подобно княжескому сану; по крайней мѣрѣ они принадлежали, поручались по преимуществу лицамъ изъ извѣстныхъ родовъ. Послѣднее намъ кажется вѣроятнѣе, потому что въ лѣтописяхъ попадаются, напримѣръ, выраженія: такой-то князь вдаде такую-то тысячу такому-то; 2) бояре служили бóльшею частью у однихъ князей, то есть послѣ отцовъ дѣтямъ; впрочемъ есть примѣры и переходовъ бояръ; 3) наконецъ множество иноплеменниковъ (изъ Финновъ, Половцевъ, Козаръ, Ляховъ, Чеховъ, Варяговъ, Ясовъ, Евреевъ, Мордвы) при-

ходили служить нашимъ князьямъ и занимали у нихъ высшія должности. — Всѣ эти результаты, конечно, не новы, но они интересны потому, что обставлены доказательствами и фактами. Вообще статья г. Погодина очень полезна, «какъ приготовленіе къ изслѣдованію о родословныхъ книгахъ, начало къ описанію службы русскаго дворянства въ древнѣйшее время».

«О монгольскихъ чиновникахъ на Руси, упоминаемыхъ въ ханскихъ ярлыкахъ» г. Бѣляева. «Достовѣрность и неподложность дошедшихъ до насъ ханскихъ ярлыковъ — говоритъ авторъ — уже осязательно доказана однимъ изъ нашихъ оріенталистовъ, г. Григорьевымъ, въ его изслѣдованіи, писанномъ въ 1842 году; а потому теперь изученіе этихъ ярлыковъ будетъ не безполезно для занимающихся русскою исторіею, особенно для тѣхъ, кто имѣетъ своимъ предметомъ исторію внутренней жизни государства. Я на первый разъ беру на свою долю объясненіе разныхъ наименованій монгольскихъ чиновниковъ и правителей, упоминаемыхъ въ ярлыкахъ; впрочемъ и эту часть не думаю рѣшать окончательно, и буду доволенъ, ежели мой посильный трудъ возбудитъ вопросъ объ этомъ предметѣ и подстрекнетъ другихъ, особенно оріенталистовъ, заняться симъ важнымъ дѣломъ». Скромный авторъ, уже извѣстный своими трудами по русской исторіи, сдѣлалъ, однако, больше, чѣмъ сколько обѣщаютъ выписанныя нами строки. Онъ не столько разъяснилъ, по бóльшей части изъ русскихъ источниковъ, значеніе разныхъ монгольскихъ чиновниковъ упомянутыхъ въ ханскихъ ярлыкахъ, но коснулся отчасти и управленія Россіи этими нашельцами. Вообще статья весьма любопытна и представляетъ полезный и поучительный отрывокъ ученаго изслѣдованія о монгольскомъ владычествѣ въ Россіи по русскимъ источникамъ.

«Мѣрило Праведное». Подъ этимъ заглавіемъ напечатано въ «Архивѣ» изслѣдованіе г. Калачова о древнихъ сборникахъ

особаго состава и юридическаго содержанія. По мнѣнію автора, эти сборники дошли до насъ въ первоначальномъ ихъ видѣ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, привезены изъ Византіи; послѣднее видно изъ того, что источники этихъ сборниковъ суть или самостоятельныя произведенія греческой юридической литературы, или перешли къ намъ чрезъ посредство нашего перваго духовенства, прибывшаго изъ Греціи. Кромѣ греческихъ источниковъ эти сборники содержатъ въ себѣ и наши туземные памятники — какъ постановленія, такъ и матеріялы судебной практики. Этимъ доказывается, что греческіе юридическіе сборники, послужившіе основаніемъ для позднѣйшихъ русскихъ, дѣйствительно употреблялись въ нашемъ древнемъ судопроизводствѣ. Изъ подробнаго разсмотрѣнія различныхъ редакцій «Мѣрила Праведнаго» и описанія ихъ содержанія, г. Калачовъ выводитъ, что подъ этимъ именемъ дѣйствительно извѣстны юридическіе сборники, составленные преимущественно въ руководство судьямъ и, слѣдовательно, имѣвшіе практическое значеніе; что названіе свое эти сборники получили отъ заглавія, означающаго праведный судъ; что одна ихъ часть есть введеніе, включенное сюда съ цѣлью увѣщанія и назиданія судей, и сначала могла быть самостоятельнымъ сочиненіемъ, но въ послѣдствіи, какъ часть сборниковъ, сама получила названіе Мѣрила Праведнаго, и въ этомъ видѣ попадается отдѣльно, даже въ хронографахъ. — Статья г. Калачова относится къ внѣшней исторіи русскаго законодательства. Судить объ ея ученомъ достоинствѣ мы не беремся, предоставляя это спеціяльнымъ знатокамъ нашей рукописной литературы.

«Дополненія и прибавленія къ II тому Сказаній Русскаго Народа», собранныхъ г. Сахаровымъ. Подъ скромнымъ названіемъ «дополненій» г. Буслаевъ (авторъ извѣстнаго русскому ученому міру изслѣдованія «о вліяніи христіянства на славянскій языкъ») напечаталъ въ «Архивѣ» не только осно-

вательный, дѣльный разборъ нѣкоторыхъ отдѣловъ втораго тома «Сказаній» и дополненія къ нимъ изъ рукописныхъ и старопечатныхъ источниковъ, но представилъ цѣлое собраніе любопытнѣйшихъ частныхъ розысканій. Вся статья раздѣлена на двѣ половины. Одна имѣетъ предметомъ «Словари русскаго языка», другая «Русскую народную годовщину», составляющія пятую и седьмую книги «Сказаній». Въ обозрѣніи словарей г. Буслаевъ показываетъ чрезвычайную важность этихъ памятниковъ для миѳологіи, древностей, исторіи грамотности и литературы, наконецъ, для исторіи языка и слога; подтверждаетъ каждое положеніе нѣсколькими выписками и частными изслѣдованіями, и указываетъ на значительнѣйшіе недостатки и неполноты изданія г. Сахарова. Въ разборѣ русской народной годовщины авторъ помѣстилъ дополненіе къ книгѣ г. Сахарова и нѣсколько замѣтокъ и изслѣдованій, въ доказательство, какъ важны для объясненія преданій древнѣйшія формы языка и старинные памятники литературы. Вотъ общая рамка, канва статьи. Что̀ касается до самаго содержанія, то его трудно передать читателямъ. Какъ мы сказали, это сборъ отдѣльныхъ фактовъ, замѣтокъ, изслѣдованій, несоставляющихъ цѣлаго, но очень любопытныхъ и важныхъ для науки. Такъ мы находимъ здѣсь объясненія словъ: «наузы», «вѣно», разсказъ преданія объ «Аспидѣ»; замѣтки о словахъ «строка» «iedwab (шелкъ, шелковая матерія)», «крьнути», «гость, полкъ, колимагъ», «скала», «людъ», «рота», «весна»; замѣтки объ источникахъ народныхъ пѣсенъ и стиховъ, и связи съ тѣми и другими азбуковниковъ или словарей; объясненіе словъ «индрикъ», «стратимъ», встрѣчающихся въ Голубиной Книгѣ, «истина и правда»; изслѣдованіе о славянскихъ названіяхъ мѣсяцевъ, о домовомъ, чурѣ и огнищѣ; замѣтки о словѣ «пестрый», о первоначальной формѣ слова солнце. Кромѣ того, много дополненій, выписокъ изъ источниковъ, и по поводу ихъ

разныя изслѣдованія и выводы. Трудъ г. Буслаева можетъ быть оцѣненъ только специялистами; онъ не предназначенъ для чтенія, и не есть литературная, а чисто-ученая статья. Въ этомъ послѣднемъ значеніи она имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства, хотя съ нѣкоторыми выводами, именно относительно домоваго, мы не можемъ вполнѣ согласиться.

«Дополненія и прибавленія къ собранію русскихъ народныхъ пословицъ и притчей» изданному И. Снегиревымъ. Статья, которой заглавіе мы выписали, принадлежитъ г. Аѳанасьеву, и содержитъ въ себѣ текстъ пословицъ (болѣе 460-ти и къ нимъ слишкомъ 60 варіянтовъ), которыхъ нѣтъ въ собраніи г. Снегирева, или варіянты и дополненія къ напечатаннымъ въ этомъ собраніи, съ коротенькимъ предисловіемъ. Здѣсь авторъ между прочимъ говоритъ о важномъ историческомъ значеніи пословицъ и поговорокъ, и въ доказательство предлагаетъ опытъ возстановленія постепеннаго развитія родоваго быта на основаніи нѣкоторыхъ пословицъ, сохранившихся до нашего времени. Мы совершенно раздѣляемъ взглядъ г. Аѳанасьева на ходъ развитія нашего патріархальнаго, родоваго быта, и на измѣненія, которымъ онъ послѣдовательно подвергался; но едва ли авторъ правъ, считая пословицы, которыя онъ приводитъ, свидѣтелями отдаленной, сѣдой старины. Тутъ есть недоразумѣніе. Родовой порядокъ, сошедши со сцены въ высшихъ сферахъ, опредѣляющихъ народную жизнь, продолжалъ существовать и развиваться въ низшихъ, въ сферѣ гражданскихъ отношеній, въ быту общинъ, міровъ, семей; и теперь еще онъ въ нихъ далеко не изгладился. Будучи, и сперва и потомъ, основанъ на однихъ и тѣхъ же началахъ, онъ долженъ былъ производить одни и тѣ же явленія въ разныхъ сторонахъ нашего юридическаго быта, несмотря на то, что, по времени, хронологически, развитіе ихъ раздѣлено вѣками. Пословицы, происхожденіе которыхъ г. Аѳанасьевъ относитъ

къ незапамятнымъ временамъ русской исторіи, съ бóльшимъ основаніемъ и гораздо естественнѣе должны быть приписаны эпохѣ сравнительно позднѣйшей, которой онѣ и носятъ признаки по редакціи и самому содержанію. Въ нихъ постоянно слышится крестьянскій міръ, крестьянскій бытъ. Возможность примѣнить ихъ къ незапамятнымъ временамъ не доказываетъ ихъ древности, потому что, какъ мы сказали, тотъ и другой бытъ имѣютъ большое сходство, только развивались они въ разныхъ сферахъ.

Это вообще. Обратимся къ частностямъ. Многія пословицы объяснены правильно; въ нѣкоторыхъ остроумно подмѣченъ прежній смыслъ, который онѣ теперь утратили; но встрѣчаются и неправильныя толкованія. Такъ къ спорамъ, которые происходили на вѣчахъ и кончались такъ часто драками и побоищими, подведена пословица: «мірская слеза велика», неимѣющая никакого отношенія къ этимъ усобицамъ. Къ этимъ же распрямъ, разрушавшимъ родовой распорядокъ, подведена пословица « въ полѣ съѣзжаются, родомъ не считаются»; но она очевидно взята изъ позднѣйшихъ временъ мѣстничества, когда съѣзжавшимся воеводамъ приказывалось царскими указами «быти безъ мѣстъ». Что касается до объясненія мировъ — замиреніями, то оно намъ кажется весьма справедливымъ; но авторъ едва ли правъ, видя въ нихъ первые зачатки вѣчей. Послѣднія, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще древнѣйшаго происхожденія и коренятся въ семейныхъ, родовыхъ совѣтахъ. Что касается до текста пословицъ, сообщенныхъ г. Аѳанасьевымъ, то польза увѣковѣченія печатью устныхъ народныхъ памятниковъ не требуетъ доказательствъ и объясненій. Каждый подобный трудъ заслуживаетъ полной благодарности.

Въ концѣ собранія пословицъ и поговорокъ приложено, составленное г. Буслаевымъ указаніе на источники, въ которыхъ встрѣчаются пословицы, вполнѣ или близко подходящія къ нѣ-

которымъ (именно двадцати) изъ напечатанныхъ въ собраніи Сахарова.

«Нѣсколько словъ о примѣтахъ» К. Кавелина. Опытъ объясненія нѣкоторыхъ примѣтъ языческими вѣрованіями.

«Дѣдушка домовой», г. Аѳанасьева. Загадочныя и въ высшей степени любопытныя повѣрья о домовыхъ естественно должны были обратить на себя особенное вниманіе изслѣдователей русской старины. Какъ сложилось представленіе о домовомъ? вотъ вопросъ, который задавали себѣ гг. Соловьевъ, Буслаевъ и Аѳанасьевъ, и, несмотря на видимое различіе въ точкахъ отправленія, рѣшили одинаково, по крайней мѣрѣ въ главныхъ основаніяхъ. Ихъ изслѣдованія и выводы соединены въ одной книжкѣ, и потому кстати будетъ разсмотрѣть ихъ вмѣстѣ, по поводу монографіи г. Аѳанасьева.

Г. Соловьевъ говоритъ, что у Славянъ было поклоненіе геніямъ и душамъ усопшихъ; что при вѣрѣ въ загробную жизнь естественно было прійдти къ вѣрованію, будто душа умершаго родоначальника и по смерти остается съ своимъ родомъ, блюдетъ за его благосостояніемъ. Отсюда выводитъ онъ и происхожденіе духовъ покровителей для цѣлаго рода и каждаго родича — родъ и рожаницъ. Далѣе, тоже въ значеніи рода, является, по мнѣнію г. Соловьева, и шуръ, дѣдъ, прадѣдъ, сохранившійся въ составномъ «пращуръ»; щуръ же предполагаетъ форму чуръ, подъ которой собственно и извѣстно божество, охраняющее родъ, домъ, и сохранившееся въ заклинаніяхъ «чуръ меня». Оба—чуръ и родъ— одно и то же. Съ упадкомъ родоваго быта и съ усиленіемъ христіянства на счетъ язычества, оба перешли на домоваго.

Г. Буслаевъ видитъ въ домовомъ божество домашней жизни и роднаго крова, ведущее начало изъ нѣдръ простаго семейнаго быта. Названіе, придаваемое домовому— дѣдъ, дѣдушка, по мнѣнію г. Буслаева, прямо указываетъ на родовую

связь обитателей дома съ невидимымъ ихъ оберегателемъ; но эту родовую связь онъ объясняетъ не тѣмъ, что домовой былъ олицетвореніемъ умершихъ предковъ, а взглядомъ язычниковъ, по которому они считали людей и самыя стихіи внуками и потомками божества. Затѣмъ авторъ разсматриваетъ сущность вѣрованій въ домоваго, и открываетъ ее въ поклоненіи очагу; но это поклоненіе въ древнѣйшую эпоху находилось въ тѣсной связи съ погребеніемъ мертвыхъ и вѣрованіемъ въ души усопшихъ. Пепелъ и угли, какъ символъ роднаго крова и домоваго генія, въ глубокую древность могли имѣть въ глазахъ язычниковъ тѣмъ бо́льшее значеніе, что постоянно напоминали какъ жертву богамъ, такъ и прахъ родителей и предковъ; названіе домоваго дѣдомъ весьма естественно напоминало имъ не только бога-родоначальника, но и пепелъ предковъ. Наконецъ, одинакое жертвоприношеніе какъ домовому, такъ и погребаемымъ или же сожигаемымъ мертвецамъ убѣждаетъ, по мнѣнію г. Буслаева, еще болѣе въ связи поклоненія домашнему очагу съ религіознымъ благоговѣніемъ къ пеплу отцовъ. Чуръ, божество разграничивавшее имѣніе, тоже находилось, какъ думаетъ г. Буслаевъ, въ прямомъ отношеніи къ домовому генію и его символу, очагу съ пепломъ и углями.

Наконецъ г. Аѳанасьевъ, составившій о домовомъ цѣлую монографію, въ главныхъ чертахъ приходитъ къ тѣмъ же результатамъ. «Вѣра въ домоваго», говоритъ онъ, «тѣсно связана съ языческимъ обожаніемъ огня (небеснаго въ образѣ Дажьбога и Перуна, и земнаго — въ образѣ Сварожича) и умершихъ предковъ». Въ подтвержденіе этого положенія авторъ приводитъ доказательства, уже изложенныя выше и новыя. Главнѣйшія изъ послѣднихъ суть слѣдующія: поклоненіе Славянъ душамъ умершихъ предковъ во время язычества не подлежитъ сомнѣнію. А души умершихъ наши предки-язычники представляли себѣ въ образѣ огня; вотъ почему домовой—

представитель очага, домашняго огня, слился въ вѣрованіяхъ съ дѣдушкою, представителемъ рода. Благодѣтельное значеніе обоихъ для семьи, дома, въ свою очередь помогло этому слiянiю. Съ олицетвореніемъ же этихъ вѣрованій въ образѣ домоваго, на него перенесены всѣ благотворныя дѣйствія очага и качества домовитаго хозяина, какимъ былъ старшій въ родѣ.

Вотъ три мнѣнія, въ доказательство которыхъ приведены свидѣтельства древнихъ памятниковъ, теперешнія повѣрья и филологическія изслѣдованія. Несмотря на различія, всѣ они сходятся въ томъ, что домовой, будучи символомъ, олицетвореніемъ очага и домашняго быта, въ то же время соединяетъ въ себѣ представленіе объ умершихъ предкахъ, покровителяхъ и благотворителяхъ потомковъ, ихъ быта и счастія. Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ и думаемъ, что одна первая половина вывода справедлива; что не только въ повѣрьяхъ о домовомъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ поклоненія тѣнямъ усопшихъ предковъ, но что даже во всемъ, что̀ мы доселѣ знаемъ, нѣтъ тѣни, намека на поклоненіе русскихъ Славянъ «предкамъ въ смыслѣ пенатовъ», невидимо пребывающихъ въ домѣ, жилищѣ потомковъ. Чтобъ доказать послѣднее положеніе, обратимся къ фактамъ.

Главные доводы названныхъ нами выше изслѣдователей основаны на соображеніяхъ, выводахъ, а не на прямыхъ свидѣтельствахъ или преданіяхъ. Повѣрья и обычаи, указывающіе на поклоненіе предкамъ-пенатамъ, на связь ихъ съ повѣрьями о домовыхъ, приведены г. Соловьевымъ и Аѳанасьевымъ; но они относятся къ финнской миѳологіи, а не къ русской. Это совершенное молчаніе нашихъ языческихъ преданій о такомъ важномъ предметѣ, конечно, изумительно. Столько разсказовъ и повѣрій объ упыряхъ, о томъ, какъ мертвые выходятъ на землю, входятъ въ домы своихъ родственниковъ, садятся за приготовленные имъ столы—и ни одного повѣрья о томъ, что

они остаются жить въ домахъ своихъ потомковъ. Если это вѣрованіе было, почему же именно оно не сохранилось, а другія сохранились? Но допустимъ на минуту, что эти вѣрованія, по какому-то странному случаю, дѣйствительно изчезли изъ теперешнихъ преданій. Стало-быть, они были когда-нибудь, и о нихъ остались извѣстія?

Гг. Соловьевъ и Аѳанасьевъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно. Они ссылаются на вѣрованія въ «рода» и «рожаницы». Но эти вѣрованія, во первыхъ, не имѣютъ, повидимому, никакого отношенія къ умершимъ предкамъ; повѣрье Хорутанъ это доказываетъ; по ихъ разсказамъ рожаница является вмѣстѣ съ рожденіемъ человѣка. Да сколько мы знаемъ, родъ, въ первоначальномъ смыслѣ слова, означалъ не предковъ, а потомковъ, и потому, кажется, и не могъ быть предметомъ обоготворенія. Наконецъ, положимъ даже, что родъ, рожаницы, имѣли тотъ смыслъ, который придаютъ имъ оба изслѣдователя. Чѣмъ же доказать, что подъ ними разумѣлись именно предки, оставшіеся невидимо жить въ домѣ, пенаты, а не вообще предки, которые по извѣстнымъ и еще теперь живо сохранившимся повѣрьямъ выходятъ къ своимъ роднымъ изъ могилъ только въ извѣстное, опредѣленное время? Этого нельзя вывести ни изъ одного мѣста, приведеннаго гг. Соловьевымъ и Аѳанасьевымъ. А при отсутствіи другихъ данныхъ, послѣднее толкованіе имѣетъ больше вѣроятностей въ свою пользу, чѣмъ первое. Изъ всего этого мы заключаемъ, что ни въ настоящемъ, ни въ прошедшемъ, нѣтъ повѣрій, которыя бы подтверждали мысль о существованіи въ славянской миѳологіи предковъ-пенатовъ. Разсмотримъ теперь выводы и соображенія, которыми доказывается противное въ отношеніи къ домовому.

Домовой, говорятъ гг. Буслаевъ и Соловьевъ, называется **дѣдомъ**, **дѣдушкой**, что̀ указываетъ на родственныя отношенія

къ жильцамъ дома. Дѣйствительно, это названіе показываетъ, что языческіе Славяне сознавали свои отношенія къ божеству очага подъ родственными формами. Такъ они называютъ себя внуками Дажьбога солнца, въ дѣйствительности не происходя отъ него. Слѣдовательно, эти эпитеты ничего не доказываютъ. «Поклоненіе домовому божеству», говоритъ г. Буслаевъ: «въ древнѣйшую эпоху было въ тѣсной связи съ погребеніемъ мертвыхъ и вѣрованіемъ въ души усопшихъ». Въ доказательство приводится, что въ древнѣйшія времена горы служили кладбищами и мѣстами для поклоненія богамъ; покормъ богамъ имѣетъ связь съ стравою; игры и хороводы, совершаемые на горахъ и кладбищахъ, напоминаютъ тризну. Во всѣхъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ доводахъ развивается мысль, что поклоненія богамъ и усопшимъ предкамъ были между собою очень близки. Это конечно могло быть, и даже вѣроятно было, особенно съ того времени, какъ сталъ вырабатываться антропоморфизмъ. Но гдѣ жь видно отношеніе всего этого къ поклоненію предкамъ-пенатамъ? Доказываетъ ли оно, что домовой—остатокъ поклоненій предкамъ-пенатамъ? Уголь и пепелъ, символъ роднаго крова, могли напоминать и жертву богамъ, и прахъ родителей, и предковъ; но это нисколько не доказываетъ ипотезы о значеніи домоваго.

Гораздо важнѣе и повидимому убѣдительнѣе доводъ, что какъ домовому, такъ и погребаемымъ или сожигаемымъ мертвецамъ приносились одинакія жертвы. Г. Буслаевъ приводитъ нѣсколько данныхъ въ доказательство, что пѣтухъ и кошка были обычныя жертвы на похоронахъ, и ими же чествовали домоваго. Г. Аѳанасьевъ открываетъ и другія, общія тѣмъ и другимъ, жертвы — масло и вино. Ближайшее разсмотрѣніе предмета показываетъ однако, что это сходство болѣе чѣмъ сомнительно. Во первыхъ, изъ трехъ, приведенныхъ г. Буслаевымъ примѣровъ принесенія въ жертву на похоронахъ кошки и пѣ-

туха два (именно первый и послѣдній) суть очевидно умилостивительныя жертвы богамъ, а не мертвымъ. Остается одно свидѣтельство Ибнъ-Фоцлана о сожженіи пѣтуха на похоронахъ. Но пѣтухъ, сколько теперь извѣстно, является въ столь различныхъ языческихъ празднествахъ, что покуда нельзя составить себѣ яснаго понятія о томъ, какую роль онъ игралъ въ русской миѳологіи. Пѣтуха, какъ извѣстно, приносили въ жертву и на праздникѣ Купалы; пѣтуха зарывали при опахиваніяхъ. Также неопредѣлимо покуда и миѳологическое значеніе кошки; изъ нея вываривалась косточка-невидимка въ лѣсу или въ полѣ, вдали отъ жилья. Что же касается до возліяній вина и масла, о которыхъ говоритъ г. Аѳанасьевъ, то стòитъ только вспомнить, что эти жертвы приносились бадняку, котораго тожество съ очагомъ или домовымъ далеко еще не доказано. Вообще замѣтимъ, что общіе, одинаковые предметы жертвоприношеній въ двухъ различныхъ обрядахъ еще не доказываютъ и не могутъ доказывать тожества обрядовъ и предметовъ поклоненія, къ которымъ они относятся. Признаки эти сами по себѣ такъ отвлеченны и общи, что нельзя рѣшать окончательно. Сверхъ того въ нашей миѳологіи, еще неразработанной, гдѣ подобныя сходства и одинаковости нерѣдко встрѣчаются въ предметахъ очевидно различныхъ, неимѣющихъ между собою ничего общаго, на однихъ этихъ признакахъ невозможно основывать такія важныя, коренныя положенія, каково тожество домоваго съ умершими предками.

На основаніи всего сказаннаго мы думаемъ, что домовой былъ у насъ ничѣмъ другимъ, какъ олицетвореніемъ очага, жилья, дома, потомъ и двора. На это олицетвореніе перенесены всѣ свойства и качества хозяина; домовой даже называется иногда хозяиномъ. По народнымъ повѣрьямъ онъ является въ образѣ домовладѣльца, хозяина, такъ что съ послѣднимъ его и не различишь. Чтò касается до щуръ, чуръ (прибавимъ отъ

себя польское и малороссійское щуръ — крыса, и ящуръ — ящерица), то на нихъ трудно основать какіе-нибудь выводы, такъ какъ мы до сихъ поръ о нихъ ничего не знаемъ. Притомъ, если между этими названіями и есть какое-нибудь отношеніе, объясняемое древними языческими вѣрованіями, то оно во всякомъ случаѣ не можетъ служить къ объясненію характера домоваго, съ которымъ эти предметы не имѣютъ никакой непосредственной связи, вопреки положительному отзыву г. Соловьева.

Несмотря на ошибочное, по нашему мнѣнію, воззрѣніе, лежащее въ основаніи статьи г. Аѳанасьева, монографія его имѣетъ большія достоинства. Авторъ обнаружилъ въ ней замѣчательный критическій талантъ и большой смыслъ къ археологическимъ изслѣдованіямъ; статья наполнена превосходными замѣчаніями, мыслями, объясненіями и безъ преувеличенія можетъ быть названа одной изъ лучшихъ статей «Архива». Мы съ своей стороны прочли его изслѣдованія съ величайшимъ наслажденіемъ и рекомендуемъ ихъ всѣмъ любителямъ русской археологіи.

Всѣ разобранныя нами статьи — оригинальныя. Изъ переводныхъ, въ отдѣлѣ иностранныхъ изслѣдованій и актовъ помѣщено критическое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: «Несторъ и Карамзинъ», напечатанное въ вышедшихъ въ 1830 году въ Дерптѣ «Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, mitgetheilt von. J. Ph. G. Ewers. Имя автора неизвѣстно. Помѣщеніемъ вѣрнаго перевода этой статьи, безъ всякихъ измѣненій, г. Калачовъ оказалъ большую услугу русской исторической литературѣ, какъ по существенному критическому достоинству самой статьи, такъ и по рѣдкости книги, въ которой она напечатана. Въ предисловіи издатель представляетъ подробныя свѣдѣнія о «Studien» и о напечатанной изъ нихъ въ «Архивѣ» статьѣ, и въ примѣчаніяхъ, приложенныхъ въ концѣ

ея, исправляетъ частныя ошибки въ ней встрѣчающіяся и развиваетъ, между прочимъ, въ противность мнѣнію ея автора, что ни Святославъ, ни Владиміръ не дѣлили своихъ владѣній между своими дѣтьми, а только поручали имъ въ управленіе области на томъ же основаніи, какъ намѣстникамъ и посадникамъ, и что въ первый разъ появляется сознательное раздѣленіе Россіи на княженія, хотя и подъ чисто-родовыми формами, при Ярославѣ. Замѣчаніе это, подкрѣпленное фактами, служитъ очень любопытнымъ поясненіемъ и дополненіемъ къ исторіи развитія родоваго начала въ древней Россіи.

Таковъ составъ и содержаніе первой книжки «Архива». Надѣемся, что такое замѣчательное въ русской исторической литературѣ явленіе, счастливо начавшее собою нынѣшній годъ, найдетъ поддержку въ читателяхъ и сотрудникахъ. Какъ мы слышали, много любопытнѣйшихъ матеріяловъ уже заготовлено и на вторую книжку. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ ея появленія.

Описаніе Государственнаго Архива Старыхъ Дѣлъ, *составленное инспекторомъ Государственныхъ Архивовъ и членомъ разныхъ Ученыхъ Обществъ, П. Ивановымъ. Москва 1850.*

Всѣмъ, хотя и немного знакомымъ съ учрежденіемъ Правительствующаго Сената извѣстно, что при немъ состоитъ нѣсколько архивовъ, предназначенныхъ для храненія собственно-сенатскихъ дѣлъ и, кромѣ того, дѣлъ, производившихся въ другихъ правительственныхъ учрежденіяхъ разныхъ временъ и эпохъ русской исторіи. Такихъ архивовъ четыре: одинъ въ Санктпетербургѣ — сенатскій и три въ Москвѣ: Разрядный, Государственный Старыхъ Дѣлъ и Вотчинный, который доселѣ

называется Департаментомъ. Въ Архивы Сенатскій и Разрядный поступаютъ оконченныя дѣла и бумаги изъ Санктпетербургскихъ и Московскихъ Департаментовъ Сената; но въ Разрядномъ, сверхъ того, хранятся—какъ видно уже изъ его названія, дѣла бывшаго Разряда или Разряднаго Приказа; въ Государственномъ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ находятся дѣла и бумаги разныхъ присутственныхъ мѣстъ, нынѣ упраздненныхъ; наконецъ, въ Вотчинномъ Департаментѣ сохраняются дѣла и бумаги о вотчинныхъ и помѣстныхъ правахъ, производившіяся въ Помѣстномъ Приказѣ, Вотчинной Коллегіи и другихъ учрежденіяхъ, теперь уже несуществующихъ.

Г. Ивановъ, по своему служебному положенію, въ качествѣ инспектора сенатскихъ архивовъ, имѣющій не только возможность, но и обязанность во всѣхъ подробностяхъ знать ихъ, оказалъ значительныя услуги русской исторіи и въ особенности исторіи древняго русскаго законодательства. Въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ съ неутомимою ревностью и съ просвѣщенною заботливостью о пользахъ науки трудился надъ составленіемъ описаній Государственныхъ Московскихъ Архивовъ. Плодомъ этихъ трудовъ были изданныя имъ, въ продолженіе четырнадцати лѣтъ, шесть сочиненій, которыя, излагая разные предметы и отрасли русскаго законодательства, въ то же время содержатъ въ себѣ весьма подробное описаніе матеріяловъ, хранящихся въ архивахъ, множество выписокъ изъ этихъ памятниковъ старины, и указанія, какъ и въ какомъ видѣ они сберегаются. Такъ мы имѣемъ теперь описаніе Вотчиннаго Департамента въ «Систематическомъ Обозрѣніи помѣстныхъ правъ и обязанностей», въ «Обозрѣніяхъ» московскихъ, новгородскихъ и псковскихъ писцовыхъ книгъ, наконецъ въ «Опытѣ историческаго изслѣдованія о межеваніи земель въ Россіи»; Разрядный Архивъ описанъ г. Ивановымъ, особливо, въ одномъ сочиненіи; но кромѣ того почтенный авторъ напол-

нилъ цѣлые два тома «Русскаго Историческаго Сборника» (II и V) любопытнѣйшими дѣлами, извлеченными изъ того же Архива, о древнемъ мѣстничествѣ—дѣлами, которыя обогатили русскую историческую литературу множествомъ новыхъ данныхъ, пролили яркій свѣтъ на явленіе древней русской жизни, до того времени понимаемое весьма смутно, и сдѣлали возможнымъ его ученое систематическое изслѣдованіе. Независимо отъ этихъ трудовъ, г. Ивановъ издалъ въ 1845 году общее обозрѣніе ввѣренныхъ его управленію архивовъ, подъ названіемъ «Путеводитель по Государственнымъ Архивамъ». Для полноты ихъ спеціяльнаго описанія недоставало еще описанія Архива Старыхъ Дѣлъ. Теперь и оно окончено, и составляетъ содержаніе разбираемой нами книги. Всѣ эти многосложныя и утомительныя въ подробностяхъ работы совершены г. Ивановымъ, по его собственнымъ словамъ, «какъ для облегченія частныхъ лицъ, при извлеченіи справокъ изъ архивныхъ документовъ, такъ и, для обнаруженія историческихъ и юридическихъ матеріяловъ для русскихъ ученыхъ, которые бы захотѣли ими воспользоватся при своихъ изслѣдованіяхъ». Этихъ словъ достаточно, чтобъ показать, съ какою прекрасною цѣлью г. Ивановъ посвятилъ долгое время и усиленный трудъ на составленіе своихъ сочиненій.

«Описаніе Государственнаго Архива Старыхъ Дѣлъ» содержитъ въ себѣ историческое обозрѣніе присутственныхъ мѣстъ и учрежденій, дѣла которыхъ въ немъ хранятся, съ показаніемъ, къ которымъ годамъ оня относятся и какого они рода. Въ «Приложеніяхъ» напечатаны нѣкоторые древнѣйшіе и любопытнѣйшіе документы описываемаго Архива вполнѣ, другіе сообщены въ выпискахъ; также помѣщены вѣдомости о хранящихся въ Архивѣ бумагахъ, наконецъ снимки съ разныхъ документовъ XV — XVII вѣка, въ числѣ двадцати-пяти. Изъ вступленія и обозрѣнія присутственныхъ мѣстъ видно, что

Архивъ Старыхъ Дѣлъ первоначально заведенъ въ 1782 году, въ одно время съ учрежденіемъ губерній, для храненія документовъ упраздненныхъ тогда мѣстъ. Въ послѣдствіи, въ разное время, сюда же поступали дѣла и бумаги и другихъ учрежденій, равнымъ образомъ уже упраздненныхъ, а наконецъ, въ 1834, въ составъ Архива введенъ бывшій Санктпетербургскій Архивъ Старыхъ Дѣлъ. Въ настоящее время въ немъ хранятся дѣла и бумаги патріаршихъ приказовъ — разряда или суднаго, дворцоваго, казеннаго, духовнаго, книгопечатнаго дѣла и церковныхъ дѣлъ (бывшей тіунской избы), и сверхъ того, нѣкоторыхъ другихъ приказовъ, а именно: монастырскаго, каменнаго, суднаго, сыскнаго, сибирскаго и преображенскаго; камеръ, ревизіонъ и мануфактуръ-коллегій, коллегіи экономіи и юстицъ-коллегіи, банковой конторы для дворянства, главной соляной конторы, камеръ-конторы лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, цалмейстерской, штатсъ-юстицъ и ямской конторъ; канцелярій: Московской губернской, Дмитровской воеводской, корчемной и ея конторъ, конфискаціи, преображенской, тайной и полиціймейстерской; коммиссіи строеній каменныхъ зданій въ Санктпетербургѣ и Москвѣ; коммиссіи отъ моровой язвы въ Москвѣ, о построеніи Казанскаго Собора въ Санктпетербургѣ, о вспомоществованіи разореннымъ отъ непріятеля въ 1812 году, о разоренныхъ въ 1812 году отъ непріятеля въ Москвѣ, коммиссіи составленія свода запрещеній и разрѣшеній на имѣнія; нѣкоторыхъ коммиссій по частнымъ дѣламъ, а именно: коммиссіи по долгамъ оберъ-шенка графа Головина, по дѣламъ тайной совѣтницы Брискорнъ, о воеводѣ Пензы Жуковѣ, для изслѣдованія о фальшивыхъ векселяхъ, по дѣламъ и долгамъ шкловскаго имѣнія; комитетовъ о милиціи, санктпетербургскаго и ярославскаго ополченія, для разсмотрѣнія лифляндскихъ дѣлъ; казначействъ: штатныхъ и остаточныхъ; экономическихъ правленій — синодальнаго и Елецкаго, Московской и Санктпетер-

бургской ратушъ, Главнаго и Московскаго магистратовъ, экспедицій—о заведеніи въ Россіи винокуренныхъ заводовъ и розыскной; наконецъ ландратскія книги и ревизскія сказки первыхъ четырехъ ревизій.

Изъ нынѣ существующихъ присутственныхъ мѣстъ и установленій въ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ хранятся дѣла и документы Московской Управы Благочинія, Бронницкаго Уѣзднаго Суда, московскихъ генералъ-губернаторовъ (1771—1781), московскихъ Словеснаго и Надворнаго судовъ и запретительныя книги московской Гражданской Палаты.

О всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, теперь закрытыхъ, которыхъ дѣла хранятся въ Архивѣ, находимъ въ книгѣ г. Иванова подробныя историческія свѣдѣнія, бо̀льшею частію заимствованныя изъ «полнаго Собранія Законовъ», нѣкоторыя изъ дѣлъ Архива и другихъ источниковъ. Эти описанія имѣютъ свою цѣну и важность, особенно тѣ, которыя составлены на основаніи неизданныхъ документовъ. Совсѣмъ тѣмъ, мы находимъ, что они могли бы быть лучше. Авторъ не довольно заботился о расположеніи собранныхъ имъ о каждомъ присутственномъ мѣстѣ матеріяловъ въ систематическомъ порядкѣ. Оттого описанія его большею частію не что̀ иное, какъ хронологическій перечень узаконеній, даже не всегда соображенныхъ между собою. Этотъ главный недостатокъ повторяется во всѣхъ сочиненіяхъ почтеннаго автора. Его «Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей» именно по этому вышло довольно слабо, сбивчиво и неудовлетворительно въ ученомъ отношеніи, хотя достоинства его и важность, какъ сборника матеріяловъ, не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Кромѣ этихъ общихъ недостатковъ, мы замѣтили при чтеніи обозрѣній нѣкоторые частные недосмотры и ошибки. Такъ напримѣръ, на стр. 13-й авторъ упоминаетъ о Высочайшей резолюціи 1721 г. 19 ноября, въ силу которой дѣла Монастыр-

скаго Приказа переданы въ вѣдомство Синода, крестьяне же по гражданскому управленію, суду и сбору податей отъ него поставлены въ зависимость; вслѣдъ затѣмъ г. Ивановъ говоритъ: «Впрочемъ, несмотря на эти распоряженія, существованіе Монастырскаго Приказа продолжалось». Онъ опустилъ здѣсь изъ вида, что поставленіе предметовъ вѣдомства Монастырскаго Приказа въ зависимость отъ Синода еще не значило, что самый приказъ былъ уничтоженъ. На стр. 27-й авторъ перечисляетъ предметы вѣдомства Суднаго Приказа, отнесенныя къ нему въ разныя времена, а съ постепеннымъ отнесеніемъ тѣхъ и другихъ предметовъ существенно измѣнялся самый характеръ этого установленія, такъ что оно должно бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ служить эпохою въ исторіи Суднаго Приказа. Но г. Ивановъ не обращаетъ на это никакого вниманія. Оттого исторія Суднаго Приказа у него вышла суха, и главныя событія ея остались въ тѣни, тогда какъ они должны бы быть выставлены на первомъ планѣ, и слѣдовало бы указать важное значеніе ихъ въ исторіи русскаго законодательства. На стр. 31-й г. Ивановъ начинаетъ исторію Сибирскаго Приказа съ 1637 года, на основаніи «записныхъ книгъ», а между тѣмъ извѣстно, что этотъ Приказъ существовалъ гораздо раньше, подъ названіемъ «Чети дьяка Варѳоломея Иванова», и упоминается подъ этимъ названіемъ въ «записныхъ книгахъ» уже съ 1596 года. На стр. 43-й читаемъ, что Ревизіонъ-Коллегія уничтожена съ открытіемъ казенныхъ палатъ, а на слѣдующей 44-й стр. сказано, что въ Архивѣ хранятся дѣла этой коллегіи съ 1718 по 1806 годъ. Новое положеніе объ управленіи губерній издано въ 1775 году и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ было уже вводимо во всей Россіи: спрашивается, какъ же могли сохраниться дѣла этой коллегіи до 1806 года, когда она была уничтожена гораздо раньше? Вотъ для примѣра нѣсколько недосмотровъ; есть, кромѣ

нихъ, и другіе, о которыхъ мы не упоминаемъ, боясь излишними подробностями утомить читателей.

Самая интересная и, безпорно, самая важная часть сочиненія г. Иванова—приложенія. Здѣсь помѣщены подъ заглавіемъ «Судныя дѣла, грамматы и другіе юридическіе акты», двадцать-четыре древнія, весьма любопытныя грамматы—правыя, жалованныя, закладныя, мѣновыя, разъѣзжія и одно духовное завѣщаніе. Это собраніе, по времени, оканчивается 1623 годомъ и составляетъ для изучающихъ исторію древняго русскаго законодательства драгоцѣнное дополненіе къ изданіямъ Археографической Коммиссіи. Укажемъ въ особенности на жалованную граммату патріарха Іова монастырямъ Благовѣщенскому-Нижегородскому и Константиновскому во Владимірскомъ уѣздѣ о дани и повинностяхъ ихъ крестьянъ. Затѣмъ слѣдуетъ подъ названіемъ «Выписки изъ нѣкоторыхъ любопытныхъ документовъ», весьма удачно и съ знаніемъ дѣла составленный выборъ изъ разныхъ древнихъ памятниковъ, хранящихся въ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ; здѣсь помѣщено всего пятнадцать статей. Особеннаго вниманія заслуживаютъ изъ нихъ: память 1625 года Сибирскому архіепископу Макарію о управленіи епархіею; опись книгъ патріарха Филарета Никитича, 1630 г. 25 августа; царская граммата въ Бѣлгородъ, 1648 года, объ исправленіи нравовъ и искорененіи остатковъ языческихъ празднествъ; выписка изъ статейнаго списка русскаго посольства въ Польшу, 1673 года, въ которой находимъ весьма подробный разсказъ о погребеніи короля Михаила и коронаціи Яна III; выписка изъ столовыхъ книгъ о кушаньяхъ, подававшихся патріархамъ въ праздники и опредѣленные дни; наконецъ вѣдомость о числѣ крестьянскихъ дворовъ, принадлежавшихъ монастырямъ, церквамъ и вообще духовному вѣдомству по переписнымъ книгамъ 1700 года. Изъ послѣдняго документа видно, что общее число крестьянскихъ дворовъ, принад-

лежавшихъ, въ началѣ XVIII вѣка, церкви и духовенству, простиралось до 128,430. Самымъ богатымъ дворовладѣльцемъ былъ Троицкій-Сергіевъ монастырь: ему принадлежало 20,394 двора; затѣмъ патріарху 8,842 двора; послѣ нихъ, по количеству владѣемыхъ дворовъ, слѣдовали: Кирилло-Бѣлозерскій монастырь (5,316 дв.), ростовскій архіерей (4,398), Спасскій монастырь въ Ярославлѣ (4,049), Ипатьевскій-Костромской (3,684), Чудовъ (3,061), Богословскій-Переяславле-Рязанскій (2,906), Новоспасскій (2,654), Симоновъ (2,508), Воскресенскій на Истрѣ (2,464), Ново-дѣвичій (2,346), Колязинскій (2,165), Вознесенскій-дѣвичій въ Москвѣ (2,125), Савинскій (2,057), Покровскій-Суздальскій дѣвичій (2,053), Борисоглѣбскій Ростовскаго уѣзда (2,027), Рождественскій Владимірскій (1,851), Печерскій-Нижегородскій (1,665), рязанскій митрополитъ (1,639), суздальскій архіерей (1,603), Донской монастырь (1,510), Іосифовъ на Ламскомъ Валу (1,409), вологодскій архіерей (1,315), Пафнутьевскій-Боровскій монастырь (1,227), Трифоновъ-Успенскій въ Вятской Епархіи (1,154), крутицкій архіерей (1,050), тверской архіерей (1,020), монастыри: Горитскій Переяславля-Залѣсскаго (1,015), и Богоявленскій Костромской (1,000 дв.);— московскіе соборы: Благовѣщенскій, Архангельскій и Успенскій имѣли, первый—638, второй—413, а третій—269 дворовъ. Такимъ образомъ шести митрополитамъ и архіереямъ, патріарху, двадцати тремъ монастырямъ и тремъ Московскимъ соборамъ принадлежало 91,827 дворовъ. Все же остальное число ихъ (36,603) распредѣлялось между 204 монастырями (30,061), семью духовными властями (2,313) и 278 пустынями, соборами и церквами (4,229). Всѣ эти свѣдѣнія весьма любопытныя, заимствованы изъ сказокъ Генеральнаго Двора по Вотчинному Архиву. Въ концѣ приложены: вѣдомость о числѣ хранящихся въ Государственномъ Архивѣ

Старыхъ Дѣлъ ландратскихъ книгъ и сказокъ 1, 2 и 3 ревизіи, по разнымъ городамъ и уѣздамъ, съ означеніемъ годовъ, къ которымъ онѣ относятся; вѣдомость о числѣ хранящихся въ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ документовъ, книгъ и вязокъ; наконецъ, снимки, о которыхъ мы уже говорили.

Заключимъ обозрѣніе этого новаго, во всѣхъ отношеніяхъ весьма любопытнаго и полезнаго труда г. Иванова его собственными словами о важности Архива Старыхъ Дѣлъ въ практическомъ и историческомъ отношеніяхъ:

«Хотя этотъ Архивъ, по обилію матеріяловъ, необходимыхъ для справокъ къ выдачѣ казеннымъ мѣстамъ и частнымъ лицамъ, при доказательствахъ на право собственности и право личное, и не можетъ равняться съ Архивами Разряднымъ и Вотчиннымъ, но тѣмъ не менѣе и онъ бываетъ нуженъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а именно: хранящіяся въ этомъ Архивѣ грамоты и выписки изъ писцовыхъ книгъ, также описи церковныхъ земель, могутъ служить доказательствами при разрѣшеніи споровъ по имѣніямъ, принадлежавшимъ прежде монастырямъ и прочему духовенству, а нынѣ поступившимъ въ казенное или частное владѣніе. То же самое можно сказать и о писцовыхъ книгахъ московскихъ церковныхъ земель, представляющихъ самыя положительныя свѣдѣнія о количествѣ принадлежавшей въ прежнія времена этимъ церквамъ земли. Ревизскія сказки 1-й, 2-й и 3-й ревизій, рѣшенія упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, крѣпостныя книги Юстицъ-Коллегіи и ея Конторы, послужные списки и тому подобные акты суть оффиціяльные документы, нерѣдко заключающіе доказательства для разрѣшенія судебныхъ процессовъ. Но независимо отъ сего, документы этого Архива едва ли не преимущественно важны въ юридическомъ и историческомъ значеніяхъ. Въ немъ заключается богатѣйшее и, можно сказать, единственное въ Россіи собраніе древнихъ грамотъ (болѣе 15,000), объемлющее пространство времени отъ второй половины XIV, до начала XVIII столѣтія, т. е. почти весь московскій періодъ, самый богатый постепеннымъ развитіемъ права, во всѣхъ его отрасляхъ. Юристъ-изслѣдователь здѣсь найдетъ неизчерпаемый источникъ для экзегетической обработки отечественной юриспруденціи. Хранящіяся въ Архивѣ грамоты не только разрѣшатъ для него всѣ юридическіе вопросы сотнями примѣровъ древняго судопроизводства и объяснятъ приложенія къ тогдашней практикѣ извѣстныхъ уже законовъ, но даже откроютъ многіе факты законодательства, теперь и неподозрѣваемые учеными, и пополнятъ тѣ значительные пробѣлы, которые мы замѣчаемъ въ исторіи отечественнаго права. Кромѣ того это собраніе служитъ неистощимымъ запасомъ для нашей пале-

ографіи и дипломатики... Историкъ отечественный, разсмотрѣвъ эти грамоты, писанныя въ теченіи пяти столѣтій, увидитъ въ числѣ ихъ множество разныхъ документовъ, совершенныхъ лицами, извѣстными въ нашей исторіи. Тутъ откроетъ онъ богатый источникъ для нашей отечественной генеалогіи знаменитыхъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій. Но едва ли не полезнѣе всѣхъ сихъ случаевъ эти грамоты для исторіи Россійской Церкви и ея іерархіи. Знаменитый Шлёцеръ еще въ 1805 году справедливо замѣтилъ, что изданіе хотя бы одного хронологическаго реэстра — когда какое основано епископство, съ именами и преемствами всѣхъ епископовъ, много послужило бы къ изъясненію самыхъ русскихъ лѣтописей и избавило бы изслѣдователя отъ скучныхъ трудовъ и предостерегло отъ нѣкоторыхъ ошибокъ... Смѣло можно сказать, что нигдѣ во всей Россіи нѣтъ такого количества матеріяловъ для подобнаго труда, необходимаго для нашей церковной и гражданской исторіи. Кромѣ того въ дѣлахъ патріаршихъ приказовъ и Коллегіи Экономіи сосредоточены документы, относящіеся до недвижимыхъ имѣній нашего монашествующаго духовенства. Ревизіонъ, Камеръ и прочія коллегіи показываютъ приходы и расходы денежныхъ суммъ и вообще все, что̀ произвела наша древняя юриспруденція и администрація для пользы государственнаго хозяйства и особенно въ эпоху преобразованія Россіи Петромъ Великимъ». (Вступленіе, стр. II—V).

Искренно желаемъ, чтобъ новый трудъ г. Иванова былъ принятъ и оцѣненъ, какъ онъ того заслуживаетъ по своему предмету и достоинствамъ.

О СОСТОЯНІИ ЖЕНЩИНЪ ВЪ РОССІИ ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО. *Историческое изслѣдованіе Виталія Шульгина. Выпускъ I. Кіевъ. 1850.*

Послѣднее время было особенно благопріятно для русской исторической литературы. Въ теченіе нынѣшняго года появилось нѣсколько книгъ, журнальныхъ статей, диссертацій и брошюръ, весьма важныхъ по своему предмету и, смѣло можно сказать — подвинувшихъ науку впередъ по своему содержанію и методу изслѣдованія. Мы отдали въ свое время отчетъ о превосходной статьѣ г. Тюрина, объ «Архивѣ» г-на Калачова; не менѣе важны статья о Псковской Судной Грам-

матѣ, изслѣдованіе о Борисѣ Годуновѣ г. Павлова; но годъ еще не былъ въ половинѣ, какъ появилось новое изслѣдованіе, ни въ чемъ не уступающее названнымъ нами трудамъ—именно первый выпускъ изслѣдованія г. Шульгина «О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго».

Ученый трудъ г. Шульгина, судя по заглавію и началу, задуманъ въ обширномъ объемѣ. Онъ будетъ обнимать исторію женщины въ древней Руси во всѣхъ отношеніяхъ, въ ея домашнемъ и общественномъ быту, и такимъ образомъ пополнитъ одинъ ихъ самыхъ чувствительныхъ пробѣловъ внутренней русской исторіи. Одно такое намѣреніе заслуживало бы уже особеннаго вниманія. Въ исторіи, какъ и во всякой наукѣ, умѣнье выбрать предметъ, поставить вопросъ—невольно предупреждаетъ въ пользу автора, и не безъ причины: сколько предметовъ оставались непонятными, пока не были правильно установлены вопросы; сдѣлалось это—и половина задачи была рѣшена. Но въ книгѣ г. Шульгина не одно намѣреніе или цѣль важны; онъ умѣлъ выбрать тему и умѣлъ развить ее съ рѣдкимъ историческимъ талантомъ, приготовленный къ труду большою начитанностью и основательнымъ изученіемъ предмета по историческимъ памятникамъ всѣхъ славянскихъ племенъ. Словомъ, онъ приступилъ къ дѣлу вооруженный; оттого и выполненіе стоитъ въ-уровень съ трудной задачей.

Къ чести новыхъ изслѣдованій по русской исторіи должно сказать, что они — особенно въ послѣднее время — болѣе и болѣе становятся недовѣрчивы къ общимъ положеніямъ и ипотезамъ; разработка данныхъ, кропотливая, иногда неблагодарная, поглощаетъ всѣ ихъ силы. Очевидно, наука русской исторіи, въ ихъ трудахъ, закладываетъ себѣ прочную основу, фундаментъ, на которомъ не трудно уже будетъ выстроить зданіе, вывести окончательные результаты. Пересмотръ, повѣрка фактовъ и общихъ воззрѣній составляетъ какъ-бы

исключительное направленіе всѣхъ этихъ трудовъ, а между тѣмъ предметъ уясняется, границы науки раздвигаются дальше и дальше... Къ разряду такихъ, въ высокой степени полезныхъ, важныхъ и почтенныхъ трудовъ принадлежитъ и книга г. Шульгина. Вся она состоитъ изъ изслѣдованій, сближенія разновременныхъ и разнонародныхъ историческихъ данныхъ. Выводовъ à priori, умозрѣній, ипотезъ, предпосланныхъ изслѣдованію, почти нѣтъ въ его ученомъ трудѣ. За то чтеніе его даетъ много пищи мысли, вызываетъ на новые сближенія и выгоды.

Первый выпускъ изслѣдованія г. Шульгина содержитъ въ себѣ небольшое предисловіе или вступленіе (на 27 стр.) и первую главу сочиненія, именно изслѣдованіе о состояніи женщинъ въ языческой Руси. Предисловіе обнаруживаетъ вѣрный и современный взглядъ автора на исторію и на предметъ изслѣдованія. Онъ указываетъ важность вопроса о значеніи женщины въ исторіи человѣчества, объ отношеніи женщины къ мущинѣ и роли, которую она играетъ въ домашней и общественной жизни.

«Женщина (говоритъ г. Шульгинъ), какъ бы ни была она унижена, всегда сохраняетъ власть свою надъ мущинами, — женщина, какъ бы ни былъ стѣсненъ кругъ ея дѣятельности, всегда имѣетъ сильное вліяніе на общество. Эту власть, это вліяніе она почерпаетъ: во первыхъ—въ неистощимомъ источникѣ страстей мущины; во вторыхъ — въ воспитаніи молодаго поколѣнія, которое въ тотъ періодъ жизни, когда закладывается первая основа нравственнаго человѣка, всегда и вездѣ почти происходитъ если не подъ исключительнымъ, то подъ сильнымъ вліяніемъ женщины-матери. Эти два обстоятельства даютъ женщинѣ огромное значеніе въ опредѣленіи характера и въ настроеніи духа цѣлыхъ генерацій, цѣлаго общества. Дѣйствуетъ же она на жизнь общества и человѣка своимъ особеннымъ образомъ, который вполнѣ соотвѣтствуетъ ея женственной природѣ. Представительница нравственности, любви, стыдливости и непосредственнаго чувства, — женщина преимущественно господствуетъ въ семейной и свѣтской жизни, одухотворяя ее нравственностію, чувствомъ, любовью, скромностію, сообщая ей приличіе, грацію, красоту; тогда какъ мущина, представитель закона, долга, чести и мысли, господствуетъ по пре-

имуществу въ сферѣ гражданской дѣятельности, утверждаетъ въ обществѣ законъ, обязанность, честь и мысль, даетъ ей полноту, многообразіе, практическій характеръ. Женщина болѣе вѣруетъ, мущина мыслитъ; первая *сочувствуетъ* добру, истинѣ и красотѣ, послѣдній старается *познать* добро, истину и красоту; мущина проявляетъ свою силу въ дѣйствіи, творчествѣ, женщина въ страданіи и воспріятіи. Только во взаимномъ союзѣ они образуютъ одного полнаго, совершеннаго человѣка. Чѣмъ развитѣе общество, тѣмъ болѣе уравновѣшено въ немъ значеніе обоихъ половъ. Унижая женщину, мущина этимъ только показываетъ свое собственное униженіе... Но напрасно, опираясь на свою силу, онъ стремился отнять у женщины значеніе въ жизни общества и человѣка: вѣчный законъ, сила исторіи уничтожали усилія человѣка, стремившагося нарушить вѣчный законъ».

Показавъ затѣмъ, въ бѣгломъ очеркѣ, значеніе женщины въ различныя эпохи исторіи у различныхъ народовъ древняго и новаго міра, авторъ переходитъ къ состоянію ея въ Россіи и находитъ, что въ русской исторіи этотъ предметъ получаетъ еще особенное значеніе: онъ пролагаетъ путь къ узнанію историческаго развитія семейной жизни русскаго народа, доселѣ, дѣйствительно, весьма мало изслѣдованной и объясненной, несмотря на важную роль, которую эта жизнь играла и играетъ въ нашемъ обществѣ; кромѣ того, вѣрное объясненіе исторіи русской женщины должно, по его словамъ, способствовать къ опредѣленію степени вліянія на нашу жизнь элементовъ византійскаго, монгольскаго и европейскаго. Судьба русской женщины, по мнѣнію г. Шульгина, видоизмѣнялась у насъ три раза. Въ языческомъ быту всѣ сферы жизни открыты женщинѣ; съ принятіемъ христіянства начинается, мало-по-малу, разлученіе половъ: женщина постепенно исключается изъ мужескаго общества; въ до-татарскую эпоху—подъ видомъ добровольнаго религіознаго уединенія женщины отъ соблазновъ и треволненій мірскихъ; отъ XIV до XVII вѣка включительно, въ сѣверо-восточной Россіи это удаленіе женщины обращается въ обычай, чего вовсе незамѣтно въ юго-западной Руси; наконецъ, при Петрѣ оба пола снова соединяются въ

обществѣ: женщинѣ возвращается ея мѣсто, права и значеніе, только въ новыхъ, болѣе развитыхъ и образованныхъ формахъ. Эти видоизмѣненія въ судьбѣ русской женщины авторъ считаетъ основными, главными, отъ которыхъ зависѣли всѣ прочіе оттѣнки и частныя перемѣны.

Въ этомъ взглядѣ автора много справедливаго, но есть и свои недостатки. Изъ языческаго быта авторъ беретъ одну черту и характеризуетъ ею цѣлый этотъ бытъ, тогда какъ онъ развивался, и развитіе его имѣло свои степени, свои эпохи. Далѣе, мы совершенно согласны съ нимъ, что византійское вліяніе, такъ глубоко проникнувшее въ нашу плоть и кровь, обнявшее всѣ стороны нашей народной, домашней, общественной и государственной жизни, имѣло сильное вліяніе и на судьбу русской женщины во всѣхъ многообразныхъ сферахъ ея дѣятельности; но мы не можемъ понять, почему начало отлученія женщины изъ общественной жизни, отдѣленія ея отъ мужскаго общества авторъ видитъ въ ея религіозномъ уединеніи отъ міра. Во первыхъ, это уединеніе, затворническая жизнь монастырей—явленіе, общее обоимъ поламъ, и, слѣдовательно, будучи чрезвычайно многозначительно и важно въ развитіи нашего быта и образованности вообще, оно, какъ мы думаемъ, едва ли имѣло особенное какое-нибудь значеніе въ отношеніи къ разлученію двухъ половъ въ общественной и семейной жизни. Намъ кажется это построеніе слишкомъ искусственнымъ, изысканнымъ. Не забудемъ, что разныя ограниченія женщинъ въ жизни, въ гражданскихъ правахъ, положительно занесены уже въ «Русскую Правду»; отрицательно можно вывести изъ нея еще больше такихъ ограниченій; а между тѣмъ, на этомъ памятникѣ, какую мы ни возьмемъ редакцію, меньше лежитъ печать византійскаго, чѣмъ туземнаго, славянскаго элемента. Скажемъ болѣе: въ XVII вѣкѣ, когда вліяніе византійскаго законодательства на

русское было сильнѣе, чѣмъ прежде, мы видимъ появленіе многихъ юридическихъ положеній, болѣе благопріятныхъ, чѣмъ стѣснительныхъ для женщинъ. Изъ этого мы позволимъ себѣ заключить, что начало разлученія мущинъ и женщинъ, отлученіе женщинъ отъ общества и правъ, лежало не въ византійскомъ вліяніи, а въ чемъ-нибудь другомъ, и что этому другому византійское вліяніе до извѣстной степени противодѣйствовало, чтò весьма естественно: византійское право приняло въ себя право римское, отбросившее, въ послѣднемъ своемъ развитіи, не одно положеніе, стѣснительное для женщинъ.

За вступленіемъ слѣдуютъ разысканія о судьбѣ русской женщины во времена язычества. Изъ нашихъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ только лѣтопись Нестора сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ этомъ времени. Въ дополненіе и поясненіе ихъ авторъ беретъ извѣстія иностранцевъ о языческой Россіи, извѣстія о другихъ славянскихъ племенахъ въ эпоху язычества, живые памятники, доселѣ сохранившіеся чрезъ цѣлые вѣка въ современныхъ обычаяхъ, обрядахъ и пѣсняхъ простаго народа, и съ помощью этихъ источниковъ возстановляетъ, по возможности, картину быта древней русской женщины, еще непросвѣщенной христіянствомъ. Мы уже сказали свое мнѣніе объ ученомъ трудѣ г. Шульгина. Русская исторія весьма скоро вышла бы изъ своего теперешняго, хаотическаго состоянія, еслибъ побольше явилось у насъ изслѣдователей съ такимъ же знаніемъ, такимъ же основательнымъ, вѣрнымъ историческимъ взглядомъ и смысломъ, какъ г. Шульгинъ. Вполнѣ раздѣляя его взгляды и мнѣнія о предметѣ изысканія вообще, мы не можемъ, однако, согласиться съ нимъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, и о нихъ-то считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

По словамъ Нестора нельзя заключать, чтобъ у Полянъ, какъ у многихъ другихъ Славянъ-язычниковъ, не было много-

женства; изъ его свидѣтельства видно только, что у нихъ не было похищенія или умычки, какъ у другихъ племенъ.

Форма заключенія браковъ, по лѣтописи, была тоже двоякая: умычка—похищеніе, и веденіе женъ. Умычка, какъ весьма справедливо думаетъ авторъ, древнѣе веденія. Она, по его словамъ, господствовала когда-то у всѣхъ Славянъ. Веденіе женъ, какъ форма брака болѣе совершенная, сначала вошло въ обычай у князей, бояръ и дружинниковъ, а потомъ стало господствовать и вытѣснило умычку, которая постепенно изчезала и сохранилась до нашего времени, какъ пустой обрядъ безъ всякаго значенія. Покупались у насъ невѣсты, или не покупались — вотъ вопросъ, особенно важный. Онъ важенъ потому, что, если женъ покупали, то женщина уравнивалась съ товàромъ, съ вещью; если же за ней давали приданое—очевидно, она имѣла, конечно до извѣстной степени, самостоятельную гражданскую личность. При умычкѣ не могло быть ни покупки, ни приданаго, ибо покупка или приданое предполагаютъ договоръ жениха съ родителями и родственниками невѣсты. Несмотря на то умычка, сама по себѣ, еще не уничтожала совершенно личности женщины, ибо, по прямымъ словамъ лѣтописца, она происходила съ согласія невѣсты. Но при веденіи женъ, имѣло ли мѣсто покупка невѣстъ, или браки сопровождались приданымъ? Классическимъ мѣстомъ для рѣшенія этого вопроса служатъ слова Несторовой Лѣтописи: «не хожаше женихъ по невѣсту, но приводяху вечерь, а заутра приношаху, что по ней вдадуче». Къ кому относится слово приношаху? Родственники ли невѣсты приносили въ домъ жениха «что по ней вдадуче», или родственники жениха, или онъ самъ родителямъ и роднымъ невѣсты? Г. Шульгинъ принимаетъ первое объясненіе и, какъ намъ кажется, весьма основательно видитъ въ словахъ Нестора прямо свидѣтельство о приданомъ, а не о платѣ за невѣсту. Такимъ образомъ г.

Шульгинъ выводитъ, что, на основаніи лѣтописи, у Полянъ браки заключались съ приданымъ, у другихъ русскихъ племенъ по взаимному согласію брачущихся; въ обоихъ случаяхъ нѣтъ повода заключать о продажѣ и покупкѣ невѣстъ.

До сихъ поръ всѣ выводы весьма строги и правильны, хотя, можетъ-быть, и не довольно стройны, систематичны. Но, начиная отсюда, авторъ нѣсколько увлекается; это увлеченіе не вредитъ, конечно, цѣлому изслѣдованію, но вводитъ, какъ мы думаемъ, г. Шульгина въ нѣкоторыя ошибки относительно древнѣйшаго языческаго быта русской женщины и мѣшаетъ правильному и цѣлостному возсозданію этого быта во всѣхъ его формахъ и измѣненіяхъ. Несторъ — такъ разсуждаетъ авторъ — не говоритъ не слова о покупкѣ невѣстъ: по лѣтописи, невѣсты или похищаются, или отдаются замужъ съ приданымъ. Стало-быть, покупки невѣстъ и не было. А если ея не было, то и вѣно, о которомъ упоминается въ нашей лѣтописи, не то значитъ, чѣмъ кажется по буквальному смыслу, то-есть не было платой за невѣсту; и живые памятники— свадебные обряды и пѣсни, ясно свидѣтельствующіе о покупкѣ и продажѣ невѣстъ — свидѣтельствуютъ ложно, и на ихъ показанія нельзя полагаться.

Вѣно упоминается въ нашей лѣтописи два раза: Владиміръ «вдасть за вѣно» греческимъ императорамъ, братьямъ супруги его Анны, Корсунь; Казиміръ, женившись на сестрѣ Ярослава, тоже «вдасть ему за вѣно» 800 плѣнныхъ. Итакъ, по нашей лѣтописи, вѣно было даромъ, или платой мужа родственникамъ его жены, которые выдали ее замужъ. Но г. Шульгинъ думаетъ иначе. По его мнѣнію, «гораздо вѣроятнѣе кажется приписать возвращеніе Грекамъ Корсуня Владиміромъ и возвращеніе Ярославу 800 плѣнныхъ Казиміромъ—дружелюбному расположенію государей, — назвать это дѣйствіе просто дареніемъ, которое Владиміръ и Ярославъ (Казиміръ?)

могли дѣлать и не дѣлать, ничуть не обязанные къ тому брачнымъ обычаемъ. Если и предположить, что Владиміръ заплатилъ Корсунемъ за жену, то въ такомъ случаѣ императоры Василій и Константинъ являются продавцами своей сестры, и если покупку женъ мы признаемъ за обычай русскій, то продажу ихъ должны будемъ признать обычаемъ христіанской Греціи. Набожный Ярославъ также не могъ продать свою сестру, какъ язычникъ; но Казиміръ, породнясь съ нимъ, въ знакъ дружбы и родства, возвратилъ ему плѣнныхъ такъ точно, какъ Ярославъ, съ своей стороны, помогалъ ему усмирить мятежи въ Мазовіи» (стр. 20—21).

Съ этими разсужденіями и выводами нельзя согласиться. Трудно приписать дружественному расположенію даръ, который лѣтописцемъ прямо и положительно опредѣляется словами: за вѣно; не напрасно характеризуетъ его такъ Несторъ въ двухъ разновременныхъ случаяхъ. Мысль, что продажа и покупка невѣстъ противорѣчитъ святости брачныхъ отношеній и набожности Владиміра и Ярослава, конечно, справедлива, но она нейдетъ къ настоящему случаю. Г. Шульгинъ опустилъ изъ вида, что вѣно, будучи по своему происхожденію платой за жену, могло въ послѣдствіи утратить этотъ смыслъ и обратиться въ обычный даръ, вовсе неимѣющій первоначальнаго, унизительнаго для женщины, значенія. И теперь еще сохраняется нѣсколько такихъ обычаевъ! Возьмемъ простонародныя забавы, празднества и предразсудки: нѣкоторые изъ нихъ восходятъ ко временамъ язычества и изъ него развились; хотя они уже не имѣютъ языческаго характера и остались въ однѣхъ привычкахъ народа, по старой памяти. Другой доводъ автора противъ буквальнаго значенія вѣна по нашимъ источникамъ суть юридическіе памятники другихъ славянскихъ народовъ. Въ древнихъ польскихъ постановленіяхъ Wiano'мъ называется даръ мужа самой женѣ: изъ «Сборника Викторина

Вшеградскаго» видно, что у Чеховъ въ вѣнѣ различались приданое и подарки женамъ отъ мужей — другими словами, что вѣномъ назывались и тѣ и другіе вмѣстѣ [1]). Но эти свидѣтельства не убѣдительны. У Чеховъ и Поляковъ вѣно могло имѣть одно значеніе, у насъ другое. Притомъ свидѣтельства чешскихъ и польскихъ источниковъ относятся къ позднѣйшему времени, чѣмъ свидѣтельства нашей лѣтописи. Наконецъ, можетъ-быть, сначала вѣно было платой за невѣсту родителямъ или родственникамъ жениха; въ послѣдствіи, когда покупка невѣстъ изчезла изъ нравовъ, и отъ нея остался одинъ обычай давать вѣно, родственники и родители начали уступать эту плату или вѣно невѣстѣ вмѣстѣ съ приданымъ, что, въ свою очередь, тоже обратилось въ обычай, а изъ него развился обычай давать вѣно ужь не родственникамъ молодой, а прямо ей самой. Эти различные виды вѣна могли существовать въ одно время у различныхъ славянскихъ и даже русскихъ племенъ: плата за вѣно Владиміра — въ одно время съ уступкой вѣновыхъ городовъ супругамъ великихъ князей Игоря, Святослава, Владиміра, если только эти города были вѣновые. Все это, конечно, предположеніе; но во всякомъ случаѣ мы не видимъ основательной причины заподозрѣвать и отвергать свидѣтельства нашей лѣтописи, придающей вѣну особенное значеніе. Оно заставляетъ думать, что лѣтописецъ, говоря о языческихъ бракахъ нашихъ предковъ, не изчислилъ всѣхъ способовъ ихъ заключенія: помянулъ о похищеніи и приданомъ, и ничего не сказалъ о покупкѣ невѣстъ. Что жь тутъ мудренаго или невозможнаго. Мало ли о чемъ онъ вовсе не

---

[1]) Съ мнѣніемъ автора, будто бы на основаніи Викторина, «вѣно различается отъ приданаго и подъ послѣднимъ разумѣются подарки мужа женѣ», мы не можемъ согласиться. Впрочемъ, этого Сборника мы не имѣли подъ руками и основываемся на мѣстахъ, выписанныхъ въ книгѣ г. Шульгина, въ примѣчаніи 30-мъ.

упоминаетъ? Авторъ неправъ, говоря, что «подъ именемъ вѣна должно разумѣть совсѣмъ не плату, даваемую женихомъ отцу невѣсты, но достояніе, предлагаемое имъ въ обезпеченіе будущей жены своей», и что «вѣно въ бракѣ имѣетъ значеніе не менѣе приданаго» (стр. 19). Намъ даже кажется, что г. Шульгинъ и самъ вполнѣ не остался доволенъ этимъ объясненіемъ, ибо онъ говоритъ въ заключеніе: «само собою разумѣется, что такая идея о вѣнѣ и приданомъ (то есть какъ обезпеченіи личности и самостоятельности жены) не могла образоваться въ постоянный законъ у Славянъ-язычниковъ: она выработана христіянствомъ, при вліяніи каноническаго права, изъ обычаевъ, въ которыхъ таилась безсознательно». Послѣднее мнѣніе совершенно справедливо; ни приданое, ни вѣно, даже у Чеховъ и Поляковъ, не давалось сначала въ обезпеченіе или упроченіе личной независимости женщины. Мы думаемъ, что приданое и вѣно, когда оно перестало быть цѣной невѣсты—были дѣломъ соревнованія родовъ между собою, дѣломъ похвальбы и родовой чести; женщина была тутъ въ сторонѣ; во всякомъ случаѣ, и приданое и вѣно получили то нравственное и юридическое значеніе, которое въ нихъ видитъ г. Шульгинъ гораздо позже, а не въ отдаленныя языческія времена, отъ которыхъ даже у Нестора сохранились одни крайне смутныя и отрывочныя воспоминанія. Кромѣ вѣна, о покупкѣ и продажѣ невѣстъ свидѣтельствуютъ свадебные обряды и пѣсни. Эти живые памятники могли бы, по мнѣнію г. Шульгина, привести къ мысли, что покупка невѣстъ у Славянъ весьма рано замѣнила похищеніе, и что невѣста играла при этомъ совершенно пассивную роль. Но одни свидѣтельства этихъ памятниковъ кажутся ему слишкомъ шаткимъ основаніемъ для такого вывода: во первыхъ, обряды и пѣсни — до сихъ поръ неразобранный и неизслѣдованный аггрегатъ самыхъ разнородныхъ, разномѣстныхъ и разновременныхъ обы-

чаевъ; во вторыхъ, о покупкѣ невѣстъ свидѣтельствуютъ свадебные обычаи Пермской, Енисейской и Саратовской губерній, «гдѣ въ древности едва ли были Славяне, а если и были, то исказились примѣсью разнородныхъ финнскихъ и татарскихъ племенъ. Вотъ почему нельзя дать вѣры свидѣтельствамъ этихъ обрядовъ, вопреки положительнымъ указаніямъ лѣтописи. Наконецъ нѣкоторые свадебные обычаи и пѣсни сохранили воспоминаніе о татарскомъ происхожденіи покупки невѣстъ въ названіи калыма, въ называніи Татариномъ брата, который продаетъ сестру и ея косу; изъ этого можно скорѣе заключить, что и обычай продажи невѣстъ появился у насъ не ранѣе XIII вѣка. Кромѣ того, значеніе смотра невѣсты, ослабляется тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи есть точно такой же смотръ жениха, и въ свадебныхъ пѣсняхъ, вмѣстѣ съ продажей невѣсты, упоминается и о приданомъ.

Эти сомнѣнія г. Шульгина, безспорно, имѣютъ свою основательную и справедливую сторону. Необработанность нашихъ живыхъ народныхъ памятниковъ долго будетъ важнымъ препятствіемъ пользоваться ими, какъ историческимъ источникомъ. Совсѣмъ тѣмъ мы думаемъ, что авторъ простираетъ свой скептицизмъ слишкомъ далеко. Во первыхъ, прямаго противорѣчія указаніямъ лѣтописи въ свидѣтельствѣ свадебныхъ обрядовъ о покупкѣ невѣстъ, мы, признаемся, невидимъ. Объ этомъ предметѣ Несторъ молчитъ, но не говоритъ, что продажи и покупки невѣстъ не было, а въ этомъ существенная разница. Молчаніе нельзя еще принимать за свидѣтельство, и, слѣдственно, между прямымъ свидѣтельствомъ обычая и молчаніемъ лѣтописи нѣтъ противорѣчія. Далѣе, мы согласны, что свадебные обычаи Саратовской и Енисейской губерній еще не рѣшаютъ окончательно вопроса о томъ, была ли у Славянъ покупка невѣстъ; но на эту покупку есть указанія не въ этихъ однѣхъ губерніяхъ, но и въ другихъ мѣстностяхъ,

издавна населенныхъ Славянами, именно въ Орловской губерніи («Бытъ Русскаго Народа» г. Терещенко, т. II, стр. 194 и 201), въ Бѣлоруссіи (хотя и не сказано гдѣ именно; тамъ же, стр. 466 и 471), въ Литвѣ (тамъ же, стр. 483), и даже въ Малороссіи (тамъ же, стр. 517 и 518). Но мы можемъ увѣрить г. Шульгина, что продажа невѣстъ сохранилась въ свадебныхъ обычаяхъ не однихъ этихъ мѣстностей: нѣтъ почти губерніи, въ которой она не воспоминалась бы такъ или иначе. Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ съ этой стороны, покупка невѣстъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Припомнимъ слова маршалка (свата) въ бѣлорусскихъ свадьбахъ: «мы ни жиды, ни татарыны какіе, а честные люди, пріиѣхали зъ маладымъ князимъ пойзжани, выкупитсь нашу маладую княгиню» (тамъ же, стр. 465). Эти слова показываютъ, вопреки г. Шульгину, что покупка невѣстъ была не татарскимъ обычаемъ, а національнымъ, туземнымъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Такъ же мало убѣдительны и послѣдніе два довода: глядины жениха и приданое въ нашихъ свадебныхъ обрядахъ ничего не говорятъ противъ продажи и покупки невѣстъ; самъ авторъ признаетъ, что наши свадебные обряды представляютъ аггрегатъ самыхъ разнородныхъ, разномѣстныхъ и разноплеменныхъ обычаевъ.

Замѣтимъ вообще, что дѣйствительно трудно, даже невозможно теперь указать, къ какому именно времени тѣ или другіе наши обряды и обычаи относятся, у какого племени они были и у какого не были; но постоянное присутствіе одного и того же факта въ обычаяхъ разныхъ мѣстностей несомнѣнно свидѣтельствуетъ о давнишнемъ бытовомъ фактѣ. Чрезвычайное, часто поразительное сходство обычаевъ финнскихъ, славянскихъ и германскихъ въ древнѣйшія времена дѣлаетъ еще болѣе вѣроятнымъ, что этотъ обычай въ одно время могъ быть и у Финновъ, и у Славянъ, и у Нѣмцевъ. Наконецъ, противо-

рѣчіе между обычаями и существованіе такихъ, которые относятся къ разнымъ понятіямъ, эпохамъ и быту, не могутъ служить достаточной причиной, чтобъ отрицать ихъ древность, туземность и подлинность, потому что эти обычаи суть слова, обряды, лишенные дѣйствительности и смысла въ современномъ намъ быту; народъ потерялъ къ нимъ ключъ и потому ежедневно болѣе и болѣе перемѣшиваетъ ихъ между собою. Тѣмъ не менѣе указанія ихъ драгоцѣнны, и въ подлинности ихъ едва ли можно сомнѣваться. Самъ авторъ это чувствуетъ; но вѣрный своей первоначальной мысли, онъ, не отрицая прямо свидѣтельствъ живыхъ памятниковъ, перетолковываетъ ихъ по своему, и выводитъ слѣдующіе окончательные результаты:

«Приданое является *необходимою* принадлежностію древне-славянскихъ браковъ. *Исконнымъ* закономъ, обычаемъ, преданіемъ отцовскимъ поставлялось въ необходимую обязанность рода и семьи снабжать дѣвушку приданымъ, при выдачѣ ея въ чужую семью: оно было знакомъ связывающимъ ее съ роднымъ домомъ. Но приданое отнюдь не исключаетъ ни вознагражденія, даваемаго женихомъ родственникамъ невѣсты, ни вѣна. Смотря на жену почти какъ на работницу, мужъ, особенно въ то время, время неразвившейся гражданственности, не увольнялся отъ обязанности вознаградить за пріобрѣтеніе работницы тому дому, который, съ выходомъ дѣвушки замужъ, терялъ въ ней также одного изъ домочадцевъ, раздѣлявшихъ трудъ семейный. Самое вѣно, какъ мы сказали, не имѣло вначалѣ того высокаго юридическаго значенія, которое получило въ послѣдствіи: оно было вознагражденіемъ дѣвицѣ за ея дѣвическій вѣнокъ, за ея свободу, которую она теряла при выходѣ замужъ; оно было и выраженіемъ благодарности супруга, однимъ словомъ, имѣло вначалѣ характеръ западнаго утренняго дара (Morgengabe). Уже въ послѣдствіи, при болѣе развившейся гражданственности, вѣно сдѣлалось залогомъ, которымъ мужъ обезпечивалъ приданое и личность жены отъ всякаго со стороны его или его родственниковъ нарушенія. Съ такимъ характеромъ вѣно мы встрѣчаемъ на ряду съ приданымъ въ древнѣйшихъ правахъ всѣхъ славянскихъ народовъ, Чеховъ, Поляковъ, Сербовъ, какъ общій коренной обычай славянскій. Что касается до современныхъ обрядовъ выкупа постели, мѣста около обрученной и косы ея, до надѣленія отца, братьевъ и вообще родственниковъ молодой деньгами со стороны жениха, то они, выражая сначала вознагражденіе рода или семьи за взятаго у него домочадца, потомъ сдѣла-

лись просто подарками, и этотъ смыслъ имъ придаетъ самая символика народныхъ пѣсень» (стр. 24—26).

Противъ этихъ выводовъ можно сказать многое. Если были похищенія невѣстъ, какъ свидѣтельствуетъ Несторъ, какъ утверждаетъ за нимъ и г. Шульгинъ — очевидно, что бывали у Славянъ браки и безъ приданаго; слѣдовательно, нельзя назвать послѣднее необходимою принадлежностью древне-славянскихъ браковъ. Что же касается до платы или вознагражденія за невѣсту, то согласить ее съ приданымъ, въ первоначальныя времена, просто невозможно: одно исключаетъ другое; въ самомъ дѣлѣ, трудно себѣ представить, какимъ образомъ родственники невѣсты съ одной стороны надѣляли ее, а съ другой получали за нее плату. Это было бы чѣмъ-то такимъ искусственнымъ, чего простымъ, здравымъ разсудкомъ, котораго такъ много у каждаго неразвитаго народа, понять нельзя, да и нельзя выдумать. Приданое и плата за невѣсту — юридическія явленія совсѣмъ различныхъ порядковъ, двухъ разныхъ бытовъ. Различіе этихъ явленій относится собственно не къ невѣстѣ, а къ взаимнымъ отношеніямъ родовъ, между членами которыхъ заключаются брачные союзы. Гдѣ есть по хищеніе невѣстъ, насильственное отнятіе ихъ — о чемъ въ обычаяхъ тоже сохранились воспоминанія — тамъ еще нѣтъ между родами никакихъ отношеній, кромѣ враждебныхъ; покупка невѣстъ по существу своему предполагаетъ уже мирныя, невраждебныя сношенія между родами, существованіе въ извѣстной степени гражданскаго союза; наконецъ приданое свидѣтельствуетъ уже о нѣкоторой степени развитости гражданскаго союза. Между родами, значитъ, появляются дружелюбныя связи, близость; бракъ ужь не вполнѣ отрываетъ женщину отъ прежней ея семьи: напротивъ, онъ сближаетъ два рода, и въ этомъ союзѣ одинъ не хочетъ уронить себя передъ другимъ ни въ чести, ни въ лицѣ дѣвушки, отдаваемой замужъ.

Такимъ образомъ различные способы заключенія браковъ выражаютъ собою разныя степени гражданскаго общежитія и соотвѣтствуютъ имъ. Ихъ одновременное существованіе возможно отнюдь не вначалѣ, а гораздо позже, когда они, утративъ характеръ дѣйствительныхъ бытовыхъ фактовъ, нисходятъ на степень обрядовъ, соблюдаемыхъ изъ приверженности и привычки къ заведенной старинѣ и обычаямъ предковъ. Въ этомъ видѣ сохранились они въ древнѣйшихъ славянскихъ законахъ. Сначала же они появились не вдругъ, и увозъ исключалъ куплю, купля исключала приданое. Мы думаемъ, что авторъ недовольно обратилъ вниманія на это весьма важное обстоятельство; онъ повидимому не замѣтилъ, что славянскій бытъ, извѣстный намъ изъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ, далеко самъ по себѣ не есть древнѣйшій, а уже результатъ извѣстнаго развитія, что даже умычку, о которой говоритъ намъ лѣтопись, мы застаемъ не въ первоначальномъ ея видѣ, ибо она обставлена религіозными обрядами и дѣлается съ согласія самой невѣсты, слѣдовательно, является уже обрядомъ, символическимъ изображеніемъ. То же должно сказать о вѣнѣ, о подаркахъ родственникамъ невѣсты, и т. д.

Не останавливаясь на частностяхъ, обратимъ вниманіе автора еще на одинъ фактъ, именно на «княжое». Г. Шульгинъ думаетъ, что оно у насъ было; мы, напротивъ, убѣждены, что даже тѣни подобнаго обычая у насъ не было. Живыя преданія объ немъ молчатъ—обстоятельство весьма важное. Разсмотрите наши свадебные простонародные обряды: это апоѳеоза женскаго цѣломудрія, дѣвической чистоты. Какъ бы могъ до сихъ поръ такъ живо сохраниться этотъ характеръ свадьбы, еслибъ за нею въ исторіи стоялъ обычай «княжаго»? Воспоминаніе о немъ нѣкоторые видѣли въ податяхъ и пошлинахъ съ браковъ. Но происхожденіе этихъ пошлинъ гораздо проще: онѣ положены за выводъ, т. е. за переходъ дѣвушки въ дру-

гое село, въ другой «міръ», отъ чего одинъ міръ выигрывалъ, пріобрѣталъ лице, другой терялъ это лице, лишался его. Названія «выводная куница», «выводныя деньги» указываютъ на это первоначальное значеніе пошлинъ съ браковъ, которыя въ послѣдствіи, конечно, могли измѣниться и взиматься даже съ браковъ, совершавшихся безъ вывода, внутри міра. Въ одной пѣсни сохранилось до сихъ поръ воспоминаніе о томъ, что браки совершались не только «по батюшкину повелѣнію, по матушкину благословенію», но и «по мірскому приговору». Съ такого-то мірскаго приговора и бралась пошлина, какъ съ суда.

Вотъ наши главнѣйшія возраженія. Они въ краткихъ словахъ могутъ быть выражены такъ: г. Шульгинъ, въ превосходномъ своемъ трудѣ о бытѣ женщины въ языческой Россіи и вообще у Славянъ въ до-христіянскую эпоху, недовольно обратилъ вниманіе на внутреннюю послѣдовательность развитія первоначальныхъ обществъ, на органическое цѣлое, которое они представляютъ, и остановился преимущественно на послѣдней эпохѣ языческаго быта и вмѣстѣ эпохѣ перваго его разложенія. Мѣряя аршиномъ этого быта всѣ памятники нашей древнѣйшей жизни, авторъ усомнился въ достовѣрности нѣкоторыхъ изъ нихъ, дѣйствительно неподходящихъ подъ общую, набросанную имъ картину потому только, что они сохранились отъ эпохи еще отдаленнѣйшей. Говоря это, мы, конечно, не думаемъ разложить всѣ древніе памятники въ той же хронологической послѣдовательности у всѣхъ славянскихъ племенъ, какъ они естественно и необходимо разлагаются по своему внутреннему органическому значенію. Нѣтъ сомнѣнія, что у однихъ Славянъ древнѣйшій бытъ еще сохранялся въ полной силѣ, когда у другихъ уже наступала новая пора. Но задача историка-изслѣдователя, когда онъ обнимаетъ предметъ широко, когда онъ хочетъ разъяснить предметъ по памятникамъ многихъ племенъ, въ томъ именно и состоитъ, чтобъ открыть организмъ, внут-

реннее глубокое сочлененіе многообразныхъ явленій, въ которыхъ выражается жизнь этихъ племенъ, уловить единство явленій, законъ, на основаніи котораго они существуютъ и слѣдуютъ одно за другимъ. Этого, какъ намъ кажется, авторъ не сдѣлалъ, хотя многія мѣста его книги и свидѣтельствуютъ весьма ясно, что эта мысль его занимала; но она у него не выдержана, не проведена строго и послѣдовательно. Оттого и черты, по которымъ можно несомнѣнно судить о высшей или низшей степени образованности различныхъ славянскихъ племенъ, въ книгѣ г. Шульгина не только не оттѣнены довольно ясно, но даже невездѣ обратили на себя его вниманіе. Такимъ образомъ мы думаемъ, что историческое начало языческой славянской семьи и современное ему состояніе женщины у Славянъ-язычниковъ потребуетъ еще новыхъ ученыхъ изслѣдованій. Въ замѣнъ этого, послѣдняя эпоха язычества, въ отношеніи къ семьѣ и женщинѣ, раскрыта и передана превосходно. Могутъ не доставать нѣкоторые факты, но начала, цѣлое, подмѣчены и поняты какъ нельзя лучше. Для полноты оставалось бы, можетъ-быть, подробнѣе вникнуть въ бытъ дѣвушки. Народная поэзія Славянъ и живые неписьменные памятники передаютъ намъ этотъ бытъ въ живыхъ красках, дышавшихъ первобытной поэзіей. Столько прелести, граціи въ образѣ первобытной славянской дѣвушки, такъ заботливо и подробно сохранили народные памятники все до нея касающееся, что о ней одной можно написать цѣлую монографію.

Желаемъ всякаго успѣха книгѣ г. Шульгина и съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать появленія слѣдующихъ ея выпусковъ.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ ЦАРСТВОВАНІЯ БОРИСА ГОДУНОВА. *Соч. П. Павлова. Москва. 1850.*

Мы весьма виноваты передъ г. Павловымъ, замедливъ отчетомъ о его замѣчательномъ историческомъ трудѣ, вышедшемъ еще весною. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра: съ появленіемъ его книжки, о ней успѣли высказать различныя мнѣнія, и мы теперь можемъ судить ее подробнѣе и лучше, имѣя подъ руками довольно значительные библіографическіе матеріялы.

Изслѣдованіе г. Павлова есть диссертація, написанная на степень доктора, разсмотрѣнная и защищенная въ Московскомъ университетѣ. Съ самаго своего появленія она возбудила вниманіе и любопытство во всѣхъ, занимающихся русской исторіей. Несомнѣнный талантъ автора и важность избранной имъ эпохи достаточно объясняютъ это участіе; притомъ, какъ всякое литературно-историческое явленіе, далеко выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, книжка г. Павлова не могла не возбудить споровъ и толковъ. Ниже мы покажемъ, около чего эти толки вращались и какое имѣли значеніе, а теперь изложимъ содержаніе диссертація и основныя воззрѣнія автора: это необходимо для вѣрной оцѣнки разбираемаго труда, степени его важности въ нашей исторической литературѣ и степени важности возраженій, сдѣланныхъ г. Павлову.

Съ того времени, какъ образовалось Московское государство, какой историческій фактъ господствуетъ въ нашей внутренней исторіи, опредѣляетъ ея направленіе, даетъ тонъ нашему внутреннему быту въ его постепенныхъ измѣненіяхъ? По мнѣнію г. Павлова, такимъ фактомъ является постепенное перехожденіе родовой Руси въ государственную; другими словами—постепенное ослабленіе родоваго начала и развитіе начала государственнаго. Постепенности этого перехода обозна-

чаются четырьмя эпохами. Въ первую изъ нихъ, отъ половины XV до начала XVII вѣка, въ сѣверовосточной Руси уступаютъ, мало-по-малу, государственному началу родовыя отношенія княжескія и вѣчевыя (при Іоаннѣ III и Василіи Іоанновичѣ), боярскія (при Іоаннѣ Грозномъ), и общинныя (при Борисѣ Годуновѣ); во вторую эпоху, обнимающую начало XVII вѣка до избранія на престолъ Михаила Θеодоровича, всѣ указанныя отношенія, явленіе родоваго порядка, стремятся ожить снова; является безгосударное безначаліе, которое, съ водвореніемъ на престолѣ царственной отрасли Романовыхъ, изчезаетъ. Отъ 1613 до 1700 года, т. е., до начала преобразованій Петра Великаго, родовыя отношенія приходятъ въ совершенный упадокъ, и государственное начало окончательно водворяется въ жизни. Наконецъ, въ четвертую эпоху, какъ побѣдоносное государственное начало, такъ и весь бытъ, сохранившій еще въ установленіяхъ, привычкахъ и понятіяхъ, остатки родоваго порядка, пересоздаются подъ вліяніемъ европейскаго образованія.

Такимъ образомъ г. Павловъ принадлежитъ къ числу тѣхъ изслѣдователей русской исторіи, которые въ этой преемственности двухъ порядковъ, родоваго и государственнаго, въ замѣнѣ перваго вторымъ, видятъ основный, существенный, преобладающій фактъ нашего внутренняго быта, фактъ столько важный въ судьбахъ нашего отечества, что имъ можно объяснить и къ нему привести всѣ прочія событія и явленія русской исторіи. Первый, высказавшій этотъ взглядъ, былъ Эверсъ; но онъ успѣлъ развить его только въ примѣненіи къ древнѣйшему періоду русской исторіи, именно отъ Рюрика до «Русской Правды» включительно. Уже позже русскіе ученые взялись снова за эту мысль и начали объяснять ею не одинъ древній періодъ, но и послѣдующіе; въ наше время русская исторія разработывается съ этой точки зрѣнія многими изслѣ-

дователями, разнящимися между собою въ подробностяхъ, въ частныхъ объясненіяхъ, но согласныхъ въ главномъ, общемъ воззрѣніи.

Царствованіе Бориса Годунова представляетъ много событій и вопросовъ величайшей важности и интереса. Прежде оно разработывалось больше съ нравственной или художественной, драматической точки зрѣнія. У Карамзина на первомъ планѣ стоитъ нравственная оцѣнка Бориса; всѣ событія и дѣянія его царствованія какъ бы сводятся къ этому основному взгляду; оттого многое осталось въ тѣни и не выставлено въ настоящемъ свѣтѣ. Годуновъ властолюбецъ; его дѣйствія, обнаруживающія государственный, обширный и просвѣщенный умъ, были не что иное, какъ средства для достиженія престола, или для поддержанія правителя на высотѣ царственной степени; такими же средствами служили ему и злодѣянія, и Годуновъ не останавливался передъ ними; но праведный судъ Божій покаралъ Годунова; онъ смутилъ его умъ, обнаружилъ хитросплетенныя, тонко разсчитанныя дѣйствія и обратилъ ихъ въ ничто, и Годуновъ страшно погибъ со всей своей семьей очистительною жертвою передъ разгнѣваннымъ Провидѣніемъ. Вотъ, сколько мы понимаемъ, основный взглядъ Карамзина на Бориса Годунова, взглядъ глубоко-поэтическій и поучительный, но едва ли вполнѣ вѣрный въ примѣненіи къ герою этой трагедіи. Читая Карамзина, видишь, что онъ писалъ царствованіе Бориса такъ же не критически, какъ и царствованіе Іоанна Грознаго. Всякій слухъ о Борисѣ, записанный лѣтописцемъ-современникомъ, Карамзинъ добросовѣстно вносилъ въ исторію, не задавая даже себѣ вопроса, въ какой мѣрѣ можно полагаться на слова лѣтописца, на слухи, ходившіе въ то время и распускаемые нерѣдко врагами Бориса.

Г. Погодинъ, исторической дѣятельности котораго мы имѣли не однажды случай отдать должную справедливость, замѣтилъ

эту слабую сторону въ повѣствованіи Карамзина. Ему какъ бы жалко стало, что такой строгій судъ произнесенъ надъ правителемъ, который съ блескомъ несъ на своихъ раменахъ бремя царской власти, умно управлялъ Россіею въ теченіе двадцати лѣтъ и въ годины бѣдствій и страданій доказалъ на дѣлѣ свою любовь къ правимому имъ народу. Неужели всѣ эти славныя дѣла, всѣ эти благодѣянія были только притворствомъ? Вслѣдствіе своего сомнѣнія г. Погодинъ обратилъ все вниманіе на одинъ изъ самыхъ запутанныхъ и деликатныхъ вопросовъ въ біографіи Годунова, именно на кончину царевича Димитрія. Г. Погодинъ разобралъ это событіе и старался доказать, что насильственная кончина царевича не была дѣломъ Годунова. Смывая съ него это пятно, г. Погодинъ открывалъ возможность новой нравственной оцѣнки Бориса во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Но это новое воззрѣніе на подобный вопросъ могло привести только къ другому взгляду на нравственный характеръ Годунова и его дѣйствій; самыя же дѣйствія въ результатѣ оставались тѣ же, и въ этомъ отношеніи г. Погодинъ не сказалъ ничего новаго. Личная точка зрѣнія съ его изслѣдованіемъ не измѣнилась: измѣнился только приговоръ, произнесенный надъ личностію Годунова.

Честь перваго послѣ Карамзина сочиненія о государственной дѣятельности Годунова принадлежитъ г. Соловьеву. Въ «Обзорѣ событій русской исторіи отъ смерти Θеодора до вступленія на престолъ Михаила Θеодоровича», г. Соловьевъ представилъ сжатый, но подробный очеркъ правленія и царствованія Годунова и его характеристику. Трудъ г. Соловьева — собственно не изслѣдованіе, но повѣствованіе, разсказъ, прерываемый иногда полемическими замѣчаніями и краткими разсужденіями; только обстоятельства кончины царевича Димитрія разсмотрѣны весьма подробно, съ разборомъ и опроверженіемъ того, чтò было объ этомъ сказано у Карамзина и г.

Погодина. Избравъ форму разсказа, авторъ, естественно, не могъ вдаваться въ общія разсужденія, опредѣлять значеніе Годунова въ русской исторіи, его отношеніе къ предыдущему и послѣдующему времени. Задача его ограничивалась правильнымъ, обстоятельнымъ, вѣрнымъ повѣствованіемъ событій избраннаго времени, и г. Соловьевъ выполнилъ ее съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Въ его историческомъ трудѣ вопросъ о личности Годунова уже не первенствуетъ, а занимаетъ второе мѣсто; на первый планъ выдвинуты дѣйствія, попытки, политическіе виды и событія. Характеристика Годунова отличается строгимъ безпристрастіемъ; личность правителя и царя, подъ перомъ г. Соловьева, блѣднѣетъ и теряетъ свои прежніе грандіозные размѣры; съ тѣмъ вмѣстѣ изчезаетъ и трагическій интересъ его судьбы. Вся его жизнь, его дѣйствія представляются весьма обыкновенными, не возбуждая ни ненависти, ни особеннаго сочувствія къ лицу. Правъ ли авторъ, низведя Годунова до обыкновенныхъ размѣровъ, лишивъ его нимба, въ которомъ онъ являлся читателямъ до того времени, мы не осмѣливаемся рѣшить. Сколько мы понимаемъ и можемъ судить, г. Соловьевъ весьма близко подошелъ къ истинѣ, опредѣляя личность Годунова. Годуновъ былъ весьма умный, но не геніяльный человѣкъ — мысль, которая еще прежде была высказана и довольно подробно развита въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ критикѣ на трагедію Пушкина «Борисъ Годуновъ». Исторія поставила Годунова лицомъ къ лицу съ великой эпохой въ русской исторіи; все показываетъ, что у него доставало ума и политическаго смысла, чтобъ понимать вопросы, которые приведены были временемъ и обстоятельствами; но у него недоставало глубины стать въ уровень съ ними, завладѣть ходомъ исторіи и событій.

Послѣдній писалъ о Годуновѣ г. Павловъ. Главной его задачей, какъ видно изъ заглавія, было — опредѣлить значеніе

царствованія Годунова, раскрыть внутренній его смыслъ и показать отношеніе къ предыдущему и послѣдующему, мѣсто въ общей связи событій, ознаменовавшихъ наступленіе новаго порядка. Трудъ г. Павлова — не разсказъ, а разсужденіе, оцѣнка; авторъ имѣлъ полное право не входить въ подробности, не слѣдить за событіями шагъ-за-шагомъ — онъ могъ предполагать ихъ извѣстными читателю — и останавливаться только на тѣхъ, которыя, по его понятіямъ, были забыты и опущены его предшественниками, или представлены въ ложномъ свѣтѣ. Но авторъ предпочелъ соединить повѣствованіе съ разсужденіемъ; въ первой, большей половинѣ диссертаціи разсказаны событія Борисова царствованія; во второй, начиная съ 88-й страницы, они разсматриваются въ связи съ предыдущими и послѣдующими. Эта послѣдняя половина, по самой задачѣ, есть безспорно явленіе новое въ русской исторической литературѣ. Она свидѣтельствуетъ, какъ успѣли созрѣть наши историческія воззрѣнія со времени Карамзина; вмѣсто личнаго характера Бориса, разсматриваются факты и дѣянія; и тѣ и другія обсуживаются не съ точки зрѣнія ближайшей, практической цѣлесообразности, но подводятся подъ высшее мѣрило общаго хода и развитія русской исторіи.

Книжка г. Павлова начинается подробнымъ разсказомъ избранія Годунова на царство, большею частью словами памятниковъ. «Во всѣхъ отдѣльныхъ, частныхъ явленіяхъ (говоритъ въ заключеніе авторъ), составляющихъ въ своей совокупности фактъ избранія Годунова на царство, какъ въ необходимомъ, окончательномъ итогѣ, выразились всѣ прежнія, тонко обдуманныя дѣйствія Годунова, направленныя къ вожделѣнной цѣли; выразились, сверхъ того, главныя основанія его послѣдующихъ дѣяній».

Затѣмъ разсматриваются его дѣянія до избранія и послѣ избранія. Они болѣе или менѣе извѣстны, и нѣтъ нужды раз-

сказывать ихъ вновь, тѣмъ болѣе, что г. Павловъ въ этомъ отношеніи не сдѣлалъ ничего новаго. Главная, существенная его заслуга, заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что онъ на извѣстные уже факты взглянулъ съ новой общей точки зрѣнія, и указалъ мѣсто, занимаемое ими въ постепенномъ развитіи Россіи. Такъ, заслоняя собою знатнѣйшіе боярскіе роды, Годуновъ продолжалъ дѣло двухъ Іоанновъ; учрежденіе патріаршества было, какъ думаетъ г. Павловъ, не менѣе органическимъ явленіемъ въ нашей церковной исторіи, ибо подготовлено и вызвано ходомъ предшествующихъ событій; въ указахъ 1592 и 1597 годовъ авторъ видитъ осуществленіе той же мысли, которую Іоаннъ III и Василій Іоанновичъ преслѣдовали, отмѣняя вѣчевой порядокъ, а Іоаннъ Грозный — смиряя потомковъ удѣльныхъ князей. Во всемъ, чтò сдѣлано Годуновымъ въ отношеніи къ торговлѣ и промышленности, въ его внѣшнихъ сношеніяхъ, въ его стремленіяхъ къ умственному и нравственному образованію Россіи, словомъ, во всей его государственной дѣятельности, часто вызываемой ближайшими, несовсѣмъ безкорыстными соображеніями, сознательно или безсознательно, умышленно или противъ воли и чаянія Борисъ слѣдовалъ историческому ходу событій. Уклоненій, скачковъ, неисторическихъ, несвоевременныхъ стремленій это царствованіе не представляетъ; напротивъ, каждый шагъ былъ развитіемъ началъ, появившихся въ предшествующій періодъ времени. Вотъ основная мысль. Развита она съ необыкновеннымъ талантомъ. Есть страницы блестящія, невольно увлекающія читателя. Г. Павловъ мастеръ писать; глубина мысли, чрезвычайная живость, мѣстами нѣкоторая восторженность оставляютъ сильное впечатлѣніе.

Несомнѣнный историческій талантъ г. Павлова, его взгляды и замѣчанія часто поразительной вѣрности обратили на себя должное вниманіе. Появленію новаго даровитаго изслѣдователя

русской исторіи всѣ обрадовались, и это впечатлѣніе отразилось въ критикѣ. «Авторъ сочиненія объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова, воспользовавшись новыми изслѣдованіями о родовомъ бытѣ въ древней Руси и переходѣ его въ бытъ государственный, остановился на грани двухъ эпохъ, въ преддверіи смутнаго времени и опредѣливъ значеніе царствованія Годунова, постарался объяснить и значеніе царствованія первыхъ государей изъ дома Романовыхъ, и, наконецъ, значеніе эпохи преобразованія. Все это сдѣлано въ очеркѣ краткомъ, но живомъ, сильно возбуждающемъ вниманіе, и вслѣдствіе того плодотворномъ въ наукѣ». Такъ отзывается о трудѣ г. Павлова безыменный критикъ въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ. Даже г. Погодинъ, расточительный на похвалы сотрудникамъ «Москвитянина», но бережливый на нихъ для тѣхъ, которые не имѣютъ счастія принадлежать къ избранному кружку, вотъ чтò говоритъ о г. Павловѣ. «Это (то-есть разсужденіе г. Павлова) опытъ молодаго человѣка, подающаго о себѣ прекрасныя надежды, съ примѣчательными, яркими проблесками ума, воображенія, знанія. Авторъ можетъ принести пользу русской исторіи, даже великую пользу» (за этимъ слѣдуютъ условія sine quibus non, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ). «Я вижу его талантъ, сознаю силу, любовь, и радъ отдать имъ честь при случаѣ».

При всѣхъ достоинствахъ, историческій трудъ г. Павлова имѣетъ свои недостатки. Увлекаясь общимъ взглядомъ, основною идеею, которую приводитъ въ своемъ разсужденіи, авторъ видитъ ея осуществленіе и въ такихъ событіяхъ, которыя не имѣли къ ней прямаго, непосредственнаго отношенія. Такъ изложеніе обстоятельствъ, вызвавшихъ указы 1592 (?) и 1597 годовъ, намъ кажется невѣрнымъ, а объясненіе внутренняго, историческаго значенія этихъ указовъ нѣсколько натянутымъ; то же должно сказать объ объясненіи историче-

скаго происхожденія дѣтей боярскихъ, разныхъ административныхъ мѣръ Годунова, нѣкоторыхъ подробностей и частностей нашего внутренняго быта въ это царствованіе. Источникъ всѣхъ этихъ недостатковъ скрывается, какъ мы сказали, въ нѣкоторомъ увлеченіи любимою мыслью, совершенно вѣрною въ основаніи, но которую авторъ какъ будто торопится провести въ малѣйшихъ подробностяхъ, и потому въ нѣкоторыхъ случаяхъ невполнѣ вѣрно и согласно съ фактами. Мысль его иногда какъ-будто забѣгаетъ впередъ событій; оттого нѣкоторымъ придано большее значеніе, чѣмъ какое они имѣли на самомъ дѣлѣ. Кромѣ того, есть длинноты, встрѣчаются неточности и неровности въ изложеніи.

Казалось бы, чего проще указать на эти частные недостатки и доказать ихъ? Мы заранѣе увѣрены, что г. Павловъ принялъ бы замѣчанія съ благодарностью и воспользовался ими при новыхъ трудахъ. Такъ бы и было, во этомъ нѣтъ сомнѣнія, еслибъ г. Павловъ не поставилъ теоріи родовыхъ отношеній во главу угла своего сочиненія, но болѣе всего, еслибъ онъ не имѣлъ неосторожности причислить себя къ одной категоріи съ г. Соловьевымъ, еслибъ не имѣлъ несчастія воспользоваться нѣкоторыми результатами его трудовъ. Еще не читая диссертаціи, только по VI ея страницѣ, гдѣ говорится о г. Соловьевѣ, да по нѣкоторымъ тезисамъ, да по двумъ-тремъ ссылкамъ мы тотчасъ подумали: достанется же г. Павлову отъ Нестора русской исторіи; добромъ это ему не пройдетъ! И мы не ошиблись: въ 8-мъ № «Москвитянина» явилась громовая статья на диссертацію г. Павлова. Въ ней г. Погодинъ задаетъ вопросъ: стóитъ ли диссертація одного изъ тезисовъ (7 го), выставленныхъ г. Павловымъ? Впечатлѣніе, оставляемое критикой то, что диссертація не стоитъ этого тезиса. «Стану говорить безъ околичностей», восклицаетъ г. Погодинъ: «насъ губитъ система, желаніе строить систему,

прежде чѣмъ приготовлены матеріалы. Молодые люди даровитые, дѣятельные, погибаютъ у насъ для науки. Слѣпецъ слѣпца ведетъ, оба падаютъ въ яму, да и благодарятъ другъ друга, поздравляютъ со славою! А журнальные крикуны (въ родѣ египетскихъ плакальщицъ) и праздные невѣжи, которымъ нѣтъ дѣла до науки, рукоплещутъ». Но это еще не все. «Ученые наши (по мнѣнію нелицепріятнаго критика) пускаются за облака, плаваютъ по воздуху». Это выраженіе: «плаваютъ по воздуху», такъ понравилось критику, что онъ, вѣроятно, въ видѣ остроты, называетъ нѣкоторыя разсужденія и выводы г. Павлова «воздухо и родоплаваніями». Объясненіе нашего стариннаго быта и исторіи родовыми отношеніями, родовымъ началомъ—критику какъ бѣльмо на глазу: онъ его стерпѣть не можетъ. «Отъ чистаго сердца желаю г. Павлову (восклицаетъ онъ) исцѣлиться отъ проказы родоваго быта, увлекшаго его въ лабиринтъ родовыхъ и прочихъ отношеній». «Эти слова (замѣчаетъ критикъ въ другомъ мѣстѣ) ясно показываютъ для того изслѣдователя, который смотритъ на нихъ не въ очки родоваго быта, коими извращаются предметы, что» и т. д. За то произносится и строгій приговоръ родоплавателямъ: «Наши витязи (говоритъ критикъ) воюютъ противъ авторитетовъ, чьихъ? Шлёцера, Карамзина, Добровскаго, а чьи авторитеты принимаютъ? Свои собственные! Обмѣнъ для насъ невыгодный»!

Мы не станемъ препираться въ остроуміи съ критикомъ; но эти періодическія выходки противъ новыхъ ученыхъ по части русской исторіи даютъ намъ право спросить у критика: потрудился ли онъ хоть одинъ разъ серьёзно подумать о томъ, что̀ говорятъ и пишутъ такъ называемые имъ родоплаватели? Мы имѣемъ сильныя причины подозрѣвать, что онъ несовсѣмъ ясно понимаетъ въ чемъ дѣло, ибо въ головѣ нашей никакъ не укладывается мысль, что нѣсколько непріятныхъ

истинъ, высказанныхъ печатно г. Погодину однимъ изъ самыхъ почтенныхъ и талантливыхъ молодыхъ ученыхъ, могли быть единственною причиною всего того, что̀ онъ писалъ о нихъ, и о ихъ трудахъ вообще. Итакъ, собственно для назиданія г. Погодина, въ первый и послѣдній разъ постараемся объяснить ему, откуда взялся новый взглядъ на русскую исторію, и въ чемъ онъ заключается.

Какую мы ни возьмемъ исторію, древняго или новаго народа, во всякой мы непремѣнно найдемъ связность, стройность явленій. Вникая въ эту связь и стройность, мы открываемъ и ихъ причину; мы замѣчаемъ, что вся исторія приводится къ одному или нѣсколькимъ главнымъ началамъ, основаніямъ, которыми и объясняются всѣ явленія въ жизни этого народа, опредѣляется ихъ связь и послѣдовательность. Стало-быть, чтобъ понять ходъ исторіи какого бы ни было народа, надо подмѣтить главныя начала, проходящія чрезъ жизнь этого народа. До послѣдняго десятилѣтія объ открытіи этихъ общихъ началъ въ русской исторіи никто не думалъ, по крайней мѣрѣ мы не видали и не знаемъ ни одной попытки. Конечно, въ этомъ никто не виноватъ. Всякое время имѣетъ свою задачу. Прежде все вниманіе было обращено на частные вопросы, на изслѣдованіе и возстановленіе историческихъ событій и данныхъ, на обработку матеріяловъ. Эти труды заслуживаютъ полной благодарности и уваженія; безъ нихъ нельзя и приступить къ наукообразной обработкѣ предмета; нисколько не порицая заслуженныхъ ветерановъ русской исторіи, живыхъ и умершихъ, мы только высказываемъ, что̀ и какъ было, и что для открытія основныхъ началъ, проходящихъ чрезъ всю русскую исторію, никто ничего не сдѣлалъ до послѣдняго десятилѣтія. Разглагольствованія, въ родѣ тѣхъ, что наши мѣстническіе споры соотвѣтствуютъ рыцарскимъ турнирамъ, что Іоаннъ Грозный соотвѣтствуетъ Христіану IV, что Петръ Великій

заслонилъ отъ насъ русскую исторію—хотя онъ ее собственно нисколько не заслонилъ—все это, конечно, не могло удовлетворить любознательность, или дать хоть малѣйшее понятіе объ основныхъ началахъ нашей исторической жизни.

Въ это-то время, когда въ нашей исторической литературѣ господствовалъ хаосъ, когда разные взгляды бродили нестройно и наугадъ, и до очевидности ясно стало, что безъ строго-научнаго систематическаго воззрѣнія наука русской исторіи, не можетъ идти дальше — нѣкоторымъ молодымъ любителямъ русской исторіи пришла въ голову мысль по пристальнѣе взглянуть на патріархальные элементы русской жизни, на которые, вѣроятно по ихъ общеизвѣстности и близости, никто еще не обращалъ надлежащаго вниманія и пытливаго ученаго взгляда. Конечно, много разъ и прежде придавался Руси эпитетъ — патріархальная; но что̀ собственно значитъ патріархальный и чѣмъ именно отличается отъ не-патріархальнаго—этого никто еще до того времени не потрудился объяснить. На это названіе многіе натолкнулись инстинктомъ, чутьемъ, не давая себѣ въ немъ яснаго отчета. А между тѣмъ, если этотъ эпитетъ могъ быть приданъ быту цѣлаго народа, характеризовать его, то ужь во всякомъ случаѣ онъ заслуживалъ особеннаго вниманія; то, что̀ характеризуетъ, должно заключать въ себѣ объясненіе всѣхъ особенностей характеризуемаго предмета. Итакъ, не въ патріархальныхъ ли элементахъ, которые и доселѣ такъ присущи намъ, должно искать объясненія разныхъ событій и явленій въ нашей исторіи, пока необъяснимыхъ и непонятныхъ? Не въ нихъ ли лежитъ ключъ, съ помощію котораго раскроется внутренняя связь происшествій, эпохъ и періодовъ русской исторіи? не въ нихъ ли затаенъ родникъ, изъ котораго текутъ многообразные источники нашей исторической жизни? Вотъ вопросъ, который представился этимъ любителямъ исторіи. Нѣкоторые опыты объяснить нашъ древ-

нѣйшій бытъ патріархальнымъ элементомъ были уже сдѣланы; Эверсъ воспользовался имъ, и съ большимъ успѣхомъ, толкуя первыя страницы лѣтописи и «Русскую Правду». Рейцъ, гораздо менѣе даровитый, послѣдовалъ его примѣру, и также съ успѣхомъ. Но это были отрывочныя попытки. Нельзя ли возвести ихъ въ цѣлое и объяснить этимъ элементомъ всю древнюю исторію Руси? Она такъ непохожа на всѣ другія исторіи, такъ необъяснима изъ общихъ началъ исторіи другихъ народовъ, и какъ нарочно именно тѣхъ, въ жизни которыхъ слабы патріархальные элементы...

Вотъ какія размышленія вызвали новый взглядъ, столько нелюбимый, Богъ знаетъ почему, г. Погодинымъ. Остановившись на этой мысли, тѣ же молодые любители русской исторіи стали послѣдовательно вникать въ междукняжескія отношенія, въ мѣстничество, въ древнюю систему управленія — словомъ, во всѣ главнѣйшія явленія древней русской народной жизни, и къ величайшей своей радости нашли, что патріархальнымъ элементомъ эти явленія объясняются очень просто и естественно, что различныя ея эпохи, періоды и явленія суть не что иное, какъ различныя видоизмѣненія одного и того же патріархальнаго элемента. Оставалось, затѣмъ, опредѣлить постоянный законъ, фурмулу этихъ видоизмѣненій — и каждый сдѣлалъ это по своему крайнему разумѣнію.

Что при первомъ своемъ появленіи новый взглядъ на русскую исторію высказался съ нѣкоторымъ увлеченіемъ — въ этомъ мы сознаемся тѣмъ охотнѣе, что за судьбу его въ будущемъ, кажется, нечего опасаться, вопреки предсказаніямъ г. Погодина: доказательствомъ можетъ служить наша современная историческая литература. Повторяемъ, были увлеченія, крайности при первомъ появленіи этого взгляда; встрѣчались и встрѣчаются доселѣ неправильныя его примѣненія — все это такъ. Но спрашивается: что̀ можетъ быть естествен-

нѣе? Кто изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ осмѣлится сказать, что онъ не дѣлалъ въ жизнь свою ошибокъ, не заблуждался? Неужели г. Погодинъ? Имѣя кой-какія данныя подъ руками, мы осмѣливаемся не вѣрить даже и въ его непогрѣшительность.

«Система, система губитъ васъ»! восклицаетъ г. Погодинъ къ молодымъ изслѣдователямъ русской исторіи. Но много ли вѣсятъ подобные возгласы? Когда рѣчь идетъ о выясненіи связи между событіями, ихъ внутренняго смысла, объ опредѣленіи организма, цѣлаго, нельзя обойдтись безъ систематическаго вгляда, нельзя замѣнить его, для разрѣшенія этихъ вопросовъ, отысканіемъ мѣста погребенія дьяка Ржевскаго, изслѣдованіемъ о предкахъ мурзы Чета, о географическомъ положеніи Тиуторакани! Кажется, это очень ясно. Возраженіе, что факты мало обработаны, и что-де потому рано еще думать о систематическомъ воззрѣніи на русскую исторію—и несправедливо, да и неискренно. На столько факты ужь разработаны, что можно подумать составить изъ нихъ цѣлое, можно обнять ихъ общимъ взглядомъ. Притомъ обработка ихъ продолжается и долго еще не прекратится, а систематическое воззрѣніе не только не повредитъ ей, но, напротивъ, поможетъ, освѣщая путь, разъясняя предметъ съ разныхъ сторонъ. Притомъ г. Погодинъ, кажется, совершенно опустилъ изъ вида, что изслѣдователи, трудящіеся надъ русской исторіей съ точки зрѣнія патріархальнаго или родоваго начала, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе излѣчиваются отъ крайностей и односторонности, въ которой ихъ упрекаютъ: каждое новое сочиненіе по этому предмету показываетъ большую и большую недовѣрчивость молодыхъ ученыхъ къ общимъ построеніямъ фактовъ, къ объясненію событій и историческихъ явленій изъ предпосланныхъ воззрѣній. Но, если, несмотря на то, большая часть этихъ ученыхъ изъ пристальнаго изученія источниковъ выно-

ситъ убѣжденіе въ справедливости, вѣрности главныхъ основаній новаго взгляда, то это ужь показываетъ, что неправъ г. Погодинъ, а не систематики и система.

Но допустимъ на минуту, что новые изслѣдователи обратили вниманіе на одно второстепенное, неважное, и упустили изъ вида существенное и главное. Пусть скажетъ г. Погодинъ, положа руку на сердце: неужели они ровно ничего не сдѣлали? неужели всѣ ихъ труды никуда негодятся? А если они сдѣлали хоть что-нибудь хорошаго, если въ ихъ выводахъ и взглядахъ есть хоть капля правды — положимъ на цѣлое море лжи — не удивительно и не странно ли, что ветеранъ русской исторіи отзывается о нихъ съ такимъ презрѣніемъ? И то и другое, конечно, болѣе забавно, чѣмъ обидно; но въ этихъ отзывахъ мало достоинства— вотъ это горестно. Юному перу иногда простительно отозваться рѣзко, бойко; но почтенному ученому, старѣйшему изъ всѣхъ наличныхъ изслѣдователей русской исторіи, спускаться на арену журнальныхъ выходокъ противъ молодыхъ ученыхъ, между которыми есть его слушатели, даже слушатели его слушателей... странно! Встрѣчая на страницахъ «Москвитянина» одни возгласы противъ себя, презрительные, отрывистые отзывы о своихъ трудахъ, что̀ должны подумать молодые ученые? Сперва нѣсколько озадаченные этимъ, они скоро перестанутъ вѣрить въ высокое безпристрастіе ученаго критика и справедливо заподозрятъ въ немъ оскорбленное самолюбіе, боязнь быть опереженнымъ, отсталость и несостоятельность въ наукѣ. Не наступило ли ужь это время? Желаемъ отъ души г. Погодину, чтобъ оно настало для него какъ можно позже.

Мы бы поняли еще негодованіе именитаго критика противъ новыхъ трудовъ, написанныхъ подъ вліяніемъ «проказы родоваго быта», еслибъ онъ хоть однажды серьёзно, систематически опровергъ новыя воззрѣнія, показалъ ихъ ничтожность

быть думцами; и какъ притомъ между ними были несогласія, распри, ненависти, то образовались партіи, и каждая изъ нихъ надѣялась возвратить утраченныя права съ отстраненіемъ соперниковъ. Ясно ли? Вотъ этимъ-то время Іоанна III, Василія, Грознаго и Θеодора отличается отъ времени Екатерины I, Петра II, Анны, Елизаветы, отъ исторіи французской, англійской, итальянской. Опровергая г. Павлова, г. Погодинъ надѣлалъ нѣсколько ошибокъ и обличилъ замѣчательное незнаніе фактовъ, довольно извѣстныхъ каждому, кто занимается русской исторіей. «Боярскую Думу», говоритъ г. Погодинъ, «составили нѣкоторые избранные, когда лицъ стало много въ старшей дружинѣ и начались подраздѣленія». Но откуда взялъ это г. Погодинъ? Гдѣ свидѣтельства? гдѣ данныя? Пусть онъ укажетъ ихъ намъ. А мы покуда знаемъ о составѣ Боярской Думы вотъ что̀: въ ней засѣдали не «нѣкоторые избранные», а всѣ — бояре и окольничіе — всѣ! Въ бояре же и окольничіе, по прямому свидѣтельству Котошихина, жаловались не всякаго званія и происхожденія люди, а только изъ извѣстныхъ родовъ; члены нѣкоторыхъ родовъ не бывали ниже бояръ; члены другихъ родовъ не бывали ниже бояръ и окольничихъ; наконецъ члены нѣкоторыхъ родовъ не бывали выше окольничихъ. Сообразите это извѣстіе съ указаннымъ нами выше составомъ Думы, и вы увидите, что она — не говоря о князьяхъ, русскихъ и пріѣзжихъ, и родственникахъ царей по женской линіи—была образована изъ извѣстныхъ родичей, составлявшихъ опредѣленный, замкнутый кругъ, сквозь который пробиться и стать въ первыхъ рядахъ около царскаго престола было весьма и весьма нелегко. Кто изъ незнатныхъ, кромѣ царскихъ родственниковъ и иноземныхъ служилыхъ князей, достигъ высокаго боярскаго сана? Годуновъ, да потомъ Басмановъ. А еще кто? Мы не знаемъ! Малюта-Скуратовъ былъ, кажется, любимцемъ Грознаго; нѣкоторые иностранцы,

въ томъ числѣ Крузе и Таубе, кажется, тоже пользовались его расположеніемъ; Мининъ, ужь, конечно, оказалъ нѣкоторыя услуги Московскому государству; именитые люди Строгановы сколько разъ ихъ оказывали? А эти лица не восходили выше степени думныхъ дворянъ. Установленіе этого достоинства, которое въ послѣдствіи тоже обратилось въ чинъ и потеряло первоначальное свое значеніе, принадлежитъ Іоанну; онъ первый ввелъ подъ этимъ названіемъ въ Боярскую Думу людей неродовитыхъ, незнатныхъ, неимѣвшихъ по своему происхожденію права на боярство или окольничество, и потому не могши принимать участія въ совѣщаніяхъ этой Думы. Видите: самъ Грозный не рѣшился облечь Скуратова въ санъ боярина, а вы говорите, что задолго до Өеодора и Грознаго боярство стало чиномъ! Конечно, оно стало чиномъ, но чинъ чину рознь: чинъ, даваемый по табели о рангахъ всякому, кто бы онъ ни былъ, если онъ только заслужилъ его, и чинъ, который давался тоже за заслуги, но не всѣмъ, а только членамъ извѣстныхъ фамилій, царскимъ родственникамъ—между тѣмъ и другимъ чиномъ неизмѣримая разница!

Потомъ г. Погодинъ перемѣшалъ еще двѣ вещи совершенно разныя: думцевъ, о которыхъ говоритъ Берсень въ слѣдственномъ дѣлѣ о Максимѣ Грекѣ, о которыхъ говоритъ Котошихинъ въ статьѣ о тайномъ приказѣ — и думцевъ, членовъ Боярской Думы. Послѣдніе имѣли притязанія, основанныя на недавно минувшемъ времени; первые дѣйствительно избирались независимо отъ ихъ происхожденія и званія. Но развѣ объ этихъ могла быть рѣчь? Г. Павловъ говоритъ о членахъ Боярской Думы, поймите это! Видно, четыреста лѣтъ русской исторіи, разложенныхъ г. Погодинымъ по составамъ, по слогамъ, недостаточно вразумили его насчетъ нѣкоторыхъ предметовъ. Рекомендуемъ разложить еще четыреста лѣтъ, и тоже по составамъ, по слогамъ...

«Это все на-обумъ» — продолжаетъ г. Погодинъ — «равно какъ и слѣдующее». Тутъ приведено то, что̀ говоритъ г. Павловъ на 23 стр. своей диссертаціи, именно: «По смерти Іоанна IV, при дворѣ составились двѣ партіи: одна, къ которой принадлежали Годуновъ, князья Шуйскіе и нѣкоторые другіе, хотѣла видѣть на престолѣ того, кому завѣщалъ скипетръ Грозный, — Ѳеодора; другая, напротивъ, къ которой принадлежали Нагіе и Бѣльскій, защищала права младенца Димитрія, послѣдняго удѣльнаго князя».

Вотъ гдѣ начинается страшная филиппика:

«Какъ (восклицаетъ г. Погодинъ) *партія* хотѣла видѣть Ѳеодора? Откуда вы взяли ее? Развѣ могло быть иначе? Ѳеодоръ былъ прямой наслѣдникъ. Всего забавнѣе, что г. Павловъ помѣщаетъ въ этой партіи Годунова и Шуйскихъ, а Шуйскіе *тотчасъ* возбудили мятежъ противъ друга Годуновскаго, Бѣльскаго, обвиненнаго въ намѣреніи возвести на престолъ Годунова! Не говорю уже о послѣдующихъ дѣйствіяхъ Шуйскихъ—планѣ развести Ѳеодора съ сестрою Годунова, Ириною, коею онъ только и держался. Вотъ какова первая партія! Поговоримъ теперь о второй, что защищала права младенца Димитрія. Но какія права имѣлъ Димитрій при Ѳеодорѣ? Въ чемъ состояла защита правъ этою партіею?

Г. Павловъ говоритъ: «эта партія попыталась было, вслѣдъ за смертью царя Іоанна, взять перевесъ надъ соперниками при помощи насилія, но проиграла свое дѣло, и вмѣстѣ съ царевичемъ принуждена была удалиться въ его удѣлъ, Угличъ».

«Гдѣ же этотъ опытъ? (восклицаетъ г. Погодинъ). Гдѣ насиліе? Укажите мнѣ его. Мы не знаемъ никакого. Помилуйте, можно ли говорить о такихъ важныхъ предметахъ съ такою легкостію! Карамзинъ сказалъ, что Дума къ родственникамъ вдовствующей царицы, Нагимъ, приставила стражу, обвиняя ихъ въ злыхъ умыслахъ, вѣроятно въ намѣреніи объявить юнаго Димитрія наслѣдникомъ Іоанновымъ. И Карамзинъ сказалъ это, не представивъ свидѣтельства».

Г. Павловъ говоритъ, что «Бѣльскій, оставшись въ Москвѣ, думалъ въ послѣдній разъ возвратить потерянное при

помощи стрѣльцовъ, но обманутый въ своемъ стремленіи, долженъ былъ поплатиться за свое предпріятіе ссылкой».

«Но Бѣльскій (возражаетъ г. Погодинъ) былъ вѣдь другъ Годунова? Съ чего берете вы, чтобъ онъ затѣвалъ что-либо ему вредное. Напротивъ, лѣтописи приводятъ молву совершенно противоположную... Какіе стрѣльцы помогали Бѣльскому? И въ чемъ состояли дѣйствія Бѣльскаго? Помилуйте — въ чемъ состояли дѣйствія Бѣльскаго, спрашиваю я васъ. Какія предпріятія онъ предпринялъ? Что за стремленія? Что̀ хотѣлъ онъ возвратить? О какой ссылкѣ вы говорите? Бѣльскій былъ только удаленъ на воеводство въ Нижній-Новгородъ. Каково распоряжается авторъ! Враговъ Годунова, Шуйскихъ, онъ пожаловалъ въ сообщники, а друга, Бѣльскаго, зачислилъ врагомъ. И вотъ какъ *эти господа* берутся толковать исторію! Или я, разлагавъ четыреста лѣтъ русской исторіи (мы чуть-чуть не прочли русск*ую* исто*рію*) по составамъ, по словамъ, собиравъ къ каждому слову всѣ свидѣтельства, такъ привыкъ къ этимъ положительнымъ свидѣтельствамъ, что не могу понимать идей, или, или... Но я предоставляю читателямъ кончить эту рѣчь. Но это еще не все».

«Сторонники Θеодора», говоритъ г. Павловъ, «съ своей стороны не могли тѣмъ ограничиться и должны были идти до конца: къ тому побуждало ихъ чувство самосохраненія. Вдали отъ Москвы, въ Угличѣ, росъ, подъ вліяніемъ Нагихъ, ихъ будущій непримиримый врагъ, царевичъ Димитрій: сторонникамъ Θеодора необходимо было отъ него отдѣлаться навсегда, и невинный младенецъ (въ 1591 г.) погибъ подъ ножомъ убійцъ, унеся съ собой въ могилу лучшія надежды Нагихъ».

«Какіе были сторонники Θеодора? (вопрошаетъ г. Погодинъ) КТО, КТО, КТО? Они придуманы, они сочинены г. Соловьевымъ; но какъ же вы, господинъ докторъ, рѣшаетесь повторять произвольныя мнѣнія, не провѣривъ ихъ дѣйствительностію?... Помилуйте, подлѣ Θеодора стоялъ одинъ Годуновъ, а прочіе бояре были врагами Годунова, кромѣ его собственнаго рода, и то не всего. Какіе сторонники были у Θеодора? На что Θеодору было имѣть сторонниковъ? Это былъ законный, прирожденный государь, противъ котораго никто не имѣлъ и не могъ имѣть ничего! Годуновъ сдѣлался правителемъ государства. А куда же дѣвались сторонники Θеодора? И между тѣмъ на этомъ *выдуманномъ* сторонничествѣ *сочинены* царевичу Димитрію новые убійцы, о которыхъ, *нигдѣ, ни кѣмъ, не было помину ни въ актахъ, ни въ лѣтописяхъ, ни въ сказаніяхъ, ни въ преданіяхъ*. Эта *странность*

выдана была г. Соловьевымъ въ «Современникѣ», года три назадъ. Я промолчалъ, какъ о мнѣніи журнальной статьи, но теперь оно является въ докторской диссертаціи, переносится въ науку — помилуйте, этого *пропустить нельзя:* всему есть мѣра. Я считаю ученымъ преступленіемъ молчать въ этомъ случаѣ, или говорить съ *подслащеніемъ*».

Какое счастіе, подумали мы, прочитавъ этотъ рядъ возгласовъ, что по критикамъ г. Погодина не составляется у насъ окончательное мнѣніе о молодыхъ ученыхъ, впервые выступающихъ на учено-литературное поприще! Какое счастіе, что иные читатели не вѣрятъ на слово никому, даже самому г. Погодину, и забираютъ нужныя справки, чтобъ узнать истину! А то плохо бы пришлось г. Павлову.

Въ возгласахъ г. Погодина, во сколько они не одни знаки вопрошенія и удивленія, поражаютъ двѣ вещи: незнакомство съ источниками и крайняя, непростительная въ ученомъ опрометчивость. Приведенныя слова г. Павлова суть не что̀ иное, какъ сжатый выводъ того, что пространнѣе сказалъ о томъ же предметѣ г. Соловьевъ въ упомянутомъ нами «Обзорѣ». Г. Соловьевъ, котораго въ незнаніи упрекнуть довольно трудно, подкрѣпляетъ свои положенія—именно тѣ самыя, которыя такъ возмущаютъ душу г. Погодина—ссылками на Одерборна, Горсея и на сказаніе Авраамія Палицына. Вы, можетъ-быть, не читали ихъ, г. Погодинъ? Прочтите и подумайте, а потомъ ужь эти господа станутъ съ вами спорить, и увидимъ, кто правъ, кто виноватъ. Вы говорите, что мнѣніе г. Соловьева объ убіеніи царевича Димитрія—странность. Но чтобъ доказать эту «странность», г. Соловьевъ разобралъ и всѣ свидѣтельства въ памятникахъ, и мнѣніе Карамзина, и ваше, по словамъ, подробно, критически на восьмнадцати страницахъ мелкой печати. А вы и не потрудились опровергнуть хоть бы десятую долю его доводовъ. Позвольте же не вѣрить вамъ на слово, когда вы такъ самонадѣянно называете странностію

добросовѣстно, тщательно выведенное изъ фактовъ мнѣніе. Опровергните его въ основаніи, тогда другое дѣло.

Этого мало: г. Павловъ ясно говоритъ, что послѣ смерти Грознаго явились двѣ партіи, изъ которыхъ одна стояла за Өеодора, другая за Димитрія. О томъ, были ли друзьями и благопріятелями между собою сторонники Өеодора и сторонники Димитрія—ни слова. Что жь дѣлаетъ г. Погодинъ? Онъ навязываетъ г. Павлову мнѣніе, будто бы Годуновъ и Шуйскій, напримѣръ, были друзьями между собою, да и говоритъ: какъ! Годуновъ и Шуйскій были друзья! какъ это можно! что̀ вы? въ умѣ ли вы? и т. под. Вотъ ученые пріемы критика. Пріискать имъ соотвѣтствующій терминъ предоставляемъ самому г. Погодину.

Мы не станемъ надоѣдать читателямъ дальнѣйшими выписками изъ критики г. Погодина на диссертацію г. Павлова. Вся она написана въ томъ же духѣ, въ томъ же тонѣ, съ тѣмъ же расположеніемъ къ молодому таланту, впервые выступающему печатно на судъ любителей и знатоковъ русской исторіи. Достойно при этомъ замѣчанія, что, нападая на г. Павлова тамъ, гдѣ г. Павловъ дѣйствительно неправъ, г. Погодинъ съ особеннымъ искусствомъ выбираетъ доводы самые слабые и, поправляя, самъ тутъ же дѣлаетъ ошибки. Такъ, сказанное г. Павловымъ объ отношеніяхъ Годунова къ духовенству, конечно, слишкомъ смѣлая ипотеза; они, конечно, были возможны, если вспомнимъ, что Годунова представляютъ современники «потаковникомъ ереси латинской и армянской», и что онъ любилъ иностранцевъ и иностранные нравы; но все это еще не историческія доказательства въ такомъ важномъ вопросѣ; а г. Погодинъ считаетъ годы и говоритъ: низверженіе митрополита Діонисія произошло раньше, чѣмъ призваніе иностранцевъ и отправленіе Русскихъ въ чужіе краи. Что̀ это за опроверженіе! Развѣ образъ мыслей Бориса и его понятія стали извѣ-

стны только съ той минуты, какъ онъ рѣшился призывать иностранцевъ и отправлять за границу Русскихъ? Глубокая психологія и историческая критика, нечего сказать!

Неостроумнѣе возраженіе и по поводу мнѣній г. Павлова объ учрежденіи патріаршества. Это событіе, поставляя во главѣ духовенства Іова, преданнаго Годунову, въ то же время однажды навсегда прекращало зависимость нашей церкви отъ константинопольскаго патріархата. Вотъ его существенное историческое значеніе. Оно тѣмъ важнѣе, что задумано издавна и было результатомъ и послѣднимъ звеномъ усилій, обнаруженныхъ, начиная съ Ярослава, многими великими князьями кіевскими и въ особенности московскими. Это и говоритъ г. Павловъ, только другими словами. Четыреста лѣтъ русской исторіи, разложенныхъ по словамъ, по составамъ, не помогли г. Погодину замѣтить и уразумѣть это.

Впрочемъ, мы не хотимъ подражать критику въ упорствѣ переиначивать мнѣнія своихъ противниковъ, видѣть въ нихъ одно худое и забывать хорошее. Во всемъ томъ, что̀ говоритъ далѣе критикъ въ опроверженіе мнѣній г. Павлова объ указахъ 1592 и 1597 годовъ, причинахъ ихъ, поводахъ, значеніи и послѣдствіяхъ, есть много правды. Г. Павловъ взглянулъ на предметъ слишкомъ отвлеченно, увлекся своимъ основнымъ взглядомъ и недостаточно взвѣсилъ всѣ обстоятельства. Но, говоря: много правды, мы далеко не хотимъ сказать, чтобъ все, написанное по этому случаю г. Погодинымъ, было правдой. Такъ, г. Павловъ неправъ, утверждая, что дѣтьми боярскими назывались сироты боярскіе; но правъ ли г. Погодинъ, приводя нѣсколько свидѣтельствъ о многочисленности боярскихъ дѣтей при двухъ Іоаннахъ и Ѳеодорѣ и остроумно замѣчая при этомъ: «Это все сироты! Каково они разродились!» Г. Павловъ сказалъ: древле, то-есть встарину, въ прежнія времена. Зачѣмъ же приписывать г. Павлову нелѣпое мнѣніе,

будто-бы въ XVI вѣкѣ всѣ дѣти боярскія были боярскіе сироты? Вѣдь онъ этого не говоритъ!

Справедливѣе всего замѣтки г. Погодина касательно указовъ Θеодора и его преемниковъ о Юрьевѣ днѣ. Но и тутъ, очень налегая на то, что никто до него (то-есть, разумѣется, до г. Погодина) не замѣтилъ, что въ указѣ 1597 года говорится о крестьянахъ «которые выбѣжали», критикъ самъ не замѣтилъ, что этотъ указъ, именно потому, что въ немъ говорится о бѣжавшихъ, бѣглыхъ, не имѣетъ никакого отношенія къ крестьянскимъ выходамъ, то есть къ оставленію крестьянами земли по исполненіи всѣхъ закономъ и обычаемъ установленныхъ обязательствъ относительно землевладѣльцевъ. Не замѣтилъ также г. Погодинъ, а съ нимъ и весьма многіе изслѣдователи, что пятилѣтняя давность для поимки бѣглыхъ крестьянъ нимало не даетъ права думать, что въ 1592 или 1593 году былъ изданъ указъ, отмѣнившій Юрьевъ день. На этотъ указъ нигдѣ не находимъ ни ссылки, ни указанія; только въ соборной указной грамотѣ 1607 года, 9 марта, читаемъ между прочимъ, что «Царь Θеодоръ Іоанновичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ». Но когда это было, объ этомъ ни слова. Указъ 1592 или 1593 года есть фикція ученыхъ, ничѣмъ неподкрѣпляемая; можетъ-быть, онъ былъ, а можетъ-быть и не былъ. Наконецъ г. Погодинъ замѣтилъ мнѣніе г. Павлова, «что при существованіи удѣльной системы, при существованіи запрещенія перехода общинниковъ изъ одного княжества въ другое на поселеніе, очевидно церковь съ трудомъ могла свободно, по своему усмотрѣнію, переводить на свои льготныя земли достаточное количество рабочихъ рукъ для ихъ воздѣлыванія, и крестьяне весьма часто должны были жить на земляхъ собственниковъ мелкихъ. Оттого и въ интересѣ духовенства, большаго вотчинника, и въ интересѣ крестьянъ было паденіе удѣль-

ной системы, стѣснявшей право перехода по всему пространству земель Руси сѣверо-восточной». (Примѣчаніе 62, стр. 115 и 116). Мы говоримъ, что г. Погодинъ замѣтилъ это мнѣніе, но, за возгласами, не вникъ хорошенько, въ чемъ именно оно неправильно и несогласно съ фактами. Мы съ своей стороны считаемъ это мнѣніе ошибочнымъ, потому что во многихъ жалованныхъ грамотахъ монастырямъ находимъ слѣдующую статью: «а людей имъ въ то село моихъ Великаго Князя не принимати». Сверхъ того, льготы крестьянамъ, поселеннымъ на монастырскихъ земляхъ, давались обыкновенно на тотъ случай, если эти поселенцы были вызваны или перешли изъ «иныхъ» княженій; оба эти обстоятельства даютъ поводъ думать, что уничтоженіе удѣльной системы не только не открыло бо́льшаго пространства для переходовъ поселянъ, но, напротивъ, затруднило ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы думаемъ, вопреки утвержденіямъ г. Погодина, что около временъ Іоанна IV дѣйствительно стала было развиваться у насъ бродячая жизнь, породившая шайки «лихихъ людей», разбойниковъ, которые нападали на села и чинили всякія неустройства. Объ этомъ свидѣтельствуетъ изданіе, въ царствованіе Грознаго, особеннаго уголовнаго устава, который тѣмъ весьма замѣчателенъ, что впервые вводитъ у насъ слѣдственный порядокъ судопроизводства, дотого неизвѣстный въ Россіи. Читая уставъ и древнѣйшія губныя грамоты, сходныя съ нимъ въ главныхъ основаніяхъ, и невосходящія далѣе временъ Грознаго, мы видимъ, что новое судопроизводство и предупредительныя полицейскія мѣры принимаются именно противъ разбойниковъ и убійцъ, которые входили въ селенія и совершали въ нихъ преступленія. Оттого-то сначала этимъ порядкомъ розыскивались и судились одни вѣдомые лихіе воровскіе люди; преступленія, совершаемыя не этими людьми, хотя бы они были не менѣе важны, долго продолжали судиться обыкновеннымъ обвинительнымъ, граждан-

скимъ порядкомъ; слѣды этого видны даже въ «Уложеніи» царя Алексѣя Михайловича. Такимъ образомъ, появленіе уголовнаго устава и уголовнаго судопроизводства показываетъ, что лихихъ людей развелось много, и что противъ нихъ были приняты чрезвычайныя мѣры. Отчего развелись эти люди? Не оттого ли, что переходы усилились, а съ тѣмъ вмѣстѣ, въ нѣкоторыхъ, и бродяжество, склонность къ гулячей, праздной жизни? Это дѣйствительно могло быть такъ, и потому постепенная отмѣна Юрьева дня могла быть мѣрой полицейской предупредительной. А какъ мѣра, долженствовавшая утвердить осѣдлость, или, если хотите, поддержать ее, когда одного обычая и нравовъ стало недостаточно—отмѣна переходовъ представляла звено въ цѣломъ рядѣ аналогическихъ явленій, предшествовавшихъ и послѣдующихъ; сперва усѣлись на мѣстахъ князья; потомъ запрещенъ отъѣздъ бояръ, придворныхъ, служилыхъ людей; потомъ переходъ крестьянъ; потомъ затруднены добровольные переходы изъ посадскихъ тяглыхъ и черныхъ царскихъ людей въ другіе разряды; чѣмъ ближе къ Петру, тѣмъ выходъ изъ одного званія въ другое становился труднѣе и труднѣе. Эту-то мысль и высказываетъ г. Павловъ, и нельзя отказать ей въ основательности, хотя объясненіе всѣхъ историческихъ явленій, сюда относящихся, изъ родоваго начала и неудовлетворительно. Но какъ не извинить нѣкотораго увлеченія въ молодомъ ученомъ, когда старѣйшій изъ наличныхъ изслѣдователей русской исторіи прощаетъ конечно—самъ себѣ—промахи несравненно менѣе извинительные! Творецъ математическаго метода въ изученіи нашей старины говоритъ, напримѣръ, вотъ что: «Помилуйте! Неужели вы думаете, что крестьяне когда-нибудь переходили издалека! Это не могло иначе быть, какъ по сосѣдству. Гдѣ крестьянину на парѣ своихъ кляченокъ перебраться отъ Юрьева дня осенняго до заморозовъ въ далекое мѣсто? А всего сроку двѣ недѣли. Это

учрежденіе о двухъ недѣляхъ весьма важно, и вѣрно начинало уже гораздо прежде Годунова ограничивать право перехода. На него также никто не обращалъ вниманія». Обращали на это вниманіе, не одни вы, можемъ васъ увѣрить, да не говорили ничего, потому что говорить-то не о чемъ было! Осенній срокъ предложенъ былъ только для отъѣзда, для «отказа», а не для пріѣзда крестьянъ. «А крестьянамъ отказыватися изъ волости въ волость, и изъ села въ село, одинъ срокъ въ году», гласитъ 88 статья «Судебника» Іоанна Грознаго; «а срокъ крестьянамъ отписывати Юрьевъ день осенній, да послѣ Юрьева дни въ двѣ седмицы» гласитъ указъ Годунова 1710 года, ноемврія 21; стало-быть, поселянинъ могъ взять сколько ему угодно времени на переѣздъ изъ одного мѣста въ другое; онъ не могъ только «отказываться» иначе, какъ на юрьевскій срокъ, по закону. Вотъ въ чемъ сила. А вы этого и не замѣтили?...

Того, что мы сказали, кажется, теперь достатонно, чтобъ дать ясное понятіе о томъ, какъ пишутся рецензіи г. Погодина объ изслѣдователяхъ русской исторіи. Разбирать эти рецензіи не стоитъ: это безполезная трата времени. Повторяемъ, мы взяли на себя этотъ трудъ въ первый и послѣдній разъ. Г. Погодинъ можетъ впредь ратовать сколько ему угодно противъ «родоплавателей», противъ «проказы родоваго быта» и т. п.,—мы будемъ молчать по прежнему. Не пускаясь на арену журнальной полемики, въ которой, повидимому, такъ хорошо и привольно г. Погодину, мы хотѣли только показать ему, что не чувство собственнаго безсилія и не сознаніе превосходства г. Погодина заставляетъ молчать тѣхъ ученыхъ, противъ которыхъ направлены стрѣлы его краснорѣчія и остроумія. Сознаніе правоты спокойно, не нуждается въ выходкахъ. Поучителенъ примѣръ, который подаютъ противники г. Погодина въ области русской исторіи. Они, по крайнему своему разумѣнію, разби-

раютъ новыя сочиненія спокойно, прилично, считая обязанностью воздать полную справедливость и хвалу даже тѣмъ изъ нихъ, которыя написаны несогласно съ ихъ мнѣніями; ошибки, промахи, ложныя воззрѣнія опровергаются и указываются съ полнымъ уваженіемъ къ труду и заслугамъ писателя, съ возможнымъ безпристрастіемъ и пощадой личности автора. Такова, напримѣръ, критика на диссертацію г. Павлова, помѣщенная въ III книжкѣ «Современника». Почтенный рецензентъ не подписалъ своего имени; но мы убѣждены, что онъ принадлежитъ къ числу молодыхъ изслѣдователей русской исторіи, и убѣжденіе свое основываемъ на спокойномъ тонѣ критики, видимомъ благорасположеніи къ автору и дѣльности возраженій. Критикъ скупъ на похвалы, но за то мы не встрѣчаемъ у него ни одной выходки, ни одного возгласа. Правда, съ нѣкоторыми изъ его возраженій мы не можемъ вполнѣ согласиться; такъ онъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ строго судитъ Бориса за неудачу въ пріобрѣтеніи Ливоніи, также, кажется намъ, онъ слишкомъ рѣшительно отрицаетъ, что дѣти боярскія могли служить у бояръ и получать отъ нихъ помѣстья: прямаго извѣстія о дѣтяхъ боярскихъ, состоявшихъ на службѣ у бояръ, точно нѣтъ; но что послѣдніе были окружены дворомъ, состоявшимъ не изъ однихъ ихъ крѣпостныхъ людей — очень вѣроятно, и на это есть намеки; такъ, намѣстники въ областяхъ сажали волостелями и тіунами изъ своихъ приближенныхъ и по своему усмотрѣнію, а волостелинство и тіунство было, въ меньшихъ размѣрахъ, нѣчто похожее на помѣстное право и во всякомъ случаѣ было кормленіемъ, которое, какъ думаемъ, приготовило помѣстную систему. Въ XVII вѣкѣ свиту бояръ составляли ихъ «знакомцы» — кліенты, находившіеся вѣроятно подъ ихъ защитой и покровительствомъ и сохранившіеся позже подъ именемъ нахлѣбниковъ; наконецъ у Карамзина находимъ изчисленіе послужильцевъ — служилыхъ людей, распущенныхъ

изъ княжескихъ и боярскихъ дворовъ, по покореніи Новагорода, и получившихъ отъ Іоанна III помѣстья въ Вотской Пятинѣ, (Кар. Т. VI, примѣч. 201, по 1-му изд.). Такъ какъ чинъ боярскаго сына былъ самый низшій, въ который, въ послѣдствіи, поступали лица изъ всякихъ, даже несвободныхъ званій, то г. Павловъ могъ, съ нѣкоторымъ основаніемъ, думать или предполагать, что многія или нѣкоторыя дѣти боярскія находились въ службѣ у бояръ и отъ нихъ въ послѣдствіи переходили въ царскую службу, какъ это было съ Новгородскими послужильцами. Но во всякомъ случаѣ, кто бы ни былъ правъ, критикъ или мы, намъ пріятно спорить съ нимъ, потому что онъ имѣетъ, какъ видно, ясное понятіе о значеніи и достоинствѣ ученыхъ преній и не выходитъ за черту, указываемую должнымъ уваженіемъ къ личностямъ.

ИСТОРІЯ СУДЕБНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ВЪ РОССІИ. *Соч. Константина Троцины. Спб. 1851.*

Мы не однажды указывали на весьма похвальное направленіе, особливо въ послѣднее время обнаружившееся въ нашей литературѣ, составлять историческія и догматическія обозрѣнія русскаго законодательства. Сочиненіе г. Троцины принадлежитъ къ этому разряду. Оно содержитъ въ себѣ историческій обзоръ нашихъ судебныхъ учрежденій отъ древнѣйшаго времени до послѣднихъ преобразованій, которыя вошли въ «Сводъ Законовъ». Матеріяловъ собрано г. Троциною множество, и изложены они, вообще говоря, недурно. Польза его сочиненія безспорна. У насъ до сихъ поръ не было подобнаго, и, какъ первый трудъ въ своемъ родѣ, оно, во всякомъ случаѣ имѣетъ свое достоинство. Полагая, что именно поэтому разбираемая нами книга будетъ имѣть обширный кругъ читателей,

особенно между служащими по судебной части и молодыми людьми, изучающими русское законодательство, мы считаемъ обязанностью указать на нѣкоторые недостатки сочиненія г. Троцины, въ предупрежденіе мало знакомыхъ съ этимъ предметомъ и для указанія автору необходимыхъ исправленій при будущихъ изданіяхъ его книги.

Сочиненіе г. Троцины не ученый трудъ, а компиляція, и компиляція несовсѣмъ — полная. 387 страницъ въ восьмую долю малаго формата не могутъ содержать въ себѣ полную исторію нашихъ судебныхъ учрежденій, особенно когда эта исторія излагается въ такомъ объемѣ въ первый разъ. Другое дѣло, еслибъ предметъ былъ уже прежде изслѣдованъ и обработанъ литературнымъ и ученымъ образомъ. Эта неполнота обнаруживается при самомъ поверхностномъ взглядѣ на книгу. Такъ мѣстныя судебныя учрежденія, кромѣ бессарабскихъ и малороссійскихъ, неизвѣстно почему, опущены. Если они не входили въ планъ сочинителя, то не было основанія говорить только о нѣкоторыхъ. Далѣе, судебныя учрежденія, на основаніи нынѣ дѣйствующаго законодательства, изложены слишкомъ сокращенно. Они занимаютъ всего девять страницъ, и на этихъ девяти страницахъ упоминается только о Правительствующемъ Сенатѣ, Святѣйшемъ Синодѣ, двухъ Палатахъ, Совѣстномъ Судѣ, Уѣздномъ Судѣ, Магистратахъ и Ратушахъ, Волостныхъ и Сельскихъ Расправахъ; о всѣхъ другихъ учрежденіяхъ, облеченныхъ судебной властью, именно о Государственномъ Совѣтѣ, Словесныхъ и Третейскихъ Судахъ, также о мѣстныхъ и особенныхъ судебныхъ установленіяхъ не гововорится ни слова. Ясно, что предметъ обнятъ авторомъ невполнѣ, особенно въ концѣ сочиненія.

Кромѣ неполноты, трудъ г. Троцины имѣетъ и другіе недостатки. Приступая къ составленію своего сочиненія, авторъ недостаточно уяснилъ себѣ общія теоретическія основанія

предмета. Оттого вездѣ, гдѣ говорится о судоустройствѣ вообще, гдѣ выставляются его характеристическія начала и основанія, замѣтна въ изложеніи какая-то запутанность, сбивчивость, неясность понятій. Гдѣ начинается судъ и оканчивается дѣйствіе административной власти, какіе бываютъ различные роды и виды суда по порядку производства и различію предметовъ и иску, подлежащихъ судебному разбирательству — все это, какъ-будто неясно самому автору. Оттого и самое сочиненіе вышло несовсѣмъ стройнымъ сборникомъ однородныхъ, правда, но неприведенныхъ въ систему фактовъ. Для доказательства выписываемъ нѣсколько мѣстъ изъ книги г. Троцины.

«Судоустройство Россіи, въ постепенномъ своемъ развитіи, слѣдуетъ трояким формамъ (?), вѣрно характеризирующимъ состояніе политической (?) жизни Россіи въ тотъ періодъ времени, въ которой онѣ развиваются; въ развитіи со стороны формы заключается вся исторія нашихъ судебныхъ учрежденій; онѣ существуютъ и развиваются вслѣдствіе необходимости отвѣчать внутренней жизни народа въ томъ ея видѣ, въ какомъ она представляется, и только развѣ съ начала новой исторіи судоустройство принимаетъ болѣе государственный (?) видъ». (Стр. 1).

Трудно понять, что̀ хотѣлъ всѣмъ этимъ сказать авторъ. Какъ ни станемъ мы толковать—или выйдетъ наборъ словъ, худо прикрывающій сбивчивость и нетвердость понятій, или получатся положенія теоретически и исторически невѣрныя.

«Петръ I, заимствуя установленія иноземныя, нашелъ между ними новыя начала для жизни государственной; отъ иностранцевъ онъ занялъ формы государственнаго управленія и суда, и, утвердивъ ихъ на русской почвѣ, въ короткое время совершенно сроднилъ съ русскою жизнью. Государственная жизнь Россіи была уже довольно развита сообразно своему времени, такъ что, при данномъ ей новомъ направленіи, легко было отыскать въ самомъ устройствѣ приказовъ формы, согласныя съ этимъ направленіемъ и неуничтожающія прежняго значенія государственной жизни; (?) для этого требовалось только: 1) сдѣлать правильнѣйшее раздѣленіе между предметами вѣдомства судебныхъ мѣстъ (авторъ вѣрно хотѣлъ сказать: правильнѣйшее раздѣленіе предметовъ вѣдомства между судебными мѣстами); 2) дать каждому изъ нихъ стройный

внутренній составъ, котораго онѣ почти были лишены и 3) уничтожить цѣлыя отрасли отдѣльнаго завѣдыванія, которыя, при новомъ образованіи государства становились гораздо проще и слѣдовательно могли удобно соединяться въ одинъ самостоятельный предметъ, другія же и совсѣмъ могли быть уничтожены. Привнесенныя Петромъ Великимъ начала государственнаго управленія и суда не были чужды народной жизни Россіи; напротивъ, между ними и сею послѣднею существовала внутренняя связь, бывшая причиною того, что эти начала вполнѣ принялись и утвердились въ Россіи. Введенное со времени Петра Великаго въ Россію начало управленія вообще было чисто коллегіальное... Существовавшіе до его времени приказы, какъ мы уже выше замѣтили, не имѣли устройства совѣщательнаго; состоя изъ нѣсколькихъ членовъ, они или предоставляли слишкомъ много власти предсѣдателю, или же часто состояли изъ одного только члена, который собственною властію рѣшалъ зависящія отъ него дѣла». (Стр. 119—121).

Это мѣсто, еще болѣе чѣмъ предыдущее, доказываетъ, какъ сбивчиво, неясно авторъ смотритъ на предметъ. Основная мысль объ отношеніи древнихъ и новыхъ формъ управленія намъ кажется вѣрною; но какъ странно она выражена! Если въ устройствѣ приказовъ заключалось, положимъ, въ зародышѣ все, что̀ достигнуто введеніемъ коллегій, то почему же введены онѣ? Это покрайней мѣрѣ слѣдовало бы объяснить. Высказавъ эту мысль, г. Троцина, какъ-будто въ опроверженіе ея, доказываетъ, что коллегіи и приказы были совершенно различны, и по этому поводу впадаетъ въ явную ошибку, смѣшивая коллегіяльное устройство съ совѣщательнымъ и отрицая у приказовъ послѣднее, тогда какъ слѣдовало бы отрицать въ нихъ устройство коллегіяльное, а отнюдь не совѣщательное.

Эта неопредѣленность, нетвердость общихъ воззрѣній автора чувствуется въ цѣлой книгѣ. Сколько можно понять изъ изложенія, какъ мы видѣли нѣсколько туманнаго и сбивчиваго, основная мысль г. Троцины заключается въ томъ, что наше судоустройство, въ историческомъ своемъ развитіи, представляетъ три формы: сначала личную, потомъ совѣщательную, именно въ приказахъ — форму, въ которой есть уже зачатки

коллегіяльнаго устройства, и, наконецъ, форму чисто коллегіяльную. Мы не раздѣляемъ этого взгляда, и ниже представимъ доказательства, почему именно. Но допустимъ, что это и такъ. Спрашивается, неужели одни эти начала обнимаютъ и опредѣляютъ собою исключительно все историческое развитіе нашихъ судебныхъ учрежденій? А порядокъ дѣлопроизводства и судопроизводства? а личный составъ судебныхъ учрежденій изъ выборныхъ или коронныхъ чиновниковъ, а кругъ ихъ вѣдомства, опредѣленный территоріею, особеннымъ родомъ дѣлъ, или сословіемъ и т. д. — развѣ эти и многія другія начала, опредѣляющія характеръ и значеніе судебныхъ установленій, могутъ быть оставлены въ сторонѣ при изслѣдованіи ихъ историческаго развитія? Очевидно, авторъ не позаботился осмотрѣть со всѣхъ сторонъ предметъ, или покрайней мѣрѣ главнѣйшихъ изъ нихъ и наиболѣе выдающихся впередъ; этимъ только и можно объяснить, почему онъ всю историческую судьбу судебныхъ установленій разсматриваетъ только съ одной изъ многихъ сторонъ, необращая вниманія на остальныя.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ частностямъ. На стр. 2-ой авторъ говоритъ:

«Въ началѣ политической жизни Россіи мы не находимъ еще судебныхъ учрежденій въ собственномъ смыслѣ этого слова; простота всѣхъ отношеній въ народѣ позволяла обозрѣвать ихъ съ одного разу; и, въ случаѣ сомнѣнія, рѣшать на основаніи обычая, слѣдовательно даже частному лицу; юридическія начала, не будучи сознаны народомъ, находились въ какомъ-то безразличномъ смѣшеніи; по этому предметы гражданскаго и уголовнаго права не отдѣлялись строго одни отъ другихъ и самые гражданскіе законы носили характеръ уголовнаго права. Причины этого легко изъяснить: законы уголовные, мѣрами, опредѣляемыми въ нихъ, охраняютъ права государства, нарушаемыя часто, хотя и въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ, но въ такой мѣрѣ, что это нарушеніе вредитъ благосостоянію цѣлаго общества, или вовсе лишая этотъ членъ возможности продолжать свою дѣятельность, или по крайней мѣрѣ на долго прекращая оную; но какъ первое стремленіе возникающаго государства есть упрочить внутренній бытъ свой точнымъ опредѣленіемъ условій юридической жизни и огражденіемъ безопасности цѣлаго: по этому права государственныя

охраняющія прежде и болѣе всего обратятъ на себя вниманіе законодателя; гражданскія же отношенія, какъ опредѣляемыя частными условіями и договорами, развиваются подъ вліяніемъ обычаевъ, и ежели становятся предметомъ права, какъ закона сознаннаго, то только въ той мѣрѣ, въ какой онѣ касаются права государственнаго».

Здѣсь какъ и вездѣ, гдѣ только рѣчь идетъ объ общихъ положеніяхъ, авторъ выражается удивительно сбивчиво: все у него какъ-то перемѣшано. Говоря о судебныхъ учрежденіяхъ, г. Троцина, не знаемъ почему, вдругъ переходитъ къ смѣшенію гражданскаго и уголовнаго права въ древнѣйшихъ законодательствахъ и мимоходомъ въ нѣсколькихъ словахъ рѣшаетъ одинъ изъ важнѣйшихъ историческихъ вопросовъ, почему въ это время предметомъ законодательства является преимущественно уголовное право. Выводы его отчасти невѣрны, отчасти сдѣланы слишкомъ поверхностно и бездоказательно. Оставя въ сторонѣ все то, чтò нейдетъ прямо къ дѣлу, т. е. къ судебнымъ учрежденіямъ, замѣтимъ только, что взглядъ автора на послѣднія, въ самомъ началѣ, какъ онъ выражается, политической нашей жизни, невѣренъ, ошибоченъ. Изъ чего видно, что у насъ не было судебныхъ учрежденій «въ собственномъ смыслѣ слова»? Чтò значитъ, что простота юридическихъ отношеній дозволяла, въ случаѣ сомнѣнія, рѣшать ихъ на основаніи обычая, слѣдовательно даже частному лицу? Наконецъ, чтò значитъ выраженіе «судебныя учрежденія въ собственномъ смыслѣ слова?» Пока нѣтъ государства, пока оно еще не образовалось, судъ судятъ родоначальники, отцы семейства, семейные совѣты, общины или выборные отъ общинъ, и всѣ эти судьи, будутъ ли они отдѣльныя лица, или собранія лицъ — такія же судебныя учрежденія въ собственномъ смыслѣ слова, какими въ послѣдствіи являются суды и судьи, установленные правительствомъ. Безъ суда не можетъ существовать никакое человѣческое общество, и едва ли нужно доказывать,

что пока нѣтъ государства, не можетъ быть и судебныхъ учрежденій, имъ установленныхъ. Потомъ, страненъ выводъ, будто бы, если дѣло рѣшается на основаніи одного обычая, то уже его можетъ судить и частный человѣкъ. Трудно даже понять, что̀ собственно хотѣлъ этимъ сказать авторъ. То ли, что не было нужды въ законовѣдахъ? Но вѣдь и обычай нужно знать, чтобъ рѣшить дѣло по обычаю. Въ нашихъ деревняхъ такими знатоками обычаевъ признаются и до сихъ поръ старики. Не всякій крестьянинъ знаетъ обычаи крестьянскіе на разные случаи. Эти-то старики и суть законовѣды. О нихъ встрѣчаемъ весьма раннія указанія въ нашихъ историческихъ памятникахъ, въ тѣ времена, когда обычай еще отчасти только сталъ облекаться въ письменную форму и законодательство было мало развито. Или авторъ думаетъ, что каждый, ими призванный, могъ, по своему усмотрѣнію, вмѣшаться въ спорное дѣло, и разсудить его по своему крайнему разумѣнію? Подобной мысли мы не смѣемъ приписать автору. Она была бы слишкомъ странна. Третьи были и тогда, какъ и теперь, излюбленные, выборные судьи, и потому являются и дѣйствуютъ, какъ оффиціяльныя лица и съ тѣмъ же характеромъ. — Далѣе:

«Съ постепеннымъ развитіемъ жизни общественной Русскаго Государства мы встрѣчаемъ уже лица, облеченныя характеромъ судебнымъ въ смыслѣ государственномъ; судъ принадлежитъ князю, верховному главѣ всего общества; органами его власти служатъ мѣстные правители — бояре и низшія лица; и такъ, это не есть уже судъ отца въ семействѣ, или старѣйшаго въ родѣ, а такое учрежденіе, которое заключаетъ силу въ самомъ себѣ. Такого рода судебныя учрежденія являются съ различными степенями власти, и до самыхъ временъ Великаго Князя Іоанна III и позднѣе носятъ исключительно характеръ личнаго управленія: на всѣхъ ступеняхъ суда стоитъ одно лицо, соединяющее въ самомъ себѣ власть весьма обширную, если не пространствомъ вѣдомства, то разнообразіемъ сосредоточивающихся въ ней юридическихъ началъ.

«Между тѣмъ, со временъ Іоанна III отдѣльныя части Русскаго Государства постепенно соединяются въ одно цѣлое; съ расширеніемъ внѣшнихъ предѣловъ государства увеличилось развитіе внутренней жизни; явились новыя потребности, удовлетвореніе коимъ со стороны одного лица встрѣчало стремленіе

къ тому же другаго; *для* опредѣленія всѣхъ этихъ отношеній дѣятельность одного лица, бывшаго до сего и правителемъ и судьею, становилась недостаточною. Для большей возможности отправленія дѣлъ, къ прежнимъ правителямъ и судьямъ присоединились другія лица; образовавшіеся вслѣдствіе сего ***Приказы,*** состоя изъ нѣсколькихъ лицъ, не имѣли однакожь внутренняго значенія коллегіальныхъ учрежденій. Такое введеніе не имѣло значенія всеобщаго; тамъ, гдѣ для разбора судебныхъ или правительственныхъ дѣлъ, дѣятельность одного лица была достаточна, тамъ прежняя форма личныхъ учрежденій не замѣнялась другою — Приказами. Эти двѣ системы управленія и суда—личная и управленіе Приказовъ могли существовать долго одна возлѣ другой, не представляя особеннаго смѣшенія началъ. Такимъ образомъ весь періодъ времени отъ Іоанна III до Петра Великаго есть продолженіе собственно прежнихъ формъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ этихъ формахъ судоустройство получаетъ болѣе постоянное значеніе; характеръ государственный облекающій судебныя учрежденія, даетъ имъ право теперь на названіе присутственныхъ мѣстъ».

Не знаемъ, почему авторъ считаетъ судъ боярина болѣе имѣющимъ силу въ самомъ себѣ въ эпоху государства, чѣмъ судъ отца семейства и родоначальника, когда государство еще не образовалось. Эта мысль произвольная, ни на чемъ неоснованная. Также ошибочно думать, что судъ бояръ и низшихъ чиновниковъ до Іоанна III и позже носитъ исключительно характеръ личнаго управленія. Князья и бояре и низшія лица въ это время обыкновенно, если не всегда, судили вмѣстѣ съ дружиною, или съ мірскими людьми и старостами. Новгородъ и Псковъ принадлежатъ тоже къ Россіи, а въ нихъ въ это время личнаго суда вовсе не было. Изъ всего этого скорѣе можно было бы заключить наоборотъ, что до Іоанна III начала личнаго управленія не существовало; и если оно не было въ полномъ смыслѣ слова коллегіяльнымъ, по неопредѣленности и юридической неустановленности этихъ судовъ, то зачатки коллегіяльнаго начала въ нихъ, безъ всякаго сомнѣнія, были, и даже весьма замѣтны.

На основаніи такихъ-то ложныхъ или шаткихъ положеній авторъ выводитъ тотъ результатъ, что до Іоанна IV судебныя

учрежденія въ формахъ личныхъ господствуютъ исключительно, а послѣ того удерживаются въ учрежденіяхъ низшей инстанціи; затѣмъ, до Петра Великаго, въ высшихъ судебныхъ установленіяхъ обнаруживается стремленіе къ формамъ коллегіяльнымъ, и, наконецъ, со временъ Петра и до нашего времени, коллегіяльныя установленія господствуютъ исключительно во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ. Весь этотъ выводъ не что иное, какъ неудачный опытъ открыть и указать главныя характеристическія черты развитія нашихъ судебныхъ установленій въ разныя эпохи—опытъ, которымъ болѣе затемняется, чѣмъ объясняется дѣло. Авторъ недостаточно серьёзно вникъ и въ первоначальный нашъ бытъ, и въ судебныя реформы Іоанна IV, и въ настоящее наше судоустройство; оттого такъ произвольно и опредѣлены у него общія начала его развитія.

Теперь отмѣтимъ нѣсколько неточностей и ошибокъ въ самомъ изложеніи исторіи именно судебныхъ учрежденій.

На страницѣ 8 авторъ говоритъ, что «первыя отношенія Рюрика къ призвавшему его народу состояли въ сборѣ пошлинъ и судѣ». Въ доказательство г. Тропина ссылается на одно положеніе «Русской Правды», которая, какъ извѣстно, не восходитъ выше времени Ярослава, да и то не во всѣхъ спискахъ. На стр. 10 г. Тропина говоритъ, что «какъ бояре-намѣстники съ волостями были подчинены князю, такъ точно они, со своей стороны, имѣли своихъ исполнителей (?), которые назывались тіунами». Между тѣмъ, всѣмъ очень хорошо извѣстно, что волостели бывали и княжескіе и намѣстничьи, и что тіуны были исполнителями, то есть органами, не только намѣстниковъ и волостелей, но и князей. На стр. 36 сказано: «со временъ царя Өедора Іоанновича, намѣстники замѣняются названіемъ (?) воеводы». При этомъ приведена ссылка на «Полное Собраніе Законовъ № 295»; но тутъ ни слова не говорится о томъ, кто и когда измѣнилъ на-

званіе намѣстниковъ въ названіе воеводъ, а только запрещается назначать нераненныхъ въ воеводы, также посылать раненныхъ и бывшихъ въ плѣну, два раза «въ приказы». (Указъ 7169 года, 5 маія П. С. З. т. I). На стр. 58 находимъ странную и ничѣмъ недоказанную мысль, будто бы Царская Дума, въ видѣ постояннаго учрежденія, является только съ 1572 года, когда впервые встрѣчается въ исторіи названіе думныхъ дворянъ. Никто уже теперь не считаетъ начала какого-либо учрежденія съ того года, или вообще съ того времени, когда оно случайно въ первый разъ упоминается въ историческихъ памятникахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это мнѣніе г. Троцины заставляетъ насъ думать, что онъ совершенно неправильно смотритъ на значеніе думныхъ дворянъ въ царствованіе Іоанна; иначе, конечно, начало правильной организаціи Царской Думы не было бы имъ отнесено ко времени установленія думныхъ дворянъ, именно къ царствованію Іоанна IV. — На стр. 60 находимъ два ошибочныя положенія: первое, будто бы «составъ Думы съ самаго времени ея первоначальнаго существованія, никогда не былъ измѣняемъ» до Самозванца, и второе, будто до того же времени «духовенство никогда прежде не участвовало въ дѣлахъ мірскихъ, за исключеніемъ патріарха». Первое положеніе опровергается установленіемъ, при Грозномъ, думныхъ дворянъ; второе — тѣмъ, что, по свидѣтельству иностранныхъ писателей, всѣ важнѣйшія дѣла и постановленія рѣшались, задолго до Самозванца, въ общихъ собраніяхъ высшаго духовенства и членовъ Царской Думы, или на земскихъ соборахъ, составленныхъ, какъ извѣстно, изъ свѣтскихъ и духовныхъ особъ. Такъ продолжалось и послѣ 1612 года, на чтò мы уже имѣемъ множество указаній въ нашихъ источникахъ. Послѣднее обстоятельство удостовѣряетъ насъ, что участіе духовенства въ мірскихъ дѣлахъ не было у насъ нововведеніемъ Самозванца, какъ думаетъ г. Троцина,

ибо весьма невѣроятно, чтобъ его примѣръ нашелъ подражателей въ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и его преемникахъ до Петра Великаго. — На стр. 68 встрѣчаемъ также ничѣмъ недоказанное положеніе, что дьяки и подъячіе приказовъ назначались самими предсѣдателями ихъ. — На стр. 72 авторъ говоритъ: «каждая область управлялась особеннымъ приказомъ, судебная власть коего простиралась на всякаго рода тяжбы, возникавшія въ области». Ошибка здѣсь въ выраженіи; она ясно доказываетъ, какъ легко авторъ обращается съ предметомъ своего изслѣдованія. Не каждая область управлялась особеннымъ приказомъ, а наоборотъ, каждый областной приказъ имѣлъ въ своемъ завѣдываніи извѣстную область, и въ этой области онъ разсматривалъ и рѣшалъ всѣ важнѣйшіе тяжбы и споры.—На стр. 96 читаемъ слѣдующее ни на чемъ не основанное положеніе: «Время учрежденія его (то есть Разряднаго Приказа) неизвѣстно; но вѣроятно (?), его должно отнести къ тому же самому времени, какъ и учрежденіе (?) Царской Думы, такъ какъ онъ составлялъ одно изъ ея главнѣйшихъ отдѣленій (!)». Разрядный Приказъ—отдѣленіе Царской Думы! Вотъ новая мысль, которой мы еще ни разу не встрѣчали ни въ источникахъ, ни въ изслѣдованіяхъ о происхожденіи и составѣ нашихъ правительственныхъ учрежденій! Жаль только, что авторъ бросилъ эту мысль какъ бы мимоходомъ. Крайне было бы любопытно видѣть доказательства... На стр. 106 встрѣчаемъ неменѣе любопытное положеніе, но, къ сожалѣнію, тоже ничѣмъ недоказанное, что въ Холопьемъ Приказѣ вѣдались, между прочими, «даже бѣдные дворяне и дѣти боярскіе, верстанные и неверстанные для службы окладами, но не имѣвшіе за собою помѣстныхъ дачь». Распространеніе вѣдомства Холопьяго Приказа на эти лица представляетъ такую многозначительную аномалію, что было бы совершенно необходимо указать на источники, изъ которыхъ по-

черпнуто это извѣстіе.—На стр. 282 сказано, что «Совѣстный Судъ долженъ былъ судить такъ, какъ и прочіе суды, по законамъ». А между тѣмъ, кто не знаетъ, что Совѣстный Судъ установленъ именно для дѣлъ, которыя, по существу своему, не подлежатъ строгому сужденію по законамъ? Это высказано и въ Учрежденія о губерніяхъ императрицы Екатерины II, и принято въ Сводъ Законовъ изданія 1842 года.

Вотъ нѣсколько частныхъ ошибокъ, которыя мы успѣли замѣтить, просматривая книгу г. Троцины. Нѣтъ сомнѣнія, что, при тщательномъ пересмотрѣ, особенно при подробномъ сличеніи словъ автора съ источниками, на которые онъ ссылается, ихъ найдется гораздо больше. Поверхностное, слишкомъ легкое для ученаго труда обращеніе съ историческими памятниками, замѣтное въ цѣлой книгѣ, даютъ намъ право такъ думать.

Въ заключеніе скажемъ, что языкъ автора не только туманенъ, сбивчивъ, по неясности мысли, но даже неправиленъ и обнаруживаетъ въ авторѣ несовсѣмъ извинительную торопливость. Приведемъ тому нѣсколько примѣровъ. Г-нъ Троцина пишетъ: «учавствовали» (стр. 60 и 323); «по постановленіи окончательнаго рѣшенія *на* выслушанное дѣло» (стр. 137); «она (контора) не имѣла опредѣленнаго штат*у*» (стр. 139); «прежде нежели *не* былъ подписанъ прежній протоколъ» (стр. 154); «этимъ же военнымъ судамъ подлежали и находящіеся при полкахъ различнаго построенія лица (?), какъ-то: служители и т. д.» (стр. 160); «обличенные однако въ явномъ преступленіи или пойманные въ какомъ-либо свѣтскомъ промыслѣ, какъ-то въ производствѣ торговли, откупа или въ лихоимствѣ, отдавались прямо гражданскому суду» (стр. 186); «четвертый (Департаментъ Сената) завѣдывалъ дѣлами юстиціи и по челобитной» (?) (стр. 208); «по поданнымъ ему челобитнымъ онъ долженъ былъ собирать справки и потомъ сдѣлавъ съ нихъ выписки...» (стр. 213); несмотря на то, что власть

Сената была нѣкоторымъ образомъ въ различныя времена ограничиваема... но это ограниченіе казалось и т. д.» (стр. 213); «къ обязанности генерала-прокурора надлежало взять такое дѣло въ первый Департаментъ» (стр. 245); «пятый Департаментъ Сената былъ переведенъ изъ Москвы въ Санктпетербургъ, но вскорѣ опять возстановленъ въ прежнемъ своемъ состояніи» (стр. 248); «Сенатъ долженъ быть единственнымъ мѣстомъ для суда надъ генералъ-губернаторами, какъ главою и хозяиномъ всей порученной имъ губерніи» (стр. 269); «дѣла исковыя, также дѣла тѣхъ разночинцевъ, которыя по правамъ апелляціи на Уѣздные и Нижніе Земскіе Суды подлежали непосредственно до Верхняго Земскаго суда» (стр. 277); (такая же неправильность на стр 292); «Синдикъ имѣлъ голосъ совѣтовательный» (стр. 337). Наконецъ отмѣтимъ пышное, но крайне неточное выраженіе: «главныя начала, изъ которыхъ истекала дѣятельность всѣхъ приказовъ» (стр. 65), и странную фразу: «это общее постановленіе (хотя рѣчь идетъ вовсе не о постановленіи, а объ обычаѣ назначать въ приказы троихъ и четырехъ судей) имѣло приложеніе только относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ, между тѣмъ, какъ большая часть изъ (?) приказовъ, до конца ихъ существованія продолжали оставаться въ томъ видѣ, какой они вообще имѣли при первоначальномъ ихъ появленіи, то есть въ видѣ канцелярій высшихъ административныхъ чиновниковъ; слѣдовательно завѣдывались однимъ лицомъ» (стр. 68). Мы назвали эту фразу странной, потому что нельзя считать общимъ постановленіемъ порядокъ, составляющій исключеніе, а не общее правило.

Итакъ, сочиненіе г. Троцины имѣетъ, какъ мы видѣли, много существенныхъ недостатковъ. Это — по всему замѣтно — произведеніе пера еще неопытнаго. Совсѣмъ тѣмъ, мы рекомендуемъ эту книгу читателямъ и потому, какъ сказано выше, что до сихъ поръ нѣтъ по этой части лучшей, и потому, что

она, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, представляетъ все-таки довольно полное и подробное изложеніе предмета.

ИСТОРІЯ РОССІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ. *Соч. Сергѣя Соловьева. Томъ первый. Москва. 1851.*

Уже давно, года два назадъ, носились слухи, что профессоръ Соловьевъ пишетъ исторію Россіи. Они, очень понятно, возбудили живой интересъ и въ читающей публикѣ, и между знатоками предмета: г. Соловьевъ не даромъ пользуется извѣстностью, какъ ученый и профессоръ. Его историческіе труды доказываютъ хорошее знакомство съ источниками, неутомимое трудолюбіе и образованный взглядъ на предметъ, столько близкій каждому Русскому. Неудивительно, что отъ такого ученаго и писателя всѣ ожидали замѣчательнаго сочиненія. Вопросъ: подъ силу ли автору трудъ, въ отношеніи къ г. Соловьеву не могъ имѣть смысла; но въ то же время имена изслѣдователей, предшественниковъ г. Соловьева, множество частныхъ разысканій, вышедшихъ изъ-подъ пера первоклассныхъ ученыхъ, богатство и разнообразіе матеріяловъ, обнародованныхъ особенно въ послѣднее время, благодаря просвѣщенной ревности нашего правительства и усиліямъ частныхъ лицъ—все это налагало на новаго историка Россіи такой трудъ, такія обязанности, такую ученую отвѣтственность, что можно было опасаться и за огромный талантъ; во всякомъ случаѣ, никакой талантъ не могъ казаться выше задачи. Сказать что-нибудь новое, даже только свести разумнымъ и ученымъ образомъ сдѣланное доселѣ по русской исторіи—одинъ такой трудъ самъ по себѣ достойный предметъ самаго ученаго и самаго талантливаго историка.

Наконецъ первый томъ «Исторіи Россіи» лежитъ передъ нами. О планѣ и объемѣ этого сочиненія мы пока не можемъ сказать ничего. Авторъ — конечно, по какимъ-нибудь своимъ соображеніямъ—оставилъ многочисленныхъ своихъ читателей въ полномъ невѣдѣніи о томъ и другомъ. Непосредственно послѣ заглавнаго листа слѣдуетъ Предисловіе, изъ котораго мы узнаемъ только общій взглядъ г-на Соловьева на внутренній ходъ событій русской исторіи до нашего времени. Взглядъ этотъ, изложенный въ видѣ какъ бы программы или мотивированнаго оглавленія цѣлаго сочиненія, занимаетъ всего восемь страничекъ или поллиста крупной печати. Затѣмъ г. Соловьевъ прямо переходитъ къ обзору географическихъ и этнографическихъ условій русской исторіи, а потомъ говоритъ о призваніи Варяговъ-Руси и первыхъ князьяхъ, объ Ольгѣ, Святославѣ и и такъ далѣе, до кончины Ярослава I-го. Нигдѣ не видимъ, съ какою мыслію авторъ приступилъ къ своему труду, въ какое отношеніе ставитъ его къ предшествующимъ сочиненіямъ и изслѣдованіямъ по русской исторіи. Такое совершенное молчаніе имѣетъ конечно, свою выгодную сторону для сочинителя, повидимому необязывая его ни къ чему; но въ замѣнъ того, оно открываетъ широкое поле для требованій: каждый считаетъ себя вправѣ находить, что авторъ не понялъ своей задачи, указывать на неполноты и излишества, спрашивать, почему нѣтъ въ книгѣ того и другаго, смотря по тому, какъ самъ понимаетъ дѣло. При отсутствіи мѣрила и точки зрѣнія, высказанныхъ самимъ авторомъ, трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ эти требованія справедливы или неосновательны и придирчивы. Многіе, напримѣръ, требуютъ, чтобъ всякій новый трудъ былъ заключительнымъ звеномъ всѣхъ другихъ трудовъ по той же части, но появившихся прежде. Кто въ правѣ считать такое требованіе преувеличеннымъ или неумѣстнымъ, когда самъ авторъ своимъ молчаніемъ даетъ каждому право требовать все,

что ему угодно? Итакъ, для обсужденія новаго сочиненія г-на Соловьева намъ остается только разсмотрѣть его книгу, опредѣлить, къ какому разряду историческихъ сочиненій она относится и въ какой мѣрѣ соотвѣтствуетъ современному состоянію науки и требованіямъ русской исторіографіи.

Первый, вышедшій теперь томъ «Исторіи Россіи», какъ мы уже сказали, обнимаетъ собою, весь ея первый, такъ называемый, варяжскій или норманнскій періодъ до смерти Ярослава I-го и, по характеру своему, принадлежитъ къ разряду прагматическихъ сочиненій. Авторъ подробно разсказываетъ событія даннаго времени, объясняетъ ихъ причины, послѣдствія и тѣ бытовыя и другія условія, при которыхъ зачалась и развивалась русская исторія. Согласно съ этимъ, первый томъ «Исторіи Россіи» отличается отсутствіемъ всякой полемики. Онъ представляетъ первую эпоху русской исторіи, какъ ее знаетъ и понимаетъ г. Соловьевъ. Опровергать и разбирать чужія мнѣнія, какъ о всей, такъ называемой, варяжской эпохѣ, такъ и о разныхъ предметахъ, къ ней относящихся, повидимому лежало внѣ его задачи. Даже во множествѣ примѣчаній, которыми снабженъ первый томъ «Исторіи Россіи» (около 450-ти), рѣдко-рѣдко гдѣ встрѣтимъ опроверженіе мнѣній прежнихъ или современныхъ изслѣдователей, да и эти рѣдкія исключенія авторъ допускаетъ въ свою книгу какъ-будто нехотя, когда уже нельзя безъ того обойдтись.

Какъ прагматическое сочиненіе, новая книга г. Соловьева, безспорно принадлежитъ къ числу лучшихъ историческихъ трудовъ, появившихся въ послѣднее время. Если хотите, содержаніе ея не ново. Первая глава «Природа Русской Государственной Области и ея вліяніе на исторію» была уже напечатана въ нашемъ журналѣ въ прошломъ году; третья: «Славяне и другія племена, вошедшія въ составъ Русскаго Государства; ихъ бытъ и судьба до половины IX вѣка» тоже извѣстна уже отчасти, и

въ другомъ видѣ, изъ статьи, помѣщенной въ «Архивѣ Историко-юридическихъ Свѣдѣній, относящихся до Россіи» г. Калачова, подъ заглавіемъ «Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи Славянъ, преимущественно восточныхъ, во времена языческія»; наконецъ, главы пятая, шестая и седьмая знакомы намъ тоже отчасти изъ двухъ извѣстныхъ диссертацій г. Соловьева объ исторіи Новгорода и объ отношеніяхъ князей Рюрикова рода. Но недостатокъ новизны въ общемъ нимало не уменьшаетъ ученой заслуги г. Соловьева. Книга его достойнымъ образомъ представляетъ въ нашей исторической литературѣ направленіе, данное въ послѣднее время изученію русской исторіи: и если мы встрѣчаемъ въ ней уже извѣстное изъ прежнихъ сочиненій того же автора, то, въ замѣнъ, найдемъ очень много весьма удачныхъ частныхъ замѣчаній, впервые являющихся въ печати и объясняющихъ не одно темное мѣсто въ страницахъ нашей первоначальной исторіи. Указывать здѣсь на эти замѣчанія и выписывать ихъ считаемъ излишнимъ. Каждый невольно самъ остановится на нихъ, читая внимательно книгу. На насъ лежитъ обязанность упомянуть о нихъ и отдать имъ должную справедливость. Прибавимъ, что г. Соловьевъ обладаетъ счастливымъ талантомъ группировать и подбирать факты, отчего, встрѣчая въ его книгѣ уже извѣстное и много разъ объясненное, какъ будто понимаешь его яснѣе, лучше; оно дѣлается гораздо очевиднѣе, чѣмъ представлялось прежде. Это свойство изложенія дѣлаетъ книгу г. Соловьева весьма интересною.

Чтобъ оцѣнить въ мѣру все достоинство перваго тома «Исторіи Россіи» г. Соловьева, ненадо забывать, что эпоха, которая излагается въ этомъ томѣ, едва ли не самый неблагодарный предметъ въ цѣлой русской исторіи. Изслѣдователю государствованія двухъ Іоанновъ, III и IV, Бориса Годунова, смутнаго времени, первыхъ царей изъ дома Романовыхъ,

Петра Великаго и послѣдующихъ царствованій открывается обширное, неразработанное или мало разработанное поле. Передъ нимъ великіе характеры и великія событія; источниковъ множество: есть надъ чѣмъ потрудиться, есть гдѣ развернуть свои силы, есть надъ чѣмъ выказать талантъ, блеснуть богатствомъ и глубиною мыслей. Самый предметъ невольно овладѣваетъ писателемъ, такъ сказать подымаетъ его. Но варяжскій или норманнскій періодъ русской исторіи и время, которое ему предшествовало, представляетъ совсѣмъ другое. Источники извѣстны наперечетъ; нѣтъ въ нихъ ни одного слова, которое бы не было критически объясняемо лучшими изслѣдователями нашей исторіи. Надобно къ этому прибавить, что съ тѣхъ поръ, какъ варяжская эпоха русской исторіи стала предметомъ ученой обработки до тридцатыхъ годовъ XIX вѣка, на ней одной почти исключительно сосредоточивались всѣ ученые споры о русской исторіи. Нельзя было записать свое имя въ число изслѣдователей, неиспытавъ своихъ силъ на этомъ предметѣ. Такимъ образомъ ученые споры и изслѣдованія этой первой эпохи были единственной школой и пробнымъ камнемъ для молодыхъ ученыхъ. Такъ продолжалось безмалаго сто лѣтъ. Въ наше время новому дѣлателю на томъ же поприщѣ понеобходимости выпадаетъ незавидная доля. Какъ бы онъ ни былъ ученъ, добросовѣстенъ, какъ бы ни былъ глубокъ и оригиналенъ его взглядъ на исторію—ему здѣсь почти нечего дѣлать: непремѣнно прійдется повторить сказанное съ нѣкоторыми, развѣ, варіяціями.

Къ этой неблагодарности предмета, вслѣдствіе его обработанности, должно прибавить еще его крайнюю сухость. Что̀ представляютъ намъ данныя, относящіяся къ норманнской эпохѣ? Одно хронологическое собраніе голыхъ историческихъ датъ, которыхъ общій смыслъ открывается только послѣ самаго упорнаго изученія; кромѣ того, до насъ дошло оттого

времени, но въ позднѣйшей редакціи, нѣсколько народныхъ преданій, конечно, характеристическихъ для времени и нелишенныхъ поэзіи, но все же преданій, а не историческихъ фактовъ. Этими преданіями можно воспользоваться для опредѣленія отчасти духа эпохи, ея нравовъ и понятій, но не болѣе. Такимъ образомъ въ эпоху, обнимающую цѣлые два вѣка, изъ-подъ общаго уровня, проведеннаго надъ нею сухимъ разсказомъ, яснѣе выступаютъ два-три лица, да нѣсколько обычаевъ—и только. Все остальное такъ сглажено, что самые важные вопросы должны оставаться нерѣшенными.

Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, первый томъ «Исторіи Россіи» имѣетъ важныя преимущества передъ лучшими сочиненіями въ томъ же родѣ прежняго, хотя и недавняго времени. Можно не соглашаться съ г. Соловьевымъ, но нельзя не признать, что его сочиненіе свидѣтельствуетъ о глубокомъ знаніи автора, его правильномъ историческомъ взглядѣ и методѣ и знакомствѣ съ исторической критикой въ ея современномъ значеніи. Вотъ почему первый томъ «Исторіи Россіи»—безспорно, историческое сочиненіе въ полномъ значеніи слова. Этого нельзя въ той же мѣрѣ сказать, напримѣръ, о первомъ томѣ «Исторіи Русскаго Народа». Сочиненіе г. Полеваго было какъ бы вызвано отсутствіемъ исторической критики въ «Исторіи Государства Россійскаго». Авторъ очевидно хотѣлъ написать критическую исторію Россіи. Одно посвященіе Нибуру доказываетъ это намѣреніе. У г. Полеваго вездѣ на первомъ планѣ общіе историческіе взгляды, бывшіе въ ходу между учеными въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Эти взгляды онъ старался приложить къ русской исторіи, и нельзя сказать, чтобъ опытъ въ отношеніи къ варяжской эпохѣ былъ совершенно неудаченъ. Г. Полевой отвергъ общія разсужденія Карамзина, показалъ непримѣнимость ихъ къ первой эпохѣ нашей исторіи и на каждой почти

страницѣ указываетъ на необходимость болѣе историческаго и критическаго обсужденія событій. Это несомнѣнное достоинство перваго тома «Исторіи Русскаго Народа» и немаловажная заслуга г. Полеваго. Но справедливость требуетъ сказать, что исполненіе задуманной имъ исторіи Россіи не соотвѣтствовало требованіямъ, которыя онъ самъ же выставилъ. Г. Полевой какъ-будто не совладалъ съ предметомъ съ матеріяльной стороны. Взглядъ его слишкомъ общъ, и потому нерѣдко поверхностенъ; общія положенія иногда отзываются фразами и общими мѣстами. Оттого частная критика данныхъ слишкомъ легка и неудовлетворительна. Это и было, вѣроятно, главной причиной, почему «Исторія Русскаго Народа» скоро была забыта. Но значеніе ея въ русской исторической литературѣ тѣмъ неменѣе ощутительно. Она была выраженіемъ болѣе серьёзнаго историко-критическаго направленія, которое въ то время, впервые послѣ Шлёцера и Круга, начало снова обнаруживаться.

«Исторія Государства Россійскаго», вышедшая въ 1816 году, «Исторія Русскаго Народа», появившаяся въ 1830 году и «Исторія Россіи», изданная въ 1851 году, представляютъ собою ступени постепеннаго развитія и возмужанія нашего историческаго сознанія и смысла. Ни Карамзинъ, ни Полевой, ни Соловьевъ не создали науки вновь. Каждый изъ нихъ былъ приготовленъ предшествующими трудами, каждый только высказалъ взглядъ и мнѣніе своихъ современниковъ о русской исторіи, какъ они выражались и выражаются въ лучшихъ сочиненіяхъ и умахъ. Съ этой точки зрѣнія мы не безъ нѣкоторой гордости можемъ сказать, что въ тридцать-пять лѣтъ, протекшихъ съ перваго появленія «Исторіи» Карамзина, и даже въ тѣ двадцать лѣтъ, которыя прошли съ изданія «Исторіи Русскаго Народа», мы замѣтно подвинулись впередъ. «Исторія Россіи» есть зрѣлый и сознательный ученый

историческій трудъ, а не шаткій опытъ. Всѣ историческія явленія разсматриваются здѣсь съ ихъ внутренней стороны во взаимной связи и раскрываются послѣдовательно, по ихъ внутренней преемственности; бытовая сторона обращаетъ на себя, какъ и слѣдуетъ, гораздо большее вниманіе автора, чѣмъ внѣшнія событія. Наконецъ взглядъ гораздо серьёзнѣе. пріемы строже.

Вотъ общая оцѣнка разбираемой нами книги, какъ мы ее понимаемъ. Она произвела на насъ самое утѣшительное впечатлѣніе, какъ живое, несомнѣнное доказательство преуспѣянія русской исторической литературы и ея быстрыхъ успѣховъ въ такое короткое время.

Но, при большихъ и существенныхъ достоинствахъ, первый томъ «Исторіи Россіи» г. Соловьева имѣетъ свои недостатки. Они столько же замѣтны въ основной мысли труда, сколько и въ самомъ ея исполненіи. Какъ мы уже выше сказали. это сочиненіе исключительно прагматическое. Спрашивается: удовлетворяетъ ли современнымъ требованіямъ науки одно прагматическое изложеніе перваго періода русской исторіи? Мы думаемъ, что нѣтъ, и потому совершенное отсутствіе критической стороны въ первомъ томѣ «Исторіи Россіи» считаемъ за существенный недостатокъ этого сочиненія. Большое и до сихъ поръ продолжающееся разногласіе мнѣній обо всемъ, относящемся къ варяжской эпохѣ, въ особенности же скудость. отрывочность и спорность источниковъ, наконецъ, предшествовавшая почти исключительно критическая разработка этой эпохи — все заранѣе обусловливало попреимуществу критическій характеръ новаго историческаго труда объ этомъ предметѣ. Онъ, какъ позднѣйшій, долженъ былъ представить окончательный результатъ прежнихъ трудовъ; а возможно ли это въ сочиненіи исключительно прагматическомъ? Очевидно, нѣтъ. Мы, напримѣръ, согласны съ авторомъ, что Варяги-Русь были

скандинаво-германскаго происхожденія; но убѣдятся ли въ этомъ изъ перваго тома «Исторіи Россіи» всѣ тѣ, которые считаютъ ихъ прибалтійскими Славянами, Пруссами и т. д.? Едва ли. Въ разбираемой нами книгѣ едва сдѣланъ только намекъ на то, что нѣкоторые выводятъ Варяговъ-Русь изъ Помераніи. Вообще весь вопросъ о Варягахъ-Руси г. Соловьевъ рѣшаетъ на четырехъ страницахъ (82—86), тогда какъ о немъ написаны десятки томовъ, если собрать и отпечатать вмѣстѣ все, что̀ появилось съ Байера до нашего времени. Далѣе, авторъ, по нашему мнѣнію, тоже правъ, признавая подлинность договоровъ нашихъ первыхъ князей съ Греками, подлинность «Русской Правды», даже неизвѣстныхъ намъ доселѣ Ярославовыхъ грамотъ — правъ, конечно, съ важными оговорками относительно редакціи нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ и кой-какихъ подробностей ихъ составленія и значенія. Но что̀ скажутъ тѣ, которые отвергаютъ ихъ подлинность? Будутъ ли они удовлетворены тѣмъ, что въ книгѣ г. Соловьева не только не упоминается о ихъ доводахъ, но даже едва есть намеки на самыя сомнѣнія? Что̀ бы сказалъ Каченовскій и его непосредственные послѣдователи, невстрѣчая нетолько ни слова о своихъ нѣкогда знаменитыхъ отрицаніяхъ достовѣрности источниковъ древнѣйшей русской исторіи, но даже вообще ни слова о самихъ источникахъ, кромѣ однѣхъ ссылокъ? Послѣ жаркихъ и продолжительныхъ преній объ этомъ предметѣ, наполнявшихъ нѣкогда страницы нашихъ журналовъ и составлявшихъ любимую и обыкновенную тему литературныхъ и нелитературныхъ, письменныхъ и изустныхъ споровъ, слѣдовало бы хоть по крайней мѣрѣ упомянуть о сомнѣніяхъ и ихъ неосновательности. Вообще странно видѣть въ наше время книгу о первомъ періодѣ русской исторіи, съ ссылками на источники, которые были предметомъ самыхъ разнообразныхъ толковъ и изслѣдованій, и не найдти въ ней даже

перечня. Г. Соловьевъ ссылается, при изложеніи варяжскаго періода, на извѣстія арабскихъ писателей, «Степенную Книгу», «Никонову Лѣтопись», на отрывки «Іоакимовой Лѣтописи», помѣщенной въ «Исторіи» Татищева и даже на «Исторію» Татищева. Имѣлъ ли г. Соловьевъ право такъ поступать въ ученомъ сочиненіи, зная, что изчисленные выше источники составлены позже и нѣкоторыми изслѣдователями не признаются за авторитетъ для событій варяжской эпохи? Если жь, по его мнѣнію, эти источники заслуживаютъ полнаго довѣрія, то не слѣдовало ли заявить и доказать это мнѣніе? Каждый, конечно, въ правѣ требовать этого отъ ученаго автора «Исторіи Россіи». Возьмемъ ли статью о нашей древней торговлѣ — и въ ней тотъ же недостатокъ: совершенное молчаніе о цѣлой литературѣ по этому въ высшей степени важному предмету. Судя по книгѣ г. Соловьева, можно бы подумать, что, кромѣ г. Савельева, никто и не касался вопроса о нашей древней торговлѣ. Примѣровъ подобныхъ умолчаній можно найдти много въ первомъ томѣ «Исторіи Россіи». Оставляя въ сторонѣ менѣе важныя, какъ, напримѣръ, о литературѣ по спорному вопросу о Тмуторокани, укажемъ въ заключеніе на одну неполноту, которая невольно поразитъ всякаго читателя, даже самаго нетребовательнаго: въ первомъ томѣ «Исторіи Россіи» ни слова не сказано о прежнихъ писателяхъ по русской исторіи. Кто трудился надъ нею до г. Соловьева, какія ихъ сочиненія, какія достоинства и недостатки этихъ сочиненій — обо всемъ этомъ мы не найдемъ даже упоминанія, даже простаго перечня именъ и книгъ! Не странно ли это? Не значитъ ли это добровольно лишить свой трудъ ученаго основанія и авторитета и отдать на жертву именно тѣмъ воззрѣніямъ, которыя всѣхъ слабѣе и не признаются наукой; другими словами: не значитъ ли это сдѣлать дѣло только вполовину? Нельзя не пожалѣть, что г. Соловьевъ допустилъ такую существенную не-

полноту въ своемъ новомъ сочиненіи, тѣмъ болѣе, что ученому автору легко было избѣжать этого упрека: критическія статьи могли быть весьма удобно отнесены къ концу книги, въ видѣ особыхъ приложеній, или даже найдти мѣсто въ примѣчаніяхъ, безъ малѣйшихъ перемѣнъ въ самомъ текстѣ.

Все это относится къ первому тому «Исторіи Россіи» вообще. Перейдемъ теперь къ частнымъ замѣчаніямъ.

Первая глава, о природѣ русской государственной области и ея вліяніи на исторію весьма замѣчательна. Сколько намъ извѣстно, еще никто до г. Соловьева не разсматривалъ отношенія территоріи Россіи къ ея первоначальной исторіи съ той точки, которую принялъ г. Соловьевъ. Есть намеки на нее, но нигдѣ нѣтъ такого полнаго, подробнаго развитія основной мысли. Эта мысль, въ короткихъ словахъ, заключается въ слѣдующемъ: Европейская Россія представляетъ огромную равнину, чѣмъ ужь заранѣе обусловливались ея политическое единство и почти одинаковый образъ жизни ея обитателей. Съ юго-востока эта равнина открыта и соприкасается съ степями Средней Азіи. Черезъ эти ворота, въ продолженіе тысячелѣтій, проникали кочевые народы и оставались въ теперешней Южной Россіи, или продвигались далѣе въ Европу. Пока Россія не образовалась въ государство и вся обширная равнина не соединилась подъ одной властью, кочевники степные народы, не переставали тревожить насъ съ юга. По равнинѣ тянутся системы рѣкъ, которыя почти переплетаются между собою и покрываютъ ее, какъ бы водною сѣтью. Рѣки играютъ важную роль въ нашей исторіи: по нимъ разселялись племена; онѣ обусловили особенную важность нѣкоторыхъ областей и городовъ передъ другими. По четыремъ главнымъ рѣчнымъ системамъ Россія раздѣлялась въ древности на четыре главныя части: озерную область — Новгородскую, западно-двинскую — Полоцкую, днѣпровскую — Собственно Русскую и верхне-волж-

скую — Ростовскую. Первая и послѣдняя изъ этихъ областей находились почти на двухъ оконечностяхъ великаго воднаго пути «изъ Варягъ въ Греки», который соединялъ сѣверо-западную Европу съ юго-восточною и Азіею. Новгородская область есть озерная. Главный узелъ ея—озеро Ильмень; оттого рѣчною системою Ильменя и другихъ сосѣднихъ озеръ, Чудскаго и Псковскаго, очерчивается и Новгородская область; только на востокѣ жители Новгородской области перешли эти естественныя границы. Болотистая и неплодородная почва, при обиліи водяныхъ сообщеній и близости къ сѣверному концу пути изъ «Варягъ въ Греки», должны были вызвать промышленную дѣятельность въ жителяхъ этой области; съ другой стороны, то обстоятельство, что эта область получала хлѣбъ изъ низовыхъ земель, опредѣлило ея зависимость отъ восточной Россіи. По западно-двинской рѣчной системѣ лежали области Полоцкая, Торопецкая и Минская, образовавшія особенныя княжества. Изъ нихъ Торопецкое княжество находилось въ серединѣ между четырьмя рѣчными областями и потому посредничало между ними; Минское, лежавшее уже въ Днѣпровской области, было предметомъ постоянныхъ споровъ между полоцкими и русскими князьями; Полоцкое, при неплодородной почвѣ и удобствахъ сообщенія съ моремъ посредствомъ Двины, рано стало промышленнымъ и торговымъ. Юго-западныя области, собственная Русь, лежали по рѣчной системѣ Днѣпра. Каждая изъ нихъ образовалась особою системою рѣкъ или притоковъ Днѣпра: такъ Владиміро-Волынское княжество принадлежало по западному Бугу къ системѣ Вислинской, то есть къ Польшѣ, а притоками Припети — къ Днѣпровской; Галицкое было расположено по системѣ Вислинской и Днѣстровской; Черниговское по Деснѣ и ея притокамъ, Курское по Сейму и т. д. Княжество Смоленское, лежавшее въ верховьяхъ Днѣпра, находилось, поэтому, въ тѣсной связи

съ Кіевомъ; но съ другой стороны его срединное положеніе между областью Волги, Днѣпра и Двины опредѣлило важное значеніе этого княжества въ періодъ удѣловъ и въ распряхъ между Литвою и Московскимъ государствомъ, наконецъ опредѣлило и торговый, промышленный характеръ его жителей. Въ области верхней Волги лежалъ Ростовъ. Его ранняя тѣсная связь съ Новгородомъ и Чудью объясняется тѣмъ, что Бѣлоозеро соединяется Шексною, Волгою и Которостью съ озеромъ Неро, на которомъ стоитъ Ростовъ. Собственно же область Волги есть область Московскаго государства. Волжскою системою указано было распространеніе Московскаго государства внизъ до Каспійскаго моря; но Камской системѣ и близко къ ней подходящимъ сибирскимъ рѣкамъ на востокъ въ Сибирь; близость Москвы-рѣки къ верховьямъ Днѣпра опредѣлила ея распространеніе въ юго-западную Русь. Такимъ образомъ географическое положеніе княжествъ на разныхъ системахъ рѣкъ опредѣлило величину ихъ территоріи, роль ихъ въ русской исторіи и занятія ихъ обитателей. Такъ какъ система Волжская— самая обширная изъ всѣхъ рѣчныхъ системъ Европейской Россіи и находится въ болѣе или менѣе тѣсной связи со всѣми другими рѣчными системами—Днѣпровской, Двинской и Озерной, то и Московское государство должно было быть больше всѣхъ другихъ княжествъ и распространить на нихъ свое владычество.

Вотъ въ чемъ заключается взглядъ г. Соловьева на роль территоріи Россіи въ опредѣленіи ея первоначальной исторіи. Мы думаемъ, что исходная, основная мысль этого взгляда не подлежитъ сомнѣнію; но въ развитіи ея, авторъ, кажется, увлекся слишкомъ далеко. Что первое разселеніе славянскихъ племенъ въ Россіи большею частью происходило по рѣкамъ— это очевидно: воспоминаніе объ этомъ сохранилось еще во времена Нестора, который рѣками опредѣляетъ жилища на-

шихъ племенъ. Выгодное положеніе на рѣчныхъ торговыхъ путяхъ, при относительной скудости почвы, дѣйствительно рано должно было превратить нѣкоторыя поселенія въ торговые пункты, съ большимъ населеніемъ и относительно бóльшею образованностью. Эти поселенія могли, поэтому, рано сдѣлаться средоточіемъ окольнаго населенія и племени, посреди котораго возникли; такъ образовались области, которыхъ границы опредѣлялись этнографически; а какъ племена разселились по областямъ рѣкъ, то границами этихъ областей дѣйствительно могли служить рѣчныя урочища, волоки и водораздѣлы. Наконецъ, мы охотно допускаемъ, что географическія условія продолжали могущественно дѣйствовать и послѣ, когда появилась исторія въ собственномъ смыслѣ, и природные элементы этнографическій и географическій должны были мало по малу уступить первенство политическому элементу — видамъ и разсчетамъ князей, ихъ личнымъ достоинствамъ и доблести, притязаніямъ сосѣднихъ племенъ и государствъ и т. д. Но приписывать географическимъ условіямъ главную роль въ опредѣленіи всей русской исторіи до позднѣйшаго времени, ими объяснять важнѣйшія ея событія, важнѣйшія отношенія ея съ сосѣдними государствами — это, какъ мы думаемъ, значитъ идти слишкомъ далеко. Исторія всѣхъ европейскихъ племенъ и народовъ, призванныхъ къ всемірно-исторической дѣятельности, опровергаетъ подобныя крайности. Всѣ эти народы сначала находились подъ исключительнымъ опредѣленіемъ природныхъ условій, подчинялись имъ; но, при дальнѣйшемъ ходѣ исторіи, эти условія, въ свою очередь, подчинялись дѣятельности и вліянію людей. Государства и народы съ теченіемъ времени опредѣляютъ свою территорію не столько естественными границами, сколько политическими видами и потребностями; то, чего внутри территоріи не дала природа, замѣняется и вознаграждается искусственными средствами. Сколько при-

мѣровъ, что страны, прежде необитаемыя, покрылись потомъ цвѣтущими поселеніями; гдѣ сперва не было никакого сообщенія, проведены удобные искусственные пути! Сколько примѣровъ, что государства владѣютъ территоріею, несостоящею съ ними ни въ какой естественной, географической связи! Если все это несомнѣнно въ отношеніи къ другимъ европейскимъ государствамъ, то нѣтъ никакого основанія отрицать это и въ отношеніи къ Россіи. Объяснить одними географическими условіями ходъ образованія Русскаго государства, политическое преобладаніе сѣверо-восточной Руси надъ юго-западною, важную роль торопецкихъ и смоленскихъ князей въ періодъ удѣловъ и т. д., невозможно, недѣлая очевидныхъ натяжекъ, ненасилуя историческихъ фактовъ. Чтобъ доказать это, разсмотримъ подробно первую главу «Исторію Россіи», и отмѣтимъ въ ней тѣ мѣста, которыя, по нашему мнѣнію, содержатъ въ себѣ ошибочные выводы изъ главной мысли, въ сущности весьма основательной и вѣрной.

Уже первая страница представляетъ неправильныя заключенія о вліяніи природы европейской территоріи Россіи на нашу исторію. Вотъ они:

«За долго до начала нашего лѣтосчисленія знаменитый Грекъ, котораго зовутъ отцемъ Исторіи, посѣтилъ сѣверныя берега Чернаго моря: вѣрнымъ взглядомъ взглянулъ онъ на страну, на племена, въ ней жившія, и записалъ въ своей безсмертной книгѣ, что племена эти ведутъ образъ жизни, какой указала имъ природа страны. Прошло много вѣковъ, нѣсколько разъ племена смѣнялись одни другими, образовалось могущественное государство;—но явленіе, замѣченное Геродотомъ, остается по прежнему въ силѣ: ходъ событій постоянно подчиняется природнымъ условіямъ» (стр. 1).

Справедливо ли это?

На стр. 28 г. Соловьевъ такъ описываетъ племена, жившія въ Южной Россіи во времена Геродота:

«По Днѣпру—на западъ до самаго Днѣстра, на востокъ—очень на короткое разстояніе отъ берега, живетъ народонаселеніе земледѣльческое, или, по

крайней мѣрѣ, переходное, которое, хотя еще и не отстало отъ своихъ степныхъ обычаевъ, и не привыкло къ хлѣбу, однако сѣетъ его, какъ предметъ выгодной торговли: такимъ образомъ щедрая природа странъ приднѣпровскихъ необходимо приводила кочевника къ осѣдлости, или по крайней мѣрѣ заставляла его работать на осѣдлаго, европейскаго человѣка; но на довольно близкое разстояніе отъ восточнаго берега Днѣпра уже начинались жилища чистыхъ кочевниковъ, простираясь до Дона и далѣе за эту рѣку; чистые кочевники господствуютъ надъ всею страною до самаго Днѣстра и Дуная на западъ, а за ними далѣе къ востоку, за Дономъ живутъ въ голыхъ степяхъ другіе кочевники, болѣе свирѣпые, которые грозятъ новымъ нашествіемъ при-Днѣпровью. Такимъ образомъ восточное, степное народонаселеніе господствуетъ безпрепятственно; Европа не высылаетъ ему соперниковъ; ни съ сѣвера, ни съ юга, ни съ запада не обнаруживается никакого движенія, грозитъ движеніе съ одного востока и въ тѣхъ же самыхъ формахъ — кочевники смѣнятся кочевниками» (стр. 28 и 29).

Изъ этого мѣста видно, что природа не навсегда осуждала южную Россію быть кочевьемъ для выходцевъ изъ средней Азіи: здѣсь, около Днѣпра, были и во времена Геродота осѣдлые жители и земледѣльцы. Конечно, природа страны давала возможностс обработывать поля, иначе не было бы никакой возможность возникнуть земледѣлію. Что именно побудило къ земледѣлію—другой вопросъ, на который отвѣтъ находимъ на стр. 33.

«Между Скиѳами были купцы, были и земледѣльцы, какъ мы видѣли; для насъ очень важно извѣстіе, что Скиѳы позволяли каждому селиться на своихъ земляхъ и заниматься земледѣліемъ подъ условіемъ дани: такъ поступали всегда кочевники, которымъ не было дѣла до быта подвластныхъ имъ племенъ, лишь бы послѣдніе исправно платили дань; это же извѣстіе объясняетъ намъ приведенное извѣстіе Геродота о Скиѳахъ, которые сѣяли хлѣбъ не для собственнаго употребленія, а на продажу: вѣроятно, они продавали хлѣбъ, чтобъ заплатить дань господствующему племени» (стр. 33).

Всѣ эти мѣста приводятъ къ такому заключенію: во времена Геродота кочевники южной Россіи, вслѣдствіе разныхъ причинъ, добровольно или по принужденію, обращались къ осѣдлой жизни и земледѣлію: слѣдовательно образъ ихъ жизни не опредѣлялся одною природою страны, но и происхожденіемъ

ихъ, и привычками, которыя они приносили изъ своего первоначальнаго отечества. Этотъ образъ жизни мѣстами измѣнился, мѣстами остался прежній, независимо отъ страны и почвы. Наконецъ, когда Россійская имперія, окрѣпнувъ, уничтожила гнѣздо кочевниковъ въ Крыму и заперла дорогу степнымъ народамъ изъ средней Азіи; когда европейское народонаселеніе Россіи, по мѣрѣ расширенія нашихъ государственныхъ границъ, подвигалось все далѣе и далѣе на югъ, заселило огромныя степныя пространства южной Россіи. тогда кочевая жизнь въ этой ея части кончилась и уступила мѣсто земледѣлію. Какое же основаніе имѣлъ г. Соловьевъ утверждать, что во времена Геродота племена, кочевавшія около Чернаго моря, вели образъ жизни, какой указала имъ природа страны: вѣдь съ тѣхъ поръ природа ея не перемѣнилась?

Далѣе, какое основаніе имѣлъ авторъ сказать, что послѣ многихъ вѣковъ ходъ событій продолжаетъ постоянно подчиняться природнымъ условіямъ? Теперь югъ Россіи, промышленный по приморскимъ окраинамъ, уже не кочевой, а земледѣльческій. Когда же, спрашивается, ходъ событій подчинялся природнымъ условіямъ страны: тогда, при Геродотѣ, когда на югѣ кочевали степные варвары, или теперь, когда въ немъ живутъ мирные земледѣльцы? Очевидно, г. Соловьевъ съ самаго начала увлекся своею мыслью. Онъ приписалъ слишкомъ много однимъ физическимъ условіямъ исторіи и слишкомъ мало условіямъ политическимъ и историческимъ. Это увлеченіе особенно замѣтно въ выводахъ о значеніи рѣкъ: въ нихъ авторъ видитъ не одни пути сообщенія, даже не однѣ рамы для разселенія племенъ и образованія областей и княжествъ, но какой-то неотразимый законъ, вслѣдствіе котораго русская исторія должна была неизбѣжно принять такое направленіе, а не другое, Россія распространяться въ ту, а не въ

другую сторону Москвы [illegible] преимуществ-[illegible] государства.

«Днѣпръ, въ историческомъ отношеніи, несравненно [illegible] другихъ рѣкъ Россіи, [illegible] Русскими [illegible], однако собственно не [illegible] въ Русскихъ владѣніяхъ до временъ Екатерины II-й, потому что Русскимъ государственнымъ областямъ распространяться естественнымъ образомъ изнутри, изъ ядра своего, внизъ по рѣкамъ, до естественныхъ предѣловъ своихъ, т. е. до устьевъ этихъ рѣкъ, [illegible] Великой Россіи, Московское государство, [illegible] страною источниковъ, [illegible] внизъ по которымъ распространялись государственныя области» (стр. 53 и 54).

Кіевское княженіе находилось гораздо ближе къ устью Днѣпра, чѣмъ Московское. Отчего жъ оно, кажется, при благопріятныхъ условіяхъ, не распространило [illegible] своего владычества до Чернаго моря? Вѣдь сидѣли же Уличи и Тиверцы по Днѣстру до Дуная и моря, а можетъ-быть, и далѣе отъ Дуная на востокъ за Днѣпръ (стр. 45); мы знаемъ изъ лѣтописи, что Олегъ побѣдилъ Тиверцевъ (стр. 105), Свѣнельдъ—Угличей (стр. 117). Но всѣ эти завоеванія не послужили ни къ чему. Не потому ли, подумаетъ читатель, что Кіевское княженіе, вслѣдствіе разныхъ историческихъ причинъ, ослабѣло и не могло удержать за собой завоеваній и первыхъ князей? Нѣтъ, русской государственной области надлежало непремѣнно распространяться естественнымъ образомъ изнутри, изъ своего ядра, внизъ по рѣкамъ, до естественныхъ своихъ предѣловъ, то-есть до устьевъ этихъ рѣкъ. Кіевъ стоитъ на перепутьи; какъ же было ему овладѣть устьемъ Днѣпра, когда его истоки въ сердцѣ Россіи, а это сердце—Московская область? Она страна источниковъ; сама природа приготовила ее именно для того, чтобъ стать государственнымъ зерномъ для Россіи. Но какъ же это такъ?

«Изъ положенія Торопецкаго княжества, лежащаго [illegible]
ною (Новгородскою), Двинскою (Полоцкою), Днѣпров[illegible]

Волжскою (Ростовскою или Суздальскою) областями, уясняется намъ положеніе князей Торопецкихъ, знаменитыхъ Мстиславовъ, ихъ значеніе, какъ посредниковъ между Новгородомъ, южною Русью и князьями Суздальскими; посредствомъ Торопца Новгородъ поддерживалъ связь свою съ южною Русью, изъ Торопца получалъ защиту отъ притѣсненій князей Суздальскихъ« (стр. 11).

Почему же Торопецъ не сдѣлался средоточіемъ Русскаго Государства? Его положеніе такъ удобно: на всѣ стороны открытъ путь по рѣкамъ.

«Смоленскъ находился въ области Кривичей, которые сѣли на верховьяхъ рѣкъ Волги, Днѣпра и Двины; изъ этого положенія легко видѣть важное значеніе Смоленской области, находившейся между тремя главными частями Руси—между областью Волги, Днѣпра и Двины, т. е. между Великою, Малою и Бѣлою Россіею: держа ключи ко всѣмъ этимъ областямъ, Смоленскіе князья держатъ Новгородъ въ зависимости отъ южной Руси, стерегутъ Днѣпровье отъ притязаній сѣверныхъ князей, принимаютъ самое дѣятельное участіе въ распряхъ послѣднихъ съ южными; являются главными дѣятелями въ исторіи юго-западной Руси (съ тѣхъ поръ, какъ Волынскіе князья обращаютъ все свое вниманіе на западъ), борются съ Волынью и Галичемъ за Кіевъ, и во время этой борьбы крѣпко держатся связи съ сѣверомъ, съ Новгородомъ и Волжскою областію. Изъ положенія Смоленской области понятно, почему Смоленскъ служилъ постоянно поводомъ къ спору между сѣверо-восточною, или Московскою, и юго-западною, или Литовскою Русью, почему ни Московское, ни Литовское (Польское) правительство не могли успокоиться, не имѣя въ своихъ рукахъ Смоленска» (стр. 15 и 16).

Вотъ еще княжество, которое весьма бы хорошо могло объединить всѣ части обширной Россіи. Географическое положеніе самое выгодное: здѣсь тоже сходятся истоки всѣхъ важнѣйшихъ рѣкъ. Отчего жь Смоленскъ не сталъ сердцемъ Россіи, государственнымъ зерномъ? А вотъ отчего:

«Историческое дѣленіе русской государственной области на части условливается отдѣльными рѣчными системами; ясно, что величина каждой части будетъ соотвѣтствовать величинѣ своей рѣчной области; чѣмъ область Волги больше области всѣхъ другихъ рѣкъ, тѣмъ область Московскаго государства должна быть больше всѣхъ остальныхъ частей Россіи, а естественно меньшимъ частямъ примыкать къ большей; отсюда понятно, почему и Новгородская озерная область, и Бѣлая и Малая Русь примкнули къ Московскому государству. И такъ цѣлая область Волги есть преимущественно область Московскаго

государства, и Ростовская область будетъ только областью верхней Волги. Прослѣдимъ же теперь распространеніе Русской государственной области по Волжской системѣ, и переходъ Ростовской области въ область Великаго княжества Владимірскаго, и послѣдней въ область Московскаго государства. Ростовъ былъ городомъ племени, и, если принимать извѣстіе лѣтописца, былъ одинокъ въ цѣлой обширной области, получившей отъ него свое названіе. Мы видимъ, что одною изъ главныхъ сторонъ дѣятельности нашихъ князей было построеніе городовъ. Это построеніе носитъ слѣды разсчета, преднамѣреннаго стремленія, что̀ видно изъ положенія новыхъ городовъ и изъ разстоянія ихъ одного отъ другаго. Ярославль построенъ на важномъ пунктѣ, при устьѣ Которости въ Волгу, которая посредствомъ этого притока соединяется съ Ростовскимъ озеромъ. Потомъ мы видимъ стремленіе внизъ по Волгѣ: города строятся при главныхъ изгибахъ рѣки, при устьяхъ значительныхъ ея притоковъ: такъ построена Кострома при поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее Костромы, Юрьевецъ-Поволжскій при слѣдующемъ большомъ колѣнѣ, или поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее Унжи; наконецъ Нижній Новгородъ при впаденіи Оки въ Волгу. Здѣсь на время остановилось естественное стремленіе сѣверныхъ князей внизъ по Волгѣ, къ предѣламъ Азіи» (стр. 17 и 18).

«Кромѣ стремленія внизъ по Волгѣ, у сѣверныхъ князей было еще другое стремленіе, болѣе важное, именно, стремленіе на югъ, для соединенія съ юго-западною Русью, гдѣ находилась главная сцена дѣйствія. Мы назвали это стремленіе болѣе важнымъ, потому что хотя у князей это было только стремленіе къ югу, для соединенія съ Днѣпровскою Русью, однако на самомъ дѣлѣ это выходило исканіе центра, около котораго Русскія области могли сосредоточиться. Стремленіе князей къ югу усматривается въ перенесеніи стола княжескаго изъ Ростова въ Суздаль; первый князь, который долженъ былъ остаться на долго въ Ростовской области, Юрій Владиміровичъ Долгорукій, живетъ уже не въ Ростовѣ, а въ Суздалѣ, городѣ южнѣйшемъ. Каково же положеніе этого города, и какъ вообще должно было совершиться это движеніе на югъ? И здѣсь, какъ вездѣ въ нашей древней исторіи, водный путь имѣетъ важное значеніе. Самая ближайшая отъ Которости и отъ Ростовскаго озера рѣка къ югу есть Нерль, которая сама есть притокъ Клязьмы; такимъ образомъ если слѣдовать рѣчнымъ путемъ, то послѣ Ростова южнѣе будетъ Суздаль на Нерли, потомъ южнѣе Суздаля является Владиміръ, уже на самой Клязьмѣ: такъ и сѣверные князья переносили свои столы — изъ Ростова въ Суздаль, изъ Суздаля во Владиміръ. Здѣсь, въ послѣднемъ городѣ, столъ великокняжескій утвердился на долго, потому что сѣверные князья, достигнувъ этого пункта, презрѣли южною Русью, и все вниманіе обратили на востокъ, начали стремиться, по указанію природы, внизъ по рѣкамъ — Клязьмою къ Окѣ, и Окою къ Волгѣ. Положеніе Владиміра было очень выгодно для того

времени, когда, послѣ нашествія Монголовъ, восточныя отношенія играли важную роль: Владиміръ лежитъ на Клязьмѣ, которая впадаетъ въ Оку тамъ, гдѣ эта рѣка принадлежитъ востоку. Здѣсь природа, съ своей стороны, предлагаетъ также объясненіе, почему Владимірскіе князья, устремивъ все свое вниманіе на дѣла сѣверо-востока, такъ охладѣли къ югу: такое охлажденіе особенно замѣчается въ дѣятельности Юрія II Всеволодовича. Изъ этого уже видно, что Владиміръ не могъ быть сосредоточивающимъ пунктомъ для Русскихъ областей: положеніе его одностороннее; рѣка, на которой лежитъ онъ, стремится къ Финскому сѣверо-востоку. Средоточіе было найдено вслѣдствіе опять того же стремленія къ югу, которымъ особенно отличался Юрій Долгорукій. Мы видѣли рѣчной путь отъ Ростова къ югу; но этотъ путь велъ не прямо къ югу, а къ юговостоку, тогда какъ для отысканія центра Русскихъ областей нужно было уклониться къ югозападу, что и сдѣлалъ Юрій Долгорукій, построившій на югозападъ отъ Ростова, по пути въ Днѣпровскую Русь, города Переяславль-Залѣсскій и Москву. Москва и была именно искомымъ пунктомъ: это обозначилось тотчасъ же въ исторіи: въ первый разъ Москва упоминается въ 1147 году, по случаю свиданія Долгорукаго съ Святославомъ Сѣверскимъ. Москва лежитъ на рѣкѣ того же имени, которая течетъ между Волгою, Окою и Верхнимъ Днѣпромъ. Москва-рѣка впадаетъ въ Оку, такъ же какъ и Клязьма, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что Клязьма впадаетъ въ Оку тамъ, гдѣ она принадлежала Финскому сѣверо-востоку, тогда какъ Москва впадаетъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ока, обращаясь къ востоку, передавала Москвѣ обязанность служить соединеніемъ для сѣверныхъ и южныхъ русскихъ областей. Сосредоточивающій пунктъ долженствовалъ быть мѣстомъ соединенія сѣвера съ югомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ носить характеръ сѣверный, потому что на сѣверѣ находились крѣпкія государственныя основы, которыхъ не было въ области собственной Оки, въ землѣ Вятичей, въ странѣ переходной, безъ опредѣленнаго характера, впрочемъ, издавна примыкавшей къ южной Руси, и потому болѣе на нее похожей. Замѣтимъ также, что Москва находилась прямо въ срединѣ между двумя племенами, изъ которыхъ главнымъ образомъ составилось народонаселеніе Русское, между племенемъ Славянскимъ и Финскимъ.

«Что касается природы Московскаго центральнаго пространства, то оно представляетъ обширную открытую равнину, съ умѣреннымъ климатомъ; эта равнина не вездѣ равно плодородна, и въ самыхъ плодородныхъ мѣстахъ уступаетъ южнымъ пространствамъ Имперіи; но за то она почти вездѣ способна къ обработыванію, слѣдовательно вездѣ поддерживаетъ дѣятельность, энергію человѣка, побуждаетъ къ труду и вознаграждаетъ за него; а извѣстно, какъ подобныя природныя обстоятельства благопріятствуютъ основанію и развитію гражданскихъ обществъ. Было сказано, что эта область не вездѣ одинаково плодородна; сѣверная часть менѣе плодородна, чѣмъ южная: это

природное обстоятельство также очень важно, усиливая первоначальную промышленность какъ главное занятіе для южнаго народонаселенія, и промышленность, производящую для сѣвернаго, дополняя, слѣдовательно одну часть другою, дѣлая ихъ необходимыми другъ для друга» (стр. 19—21).

Наконецъ,

«Мы видѣли, что распространеніе Русскихъ владѣній слѣдовало теченію рѣкъ. Во первыхъ, оно шло озерною Новгородскою системою, потомъ системою Двины и Днѣпра къ югу или западу, и въ тоже время, съ другой стороны, шло путемъ Бѣлозерскимъ, по Шекснѣ, и далѣе къ югу, по системѣ Мологи къ Волгѣ, потомъ Волгою, и на югъ отъ этой рѣки къ Окѣ. На встрѣчу этому движенію отъ сѣвера, которое, какъ видно, не шло далѣе Москвы, мы замѣчаемъ движеніе съ юга, по Деснѣ—притоку Днѣпра, и Окѣ—притоку Волги. Такимъ образомъ первоначальное распространеніе преимущественно шло по огромной дугѣ, образуемой Волгою къ сѣверу, до впаденія въ нее Оки, и Днѣпромъ къ югу; потомъ распространеніе происходило въ серединѣ дуги, съ сѣвера, отъ Волги, и ему навстрѣчу съ юга, отъ Днѣпра, при чемъ оба противоположныя движенія сходились въ области Москвы-рѣки, гдѣ и образовался государственный центръ. Теченіе Оки отъ истоковъ ея до устья Москвы-рѣки, и потомъ вмѣстѣ съ теченіемъ послѣдней, имѣло важное историческое значеніе, потому что служило посредствующею водною нитью между сѣверною и южною Русью» (стр. 22).

Итакъ вотъ ключъ къ рѣшенію вопроса, почему не Торопецъ, не Смоленскъ, не Владиміръ, а именно Москва стала средоточіемъ Россіи. Во первыхъ, Волжская, то есть Московская область самая большая; во вторыхъ, Москва лежитъ по пути въ Днѣпровскую Русь, на юго-западъ отъ Ростова. Немножко дальше на востокъ—и всѣ силы и дѣятельность новаго государства устремились бы на финскій сѣверо-востокъ. Примѣръ есть на лицо: Владимірскіе князья устремили же все свое вниманіе на сѣверо-востокъ и охладѣли къ югу? Напротивъ, Москва стоитъ на томъ именно мѣстѣ, гдѣ Ока, обращаясь къ востоку, передаетъ ей (то есть Москвѣ) обязанность служить соединеніемъ между сѣверными и южными русскими областями. По этому своему географическому положенію, Москва есть

пунктъ соединенія между сѣверомъ и югомъ, однако съ характеромъ сѣвернымъ, что именно и было нужно, потому что на сѣверѣ находились крѣпкія государственныя основы. Въ третьихъ, Москва находилась въ самой серединѣ между двумя главными племенами Русскаго государства—Славянами и Финнами. Въ четвертыхъ, Московское центральное пространство какъ бы воспроизводитъ собою въ маломъ видѣ сѣверную и южную Россію: сѣверная часть этого пространства менѣе плодородна, чѣмъ южная. Слѣдовательно, здѣсь первоначальная промышленность южная и производящая сѣверная столкнулись и имѣли всю возможность убѣдиться, какъ обѣ необходимы другъ для друга. Наконецъ, въ пятыхъ, распространеніе русскихъ владѣній, происходившее по дугѣ, образуемой Волгою до Оки къ сѣверу и Днѣпромъ къ югу, и потомъ въ серединѣ этой дуги съ сѣвера отъ Волги и съ юга отъ Днѣпра, на встрѣчу другъ другу, сходились въ области Москвы-рѣки. Вотъ пять причинъ, почему Москва была искомымъ центромъ русскихъ областей. «Это, (говоритъ г. Соловьевъ) обозначилось тотчасъ же въ исторіи». Москва построена Юріемъ Долгорукимъ въ 1147 году, по случаю свиданія Долгорукаго съ Святославомъ Сѣверскимъ. Изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что, само собою разумѣется, ужь въ половинѣ XII вѣка въ Россіи сознавали всю важность географическаго положенія и будущую великую роль Москвы; лѣтописецъ упомянулъ о ней, конечно, не случайно, не по поводу встрѣчи двухъ князей, а въ предвидѣніи ея послѣдующаго призванія въ исторіи Россіи.

Можно ли назвать всѣ эти доводы убѣдительными? Разрѣшаютъ ли они важный историческій вопросъ, почему вся Россія соединилась въ одно цѣлое въ Московскомъ государствѣ? Едва ли. Обширность волжской системы беспорна; но на ней было построено много городовъ, и мы не видимъ основанія присвоить всю ея систему именно Москвѣ, а не по-волжскимъ го-

родамъ: Твери, Рязани, Ярославу, Костромѣ, Ростову, или другимъ городамъ, расположеннымъ по Окѣ и прочимъ важнѣйшимъ волжскимъ притокамъ. Средиземное положеніе Москвы, конечно, очень выгодное, какъ центральный пунктъ для всей Россіи, еще не доказываетъ, что столицѣ Московскаго государства преимущественно принадлежитъ, или должна принадлежать цѣлая волжская система; Нижній Новгородъ могъ бы скорѣе предъявить на это свои права и съ гораздо бо́льшимъ основаніемъ. Потомъ, мы не понимаемъ хорошенько, что̀ хотѣлъ сказать авторъ словами: «Москва впадаетъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ока, обращаясь къ востоку, передавала Москвѣ обязанность служить соединеніемъ для сѣверныхъ и южныхъ русскихъ областей». Ока дѣйствительно течетъ съ этого мѣста на востокъ; но далеко ли? ужь на границѣ Егорьевскаго и Зарайскаго уѣздовъ она довольно круто поворачиваетъ на юго-востокъ, въ Зарайскій уѣздъ, и затѣмъ, въ томъ же юго-восточномъ направленіи, протекаетъ по Рязанскому уѣзду; въ Спасскомъ, при впаденіи въ нея рѣки Пары, снова поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, и въ этомъ направленіи, за исключеніемъ значительнаго изгиба въ Касимовскомъ и Елатомскомъ уѣздахъ, течетъ до самаго впаденія въ Волгу. Но еслибъ Ока даже на всемъ своемъ протяженіи текла на востокъ, то спрашивается: какимъ образомъ могла бы она передать Москвѣ обязанность соединить сѣверныя и южныя русскія области? Эти области гораздо прямѣе, непосредственнѣе соединяются великимъ воднымъ путемъ по Днѣпру, чѣмъ Окою. Далѣе, если положеніе Владиміра на Клязьмѣ устремило все вниманіе Владимірскихъ князей на финнскій сѣверо-востокъ, то почему Москва не устремила туда же вниманіе Московскихъ князей? и Клязьма и Москва притоки Оки. Если только потому, что Москва западнѣе, чѣмъ Владиміръ, то положеніе Орла, Калуги, Тулы, Твери столько же выгодно: и они западнѣе, чѣмъ

Владиміръ. Наконецъ, авторъ говоритъ, что Москва лежитъ на самой серединѣ между Славянами и Финнами. Но такъ ли это?

Въ первомъ томѣ «Исторіи Россіи» сказано о жилищахъ Финновъ слѣдующее:

«Въ половинѣ IX вѣка южныя границы Финскаго племени съ Славянскимъ можно положить въ область Москвы-рѣки, гдѣ Финны должны были сталкиваться съ Славянскимъ племенемъ Вятичей: селенія послѣднихъ мы имѣемъ право продолжить до рѣки Лопасни, потому что, какъ видно, всѣ Вятичи принадлежали къ Черниговскому княжеству, а городъ Лопасня былъ пограничнымъ городомъ этого княжества съ Суздальскимъ. Селенія Вятичей должны были уже соприкасаться съ селеніями Финскихъ племенъ, потому что въ Бронницкомъ уѣздѣ Московской губерніи находимъ рѣку Мерскую или Нерскую, которая именемъ своимъ ясно показываетъ, что протекала чрезъ старинную землю Мери» (стр. 73).

На стр. 23 Рязань названа «Славяно-Русской колоніей въ чуждомъ тогда для нея мірѣ Финскомъ». Владиміръ, какъ мы видѣли, не могъ быть сосредоточивающимъ пунктомъ для русскихъ областей, потому что Клязьма стремится къ финнскому сѣверо-востоку. Изъ всего этого слѣдуетъ вотъ что: Бронницкій уѣздъ, по крайней мѣрѣ отчасти, былъ населенъ Финнами; Рязань находилась въ финнской землѣ; Владиміръ, если не былъ построенъ на финнской землѣ, то по крайней мѣрѣ, смотрѣлъ на финнскій сѣверо-востокъ. Спрашивается: какъ же Москва могла быть пограничною областью между Славянами и Финнами. Она, очевидно, стояла на землѣ финнской и по крайней мѣрѣ была такою же Славяно-Русскою колоніей между Финнами, какъ и Рязань, даже если все теченіе Лопасни находилось въ области Вятичей. Этимъ, между прочимъ, опровергается и многозначительность сѣвернаго характера Москвы. Еслибъ она соединяла сѣверныхъ Славянъ съ южными—другое дѣло; но она, очевидно, соединяла сѣверныхъ Финновъ съ южными Руссами; а присутствіе крѣпкихъ государственныхъ

основъ между Финнами весьма сомнительно, по крайней мѣрѣ нисколько не доказывается изъ Русской исторіи.

Всѣ эти усилія объяснить важное историческое значеніе Москвы однимъ ея географическимъ положеніемъ доказываютъ, какъ авторъ увлекся своею основною мыслью. Москва, даже если она построена не ранѣе 1147 года, въ теченіе около полутораста лѣтъ была самымъ небольшимъ и незначительнымъ княжествомъ. Даніилъ Александровичъ, въ 1302 году, первый увеличилъ его объемъ, получивъ по завѣщанію Переяславль-Залѣсскій; Георгій Даніиловичъ вскорѣ послѣ того (въ 1303 и 1307 годахъ) пріобрѣлъ Коломну и Можайскъ. Г. Соловьевъ говоритъ:

«Область Москвы-рѣки была первоначальною областью Московскаго княжества, и въ первой дѣятельности Московскихъ князей мы замѣчаемъ стремленіе получить въ свою власть все теченіе рѣки. Верховье и устье ея находились въ чужихъ рукахъ; слѣдовательно, область Московскаго княжества была заперта съ двухъ концовъ: верховье рѣки находилось во власти князей Можайскихъ-Смоленскихъ, устье во власти князей Рязанскихъ; здѣсь ихъ былъ городъ Коломна. Отсюда понятно, почему первыми завоеваніями Москвы были Можайскъ и Коломна: Князь Юрій Даниловичъ только овладѣвъ этими двумя городами, могъ считать свою область вполнѣ самостоятельною» (стр. 21—22).

Но къ чему могли служить эти пріобрѣтенія въ отношеніи къ рѣкѣ? Какъ могъ Юрій Даниловичъ считать свою область вполнѣ самостоятельной, когда въ его владѣніи находились истоки и устье Москвы рѣки, да та ея часть, которая протекала по Московскому княженію, а пространства между Можайскою и Московскою областьми, также между послѣднею и Коломенскою, оставались въ чужомъ владѣніи? Ничто не уполномочиваетъ насъ думать, что эти промежуточныя пространства принадлежали московскимъ князьямъ прежде Іоанна Калиты. Только послѣдній начинаетъ ужь явнымъ образомъ округлять московскія владѣнія и, какъ кажется, бóльшею частью

покупкой. Однако и у него были купленныя села въ Новгородѣ, Владимірѣ, Юрьевѣ и Бѣжецкомъ-Верхѣ, да, судя по завѣщанію Димитрія Донскаго, онъ пріобрѣлъ также куплей Галичъ, Угличъ и Бѣлоозеро Какого воднаго пути онъ придерживался, чтобъ достигнуть до этихъ владѣній? Какая система рѣкъ понуждала его дѣлать эти отчасти отдаленныя, отчасти разбросанныя, несплошныя пріобрѣтенія? Нѣтъ, Москва стала политическимъ средоточіемъ Россіи не вслѣдствіе географическаго своего положенія, не вслѣдствіе теченія рѣкъ, а вслѣдствіе особенно счастливыхъ историческихъ условій, и вслѣдствіе ума и дѣятельности ея князей, такъ удачно названныхъ г. Соловьевымъ собирателями русской земли. Теряя изъ вида историческіе элементы, подчиняя такъ безусловно дѣятельность лицъ и племенъ условіямъ географическимъ, авторъ обличаетъ неправильную точку зрѣнія на историческое развитіе, лишаетъ исторію попреимуществу ей принадлежащаго значенія дѣятельности человѣка. Мы убѣждены, что самъ г. Соловьевъ понимаетъ исторію иначе, и односторонности его воззрѣній, весьма ясныя въ первой главѣ, охотно приписываемъ увлеченію любимой мыслью. Къ числу такихъ же увлеченій должно отнести еще и слѣдующія мѣста:

«Несмотря на то, что юго-западная Русь, преимущественно Кіевская область, была главною сценою древней нашей исторіи, пограничность ея, близость къ полю, или степи, жилищу дикихъ народовъ, дѣлали ее неспособною стать государственнымъ зерномъ для Россіи, для чего именно природа приготовила Московскую область; отсюда Кіевская область (Русь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ) вначалѣ и послѣ носитъ характеръ пограничнаго военнаго поселенія, остается страною Казаковъ до полнаго государственнаго развитія, начавшагося съ сѣверной Руси, въ странѣ источниковъ.

«Но если, по причинамъ естественнымъ, юго-западная Русь не могла стать государственнымъ ядромъ, то природа же страны объясняетъ намъ, почему она была главною сценою дѣйствія въ начальной нашей исторіи: области древнихъ княжествъ Кіевскаго, Волынскаго, Переяславскаго и собственно Черниговскаго составляютъ самую благословенную часть областей Русскихъ относительно климата и качества почвы» (стр. 14).

Не гораздо ли проще объяснить первоначальное сосредоточеніе исторіи Россіи въ юго-западной Руси тѣмъ, что варяжская дружина, издавна ходившая по Днѣпру въ Константинополь служить, торговать и воевать — что эта дружина хотѣла быть ближе къ Греціи? Не естественнѣе ли объяснить дальнѣйшій ходъ русской исторіи системою удѣловъ, усиленіемъ Владимірскаго, а потомъ Московскаго княженія, которое, въ свою очередь, имѣло свои причины? Словомъ, не лучше ли, въ отношеніи къ этимъ вопросамъ, ближайшее, естественнѣйшее, простѣйшее объясненіе, чѣмъ далекое, запутанное и невѣроятное?

«Область Западной Двины, или область Полоцкая имѣла такую же участь, какъ и озерная область Новгородская: Славянское племя заняло начало и средину теченія Двины, но не успѣло, при медленномъ движеніи своемъ, достигнуть ея устья, береговъ моря, около котораго оставались еще туземцы, хотя подчиненные Русскимъ князьямъ, но не подчинившіеся Славяно-русской народности. Особность Полоцкаго, или Двинскаго княжества, его слабость вслѣдствіе этой особности и усобицъ были причиною того, что въ XII вѣкѣ отъ морскихъ береговъ, съ устья Двины, начинается наступательное движеніе Нѣмцевъ, предъ которыми Полочане должны были отступать все далѣе и далѣе внутрь страны. Потомъ Полоцкое княжество подчинилось династіи князей Литовскихъ, и черезъ нихъ соединилось съ Польшею; Московское государство, сосредоточивъ сѣверовосточныя Русскія области, усилившись, начало стремиться, по естественному направленію, къ морю, ибо въ области Московскаго государства находились истоки Двины. Іоаннъ IV, стремясь черезъ покореніе Ливоніи къ морю, взялъ и Полоцкъ; но Баторій отнялъ у него и Ливонію и Полоцкъ, вслѣдствіе чего почти все теченіе Двины стало находиться въ области одного государства. Но чрезъ нѣсколько времени Шведы отняли у Поляковъ устье Двины, и область этой рѣки явилась въ затруднительномъ, неестественномъ положеніи, подѣленною между тремя государствами. Петръ Великій отнялъ низовье Двины у Шведовъ, вслѣдствіе чего положеніе Двинской области стало еще затруднительнѣе, потому что верховье и устье находились въ области одного государства, а средина въ области другаго. При Екатеринѣ II-й Двинская область была выведена изъ этого неестественнаго положенія» (стр 9 и 10).

Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, политическое распространеніе государства смѣшано съ этнографическимъ

разселеніемъ племенъ; политическіе виды и цѣли подчинены требованіямъ мѣстности, географіи. Но справедливо ли это? Не Полочане отступали передъ Нѣмцами внутрь страны, а владѣнія Полоцкаго княжества были отчасти завоеваны Нѣмцами; между тѣмъ и другимъ большая разница. Московское государство стало стремиться къ морю не по «естественному» направленію, а по политическимъ видамъ. Намъ нужно было непремѣнно имѣть пунктъ на Балтійскомъ морѣ, и пріобрѣтеніе такого пункта составляло цѣль стремленій русскихъ государей съ того самаго времени, какъ Россія сложилась въ значительное политическое тѣло и почувствовала свои силы. Выраженіе «неестественное положеніе рѣки» странно, именно потому, что представляетъ дѣло въ превратномъ видѣ. Не можетъ быть вопроса о томъ, пріятно и естественно ли рѣкѣ быть подѣленной такъ, а не иначе между двумя или тремя государствами; рѣчь можетъ быть только о томъ, выгодно ли такое раздѣленіе одному или всѣмъ этимъ государствамъ, или невыгодно; а эти вопросы рѣшаютъ не только завоеваніемъ всей рѣчной системы однимъ государствомъ, но и договорами сосѣднихъ державъ. Нѣманъ, Висла, Днѣстръ, Дунай, Эльба, Везеръ, Рейнъ, Дуэро, Таіо, Гвадіана, то есть почти всѣ важнѣйшія рѣки въ Европѣ находятся въ такомъ же точно положеніи, въ какомъ были прежде Днѣпръ и Западная Двина; однако это не мѣшаетъ торговлѣ и судоходству по этимъ рѣкамъ.

«Извѣстно, что вездѣ, при своихъ столкновеніяхъ, Славяне занимали возвышенныя, сухія и хлѣбородныя пространства; Финны же низменныя, болотистыя» (стр. 8).

И въ другомъ мѣстѣ:

«Финнъ на нѣмецкомъ языкѣ означаетъ жителя болотной, влажной низменности; то же означаютъ и финнскія названія разныхъ племенъ, напримѣръ, Емь и Ямь (Häm) значитъ *мокрый*, *водяной;* Весь объясняется изъ фин-

скаго Vesi—вода. И теперь финскія имена мѣстностей встрѣчаются преимущественно на болотистыхъ пространствахъ. Нашъ лѣтописецъ указываетъ намъ финскія племена преимущественно около озеръ» (стр. 73).

Очевидная натяжка, происшедшая отъ желанія опредѣлить мѣстностью, географическими условіями, явленія вполнѣ историческія. Съ чего было Финну любить преимущественно болота и сырыя мѣста? Этимологическое производство нѣсколькихъ названій финскихъ племенъ, если оно и достовѣрно, или правдоподобно, ничего не доказываетъ: по болотистой и низменной мѣстности эти племена такъ и назывались. За то, сколько мѣстностей, вовсе не болотистыхъ и не низменныхъ до сихъ поръ населены финскими племенами; таковы губерніи Нижегородская, Казанская, Симбирская, Пензенская, Тамбовская и другія. Слѣдовательно, изъ того, что на сѣверѣ есть различіе между мѣстами, занимаемыми Славянами и Финнами, нельзя еще выводить общаго правила для всей Россіи. Съ другой стороны, очень понятно, что гдѣ удобной, плодородной земли было мало, тамъ эту землю заняли Русскіе и вытѣснили съ нея Финновъ въ болота; иначе и не могло быть при столкновеніяхъ племени сильнѣйшаго съ слабѣйшимъ; только нельзя же отсюда выводить какую-нибудь черту народнаго характера Русскихъ и Финновъ.

Вотъ нѣсколько замѣчаній на первую главу «Исторіи Россіи». Вторая глава изслѣдуетъ бытъ и судьбу народовъ, населявшихъ нынѣшнюю русскую государственную область, до явственнаго появленія въ ней племенъ славянскихъ. Въ этой главѣ г. Соловьевъ разсматриваетъ извѣстія Грековъ и Римлянъ о теперешней Россіи и ея обитателяхъ. Такъ какъ содержаніе ея не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ русской исторіи, то, неостанавливаясь на ней, мы перейдемъ прямо къ третьей главѣ, посвященной обозрѣнію Славянъ и другихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго государ-

ства, также ихъ быта и судьбы до половины IX вѣка. Эта глава содержитъ менѣе, чѣмъ сколько обѣщаетъ заглавіе. По заглавію, читатель будетъ ожидать полнаго обозрѣнія всѣхъ тѣхъ племенъ, которыя входятъ теперь въ составъ имперіи; но вмѣсто того, онъ найдетъ очеркъ однихъ народовъ, упоминаемыхъ у Нестора. Какъ бы то ни было, но въ третьей главѣ сперва говорится о племенахъ славянскихъ, потомъ объ остальныхъ и, въ заключеніе, о Варягахъ-Руси. Еще прежде, при разборѣ перваго тома «Архива» г. Калачова, мы имѣли случай отдать должную справедливость взгляду г. Соловьева на древнѣйшій бытъ Русскихъ Славянъ, и объясненіямъ нѣкоторыхъ особенностей этого быта, невстрѣчающихся у другихъ европейскихъ племенъ, и потому не всегда правильно понимаемыхъ европейскими учеными. Въ то же время мы находили, что въ изложеніе языческихъ вѣрованій допущено много ипотезъ, съ которыми нельзя вполнѣ согласиться. Этотъ отзывъ, несмотря на новую редакцію той же статьи въ первомъ томѣ «Исторіи Россіи» и на нѣкоторыя сдѣланныя въ ней перемѣны, можетъ быть повторенъ и теперь. Бытъ славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Россіи, обрисованъ удовлетворительно; но очеркъ языческихъ вѣрованій намъ показался слабѣе, именно потому, что въ немъ весьма много произвольнаго, ипотетическаго. Рановременность прагматическаго изложенія перваго періода русской исторіи ни въ чемъ такъ не замѣтна, какъ именно въ изображеніи языческой религіи Русскихъ Славянъ. Она, какъ извѣстно, еще очень недавно стала предметомъ дѣятельнаго и самостоятельнаго изслѣдованія. Покуда, въ ней все шатко, неопредѣленно, и потому прагматическое изложеніе къ ней вовсе нейдетъ.

Въ самомъ началѣ третьей главы г. Соловьевъ, основываясь преимущественно на Несторовой лѣтописи, разсматриваетъ извѣстія о первоначальныхъ жилищахъ Славянъ и ихъ разсе-

леніи. Обойдя безъ разрѣшенія важный вопросъ — кто были Волхи, нашедшіе на Дунайскихъ Славянъ, авторъ «Исторіи Россіи», изъ соображенія трехъ мѣстъ Несторовой лѣтописи, выводитъ слѣдующее:

«Если принимать буквально извѣстіе лѣтописца, то выйдетъ, что Славянское народонаселеніе двигалось по западной сторонѣ Днѣпра на сѣверъ, и потомъ спускалось на югъ по восточной сторонѣ этой рѣки. О другихъ племенахъ—Дулебахъ, Бужанахъ, Угличахъ и Тиверцахъ, Радимичахъ и Вятичахъ лѣтописецъ сначала не упоминаетъ ни въ первомъ, ни во второмъ извѣстіи: изъ этого умолчанія имѣемъ право заключить, что означенныя племена явились на востокѣ не вслѣдствіе извѣстнаго толчка отъ Волховъ, и не имѣютъ связи съ перечисленными выше племенами, а явились особо». (стр. 43).

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ г. Соловьевъ правъ, дѣлая подобный выводъ о порядкѣ разселенія племени и о томъ, что племена, неизчисленныя въ первомъ и второмъ извѣстіи, явились въ Россіи особо. Начальный лѣтописецъ могъ перечислять племена, принявъ за основаніе ихъ жилища сначала по западной, а потомъ по восточной сторонѣ Днѣпра; при этомъ изчисленіи онъ весьма легко могъ упустить нѣкоторыя племена и потомъ назвать ихъ особо. Конечно, въ отношеніи къ Радимичамъ и Вятичамъ, такое предположеніе менѣе вѣроятно, потому что лѣтописецъ прямо говоритъ, что они пришли отъ Ляховъ, и ихъ переселеніе дѣйствительно могло совершиться позднѣе; что же касается до Дулебовъ, Бужанъ, Угличей и Тиверцовъ, то наше предположеніе если не болѣе, то по крайней мѣрѣ столько же вѣроятно, какъ и предположеніе г. Соловьева.

Кромѣ этого вывода, который намъ кажется недостаточно доказаннымъ, въ обозрѣніи славянскихъ племенъ и ихъ разселенія въ Россіи мы встрѣтили еще слѣдующія мнѣнія и замѣтки, съ которыми едва ли можно согласиться.

На стр. 45 г. Соловьевъ говоритъ:

«Во всѣхъ названіяхъ племенъ мы замѣчаемъ, что они происходятъ или отъ мѣстъ, или отъ именъ родоначальниковъ, или называются собственнымъ существительнымъ, какъ напримѣръ, Дулѣбы; одни только жители Новгорода и окрестныхъ мѣстъ «прозвашась своимъ именемъ», какъ говоритъ лѣтописецъ, Славянами. Эта странность можетъ объясниться тѣмъ, что Славяне Ильменскіе, будучи позднѣйшими выселенцами отъ Кривичей, не успѣли пріобрѣсти еще для себя видоваго названія въ отличіе отъ соплеменниковъ, и удерживали названіе родовое въ отличіе отъ чужеплеменниковъ — Финновъ, которыми были окружены» (стр. 45).

Когда именно произошло разселеніе славянскихъ племенъ въ Россіи—сказать очень трудно. По всѣмъ вѣроятіямъ, оно имѣло мѣсто гораздо прежде того времени, когда писалъ нашъ лѣтописецъ. Вотъ почему мы думаемъ, что г. Соловьевъ невполнѣ правъ, принимая, безъ всякой критики, видовое названіе Славянъ за родовое изъ-поконъ-вѣка. Во первыхъ, какъ родовое названіе, оно и до сихъ поръ не есть народное, а книжное, литературное, и могло быть усвоено всѣмъ Славянамъ по одному какому-нибудь племени, которое именно называлось Славянами. Такъ думаютъ многіе; напримѣръ г. Савельевъ-Ростиславичъ говоритъ, что Іорнандъ разумѣлъ подъ Славянами однихъ только Словенцовъ и Словаковъ, а не всѣ славянскія племена, и что, слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія распространять то, что̀ онъ говоритъ о Славянахъ, на всѣ племена, извѣстныя намъ теперь подъ этимъ названіемъ. Ближайшимъ, сосѣднимъ съ Греками и Римлянами славянскимъ племенемъ были Словаки и Словенцы; по ихъ племенному названію прозваны всѣ славянскія племена, а потомъ отъ Грековъ и Римлянъ это составленное родовое названіе перешло къ арабскимъ и франкскимъ лѣтописцамъ (Слав. Сборникъ, стр. 86 и 87). Правъ ли г. Савельевъ или нѣтъ— другой вопросъ; но весьма замѣчательно, что названіе Славянъ, какъ родовое, неизвѣстно и до сихъ поръ самимъ славянскимъ племенамъ, изъ чего мы и заключаемъ, что оно никогда такимъ и не было. Положимъ, однако, что мы оши-

баемся. Если есть ошибочное мнѣніе, его слѣдуетъ сперва опровергнуть и потомъ уже дѣлать выводы; но г. Соловьевъ прямо прибѣгаетъ къ самому невѣроятному изъ всѣхъ возможныхъ предположеній, чтобъ объяснить, почему Новгородцы удержали названіе Славянъ. Во первыхъ, приписываемая Новгородцамъ методичность въ отличеніи себя названіемъ отъ соплеменниковъ вовсе несвойственна времени; Полоцкіе Кривичи, разселившіеся на значительномъ пространствѣ, сохранили же одно общее названіе: отчего жь не могли удержать его и Кривичи Новгородскіе? Далѣе, если послѣдніе были позднѣйшими выселенцами, тѣмъ менѣе могли они сохранить воспоминаніе объ общемъ родовомъ названіи и даже присвоить его себѣ исключительно.

На стр. 46 г. Соловьевъ говоритъ:

«Указанія лѣтописца на многочисленность Тиверцовъ и Угличей, на ихъ упорное сопротивленіе Русскимъ князьямъ, на ихъ жилища отъ Днѣстра, или даже отъ Дуная до самаго Днѣпра, и, можетъ-быть, дальше на востокъ, *не оставляютъ никакого сомнѣнія*, что это тѣ самыя племена, которыя Прокопію и Іорнанду были извѣстны подъ именемъ Антовъ».

Что касается до Іорнанда—можетъ быть; но очень трудно согласить извѣстіе Прокопія о жилищахъ Антовъ съ мѣстомъ изъ нашей начальной лѣтописи о поселеніяхъ Угличей и Тиверцевъ. По свидѣтельству Прокопія, безчисленные народы Антовъ жили дальше къ сѣверу отъ Азовскаго моря, а ближе, на берегахъ этого моря, жили Утургуры; по лѣтописи же, Угличи и Тиверцы сидѣли по Черному морю, по берегамъ Днѣстра и Днѣпра. Во всякомъ случаѣ, извѣстіе Прокопія о «безчисленныхъ» народахъ Антовъ не можетъ относиться къ однимъ Угличамъ и Тиверцамъ.

Съ 46-й страницы по 64-ю, г-нъ Соловьевъ разсматриваетъ внутренній бытъ Русскихъ Славянъ. Это, какъ мы сказали, лучшая часть главы и читается съ большимъ удоволь-

ствіемъ. Мы позволимъ себѣ только обратить вниманіе автора на слѣдующія мѣста, которыя намъ показались спорными. На стр. 54 г. Соловьевъ говоритъ:

«Одни писатели называютъ Славянъ не-лукавыми, другіе вѣроломными: это противорѣчіе объясняется извѣстіемъ, что между Славянами господствовали постоянно различныя мнѣнія: ни въ чемъ они не были между собою согласны; если одни въ чемъ-нибудь согласятся, то другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, потому что всѣ питаютъ другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому. Такое поведеніе проистекало естественно изъ разрозненности, особности быта по родамъ, изъ отсутствія сознанія объ общемъ интересѣ внѣ интереса родоваго».

Намъ кажется, что и отсутствіе лукавства и вѣроломство не имѣютъ ничего общаго съ различіемъ мнѣній и отсутствіемъ согласія между Славянами: одно другимъ не объясняется. Г. Соловьевъ съ большимъ правомъ могъ бы распространить и на эти, повидимому, противорѣчащія извѣстія, замѣчаніе, сдѣланное имъ нѣсколько строкъ выше, по поводу такихъ же разнорѣчивыхъ показаній о добротѣ и въ то же время жестокости и свирѣпости первоначальныхъ Славянъ: «такъ часто бываетъ у людей и цѣлыхъ народовъ, добрыхъ по природѣ, но предоставленныхъ влеченіямъ одной природы». Въ патріархальномъ обществѣ, не просвѣщенномъ христіянствомъ, и котораго всѣ религіозныя вѣрованія ограничиваются однимъ поклоненіемъ явленіямъ и силамъ видимой природы, иначе и быть не могло: въ такомъ быту противорѣчія легко уживаются одно возлѣ другаго.

О гостепріимствѣ Славянъ авторъ выражается такъ:

«Всѣ писатели единогласно превозносятъ гостепріимство Славянъ, ихъ ласковость къ иностранцамъ, которыхъ усердно провожали изъ одного мѣста въ другое; и если случится, что странникъ претерпитъ какую-нибудь бѣду по нерадѣнію своего хозяина, то сосѣдъ послѣдняго вооружается противъ него, почитая священнымъ долгомъ отмстить за странника; о сѣверо-западныхъ Славянахъ разсказываютъ, что у нихъ считалось позволеннымъ украсть для угощенія» (стр. 55).

Это странное извѣстіе о позволительности самой кражи для угощенія странника, г. Соловьевъ объясняетъ такъ:

«Славянинъ считалъ позволеннымъ украсть для угощенія странника, потому что этимъ угощеніемъ онъ возвышалъ славу цѣлаго рода, цѣлаго селенія, которое потому и снисходительно смотрѣло на кражу: это было угощеніе на счетъ цѣлаго рода» (стр. 56).

Но какъ-будто самъ недовольный этимъ объясненіемъ, прибавляетъ въ примѣчаніи къ приведенному мѣсту.

«Гельмольдъ, который оставилъ намъ это извѣстіе (lib. I, cap. LXXXII), смотритъ на это, какъ на кражу; но очень вѣроятно, что въ селеніи Славянскомъ, часто состоявшемъ изъ одного рода, вовсе не видѣли здѣсь кражи, ибо каждый родичь считалъ себя въ правѣ угостить странника, на общій счетъ цѣлаго рода».

Свидѣтельство, дѣйствительно, очень странное. Ошибся ли Гельмольдъ, принимая за кражу приносъ того, чего недоставало для угощенія, изъ чужаго дома, или его извѣстіе должно принимать буквально—трудно рѣшить. И то и другое какъ-то невѣроятно. Но во всякомъ случаѣ, объясненіе г. Соловьева весьма неправдоподобно, потому что не соотвѣтствуетъ нравамъ и духу времени. Смотрѣть снисходительно на кражу и вмѣстѣ съ тѣмъ знать, что это кража, признавать ее за кражу—это слишкомъ утончено, искусственно для первобытнаго общества. Месть сосѣдей хозяину, у котораго въ домѣ гость потерпѣлъ бѣду, явно показываетъ, что рѣчь идетъ не о членахъ одного рода; ибо, по мнѣнію самого же г. Соловьева, члены одного рода не могли мстить другъ другу (примѣч. 236). Такимъ образомъ предположеніе, что угощеніе покраденнымъ происходило насчетъ цѣлаго рода, едва ли можно допустить. Мы думаемъ, что это мѣсто покуда, до отысканія новаго свидѣтельства и аналогическихъ данныхъ, останется необъяснимымъ. Такихъ странныхъ извѣстій очень много, и едва ли не осторожнѣе оставить ихъ безъ объясненія, чѣмъ натягивать ихъ смыслъ.

На стр. 56 г. Соловьевъ входитъ въ подробное разсмотрѣніе и объясненіе тоже весьма загадочнаго свидѣтельства императора Маврикія о положеніи плѣнныхъ у Славянъ.

«Писатели хвалятъ обхожденіе Славянъ съ плѣнными, которымъ оставлена жизнь; говорятъ, что у Славянъ плѣнные не рабствовали цѣлый вѣкъ, какъ у другихъ народовъ, но что назначенъ извѣстный срокъ, по прошествіи котораго они вольны или возвратиться къ своимъ, давши окупъ, или остаться жить между Славянами, въ качествѣ людей вольныхъ и друзей. Здѣсь должно замѣтить, что желаніе имѣть рабовъ и удерживать ихъ какъ можно долѣе въ этомъ состояніи, бываетъ сильно, во первыхъ, у народовъ, у которыхъ хозяйственныя и общественныя отправленія сложны, роскошь развита; во вторыхъ, рабы нужны народамъ, хотя и дикимъ, но воинственнымъ, которые считаютъ занятіе войною и ея подобіемъ, охотою за звѣрями, единственно приличнымъ для свободнаго человѣка, а всѣ хлопоты домашнія слагаютъ на женщинъ и рабовъ; наконецъ, какъ ко всякому явленію, такъ и къ явленію рабства посреди себя народъ долженъ привыкнуть. Для этого народъ долженъ быть или образованъ и пріобрѣтать рабовъ посредствомъ купли, или воинствененъ и пріобрѣтать ихъ какъ добычу, или долженъ быть завоевателемъ въ странѣ, которой прежніе жители обратились въ рабовъ. Но Славяне жили подъ самыми простыми формами быта, быта родоваго, ихъ хозяйственныя отправленія были не трудны и не сложны, въ одеждѣ, въ жилищахъ господствовало отсутствіе всякой роскоши; при всемъ томъ и при постоянной борьбѣ съ своими и съ чужими, при постоянной готовности покинуть свое мѣстопребываніе и спасаться отъ врага, рабы могли только затруднять Славянское семейство, а потому и не имѣли большой цѣнности. Потомъ извѣстно, что воинственность не была господствующею чертою Славянскаго народнаго характера, и что Славяне вовсе не гнушались земледѣльческими занятіями. У народа, въ простотѣ родоваго быта живущаго, рабъ не имѣетъ слишкомъ большаго различія отъ членовъ семьи; онъ бываетъ также младшимъ членомъ ея, малымъ, юнымъ; степень его повиновенія и обязанностей ко главѣ семьи одинакова со степенью повиновенія и обязанностей младшихъ членовъ къ родоначальнику» (стр. 56—57).

Все сказанное о положеніи рабовъ у Славянъ весьма справедливо и дѣльно. Но приводить въ числѣ причинъ, что рабы не имѣли большой цѣны, потому что мѣшали славянскому семейству спасаться, въ случаѣ нужды, бѣгствомъ — странно! Да и почему знать, были ли рабы у Славянъ дороги или нѣтъ? Ихъ вывозили во множествѣ на продажу въ Ишиль и въ Кон-

стантинополь. Изъ этого скорѣе можно заключить, что они были дороги. Что касается до невоинственности Славянъ, то и это тоже было различно, смотря по племени и мѣсту, гдѣ оно жило. Самъ же г. Соловьевъ, на стр. 48, приписываетъ воинственный характеръ Померанскимъ Славянамъ. Намъ кажется, что свидѣтельство Маврикія гораздо проще и естественнѣе объясняется патріархальнымъ характеромъ славянскихъ племенъ и отсутствіемъ между ними гражданственности и развитаго понятія о правѣ собственности. По этимъ причинамъ плѣнные и рабы становились у нихъ младшими членами семьи и находились въ одинакомъ съ ними положеніи.

Нѣсколько ниже, г. Соловьевъ дѣлаетъ очень много дѣльныхъ замѣчаній о способѣ заключенія браковъ у русскихъ Славянъ, о различіи браковъ городскихъ и сельскихъ, и выводитъ извѣстныя намъ по лѣтописи и обрядамъ формы заключенія браковъ изъ древнѣйшаго быта нашихъ предковъ. Мѣстами, однако, и здѣсь встрѣчаемъ довольно спорныя объясненія. Такъ, наприм., о похищеніи невѣстъ читаемъ слѣдующее:

«Похищеніе могло имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, когда дѣвушка была изъ чужаго рода, изъ чужаго села. Здѣсь похищеніе не было слѣдствіемъ одной враждебности родовъ, потому что если члены разныхъ родовъ сходились вмѣстѣ на одни игрища (по всей вѣроятности, религіозныя), то нельзя предполагать между ними вражды; здѣсь, кромѣ вражды, похищеніе должно было произойдти оттого, что каждый родъ берегъ дѣвушку для себя, для своихъ членовъ, и не хотѣлъ уступить ее чужеродцамъ, и если члену одного рода понравилась на игрищѣ дѣвушка изъ чужаго рода, то, чтобъ имѣть ее женою, ему необходимо было ее похитить. Это похищеніе естественно производило вражду между родами: родъ, оскорбленный похищеніемъ, можетъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія» (стр. 58).

«Это вознагражденіе не могло быть малое, потому что число женщинъ не могло быть велико: вспомнимъ, что у Славянъ было въ обычаѣ многожество; вспомнимъ также и другой обычай, по которому жены слѣдовали въ могилу за мужьми; обычай же многожества и недостатокъ въ женщинахъ необходимо умножали случаи похищенія» (стр. 58—59).

«Вѣно, или плата за невѣсту была въ тѣсной связи съ похищеніемъ: если дѣвушка, сговорясь на игрищѣ съ чужаниномъ, убѣгала съ нимъ въ чужой

родъ, то тѣмъ самымъ, разумѣется, разрывала всякую связь съ покинутымъ ею родомъ, не имѣла права надѣяться что-нибудь получить отъ него, и прежніе родичи заботились только о томъ, чтобъ получить за нее плату, чтобъ она не пропала для рода даромъ; но если дѣвушка оставляла родъ съ согласія его, съ согласія старшины, отца, то ясно, что послѣдній обязанъ былъ заботиться о ея благосостояніи, какъ о благосостояніи каждаго другаго члена рода, обязанъ былъ надѣлить ее всѣмъ нужнымъ, вслѣдствіе чего *вѣно,* прежняя цѣна за выводъ дѣвушки изъ рода у нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ потеряла свое значеніе: вѣно вмѣстѣ съ приданымъ начало обращаться въ собственность жены» (стр. 60).

Все сказанное о послѣдствіяхъ похищенія невѣсты и брака съ согласія ея родителей, совершенно справедливо. Но мы не понимаемъ, какимъ образомъ могъ г. Соловьевъ смѣшать обыкновенные увозы и похищенія невѣстъ, которые, какъ можно заключить по нѣкоторымъ свадебнымъ обрядамъ, производились иногда нападеніемъ, открытою силою, съ увозами или похищеніями, происходившими на игрищахъ — религіозныхъ языческихъ празднествахъ? Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что жители сосѣднихъ селеній, зная навѣрное, что на игрищахъ непремѣнно произойдутъ похищенія невѣстъ, и негодуя на такія похищенія, несмотря на то, все-таки съѣзжались на нихъ и привозили своихъ дочерей? Что-нибудь изъ двухъ: или, наученные опытомъ, они должны были не пускать ихъ на игрища, или не враждовать за увозы. Намъ кажется, что послѣднее вѣроятнѣе, и вотъ почему увозы на игрищахъ, какъ ихъ намъ описываетъ лѣтопись, очевидно были символическимъ дѣйствіемъ, обрядомъ, а не похищеніемъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Религіозный характеръ игрищъ доказываетъ это несомнѣнно. Что въ основаніи такой формы заключенія браковъ лежало похищеніе, это вѣроятно Во времена лѣтописца уже было иначе. Но обрядъ, какой бы онъ ни выражалъ первоначальный фактъ, допускаетъ и предварительное условіе, и приданое, и брачные подарки, однимъ словомъ всѣ принадлежности брака, заключаемаго по сговору.

Наконецъ, нельзя пропустить безъ вниманія слѣдующаго мѣста:

«Было вѣрованіе, что мущина легче достигаетъ блаженства въ будущей жизни, если переходитъ туда въ сопровожденіи женщины. Впрочемъ, справедливо замѣчаютъ, что этотъ обычай не былъ вкорененъ между Славянами» (стр. 61).

«По свидѣтельству Массуди (Fr. Ibn Fosz., 317) если умиралъ холостой Славянинъ, то его женили послѣ смерти, и жены его спѣшили обречь себя на сожженіе, чтобы души ихъ могли войдти въ рай.— Мы должны, кажется, принимать это извѣстіе обратно, т. е. что мущина нуждался въ женской душѣ для входа въ рай: иначе, для чего было женить мертвеца? Дѣвушка могла выйдти за другаго и войдти въ рай вмѣстѣ съ послѣднимъ» (прим. 68).

Авторъ смѣшиваетъ здѣсь извѣстія о Славянахъ съ извѣстіями о Руссахъ. Если, по его мнѣнію (впрочемъ, нигдѣ прямо невысказанному), арабскія извѣстія о Руссахъ должны быть относимы къ Славянамъ, то мы не видимъ причины, почему на стр. 56 г. Соловьевъ говоритъ, что у Славянъ «въ одеждѣ, въ жилищахъ, господствовало отсутствіе всякой роскоши»; когда, по арабскимъ извѣстіямъ (стр. 250), нитки бисера, особенно зеленаго цвѣта, составляли любимое ожерелье русскихъ женщинъ, такъ что мужья ихъ разорялись, платя нерѣдко по диргему (отъ 15 до 20 коп. сер.) за каждую бисеринку. Такое неопредѣленное пользованіе источниками заставляетъ насъ снова пожалѣть, что въ первомъ томѣ «Исторіи Россіи» мы не находимъ изчисленія и оцѣнки тѣхъ изъ нихъ, которые относятся къ варяжскому періоду. Въ критическомъ обозрѣніи ихъ ученый авторъ, конечно, изложилъ бы намъ свое мнѣніе о томъ, въ какой мѣрѣ вѣроятны или достовѣрны свѣдѣнія, сообщаемыя о Россіи и Русскихъ Арабами, и почему, въ одномъ случаѣ, ихъ извѣстія могутъ служить источникомъ для изученія славянскаго быта, а въ другомъ—не могутъ. Независимо отъ этого, намъ кажется, что г. Соловьевъ какъ-то слишкомъ отвлеченно и далеко объясняетъ слѣдованіе женъ за

мужьями въ могилу. Женщины также мало нуждались въ мужьяхъ для входа въ рай, какъ мужья въ женахъ; да и не объ этомъ шла рѣчь. Загробная жизнь представлялась грубымъ язычникамъ какъ продолженіе здѣшней, со всѣми ея принадлежностями. Оттого съ умершимъ хоронили его женъ, рабовъ, любимаго коня, оружіе и т. д. Несамостоятельность женщины въ то время была причиной тому, что жена могла считать самоубійство послѣ смерти мужа обязанностью и добровольно прекращать свою жизнь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы сильно сомнѣваемся, чтобъ этотъ варварскій обычай могъ быть распространенъ между Славянами, по крайней мѣрѣ тѣми, которые, вслѣдствіе разныхъ историческихъ и мѣстныхъ условій, долго оставались погруженными въ чисто-патріархальный бытъ. Обычай этотъ предполагаетъ уже опредѣлившіяся языческія вѣрованія, нѣчто большее непосредственнаго поклоненія явленіямъ, предметамъ и силамъ природы. У племенъ воинственныхъ, конечно, онъ могъ образоваться и развиться скорѣе, чѣмъ у чисто земледѣльческихъ.

За разсмотрѣніемъ древняго быта русскихъ Славянъ, слѣдуетъ изложеніе ихъ языческой религіи (стр. 64 — 72). Основный взглядъ г. Соловьева на этотъ предметъ весьма вѣренъ. «Религія восточныхъ Славянъ» (говоритъ авторъ) «соотвѣтствовала ихъ быту: она состояла въ поклоненіи физическимъ божествамъ, явленіямъ природы и душамъ усопшихъ, родовымъ, домашнимъ геніямъ; слѣдовъ героическаго элемента, такъ сильно развивающаго антропоморфизмъ, мы не замѣчаемъ у нашихъ Славянъ: знакъ, что между ними не образовались завоевательныя дружины подъ начальствомъ вождей-героевъ, и что переселенія ихъ совершались въ родовой, дружинной формѣ» (стр. 64). Все это весьма справедливо. Но въ самомъ изложеніи этихъ вѣрованій есть, какъ намъ кажется, много произвольныхъ, недоказанныхъ и невѣроятныхъ предположеній.

На стр. 65, г. Соловьевъ говоритъ: «Имѣемъ право думать, что Перунъ у языческихъ Славянъ носилъ еще другое названіе Сварога». Въ примѣчаніи къ этому мѣсту (74-мъ) находимъ доказательства: по-санскритски Сварга имѣетъ смыслъ пребыванія на небѣ и хожденія по небу. Можетъ-быть и такъ; но что жь изъ этого? Далѣе приводится мѣсто изъ Ипатьевскаго списка, изъ котораго видимъ, между прочимъ, что Θеостъ, Ефестъ, Вулканъ, египетскій Фтасъ есть славянскій Сварогъ: «царствующу сему Феостѣ въ Егуптѣ, во время царства его, спадоша клещѣ съ небесѣ, нача ковати оружье». Г. Соловьевъ замѣчаетъ по этому поводу: «Ефестъ есть богъ молніи, ковачь небеснаго, божественнаго оружія... но богъ молніи, богъ оружія есть Перунъ». И затѣмъ ужь нѣтъ другаго названія Перуну, какъ «Сварогъ-Перунъ». Такое отождествленіе Перуна съ Сварогомъ, потому только, что Сварогъ то же, что Гефестъ, а Гефестъ богъ молніи и Перунъ богъ молніи—неосторожно. Ни Гефестъ, ни Вулканъ, никогда не были богами молніи; этого не видно ни въ одномъ изъ ихъ многочисленныхъ аттрибутовъ. Въ доказательство ссылаемся на учебникъ греческой и римской миѳологіи Геффтера (Die Religion der Griechen und Romer etc, 2-е изд. Brandenburg. 1848. О Гефестѣ стр. 283 и слѣд., о Вулканѣ стр. 493—495); Гефестъ, прежде всего богъ литейнаго и кузнечнаго дѣла; потомъ онъ сталъ богомъ огня; но это значеніе его есть второстепенное, производное. Вулканъ былъ собственно богомъ огня, какъ силы или элемента вреднаго и враждебнаго человѣку: Вулканъ сдерживалъ, обуздывалъ эту силу. Позднѣе, въ эпоху синкретизма языческихъ вѣрованій, на Вулкана перенесены были представленія о Гефестѣ. Итакъ, всѣ выводы о тожествѣ Перуна и Сварога рушатся сами собою. Напрасно старается г. Соловьевъ указать на связь Перуна съ оружіемъ, показать, что Перунъ «въ народномъ воображеніи представлялся богомъ-воителемъ.

Перунъ могъ, дѣйствительно, получить воинственный характеръ у воинственныхъ племенъ, въ первоначальномъ своемъ значеніи бога молніи; но этимъ нисколько не доказывается его тожество съ Гефестомъ или Сварогомъ. Каждый изъ этихъ боговъ имѣлъ къ оружію различныя отношенія, которыя никакъ не должно смѣшивать. Изъ такого ошибочнаго положенія, конечно, должны быть ошибочны и выводы. Г. Соловьевъ говоритъ (стр. 65): «Верховное божество Сварогъ-Перунъ порождало двухъ сыновей, двухъ Сварожичей: солнце и огонь». Послѣ сказаннаго ясно, что если они были сыновьями Сварога, то это еще не значитъ, что ихъ можно считать и за дѣтей Перуна.

За такимъ началомъ слѣдуетъ цѣлый рядъ весьма произвольныхъ положеній, обязанныхъ происхожденіемъ своимъ только желанію г. Соловьева привесть языческія вѣрованія, несистематическія вездѣ и у всѣхъ народовъ, даже у Грековъ и Римлянъ, въ систему и стройное цѣлое.

«Поклоненіе солнцу, какъ видно, было сильно распространено между Славянами, въ словѣ о Полку Игореву русскіе называются внуками Дажбога; если такъ, то къ нему имѣемъ право относить извѣстныя воззванія въ нашихъ пѣсняхъ: Дидъ (дѣдъ) Ладо; послѣднее названіе, означающее свѣтъ, красоту, миръ, любовь, радость, всего приличнѣе можетъ относиться къ солнцу; другой припѣвъ: Люль, Лель означаетъ также дѣда. Кромѣ названія Ладо и Дажбога, къ солнцу же не безъ основанія относятъ имена Хорса, Сура или Тура, Волоса» (стр. 65).

На произвольность этихъ выводовъ мы уже имѣли случай указать при разборѣ «Архива» г. Калачова. Такъ какъ авторъ не прибавилъ къ нимъ ничего новаго, не подкрѣпилъ ихъ доказательствами, то мы не считаемъ нужнымъ вновь повторять уже сказанное и остаемся при своемъ прежнемъ мнѣніи.

Не болѣе доказательно и правдоподобно, что Ладо и Лада, будто бы означающіе солнце и луну—небесная чета, бывшая

первообразомъ супруговъ, которые по этому и назывались Ладомъ и Ладой, (примѣч. 76); что солнце считалось отцемъ народа (примѣч. 77); что употребительное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ названія Коляды, Таусень, Авсень, есть измѣненное Ясень, также по всѣмъ вѣроятностямъ имя солнца (стр. 66); что Масляница — языческій весенній праздникъ, который «имѣлъ мѣсто въ началѣ весны, но какъ это время приходится въ Великій постъ, то, по принятіи христіянства, празднованіе ея перенесено на конецъ Рождественскаго мясоѣда и отчасти на Свѣтлое Воскресенье» (тамъ же); что пѣніе колядокъ въ сѣверныхъ областяхъ Россіи во время Масляницы, указываетъ на отношеніе Масляницы къ зимнему празднику солнца (примѣч. 83); что праздникъ Ивана Купалы относится къ стихійнымъ божествамъ (стр. 66); что въ древности праздникъ Ярилы «по всѣмъ вѣроятностямъ» совпадалъ съ праздникомъ Купалы (стр. 67). Если въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ солнце иногда и называется мужемъ, мѣсяцъ женой, а звѣзды ихъ малыми дѣтками, то можно ли, изъ одного этого выводить, что они, то-есть солнце и мѣсяцъ, считались небесной четой, первообразомъ супруговъ? Мы, напротивъ, думаемъ, что солнце и мѣсяцъ названы супругами потому, что на нихъ перенесены людскія семейныя отношенія, и что это названіе ихъ мужемъ и женой было даже не вѣрованіемъ, а эпическимъ выраженіемъ, не болѣе. Кто жь изъ насъ правъ? Оба предположенія пока не доказаны; а если они не могутъ быть доказаны, то всегда благоразумнѣе не дѣлать ихъ вовсе. Это, во всякомъ случаѣ, вѣрнѣй, чѣмъ останавливаться на личныхъ мнѣніяхъ въ предметѣ неизвѣстномъ и неизслѣдованномъ. Но г. Соловьевъ не всегда такъ разсуждаетъ. Желаніе объяснить все до послѣдняго слова, до послѣдней буквы, часто заставляетъ его прибѣгать къ догадкамъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не имѣютъ никакого основанія. Такъ

и въ приведенныхъ нами положеніяхъ. Изъ чего, кромѣ эпическаго выраженія, видно, что солнце считалось отцемъ народа? Въ словѣ о Полку Игоревомъ оно является дѣдомъ. Сравните съ другими подобными выраженіями: мать сыра земля, мать зеленая дубравушка: неужели и здѣсь ихъ должно принимать буквально? Это только способъ выраженія, эпическій оборотъ. На чемъ основано мнѣніе, что Масляница праздновалась прежде въ другіе сроки чѣмъ теперь, и что она раздробилась потомъ на двѣ части? Она могла имѣть и, конечно, имѣла постоянный срокъ во время язычества; но о перенесеніи ея на другое время, о раздробленіи ея, мы не имѣемъ рѣшительно никакого права дѣлать предположенія при тѣхъ данныхъ, которыя до сихъ поръ извѣстны. На чемъ, далѣе, основана вѣроятность догадки, что праздникъ Ярилы совпадалъ, въ эпоху язычества, съ праздникомъ Купалы? Игрище Ярилы справляется въ разныхъ мѣстностяхъ различно и въ разное время, и нѣтъ ни малѣйшаго повода думать, что одинъ изъ этихъ сроковъ былъ древній, а другіе—новые, измѣненные. На стр. 66 г. Соловьевъ, основываясь на изслѣдованіяхъ профессора Срезневскаго, доказываетъ, что Святки, и теперь называемыя въ простомъ народѣ колядой, были временемъ жертвоприношеній, потому что слово колдовать (очевидно одно и то же съ словомъ колядовать) до сихъ поръ въ хорутанскомъ нарѣчіи значитъ приносить жертву. Это весьма справедливо. Но имѣлъ ли авторъ малѣйшее право и поводъ выводить какое-то особенное отношеніе между Святками и Масляницею изъ того только, что колядскія пѣсни поются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ оба эти праздника? Коляда, по своему этимологическому значенію, есть терминъ общій, а не специяльный; онъ могъ сохраниться для однихъ праздниковъ, а для другихъ изчезнуть. У насъ до сихъ поръ нѣсколько народныхъ праздниковъ носятъ названіе субботъ, субботокъ,

очевидно, состоящее въ связи съ названіемъ шабашъ. Неужели по одному этому всѣ такіе праздники находятся въ связи между собою, и между ними непремѣнно было прежде извѣстное отношеніе? Далѣе, наши простонародные праздники, сохранившіе на себѣ замѣтный отпечатокъ язычества, до сихъ поръ, при тщательномъ изученіи, не даютъ ни малѣйшаго права заключать, что они происходили въ честь какого-нибудь божества. Олицетворенія, играющія роль при нѣкоторыхъ изъ нихъ, всегда, постоянно, изображаютъ самый праздникъ, Купало, Масляницу и т. д. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что, въ отношеніи къ временамъ года, веснѣ и зимѣ, существуютъ довольно живо сохранившіяся воспоминанія о ихъ значеніи во времена язычества: зима—смерть; ее выносятъ изъ села, топятъ въ рѣкѣ. Такое же опредѣленное значеніе имѣютъ другія олицетворенія, напримѣръ Ярилы. Но олицетворенія Купалы, Масляницы, не представляютъ ничего подобнаго. Они изображаютъ праздникъ , неболѣе, и именно по этому, очень вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія. Какое же право имѣлъ авторъ такъ рѣшительно относить праздникъ Купалы къ тому или другому стихійному божеству? Гдѣ для этого данныя? Въ дополненіяхъ къ первому тому «Исторіи Россіи» г. Соловьевъ, разбирая споръ, возникшій между нами и г. Аѳанасьевымъ, по поводу статьи: «Вѣдунъ и Вѣдьма», замѣчаетъ: «г. Кавелинъ, справедливо вооружаясь противъ нѣкоторыхъ произвольныхъ предположеній г. Аѳанасьева, вмѣстѣ съ тѣмъ перегнулъ дугу въ противоположную сторону» (стр. 11). Это дѣйствительно можетъ быть и такъ; самому трудно судить объ этомъ, потому что въ дѣлѣ славяно-русской миѳологіи, личный взглядъ до сихъ поръ еще не имѣетъ объективной повѣрки: факты такъ еще шатки, такъ неразработанны. Но г. Соловьевъ согласится, что, для перегибанія дуги, въ сторону противоположную всѣмъ другимъ изслѣдователямъ, мы имѣли

болѣе чѣмъ достаточное основаніе: они, и въ томъ числѣ самъ г. Соловьевъ, гнули ее въ свою сторону такъ, что наконецъ натяжка стала очевидна для всѣхъ и каждаго. Въ наше время славяно-русская миѳологія, какъ она выходитъ изъ-подъ пера изслѣдователей, не исторія, а вымыселъ, да притомъ вымыселъ почти ненапоминающій, исторію. Ипотезы, которыми завалена эта миѳологія, не опираются на совокупности миѳологическихъ данныхъ, сохранившихся отъ временъ язычества, а на миѳологическихъ системахъ европейскихъ ученыхъ. Труды послѣднихъ, достойные высокаго уваженія въ отношеніи къ греческой и римской миѳологіямъ, оставляютъ еще многаго желать въ отношеніи къ славянскому язычеству. А между тѣмъ, какъ нарочно, воззрѣнія этихъ-то ученыхъ, выработавшіяся подъ вліяніемъ классическаго язычества, переносятся въ наши языческія вѣрованія, иными сознательно, другими безсознательно, потому только, что ужь однажды сложилось извѣстное представленіе о язычествѣ, и это представленіе считается за несомнѣнную истину, за общее начало, равно присущее во всѣхъ языческихъ религіяхъ. Вотъ противъ чего мы всего болѣе вооружались въ статьѣ о «Вѣдунѣ и Вѣдьмѣ». Отвѣтъ г. Аѳанасьева удивилъ насъ, но не убѣдилъ. Можетъ-быть, еще представится когда нибудь случай поговорить подробнѣе о русской миѳологіи и объ отвѣтѣ г. Аѳанасьева. Теперь возвратимся къ изслѣдованіямъ г. Соловьева.

На стр. 68, авторъ переходитъ къ изложенію вѣрованій Славянъ въ геніевъ и души умершихъ. Намъ показался и этотъ отдѣлъ его миѳологическихъ изслѣдованій очень слабымъ и преисполненнымъ ипотезами. Вотъ подлинныя слова г. Соловьева:

«Разсмотрѣвъ поклоненія стихійнымъ божествамъ, теперь обратимся къ другой половинѣ Славянской миѳологіи, именно къ поклоненію геніямъ и душамъ усопшихъ. При вѣрѣ въ загробную жизнь, естественно было придти къ тому

мнѣнію, что душа умершаго родоначальника и по смерти блюдетъ за благосостояніемъ рода; отсюда происхожденіе духовъ покровителей для цѣлаго рода и каждаго родича—*рода и рожаницъ*. Что подъ именемъ рода разумѣлась душа умершаго родоначальника, доказываетъ во первыхъ связь рода съ упыремъ, а во вторыхъ извѣстіе, что подъ именемъ рода послѣ разумѣли духъ, привидѣніе, которымъ стращали дѣтей; характеръ же привидѣнія обыкновенно принимаютъ души умершихъ, и божества тѣсно съ ними связанныя. Въ значеніи рода божества-покровителя, является щуръ, дѣдъ, прадѣдъ, что ясно изъ употребительнаго *пращуръ;* щуръ предполагаетъ форму *чуръ,* подъ которымъ именемъ собственно и извѣстно божество, охраняющее родъ, домъ. Это божество призывается и теперь безсознательно въ опасностяхъ, особенно, когда простолюдинъ думаетъ, что онъ подверженъ злобѣ духовъ: «Чуръ меня! Чуръ меня!» говоритъ онъ тогда. Можно положить, что Чуръ и Родъ одно и то же; можно думать также, что съ упадкомъ родоваго быта и съ усиленіемъ христіянства насчетъ язычества, Чуръ, или родъ перешелъ въ Домоваго.

«Младенчествующій народъ не могъ понимать духовнаго существованія за гробомъ, и представлялъ души праотцевъ доступными для всѣхъ ощущеній этого бѣлаго свѣта; думали, что зима есть время ночи, мрака для душъ усопшихъ; но какъ скоро весна начинаетъ смѣнять зиму, то прекращается и ночной путь для душъ, которыя поднимаются къ небесному свѣту, возстаютъ къ новой жизни. Это мнѣніе естественно проистекало изъ поклоненія природнымъ божествамъ, солнцу, лунѣ и проч., которыхъ вліяніе должно было простираться на весь міръ, видимый и невидимый. Въ первый праздникъ новорожденнаго солнца, въ первую зимнюю коляду, мертвые уже вставали изъ гробовъ и устрашали живыхъ: отсюда и теперь время святокъ считается временемъ странствованія духовъ. Масляница, весенній праздникъ солнца, есть вмѣстѣ и поминовенная недѣля, на что прямо указываетъ употребленіе блиновъ, поминовеннаго кушанья. Съ древней Масляницы, т. е. съ начала весны, живые здороваются съ усопшими, посѣщаютъ ихъ могилы, и праздникъ *Красной Горки* соединяется съ *Радуницею,* праздникомъ свѣта, солнца для умершихъ; думаютъ, что души покойниковъ встаютъ тогда, во время поминовенія изъ темницъ (гробовъ), и раздѣляютъ поминовенную пищу вмѣстѣ съ принесшими.

«Въ непосредственной связи съ вѣрованіемъ, что весною души умершихъ встаютъ для наслажденія новою жизнію природы, находится праздникъ русалокъ или русальная недѣля. Русалки вовсе не суть рѣчныя или какія бы то ни было нимфы; имя ихъ не происходитъ отъ русла, но отъ русый (свѣтлый, ясный); русалки суть не иное что, какъ души умершихъ, выходящія весною насладиться оживленною природою. Народъ теперь вѣритъ, что русалки суть души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія, но когда всѣ Славяне умирали безъ крещенія, то души ихъ всѣхъ должны были становиться русал-

ками? Русалки появляются съ Страстнаго четверга (когда встарину, по Стоглаву, по-рану солому палили и *кликали мертвыхъ*), какъ только покроются луга весенней водою, распустятся вербы. Если онѣ и представляются прекрасными, то всегда однако носятъ на себѣ отпечатокъ безжизненности, блѣдности. Огни, выходящіе изъ могилъ, суть огни русалокъ; онѣ бѣгаютъ по полямъ приговаривая· «Бухъ! бухъ! соломенный духъ. Меня мати породила, некрещену положила». Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ. на берега выходятъ только поиграть. У всѣхъ языческихъ народовъ путь водный считался проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ, поэтому и русалки являются изъ воды, живутъ сперва въ рѣхахъ, и показываются при колодцахъ. Съ Троицына дня до Петрова поста Русалки живутъ на землѣ, въ лѣсахъ, на деревьяхъ, любимомъ пребываніи душъ по смерти. Русальныя игры суть игры въ честь мертвыхъ, на что̀ указываетъ переряживаніе, маски, обрядъ, который не у однихъ Славянъ былъ необходимъ при праздникѣ тѣнямъ умершихъ: человѣку свойственно представлять себѣ мертвеца чѣмъ-то страшнымъ, безобразнымъ, свойственно думать, что особенно души злыхъ людей превращаются въ страшныя безобразныя существа для того, чтобъ пугать и дѣлать зло живымъ. Отсюда естественный переходъ къ вѣрованію въ переселеніе душъ и въ оборотней; если душа по смерти можетъ принимать различные образы, то, силою чародѣйства, она можетъ на время оставлять тѣло и принимать ту или другую форму. Есть извѣстіе, что у Чеховъ на перекресткахъ совершались игрища въ честь мертвыхъ съ переряживаніемъ. Это извѣстіе объясняется обычаемъ нашихъ восточныхъ Славянъ, которые, по лѣтописи, ставили сосуды съ прахомъ мертвецовъ на распутіяхъ, перекресткахъ; отсюда до сихъ поръ въ народѣ суевѣрный страхъ передъ перекрестками; мнѣніе, что здѣсь собирается нечистая сила.

«У Русскихъ Славянъ главнымъ праздникомъ Русалокъ былъ Семикъ, великъ день русалокъ; въ это время, при концѣ весны совершались проводы послѣднихъ. Конецъ русальной недѣли Троицынъ день, былъ окончательнымъ праздникомъ русалокъ: въ этотъ день русалки уже падаютъ съ деревьевъ, перестаетъ для нихъ пора весеннихъ наслажденій. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище—провожанье русалокъ въ могилы.—Въ тѣсной связи съ русалками находятся Водяные дѣдушки, лѣшіе, кикиморы и проч. Мертвецы были извѣстны еще подъ именемъ ***Навья,*** и представлялись въ видѣ существъ малорослыхъ, карликовъ (людки)» (стр. 68, 69 и 70).

Объ этихъ мнѣніяхъ г. Соловьева мы также имѣли случай говорить довольно подробно въ разборѣ «Архива» г. Калачова. Сколько помнится, г. Афанасьевъ нашелъ доводы наши противъ тожества домоваго съ душами умершихъ предковъ если не со-

вершенно убѣдительными, то по крайней мѣрѣ заслуживающими вниманія. Г. Соловьевъ, какъ видно, судилъ объ этомъ иначе; статья его объ этой отрасли вѣрованій русскихъ Славянъ, осталась безъ всякихъ измѣненій. Какъ читатель самъ можетъ удостовѣриться, родъ и рожаница, извѣстные доселѣ только по имени, точно такъ же произведены въ званіе духовъ-покровителей для цѣлаго рода и каждаго родича, и въ должность душъ умершихъ родоначальниковъ; точно такъ же является, и съ тѣмъ же значеніемъ, щуръ—извѣстный только изъ составнаго слова пращуръ и чуръ, извѣстный изъ одного только зачуранья; выводъ, разумѣется, тотъ же, именно, что чуръ и родъ одно и то же, и что съ упадкомъ родоваго быта и съ усиленіемъ христіянства чуръ перешелъ въ домоваго. Все это, по словамъ г. Соловьева, и «естественно» и «ясно» и «можно положить» и «можно думать». Но убѣдительно ли это—вотъ вопросъ. Все, что̀ говорится о вѣрованіи въ души умершихъ предковъ, какъ духовъ-покровителей, къ сожалѣнію, совершенно бездоказательно. Тѣнь доказательства—но только тѣнь, никакъ не болѣе—представляетъ разсужденіе, почему, подъ именемъ рода, должно разумѣть душу умершаго родоначальника. Мы называемъ доводы г. Соловьева въ этомъ мѣстѣ тѣнью доказательствъ, потому что никто, конечно, не увидитъ никакой связи между родомъ и упыремъ изъ свидѣтельства одного сборника Кириллова монастыря: «Словѣне ти начаша требы класти роду и рожаницамъ, преже Перуна бога ихъ, а переже того клали требу упиремъ и берегинямъ»; то есть Славяне прежде приносили жертвы роду и рожаницамъ, а потомъ упырямъ и берегинямъ. Какая тутъ связь? Да и что̀ жь бы изъ нея слѣдовало, еслибъ она и дѣйствительно была? упырь — просто мертвецъ, а не предокъ, не родоначальникъ, даже не родственникъ. Потомъ: родомъ стращали дѣтей. Стало-быть, говоритъ г. Соловьевъ, родъ былъ духъ, привидѣніе. Да кто жь это сказалъ, изъ чего

это видно? Ну, а привидѣніе, продолжаетъ г. Соловьевъ—стало-быть, умершій родоначальникъ, или предокъ, потому что характеръ привидѣній принимаютъ души умершихъ и божества, съ ними тѣсно связанныя. Любопытный рядъ посылокъ, которыя и сами въ себѣ не вѣрны, да и между собой ничѣмъ не связаны. Слова текста вотъ какія: «дѣти бѣгаютъ рода». Ну, что жь? Они бѣгаютъ лѣшаго, банника, водянаго: и это все души родоначальниковъ, привидѣнія, тѣни умершихъ? «Употребленіе единственнаго родъ и множественнаго рожаницы, говоритъ г. Соловьевъ въ 90 примѣчаніи, можетъ объясниться, представленіемъ языческой семьи, гдѣ одинъ отецъ окруженъ многими женами; при одномъ отцѣ (родѣ), было много матерей (рожаницъ)». Положимъ, что это совершенно справедливо. Да, вѣдь говоря—предки, мы разумѣемъ не одного умершаго дѣда, или прадѣда, положимъ со всѣми бабушками, но всѣхъ и прадѣдовъ, и прапрадѣдовъ, и пращуровъ и т. д. Отчего жь всѣ они являются однимъ лицомъ, а предки женскаго рода каждая въ своемъ? Это странно!

«Изъ этого (приведеннаго нами выше) извѣстія (говоритъ въ томъ же примѣчаніи г. Соловьевъ) видимъ, что поклоненіе роду и рожаницамъ смѣнило поклоненіе упырямъ и берегинямъ; перемѣнилось названіе, значеніе осталось одно и то же; упырь соотвѣтствуетъ роду, берегиня—рожаницѣ; но извѣстно, что упырь есть мертвецъ». Что упырь—мертвецъ, конечно, очень хорошо извѣстно. Но кто же сказалъ, что упырь соотвѣтствуетъ роду, берегиня—рожаницѣ? Изъ какихъ свидѣтельствъ это видно? Въ сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, послѣ выписанныхъ нами словъ, читаемъ слѣдующее: «По святѣмъ крещеньи Перуна отринуша, а по Хорса (читаетъ г. Соловьевъ) бога яшась, но і ноне по украінамъ молятся ему проклятому богу Перуну и Хорсу (опять читаетъ г. Соловьевъ): і мокоши і вилу і то творят отаі». Разсуждая по примѣру г. Со-

ловьева, мы имѣли бы право сдѣлать такой выводъ: Перунъ соотвѣтствуетъ упырю, Хорсъ (если г. Соловьевъ не ошибся, читая такъ) берегинѣ: перемѣнилось названіе, значеніе осталось одно. Что̀ жь? Всѣ назвали бы такой выводъ страннымъ, а почему? Потому что мы знаемъ, что̀ значитъ упырь, Перунъ и Хорсъ. Но, уже ли выводъ г. Соловьева можетъ быть названъ вѣрнымъ потому только, что мы совершенно ничего не знаемъ о значеніи рода и рожаницы; не знаемъ даже, относятся ли они къ языческимъ вѣрованіямъ русскихъ или другихъ Славянъ? Однако г. Соловьевъ, неколеблясь, переноситъ ихъ въ міръ языческихъ воззрѣній Славяно-руссовъ, и съ опредѣленнымъ значеніемъ, котораго они не имѣютъ. Не странно ли это? Святовидъ, Марзана, Дзивонна были божествами Славянъ, но не русскихъ Славянъ. Развѣ мы имѣемъ право включить ихъ въ число славяно-русскихъ божествъ? Конечно нѣтъ! Это правило относится и ко всѣмъ другимъ вѣрованіямъ. Отчего же, въ отношеніи къ однимъ, мы заключаемъ такъ, въ отношеніи къ другимъ—иначе?

Г. Соловьевъ говоритъ, что Чуръ или Родъ перешли въ Домоваго. Мы представили свои возраженія противъ этого мнѣнія въ разборѣ мнѣній гг. Афанасьева и Буслаева, при разсмотрѣніи «Архива» г. Калачова, и отсылаемъ къ нимъ читателей. Замѣтимъ здѣсь только, что новое доказательство мнимой связи между домовымъ и душею умершаго предка, приводимое г. Соловьевымъ въ примѣчаніи 92, вовсе не доказательство. Авторъ говоритъ: «домовой, въ видѣ бадняка, является у южныхъ Славянъ въ домъ вечеромъ 24 декабря, когда, въ первый праздникъ новорожденнаго солнца, мертвые уже вставали изъ гробовъ.

Наконецъ, что̀ же собственно значитъ родъ, если это не одно названіе, лишенное для насъ всякаго значенія? Г. Соловьевъ приводитъ самъ извѣстіе, почерпнутое изъ изслѣдова-

ній профессора Срезневскаго, что, по вѣрованіямъ Хорутанъ, всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою рожаницу. Надѣемся, что здѣсь, по крайней мѣрѣ, рожаница не имѣетъ значенія души умершаго предка? У насъ говорится: такъ ему, видно, на роду написано. И тутъ, ни малѣйшаго намека на умершихъ предковъ. У Гримма въ 28 главѣ «Германской миѳологіи» въ статьѣ «о Судьбѣ и Счастьи» собрано множество данныхъ, которыми смыслъ этихъ выраженій и вѣрованій поясняется; напримѣръ: qualem *Nascentia* attulit, talis erit, то есть какого создастъ рожаница, таковъ будетъ. Въ Гаутрекссагѣ есть разсказъ, какъ Гроссгарсграни, то есть Одинъ велѣлъ судьямъ присудить судьбу Сторкадру, своему воспитаннику. Одинъ и Торъ попеременно высказывали, что они ему назначали, и ихъ слова большею частью начинались такъ: ich *schaffe* ihm, слово въ слово «я создаю, сотворяю ему». У насъ и теперь говорится: создай, сотвори ему то-то. Итакъ, если, на основаніи этихъ шаткихъ данныхъ, можно построить что-нибудь, то, конечно, родъ означалъ судьбу, предназначеніе, участь, «таланъ» человѣка, по выраженію нашихъ пѣсенъ, а не душу усопшаго предка. Эта-то судьба и могла быть олицетворена, и ее могли бояться дѣти какъ духа.

Дальнѣйшее изложеніе вѣрованій въ души умершихъ удовлетворительнѣе. Странно только одно: какимъ образомъ г. Соловьевъ не напалъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о язычествѣ Славянъ на вопросъ: въ какомъ же отношеніи находились между собою повѣрья о душахъ умершихъ, покровителяхъ дома, благодѣтельныхъ существахъ, и повѣрья о враждебности этихъ душъ къ человѣку, страхъ къ нимъ? Съ мертвыми здороваются ихъ родственники, совѣтуются, вызываютъ ихъ весной на землю, приготовляютъ для нихъ столы въ своихъ жилищахъ и на могилахъ, и ихъ же боятся, ими же пугаютъ дѣтей? Г. Соловь-

евъ, къ сожалѣнію, не вникъ въ различіе просто умершихъ и упырей и русалокъ. Разсужденіе, что человѣку свойственно представлять себѣ мертвеца страшнымъ, безобразнымъ, не рѣшаетъ вопроса, потому что множество повѣрій доказываютъ противное. Поэтому, соглашаясь съ авторомъ вполнѣ, что русалки скорѣе души умершихъ, чѣмъ рѣчныя нимфы, мы не можемъ согласиться, что онѣ просто «души умершихъ, выходящія весною насладиться оживленною природою». Весьма замѣчательно, что чрезъ всѣ наши повѣрья тянется очень выдержанное различіе между обыкновенными покойниками, выходящими на лѣто изъ могилъ, и русалками. Повѣрья о тѣхъ и другихъ идутъ чрезъ все лѣто рядомъ, несмѣшиваясь. Приведемъ здѣсь, въ доказательство, одинъ фактъ, болѣе другихъ рѣзкій. «Въ народѣ (говоритъ г. Сахаровъ), существуетъ странное понятіе о покойникахъ, будто они, вспоминая о старой своей жизни, бродятъ въ Семицкую недѣлю по кладбищамъ безъ пристанища. Добродушныя старушки, изъ жалости, приходятъ бесѣдовать во вторникъ на ихъ могилы и справляютъ по нихъ задушные поминки. По ихъ предположеніямъ, покойники, довольные такимъ угощеніемъ, уже не выходятъ изъ могилъ. Забытые покойники часто вступаютъ въ ссоры и драки съ русалками, а русалки за всѣ обиды мстятъ уже живымъ. Подобное же понятіе существуетъ объ удавленикахъ и утопленныхъ. Поселяне Тульской губерніи выходятъ и на ихъ могилы для поминокъ». (Сказ. Русск. Народа, Т. II. Русск. Народ. Годовщ. стр. 83 и 84). Такимъ образомъ, доказавъ, какъ мы думаемъ очень убѣдительно, что русалокъ нельзя относить къ разряду стихійныхъ геніевъ, или олицетвореній, г. Соловьевъ не опредѣлилъ, что̀ же онѣ были именно, и въ чемъ заключалось безспорное различіе ихъ отъ прочихъ душъ умершихъ?—Почему г. Соловьевъ ставитъ водяныхъ дѣдушекъ и лѣшихъ въ тѣсную связь съ русалками—мы не знаемъ. Съ кикиморами онѣ дѣй-

ствительно имѣютъ связь, и повидимому довольно близкую, если только повѣрья о кикиморахъ не измѣнились подъ вліяніемъ позднѣйшихъ понятій; но водяные и лѣшіе — стихійные, природные геніи: что̀ могли они имѣть общаго съ русалками, душами умершихъ?

Къ этимъ главнымъ замѣчаніямъ прибавимъ еще слѣдующія. Г. Соловьевъ (примѣчаніе 95), находитъ, что корень слова Радуницы есть рад, что значитъ свѣтъ, radius. Но эта этимологія далека. Не ближе ли производить это слово отъ слова «радоваться»? въ нѣкоторыхъ мѣстахъ радуница называется радованицею. При живомъ вѣрованіи въ возвращеніе мертвыхъ весною на землю, это время и должно было быть временемъ радости. Вспомнимъ, какъ родные покойниковъ до сихъ поръ еще въ Бѣлоруссіи призываютъ ихъ къ себѣ «хлѣба и соли откушатсь».—Въ примѣчаніи 103 г. Соловьевъ, недовольный и безъ того весьма убѣдительными доказательствами, что Масляница была также праздникомъ въ честь мертвыхъ, ссылается еще на связь ея съ Семикомъ. Смѣемъ увѣрить его, что эта связь позднѣйшаго происхожденія, и ничего не доказываетъ; она образовалась изъ того, что Масляница справляется за семь недѣль до Пасхи, а Семикъ въ седьмую недѣлю по Пасхѣ.—Въ примѣчаніи 90 г. Соловьевъ, на основаніи приведеннаго нами выше мѣста изъ сборника Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, найденаго г. Шевыревымъ, утверждаетъ, что «треба, покормъ, жертва, преимущественно назначались для душъ умершихъ людей, и что отъ обычая покорма упырямъ и берегинямъ уже перешли къ жертвѣ Перуну». Но это совершенно произвольный выводъ: жертвоприношенія, требы, покормы появились, когда предметы языческаго поклоненія были олицетворены и имъ приписаны человѣческіе аттрибуты. Весну встрѣчаютъ у насъ, до сихъ поръ съ пирогомъ; къ звѣздамъ дѣвушки обращаются тоже съ пирогомъ. Однимъ словомъ,

покоримъ относится ко всѣмъ олицетворенным и обожаемымъ предметамъ; не видно никакого преимущества надъ ними душъ умершихъ; да его и не могло быть.—Въ томъ же примѣчаніи, на основаніи того же свидѣтельства, г. Соловьевъ выводитъ, что «когда, вслѣдствіе распространенія христіянства, поклоненіе Перуну должно было прекратиться, то поклоненіе Хорсу (солнцу) долго еще оставалось въ силѣ, потому что дѣятельность этого божества ближе къ человѣку, чаще проявляется: Перунъ когда-то ударитъ, а солнце видимо каждый день; всѣ главные праздники были тѣсно связаны съ поклоненіемъ солнцу, и потому долго не могли отстать отъ него». Въ этомъ толкованіи нельзя не замѣтить желанія объяснить все, даже тѣ факты, которые намъ едва знакомы; другаго, объективнаго значенія оно не имѣетъ, потому что слишкомъ предположительно, легко, и даже нѣсколько наивно. Куда, напримѣръ, будетъ оно годиться, если г. Соловьевъ не такъ прочелъ слово Хорсъ? Вся система его должна неминуемо рушиться. Въ примѣчаніи 103 читаемъ, что «битье въ ладоши есть обычай русалокъ». Почему же такъ? Битье въ ладони есть выраженіе радости и является во всѣхъ нашихъ народныхъ свадебныхъ и другихъ праздникахъ.—На стр. 70 и въ примѣчаніи 106 мы встрѣчаемъ мысль, основанную на изслѣдованіяхъ г. Буслаева, будто бы мертвецовъ представляли себѣ въ видѣ карликовъ. Это очень могло быть; только подобное представленіе нисколько не относится къ вѣрованіямъ русскихъ Славянъ, потому что у нихъ мы не находимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ этихъ вѣрованій. Наконецъ, въ примѣчаніи 109 встрѣчаемъ странную мысль, противорѣчащую даннымъ всѣхъ языческихъ религій, будто бы «доброе или бѣлое волшебство проистекаетъ изъ существа женщины, тогда какъ чернокнижіе, по своему характеру, есть мужское». Стòитъ вспомнить о нашихъ колдуньяхъ, вѣдьмахъ, бабѣ-ягѣ; чаровницахъ, отравительницахъ старинныхъ сказа-

ній и пѣсенъ, чтобъ убѣдиться, какъ неосновательно подобное заключеніе.

После этого, по возможности сжатаго разбора статьи о языческихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ русскихъ Славянъ, мы, конечно, вправѣ повторить сужденіе о ней, высказанное съ самаго начала: статья эта весьма слаба. Въ новомъ историческомъ трудѣ г. Соловьева, написанномъ съ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла и тщательностью, недостатки ея выказываются еще рѣзче. Кромѣ прагматическаго изложенія, причина недостатковъ ея та, что г. Соловьевъ слишкомъ увлекается частностями, мелкими фактами, и не уяснилъ для самого себя общую точку зрѣнія на язычество русскихъ Славянъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что даже при теперешней, весьма недостаточной ученой обработкѣ этого предмета, статья о немъ могла быть гораздо удовлетворительнѣе. Г. Соловьевъ имѣетъ очень странное понятіе о развитіи языческихъ вѣрованій. Такъ, на стр. 71, онъ говоритъ: «Главными исказителями первоначальной религіи народа являются всегда и вездѣ жрецы и художники; вотъ почему у нашихъ восточныхъ Славянъ, у которыхъ не было класса жрецовъ и не былъ распространенъ обычай изображать божества въ кумирахъ, религія сохранилась въ гораздо большей простотѣ, чѣмъ у западныхъ Славянъ, у которыхъ городская жизнь и сильное чуждое вліяніе повели и къ образованію жреческаго класса, и къ распространенію храмовъ и кумировъ». Мысль не только странная, но и вполнѣ невѣрная! Кто не знаетъ, что изображеніе боговъ въ кумирахъ не есть обычай, существующій у одного народа, и несуществующій у другаго, но эпоха въ развитіи языческихъ вѣрованій, которая, рано или поздно, наступаетъ у всѣхъ языческихъ народовъ, если только какія-нибудь историческія причины насильственно не прервутъ этого развитія? Кто не знаетъ, что жрецы и художники являются у язычниковъ не

произвольно, а когда предварительное развитіе языческихъ вѣрованій сдѣлаетъ ихъ возможными. И тѣ и другіе—органическое явленіе въ исторіи язычества, такое же какъ храмы и кумиры. Послѣ приведенныхъ словъ, не станемъ останавливаться на мысли, будто бы первоначально жертва назначалась для душъ умершихъ, и будто бы обычай приносить жертвы подъ деревьями потому и произошелъ, что души умершихъ обитали въ лѣсахъ, на деревьяхъ; эти воззрѣнія мы уже видѣли выше: имъ подало поводъ приведенное мѣсто изъ Кирилло-Бѣлозерскаго сборника и они не встрѣчаются въ первой редакціи этой статьи въ «Архивѣ» г. Калачова. Легко рѣшаетъ авторъ самые важные вопросы въ исторіи языческихъ религій, по неопредѣленности общаго взгляда.

Остальная часть второй главы (начиная съ 72 страницы), посвящена обозрѣнію другихъ, не славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Россіи. Здѣсь прежде всего, вниманіе наше останавливаетъ опроверженіе мнѣнія, по которому германскіе Скандинавы не могли быть призваны на княженіе въ тогдашнюю Россію (стр. 85). Этимъ глава эта поставляется въ тѣсную связь съ слѣдующей четвертой главой о призваніи Варяговъ-Руси и о состояніи европейскихъ народовъ, преимущественно славянскихъ, въ эпоху призванія. По близости предмета, мы разсмотримъ ихъ вмѣстѣ.

Призваніе Варяговъ-Руси соединенными славянскими и финскими племенами остается до сихъ поръ камнемъ преткновенія для исторической критики. Три слѣдующіе трудные вопроса представляетъ это событіе: во первыхъ, какимъ образомъ, въ такое отдаленное время, при сравнительно низшей степени образованія, племена разнаго происхожденія, жившія въ добавокъ не смѣшанно на одной территоріи, но по сосѣдству другъ отъ друга, могли соединиться между собою и напасть на разумную, достойную всякаго уваженія мысль — установить у

себя одну общую власть? Намъ извѣстно изъ лѣтописи, что славянскія племена, вошедшія въ составъ тогдашней Россіи, даже воевали между собою, и что политическое соединеніе ихъ произошло посредствомъ Варяговъ-Руси: а здѣсь соединяются племена чуждыя другъ другу. Во вторыхъ, лѣтопись говоритъ намъ ясно, что въ 859 году, Варяги брали изъ-за моря дань на Чуди, Славянахъ, Мери и всѣхъ Кривичахъ (или по нѣкоторымъ спискамъ на Веси и Кривичахъ); въ 860, 861, 862 годахъ, туземцы изгнали Варяговъ за море, не дали имъ дани и сами стали владѣть у себя; но потомъ вслѣдствіе междоусобій, обратились съ просьбою княжить у нихъ и судить по праву — къ кому же? Къ иноземцамъ, которыхъ они сами же изгнали. Какъ объяснить это явленіе? Нѣкоторые думаютъ, что соединенныя племена обратились съ просьбою не къ тѣмъ Варягамъ, которые брали съ нихъ дань, а къ другимъ. Можетъ быть. Но все же Варяги—иноземцы? Какъ же это сдѣлалось? Наконецъ, въ третьихъ, не удивительный ли, не безпримѣрный ли въ исторіи фактъ, что наши предки и Финны, въ IX вѣкѣ, сознаются, что сами собою не могутъ устроить у себя порядка и отправляются къ иноплеменникамъ, въ чужую страну, просить помочь имъ выйдти изъ этого затруднительнаго положенія, утвердить у нихъ судъ и правду? Такое единодушное признаніе собственнаго безсилія въ народахъ, изъ которыхъ образовалась могущественнѣйшая держава въ мірѣ, доказавшая и доказывающая на дѣлѣ прочность своихъ государственныхъ основъ, въ самомъ дѣлѣ непостижимо, особенно въ такое отдаленное время.

Карамзинъ въ первомъ томѣ своей исторіи пытался объяснить призваніе Варяговъ; но это объясненіе скоро оказалось неудовлетворительнымъ, и теперь оставлено. Г. Полевой схватилъ одно общее значеніе этого факта въ русской исторіи. «Гораздо прежде 859 года (говоритъ онъ) Варяги являлись

на берегахъ Финскаго залива, налагали дани, встрѣчали сопротивленія, были изгоняемы, и около 862 года только рѣшительно укрѣпились въ земляхъ Чуди, Мери, Веси и Ильмери, срубивъ деревянные свои городки, или крѣпости, подлѣ чудскихъ и славянскихъ селеній, на озерахъ Чудскомъ, Ладожскомъ и Бѣломъ. Тогда кончилась независимость окрестныхъ финскихъ и славянскихъ народовъ. Смерть братьевъ Рурика предала въ его волю Бѣлоозерскій и Чудскій городки сихъ двухъ князей. Онъ отправилъ своихъ правителей въ бывшія мѣста пребыванія братьевъ, и самъ перешелъ къ Ильмерю, гдѣ Новый городъ, имъ срубленный, сдѣлался главнымъ мѣстомъ его пребыванія. Сбылось то, чтò дѣлали Варяги въ другихъ мѣстахъ. Новые пришельцы съ береговъ скандинавскихъ начали собираться въ притоны варяжскіе. Одни селились въ городкахъ Руриковыхъ; другіе шли далѣе. Рурикъ сталъ богатымъ владѣтелемъ, укрѣпился дружиною, и здѣсь положено было начало перваго Русскаго княжества». (Исторія Русскаго Народа, т. I, по 2-му изд. стр. 55). Объясняя такимъ образомъ прибытіе Варяговъ-Руси на княженіе къ сѣвернымъ племенамъ, г. Полевой совершенно опустилъ изъ виду разсказъ лѣтописца о призваніи, и даже не объясняетъ, почему оставилъ его въ сторонѣ. Можно догадываться, что г. Полевой не считалъ этотъ разсказъ правдоподобнымъ, или онъ не казался ему заслуживающимъ особеннаго вниманія. Но тогда ему слѣдовало бы по крайней мѣрѣ объяснить, какъ могло образоваться преданіе о призваніи. Г. Полевой не сдѣлалъ и этого. Такимъ образомъ авторъ «Исторіи Русскаго Народа» рѣшилъ важный вопросъ о началѣ Русскаго государства только вполовину и несовсѣмъ удовлетворительно; новые вопросы, раждающіеся изъ его рѣшенія, оставлены имъ безъ отвѣта.

Г. Соловьевъ разсматриваетъ предметъ совершенно иначе, чѣмъ его предшественники. Его взглядъ прямо противоположенъ

взгляду г. Полеваго. Для послѣдняго вся историческая важность событія заключается, какъ мы видѣли, въ окончательномъ утвержденіи варяжскаго владычества въ Россіи; для г. Соловьева, напротивъ, національность Варяговъ — вопросъ второстепенный, неважный.

«Кромѣ Грековъ новорожденная Русь находится въ тѣсной связи, въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ другимъ европейскимъ народомъ, съ Норманнами: отъ нихъ пришли первые князья, Норманны составляли главнымъ образомъ первоначальную дружину, безпрестанно являлись при дворѣ нашихъ князей, какъ наемники участвовали почти во всѣхъ походахъ,— каково же было ихъ вліяніе? Оказывается, что оно было незначительно. Норманны не были господствующимъ племенемъ, они только служили князьямъ туземныхъ племенъ; многіе служили только временно, тѣ же, которые оставались въ Руси навсегда, по своей численной незначительности, быстро сливались съ туземцами, тѣмъ болѣе, что въ своемъ народномъ бытѣ не находили препятствій къ этому слiянію. Такимъ образомъ при началѣ Русскаго общества не можетъ быть рѣчи *о господствѣ* Норманновъ, о норманскомъ періодѣ» (Предисл стр. VI).

Въ другихъ мѣстахъ книги та же мысль выражена еще яснѣе. Такъ въ 162-мъ примѣчаніи, опровергая взглядъ г. Погодина на это событіе, г. Соловьевъ говоритъ: «Г. Погодинъ видитъ въ событіи только приходъ Норманновъ въ нашу славянскую землю; но здѣсь дѣло не въ Норманнахъ, не въ народности пришлецовъ, но въ характерѣ, съ какимъ они пришли». Въ самомъ концѣ перваго тома читаемъ слѣдующее: «Если вліяніе норманской народности было незначительно, если, по признанію самыхъ сильныхъ защитниковъ Норманства, вліяніе Варяговъ было болѣе наружное, если такое наружное вліяніе могли одинаково оказать и дружины Славянъ Поморскихъ, столько же храбрыя и предпріимчивыя, какъ и дружины скандинавскія, то ясно, что вопросъ о національности Варяговъ-Руси теряетъ свою важность въ нашей исторіи» (стр. 279).

Но въ той мѣрѣ, какъ варяжскій элементъ теряетъ свою значительность въ русской исторіи подъ перомъ г. Соловьева,

фактъ призванія получаетъ въ его книгѣ большее значеніе. Оно, по его мнѣнію, есть органическое явленіе въ исторіи племенъ, изъ которыхъ образовалось наше государство, фактъ всероссійскій, какъ выражается авторъ. Эта мысль выражена весьма опредѣлительно во многихъ мѣстахъ книги. Приведемъ здѣсь только нѣкоторыя, наиболѣе замѣчательныя.

При изображеніи нравовъ и обычаевъ Славянъ вообще, замѣчено уже было, что родовой бытъ условливалъ между ними вражду, на которую такъ прямо указываютъ писатели иностранные, знавшіе Славянъ; нашъ лѣтописецъ подтверждаетъ ихъ показанія: какъ скоро, говоритъ онъ, племена начали владѣть сами собою, то не стало у нихъ правды, т. е., безпристрастнаго рѣшенія споровъ; не было у нихъ устава, который бы всѣ согласились исполнять, не было власти, которая бы принудила ослушниковъ къ исполненію принятаго устава. При столкновеніяхъ между родами, при общихъ дѣлахъ, рѣшителями споровъ долженствовали быть старшины родовъ. Но могли ли они рѣшать споры безпристрастно? Каждый старшина былъ представителемъ своего рода, блюстителемъ его выгодъ; при враждебныхъ столкновеніяхъ между членами родовъ, каждый старшина обязанъ былъ не выдавать своего родича; кто будетъ посредникомъ въ распрѣ между старшинами? Разумѣется, для ея рѣшенія родъ долженъ встать на родъ, и сила должна утвердить право. Исторія племени и города, которые имѣли такое важное значеніе въ описываемыхъ событіяхъ, исторія Славянъ Ильменскихъ, Новгорода Великаго представляетъ лучшее доказательство сказанному. Съ теченіемъ времени родовыя отношенія здѣсь изчезли; но пять концовъ съ своими старостами напоминали о пяти родахъ, изъ которыхъ могло составиться первоначальное народонаселеніе, и вражда между концами заступила мѣсто родовой вражды; какъ прежде возставалъ родъ на родъ, такъ послѣ возставалъ конецъ на конецъ, остальные брали сторону того или другаго, а иногда оставались спокойными зрителями борьбы. Роды, столкнувшіеся на одномъ мѣстѣ, и потому самому стремившіеся къ жизни гражданской, къ опредѣленію отношеній между собою, должны были искать силы, которая внесла бы къ нимъ миръ, нарядъ, должны были искать правительства, которое было бы чуждо родовыхъ отношеній, посредника въ спорахъ безпристрастнаго, однимъ словомъ, *третьяго судью*, а такимъ могъ быть только князь изъ чужаго рода. Установленіе наряда, нарушеннаго усобицами родовъ было главною, единственною цѣлію призванія князей; на нее лѣтописецъ прямо и ясно указываетъ, не упоминая ни о какихъ другихъ побужденіяхъ, и это указаніе лѣтописца совершенно согласно со всѣми обстоятельствами, такъ что мы не имѣемъ никакого права дѣлать свои предположенія. Но кромѣ прямаго и яснаго свидѣтельства лѣтописца, призваніе

князей, какъ нельзя лучше, объясняется рядомъ подобныхъ явленій въ послѣдующей исторіи Новгорода. Лѣтописецъ начальный говоритъ, что Варяги были изгнаны, и потомъ снова призваны; лѣтописцы позднѣйшіе говорятъ, что какъ скоро одинъ князь былъ изгоняемъ или самъ удалялся изъ Новгорода, то граждане послѣдняго немедленно посылали за другимъ: они не терпѣли жить безъ князя, по выраженію лѣтописца; есть извѣстіе, что одинъ изъ великихъ князей хотѣлъ наказать Новгородцевъ тѣмъ, что долго не посылалъ къ нимъ князя. У внука Рюрикова Новгородцы просятъ князя, и, въ случаѣ отказа, грозятъ найдти другаго. Вотъ что̀ сказали они однажды сыну великаго князя Ростислава Мстиславича: «Не хотимъ тебя, мы призвали твоего отца для установленія наряда, а онъ вмѣсто того усилилъ безпокойства». Сравнимъ теперь это свидѣтельство съ извѣстіемъ о призваніи первыхъ князей, и увидимъ, что цѣль призванія одна и та же въ обоихъ случаяхъ: князь призывается для установленія наряда внутренняго, какъ судья, миротворецъ» (стр. 88 и 89).

«Какое значеніе имѣетъ призваніе Рюрика въ нашей исторіи? Призваніе первыхъ князей имѣетъ великое значеніе въ нашей исторіи, есть событіе всероссійское, и съ него справедливо начинаютъ русскую исторію. Главное, начальное явленіе въ основаніи государства, это соединеніе разрозненныхъ племенъ чрезъ появленіе среди нихъ сосредоточивающаго начала, власти. Сѣверныя племена, славянскія и финнскія соединились и призвали къ себѣ это сосредоточивающее начало, эту власть. Здѣсь, въ сосредоточеніи нѣсколькихъ сѣверныхъ племенъ положено начало сосредоточенію и всѣхъ остальныхъ племенъ; потому что призванное начало пользуется силою первыхъ сосредоточившихся племенъ, чтобъ посредствомъ ихъ сосредоточивать и другія: соединенныя впервые силы начинаютъ дѣйствовать» (стр 90 и 91).

«Лѣтописецъ прямо даетъ знать, что нѣсколько отдѣльныхъ родовъ, поселившись вмѣстѣ, не имѣли возможности жить общею жизнію вслѣдствіе усобицъ; нужно было постороннее начало, которое условило бы возможность связи между ними, возможность жить вмѣстѣ; племена знали по опыту, что миръ возможенъ только тогда, когда всѣ живущіе вмѣстѣ составляютъ одинъ родъ съ однимъ общимъ родоначальникомъ; и вотъ они хотятъ возстановить это прежнее единство, хотятъ, чтобы всѣ роды соединились подъ однимъ общимъ старшиною, княземъ, который ко всѣмъ родамъ былъ бы одинаковъ, чего можно было достичь только тогда, когда этотъ старшина, князь, не принадлежалъ ни къ одному роду, былъ изъ чужаго рода. Они призвали князя, не имѣя возможности съ этимъ именемъ соединять какое либо другое, новое значеніе, кромѣ значенія родоначальника, старшаго въ родѣ» (стр. 210).

Такимъ образомъ призваніе варяжскихъ князей было органическимъ явленіемъ родоваго быта. Когда роды не могли по-

ладить между собою, не хотѣли уступить другъ другу, явилась необходимость избрать, для прекращенія происходившихъ оттого смутъ и междоусобій, посредника, миротворца, третьяго судью; а такимъ могъ быть только князь, непричастный усобицамъ, слѣдовательно, равно безпристрастный ко всѣмъ враждовавшимъ между собою. Это — основная мысль г. Соловьева. Почему она преобладаетъ въ его книгѣ, почему призваніе является у г. Соловьева на первомъ планѣ—объяснить нетрудно. Въ послѣднее время изслѣдователи Русской исторіи обратили все вниманіе на внутреннее значеніе историческихъ событій; внѣшняя ихъ сторона, такъ усердно обработываемая прежде, поставлена теперь на второмъ планѣ. При этомъ направленіи, взглядъ на начало русской исторіи долженъ былъ измѣниться. Возможность призванія Варяговъ, бытовое его значеніе, какъ и весьма естественно, стали казаться важнѣе, чѣмъ вопросъ о національности Варяговъ. Мало этого: изслѣдованіе органическаго, постепеннаго развитія русской исторіи и отсутствія въ ней явныхъ слѣдовъ глубокаго чуждаго вліянія, должны были привести къ мысли, что были Варяги Германо-Скандинавы, или Славяне—все равно. Какого бы они ни были племени, Варяги не оставили послѣ себя слѣдовъ; слѣдовательно, вопросъ о ихъ національности — дѣло историческаго любопытства, не болѣе. Г. Соловьевъ является представителемъ этого взгляда въ нашей исторической литературѣ и, надо отдать ему справедливость, представителемъ весьма полнымъ и послѣдовательнымъ. Онъ не только подробно излагаетъ свой взглядъ, но старается разрѣшить и всѣ сомнѣнія, дѣлающія событіе невѣроятнымъ, или по крайней мѣрѣ, весьма страннымъ. Какъ могли соединиться между собою Финны и Славяне? Какъ могла имъ прійдти мысль призвать князей изъ племени враждебнаго и чуждаго по происхожденію? Эти вопросы г. Соловьевъ рѣшаетъ такимъ образомъ:

«Нѣкоторые хотѣли и хотятъ дать мѣсто предположенію, что князья Варяго-Русскіе и дружина ихъ была происхожденія Славянскаго, и указываютъ преимущественно на Поморье (Померанію), какъ на мѣсто, откуда могъ быть вызванъ Рюрикъ съ братьями; но для чего нужно подобное предположеніе въ наукѣ? существуютъ ли въ нашей древней исторіи такія явленія, которыхъ никакъ нельзя объяснить безъ него? Такихъ явленій мы не видимъ. Скажутъ: Славяне должны были обратиться къ своимъ же Славянамъ, не могли призывать чужихъ,—но имѣетъ ли право историкъ настоящія понятія о національности приписывать предкамъ нашимъ IX-го вѣка? Мы видимъ, что племена Германское и Славянское, чѣмъ ближе къ языческой древности, тѣмъ сходнѣе между собою въ понятіяхъ религіозныхъ, нравахъ, обычаяхъ; исторія не провела еще между ними рѣзкихъ разграничивающихъ линій, ихъ національности еще не выработались, а потому не могло быть и сильныхъ національныхъ отвращеній. Послѣдующая наша исторія объясняетъ какъ нельзя лучше призваніе Варяжскихъ князей: послѣ Новгородцы и Псковитяне охотно принимаютъ къ себѣ на столы князей Литовскихъ; да и вообще въ нашихъ предкахъ мы не замѣчаемъ вовсе національной нетерпимости: Нѣмецъ, Ляхъ, Татаринъ, Бурятъ становились полноправными членами Русскаго общества, если только принимали христіянство по ученію Православной церкви; это была единственная основа національнаго различія, за которую наши предки держались крѣпко; но въ половинѣ IX-го вѣка ея не существовало: поклонникъ Тора такъ легко становился поклонникомъ Перуна, потому что различіе было только въ названіяхъ. Съ другой стороны, съ Варягами Скандинавскими у нашихъ сѣверныхъ Славянъ была связь издавна, издавна были они знакомы другъ съ другомъ. Наконецъ, если бы Новгородцы и Кривичи по нашимъ настоящимъ понятіямъ непремѣнно хотѣли имѣть своимъ княземъ Славянина, то не надобно забывать, что въ союзѣ съ ними были племена Финскія, у которыхъ не могло быть этого желанія» (стр. 84—85).

«Обратимъ теперь вниманіе на нѣкоторыя другія обстоятельства, встрѣчающіяся въ лѣтописи при разсказѣ о призваніи князей. Первое обстоятельство—это соединеніе племенъ Славянскихъ и Финскихъ; чтò произвело этотъ союзъ? Безъ всякаго сомнѣнія, означенныя племена были приведены въ связь завоеваніемъ варяжскимъ, какъ въ послѣдствіи остальныя разрозненныя славянскія племена были приведены въ связь князьями изъ дома Рюрикова. Эта тѣсная связь между Чудью, Весью, Славянами Ильменскими и Кривичами выразилась въ дружномъ изгнаніи Варяговъ, и потомъ въ призваніи князей» (стр. 89).

Вотъ взглядъ г. Соловьева. Нельзя назвать этотъ взглядъ совершенно новымъ; но въ «Исторіи Россіи» онъ въ первые высказанъ весьма подробно, отчетливо и совсѣми своими необ-

ходимыми послѣдствіями. Намъ кажется, что имъ долженъ заключиться длинный рядъ различныхъ рѣшеній вопроса о призваніи Варяговъ. Придумать еще новое на основаніи тѣхъ данныхъ, которыми теперь располагаетъ наука, едва ли возвозможно.

Отдавая г. Соловьеву всю должную справедливость, мы не можемъ назвать его изслѣдованіе объ этомъ предметѣ вполнѣ удовлетворительнымъ. Кромѣ разныхъ обстоятельствъ, которыми, по начальной лѣтописи, сопровождалось призваніе и которыя очень трудно объяснить, оно не имѣетъ связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ. Это какъ бы вставка, отсутствіе которой не измѣняетъ естественнаго хода первоначальной русской исторіи. Каждому изъ нашихъ читателей извѣстно, что, начиная съ VI вѣка, особенно въ IX, X и XI вѣкахъ, норманскія дружины, подъ предводительствомъ храбрыхъ морскихъ королей, объѣздили почти всю Европу, проникая далеко внутрь странъ черезъ устья рѣкъ. Въ IX вѣкѣ они открываютъ Фароерскіе острова, Исландію, Гебридскіе острова и первые между Европейцами—Америку: такъ далеко простирались ихъ странствія. Славянскія земли Оботритовъ (въ Мекленбургѣ и Помераніи), Нидерланды, Бельгія, Франція, Англія, Испанія, южная Италія, Эпиросъ, острова Цикладскіе, Критъ, и даже Кипръ испытали ихъ набѣги и опустошенія. Предпринимая такія отдаленныя экспедиціи, Норманны не могли оставить въ покоѣ ближайшіе къ нимъ берега Балтійскаго моря. По устьямъ рѣкъ и сѣти водныхъ путей, которыми покрыта теперешняя Россія, они рано должны были проникнуть внутрь страны, и далѣе до Каспійскаго, Азовскаго и Чернаго морей. Такъ какъ здѣсь въ IX вѣкѣ не было государства, некому было сдѣлать имъ отпоръ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что они безпрепятственно ходили по этимъ воднымъ путямъ. Извѣстія, относящіяся къ нашей древнѣйшей исторіи, подтвер-

ждаютъ справедливость этихъ заключеній, которыя легко было бы вывести a priori, зная только Норманновъ и географію Россіи. Изъ нашей лѣтописи видно, что Варяги владѣли сѣверными племенами. Съ котораго времени—лѣтописецъ не знаетъ; ему извѣстно только, что въ 859 году Варяги уже брали съ нихъ дань; но описаніе воднаго пути изъ Варягъ въ Греки и названія днѣпровскихъ пороговъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что владычество Варяговъ въ Россіи началось съиздавна: иначе путь этотъ не назывался бы такъ, и въ нѣсколько лѣтъ не могли быть усвоены днѣпровскими порогами, рядомъ съ славянскими, особыя скандинаво-германскія названія. Въ теченіе трехъ лѣтъ, непосредственно слѣдующихъ послѣ перваго извѣстія о владычествѣ Варяговъ въ сѣверной Россіи (въ 860, 861 и 862 годахъ) Варяги были изгнаны, призваны Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ; двое изъ нихъ скончались и Рюрикъ остался единовластителемъ надъ сѣверными племенами.

Послѣ призванія, дѣятельность Варяговъ въ Россіи была точно такая же, какъ и вездѣ, куда только они являлись: тотчасъ же, по прибытіи, они начинаютъ воевать всюду, облагаютъ данью сосѣднія племена, предпринимаютъ отдаленные походы въ Византію, на берега Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей, и до временъ Владиміра не могутъ утвердиться на одномъ мѣстѣ: Олегъ изъ Новгорода переходитъ въ Кіевъ; Святославъ задумываетъ двинуться еще далѣе на югъ; ему хочется утвердиться съ дружиною въ Болгаріи; въ Кіевѣ ему не сидится. Только со временъ Владиміра прекращается эта беспокойная дѣятельность; но при немъ варяжскіе пришлецы и дружинники начинаютъ уже ослабѣвать въ Россіи. Самъ великій князь Владиміръ уже смотритъ на нихъ съ недовѣрчивостью. При Ярославѣ, въ XI вѣкѣ, дѣятельность ихъ въ Россіи совершенно прекращается, какъ и въ остальной Европѣ.

Добровольно ли подчинялись этимъ завоевателямъ племена, обитавшія въ Россіи, или они были завоеваны? Есть примѣры и добровольнаго подданства, и примѣры покоренія, и нельзя сказать, чтобъ то или другое являлось преобладающимъ, характеристическимъ въ русской исторіи; племена, соглашавшіяся платить дань, не подвергались принужденію и, можетъ-быть, какъ показываютъ нѣкоторые примѣры, платили дань меньше; тѣ, которыя не соглашались, были къ тому принуждаемы силою. Таковъ характеръ распространенія владѣній первыхъ русскихъ князей. До призванія, Варяги берутъ дань съ сѣверныхъ племенъ; послѣ призванія, въ продолженіе всей норманнской эпохи, они являются не мирными правителями, но воинственными дружинниками, даже въ самомъ Новгородѣ. Такимъ образомъ посольство и призваніе представляются въ нашей древнѣйшей исторіи событіемъ эпизодическимъ, одинокимъ, безъ связи съ тѣмъ, что̀ было до него и съ тѣмъ, что̀ происходило послѣ. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ весьма полновѣсный въ настоящемъ вопросѣ авторитетъ г. Погодина. Всѣ знаютъ, какое важное значеніе онъ придавалъ различію призванія и завоеванія въ нашей исторіи; на немъ онъ основывалъ существенное различіе въ судьбахъ Россіи и остальной Европы. Но когда одинъ рецензентъ «Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій», опровергалъ важность этого различія фактами варяжскаго періода, то самъ г. Погодинъ нашелъ доводы столь убѣдительными, что въ «Москвитянинѣ», печатно, почти согласился съ рецензентомъ словами: «можетъ-бынь онъ и правъ». Мы потому придаемъ этому особенную важность, что лучшая часть историко-критическихъ изслѣдованій г. Погодина, безспорно, принадлежитъ варяжскому періоду, для котораго онъ много сдѣлалъ; сверхъ того, г. Погодинъ, какъ испытали многіе изъ его рецензентовъ и критиковъ, неохотно отступаетъ отъ своихъ ученыхъ выводовъ, даже когда они явно ошибочны.

Послѣ всего сказаннаго, имѣетъ ли въ нашей исторіи особенную важность фактъ призванія? Мы позволимъ себѣ въ этомъ усомниться. Варяги владѣли у насъ и прежде призванія и послѣ. Общій ходъ событій былъ таковъ, что они, во всякомъ случаѣ, должны были утвердиться въ Россіи и, утвердившись, дѣйствовали сообразно съ своимъ характеромъ, достаточно извѣстнымъ изъ ихъ походовъ въ другія страны. Слѣдовательно образъ прибытія ихъ къ намъ нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. По этому, далѣе, есть нѣкоторое основаніе усомниться и въ самой дѣйствительности этого событія. Кромѣ приведенныхъ нами выше вопросовъ, которые не могутъ быть разрѣшены безъ натяжекъ и невѣроятныхъ предположеній, подлинность его неправдоподобна по слѣдующему соображенію. По лѣтописи, какъ мы видѣли, изгнаніе Варяговъ, междоусобія внутри племенъ, ихъ соглашеніе призвать князей, прибытіе князей, двухлѣтнее владычество Синеуса и Трувора и кончина ихъ, наконецъ, соединеніе ихъ владѣній подъ властью Рюрика—все это совершалось въ три года; выключимъ изъ нихъ два года княженія Синеуса и Трувора, и на долю изгнанія, внутреннихъ усобицъ, посольства и прибытія Рюрика, Синеуса и Трувора прійдется только одинъ годъ. Вѣроятно ли, чтобъ все это могло совершиться въ такой короткій промежутокъ времени? Такимъ образомъ разсказъ лѣтописца едва ли можетъ быть признанъ за несомнѣнный историческій фактъ. Онъ или преданіе, какихъ мы много встрѣчаемъ въ лѣтописи, или, можетъ-быть, что̀ конечно менѣе вѣроятно, соображеніе лѣтописца въ объясненіе событія, для котораго не было историческихъ данныхъ. Изгнаніе Варяговъ и послѣдующее ихъ водвореніе, ничѣмъ несвязанныя между собою, должны были заставить предположить между ними посредствующее событіе, и такимъ является призваніе. Почему именно оно, а не какое-нибудь другое — объясняется обстоятельствами, въ которыхъ мы находились во времена лѣтописца.

Г. Соловьевъ приводитъ изъ нашей послѣдующей исторіи нѣсколько примѣровъ призванія князей; къ нимъ можно прибавить еще много другихъ, и не изъ однихъ Новгородскихъ лѣтописей. Распри и несогласія были явленіемъ обычнымъ во времена начальнаго лѣтописца; на нихъ указываютъ слѣдующія многозначительныя слова, подъ 1067 годомъ: «Придоша иноплеменьници на Русьску землю, Половьци мнози, Изяславъ же, и Святославъ, и Всеволодъ изидоша противу имъ на Льто; и бывши нощи, подъидоша противу собѣ, грѣхъ же ради нашихъ попусти Богъ на ны поганыя, и побѣгоша Русьскыи князи, и побѣдиша Половци. Наводитъ бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако скрушенымъ имъ въспомянутся къ Богу; усобная же рать бывасть отъ соблажненья дьяволя. Богъ бо не хощетъ зла человѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злому убійству и кровипролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы. Земли же согрѣшивши которѣй любо, казнитъ Богъ смертью, ли гладомъ, ли наведеньемъ поганыхъ, ли ведромъ, ли гусеницею, ли инѣми казньми», и т. д. Вспомнимъ притомъ, что Варяги въ XI вѣкѣ, когда писалъ лѣтописецъ, давно уже обрусѣли, а княжескій родъ Рюриковъ еще раньше; вспомнимъ, что, по причинамъ, лежавшимъ въ самихъ Варягахъ, у насъ не было раздѣленія земель между пришельцами; вспомнимъ, наконецъ, какъ любимъ былъ княжескій родъ, помимо членовъ котораго, до самаго его прекращенія, не былъ избранъ ни одинъ князь, даже въ то время, когда Россія была раздѣлена на части, совершенно независимыя другъ отъ друга. Все это, какъ намъ кажется, можетъ объяснить какимъ образомъ сложилось преданіе о призваніи князей, или какъ пришелъ къ такому объясненію событій начальный лѣтописецъ.

По крайней мѣрѣ то несомнѣнно, что вся обстановка и подробности призванія вполнѣ соотвѣтствуютъ понятіямъ или пред-

ставленіямъ позднѣйшимъ, которыя могли быть перенесены на первоначальную исторію.

Впрочемъ, мы нисколько не настаиваемъ на этомъ объясненіи происхожденія преданія, тѣмъ менѣе на сомнѣніи въ подлинности событія. Не въ этомъ собственно дѣло. Вся сила въ томъ, что событіе это, если оно и дѣйствительно было, далеко не такъ важно по своему значенію и послѣдствіямъ, какъ думаетъ г. Соловьевъ. Читая его выводы, можно подумать, что въ призваніи весь смыслъ послѣдующей русской исторіи; будь завоеваніе—было бы совсѣмъ другое. Но мы видѣли, что призваніе не состоитъ въ органической связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ. Прибавимъ къ этому, что еслибъ насъ завоевали Франки или Лонгобарды, дѣйствительно русская исторія, можетъ-быть, и приняла бы другой характеръ; но германскіе Скандинавы, сами незнавшіе феодализма, не могли оставить по себѣ феодальныхъ учрежденій въ Россіи; князья управляли своими мужами, ярлями, и какъ только тѣ и другіе обрусѣли, всѣ слѣды бывшаго когда-то владычества иноземной дружины должны были изчезнуть. Вотъ почему вся полемика г. Соловьева противъ г. Погодина, противъ вліянія Варяговъ и норманнскаго періода не выдерживаетъ критики. Объясненіе нѣсколькихъ словъ, которыя до сихъ поръ считались германо-скандинавскаго происхожденія, другими славянскими нарѣчіями такъ же мало убѣдительно, какъ остроумныя соображенія о томъ, что варяжскіе дружинники служили нашимъ князьямъ, и что туземныя племена принимали дѣятельное участіе въ княжескихъ походахъ. Первые наши князья были Норманны, и ихъ утвержденіе въ Россіи, какъ бы оно ни произошло, чрезвычайно важно потому именно, что съ ними появляются на нашей почвѣ первые зачатки государственной жизни, которыхъ мы до того времени не видимъ. Это начало было ново на русской почвѣ; его представляли Варяги, связавшіе тогдашнюю

Россію въ одно цѣлое. Когда они переродились и обрусѣли, оно приняло новую форму, приспособилось, такъ сказать, къ патріархальнымъ элементамъ, составлявшимъ основу древней русской жизни, но тѣмъ неменѣе сохранилось. Вотъ чѣмъ опредѣляется важное существенное значеніе Варяговъ въ нашей исторіи, ихъ вліяніе на дальнѣйшій ея ходъ, а не сомнительнымъ усвоеніемъ русскому языку какихъ-нибудь двухъ десятковъ иностранныхъ словъ, и еще болѣе сомнительными учрежденіями, или слѣдами въ обычаяхъ и нравахъ. Около полутораста лѣтъ не Славяне и не Финны, а Варяги играли въ нашей исторіи первую, главную роль. Этого г. Соловьевъ, конечно, не можетъ отрицать; а допустивъ, онъ поневолѣ долженъ будетъ согласиться съ г. Погодинымъ, который, конечно, вдался въ крайность, но въ крайность болѣе поучительную, болѣе близкую къ истинѣ, чѣмъ мнѣніе г. Соловьева. Въ основаніи преувеличеній г. Погодина относительно норманнскаго періода лежитъ дѣйствительный фактъ; въ основаніи ошибокъ г. Соловьева—одностороннее воззрѣніе. Г. Соловьевъ смѣшалъ, какъ намъ кажется, двѣ вещи совершенно разныя: исторію законодательства съ политической исторіей въ обширномъ смыслѣ слова. Въ исторіи русскаго законодательства на долю Варяговъ дѣйствительно приходится немногое. Вліяніе ихъ на внутренній, гражданскій бытъ нашихъ племенъ было очень незначительно; то, что считалось еще недавно варяжскимъ, теперь признано за наше, славянское, національное. Слѣдовательно въ исторіи учрежденій, обычаевъ, нравовъ того времени, о Варягахъ почти ничего не приходится сказать. Но въ политической исторіи — совсѣмъ другое дѣло: для нея юридическая точка зрѣнія слишкомъ тѣсна. Въ политической исторіи должны быть приняты въ соображеніе явленія, которыя лежатъ внѣ юридическаго быта, и къ числу ихъ несомнѣнно принадлежитъ роль, которую играли у насъ Варяги; нельзя ею

пренебречь безнаказанно, разсуждая о древнѣйшей русской исторіи. Г. Соловьевъ, чтобъ доказать незначительность варяжскаго вліянія, пользуется всѣмъ, чѣмъ только можно воспользоваться: отличаетъ вліяніе народа отъ вліянія народности; силится доказать, что Варяги не составляли у насъ господствующаго народонаселенія относительно Славянъ, что они не могли приходить въ Русь съ женами, и если оставались навсегда въ Россіи, женились на Славянкахъ; что Варяги не стояли выше Славянъ на ступеняхъ общественной жизни; что ихъ языческій бытъ имѣлъ близкое сходство съ древнимъ языческимъ бытомъ Славянъ; наконецъ, когда нужно, г. Соловьевъ искусно возражаетъ фактами изъ послѣднихъ годовъ варяжскаго періода, то есть, когда Варяги уже сильно обрусѣли (стр. 276 — 279 и прим. 437). Но все это не затемняетъ истины, и слова г. Погодина, приведенныя въ первомъ томѣ «Исторіи Россіи», несмотря на ловкія комментаріи ея автора, остаются въ сущности лучшимъ, что только было доселѣ сказано о значеніи и характерѣ варяжскаго періода.

Слѣдующія затѣмъ главы пятая, шестая и седьмая содержатъ подробное изложеніе политической исторіи Россіи отъ Рюрика до кончины Ярослава I, а послѣдняя, восьмая, посвящена обозрѣнію нашего внутренняго быта въ такъ называемый варяжскій періодъ. Вообще говоря, эта часть сочиненія лучше первой. Она читается съ большимъ интересомъ и содержитъ много новыхъ мыслей, хорошо изложенныхъ и живо обрисовывающихъ общую историческую картину; есть и новыя, весьма удачныя соображенія. Къ сожалѣнію, общее, выгодное впечатлѣніе этихъ главъ мѣстами ослабляется недоказанными положеніями, натяжками, желаніемъ взглянуть на предметъ съ новой точки зрѣнія, желаніемъ объяснить необъяснимое, или и безъ того весьма ясное, наконецъ, очевидными увлеченіями любимою мыслью, которая въ основаніи своемъ вѣрна, но нерѣдко иска-

жается въ ближайшихъ примѣненіяхъ. Такъ какъ новый трудъ г. Соловьева составляетъ капитальное явленіе въ нашей исторической литературѣ и читается всѣми съ довѣріемъ, то мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность отмѣтить здѣсь, въ послѣдовательномъ порядкѣ, тѣ мѣста, въ которыхъ указанные недостатки выставляются всего рѣзче. Авторъ на насъ за это, конечно, не посѣтуетъ и, можетъ-быть, воспользуется нѣкоторыми замѣчаніями при новомъ изданіи разбираемой книги.

По поводу дани, взимаемой Козарами съ Полянъ и другихъ южныхъ племенъ «по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма», авторъ входитъ въ подробное объясненіе юридическаго значенія слова дымъ. Дымъ, какъ всѣмъ извѣстно, значитъ здѣсь обитаемое жилище. «Былъ обычай (говоритъ г. Соловьевъ), для наказанія или вынужденія чего-нибудь, разламывать печь, и такимъ образомъ дѣлать домъ неудобнымъ къ обитанію; отсюда важность печи, очага въ домѣ». Но отсюда ли? Кто не знаетъ, что печь, очагъ очень важны въ домѣ, хотя бы ихъ и не разламывали для наказанія или вынужденія чего-либо. Зачѣмъ слѣдуютъ такія выводы: домъ и дымъ одного происхожденія, ибо означаютъ возвышеніе, нѣчто возвышающееся; отсюда и дума—мысль и дума—гордость; дума—нашъ древній государственнюй совѣтъ—означала верхъ. Въ этихъ филологическихъ изысканіяхъ много произвольнаго и излишняго. Объяснять слово дума—совѣтъ—не прямымъ его значеніемъ странно. Выраженіе нашихъ пѣсенъ «думу или душку думати», ясно показываетъ, какъ это слово получило значеніе совѣта.

На стр. 93 читаемъ, что «народы германскаго племени оставили формы родоваго быта прежде, вслѣдствіе переселенія на римскую почву, гдѣ они приняли идеи и формы государственныя, а Славяне, оставаясь на востокѣ, въ уединеніи отъ древняго историческаго міра, оставались и при прежнихъ,

первоначальныхъ формахъ быта». Это положеніе и объясненіе его крайне спорны. Не всѣ народы германскаго племени переселились на римскую почву, не всѣ оставили формы родоваго быта; Славяне, и вмѣстѣ съ другими народами и одни, не разъ вторгались въ Римскую имперію и селились на почвѣ древняго міра, однако сохранили формы родоваго быта. Итакъ приведенное нами разсужденіе поверхностно и не разрѣшаетъ вопроса.

На стр. 95, Ростиславу Моравскому приписываютъ глубокомысленные политическіе виды:

«Князь Моравскій долженъ былъ понимать, что для независимаго состоянія Славянскаго государства прежде всего была необходима независимая Славянская церковь, что съ Нѣмецкимъ духовенствомъ нельзя было и думать о народной и государственной независимости Славянъ, что съ Латинскимъ богослуженіемъ христіянство не могло принести пользы народу, который понималъ новую вѣру только со внѣшней, обрядовой стороны, и, разумѣется, не могъ не чуждаться ея. Вотъ почему князь Моравскій долженъ былъ обратиться къ Византійскому двору, который могъ прислать въ Моравію Славянскихъ проповѣдниковъ, учившихъ на Славянскомъ языкѣ, могшихъ устроить Славянское богослуженіе и основать независимую Славянскую церковь; близкій и недавній примѣръ Болгаріи долженъ былъ указать Моравскому князю на этотъ путь; со стороны Византіи нечего было опасаться притязаній, подобныхъ Нѣмецкимъ: она была слишкомъ слаба для этого,—и вотъ Ростиславъ посылаетъ въ Константинополь къ Императору Михаилу съ просьбою о Славянскихъ учителяхъ, и въ Моравіи являются знаменитые братья—Кириллъ и Меѳодій, доканчиваютъ здѣсь переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ и распространяютъ Славянское богослуженіе въ Моравіи и Панноніи» (стр. 95).

Не лучше ли было бы, при совершенной неизвѣстности о планахъ Ростислава, просто разсказать какъ дѣло было, безъ всякихъ предположеній. Такія же объясненія встрѣчаемъ и на стр. 100. Рѣчь идетъ о томъ, что Аскольдъ и Диръ не только не могли, но и не имѣли въ виду утвердиться въ Кіевѣ:

«Владѣніе, основанное Варяжскими выходцами въ Кіевѣ, не могло имѣть надлежащей прочности, ибо основано было сбродною шайкою искателей приключеній, которые могли храбро драться съ сосѣдами, могли сдѣлать набѣгъ

на берега Имперіи, но не могли, по своимъ средствамъ, да и не имѣли въ виду основать какой-нибудь прочный порядокъ вещей среди племенъ, жившихъ по великому водному пути. Это могли сдѣлать только сѣверные князья, имѣвшіе для того достаточную матеріяльную силу и привязанные къ странѣ правительственными отношеніями къ племенамъ, ихъ призвавшимъ» (стр. 100).

Здѣсь что ни слово, то ипотеза, что ни выводъ, то произвольное предположеніе. Кто знаетъ, что̀ имѣли и чего не имѣли въ виду варяжскіе выходцы? А что они были довольно сильны, видно изъ преданія объ убіеніи Аскольда и Дира Олегомъ. Къ чему всѣ эти натяжки, чтобъ объяснить чего нельзя объяснить, а только можно разсказать?

Далѣе, на стр. 101 читаемъ, что Олегъ «какъ старшій въ родѣ, а не какъ опекунъ малолѣтнаго князя, получилъ всю власть отъ Рюрика». Лѣтопись повѣствуетъ такъ: «умершю Рюрикови, предасть княженье свое Олгови, отъ рода ему суща, въдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря, бысть бо дѣтескъ вельми». О старшинствѣ Олега въ родѣ ни слова. Много было толкованій этого мѣста, но они не привели пока ни къ какому положительному результату. Отчего же объ нихъ не упомянуто? Мнѣніе, высказанное г. Соловьевымъ, лишь одно изъ многихъ. Но чѣмъ же оно лучше, удовлетворительнѣе другихъ?

Вслѣдъ за этимъ мнѣніемъ мы встрѣчаемъ, по поводу похода Олега на югъ, весьма странное разсужденіе о томъ, что Варяги до Олега не имѣли даже желанія утвердиться на водномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное. Читатели не повѣрятъ намъ. Вотъ подлинныя слова:

«Варягамъ давно былъ извѣстенъ великій водный путь изъ Балтійскаго моря въ Черное, давно ходили они по немъ, но ходили малыми дружинами, не имѣли ни желанія, ни средствъ утвердиться на этомъ пути, смотрѣли на него, какъ на путь только, имѣя въ виду другую цѣль. Но вотъ на сѣверномъ концѣ этого пути изъ нѣсколькихъ племенъ составляется владѣніе, скрѣпленное единствомъ власти; повинуясь общему историческому закону, новорожденное владѣніе, вслѣдствіе сосредоточенія своихъ силъ чрезъ единство власти, стремится

употребить въ дѣло эти силы, подчинять своему вліянію другія общества, другія племена, менѣе сильныя» (стр. 101).

Такимъ образомъ, походъ Олега на югъ былъ дѣломъ государственнымъ, а не дружиннымъ. Въ семнадцать лѣтъ юное государство успѣло возмужать, окрѣпнуть и уже питать честолюбивые планы расширенія государственныхъ границъ. Вѣроятно ли все это?

«Князь сѣвернаго владѣнія выступаетъ въ походъ; но это не вождь одной Варяжской шайки, дружины; въ его рукахъ силы всѣхъ сѣверныхъ племенъ; онъ идетъ по обычному Варяжскому пути, но идетъ не съ цѣлію одного грабежа, но для того только, чтобъ пробраться въ Византію: пользуясь своею силою, онъ подчиняетъ себѣ всѣ, встрѣчающіяся ему на пути племена, закрѣпляетъ себѣ навсегда всѣ находящіяся на немъ мѣста, города; его походъ представляетъ распространеніе одного владѣнія на счетъ другихъ, владѣнія сильнаго насчетъ слабѣйшихъ. Сила сѣвернаго князя основывается на его правительственныхъ отношеніяхъ къ сѣвернымъ племенамъ, соединившимся и призвавшимъ власть. отсюда видна вся важность призванія, вся важность тѣхъ отношеній, которыя утвердились на сѣверѣ между Варяжскими князьями и призвавшими племенами» (стр. 101).

Всего страннѣе въ этихъ выводахъ то, что они высказываются такъ положительно, какъ будто бы это были несомнѣнные историческіе факты, засвидѣтельствованные достовѣрными современными памятниками. Мало того: ими же, этими выводами, доказывается важность другаго событія, котораго достовѣрность сама еще нуждается въ доказательствахъ.

«Понятно въ смыслѣ преданія, что Олегъ не встрѣтилъ сопротивленія отъ дружины прежнихъ владѣльцевъ Кіева: эта дружина и при благопріятныхъ обстоятельствахъ была бы не въ состояніи помѣряться съ войсками Олега, тѣмъ болѣе, когда такъ мало ея возвратилось изъ несчастнаго похода греческаго, часть ея могла пристать къ Олегу, недовольные могли уйдти въ Грецію. Понятно также, почему Олегъ остался въ Кіевѣ: кромѣ пріятности климата, красивости мѣстоположенія и богатства страны, сравнительно съ сѣверомъ, тому могли способствовать другія обстоятельства: Кіевъ, какъ уже было замѣчено, находится тамъ, гдѣ Днѣпръ, принявъ самые большіе притоки свои справа и слѣва, Припеть и Десну, поворачиваетъ на востокъ, въ степи, жилище кочевыхъ народовъ. Здѣсь, слѣдовательно, должна была утвердиться

главная защита, главной острогъ новаго владѣнія со стороны степей; здѣсь же, при началѣ степей, должно было быть, и, вѣроятно, было прежде сборное мѣсто для Русскихъ лодокъ, отправлявшихся въ Черное море. Такимъ образомъ два конца великаго воднаго пути, на сѣверѣ со стороны Ладожскаго озера и на югѣ со стороны степей соединились въ одномъ владѣніи. Отсюда видна вся важность этого пути въ нашей исторіи: по его берегамъ образовалась первоначальная Русская государственная область, отсюда же понятна постоянная, тѣсная связь между Новгородомъ и Кіевомъ, какую мы видимъ въ послѣдствіи; понятно, почему Новгородъ всегда принадлежалъ только старшему князю, великому князю Кіевскому» (стр. 103).

Въ убіеніи Аскольда и Дира хитростью, а не открытою силою, мы видимъ совсѣмъ другое, именно опасенія отпора и сопротивленія. Во всякомъ случаѣ, заключеніе о слабости и малочисленности кіевской дружины — одно предположеніе, которое тѣмъ менѣе вѣроятно, что разсказъ лѣтописи о занятіи Кіева похожъ на преданіе, а не на исторію. Объясненіе, почему Олегъ остался въ Кіевѣ и мимоходное замѣчаніе о важности воднаго пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, тоже не убѣдительны, потому что произвольны. Тѣ, которые вмѣстѣ съ г. Погодинымъ видятъ въ событіяхъ перваго періода русской исторіи дѣятельность одной поселившейся у насъ варяжской дружины, понимаютъ важность воднаго пути совершенно иначе; они не безъ основанія, говорятъ, что не государственныя соображенія, не пріятность климата, не красивость мѣстоположенія, не проблематическое богатство страны привлекли Олега къ Кіеву, а желаніе быть ближе къ Константинополю—цѣли походовъ, военныхъ и торговыхъ. Итакъ взглядъ на утвержденіе варяжской дружины въ Кіевѣ зависитъ отъ взгляда на варяжскую эпоху; положительныхъ данныхъ нѣтъ. При такихъ условіяхъ надлежало, невдаваясь въ объясненія, разсказать, какъ что̀ было. Наконецъ, всего страннѣе и неправдоподобнѣе объясненіе связи Кіева съ Новгородомъ. Эта связь, во первыхъ, совсѣмъ не была такъ постоянна, какъ утверждаетъ г. Соловьевъ. Уже съ XI вѣка начинаются

въ Новгородѣ призванія князей. Если во весь варяжскій періодъ и даже въ началѣ періода удѣловъ не было ничего подобнаго, такъ это потому, что вся тогдашняя Россія почти безпрерывно находилась подъ властью одного князя. Какъ скоро единство ея изчезло, изчезло и политическое единство страны. Княжества отдѣлились другъ отъ друга и мало по малу образовали самостоятельныя владѣнія; въ числѣ ихъ былъ и Новгородъ. Такимъ образомъ не географическія условія, а историческія создали и поддерживали связь Новгорода съ Кіевомъ; какъ только они изчезли, изчезла и связь.

На стр. 103 и 104 г. Соловьевъ старается привести въ систему дѣйствія и распоряженія Олега. Этотъ князь сначала строитъ города, острожки въ Украйнѣ, для утвержденія своей власти и для защиты отъ кочевниковъ. Потомъ «нужно было опредѣлить отношенія къ старымъ областямъ, къ племенамъ, жившимъ на сѣверномъ концѣ воднаго пути, что было необходимо вслѣдствіе новаго поселенія на югѣ; главная форма, въ которой выражались отношенія этихъ племенъ къ князю, была дань, и вотъ Олегъ уставилъ дани Славянамъ (Ильменскимъ), Кривичамъ и Мери» (стр. 104).

Желаніе систематизировать здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, вредитъ достоинству разсказа. Лѣтопись говоритъ просто: «Се же Олегъ нача городы ставити, и устави дани Славѣномъ, Кривичемъ и Мери»: ни слова о томъ, что города ставились въ Украйнѣ; ни слова о значеніи дани, которою были обложены Славяне и другія племена. Но подъ перомъ г. Соловьева все разрослось и получило другой, болѣе важный видъ. Авторъ «Исторіи Россіи», знаетъ гдѣ Олегъ ставилъ города; ему подробно извѣстно, зачѣмъ Олегъ уставлялъ дани у Славянъ, Кривичей и Мери, и что̀ именно значила дань. Изъ его разсказа нельзя не подумать, что Олегъ, строя крѣпостцы, уставляя дани, былъ слѣпымъ орудіемъ высшей

необходимости, которая неудержно влекла его исполнить свой законъ. Такой историческій пріемъ неправиленъ и не достигаетъ своей цѣли, то-есть не убѣждаетъ, а, напротивъ, внушаетъ недовѣріе, особливо если повторяется слишкомъ часто. Каждый читатель хочетъ знать взглядъ писателя; но прежде всего онъ хочетъ знать факты, безъ примѣси, какъ они были. Противъ этого г. Соловьевъ грѣшитъ и здѣсь и въ другихъ мѣстахъ своей книги.

На стр. 106 читаемъ, что послы Олега вытребовали отъ византійскаго императора уклады на русскіе города, потому что въ этихъ городахъ сидѣли Олеговы мужи. «Они (говоритъ авторъ) оставались дома хранить нарядъ въ землѣ, удерживать племена въ покоѣ, и потому не могли быть лишены участія въ добычѣ». Но въ лѣтописи сказано только: «по тѣмъ бо городамъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще». Были они мужи Олеговы, или самостоятельные владѣльцы, ходили въ походъ, или не ходили — объ этомъ ничего неизвѣстно, потому что мужи и князья не одно и то же, а выраженіе «сѣдяху» совсѣмъ не значитъ, что они сидѣли по городамъ во время похода; оно показываетъ, что они вообще жили, находились въ городахъ. Такія толкованія можно ли признать за фактъ, за исторію?

Далѣе объясняя, почему Олегъ былъ названъ вѣщимъ, г. Соловьевъ (на стр. 110) замѣчаетъ, между прочимъ, что этотъ князь ловкими переговорами подчинилъ себѣ безъ всякихъ насилій племена, жившія на восточной сторонѣ Днѣпра. Ловкими переговорами? Какіе ловкіе переговоры велъ Олегъ? И съ какими племенами? Лѣтопись разсказываетъ о сношеніяхъ Олега съ племенами, жившими на востокъ отъ Днѣпра такимъ образомъ: «Иде Олегъ на Сѣверяне, и побѣди Сѣверяны и възложи нань дань легъку, и не дастъ имъ Козаромъ дани платити, рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ нечему». Итакъ переговоры съ Сѣверянами не могутъ быть названы

ловкими. Напротивъ, они очень просты. Далѣе: «Посла Олегъ къ Радимичемъ, рька: «кому дань даете»? они же рѣша: «Козаромъ». И рече имъ Олегъ: «не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте», и вдаша Ольгови по щьлягу, якоже Козаромъ даху». Этими двумя извѣстіями ограничиваются всѣ переговоры Олега съ племенами, жившими на востокъ отъ Днѣпра. Гдѣ жь и какія были тѣ ловкіе переговоры, о которыхъ говоритъ г. Соловьевъ? Ихъ, очевидно не было. А между тѣмъ, это выраженіе должно опредѣлять извѣстную черту характера Олега.

Далѣе на стр. 117, описывая характеръ Игоря, г. Соловьевъ называетъ его, будто-бы на основаніи «занесенныхъ въ лѣтопись преданій», княземъ недѣятельнымъ, вождемъ неотважнымъ. «Онъ (Игорь) не ходитъ за данью къ прежде-подчиненнымъ уже племенамъ, не покоряетъ новыхъ; дружина его робка и бѣдна, подобно ему». Такъ отзывается объ Игорѣ г. Соловьевъ; а между тѣмъ, самъ же, страницей выше, разсказываетъ несчастный походъ этого князя за данью къ Древлянамъ, окончившійся его смертью. Походъ этотъ не исключаетъ возможности другихъ подобныхъ; и если они не упоминаются въ лѣтописи, то это еще не значитъ, что ихъ и не было; молчаніе доказываетъ только, что во время этихъ походовъ не случилось ничего особенно зимѣчательнаго. Слова лѣтописца не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія; ибо вслѣдъ за разсказомъ о присягѣ Игоря, по заключеніи договора съ Греками, онъ говоритъ: «Игорь же нача княжити въ Кіевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ. И приспѣ осень, нача мыслити на Деревляны, хотя прамыслити большую дань». Изъ этихъ словъ видно, что Игорь началъ собираться на осеннее полюдье, а они были дѣломъ обыкновеннымъ, какъ извѣстно изъ нашихъ и иностранныхъ свидѣтельствъ. Затѣмъ лѣтописецъ продолжаетъ: «Въ лѣто 6453 (945). Въ се же лѣто рекоша дружина Игореви: «отроци Свѣнельжи изодѣлися

суть оружьемъ и порты, а мы нази: поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы». Послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань, и примышляше къ первой дани, насиляше имъ и мужи его». Потомъ разсказъ идетъ, какъ онъ переданъ у г. Соловьева. Ясно, что, по просьбѣ дружины Игорь отправился къ Древлянамъ за данью въ другой разъ: «примышляше къ первой дани»; наконецъ, онъ отправилъ дружину и «съ маломъ дружины» опять воротился «походить еще». Послѣ этого спрашивается, изъ чего заключилъ г. Соловьевъ, что Игорь былъ князь, робкій? Взять съ одного и того же племени двойную дань и потомъ отправиться къ нему за данью же въ третій разъ, въ малой дружинѣ, и притомъ къ племени, покоренному не болѣе какъ лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, уже при Олегѣ, — да это подвигъ, свидѣтельствующій скорѣй о необдуманной храбрости и отвагѣ, чѣмъ о робости.

Въ примѣчаніи 256, г. Соловьевъ опровергаетъ извѣстіе лѣтописца, что Владиміръ велѣлъ «рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумири». «Одинъ только примѣръ построенія на холму Перуновомъ, говоритъ авторъ, показываетъ, что здѣсь только и была построена церковь на мѣстѣ кумировъ, ибо ясно, что лѣтописецъ не знаетъ другихъ мѣстъ въ Кіевѣ, гдѣ еще стояли кумиры». Но возраженіе неосновательно. Лѣтописецъ совсѣмъ не говоритъ, что Владиміръ велѣлъ ставить церкви на мѣстѣ кумировъ въ одномъ Кіевѣ. Онъ не опредѣляетъ города, къ которому относилось распоряженіе великаго князя. Если въ Кіевѣ кумиры стояли въ одномъ мѣстѣ, то, разумѣется, лѣтописецъ и не могъ говорить о двухъ церквахъ.

Что̀ дѣлалось въ этомъ отношеніи въ другихъ городахъ, мы не знаемъ, и слѣдовательно не имѣемъ права отвергать извѣстія лѣтописи, тѣмъ болѣе, что оно само по себѣ очень вѣроятно и согласно съ обстоятельствами времени: всѣ просвѣ-

тители язычниковъ поступали точно такъ, какъ поступилъ по лѣтописи св. Владиміръ.

На стр. 125, г. Соловьевъ говоритъ о «полюдьи» и замѣчаетъ: «Обычай полюдья сохранился и послѣ: при тогдашнемъ состояніи общества, это было для князя единственный способъ исполнять свои обязанности относительно народонаселенія, именно судъ и расправу». Разсуждая такимъ образомъ, авторъ показываетъ ошибочное воззрѣніе на древнее значеніе суда. И въ это время и долго послѣ, судъ не былъ обязанностію, но правомъ, и правомъ весьма выгоднымъ по финансовому характеру нашего древняго судопроизводства. «А судья за нимъ (истцемъ) идетъ, своего прибытка смотритъ» сказано въ одной грамотѣ XV вѣка. Тотъ же характеръ имѣло судопроизводство и по «Русской Правдѣ», и по двумъ «Судебникамъ», и по всѣмъ уставнымъ и суднымъ грамотамъ до Уложенія. Оттого право суда давалось какъ награда и какъ привиллегія, а изъятіе изъ подсудности было постоянной, непремѣнной статьей всѣхъ жалованныхъ грамотъ духовенству и монастырямъ.

На той же страницѣ г. Соловьевъ говоритъ, что обязанность племенъ содержать князя и дружину во время полюдья называлась «кажется» оброкомъ. Это едва ли такъ. Судя по нѣкоторымъ оброчнымъ грамотамъ XVI вѣка, подъ оброкомъ разумѣлись вообще всѣ сборы, пошлины и повинности, которыя платились общиной. Въ «Русской Правдѣ» слово оброкъ не встрѣчается, но говорится объ урокахъ; здѣсь это слово имѣетъ тоже очень обширное значеніе: всякая закономъ опредѣленная плата и пошлина называется урокомъ. По этому урокомъ названъ и поклонъ вирный, и плата мостьникамъ, городникамъ, и плата за судъ, за присягу и т. д. Такимъ образомъ «оброкъ» или «урокъ» значили: законное опредѣленіе или постановленіе, касавшееся величины какой бы ни

было платы или повинности. Въ болѣе тѣсномъ значеніи это слово, сколько намъ извѣстно, не встрѣчается.

На стр. 133 находимъ очень странное объясненіе словъ Святослава о Переяславцѣ: «то есть середа въ землѣ моей». Авторъ спрашиваетъ: какимъ образомъ Переяславецъ могъ быть серединою земли Святославовой, и отвѣчаетъ:

«Это выраженіе можетъ быть объяснено двоякимъ образомъ: 1) Переяславецъ въ землѣ моей есть серединное мѣсто, потому что туда изо всѣхъ странъ свозится все доброе; Переяславецъ слѣдовательно названъ серединою не относительно положенія своего среди владѣній Святослава, но какъ средоточіе торговли. 2) Второе объясненіе намъ кажется легче: Святославъ своею землею считалъ только одну Болгарію, пріобрѣтенную имъ самимъ; Русскую же землю считалъ, по понятіямъ того времени, владѣніемъ общимъ, родовымъ. Святославъ спѣшилъ окончить свое княженіе на Руси; онъ посадилъ старшаго сына Ярополка въ Кіевѣ, другаго, Олега, въ землѣ Древлянской», и т. д. (стр. 133).

Итакъ Болгарія должна была стать «собиной», то-есть отдѣльной собственностью Святослава? Любопытно! Къ сожалѣнію, ни прежде, ни послѣ мы не встрѣчаемъ ни одного примѣра, чтобъ князь, завоевавъ область, не думалъ присоединить ее къ прочимъ, а составлялъ изъ нея для себя особенное владѣніе: ни Рюрикъ, ни Олегъ, ни Владиміръ, ни Ярославъ такъ не поступали, потому что это было совершенно противно духу и характеру времени: то̀, что̀ пріобрѣтали князья, они пріобрѣтали для своихъ наслѣдниковъ и потомковъ, какъ говоритъ Ярославъ своимъ сыновьямъ: «аще ли будете ненавидно живуще... погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ». Неужели одинъ Святославъ составлялъ исключеніе изъ этого общаго правила? Не думаемъ. Скорѣй г. Соловьевъ слишкомъ увлекся мыслью, вѣрною въ основаніи, но неудачно примѣненной. Это же неудачное примѣненіе заставило его сказать въ противность всѣмъ даннымъ, что Святославъ будто бы

спѣшилъ окончить свое княженіе въ Руси. Если ему было «не любо жить въ Кіевѣ» то изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, чтобъ онъ отказывался отъ Россіи. Вѣдь и Олегу не любо было жить въ Новгородѣ, однако онъ отъ него не отказался? Раздача областей сыновьямъ или, правильнѣе, разсылка ихъ по городамъ, была и при Владимірѣ и при Ярославѣ, и нимало не доказываетъ того, что̀ хотѣлъ доказать г. Соловьевъ; слова Ольги къ Святославу «ты видишь, что я больна, куда же хочешь отъ меня идти! Похоронивши меня, иди куда хочешь», опять ничего не доказываютъ: Ольга удерживала Святослава въ Кіевѣ до своей кончины, а Святославу хотѣлось скорѣй въ Переяславецъ. Самыя слова Святослава къ дружинѣ, приведенныя г. Соловьевымъ на стр. 137 и 138, показываютъ, что онъ и не думалъ оканчивать своего княженія въ Руси; напротивъ онъ уговариваетъ дружину заключить миръ съ царемъ и обнадеживаетъ ее тѣмъ, что если царь перестанетъ платить дань по условію, то, собравши побольше войска, онъ опять пойдетъ съ нею на Византію. Наконецъ, въ лѣтописи начало княженія Ярополка отнесено къ 973 году, а Святославъ погибъ въ 972 году; три года, протекшіе съ кончины Ольги, присчитываются къ княженію Святослава, а не Ярополка. Какъ бы могло это случиться, еслибъ Святославъ ушелъ изъ Россіи совсѣмъ и навсегда? Очевидно, г. Соловьевъ слишкомъ увлекся и это увлеченіе заставило его броситься въ лабиринтъ предположеній и натяжекъ для объясненія того, что само по себѣ очень ясно и просто.

«Это преданіе (о возвращеніи и погибели Святослава), какъ оно занесено въ лѣтопись, требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Здѣсь прежде всего представляется вопросъ: почему Святославъ, который такъ мало былъ способенъ къ страху, испугался Печенѣговъ и возвратился назадъ зимовать въ Бѣлобережье; если испугался въ первый разъ, то какую надежду имѣлъ къ безпрепятственному возвращенію послѣ, весною; почему онъ могъ думать, что Печенѣги не будутъ сторожить его и въ это время; наконецъ, если испугался Печенѣговъ,

то почему не принялъ совѣта Свѣнельдова, который указывалъ ему обходный путь степью? Другой вопросъ: какимъ образомъ спасся Свѣнельдъ? Во первыхъ мы знаемъ, какимъ безчестіемъ покрывался дружинникъ, оставившій своего вождя въ битвѣ, пережившій его и отдавшій тѣло его на поруганіе врагамъ; этому безчестію наиболѣе подвергались самые храбрѣйшіе, т. е. самые приближенные къ вождю, князю; а кто былъ ближе Свѣнельда къ Святославу? Дружина обѣщала Святославу, что гдѣ ляжетъ его голова, тамъ и они всѣ головы свои сложатъ; дружина, не знавшая страха среди многочисленныхъ полчищъ греческихъ, дрогнула предъ Печенѣгами? и неужели Свѣнельдъ не постыдился бѣжать съ поля, не захотѣлъ лечь съ своимъ княземъ? Во вторыхъ, какимъ образомъ онъ могъ спастись? мы знаемъ, какъ затруднительны бывали переходы Русскихъ черезъ пороги, когда они принуждены бывали тащить на себѣ лодки и обороняться отъ враговъ, и при такой малочисленности Святославовой дружины трудно, чтобъ главный по князѣ вождь могъ спастись отъ тучи облегавшихъ варваровъ. Для рѣшенія этихъ вопросовъ мы должны обратить вниманіе на характеръ и положеніе Святослава, какъ они выставлены въ преданіи. Святославъ завоевалъ Болгарію, и остался тамъ жить; вызванный оттуда вѣстію объ опасности своего семейства, нехотя поѣхалъ въ Русь; здѣсь едва дождался смерти матери, отдалъ волости сыновьямъ и отправился навсегда въ Болгарію; *свою* страну. Но теперь онъ принужденъ снова ее оставить и возвратиться въ Русь, отъ которой уже отрекся, гдѣ уже княжили его сыновья; въ какомъ отношеніи онъ находился къ нимъ, особенно къ старшему Ярополку, сидѣвшему въ Кіевѣ? Во всякомъ случаѣ, ему необходимо было лишить послѣдняго данной ему власти, и занять его мѣсто; при томъ, какъ должны были смотрѣть на него Кіевляне, которые и прежде упрекали его за то, что онъ отрекся отъ Руси? Теперь онъ потерялъ ту страну, для которой пренебрегъ Русью, и пришелъ бѣглецомъ въ родную землю. Естественно, что такое положеніе должно было быть для Святослава нестерпимо; не удивительно, что ему не хотѣлось возвратиться въ Кіевъ, и онъ остался зимовать въ Бѣлобережьѣ, пославъ Свѣнельда степью въ Русь, чтобъ тотъ привелъ ему оттуда побольше дружины, съ которою можно было бы снова выступить противъ Болгаръ и Грековъ, что онъ именно и обѣщалъ сдѣлать передъ отъѣздомъ изъ Болгаріи. Но Свѣнельдъ волею или неволею мешкалъ на Руси, а голодъ не позволялъ Святославу медлить болѣе въ Бѣлобережьѣ; идти въ обходъ степью было нельзя: кони были всѣ съѣдены, по необходимости должно было плыть Днѣпромъ чрезъ пороги, гдѣ ждали Печенѣги. Что Святославъ самъ отправилъ Свѣнельда степью въ Кіевъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Іоакимова лѣтопись» (стр. 140 и 141).

Трудно опровергать здѣсь г. Соловьева: все имъ сказанное такъ неестественно, столько выставлено имъ вовсе ненужныхъ

вопросовъ, затрудненій и сомнѣній. Самыя ссылки на факты здѣсь невѣрны: Святославъ передъ отъѣздомъ изъ Болгаріи вовсе не обѣщалъ снова выступить въ походъ противъ Болгаръ и Грековъ; напротивъ, онъ прямо говоритъ: царь согласился давать намъ дань, будемъ и тѣмъ довольны; а если онъ не станетъ платить дани, то опять пойдемъ на Царьградъ изъ Руси. Какое же тутъ обѣщаніе? Оно условное.

На стр. 144 находимъ двѣ неудачныя попытки объяснить историческія событія, которыя отчасти сами по себѣ ясны, отчасти же не могутъ быть объяснены по недостатку данныхъ.

«Наступательное движеніе Владиміра противъ Ярополка было необходимо: Владиміръ не могъ надѣяться, чтобъ старшій братъ спокойно снесъ изгнаніе своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода; Владиміру нужно было предупредить его, тѣмъ болѣе, что у него теперь были наемные Варяги, а Ярополкъ не собрался съ силами; Варяговъ надобно было употребить въ дѣло, отпустить ихъ ни съ чѣмъ было невыгодно и опасно, оставить ихъ у себя въ Новгородѣ было еще невыгоднѣе и опаснѣе; отпустивши ихъ, дожидаться, пока Ярополкъ, собравши всѣ силы юга, двинется противъ Новгорода — было безразсудно».

«Прежде начатія борьбы, обоимъ братьямъ было важно пріобрѣсти себѣ союзника во владѣтелѣ Полоцкомъ: въ это время въ Полоцкѣ сидѣлъ какой-то Рогволодъ.. Дочь этого Рогволода, Рогнѣда, была сговорена за Ярополка. Владиміръ, чтобъ склонить Полоцкаго державца на свою сторону, чтобъ показать, что послѣдній ничего не потеряетъ, если Кіевскій князь будетъ низложенъ, послалъ и отъ себя свататься также за дочь Рогволодову» (стр. 144).

Въ пользу всѣхъ этихъ соображеній нѣтъ фактовъ. За чѣмъ же было вводить ихъ? Они ничего не объясняютъ и неубѣдительны. Жаль, что такія мѣста встрѣчаются довольно часто въ книгѣ г. Соловьева и вредатъ ея существеннымъ и безспорнымъ достоинствамъ.

На стр. 180, по поводу населенія великимъ княземъ Владиміромъ Бѣлгорода на Днѣпрѣ, г. Соловьевъ задаетъ себѣ вопросъ: «Какъ происходило это населеніе и переселеніе?» и отвѣчаетъ такимъ образомъ:

«Вѣроятнѣе всего жители привлекались на новыя мѣста особенными льготами, лучшіе, т. е. самые удалые, которымъ скучно было сидѣть дома безъ свойственнаго имъ занятія, разумѣется, привлекались на границу, кромѣ льготъ, еще надеждою безпрестанной борьбы; кромѣ того, жителямъ бѣднаго сѣвера лестно было переселиться на житье въ благословенныя страны украинскія» (стр. 180).

Признаемся, намъ кажется этотъ способъ населенія и переселенія самымъ невѣроятнымъ для временъ Владиміра. Лѣтопись говоритъ: «много людей свелъ въ него» (то-есть въ Бѣлгородъ)». Выраженіе свелъ точно опредѣляетъ, какъ происходило переселеніе: великій князь приказывалъ переселиться—и переселялись. Привлеченіе переселенцевъ льготами—позднѣйшее явленіе и, какъ можно догадываться, возникло подъ вліяніемъ удѣльной системы и духовенства. Перезывались если не исключительно, то всего чаще жители другихъ княженій; чтобъ побудить ихъ оставить свое пепелище и водвориться на новомъ мѣстѣ, для этого нужны были льготы. Вслѣдствіе благочестія князей и ихъ усердія къ церкви, такія льготы всего чаще давались переселенцамъ на земли, принадлежавшія монастырямъ и духовенству. Что во времена Владиміра удальцы находили свой разсчетъ переселяться, что жители бѣднаго сѣвера льстились украйной — ни изъ чего не видно; напротивъ, продолжающаяся и до сихъ поръ привязанность къ землѣ, на которой жили отцы и дѣды, дѣлаетъ послѣднее предположеніе очень невѣроятнымъ.

Въ характеристикѣ Владиміра, на той же 180 страницѣ, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующую странную мысль: «Онъ (В. К. Владиміръ) пользуется опытомъ отцовскимъ, совѣтомъ старика дяди, и отказывается отъ завоеванія народовъ далекихъ, сильныхъ своею гражданственностью». Трудно догадаться, что здѣсь намекъ на народ[illegible]іе о по[illegible] димира на Болгаръ, записанное въ [illegible] «иде (въ 985 году) Володимер[illegible]

съ уемъ своимъ въ лодьяхъ, а Торъки берегомъ приведе на конихъ, и побѣди Болгары... Рече Добрына Володимеру: съглядахъ колодникъ, оже суть вси въ сапозѣхъ: симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ». Что бы ни значило это темное преданіе, во всякомъ случаѣ оно совсѣмъ не свидѣтельствуетъ о благоразумной умѣренности князя, о которой говоритъ г. Соловьевъ. Дѣло очень простое: В. К. Владиміру говоритъ дядя: Болгары ходятъ въ сапогахъ; съ этихъ намъ дани не взять, пойдемъ-ка лучше поищемъ лапотниковъ. Владиміръ согласился; необходимость заставила его быть благоразумнымъ. Больше изъ этого разсказа ничего не слѣдуетъ.

Разсуждая о Владимірѣ, г. Соловьевъ долженъ былъ коснуться пѣсенъ и сказокъ о его пирахъ и богатыряхъ, которыя до сихъ поръ сохранились въ устахъ народа. Извѣстно, что первое историческое лицо нашихъ пѣсенъ и сказокъ есть В. К. Владиміръ: объ Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ народъ не помнитъ.

Г. Соловьеву непремѣнно хочется объяснить, почему это такъ, и вотъ онъ заводитъ рѣчь издалека.

«Время Владиміра было благопріятно для богатырства: дружина не уходила съ княземъ въ далекія страны искать славы и добычи; при Святославѣ, напримѣръ, трудно было выказаться богатырямъ, и внести свои подвиги въ народную память, потому что князь былъ въ челѣ дружины, и былъ самъ богатырь изъ богатырей, дружинники были только похожи на него; притомъ подвиги ихъ совершались въ далекихъ странахъ; если и были пѣвцы въ дружинѣ при князьяхъ, то пѣсни ихъ мало могли найдти сочувствія въ народѣ, для котораго ихъ содержаніе было чуждо. Но при Владимірѣ другое дѣло: дружина была храбрая, дѣла ей было много, шла безпрестанная борьба съ варварами, и эта борьба происходила на глазахъ Русскаго народа, и шла за самые близкіе его интересы: отраженіе Печенѣговъ, поимка какого-нибудь страшнаго разбойника была для него поважнѣе блистательныхъ подвиговъ Святослава въ Болгаріи; при томъ же самъ князь Владиміръ не былъ богатыремъ изъ богатырей, отсюда богатырство дружинниковъ выказывалось рѣзче, отдѣльныя предпріятія часто поручались мужамъ изъ дружины Княжеской, которые такимъ образомъ могли выказаться» (стр. 182—183).

То, что̀ здѣсь говорится о Владимірѣ, можетъ быть сказано и. объ Игорѣ и объ Ярославѣ. Разсужденія г. Соловьева въ примѣненіи именно къ Владиміру, совершенно произвольны. Ну что, еслибъ вдругъ, въ какомъ-нибудь старинномъ манускриптѣ, нашлась хоть одна пѣсня объ Олегѣ и его богатыряхъ? Вѣдь это дѣло не невозможное. Найдены же были, уже въ XIX вѣкѣ, такъ называемыя пѣсни Кирши Данилова, и Слово о Полку Игоревѣ? что̀ сталось бы тогда со всѣми выводами г. Соловьева, изъ которыхъ должно слѣдовать какъ дважды два — четыре, что народъ могъ воспѣвать только богатырей временъ В. К. Владиміра, но никакъ не богатырей Игоревыхъ, Святославовыхъ, Олеговыхъ? Обстоятельства, давшія, по его словамъ, развиться богатырству въ княженіе Владиміра развѣ не относятся, и въ той же мѣрѣ, и къ другимъ княженіямъ? Если ужь никакъ нельзя обойдтись безъ объясненія, почему именно княженіе Владиміра и его богатыри составляютъ предметъ нашихъ древнѣйшихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ и сказокъ, то взглядъ г. Погодина на норманнскій періодъ объясняетъ дѣло гораздо проще и вѣроятнѣе. До Владиміра, князья и ихъ дружина все еще сохраняютъ варяжскій характеръ и типъ; они составляютъ дружину, отдѣльную отъ народа. В. К. Владиміръ первый народный князь. Въ его время дружина частью сама ославянилась, частью приняла въ свои ряды дружинниковъ родомъ Славянъ. Къ этому присоединилось, что при В. К. Владимірѣ мы приняли христіянство, которое должно было окончательно уничтожить прежнее различіе пришлой дружины и туземнаго народонаселенія. Такимъ образомъ въ памяти и жизни народа Владиміръ и его сподвижники должны были оставить продолжительный, глубокій слѣдъ, а личный характеръ князя, его щедрость, его пиры, его широкій размахъ, который такъ нравится Славянину, сдѣлали его первымъ и любимымъ лицомъ народныхъ пѣсенъ и сказок

На стр. 184 — 186, разсказу о событіяхъ послѣ кончины Владиміра, г. Соловьевъ предпосылаетъ подробное изслѣдованіе старшинства между сыновьями этого князя. Многія замѣчанія и выводы автора остроумны и не лишены вѣроятія; но мы думаемъ, что это изслѣдованіе, вообще, едва ли можетъ привести къ какимъ-нибудь положительнымъ результатамъ, разумѣется, безъ помощи какихъ-нибудь новыхъ источниковъ. Владиміръ имѣлъ дѣтей не отъ одного брака, а отъ нѣсколькихъ, и притомъ многіе изъ его сыновей родились до принятія имъ христіянства, слѣдовательно, когда онъ пребывалъ въ полигаміи. Какъ изслѣдовать, который изъ его сыновей былъ старше, который моложе? порядокъ ихъ старшинства не можетъ быть опредѣленъ ни старшинствомъ брака, ни тѣмъ, что братья родились отъ одной матери. Кромѣ этого основнаго недостатка цѣлаго изслѣдованія, мы замѣтили въ немъ и нѣкоторые частные. На стр. 185 г. Соловьевъ говоритъ: «Втораго сына Адели, Станислава этотъ же лѣтописецъ (Іоакимъ), равно какъ и нѣкоторые другіе, отсылаетъ въ Смоленскъ, а Судислава во Псковъ»; ниже, на той же страницѣ, читаемъ: «Несмотря на это молчаніе древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ списковъ лѣтописи о первоначальныхъ волостяхъ Бориса и Глѣба, равно какъ всеобщее молчаніе о волостяхъ Станислава, Судислава и Позвизда» и т. д. Это противорѣчіе. Далѣе, на стр. 186, г. Соловьевъ приписываетъ Владиміру намѣреніе передать кіевскій старшій престолъ Борису, на томъ только основаніи, что Владиміръ любилъ Бориса болѣе другихъ сыновей и держалъ его при себѣ; но изъ этого, кромѣ простаго предпочтенія, едва ли можно что-нибудь вывести. Наконецъ, въ томъ же изслѣдованіи, на стр. 186, встрѣчаемъ странное объясненіе, почему великій князь Владиміръ не роздалъ своимъ сыновьямъ владѣній, на востокъ отъ Днѣпра, — ни Чернигова, ни Переяславля. «Это явленіе, говоритъ г. Соловьевъ,

можетъ объясниться только пустынностью страны. составившей въ послѣдствіи княжества Черниговское и Переяславское». Но самъ же г. Соловьевъ говоритъ (на стр. 200), что Мстиславъ, помирившись съ братомъ своимъ Ярославомъ, «взялъ себѣ восточную сторону, съ главнымъ столомъ въ Черниговѣ». Первая разсылка сыновей Владиміра въ области была, по лѣтописи, въ 988 году, а Ярославъ заключилъ миръ съ Мстиславомъ и раздѣлилъ съ нимъ Россію въ 1025 году; слѣдовательно всего прошло съ разсылки тридцать лѣтъ. Вѣроятно ли, что въ такое короткое время восточная сторона Днѣпра заселилась, бывши до того времени пустынной? притомъ въ Черниговѣ и Переяславлѣ уже во времена Олега сидѣли подручные ему князья. Если они тамъ были, могли сидѣть и сыновья Владиміра. Очевидно, ипотеза г. Соловьева не разрѣшаетъ затрудненія.

Въ разсказѣ о кончинѣ великаго князя Владиміра, на 187 стр. г. Соловьевъ говоритъ: «Когда въ городѣ узнали объ этомъ (то-есть о кончинѣ великаго князя), то безчисленное множество народа сошлось въ церковь, и начали плакать но немъ— знатные, какъ по заступникѣ земли своей, убогіе какъ о заступникѣ и кормителѣ своемъ». Въ лѣтописи это изложено такъ: «Се же увѣдѣвше людье, безъ числа снидошася и плакашася по немъ, боляре акы заступника ихъ земли, убозіи акы заступника и кормителя». Въ 291 примѣчаніи г. Соловьевъ такимъ образомъ объясняетъ замѣну слова боляре словомъ знатные: «здѣсь ясно, что они (боляре) противополагаются убогимъ, и потому означаютъ вообще неубогихъ, богатыхъ и знатныхъ». Но это объясненіе невполнѣ удовлетворительно, и потому правильность замѣны одного слова другимъ остается сомнительной. Приведенное мѣсто очень важно для нашей внутренней исторіи. Въ немъ, съ перваговзгляда, дѣйствительно какъ-будто «болярииъ» противополагается «убо-

гому». Но все будетъ зависѣть отъ толкованія словъ: «акы заступника земли». Если принять это выраженіе въ общемъ смыслѣ, то есть, что великій князь Владиміръ защищалъ Русскую землю отъ враговъ, то г. Соловьевъ правъ; только будетъ ли вѣрно такое объясненіе? Не содержатъ ли въ себѣ приведенныя слова намекъ на то, что бояре были землевладѣльцы и что князь, какъ судья и блюститель внутренняго міра, защищалъ и охранялъ ихъ владѣнія? Безъ новыхъ данныхъ вопросъ этотъ рѣшить трудно. Поэтому-то мы думаемъ, что было бы осторожнѣе переводить приведенныя слова лѣтописи буквально, неизмѣняя въ нихъ ничего.

Къ числу неудачныхъ объясненій, попадающихся въ книгѣ г. Соловьева, принадлежитъ, между прочимъ, и разсужденіе объ избіеніи Новгородцевъ Ярославомъ передъ походомъ его противъ Святополка. Лѣтопись разсказываетъ дѣло такъ: «Ярославу же невѣдущю отьнѣ смерти, Варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху Новгородцемъ и женамъ ихъ. Вставше Новгородци, избиша Варягы во дворѣ Поромони, и разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Рокомъ, сѣде въ дворѣ; пославъ къ Новгородцемъ, рѣче: уже мнѣ сихъ не крѣсити. И позва къ собѣ нарочитыѣ мужи, иже бяху изсѣкли Варягы, обльстивъ и исѣче. Въ ту же нощь приде ему вѣсть изъ Кыева отъ сестры его Передъславы: си отець ти умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ ти Кыевѣ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла; а блюдися егоповелику. Се слышавъ, печаленъ бысть о отци и о дружинѣ; заутра же собравъ избытокъ Новгородець, Ярославъ рече: о люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобѣ. И утре слезъ, и рече имъ на вѣчи: отець мой умерлъ, а Святополкъ сѣдить Кыевѣ, избивая братію свою. И рѣша Новгородци: аще, княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти». Этотъ простой разсказъ г. Соловьевъ поясняетъ такимъ образомъ:

«Причину такого рѣшенія Новгородцевъ объяснить легко. Предпріятіе Ярослава противъ Владиміра было въ выгодѣ Новгородцевъ, освобождавшихся отъ платежа дани въ Кіевъ: отказаться помочь Ярославу, принудить его къ бѣгству, значило возобновить прежнія отношенія къ Кіеву, принять опять посадника Кіевскаго князя, простаго мужа, чего очень не любили города, а между тѣмъ Ярославъ если убѣжитъ, то можетъ возвратиться съ Варягами, какъ Владиміръ прежде, и уже конечно не будетъ благосклоненъ къ гражданамъ, выгнавшимъ его отъ себя, тогда какъ, въ случаѣ побѣды Ярослава надъ Святополкомъ, они были въ правѣ ожидать, что Ярославъ не заставитъ ихъ платить дани въ Кіевъ, уже потому, что самъ прежде отказался платить ее. Что же касается до поступка Ярослава съ убійцами Варяговъ, то мы должны смотрѣть на его слѣдствія по отношеніямъ и понятіямъ того времени; изъ лѣтописнаго разсказа мы видимъ уже всю неопредѣленность этихъ отношеній: Новгородцы ссорятся съ Варягами; дѣло доходитъ до драки, въ которой граждане бьютъ Варяговъ; князь хитростію зазываетъ къ себѣ виновниковъ убійства и бьетъ ихъ въ свою очередь. Въ понятіяхъ Новгородцевъ слѣдовательно все это было очень естественно, и потому трудно было имъ за это много сердиться; у насъ нѣтъ никакого основанія принимать убійство Варяговъ за дѣло цѣлаго города, это была частная ссора и схватка, на что указываетъ опредѣленіе мѣста—дворъ Парамоновъ; число жертвъ мести Ярославовой явно преувеличено, трудно было обманомъ зазвать такое количество людей, еще труднѣе перерѣзать ихъ безъ сопротивленія въ оградѣ княжескаго двора; мы видимъ, что не всѣ знатные Новгородцы были перерѣзаны, оставались бояре и старосты, которые послѣ собираютъ деньги для найма Варяговъ. Отвѣчали на вѣчѣ тѣ, которые остались въ живыхъ, остались въ живыхъ тѣ, которые не участвовали въ убійствѣ Варяговъ, а тѣ, которые не участвовали въ убійствѣ Варяговъ, были по этому самому равнодушны къ дѣлу. Поступокъ Ярослава былъ совершенно въ понятіяхъ того времени: князь долженъ былъ какимъ бы то ни было способомъ схватить убійцъ варяжскихъ и отдать ихъ на месть Варягамъ, родственникамъ убитыхъ. Итакъ если это было частное дѣло и обыкновенное, то цѣлому городу не для чего было много обращать на него вниманія; Ярославъ жалѣетъ не о томъ, что перебилъ Новгородцевъ, но о томъ только, что этимъ убійствомъ отнялъ у себя воиновъ, которые въ настоящихъ обстоятельствахъ были ему очень нужны, и Новгородцы отвѣчаютъ въ этомъ же смыслѣ: «хотя наши братья и перебиты, но у насъ все еще достаточно народа, чтобъ биться за тебя». И этотъ отвѣтъ можетъ также служить объясненіемъ дѣлу: откажись Новгородцы сражаться за Ярослава, онъ принужденъ былъ бы призвать новыя толпы Варяговъ, слѣдовательно Новгородцы должны были подвергнуться новымъ непріятностямъ со стороны послѣднихъ, и потому они предпочитаютъ уже сами идти съ Ярославомъ на Святополка. Сюда должно прибавить, что поведеніе Свя-

тополка также не могло возбудить къ нему расположенія въ гражданахъ; съ Ярославомъ легко было помириться: Новгородцы разсердились на Варяговъ и побили ихъ, Ярославъ имѣлъ полное право разсердиться на Новгородцевъ за это и перебить ихъ—дѣло обоюдное; но трудно было доброжелательствовать князю, который началъ свое правленіе убійствомъ родныхъ братьевъ. Впрочемъ, это мѣсто лѣтописи нуждается еще въ другомъ объясненіи: почему Ярославъ такъ испугался слѣдствій своего поступка съ Новгородцами? для чего такъ жалѣлъ объ избитіи дружины? вѣдь она была нужна ему и прежде, ибо онъ готовился къ войнѣ съ отцемъ; для чего же онъ не подумалъ объ этомъ прежде убіенія Новгородцевъ? Дѣло объясняется тѣмъ, что Ярославъ зналъ о медленныхъ сборахъ Владиміра, о его болѣзни, которая мѣшала ему спѣшить походомъ, могъ надѣяться на борьбу Святополка съ Борисомъ, которая на долго оставила бы его въ покоѣ. Но теперь дѣла перемѣнились: Владиміръ умеръ, Святополкъ началъ княжить, убилъ Бориса, послалъ убить Глѣба, хочетъ бить всѣхъ братьевъ, подобно сосѣднимъ государямъ; опасность слѣдовательно наступила страшная для Ярослава; сестра писала: берегись; оставаться въ бездѣйствіи значило жить въ безпрестанномъ страхѣ отъ убійцъ, нужно было или бѣжать за море, или выступить немедленно противъ Святополка, предупредить его, однимъ словомъ поступить по примѣру отца своего Владиміра» (стр. 192, 193 194).

Въ приведенномъ объясненіи такъ много искусственности и натяжекъ, что дѣлаетъ самое событіе еще непонятнѣе. Изъ чего, напримѣръ, видно, что избіеніе Варяговъ Новгородцами, Новгородцевъ Ярославомъ было дѣло частное, на которое цѣлому городу нечего было обращать вниманія? Изъ лѣтописи слѣдуетъ совсѣмъ противное. Далѣе, откуда слѣдуетъ, что Новгородцы, оставшіеся въ живыхъ, были равнодушны къ насильственной смерти ихъ согражданъ? Такъ же неудачны предположенія, почему Ярославъ жалѣлъ объ избіеніи дружины, и неудачны именно потому, что не просты. Дѣйствительно, все это событіе объясняется какъ нельзя лучше и характеромъ нашихъ предковъ, и духомъ времени, и обстоятельствами, безъ всякихъ дальнѣйшихъ предположеній. Ярославъ княжилъ въ Новгородѣ около тридцати лѣтъ, именно 28 лѣтъ. Въ примѣчаніи 297 г. Соловьевъ отвергаетъ извѣстія лѣтописи «и бѣ тогда (въ 1016 году) Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28», потому что

Ярославъ смѣнилъ въ Новѣгородѣ Вышеслава, а Вышеславъ, по Татищеву, умеръ въ 1010 году. Но можно ли отвергать лѣтопись по показаніямъ Татищева, когда онъ не ссылается на источники? Въ лѣтописи замѣна Вышеслава Ярославомъ въ Новѣгородѣ разсказана подъ 188 годомъ, и произошла въ томъ же году, какъ видно изъ приведеннаго выше мѣста. Достоинства Ярослава несомнѣнны· весьма понятно, что Новгородцы его любили. Быть-можетъ, Новгородцы имѣли и особенныя причины любить Ярослава: отказъ его платить 3,000 гривенъ могъ быть сдѣланъ по ихъ желанію и въ ихъ пользу. Вдругъ, по поводу Варяговъ, между Новгородцами и Ярославомъ произошла ссора. Что бы изъ нея могло выйдти—неизвѣстно; но во время этой ссоры возникла опасность для князя со стороны; всѣ дѣла въ Руси, съ кончиною Владиміра, приняли другой видъ. Въ эту критическую минуту домашняя ссора, происшедшая случайно и по обоюдной винѣ, была забыта. Что можетъ быть естественнѣе? надъ чѣмъ тутъ затрудняться? Чѣмъ ближе будемъ толковать лѣтописный разсказъ, тѣмъ онъ становится понятнѣй.

На стр. 207 г. Соловьевъ говоритъ, и очень положительно, хотя безъ всякихъ доказательствъ, что Ярославъ далъ Новгородцамъ «финансовую льготную грамоту, на которую они ссылаются въ послѣдствіи, при столкновеніяхъ съ князьями». Всѣмъ извѣстно, что вопросъ о Ярославовыхъ грамотахъ, на которыя ссылаются Новгородцы въ своихъ договорахъ съ князьями, былъ предметомъ длинныхъ изслѣдованій и споровъ и, по недостатку данныхъ, не рѣшенъ и до сихъ поръ. Одни думаютъ, что подъ Ярославовыми грамотами должно разумѣть «Русскую Правду»; другіе отвергаютъ это мнѣніе и утверждаютъ, что грамоты Ярославовы могли быть только льготныя, а не судебныя. Не знаемъ, почему авторъ «Исторіи Россіи» не обратилъ вниманія на эту спорность вопроса, и рѣшаетъ его такъ легко.

Мы думаемъ, что слѣдовало выразиться осторожнѣе и, хоть въ примѣчаніи, въ нѣсколькихъ словахъ разсказать въ чемъ споръ, кто писалъ объ Ярославовыхъ грамотахъ и какія есть объ нихъ мнѣнія.

На стр. 208 невольно останавливаетъ насъ оборотъ рѣчи, который встрѣчается въ первомъ томѣ «Исторіи Россіи» довольно часто и, признаемся, производитъ несовсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Дѣло вотъ въ чемъ: по извѣстіямъ лѣтописи, христіянство начало распространяться въ Россіи при Ярославѣ. Онъ этому значительно способствовалъ, потому что былъ князь очень набожный и, по тогдашнему, весьма грамотный. Такъ бы и слѣдовало объ этомъ отозваться въ историческомъ сочиненіи. Но г. Соловьевъ предпочелъ труднѣйшій, менѣе простой и обычный путь. Онъ считаетъ нужнымъ пояснить дѣло, разсказать его иначе.

«Уже при Владимірѣ (говоритъ г. Соловьевъ) Греческое духовенство единственнымъ средствомъ распространенія и утвержденія христіянства считало грамотность, ученіе книгамъ: сынъ Владиміра самъ читалъ книги, самъ былъ утвержденнымъ христіяниномъ, и потому, разумѣется, въ его княженіи христіянство и грамотность должны были распространяться. И точно, по свидѣтельству лѣтописи, христіянство начало преимущественно рзспространяться при Ярославѣ».

Къ чему этотъ выводъ повидимому строго-логическій, но въ сущности дѣла только натянутый? Такой методъ изложенія историческихъ фактовъ давно оставленъ, потому что представляетъ большія требованія, когда нѣтъ никакихъ средствъ ихъ выполнить. Внутренняя связь событій есть въ общемъ, а не въ частностяхъ. Въ постепенномъ распространеніи и утвержденіи христіянства въ древней Россіи есть внутренняя послѣдовательность, которую можно прослѣдить исторически. Но какъ доказать à priori, что оно должно было распространяться при Ярославѣ? Этого нельзя доказать, точно такъ же, какъ

нельзя доказать à priori силлогизмомъ, почему Славяно-Греко-Латинская Академія заведена въ Москвѣ при Өедорѣ Алексѣевичѣ, а не при Алексѣѣ Михайловичѣ, почему Ярославъ скончался въ 1054 году, а не годомъ раньше или позже, почему Ломоносовъ написалъ первую свою оду въ 1739 году.

На стр. 211 г. Соловьевъ отвергаетъ долговременное существованіе прежнихъ славянскихъ князей и переходъ ихъ въ бояре съ земскимъ значеніемъ. Тѣ, которые такъ думаютъ, забываютъ, по мнѣнію г. Соловьева, что

«Родовой бытъ славянскихъ племенъ сохранился при своихъ первоначальныхъ формахъ, не переходя въ бытъ клановъ, гдѣ старшинство было уже наслѣдственно въ одной линіи, переходило отъ отца къ сыну, тогда какъ у нашихъ Славянъ князь долженствовалъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, всѣ линіи рода были равны относительно старшинства, каждый членъ каждой линіи могъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, смотря по своему физическому старшинству: слѣдовательно одна какая-нибудь линія не могла выдвинуться впередъ передъ другими, какъ скоро родовая связь между ними рушилась; ни одна линія не могла получить большаго значенія по своему богатству, потому что при родовой связи имѣніе было общее; какъ же скоро эта связь рушилась, то имущество раздѣлялось поровну между равными въ правахъ своихъ линіями; ясно, слѣдовательно, что боярскіе роды не могли произойдти отъ прежнихъ славянскихъ старшинъ, родоначальниковъ, по ненаслѣдственности этого званія; если старшина рода переходилъ въ дружину княжескую, то онъ сохранялъ свое родовое значеніе только при жизни, сынъ его не наслѣдовалъ этого значенія, оно переходило къ какому-нибудь четвероюродному дядѣ его, и если онъ выдѣлялся изъ рода, то доля имущества его была равна долѣ каждаго другаго родича. Вотъ почему славянскіе князья изчезаютъ съ приходомъ князей варяжскихъ; нельзя искать ихъ и въ боярахъ по той же самой причинѣ, т. е. потому, что достоинство старшинъ у Славянъ не было наслѣдственнымъ въ одной родовой линіи. Отсюда объясняется и то явленіе, что въ слѣдующемъ періодѣ мы увидимъ непосредственныя отношенія князей къ городскому народонаселенію, къ общинѣ».

Противъ этихъ выводовъ можно сказать многое. Во первыхъ, авторъ очевидно не можетъ возражать противъ предположеній иначе, какъ тоже предположеніями: долго ли существовали прежніе славянскіе князья или нѣтъ—мы не знаемъ;

перешли ли славянскіе старшины въ бояре съ земскимъ значеніемъ или не перешли — тоже неизвѣстно. Какъ же объ этомъ спорить: для состязанія нѣтъ почвы. Во вторыхъ, на бывшихъ когда-то наслѣдственныхъ славянскихъ князей въ Россіи указываетъ одно мѣсто въ лѣтописи «и по сихъ братьи (то-есть Кія, Щека и Хорива) держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ». Стало быть, могли быть и при родовомъ устройствѣ случаи, когда одинъ родъ возвышался надъ другими и удерживалъ за собою власть наслѣдственно. Скажемъ болѣе: въ патріархальномъ, родовомъ быту это такое же обыкновенное, нормальное явленіе, какъ и избираемые старшины. Древнѣйшая исторія славянскихъ племенъ представляетъ этому самыя убѣдительныя доказательства. У однихъ изъ этихъ племенъ старшины избирались, у другихъ власть ихъ передавалась наслѣдственно. Такъ какъ строго-опредѣленнаго юридическаго устройства не было, то естественно, что все зависѣло отъ личности старшинъ и ихъ отношеній къ племенамъ. Такимъ образомъ у одного и того же племени наслѣдственное старшинство могло потомъ замѣниться избирательнымъ и, наоборотъ, избирательное смѣниться наслѣдственнымъ. На это тоже есть много примѣровъ; вообще большая ошибка искать точныхъ и постоянныхъ опредѣленій тамъ, гдѣ юридическія отношенія почти не существуютъ.

На стр. 215 и слѣд., г. Соловьевъ старается опредѣлить отношенія, въ какихъ находилась варяжская дружина къ нашимъ князьямъ и къ тогдашней Россіи. Вопросъ этотъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ въ первоначальной русской исторіи и заслуживаетъ внимательнаго изученія; отъ его рѣшенія зависитъ правильный взглядъ на варяжскій или норманскій періодъ. Главный результатъ, къ которому приходитъ г. Соловьевъ въ своемъ изслѣдованіи, состоитъ въ томъ, что дружинники у насъ не дѣлили землю съ княземъ, потому что

находились къ нему въ служебныхъ отношеніяхъ: варяжскіе мужи, намѣстники, посадники по городамъ были правители, а не владѣльцы. Если князья и могли раздавать имъ земли, то остается еще вопросъ: выгодно ли имъ было пріобрѣтать ихъ? конечно, имъ было выгоднѣе ходить съ княземъ за добычей къ непокореннымъ народамъ и за данью къ племенамъ подвластнымъ, однимъ словомъ, получать содержаніе непосредственно отъ князя.

Все это, конечно, очень могло быть, и до извѣстной степени даже вѣроятно было въ концѣ варяжской эпохи, когда родъ Рюриковъ обрусѣлъ и сталъ чуждъ Варягамъ и другимъ дружинникамъ, приходившимъ изъ-за моря. Но было ли такъ же и въ началѣ этой эпохи—очень трудно рѣшить. Туръ и Рогволодъ какъ-будто указываютъ, что между пришельцами Варягами были и владѣльцы. Самъ г. Соловьевъ (стр. 114) затрудняется сказать, въ какихъ отношеніяхъ находился Рогволодъ къ правнукамъ Рюрика. Кто были свѣтлые князья, сидѣвшіе по городамъ и бывшіе подъ рукою Олега и Игоря — также нельзя опредѣлить: если они посылали отъ себя пословъ, если на ихъ долю приходилась часть добычи, можно ли считать ихъ только княжескими слугами или мужами, получавшими содержаніе непосредственно отъ князей? Г. Соловьевъ (стр. 107) видитъ въ нихъ родичей Рюриковыхъ. Но гдѣ этому доказательства? Самъ же онъ говоритъ (примѣч. 194), что въ договорахъ нашихъ князей съ Греками названія «князь» и «бояринъ» употребляются, безъ различія, одно вмѣсто другаго, и списки договоровъ также смѣшиваютъ оба названія. Какое же основаніе видѣть въ этихъ князьяхъ Рюриковыхъ родичей? Дѣлёжъ добычи и дани между княземъ и дружиной не свидѣтельствуетъ ли объ отношеніяхъ неслужебныхъ? Въ послѣдствіи, конечно, значеніе этого дѣлежа могло измѣниться; не споримъ; но начало происхожденія его нельзя искать въ

служебныхъ отношеніяхъ. Вообще намъ кажется, что г. Соловьевъ смотритъ на Варяговъ, бывшихъ въ Россіи, нѣсколько односторонне. Онъ повидимому предполагаетъ, что они составляли одну дружину, одно цѣлое. Но это едва ли было такъ, особливо вначалѣ. Варяги приходили въ Россію въ разное время, останавливались и селились въ нѣкоторыхъ городахъ независимо отъ князей Рюрикова дома и могли такимъ образомъ основать не одно, а нѣсколько владѣній въ нашемъ отечествѣ. Мы и до сихъ поръ не знаемъ, были ли призванные князья первые владѣтели, или и до нихъ были у насъ другіе? Всѣ ли такіе владѣтели изчезли съ изгнаніемъ Варяговъ, или нѣкоторые остались? Кромѣ приведенныхъ примѣровъ Тура и Рогволода, можно указать на Аскольда и Дира. Въ отношеніи къ такимъ владѣтелямъ, взглядъ г. Соловьева непримѣнимъ. Они, кажется, были довольно независимы отъ Рюрика и его преемниковъ, хотя могли вмѣстѣ съ ними участвовать въ большихъ походахъ и другихъ военныхъ предпріятіяхъ. Разумѣется, непосредственная прислуга и свита князей находилась, съ самаго начала, въ большей зависимости отъ князей, хотя и въ отношеніи къ ней эпитетъ «служебная» можетъ быть несовсѣмъ точенъ.

На стр. 219, г. Соловьевъ говоритъ, что «мужи княжіе, жившіе по городамъ, занимавшіе тамъ разныя должности, въ отличіе отъ бояръ, жившихъ при князѣ въ стольномъ его городѣ, назывались уменьшительнымъ — болярцы». Сколько мы припоминаемъ, о болярцахъ упоминается въ лѣтописи только одинъ разъ, именно въ разсказѣ о томъ, какъ къ Вышегородскимъ болярцамъ обратился Святополкъ по кончинѣ Владиміра; но въ этомъ мѣстѣ ни слова не сказано, чтò они такое были и чѣмъ занимались; слѣдовательно, объясненіе ихъ значенія бездоказательно и произвольно. Если г. Соловьевъ считалъ совершенно необходимымъ разслѣдовать, чтò такое были

болярцы, не знаемъ, почему онъ не воспользовался указаніями Ярославова Церковнаго Устава, въ которомъ говорится о боярахъ великихъ, среднихъ и меньшихъ. Здѣсь онъ бы тоже не нашелъ ближайшаго опредѣленія этихъ разрядовъ; но, по крайней мѣрѣ, могъ бы сослаться на параллельное мѣсто.

На стр. 224, г. Соловьевъ возвращается къ своей любимой мысли. встрѣчающейся много разъ въ его новомъ сочиненіи,— къ мысли, что сѣверное народонаселеніе Россіи, въ описываемый періодъ, было храбрѣе, мужественнѣе, заключало въ себѣ болѣе государственныхъ элементовъ, чѣмъ южное. Факты, вообще, какъ-будто подтверждаютъ эту мысль: побѣда всегда почти была на сторонѣ тѣхъ, за кого сражались сѣверные жители. Такъ, по крайней мѣрѣ, было до кончины Ярослава. Но вотъ затрудненіе: Мстиславъ побѣдилъ брата своего Ярослава съ помощью Сѣверянъ, а Ярославъ привелъ съ собой Варяговъ. Какъ объяснить это событіе, противорѣчащее общему взгляду? Г. Соловьевъ не затрудняется нисколько. Онъ даетъ этому дѣлу такой оборотъ: «южно-русское, кіевское народонаселеніе не дало побѣды Святополку при Любечѣ; но сѣверское народонаселеніе, тѣ лучшіе мужи, которыхъ Владиміръ перевелъ съ Сѣвера и поселилъ въ пограничныхъ городкахъ, дало торжество Мстиславу надъ Варягами Ярослава, выдержавши натискъ послѣднихъ». Это объясненіе было бы совершенно удовлетворительно, еслибъ въ лѣтописи былъ хоть малѣйшій намекъ на то, что въ рядахъ Сѣверянъ сражались противъ Ярослава и эти лучшіе мужи, или что они склонили побѣду на сторону Мстислава; но такого намека нѣтъ, и мы считаемъ себя вправѣ спросить г. Соловьева, почему онъ знаетъ, что лучшіе мужи доставили побѣду, а не Сѣверяне, о которыхъ говоритъ лѣтописецъ?

На стр. 230 авторъ говоритъ объ изгояхъ. Въ послѣднее время изслѣдованіе г. Калачова объ этомъ предметѣ, помѣ-

щенное въ «Архивѣ», подало поводъ къ живому спору. Вопросъ остался нерѣшеннымъ, по недостатку данныхъ; но онъ былъ обслѣдованъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, и всѣ заключенія, которыя можно было извлечь изъ наличныхъ свидѣтельствъ объ изгояхъ, сдѣланы. Мы думаемъ, что слѣдовало бы упомянуть о томъ, какъ наши ученые объясняютъ загадочныя извѣстія объ изгояхъ и ихъ происхожденіи. Но г. Соловьевъ не ссылается ни на статью г. Калачова, ни на сдѣланныя ему возраженія.

На той же страницѣ г. Соловьевъ изслѣдуетъ судебную власть князя. По мнѣнію его, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ были призваны для прекращенія междоусобій. Стало-быть, главное назначеніе князя было — судить и разбирать споры и тяжбы. Отсюда авторъ, разумѣется, выводитъ, что между родами «бывали случаи мирнаго разбирательства и соглашенія, и эти случаи служили примѣромъ; но эти случаи, какъ видно (sic) были довольно рѣдки; большею же частью столкновенія оканчивались враждебно, возстаніемъ рода на родъ, что̀ и повело къ мысли о необходимости третьяго судьи». Такова нить мыслей. Но изъ чего заключаетъ г. Соловьевъ, что случаи мирнаго разбирательства были рѣдки? Откуда это видно? Послѣ этого можно, пожалуй, утверждать, что, напримѣръ, у Новгородцевъ и въ позднѣйшее время почти вовсе не было суда; ибо нельзя указать на страну въ древней Россіи, гдѣ бы усобицы были чаще. Тѣмъ не менѣе судебные уставы свидѣтельствуютъ, что у Новгородцевъ, независимо отъ княжескаго суда, былъ судъ посадника, судъ тысячскаго, вѣчевой судъ. Да и можно ли такъ утвердительно говорить, что распри и усобицы происходили непремѣнно по поводу дѣлъ судебныхъ? Развѣ не было и не могло быть тысячу другихъ причинъ? А если не одни судебныя дѣла были причиной внутреннихъ раздоровъ, то почему бы случаи мирнаго разбирательства и

соглашенія могли быть рѣдки? Вѣдь объ этомъ мы ничего не знаемъ.

На стр. 231 — 234, авторъ излагаетъ систему виръ по Русской Правдѣ. Это изложеніе представляетъ нѣкоторыя неточности и ошибочные выводы, на которые мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе. Такъ, на стр. 231, въ одномъ мѣстѣ говорится, что вира платилась князю, въ другомъ она разсматривается какъ вознагражденіе обществу. Которое изъ этихъ объясненій вѣрно? Каждое имѣло въ нашей исторической литературѣ своихъ защитниковъ. — На слѣдующей страницѣ г. Соловьевъ объясняетъ значеніе и происхожденіе дикой виры такимъ образомъ:

«Подлѣ родовой мести существовала также общественная пеня въ томъ случаѣ, когда не будетъ мстителя; но если при послѣднемъ обстоятельствѣ убійство будетъ совершено, и убійца скроется, то правительство чрезъ это лишается виры; для предотвращенія такого лишенія въ означенномъ случаѣ вира платилась цѣлымъ округомъ, *вервью*, гдѣ совершено убійство; такая вира называлась *общею* или *дикою* вирою. Вервь не платила въ томъ случаѣ, когда находили въ ней только кости, свидѣтельствовавшія о давности преступленія; не платила также за мертвеца, о которомъ никто не зналъ. Это установленіе *дикой виры* встрѣчаемъ мы и въ другихъ новорожденныхъ обществахъ, въ которыхъ правительственный организмъ еще не зрѣлъ; при такомъ состояніи общества, полицейскія обязанности обыкновенно поручаются отдѣльнымъ округамъ, которые и отвѣчаютъ за всякій безпорядокъ, въ нихъ случившійся. Подъ *дикою вирою* разумѣлось также общее поручительство, по которому всѣ или нѣкоторые жители верви обязывались, въ случаѣ, если одинъ изъ нихъ совершитъ убійство, помогать ему въ платежѣ виры. Существовалъ ли обычай дикой виры въ описываемое время, или явился позднѣе? Обязанность верви схватить и представить убійцу, или платить за него виру въ случаѣ, если не отыщутъ его, безспорно явилась вмѣстѣ съ опредѣленіемъ о вирахъ; труднѣе рѣшить, когда явился обычай дикой виры въ видѣ сотоварищества для вспоможенія убійцѣ платить виру; если этотъ обычай имѣлъ мѣсто въ описываемое время, то долженъ былъ особенно усилиться послѣ Ярослава, когда месть была окончательно замѣнена вирами. Правда различаетъ разбойничество, когда человѣкъ убилъ другаго безъ всякой вражды, отъ убійства по враждѣ, въ пылу ссоры, драки. Дикая вира относительно разбойника не могла имѣть мѣста; за разбойника люди не платили, но отдавали его съ

женою и дѣтьми, князю на *потокъ* (изгнаніе), домъ его отдавался на разграбленіе» (стр. 232 и 233).

Этотъ взглядъ на дикую виру несовсѣмъ вѣренъ. По словамъ автора, происхожденіе ея должно искать въ томъ, что въ обществахъ, которыхъ правительственный организмъ не зрѣлъ, полицейскія обязанности, отвѣтственность за тишину и порядокъ возлагаются на отдѣльные округи. Вполнѣ признавая справедливость факта, мы думаемъ, однако, что причина его лежитъ глубже, именно въ первоначальномъ значеніи міровъ. Миры представляли въ древности общественныя единицы, замкнутыя въ себѣ, которыя собща владѣли, собща отвѣчали за себя передъ другими, собща платили. Въ ихъ внутренній бытъ никто не входилъ; они судились и управлялись сами собою. Въ древнѣйшей русской исторіи это значеніе мировъ было, конечно, еще замѣтнѣе, чѣмъ въ послѣдствіи. Такимъ образомъ, дикая вира не была собственно установленіемъ или законодательною мѣрою, но образовалась сама собою, изъ внутренняго быта и характера мировъ.

Что касается до случаевъ, когда платилась дикая вира, то и ихъ г. Соловьевъ опредѣлилъ тоже несовсѣмъ правильно. По его мнѣнію, дикая вира платится цѣлымъ округомъ или вервью, когда убійство будетъ совершено надъ лицомъ, за котораго нѣтъ мстителя, а убійца скроется. Но Русская Правда говоритъ объ этомъ иначе. Въ ея краткихъ спискахъ, включенныхъ въ Новгородскія Лѣтописи древнѣйшаго состава, и не безъ основанія почитаемыхъ за древнѣйшія, статья о дикой вирѣ изложена такъ: «А иже убьютъ огнищанина въ разбои или убіица не ищуть (съищутъ) то вирное платити въ ней же вири голова начнеть лежати». Такимъ образомъ, первоначальная дикая вира взыскивалась въ такомъ только случаѣ, когда убитъ огнищанинъ разбоемъ, и убійца его не будетъ сыскань. Въ послѣдствіи положеніе это расширилось, какъ видно изъ

пространныхъ списковъ: дикую виру стали взимать не за одно убійство разбоемъ огнищанъ, но вообще за всякое такое убійство кого бы то ни было. Что послѣднее положеніе было позднѣйшимъ распространеніемъ перваго, очевидно изъ редакціи пространныхъ списковъ Русской Правды. Въ этихъ спискахъ назначеніе величины дикой виры за княжа мужа отнесено къ концу статьи и затѣмъ прибавлено, что за людина должно взыскивать по 40 гривенъ: приставка ясна. Независимо отъ того, не знаемъ, позднѣе или въ то же время, дикую виру стали, кажется, платить за всѣ убійства безъ различія, притомъ хотя бы убійца находился въ округѣ или въ миру и былъ извѣстенъ. Очень трудно объяснить, какъ это сдѣлалось, тѣмъ болѣе, что въ спискахъ, изъ которыхъ это видно, прямо сказано, что за разбойниковъ не платятъ виры, но выдаютъ ихъ на потокъ и разграбленіе; отмѣна ли мести за убійство уравняла разные его виды между собою установленіемъ денежнаго окупа за всѣ безъ различія, или мирамъ предоставлялось право заплатить виру за убійство или выдать разбойника—какъ бы то ни было, но, на основаніи «Русской Правды», несомнѣнно, что бывали случаи, когда округъ платилъ виру даже если преступникъ былъ налицо, и даже когда онъ убилъ кого-нибудь не разбоемъ, но явно, въ ссорѣ или на пиру. Одна статья «Русской Правды» подробно опредѣляетъ въ какой мѣрѣ участвуетъ въ уплатѣ дикой виры самъ преступникъ. Однако такая раскладка виры на округъ или миръ тоже не была, повидимому, общимъ правиломъ, потому что въ другой статьѣ Русской же Правды прямо сказано, что кто не участвуетъ въ уплатѣ дикой виры за того и люди не платятъ, а онъ платитъ самъ. Чѣмъ опредѣлялись эти исключенія: добровольно самимъ міряниномъ, жителемъ верви, или тѣмъ, что онъ принадлежалъ къ особливому отъ остальныхъ ея жителей званію и не былъ въ общинѣ — трудно сказать, по недостатку данныхъ. Наконецъ,

округъ освобождался отъ обязанности платить виру, когда убитый былъ совершенно неизвѣстенъ. Это положеніе, странное съ перваго взгляда, можетъ быть объяснено только историческимъ происхожденіемъ виръ. Въ началѣ онѣ были выкупомъ за убійство, замѣною мести. Поэтому не было положено виры за неизвѣстнаго человѣка, такъ какъ за него некому было мстить, а слѣдовательно и не откого было откупаться.

Таковы положенія Русской Правды о дикой вирѣ. Намъ кажется, что г. Соловьевъ недовольно подробно вникнулъ въ ихъ содержаніе; иначе онъ не увидалъ бы двухъ дикихъ виръ вмѣсто одной, и не сказалъ бы, что округъ не платилъ виры когда въ немъ находили кости, потому что кости свидѣтельствовали о давности преступленія. Эти и выше нами указанныя неправильныя объясненія дикой виры находятся въ тѣсной связи съ другимъ общимъ недостаткомъ изложенія нашего внутренняго быта по Русской Правдѣ: г. Соловьевъ нигдѣ не говоритъ о составленіи этого памятника. На стр. 209 читаемъ, что Ярославъ «любилъ церковные уставы, былъ знакомъ съ ними: неудивительно, что къ его времени относится и первый писанный уставъ гражданскій, такъ называемая «Русская Правда». На стр. 231 такое же мимоходное указаніе на Русскую Правду: «Если главное значеніе князя (говоритъ г. Соловьевъ) было значеніе судьи, разбирателя дѣлъ, исправителя кривдъ, то одною изъ главныхъ заботъ его былъ уставъ земскій, о которомъ онъ думалъ съ дружиною, старцами городскими, а послѣ принятія христіянства съ епископами—и вотъ Ярославу первому приписывается подобный писанный уставъ. подъ именемъ Русской Правды. Названіе Русской Правды получилъ этотъ уставъ, какъ видно (?), для отличія отъ уставовъ греческихъ, которые, по принятіи христіянства, имѣли такое сильное вліяніе на юридическій бытъ Руси». Затѣмъ авторъ отсылаетъ читателя къ изслѣдованіямъ Русской Прав-

ды г. Калачова (прим. 373) и въ цѣломъ первомъ томѣ «Исторіи Россіи» мы не встрѣчаемъ уже ни слова болѣе объ этомъ памятникѣ. Конечно, настоящая обработка Русской Правды весьма неудовлетворительна; но и ею г. Соловьевъ воспользовался далеко невполнѣ. Онъ безразлично ссылается на ея древніе и новые списки и позднѣйшія положенія вводитъ въ обозрѣніе нашего внутренняго быта до половины XI вѣка, тогда какъ изслѣдованія, если и не доказали окончательно, то по крайней мѣрѣ сдѣлали весьма вѣроятнымъ раздѣленіе Правды на три редакціи, изъ которой одна принадлежитъ времени Ярослава, другая—его сыновей, а третья относится къ эпохѣ еще позднѣйшей. Объ этомъ раздѣленіи г. Соловьевъ даже не упомянулъ. Въ первомъ томѣ «Исторіи Россіи» подробно говорится о наслѣдствѣ, опекѣ, о холопяхъ, о наймитахъ и другихъ предметахъ, которые опредѣлены одними пространствами, очевидно позднѣйшими редакціями Правды. Нѣкоторыя изъ этихъ статей изложены тоже неправильно. Такъ, напримѣръ, на стр. 237 и 238, г. Соловьевъ подробно, хотя и нѣсколько натянуто объясняетъ, почему наслѣдство не переходило въ боковыя линіи. По его мнѣнію, въ Русской Правдѣ здѣсь идетъ рѣчь о родичахъ, выдѣлившихся изъ рода. Но изъ чего жь это видно? Послѣ смерда, говоритъ г. Соловьевъ, имѣніе переходитъ къ князю, потому что князь замѣнилъ для смерда родоначальника. Но и это очень бездоказательно. Почему жь, спросимъ мы, наслѣдовалъ сынъ смерда, а не князь, если у смерда были сыновья? Какъ объяснить эту аномалію? Далѣе г. Соловьевъ думаетъ, что имѣніе дружинника (въ Русской Правдѣ говорится о боярахъ и дружинѣ; но, по нѣкоторымъ спискамъ, эта статья относится и къ людинамъ) переходило къ его дѣтямъ, сыновьямъ или дочерямъ, но не къ князю, потому что дружинникъ не принадлежалъ къ общинѣ, былъ вольный, временной слуга князя. У [illegible] этихъ объясненій

должно заключить, что г. Соловьевъ считаетъ положенія Русской Правды о наслѣдствѣ національными, туземными, вылившимися изъ положенія вещей въ данный періодъ времени. Не странно ли послѣ этого встрѣтить нѣсколько ниже, именно на стр. 260, слѣдующее замѣчаніе: «справедливо замѣчаютъ также, что статьи объ опекѣ и наслѣдствѣ, находящіяся въ Русской Правдѣ, большею частію заимствованы изъ греко-римскаго законодательства, перешедшаго въ наше мірское законодательство посредствомъ духовенства». Какъ это мнѣніе само-по себѣ ни справедливо, но оно рѣшительно противорѣчитъ сказанному выше.— О разныхъ княжескихъ слугахъ и судебныхъ чиновникахъ, приводившихъ въ исполненіе приговоръ, производившихъ слѣдствіе, взимавшихъ пошлины, сказано (стр. 239) слишкомъ мало, а нѣкоторые даже и вовсе не упомянуты, напримѣръ, «пасынки». Мы думаемъ, что этотъ предметъ заслуживалъ подробнаго разсмотрѣнія; для него же, притомъ, кое-какія предварительныя работы уже сдѣланы.

Излагая нравы и обычаи эпохи, г. Соловьевъ замѣчаетъ, между прочимъ (стр. 246), что «южные жители смѣялись надъ пристрастіемъ сѣверныхъ къ банямъ», и ссылается на извѣстный лѣтописный разсказъ о славянскихъ баняхъ. (Лавр. Лѣт. стр. 4). Мы, признаемся, не видимъ въ разсказѣ насмѣшки. Скорѣе можно открыть въ немъ желаніе представить себѣ удивленіе иностранца при видѣ нѣкоторыхъ нашихъ обычаевъ, ему дотолѣ совершенно неизвѣстныхъ, стать на его точку зрѣнія. Если въ разсказѣ и есть иронія, то иронія весьма добродушная надъ иностранцами, непонимавшими нашихъ обычаевъ, а вовсе не надъ сѣверными жителями и не надъ банями.

Вотъ что мы нашли нужнымъ сказать вообще и въ частности о новомъ сочиненіи г. Соловьева, составляющемъ начало предпринятаго имъ обширнаго историческаго труда. Еслибъ

мы захотѣли также подробно отмѣтить всѣ достоинства перваго тома «Исторіи Россіи», какъ обозначили его недостатки, наше обозрѣніе, и безъ того слишкомъ длинное, увеличилось бы въ объемѣ втрое или вчетверо. Позволяемъ себѣ думать, что это было бы совершенно безполезно. Мы знаемъ, что новая книга г. Соловьева читается много и со вниманіемъ. Всѣ ея хорошія стороны принесутъ свой плодъ и не замедлятъ отозваться въ нашей исторической литературѣ. Желать ей успѣха, расточать ей похвалы, было бы совершенно неумѣстно: ни г. Соловьевъ, ни его трудъ, въ этомъ нисколько не нуждаются. Задача добросовѣстной критики, при разборѣ такого значительнаго историческаго труда, состояла, какъ мы думаемъ, только въ спокойномъ, безпристрастномъ указаніи на недостатки, которые, при ученомъ авторитетѣ писателя, при всѣми признанномъ достоинствѣ его сочиненій, могутъ укоренить или ошибочныя, или, или по крайней мѣрѣ, неточныя понятія о предметѣ. Эту задачу мы и старались выполнить по мѣрѣ силъ, останавливаясь болѣе всего на недостаткахъ очевидныхъ, на положеніяхъ или явно ошибочныхъ, или по крайней мѣрѣ спорныхъ и недоказанныхъ, и устраняя всѣ требованія, которыхъ, при настоящихъ средствахъ науки, еще невозможно выполнить. Въ этомъ смыслѣ появившіеся доселѣ отзывы о первомъ томѣ «Исторіи Россіи» намъ показались отчасти слишкомъ строгими, отчасти недовольно спокойными и безпристрастными. Новый трудъ г. Соловьева, какъ бы мы ни стали судить его, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ и благодарности и благорасположенія. За подобное требованіе конечно, никто не упрекнетъ насъ въ пристрастіи къ г. Соловьеву, ни въ преувеличеніи его ученыхъ заслугъ: это самое меньшее, что можно объ немъ сказать, на что онъ пр[illegible] спор[illegible]

Въ заключеніе, отмѣтимъ нѣко[illegible]
попадающіяся въ разбираемой [illegible]

зано: «и прежде болѣе воинственные Древляне и Угличи обижали болѣе покойныхъ Полянъ». Въ ссылкѣ (примѣч. 171) приведено мѣсто изъ лѣтописи о томъ, что Поляне были обижаемы Древлянами «инѣми околними»: объ Угличахъ ни слова. На стр. 102 сказано, что Олегъ сажаетъ своего мужа въ Смоленскѣ «разумѣется не одного, а съ дружиною, достаточною для удержанія за собою владѣнія». Но въ лѣтописи (прим. 174) о дружинѣ не говорится ни слова. На стр. 125 авторъ говоритъ: «во времена лѣтописца показывали ея (В. К. Ольги) сани во Псковѣ, по Днѣпру и по Деснѣ перевѣсища или перевозы». Но перевѣсище не значитъ перевозъ. Перевѣсъ означаетъ или мѣсто, гдѣ охотились за птицами, или сѣть, которой ихъ ловили. Въ Русской Правдѣ читаемъ: «Аже кто подотнетъ вервь въ перевѣсѣ»—«Аже кто украдетъ въ чьемъ перевѣсѣ ястребъ или соколъ (въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: песъ). На стр. 24 читаемъ: «Первое общенародное вѣче мы видимъ въ Новгородѣ, когда князю Ярославу нужно было объявить гражданамъ о смерти Владиміра и поведеніи Святополка». Оборотъ неправиленъ и подаетъ поводъ думать, будто бы, по мнѣнію г. Соловьева, это вѣче было первое; авторъ, разумѣется, хотѣлъ сказать, что въ первый разъ упоминается такое вѣче. Стр. 261: «Духовенство... преслѣдовало преступленія, которыя унижаютъ человѣка, приравниваютъ его къ звѣрю», а въ выноскѣ (примѣч. 418) прибавлено: «такъ, напримѣръ, если онъ кусается». Въ подлинникѣ, изъ котораго взято это извѣстіе, именно въ Уставѣ Ярославовомъ, сказано: «аже мужа два бьеться, одинъ другаго укусить или одереть». Тутъ дѣло изложено полнѣе, и потому понятнѣе. На стр. 120, въ разсказѣ о мести Ольги, выраженіе лѣтописи: «лязите въ лодьи величающеся» переведено такъ: «разлягтесь тамъ (въ лодьѣ) съ важностью». Переводъ неудаченъ. Неудачны также слѣдующія мѣста: «Ярославъ не заслужилъ

такой **пріятной** памяти въ народѣ» (стр. 207). «Какъ женщина, Ольга была способнѣе ко внутреннему распорядку, хозяйственной дѣятельности; какъ женщина, она была способнѣе къ принятію христіянства» (стр. 125). Это фраза. «Когда рѣка раздѣляла враждебныя войска, и не одно изъ нихъ не хотѣло первое переправиться, то употреблялись поддразниванья» (стр. 225): какъ-будто былъ уставъ или обычай поддразнивать въ такихъ обстоятельствахъ; какъ-будто это не случайность, повторившаяся всего два раза въ 250 лѣтъ. Къ числу странныхъ положеній относится и то, будто бы есть для экзегезиса правило, и даже извѣстное, что «труднѣйшее чтеніе предпочитается легчайшему». Объ этомъ г. Соловьевъ говоритъ два раза, именно на стр. 90 и въ прим. 231. Такое правило развѣ на то только годится, чтобъ безъ нужды распложать комментаріи. Спора нѣтъ, не слѣдуетъ легкомысленно отвергать чтеніе, когда оно не вдругъ поддается толкованію; но поставить правиломъ изъ двухъ или многихъ чтеній непремѣнно выбирать самое непонятное — это, какъ хотите, крайности ученыхъ комментаторовъ, а не дѣло.

ОБЛАСТНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ РОССІИ ВЪ XVII-МЪ ВѢКѢ. *Соч. Б. Чичерина. Москва. 1856.*

Книга г. Чичерина служитъ самой утѣшительной повѣркой тому, какими быстрыми шагами подвигается у насъ впередъ изученіе нашего внутренняго быта и созрѣваетъ наше народное самосознаніе. Давно ли, кажется, весь интересъ ученыхъ изслѣдованій и преній по русской исторіи, сосредоточивался около вопросовъ внѣшней, политической исторіи, или по большей мѣрѣ простирался не далѣе критики источниковъ? Около половины минувшаго тридцатилѣтія наши древнія внутреннія

учрежденія и юридическіе обычаи стали сильно занимать умы; но какъ? Болѣе по сравненью съ внутреннимъ бытомъ другихъ европейскихъ народовъ и съ сильнымъ перевѣсомъ теоретическихъ взглядовъ надъ дѣйствительнымъ историческимъ изученіемъ. Всѣ живо еще помнятъ это время нашей исторической литературы, время броженія, иногда слишкомъ смѣлыхъ, иногда же черезчуръ робкихъ и очень часто неудачныхъ примѣненій готовыхъ историческихъ взглядовъ къ полуизвѣстнымъ фактамъ, время блужданія въ какомъ-то туманѣ, въ которомъ едва виднѣлись кой-какія твердыя руководительныя точки. И въ это время незрѣлыхъ начинаній, которыя еще такъ недавно вызывали противъ себя столько основательныхъ и неосновательныхъ возраженій, миновало. Изъ области полутеоретическихъ, полуисторическихъ мечтаній мы очевидно выходимъ въ область чистой исторической дѣятельности. Сравнительное обозрѣніе вызвало самостоятельный трудъ, придало высокій интересъ тому, что̀ ускользало отъ вниманія, потому что было къ намъ слишкомъ близко. Съ неотразимою послѣдовательностью мы проходимъ, въ нашей умственной жизни и развитіи народнаго сознанія, тотъ же самый путь, по которому, полтора вѣка назадъ, совершалось наше политическое развитіе: тогда вліяніе Европы вызвало къ жизни наши политическія силы и создало государство; теперь вліяніе европейской науки возбудило въ насъ самосознаніе и обратило къ серьёзному изученію самихъ себя.

Сочиненіе г. Чичерина невольно навело насъ на эти размышленія. Оно дышетъ тою трезвостью историческаго изученія, которая громко свидѣтельствуетъ о зрѣлости мысли. Это не апотеоза нашего прошедшаго, плохо-скрывающая отсутствіе критики основныхъ началъ; это не поверхностное, мимолетное обозрѣніе, подводящее историческія явленія подъ какое-то внѣшнее односторонно-примѣняемое мѣрило—нѣтъ, это исто-

рическое, ученое изслѣдованіе, передающее читателю предметъ во всей его подробности, со всѣми животрепещущими оттѣнками эпохи. Каждый, прочитавъ книгу, самъ можетъ судить, правъ ли г. Чичеринъ, или нѣтъ, потому что всѣ факты у него передъ глазами. Въ этомъ отношеніи добросовѣстность автора выше всякихъ похвалъ и служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, съ какимъ уваженіемъ онъ смотритъ на предметъ своего изслѣдованія. Книга г. Чичерина—единственный полный трудъ по этой части, такъ что невозможно отнынѣ говорить объ областныхъ учрежденіяхъ Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ, не изучивъ напередъ этого замѣчательнаго историческаго труда. Особенную цѣну придаетъ сочиненію г. Чичерина, кромѣ указанныхъ достоинствъ, еще и самый предметъ его изслѣдованія. Управленіе центральное и мѣстное состоитъ въ неразрывной связи со всѣми сторонами внутренней жизни государства и народа: уставъ сословный, части духовная, военная, гражданская, финансовая, полицейская, судопроизводство— словомъ, все имѣетъ отношеніе къ управленію и находится въ нѣкоторомъ смыслѣ подъ его вліяніемъ. Вслѣдствіе этого, говоря объ областныхъ учрежденіяхъ, г. Чичеринъ долженъ былъ коснуться всѣхъ сторонъ нашего внутренняго быта въ XVII-мъ вѣкѣ, что расширяетъ предметъ его сочиненія далеко за предѣлы, обозначаемые заглавіемъ.

Важность и необработанность предмета, а также новость многихъ результатовъ, выводимыхъ г. Чичеринымъ, налагаютъ на насъ обязанность дать возможно-полный отчетъ о его книгѣ. Мы постараемся исполнить это, придерживаясь какъ можно ближе къ подлиннику, большею частью собственными словами автора, въ убѣжденіи, что высокій интересъ изслѣдованія оправдаетъ обиліе выписокъ.

Первоначальный бытъ нашихъ Славянъ былъ патріархальный, основанный на естественныхъ, кровныхъ отношеніяхъ;

но, при столкновеніи съ чуждыми племенами, онъ сталъ клониться къ упадку; родовая связь рушилась, личность выступила на первый планъ съ своею частною волею и частными притязаніями, и вслѣдствіе этого сложился порядокъ вещей, основанный на господствѣ личности и ея частныхъ правъ.

Варяги и принесенное ими дружинное начало, противоположное родовому порядку дѣлъ, ускорили разложеніе послѣдняго. Князья стали къ русско-славянскимъ племенамъ въ отношеніи начальниковъ дружины къ жителямъ завоеванныхъ земель, получили право суда и право на взиманіе дани, и эти права оставляли за собою или уступали своимъ товарищамъ и членамъ дружины.

Частныя, личныя цѣли преобладали въ этомъ порядкѣ управленія. Судъ и дань разсматривались единственно какъ источники дохода и обогащенія дружинниковъ.

Когда князья усѣлись въ своихъ владѣніяхъ, стали вотчинниками, порядокъ управленія остался тотъ же. Доходы жаловались въ кормленье княжескимъ слугамъ, отдавались на откупъ, или сбирались хозяйственнымъ образомъ княжескими прикащиками или сотскими и старостами городскихъ общинъ и сельскихъ волостей; ибо община вотчинной Руси, лишенная собственнаго суда, имѣла одно призваніе: уплачивать подати и отправлять повинности въ пользу землевладѣльца.

Судъ, составлявшій единственную общественную потребность того времени, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, до какой степени частные, личные интересы господствовали исключительно.

Судъ въ удѣльный періодъ вотчинной Руси имѣлъ характеръ не общественной должности, а частной собственности. Въ этомъ значеніи онъ дѣлился между князьями, дробился между ними и между кормленщиками на участки, на года, передавался по частному праву въ кормленіе, не въ видѣ обществен-

ной должности, а въ видѣ жалованья, подарка, и служилъ источникомъ дохода. Такой порядокъ суда былъ неминуемымъ послѣдствіемъ господства частнаго права въ общественной жизни—а бытъ, основанный на частномъ правѣ, составляетъ одно изъ существенныхъ явленій въ исторіи человѣчества. Когда разрушается первоначальный общественный союзъ, основанный на кровныхъ началахъ, тогда временно пропадаетъ сознаніе объ обществѣ, какъ о единомъ, нераздѣльномъ цѣломъ; личности распадаются врознь и водворяется господство частнаго права, которое своими темными сторонами ведетъ къ установленію государственнаго порядка и составляетъ залогъ будущей его прочности.

Иной характеръ имѣлъ судъ и управленіе въ другой формѣ общественной жизни средневѣковой Руси — въ вольной общинѣ, какою является Новгородъ. Здѣсь судъ равно распространялся на всѣхъ безъ изъятія, «на боярина, на житьего и молодшаго человѣка», не дѣлился, не отчуждался, не отдавался въ кормленіе и на откупъ, а имѣлъ значеніе общественной должности. Устройство этой должности совершенно опредѣлялось характеромъ Новгородскаго быта. Договорная община не имѣетъ въ себѣ крѣпкихъ жизненныхъ началъ и прочныхъ учрежденій, какъ община, основанная на естественныхъ, родовыхъ отношеніяхъ, или какъ община, проникнутая началомъ государственнымъ. Тамъ, гдѣ въ основаніи всего общественнаго устройства лежитъ личная воля и согласіе каждаго, неминуемы раздоры, борьба партій, господство силы. Поэтому договорная община, не будучи въ состояніи управляться сама собою, иногда призываетъ себѣ посредника извнѣ; но самое подчиненіе этому посреднику, основанное опять же на договорѣ и согласіи каждаго гражданина, не имѣетъ обязательной силы для всѣхъ; при всякомъ случаѣ можетъ быть воззваніе къ самимъ гражданамъ и, вслѣдствіе того, новые раздоры,

новыя кровопролитія. Таковъ былъ характеръ суда въ Новгородѣ. Верховнымъ судьею былъ призванный извнѣ посредникъ—князь, котораго власть всякій разъ утверждалась договоромъ. Но каждый гражданинъ, по каждому частному иску, могъ созывать народное вѣче и предлагать ему свое дѣло на рѣшеніе. Если на вѣчѣ было согласіе, то оно само тотчасъ исполняло свой приговоръ; если же согласія не было, происходила драка, и дѣло рѣшалось силою. Притомъ, такъ какъ вѣче было не собраніемъ, созываемымъ въ установленныхъ законныхъ формахъ, а случайною сходкою гражданъ, то могло быть въ одно время нѣсколько разныхъ вѣчъ; обиженный созывалъ одно, обвиненный — другое, и споръ опять рѣшался кровопролитіемъ. Преступленія не могли быть разсматриваемы здѣсь какъ доходныя дѣйствія, изъ которыхъ судья извлекалъ прибытокъ; преступникъ нарушалъ общественный миръ и за это подвергался изверженію изъ общиннаго союза: имущество его предавалось разграбленію, а самъ онъ выдавался князю на потокъ или изгнаніе. Но иногда само вѣче, схвативъ преступниковъ, бросало ихъ въ Волховъ — чистая форма мести. Въ гражданскихъ дѣлахъ, напротивъ, судъ имѣлъ характеръ чисто-посредническій. Судьи, избираемые своими тяжущимися, ясно указываютъ на третейскій судъ.

Частное право, лежавшее въ основаніи средневѣковаго быта вотчинной Руси, не могло основать прочныхъ общественныхъ учрежденій. Возникши изъ развитія личности, созданный имъ бытъ разрушается анархическимъ дѣйствіемъ собственныхъ началъ и ведетъ къ необходимости новыхъ формъ, основанныхъ на противоположномъ началѣ — на началѣ общественномъ.

Эта новая форма общественной жизни—государство. Строители его, московскіе государи, начали водворять государственное начало, постепенно прекращая слишкомъ большое об-

особленіе личностей и образуя союзы, которые могли бы служить орудіями государственной власти. Они не разрушали и не передѣлывали на новый ладъ элементовъ средневѣковой жизни, но только укрѣпили ихъ, заставивъ подчиниться общественной власти. Бояре и слуги обязаны были службою и стали писаться холопами; крестьяне и городскіе жители были укрѣплены къ своимъ жилищамъ; каждый долженъ былъ служить государству, тянуть тягло на своемъ мѣстѣ. Такимъ образомъ на всѣ сословія возложены были общія для каждаго изъ нихъ обязанности, которыя дали имъ сословное единство, и изъ собранія лицъ превратили ихъ въ государственные союзы. Такимъ образомъ все должно было служить государственнымъ цѣлямъ, и учрежденія того времени составляютъ обширную систему повинностей, которая господствовала до самыхъ временъ Екатерины II-й.

Эти же начала выразились и въ развитіи областнаго управленія. Кормленія были несовмѣстны съ государственнымъ порядкомъ, потому что общество не можетъ отчуждать свои права въ частныя руки. Поэтому московскіе государи всячески старались ограничить власть намѣстниковъ и волостелей, передавали права ихъ другимъ органамъ управленія и наконецъ совершенно уничтожили систему кормленій.

Важнѣйшимъ ограниченіемъ власти намѣстниковъ и волостелей было введеніе въ судъ старостъ и цѣловальниковъ, учрежденныхъ при Иванѣ Грозномъ вмѣсто добрыхъ людей, которые были не что иное, какъ свидѣтели при судѣ и, кажется, не были выборные. Но въ царствованіе же Грознаго старосты и цѣловальники получили большое значеніе. Послуживъ сначала, подобно добрымъ людямъ, обезпеченіемъ противъ намѣстниковъ и волостелей, они потомъ, мало-по-малу, сосредоточили въ своихъ рукахъ судебно-полицейскую отрасль суда, самое право суда гражданскаго и уголовнаго и наконецъ вся-

кіе сборы: таможенные, кабацкіе, съ рыбныхъ ловель и т. п. Такимъ образомъ общинное начало получило значительное участіе въ земскомъ управленіи, что было явленіемъ новымъ, созданіемъ московскихъ царей. Сознавая новыя потребности, стремясь къ водворенію общественнаго порядка, государство нуждалось въ органахъ управленія. Намѣстники и волостели не могли быть для него орудіями; собственною дѣятельностью государство также не могло удовлетворить общественнымъ потребностямъ, потому что у него было еще слишкомъ мало матеріальныхъ средствъ; государственный организмъ, созидаясь мало-по-малу, былъ еще въ такомъ хаотическомъ состояніи, при которомъ правильная дѣятельность и контроль были невозможны. Оставалось одно: искать обезпеченія въ отвѣтственности частныхъ лицъ и общинъ, возложивъ на нихъ всѣ обязанности общественнаго управленія. Этотъ порядокъ породилъ систему поручительства и выборное начало. Такимъ образомъ дѣятельность общинъ была вызвана государственнымъ началомъ не какъ право самостоятельнаго управленія внутренними дѣлами общины, а какъ общественная повинность для удовлетворенія государственныхъ потребностей. Когда же государство мало-по-малу окрѣпло въ самомъ себѣ, средства его умножились и учрежденія его начали развиваться въ стройное цѣлое, система повинностей стала замѣняться собственною дѣятельностью государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ элементъ общинный былъ постепенно вытѣсненъ элементомъ приказнымъ. Для распоряженій со стороны государства необходимы были особливые органы управленія—дьяки и городовые прикащики, которые завѣдывали государственными дѣлами — распорядительными, помѣстными, финансовыми, даже отчасти судебными.

Эти три элемента областнаго управленія — кормленщики, общины и приказные люди — существовали рядомъ и находились другъ къ другу въ различныхъ отношеніяхъ. Въ иныхъ

мѣстахъ судъ предоставленъ былъ кормленщикамъ, въ другихъ мѣстахъ ихъ вовсе не было; нѣкоторыя общины имѣли полное право суда и управленія, въ другихъ выборные люди состояли подъ распоряженіемъ приказныхъ людей. Съ бо́льшимъ развитіемъ государственнаго начала эти правительственные органы оказались недостаточными: кормленія вовсе были несогласны съ новымъ порядкомъ вещей; общинное управленіе слишкомъ разрознено было и слишкомъ мало подлежало вліянію центральной власти; приказные люди, лишенные военной власти, не имѣли достаточныхъ средствъ для управленія. Явилась потребность такой власти, которая, вооруженная достаточною силою и сосредоточивая въ себѣ все высшее управленіе земскими дѣлами, была бы представителемъ правительства въ областяхъ. Такою властью были воеводы. Сначала они назначались въ города только на время войны; но въ смутное время, въ началѣ XVII-го вѣка, когда войны и мятежи распространялись по всей землѣ и всюду необходимо было присутствіе военной силы, воеводы появились почти во всѣхъ городахъ и, со временъ Михаила Ѳедоровича, составили общее учрежденіе для всей Россіи. Съ этимъ вмѣстѣ другіе органы управленія должны были измѣниться. Приказные люди превратились въ товарищей воеводъ, или въ ихъ подчиненныхъ; только тамъ, гдѣ не было воеводъ, они продолжали самостоятельно управлять земскими дѣлами. Намѣстники и волостели, мало-по-малу вытѣсняемые воеводами, наконецъ совершенно изчезли, и со временъ Михаила Ѳедоровича болѣе не встрѣчаются. Судебная власть ихъ перешла къ воеводамъ, но ужь совершенно въ другомъ видѣ: воевода не сбиралъ кормовъ съ подсудныхъ ему жителей, не взыскивалъ виръ, не извлекалъ дохода изъ суда и преступныхъ дѣйствій, не управлялъ посредствомъ своихъ слугъ и холоповъ, подлежалъ отчетности и отвѣтственности. Намѣстникъ завѣдывалъ дѣлами на [illegible] а — [illegible]

Намѣстникъ былъ кормленщикъ, воевода—правитель. Общинное начало также было стѣснено воеводами. Судъ выборныхъ старостъ ограничивался слишкомъ тѣсными предѣлами и не могъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ. Ѣздить въ Москву по всякому дѣлу, возникавшему между жителями различныхъ общинъ или округовъ, было неудобно: нуженъ былъ областной судья, и судъ отъ выборныхъ общины перешелъ къ воеводамъ, которые притомъ имѣли ужь судебную власть, переданную имъ отъ намѣстниковъ. Послѣ 1613 года цѣловальники были отмѣнены, и воеводы стали судить одни. Въ слѣдующій періодъ, въ вѣдомство воеводъ перешли губныя дѣла. Такимъ образомъ, съ развитіемъ государства, дѣятельность общинъ стѣснялась и уступала мѣсто дѣятельности правительственной. Со всѣмъ тѣмъ, въ періодъ времени отъ Михаила Ѳедоровича до Петра Великаго выборные отъ общинъ имѣли еще значительное участіе въ земскихъ дѣламъ, такъ что съ уничтоженіемъ кормленій оставались два элемента, общинный и правительственный, которые раздѣляли между собою областное управленіе. Выборное начало существовало для тѣхъ дѣлъ, которыя возлагались на общины какъ повинность; правительственное начало или приказное для тѣхъ, которыя завѣдывались собственною дѣятельностью государства.

Таково происхожденіе и значеніе началъ, лежавшихъ въ основаніи нашего областнаго управленія въ XVII-мъ вѣкѣ. Областныя учрежденія были организованы соотвѣтственно съ этими началами.

На первомъ планѣ стоятъ въ это время воеводы и воеводское управленіе. Воеводы съ товарищами завѣдывали одними и тѣми же дѣлами. Но какъ воеводы были большею частью безграмотны и не умѣли считать, то письмоводство и счетоводство всегда зависѣли отъ дьяковъ и подъячихъ, и на нихъ лежала отвѣтственность въ приходѣ и расходѣ денежной казны

и всякихъ запасовъ. Такимъ образомъ, кромѣ нѣкоторыхъ дѣлъ, не было ни юридическаго опредѣленія отношеній, ни точнаго разграниченія вѣдомствъ; все рѣшалось частными и временными потребностями и личными отношеніями правителей; если они не могли ужиться, ихъ смѣняли или наказывали; понятія о различіи коллегіяльной формы управленія и и бюрократической въ Московскомъ государствѣ еще не было: оттого въ однихъ и тѣхъ же дѣлахъ управленіе поручалось одному лицу, если дѣлъ было мало, а если ихъ было много, ему давались помощники или товарищи.

Что касается предметовъ вѣдомства воеводъ, то кругъ ихъ былъ весьма обширенъ и обнималъ почти всѣ дѣла мѣстнаго управленія: дѣла иностранныя, военныя, разрядныя, помѣстныя, судныя, полицейскія, финансовыя и даже нѣкоторыя дѣла по духовному управленію. Впрочемъ, замѣтить должно, что многимъ воеводамъ предоставлялись только дѣла судебныя и полицейскія; иностранныя завѣдывались только пограничными воеводами; финансовыя предоставлялись иногда другимъ лицамъ; военныя существовали только тамъ, гдѣ были укрѣпленія и войско.

Власть воеводъ была весьма различна; каждый предметъ ихъ вѣдомства опредѣлялся разнообразными постановленіями; не было почти ни одного общаго правила, которое бы не подвергалось многочисленнымъ исключеніямъ. Все опредѣлялось частными, часто-случайными обстоятельствами, измѣнявшими даже власть воеводъ одного и того же города. Каждый наказъ опредѣлялъ, и то несовсѣмъ точнымъ образомъ, власть отдѣльныхъ воеводъ для каждаго рода дѣлъ, и это рѣшалось всегда временными удобствами, безъ общихъ плановъ и соображеній, безъ всякаго сравненія съ другими городами.

Къ этому разнообразію власти присоединялась ея неопредѣленность. Воеводѣ давался наказъ; но ему дозволялось отсту-

пать отъ него, если онъ оказывался неудобнымъ; ему предписывалось поступать «какъ пригоже, по своему разсмотрѣнію и крайнему разумѣнію, какъ Богъ вразумитъ», и предоставлялось принимать всѣ мѣры, которыя могли вести къ приращенію казны. Поэтому воеводы пользовались такими правами, которыя въ развитомъ государствѣ могутъ принадлежать только центральной власти: они вводили новые откупа, установляли новые способы управленія. Только въ производствѣ расходовъ воеводы всегда подвергались строгимъ ограниченіямъ. Самыя сношенія съ центральною властью были часто чрезвычайно неопредѣленны: воеводамъ предписывалось вообще «писать обо всемъ почасту», или писать «о великихъ дѣлахъ», или «о дѣлахъ, которыхъ зачѣмъ, вершить будетъ немочно», безъ означенія самыхъ дѣлъ. Съ другой стороны, тѣ дѣла, которыя собственно принадлежали вѣдомству областныхъ правителей, нерѣдко производились въ центральныхъ учрежденіяхъ. Вообще, не было точнаго понятія о различіи центральной власти отъ областной; вѣдомства ихъ смѣшивались, вслѣдствіе чего тѣ приказы, которыѐ были центральными учрежденіями для всей Россіи, были вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстными учрежденіями для Москвы. Притомъ же и самое подчиненіе областныхъ правителей московскимъ приказамъ было чрезвычайно запутано.

Въ дѣлопроизводствѣ не было ни закономъ установленнаго порядка, ни общихъ письменныхъ формъ для бумагъ и отчетовъ, ни постоянныхъ сроковъ для производства дѣлъ и переписки съ высшими властями. Все опредѣлялось обычаемъ и удобствомъ; немного было законныхъ постановленій, да и тѣ опредѣляли не общій порядокъ, а частные случаи, въ особенности, гдѣ дѣл касалось до казеннаго интереса. Большая противъ прежняго сложность управленія, и потребность контроля дѣлали необходимымъ большее и большее введеніе письменности въ дѣлопроизводство; но государство, дѣйствуя отрывочно и частными

мѣрами, не сознавая еще общихъ административныхъ правилъ, не могло ввести систематическаго порядка и искать въ неизмѣнныхъ формахъ облегченія надзора и обезпеченія въ исполненіи законовъ. Только въ концѣ XVII-го вѣка начали принимать нѣкоторыя мѣры для введенія бо́льшаго порядка въ дѣлопроизводство, но все это было отрывочно, и только при Петрѣ Великомъ установлена была правильная система.

Хотя отчетность наиболѣе обращала на себя вниманіе правительства, потому что здѣсь преобладалъ казенный интересъ, но и въ ней господствовали тотъ же безпорядокъ, какъ и вездѣ, то же разнообразіе требованій, тѣ же частныя предписанія; кромѣ того, отчетность имѣла почти исключительно финансовую цѣль; о прочихъ дѣлахъ не было постояннаго ежегоднаго отчета, но воеводы дѣлали свои донесенія въ формѣ частныхъ отписокъ, для которыхъ не было назначено сроковъ. Вслѣдствіе этого они о многихъ дѣлахъ могли даже вовсе не писать, и контроль былъ невозможенъ, потому что не было записныхъ книгъ, не было формъ, стѣсняющихъ произволъ. Самые отчеты не всегда присылались исправно.

Понятно, что при такомъ порядкѣ возможны были злоупотребленія всякаго рода. Для предупрежденія ихъ правительство прибѣгало къ различнымъ средствамъ, ограничивая права воеводъ и тѣмъ уменьшая возможность произвольныхъ поступковъ. Тѣмъ неменѣе отсутствіе правильнаго разграниченія вѣдомствъ давало имъ слишкомъ много простора, а запутанность управленія, великость предотавленной имъ власти, недостатокъ юридическихъ формъ и строгаго контроля со стороны центральнаго правительства, открывали имъ возможность наживаться и всячески притѣснять жителей управляемой области, такъ что многіе жалѣли о прежнемъ времени, когда не было воеводъ, а управляли губные старосты и земскіе люди судились собственнымъ судомъ. Дѣйствительно, введеніе воеводъ совер-

шенно измѣнило систему, установленную Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. При этой системѣ дьяки, находившіеся въ большихъ городахъ, не имѣя въ рукахъ военной силы, далеко не имѣли и той власти, какою пользовались воеводы; губные старосты, завѣдывавшіе всѣми дѣлами, были выборные, и земское начало играло значительную роль въ управленіи. Съ повсемѣстнымъ введеніемъ воеводъ, все это измѣнилось: правительственный элементъ получилъ въ областномъ правленіи такую силу, передъ которой земскія власти должны были изчезнуть; дѣятельность послѣднихъ мало-по-мало переходила къ первымъ, а неправильное разграниченіе властей еще болѣе способствовало вмѣшательству воеводъ во всѣ возможныя дѣла. А между тѣмъ введеніе воеводъ было важнымъ шагомъ впередъ въ системѣ областныхъ учрежденій. Вмѣсто управленія разрозненнаго, разсѣяннаго по множеству разнородныхъ центровъ, вводится управленіе единое, государственное, каждый уѣздъ собирается въ одно цѣлое, и каждый центръ управленія становится въ извѣстное отношеніе подчиненія центральной власти. Государство находитъ себѣ, наконецъ, приличныхъ органовъ въ областяхъ, и образовательная его дѣятельность становится возможною.

Что касается воеводъ приписныхъ городовъ, то какъ власть ихъ, такъ и отношенія къ главнымъ воеводамъ и къ московскимъ приказамъ были чрезвычайно неопредѣленны и разнообразны. Казалось бы, воеводы главныхъ городовъ должны были быть посредствующими членами между пригородами и центральною властію, но на дѣлѣ было не такъ. Въ Московскомъ государствѣ не было понятія о систематическомъ устройствѣ управленія, о точномъ разграниченіи властей и объ установленіи правильныхъ отношеній между правительственными мѣстами и лицами. Поэтому всѣ эти отношенія перепутывались: подчиненные воеводы непосредственно относились къ высшей

власти; царскія грамоты посылались то къ тѣмъ, то къ другимъ, и во всемъ этомъ не было никакого правила, никакого порядка; все опредѣлялось случаемъ, удобствомъ или произволомъ. Съ другой стороны, воеводы приписныхъ городовъ, будучи назначены самимъ государемъ и управляя отдѣльнымъ уѣздомъ, были совершенно самостоятельными правителями, которые только въ распоряженіяхъ, превышавшихъ власть ихъ, требовали разрѣшенія высшихъ начальниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣла приписныхъ округовъ завѣдывались иногда непосредственно главными воеводами, что̀ совершенно уничтожало самостоятельность подчиненныхъ. Къ этому присоединилась неопредѣленность подчиненія: наказы и грамоты опредѣляли только отдѣльные случаи зависимости, которые почему либо бросались въ глаза; остальное же предоставлялось усмотрѣнію самихъ воеводъ. Оттого зависимость была и отрывочна, и разнообразна: воевода, который, по извѣстному роду дѣлъ, былъ гораздо болѣе ограниченъ въ своихъ правахъ, нежели другіе, въ другихъ дѣлахъ имѣлъ, напротивъ, гораздо бо̀льшую власть. Общихъ соображеній, общей системы не было; и если приписаніе малыхъ городовъ къ бо̀льшимъ было шагомъ къ правильному устройству областнаго управленія, то, съ другой стороны, этою мѣрою установлялись новыя отношенія, въ которыхъ господствовали тотъ же безпорядокъ и та же неопредѣленность, какъ и въ цѣломъ, такъ что управленіе дѣлалось чрезъ это сложнѣе и запутаннѣе.

Въ зависимости отъ воеводъ находились различныя должности, раздѣлявшіяся на приказныя и выборныя. Это различіе основано было на различіи сословій и ихъ служебныхъ обязанностей. Средневѣковыя сословія, основанныя на частномъ правѣ, не составляли союзовъ, которыхъ члены имѣли бы одинакія права; союзный духъ не былъ въ характерѣ русскаго народа, и вмѣсто правъ, принадлежащихъ вмѣстѣ цѣлому раз-

ряду лицъ, исторически выработались права, принадлежавшія каждому отдѣльному лицу въ его родственной сферѣ. Единство, какъ сказано выше, придали сословіямъ московскіе государи, наложивъ на нихъ обязанности въ пользу государства. Въ этомъ отношеніи служилое сословіе рѣзко отдѣлилось отъ прочихъ; каждый членъ его обязанъ былъ всю жизнь свою служить отечеству и всегда долженъ былъ находиться въ готовности идти на службу по первому востребованію; за это онъ получалъ отъ царя денежное и хлѣбное жалованье и помѣстья. Если такимъ образомъ каждый изъ нихъ обязанъ былъ всегда нести службы, то опредѣленіе къ должности зависѣло уже отъ усмотрѣнія правительства: почему служба служилыхъ людей преимущественно была приказная. Напротивъ, сословія торговое и крестьянское были тяглыя, обязанныя не только службою, но и въ особенности податьми и повинностями. Служба составляла только часть ихъ обязанностей, вслѣдствіе чего они не несли ея постоянно, а отправляли поочереди, на основаніи извѣстныхъ правилъ, которыя могли видоизмѣняться до безконечности. Рѣшеніе вопроса: кто долженъ былъ служить и кто оставался свободнымъ отъ службы, предоставлено было имъ самимъ, вслѣдствіе чего служба ихъ была выборная. Такимъ образомъ различіе выборной службы отъ приказной основывалось не на правахъ выбирающихъ лицъ, а на различіи служебныхъ обязанностей сословій. Впрочемъ, такъ какъ въ Московскомъ государствѣ не было точныхъ юридическихъ опредѣленій, то нерѣдко приказныя должности смѣшивались съ выборными; въ однѣ и тѣ же должности назначались то приказные люди, то выборные; несмотря на то, что въ томъ и другомъ случаѣ отвѣтственность была совершенно различная.

Къ числу приказныхъ должностей, зависѣвшихъ отъ воеводъ, относились письменные головы, городовые прикащики и городничіе, осадные головы, засѣчные головы и прикащики,

стрѣлецкіе, казачьи, пушкарскіе, объѣзжіе и житничіе головы, ямскіе, становые и слабодскіе прикащики, слободчики, острожные прикащики и прикащики при соленыхъ озерахъ. Большая часть изчисленныхъ должностей были только временными порученіями, которыя давались по усмотрѣнію тѣмъ или другимъ лицамъ; другія, будучи постоянными, были только мѣстными учрежденіями, установленными безъ всякаго систематическаго порядка и безъ всякаго соображенія съ цѣлымъ. Поэтому всѣ эти должности отрывочны и не вяжутся между собою; поэтому также, съ одной стороны, одно и то же дѣло находилось въ вѣдомствѣ разныхъ лицъ, съ другой стороны, самыя разнородныя дѣла соединялись въ однѣхъ рукахъ. Не было понятія о систематическомъ раздѣленіи должностей по поручаемымъ дѣламъ; минутная потребность опредѣляла кругъ дѣятельности извѣстнаго лица, и въ этотъ кругъ могли входить предметы, неимѣющіе никакой связи между собою. Самый порядокъ назначенія и подчиненія не былъ строго опредѣленъ; воеводы были центромъ областнаго управленія, но имъ подчинялись лица назначаемыя прямо изъ Москвы, и болѣе или менѣе отъ нихъ независимыя. Это еще болѣе осложняло и безъ того запутанное управленіе и ослабляло власть воеводъ совершенно случайнымъ и безпорядочнымъ образомъ. Указъ 1679 года, которымъ упразднены эти должности, былъ поэтому важнымъ шагомъ впередъ. Вообще, государство не развилось еще въ стройное тѣло; должности не составляли еще іерархическаго, систематически устроеннаго организма, по которому двигались бы должностныя лица; все опредѣлялось частною, временною потребностью, которая не возводилась къ общему сознанію. Къ этому присоединялся и самый характеръ государственной службы: служащіе были не должностныя лица, а люди, обязанные служить [illegible] ник[illegible] дѣленной должности. Каждый слу[illegible]

мать всякое мѣсто; не было различія между военными и гражданскими должностями, не было законныхъ правилъ для порядка службы, или же единственными правилами были законы мѣстничества, которые опредѣлялись не государственными потребностями, а частными правами. Каждый обязанъ былъ служить и всегда находился въ распоряженіи воеводы, который, по усмотрѣнію, давалъ ему то или другое порученіе, опредѣлялъ его къ той или другой должности, по исправленіи которой онъ возвращался въ прежнее состояніе. Это неминуемо должно было сообщать временный характеръ должностямъ. Всѣ равно несли обязанности: поэтому и тяжесть должна была падать равно на всѣхъ, и тяжелыя должности должны были исправляться поочередно то тѣми, то другими. Съ другой стороны, и доходныя должности должны были переходить изъ рукъ въ руки, потому что каждый ждалъ своей очереди. Потому отчасти и самыя воеводскія должности давались на такіе короткіе сроки. Наконецъ, ко всему этому присоединялось и то, что каждый человѣкъ, будучи вмѣстѣ военнымъ, могъ быть ежеминутно оторванъ отъ должности по требованію царской службы. Все это сообщало должностямъ временной характеръ, который онѣ сохранили во все продолженіе XVII го вѣка. Только Петръ Великій устроилъ общую служебную обязанность сообразно съ потребностями государства, опредѣливъ каждаго служащаго къ извѣстной должности и установивъ правила служебнаго порядка, что̀ сдѣлало возможною и систиматическую организацію должностей

То же самое было въ выборныхъ или вѣрныхъ должностяхъ: служба выборныхъ была очередная, почему и должности поручались имъ временныя; а если дѣло требовало постояннаго исправленія, то должностныя лица мѣнялись ежегодно.

Служебныя выборныя, или «вѣрныя» обязанности падали на посадскихъ людей, на уѣздныхъ крестьянъ и на служилыхъ

людей, которые занимались торговыми промыслыми, и потому уравнивались съ посадскими. Послѣдпіе несли вѣрную службу преимущественно предъ прочими, потому что къ этому обязывало ихъ самое сословное ихъ значеніе. Такъ они служили городовыя службы и отъѣзжія; послѣднія были гораздо тяжеле другихъ и могли быть возлагаемы только на зажиточныхъ людей; они же избирались въ головы, которыхъ служба тоже считалась болѣе тяжелою; наконецъ, имъ же поручались всѣ торговыя дѣла, напримѣръ, продажа царскихъ товаровъ, покупка хлѣба и проч. Крестьяне же выбирались только въ мѣстныя службы и въ цѣловальники, а не въ головы.

Внутри каждой общины и каждой корпораціи служебныя очереди опредѣлялись самими членами, слѣдовательно уравненіе производилось не закономъ, а мѣстными и временными постановленіями; законъ же даже нарушалъ ихъ иногда, требуя, чтобъ выбраны были люди годные къ государеву дѣлу, несмотря на очереди. Но между отдѣльными общинами уравненія не было никакого; не было законныхъ правилъ, опредѣляющихъ какую службу должно нести каждое лице; все зависѣло отъ количества лицъ, несущихъ служебную обязанность въ извѣстной мѣстности, или въ извѣстной корпораціи, отъ ихъ имущества и отъ числа требуемыхъ выборныхъ. Въ интересахъ каждаго сословнаго союза было, чтобъ служебныя обязанности распредѣлялись на возможно большее число лицъ; поэтому московскіе гости и торговые люди гостиной и суконной сотенъ часто просили о пополненіи числа ихъ изъ другихъ сотенъ и слободъ. Но, съ другой стороны, и черныя сотни и с[illegible] луясь на бѣдность и на тяжесть службы, проси[illegible] о[illegible] лѣлъ брать у нихъ торговыхъ люд[illegible] сотни. Это было столкновеніе про[illegible] въ которомъ каждое сословіе хотѣ[illegible]

счетъ другихъ. Хотя приписаніе къ высшему разряду доставляло бóльшую почесть, но вмѣстѣ съ тѣмъ и служба была тяжеле, такъ что нерѣдко торговые люди избѣгали этого и укрывались, какъ римскіе куріалы, отъ почетныхъ должностей. Для соглашенія этихъ интересовъ и для уравненія службъ сословныхъ разрядовъ наряжались иногда особенныя коммиссіи; но, разумѣется, такое уравненіе, возможно было только между жителями одного и того же города; разные же города должны были остаться при неравенствѣ служебныхъ обязанностей.

Головъ и цѣловальниковъ всегда предписывалось выбирать изъ лучшихъ и среднихъ статей; худшіе же люди, т. е. самые бѣдные, не могли нести службы, потому что не были въ состояніи содержать себя безъ промысловъ. Нѣкоторыя должности бывали, впрочемъ, такого рода, что цѣловальники могли извлечь изъ нихъ выгоды; но этимъ пользовались богатые люди, чтобъ удержать эти должности за собою, такъ что иногда онѣ принимали даже характеръ наслѣдственности; обыкновенно же тяжесть службы заставляла каждаго избѣгать ее по возможности, и бѣдные люди жаловались иногда на то, что они неправильно выбраны.

Для уменьшенія тяжести, выборные получали иногда подмогу отъ избирателей; но это отнюдь не было общимъ правиломъ, и обыкновенно очередная служба считалась такою обязанностью, при которой слѣдовало нести и всѣ издержки. Иногда выборные получали подмогу единственно на казенные расходы, которые иначе пали бы на самихъ цѣловальниковъ. Такъ какъ отчужденіе отъ торговъ и промысловъ безъ всякаго вознагражденія было чрезвычайно обременительно для жителей, то они предпочитали иногда нанимать цѣловальниковъ по добровольному соглашенію. Въ такомъ случаѣ дѣлалась съ нанимаемымъ лицомъ рядная запись, и цѣловальникъ получалъ наемныя деньги.

Въ головы и цѣловальники нужно было избирать богатыхъ людей и для того еще, чтобъ, въ случаѣ убытка, причиненнаго казнѣ ихъ умысломъ или оплошностью, они могли всегда отвѣчать своимъ имуществомъ. Впрочемъ, если имущество ихъ оказывалось недостаточнымъ, то убытокъ взыскивался съ избирателей. Это было обязательное поручительство, въ которомъ государство искало обезпеченія противъ потерь и которое дѣлало служебную обязанность вдвойнѣ тяжелою.

Служба головъ и цѣловальниковъ называлась вѣрною, потому что выборные приводились къ присягѣ, или къ вѣрѣ, по тогдашнему выраженію. Выборы производились по требованію воеводъ; всякій разъ, какъ нужны были головы и цѣловальники, воевода предписывалъ сдѣлать выборъ, смотрѣлъ, чтобъ выбраны были люди достойные и надежные, получалъ выборные списки, приводилъ выборныхъ къ присягѣ, а иногда давалъ имъ наказы. Бóльшею частью выборы производились всѣми жителями, но иногда выбирали земскіе старосты съ цѣловальниками, иногда же воеводы сами назначали людей, «кого въ такое дѣло станетъ», въ особенности, если дѣло требовало довѣрія. Такимъ образомъ, выборная служба смѣшивалась съ приказною.

Число требуемыхъ цѣловальниковъ иногда означалось въ царскихъ грамотахъ, большею частью неопредѣленнымъ образомъ; но обыкновенно воеводѣ предписывалось велѣть выбрать «сколько человѣкъ пригоже».

Время выборовъ также не опредѣлялось; въ постоянныя должности головы и цѣловальники выбирались обыкновенно предъ началомъ новаго года, т. е. 1-го сентября; но всякій разъ, какъ являлось новое требованіе, предписывалось произвести новые выборы.

Если цѣловальникъ оказывался н ъ, воевода смѣнялъ его и требовалъ новаго. По я

обширное поле для злоупотребленій: воевода могъ всячески притѣснять жителей, потому что въ этомъ отношеніи власть его была довольно неопредѣленна, и онъ никому не давалъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Жителямъ оставалось только жаловаться на притѣсненія.

Трудно изчислить должности, въ которыя выбирались головы и цѣловальники; вообще имъ поручались всѣ дѣла, гдѣ нужна была какая нибудь счетность, но, кромѣ того, и множество другихъ. Иногда къ извѣстному дѣлу назначались головы съ цѣловальниками, иногда одни цѣловальники, иногда цѣловальники ставились подъ начальство приказныхъ людей. Одну и ту же подать, напримѣръ, ясакъ или выдѣльный хлѣбъ, сбирали, по усмотрѣнію воеводы или по царскому распоряженію, то выборные сборщики, то приказные люди. Иногда воеводѣ просто предписывалось послать для сбора, «кого пригоже». Здѣсь имѣлись въ виду только частныя соображенія, удобство, довѣріе и т. п.; общія же соображенія, какъ-то: служебныя обязанности сословій, совершенно различная отвѣтственность тѣхъ и другихъ, не принимались даже въ разсчетъ. Изъ пошлинъ, сбору головъ и цѣловальниковъ подлежали главнымъ образомъ таможенныя и кабацкія. Для сбора десятинной пошлины посылались обыкновенно цѣловальники, для надзора за добываніемъ соли — служилые люди съ цѣловальниками, для сбора пошлинъ и оброковъ съ рыбныхъ ловель—то служилые люди, то цѣловальники, для сбора пролубнаго—цѣловальники, для сбора пошлинъ съ мытовъ и перевозовъ—служилые люди съ цѣловальниками, или одни цѣловальники. Казенное добываніе соли производилось соляными головами и цѣловальниками; казенные металлическіе заводы управлялись служилыми людьми или выборными головами и цѣловальниками; продажа казенныхъ товаровъ поручалась посылаемымъ изъ Москвы или назначаемымъ изъ мѣстныхъ жи-

телей торговымъ людямъ, которымъ на помощь выбирались на мѣстѣ цѣловальники. Выборныя головы съ цѣловальниками или служилые люди съ цѣловальниками были при казенныхъ виноградныхъ и тутовыхъ садахъ, при шелковыхъ заводахъ и при казенномъ промыслѣ мареною. Кромѣ того, были цѣловальники при покупкѣ казеныхъ хлѣбныхъ запасовъ, при денежномъ дѣлѣ, у казенныхъ мельницъ, у житницъ, у дѣловаго двора, у пороховой и свинцовой казны, при молотьбѣ хлѣба въ дворцовыхъ имѣніяхъ. Отвозъ въ Москву собранныхъ денегъ поручался также или тѣмъ цѣловальникамъ, которые ихъ сбирали, или особымъ цѣловальникамъ, или служилымъ людямъ. Для устройства новыхъ мѣръ выбирались особые цѣловальники. Кромѣ того были, цѣловальники подъ начальствомъ служилыхъ людей при разныхъ дѣлахъ, гдѣ требовалось счетоводство, какъ-то: при городовомъ дѣлѣ, при мостовомъ дѣлѣ, при постройкахъ. Для измѣренія и чищенія дорогъ посылались служилые люди съ цѣловальниками. Встрѣчается даже цѣловальникъ, посланный для правежа денегъ по частному взысканію, что обыкновенно дѣлалось приставами. Наконецъ, кромѣ цѣловальниковъ, мѣстные жители ставили сторожей и тому подобныхъ низшихъ служителей.

Цѣловальникамъ, точно такъ же, какъ и приказнымъ людямъ, поручались иногда разнородныя дѣла; такъ, напримѣръ, въ 1622 году, цѣловальникамъ, посланнымъ изъ Перми для сбора десятинной пошлины съ товаровъ, порублевой съ пріѣзжихъ иноземцевъ, пошерстной съ продаваемыхъ лошадей и оброчныхъ денегъ съ наемно-рабочихъ, велѣно было вмѣстѣ съ тѣмъ судить тяжбы между торговыми людьми и Остяками.

Не всѣ эти лица подчинялись воеводамъ; присылаемые изъ Москвы были обыкновенно болѣе или менѣе отъ нихъ независимы; другихъ же воевода могъ наказывать и смѣнять по усмотрѣнію.

Особенность въ этомъ отношеніи представляетъ таможенное и питейное управленіе того времени, которое также ввѣрялось головамъ и цѣловальникамъ—таможеннымъ и кабацкимъ. Это была повинность низшихъ сословій, служба, которую служило преимущественно купечество, но также и крестьяне и даже нѣкоторые разряды служилыхъ людей. По существу своему, эта служба была нѣчто среднее между службою приказною и земскою; но какъ повинность, за которую отвѣтственность лежала на земскихъ людяхъ, она должна была находиться въ зависимости отъ земскихъ властей. Тѣмъ неменѣе до послѣдней четверти XVII-го вѣка земскія власти были совершенно устранены отъ участія въ управленіи, и это былъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ таможенныхъ и кабацкихъ учрежденій того времени. Къ этому присоединилось то отсутствіе правильности и порядка, которое проявлялось во всѣхъ установленіяхъ. Вѣрные сборщики управляли то одною таможнею или кабакомъ, то частью уѣзда, то цѣлымъ уѣздомъ, то нѣсколькими городами. Отношенія головъ къ цѣловальникамъ были разнообразны и неопредѣленны; отношенія ихъ къ воеводамъ были еще запуганнѣе: вѣдомство ихъ не было строго разграничено, и тѣ же предметы завѣдывались то тѣми, то другими, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ; зависимость головъ отъ воеводъ была то болѣе, то менѣе, и, вслѣдствіе того, самая власть ихъ была различна. Единство управленія нарушалось также смѣшеніемъ вѣрныхъ сборовъ съ откупными; въ одномъ и томъ же округѣ одни сборы отдавались на вѣру, другіе на откупъ. Наконецъ, оно нарушалось и подчиненіемъ сборовъ различнымъ приказамъ. Указы 1673, 1677 и 1681 годовъ во многомъ улучшили устройство управленія: они устранили вліяніе воеводъ, подчинили управленіе земскимъ властямъ, установили извѣстный порядокъ въ выборахъ сословій, уничтожили откупное содержаніе и подчинили государст-

венное управленіе одному Приказу Большой Казны. Однакожь, многое оставалось недоконченнымъ: по тогдашнему обыкновенію, общія постановленія безпрестанно нарушались, сборы отдавались на откупъ, воеводы продолжали имѣть значительное и разнообразное участіе въ управленіи; самые указы не предоставили сборовъ исключительному вѣдомству купечества, а требовали исправленія служебной повинности и отъ крестьянъ и служилыхъ людей, которые были совершенно къ этому неспособны; головы продолжали присылаться изъ другихъ городовъ, что совершенно уничтожало вліяніе земскихъ людей, которые могли отвѣтствовать только за собственныхъ мѣстныхъ выборныхъ; наконецъ, самые округи оставались въ прежнемъ видѣ. Словомъ, сдѣланъ былъ важный шагъ впередъ; но систематической, правильной организаціи еще не было. Это было совершено Петромъ Великимъ, который въ 1699 году учредилъ по всей Россіи земскихъ бурмистровъ и подчинилъ имъ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ, устранивъ совершенно вліяніе воеводъ на вѣрные сборы.

Другое начало лежитъ въ основаніи учрежденія губныхъ старостъ и цѣловальниковъ. Таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники, равно какъ и прочіе цѣловальники, были вѣрные сборщики и служители, избранные по служебной обязанности низшихъ сословій для управленія казенными дѣлами; напротивъ, губные старосты и цѣловальники были земскою властью. Въ самомъ ихъ названіи видно уже различіе: тѣ были головы, главные сборщики — эти были старосты, старшіе надъ земскими людьми, ибо только земскіе начальники назывались старостами.

Губные старосты были земскою властью по своему происхожденію. Въ XVI-мъ вѣкѣ общины чувствовали потребность въ истребленіи воровъ и разбойниковъ и просили царя позволить имъ самимъ преслѣдовать и казнить ихъ. Царь давалъ

имъ такое дозволеніе въ губныхъ грамотахъ; это было одно изъ началъ земскаго управленія, установленнаго Иваномъ IV-мъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ возникшее государство сознавало такое право общинъ, какъ собственную потребность и собственную обязанность; оно видѣло въ губномъ управленіи не общинное дѣло, а государственное, и только по недостатку собственныхъ средствъ, при маломъ развитіи государственнаго организма, возлагало это дѣло на общины. Поэтому правительство не могло довольствоваться пожалованіемъ губныхъ грамотъ отдѣльнымъ общинамъ, а сдѣлало губное управленіе повсемѣстнымъ учрежденіемъ для всей Россіи. Всюду поимка и казнь воровъ и разбойниковъ возложены были на общины, какъ обязанность, и устроены были губныя повинности. Государство признало за собою право требовать, отъ земскихъ людей строгаго исполненія этихъ обязанностей, возложило на нихъ тяжкую отвѣтственность и поставило губное управленіе подъ надзоръ центральной власти, подчинивъ его Разбойному Приказу. Мало того: въ губныхъ старостахъ правительство видѣло собственныхъ органовъ, называло ихъ приказными людьми, и поручало имъ все областное управленіе, какъ и другимъ приказнымъ людямъ. Эта смѣсь приказнаго начала съ земскимъ, или, скорѣе, это превращеніе земской власти въ приказную, было причиною того, что губные старосты удержались до временъ Петра Великаго, тогда какъ другое чисто земское учрежденіе Ивана IV-го, именно, судъ земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, изчезло въ началѣ XVII-го вѣка. Государство вводило въ управленіе земское начало на столько, на сколько оно могло служить для него орудіемъ, и на сколько повинности земскихъ людей облегчали собственную его дѣятельность. Никогда оно на губное управленіе не смотрѣло какъ на право земскихъ людей, и доказательствомъ этому служитъ то, что всякій разъ, какъ оно находило это болѣе удоб-

нымъ, оно поручало губныя дѣла другимъ властямъ, назначеннымъ отъ правительства.

Учрежденіе губныхъ старостъ было далеко не повсемѣстнымъ. Во многихъ городахъ губными дѣлами управляли воеводы, или посылаемые отъ правительства сыщики. Въ одномъ и томъ же городѣ губныя дѣла находились въ вѣдомствѣ то губныхъ старостъ, то сыщиковъ, то воеводъ. Въ 1627 году велѣно было всюду ввести губныхъ старостъ, а сыщиковъ не посылать; но этотъ указъ былъ болѣе временною мѣрою, нежели постояннымъ постановленіемъ, и въ Уложеніи велѣно было воеводамъ вѣдать губныя дѣла тамъ, гдѣ нѣтъ губныхъ старостъ. Въ 1669 году губныя дѣла всюду отданы были въ вѣдомство сыщиковъ, которымъ губные старосты были подчинены, а въ 1679 году и сыщики и губные старосты уничтожены, и всѣ дѣла ихъ возложены на воеводъ. Въ 1683 году опять стали посылать сыщиковъ, а въ 1784 возстановлены были губные старосты, которые окончательно уничтожены въ 1702 году.

Земское по происхожденію, губное управленіе вмѣстѣ съ тѣмъ представляло въ себѣ смѣшеніе элементовъ приказнаго и вѣрнаго. Съ теченіемъ времени земскій элементъ совершенно даже ослабѣлъ, и слѣды его остались только въ томъ, что въ выборѣ губнаго старосты участвовали всѣ сословія. Начала вѣрное и приказное сдѣлались преобладающими. Первое выражалось во всемъ управленіи, за исключеніемъ самой должности губныхъ старостъ: общины отвѣчали государству за всѣхъ живущихъ въ нихъ людей; на нихъ возложена была обязанность указывать преступниковъ, объявлять о нихъ, преслѣдовать и ловить ихъ, караулить ихъ, съ отвѣтственностью за побѣгъ; они ставили низшихъ служителей къ губному дѣлу и отвѣчали за причиненные ими убытки; они, наконецъ, исправляли множество натуральныхъ и денежныхъ

повинностей. Вся матеріальная часть лежала на нихъ; самое же управленіе поручалось или воеводамъ, или сыщикамъ, или губнымъ старостамъ, которые были тѣ же приказные люди. Приказный ихъ характеръ выражался въ безсрочности ихъ должности, въ томъ, что на нихъ возлагались всякія приказныя дѣла, въ томъ, наконецъ, что должность эту могли занимать только дворяне и дѣти боярскія, которые всегда назначались въ приказные люди. Это преобладаніе началъ приказнаго и вѣрнаго въ губномъ управленіи приспособляло его къ новымъ потребностямъ, возникшимъ съ развитіемъ правительственнаго начала въ областныхъ учрежденіяхъ, и было причиною того, что оно сохранилось гораздо долѣе судебныхъ старостъ и цѣловальниковъ, несмотря на то, что, по своему характеру, принадлежало къ предыдущему періоду. Губное управленіе возникло въ то время, когда крестьяне и посадскіе люди не были еще укрѣплены къ мѣстамъ, когда еще не опредѣлились обязанности сословій и особенные роды службы для каждаго изъ нихъ. Оно было смѣшеніемъ всѣхъ началъ управленія, и сдѣлалось аномаліею, когда стали разграничивать роды службы и способы управленія и подводить учрежденія подъ тотъ или другой разрядъ. Въ Московскомъ государствѣ сдѣлалось уже яснымъ, что сошные люди должны нести повинности и вѣрную службу, а служилое сословіе — службу приказную. Поэтому выборъ губныхъ старостъ сдѣлался странностью, особенно при бо́льшемъ и бо́льшемъ преобладаніи въ немъ приказнаго характера. Не было ничего естественнѣе и сообразнее съ остальнымъ порядкомъ управленія, какъ поручить эту должность приказному человѣку, назначенному, какъ и всѣ прочіе, правительствомъ. Но въ Московскомъ государствѣ не было систематическаго взгляда на управленіе, не было еще и точнаго разграниченія сословныхъ обязанностей. Поэтому все ограничивалось попытками и частными мѣрами, и оконча-

тельное уничтоженіе губныхъ старостъ послѣдовало неранѣе царствованія Петра Великаго.

Органами собственно-земскаго, мірскаго начала были въ XVII-мъ вѣкѣ земскіе старосты и цѣловальники. Они были, выборные, такъ же какъ и вѣрные головы и цѣловальники; но основаніе выбора было совершенно другое; послѣдніе ставились жителями къ государеву дѣлу: это была государственная повинность и служба, отправлявшаяся поочереди; земскія власти, напротивъ, выбирались для управленія земскими дѣлами, и выборъ ихъ составлялъ скорѣе право общинъ, нежели обязанность.

До преобразованія Ивана Грознаго, земскими начальниками были сотскіе, десятскіе и старосты, которыхъ должность состояла въ сборѣ и уплатѣ податей и въ завѣдываніи повинностями, отправляемыми въ пользу князя. Иванъ IV-й, который хотѣлъ сдѣлать общины органами государственной власти, во многихъ мѣстахъ уничтожилъ намѣстниковъ и волостелей, и предоставилъ судебную, финансовую и отчасти полицейскую власть выборнымъ земскимъ начальникамъ, получившимъ названіе излюбленныхъ головъ или старостъ, данныхъ старостъ и цѣловальниковъ, наконецъ земскихъ судеекъ. Тамъ же, гдѣ оставались намѣстники и волостели, въ судѣ у нихъ сидѣли мѣстные старосты и цѣловальники. Въ XVII-мъ вѣкѣ учрежденія Ивана IV-го почти вездѣ были уничтожены; земскіе выборные были устранены отъ участія въ судѣ воеводъ и приказныхъ людей, а судейки оставались въ нѣкоторыхъ волостяхъ, какъ слѣды прежняго быта и какъ исключеніе изъ общаго порядка. Но и въ обыкновенномъ земскомъ управленіи учрежденія Ивана Грознаго не остались безъ слѣда: къ прежнимъ сотскимъ и старостамъ почти вездѣ присоединились цѣловальники, хотя безъ участія въ судѣ, но съ большею опредѣленностью власти, нежели прежде. Имъ пред-

оставлена была въ особенности раскладка податей, которыя прежде производились всѣмъ міромъ; они же раздавали пустыя земли, что прежде также совершалось мірскимъ приговоромъ. Государство, развивая свой организмъ, касалось и земскихъ дѣлъ, опредѣляло земскія отношенія; но, разумѣется, эта сторона управленія менѣе всего подлежала его вліянію. Оно возлагало на общины извѣстныя обязанности, потому что собственной его дѣятельности не доставало для управленія, и мало вмѣшивалось въ способъ исполненія этихъ обязанностей, вслѣдствіе чего земское управленіе представляетъ менѣе всего законныхъ формъ, менѣе всего порядка и наиболѣе неопредѣленности и запутанности.

Земскіе старосты и цѣловальники находились въ посадахъ или городахъ, въ станахъ, волостяхъ и погостахъ. Въ Москвѣ, гдѣ общее городовое управленіе сосредоточивалось въ рукахъ государственныхъ приказовъ, сотскіе и старосты были въ отдѣльныхъ сотняхъ и слободахъ.

Земскіе старосты и цѣловальники могли выбираться одними черными посадскими и уѣздными людьми. Это объясняется составомъ земскихъ общинъ.

Въ городахъ и уѣздахъ земля раздѣлялась на бѣлую, черную и дворцовую. Бѣлая земля была собственностью вотчинниковъ, служилыхъ людей, духовенства, монастырей, гостей и иностранныхъ купцовъ; черная была собственностью государя и находилась въ потомственномъ владѣніи посадскихъ людей и крестьянъ, которые несли съ нея подати и повинности, сохраняя, впрочемъ, право свободнаго распоряженія. Поэтому черная земля могла быть отчуждена и въ руки бѣломѣстцевъ, которые, однако, продолжали нести съ нея податныя обязанности, если только не освобождались отъ этого особенными жалованными грамотами. Дворцовая земля была также собственностью государя, но приписана была ко дворцу и упра-

влялась обыкновенно хозяйственнымъ образомъ, какъ вотчина, хотя жалованныя грамоты могли предоставлять и дворцовымъ селамъ самостоятельное управленіе; ими завѣдывали дворцовые прикащики, которымъ въ посадахъ и волостяхъ подчинены были старосты и цѣловальники. Точно также и бѣлыя земли управлялись на вотчинномъ правѣ, не входя въ составъ земскихъ общинъ. Между тѣмъ бѣлыя земли были перемѣшаны съ черными; въ одномъ и томъ же посадѣ, въ одномъ стану или волости, были и черныя и бѣлыя земли, но однѣ только черныя имѣли земскихъ старостъ и цѣловальниковъ. Тяглый человѣкъ, покинувшій тягло и вступившій въ услуженіе къ частному человѣку или къ духовному лицу, тѣмъ самымъ дѣлался независимымъ отъ земскихъ властей, хотя бы онъ оставался въ томъ самомъ городѣ или въ томъ самомъ посадѣ, гдѣ жилъ прежде. Такимъ образомъ община въ древней Россіи была поземельная или владѣльческая и составлялась изъ людей, жившихъ на землѣ, которая принадлежала извѣстному землевладѣльцу. Различіе между черными землями и дворцовыми состояло въ томъ, что послѣднія находились въ непосредственномъ хозяйственномъ распоряженіи государя, тогда какъ съ первыхъ онъ получалъ только подати и повинности, что называлось царскимъ тягломъ. До укрѣпленія сословій, на дворцовыя земли садились крестьяне и посадскіе люди по добровольному соглашенію съ землевладѣльцемъ, тогда какъ черныя свободно отчуждались потомственными ихъ владѣльцами; но послѣ укрѣпленія, различіе ихъ должно было сгладиться, и дѣйствительно, бо́льшая часть черныхъ земель мало-по-малу слилась съ дворцовыми. Кромѣ того, съ укрѣпленіемъ крестьянъ и посадскихъ людей, къ поземельному характеру общины присоединился и сословный; община состояла уже изъ извѣстныхъ тяглыхъ лицъ, прикрѣпленныхъ къ извѣстному мѣсту и владѣвшихъ тяглыми землями. Но этими землями могли владѣть

и постороннія лица, неприкрѣпленныя къ мѣсту и принадлежавшія къ другимъ сословіямъ. Прежде этого они несли тягло, какъ всѣ свободныя лица, поселенныя на тяглыхъ земляхъ; теперь же долженъ былъ возникнуть вопросъ о ихъ отношеніи къ тяглой общинѣ, и дѣйствительно этотъ вопросъ, возникшій въ особенности съ половины XVII-го вѣка, повелъ ко множеству узаконеній, часто противорѣчившихъ другъ другу и безпрерывно нарушаемыхъ, что продолжалось до Петра великаго, когда общины получили уже чисто сословный характеръ.

Выборы земскихъ старостъ и цѣловальниковъ иногда совершались подъ надзоромъ правительства; но, кажется, это дѣлалось только въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ были посланные отъ государства прикащики. Воеводамъ же ни въ грамотахъ, ни въ наказахъ не предписывалось наблюдать за земскими выборами, брать выборные списки и приводить избранныхъ къ присягѣ, тогда какъ въ отношеніи къ вѣрнымъ сборщикамъ эти предписанія встрѣчаются очень часто. Причина такого различія понятна: вѣрные сборщики выбирались къ государеву дѣлу, и для правительства было чрезвычайно важно, чтобъ они были люди надежные; до земскихъ же властей государству не было дѣла, потому что законодательная его дѣятельность не развилась еще въ систему, обнимающую собою весь государственный организмъ, но всегда возбуждалась потребностями центральной власти, или просьбами жителей, а устройство земскихъ властей подъ вліяніемъ правительства въ настоящее время не было въ интересахъ ни той, ни другой стороны. Въ XVII вѣкѣ онѣ снова заняли низшее мѣсто въ областномъ управленіи и получили опять значеніе чисто земское, тогда какъ, по началамъ системы Ивана IV, земскіе судьи, старосты и цѣловальники управляли не только общинами, но и государственными дѣлами, а поэтому и утверждались правительствомъ.

Названіе цѣловальниковъ показываетъ, что они приводились къ присягѣ; это совершалось на мѣстѣ, въ присутствіи земскихъ людей. Срокъ, на который они и старосты выбирались, былъ всегда годовой. И вѣрные сборщики также оставались въ должности обыкновенно только годъ, но основаніе было совершенно другое: вѣрные выборные несли очередную службу, которая была для нихъ тягостна и въ которой они искали облегченія частыми перемѣнами; въ земскомъ управленіи, напротивъ, частыя перемѣны нужны были для обезпеченія земскихъ людей, которыхъ довѣріе могло бы быть употреблено во зло, еслибъ выборные оставались на мѣстѣ слишкомъ долго; наконецъ, въ губномъ управленіи, гдѣ въ сильной степени развито было начало приказное, губные старосты выбирались на безсрочное время, а прочіе служители часто оставались по нѣскольку лѣтъ безъ перемѣны. Годовой срокъ земской службы былъ тѣмъ болѣе необходимъ, что прежде истеченія срока земскіе старосты не могли быть смѣняемы земскими людьми, какъ видно изъ того, что послѣдніе жаловались иногда на ихъ злоупотребленія.

Кромѣ старостъ и цѣловальниковъ, во многихъ мѣстахъ выбирались еще земскіе дьяки; но нельзя сказать, существовали ли они повсемѣстно. Иногда дьяки назначались въ земскую избу воеводами; но такъ какъ они въ этомъ случаѣ позволяли себѣ многія притѣсненія, то земскіе люди жаловались на это и выпрашивали себѣ грамоты, по которымъ право выбирать дьяковъ предоставлялось имъ самимъ.

Предметы вѣдомства земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, до послѣдней четверти XVII вѣка, были: владѣніе общинною землею, записка въ тягло, раскладка и сборъ податей, отправленіе повинностей, производство мірскихъ выборовъ и мѣстная полиція. Главнымъ, можно сказать, почти единственнымъ предметомъ ихъ вѣдомства были, изъ нихъ, уплата податей

и отправленіе повинностей и служебъ въ пользу государства, т. е. дѣла финансовыя; другихъ мірскихъ дѣлъ вовсе не было, и самая раздача земель и записаніе въ тягло имѣли значеніе только въ отношеніи къ государственнымъ обязанностямъ земскихъ людей. Изъ этого ясно, что общины не были самостоятельными союзами, имѣвшими собственныя дѣла, а имѣли чисто государственное значеніе; государство возлагало на мѣстныхъ жителей извѣстныя обязанности; и такъ какъ для ихъ исполненія нужны были мѣстныя земскія власти, то оно возлагало свои требованія на отдѣльные посады, волости, станы, погосты и частныя имѣнія, въ которыхъ существовали эти власти. Но всякая другая податная единица могла одинаковымъ образомъ служить для государственныхъ цѣлей, такъ что, вмѣсто общинъ, податями окладывались иногда отдѣльныя сохи, части уѣзда, и даже цѣлые уѣзды. Все это зависѣло отъ удобства, и не было рѣчи о самостоятельности общинъ и о ихъ правахъ.

Этотъ государственный характеръ общинъ выражался въ совершенномъ безразличіи государственныхъ дѣлъ и общинныхъ. Общинная земля была вмѣстѣ и государственная, или, скорѣе, государева, и нисколько не отличалась отъ прочихъ государственныхъ земель. Поэтому и раздача ея только случайнымъ образомъ могла быть дѣломъ общиннымъ и также часто была дѣломъ правительственнымъ. Вообще всѣ общинныя дѣла равнымъ образомъ могли находиться въ вѣдомствѣ земскихъ властей и въ вѣдомствѣ приказныхъ людей; каждая повинность могла или возлагаться на земскихъ людей, или находиться въ распоряженіи воеводъ. Вслѣдствіе этого смѣшенія дѣлъ, не было точнаго разграниченія между приказною властью и земскою; воеводы вступались во всѣ земскія дѣла, распоряжались всѣмъ, употребляли земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, какъ подчиненныхъ имъ служителей, и уничтожали вся-

кую самостоятельность земскаго управленія. Если они иногда устранялись отъ участія въ мірскихъ дѣлахъ, то это было слѣдствіемъ или особенныхъ, частныхъ соображеній правительства, или грамотъ и льготъ, предоставленныхъ земскимъ людямъ отдѣльныхъ общинъ и округовъ. Общія же разграниченія вѣдомства послѣдовали уже въ послѣдней четверти XVII вѣка.

Дѣлопроизводство земскихъ избъ вовсе не опредѣлялось закономъ. Сношенія земскихъ старостъ и цѣловальниковъ были также безпорядочны, какъ и сношенія прочихъ правителей: предписанія они получали то чрезъ воеводъ, то прямо посредствомъ царскихъ грамотъ, то въ видѣ памятей изъ приказовъ. Точно также и отписки свои они посылали то къ воеводамъ, то прямо въ Москву. Отчетность ихъ оставалась совершенно неопредѣленною, равно какъ и отвѣтственность предъ земскими людьми: государству они отвѣчали за сбираемыя подати и нерѣдко ставились на правежъ въ случаѣ недоимокъ; но отчеты, которые они давали земскимъ людямъ, и отвѣтственность ихъ предъ послѣдними, были весьма недостаточны, какъ видно изъ жалобъ земскихъ людей на злоупотребленія земскихъ старостъ.

Къ этому надобно прибавить, что воеводамъ иногда предписывалось оберегать земскихъ людей отъ ихъ насилій и притѣсненій.

Исключеніе изъ этого порядка земскаго управленія Московскаго государства составляли общины, сохранившія учрежденія Ивана Грознаго. Здѣсь также было совершенное безразличіе государственныхъ дѣлъ и общинныхъ; но между тѣмъ, какъ въ первыхъ оно вело къ вмѣшательству приказной власти во всѣ дѣла, здѣсь, напротивъ, приказныя власти были устранены отъ всякаго въ нихъ участія, и всѣ государственныя дѣла были предоставлены вѣдомству земскихъ властей.

Съ половины XVII-го вѣка, общинный бытъ подвергается измѣненіямъ, которыя вытекаютъ изъ новыхъ государственныхъ началъ, установляющихъ различіе сословій, ихъ правъ и обязанностей. Когда крестьяне и посадскіе люди были укрѣплены къ мѣстамъ своего пребыванія и тѣмъ получили сословное значеніе, тогда начало обозначаться различіе между ними. Занятія городскихъ жителей состоятъ въ промышленности и торговлѣ, которыя зависятъ единственно отъ личной дѣятельности каждаго лица и непремѣнно требуютъ бóльшей или меньшей свободы въ дѣйствіяхъ. Напротивъ, занятія сельскихъ жителей состоятъ въ обработкѣ земли, и главнымъ лицомъ является здѣсь землевладѣлецъ, если крестьяне обработываютъ землю, несоставляющую ихъ собственности. Это различіе обусловливало и различіе обязанностей того и другаго сословія; главныя обязанности сельскихъ жителей относились къ землевладѣльцу, котораго землю они обработывали, тогда какъ для городскихъ жителей владѣніе землею было дѣломъ второстепеннымъ; существенныя ихъ обязанности относились къ государству, которое поэтому особенно покровительствовало промышленности и торговлѣ, а это невозможно безъ предоставленія городскимъ жителямъ нѣкоторой свободы. Отсюда произошелъ и различный характеръ городовъ и селъ. Вообще городъ преимущественно способенъ къ образованію свободной общины, тогда какъ сельская община, живущая не на собственной землѣ, стремится перейдти во владѣльческую. Поэтому въ Россіи XVII-го вѣка, гдѣ не было различія между государственною землею, государевою и общинною, черныя волости, послѣ укрѣпленія крестьянъ, неминуемо должны были слиться съ дворцовыми, а дворцовые города и слободы, вслѣдствіе государственнаго значенія городовъ, должны были выйдти изъ дворцоваго вѣдомства. Прежній чисто-поземельный характеръ общинъ, оставшійся отъ средне-вѣковой жизни,

вслѣдствіе новаго различія государства, превратился въ сословный.

Это стремленіе къ обособленію сословій подвергалось, однако, исключеніямъ. Въ Московскомъ государствѣ не было систематическаго воззрѣнія на управленіе и сословія: все вытекало изъ мѣстныхъ и случайныхъ потребностей, а потому не могло быть и систематическаго отдѣленія городскихъ общинъ отъ сельскихъ. Въ Средней Россіи, гдѣ владѣльческіе элементы были чрезвычайно развиты и гдѣ сельскія общины находились подъ близкимъ вліяніемъ государства, само-собою произошло сліяніе черныхъ волостей съ дворцовыми. Но не такъ было на сѣверѣ, гдѣ владѣльческихъ элементовъ было мало, гдѣ, поэтому, древнія волости удержались въ своемъ первоначальномъ объемѣ и отдаленность центральной власти способствовала сохраненію прежней ихъ самостоятельности. Въ сѣверные уѣзды, которые назывались уѣздами поморскихъ городовъ, не проникли даже законы объ укрѣпленіи крестьянъ, и доселѣ половники Вологодской губерніи сохранились, какъ остатки древнихъ крестьянъ, переходившихъ съ мѣста на мѣсто. Эта отдаленность сѣверныхъ уѣздовъ, препятствовавшая вліянію центральной власти и вторженію владѣльческихъ элементовъ не допустила и смѣшенія черныхъ волостей съ дворцовыми имѣніями, а сохранила самостоятельность общинъ. Уѣзды поморскихъ городовъ составили, поэтому, особенное явленіе въ Московскомъ государствѣ, и общины ихъ, какъ свободныя, уравнивались въ учрежденіяхъ не съ прочими селами, а съ городами.

Стремленіе къ устройству и обособленію городскихъ общинъ выразилось въ первый разъ въ указѣ 1648 года, подтвержденномъ въ Уложеніи. Этимъ указомъ частныя имѣнія, лежавшія около городовъ, были отобраны и присоединены къ тяглымъ землямъ, а владѣльцы вознаграждены изъ другихъ

земель. Кромѣ того, владѣніе тяглыми участками и производство городовыхъ промысловъ предоставлены были исключительно тяглымъ посадскимъ людямъ. Этимъ городская земля была округлена и отдѣлена отъ другихъ; жители же получили опредѣленныя сословныя права. Далѣе, Новоторговымъ уставомъ 1667 года, купцы, во всемъ, что относилось до ихъ поѣздокъ, изъяты были изъ вѣдомства воеводъ и подчинены таможеннымъ головамъ, которые были выборные посадскіе люди. Эта мѣра была принята для поощренія торговли и для огражденія торгующихъ отъ притѣсненій. Съ этою же цѣлью была высказана мысль о подчиненіи торговыхъ людей единому приказу, мысль, которая, однакожь, осталась пока безъ осуществленія. Но важнѣйшимъ шагомъ для отдѣленія городовъ отъ селъ и для устройства самостоятельныхъ городскихъ общинъ былъ указъ 1681 года о введеніи новой стрѣлецкой подати. Она была наложена на тяглые города, на дворцовые города и слободы, на уѣзды поморскихъ городовъ и на Олонецкій уѣздъ; всѣ же владѣльческіе крестьяне, помѣщичьи, церковные, дворцовые и бывшіе черные были, въ замѣнъ этого, обложены ямскими и полоняничными деньгами. Сборъ новой стрѣлецкой подати предоставленъ былъ исключительно земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ, а для раскладки выбирались въ посадахъ и въ каждой волости особые выборные люди. Даже отсылка денегъ въ Москву предоставлена была земскимъ властямъ, а воеводамъ запрещено было вступаться въ эти дѣла. Однакожь, и здѣсь бывали исключенія; иногда царскія грамоты о сборѣ денегъ посылались къ воеводамъ, которые давали предписанія земскимъ властямъ, получали собранныя деньги и отсылали ихъ въ Москву. Но это подавало поводъ къ злоупотребленіямъ, вслѣдствіе чего, въ 1689, 1695, 1697 и 1698 годахъ, воеводы были совершенно устранены отъ участія въ сборѣ подати, запрещено было посылать къ нимъ

о томъ грамоты, а велѣно посылать памяти прямо къ земскимъ старостамъ, которые должны были сами править деньги на ослушникахъ, безъ всякаго вмѣшательства воеводъ, и собранныя деньги отсылать прямо отъ себя въ Москву.

Это былъ важный шагъ для разграниченія вѣдомства земскихъ властей и приказныхъ, ибо эта подать замѣнила собою многія другія и сдѣлалась важнѣйшимъ налогомъ тяглыхъ земскихъ людей. Въ связи съ этимъ находились и указы, предоставившіе земскимъ властямъ и всѣмъ посадскимъ людямъ надзоръ за таможенными и кабацкими головами. Самые выборы въ таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники указомъ 1681 года возложены на посадскихъ людей, и только за недостаткомъ ихъ велѣно было выбирать изъ служилыхъ людей, а за недостаткомъ послѣднихъ—изъ дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ. То былъ второй шагъ къ разграниченію вѣдомства земскихъ властей и воеводъ и къ предоставленію большей самостоятельности городскимъ общинамъ, а вмѣстѣ съ ними и сельскимъ общинамъ сѣверныхъ уѣздовъ. Но полное и систематическое устройство земскаго управленія принадлежитъ уже Петру Великому, который въ 1699 году всѣ города съ поморскими уѣздами отдалъ въ вѣдомство земскихъ бурмистровъ. Имъ предоставлены были общинный судъ и вѣдѣніе всѣхъ дѣлъ, безъ всякаго вмѣшательства воеводъ, а они, въ свою очередь, подчинены были выборнымъ бурмистрамъ, составлявшимъ Московскую Ратушу. Уѣзды поморскихъ городовъ были еще сравнены съ городами: это былъ остатокъ прежняго порядка. Но съ учрежденіемъ магистратовъ, города были совершенно отдѣлены отъ уѣздовъ и составили сословныя общины, управлявшія дѣлами, которыя предоставлены вѣдомству ихъ сословій. Это былъ окончательный результатъ того развитія земскихъ учрежденій, которому начало было положено Иваномъ Грознымъ, результатъ, естественно выте-

кавшій изъ постепеннаго водворенія гражданскаго строенія въ Московской Россіи.

Такимъ образомъ, начало приказное, вѣрное и земское лежали въ основаніи трехъ господствующихъ системъ управленія. Губныя учрежденія были смѣшеніемъ всѣхъ трехъ; они возникли по недостатку сознанія въ ихъ различіи и должны были пасть съ болѣе точнымъ разграниченіемъ правительственныхъ началъ. Такое разграниченіе является уже въ концѣ XVII-го вѣка и служитъ признакомъ развитія государственнаго порядка. До того времени всѣ три системы смѣшивались и перепутывались между собою; различныя начала существовали, но безсознательнымъ образомъ, безъ возведенія ихъ къ общимъ государственнымъ соображеніямъ, такъ что каждая правительственная власть неправильнымъ образомъ вступалась въ область другихъ, и не было строгаго опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній. Приказныя власти имѣли самое разнообразное вліяніе на вѣрные сборы и вступалась во всѣ земскія дѣла; вѣрные сборщики находились къ тѣмъ и другимъ въ различныхъ отношеніяхъ и завѣдывали иногда какъ приказными, такъ и земскими дѣлами; земскія власти, наконецъ, на которыхъ лежала наибольшая отвѣтственность, лишены были почти всякой власти и всюду стѣснены были въ своихъ дѣйствіяхъ. Необходимо было точнѣе опредѣлить кругъ дѣятельности каждой и дать имъ болѣе правильную организацію. Начало этому положено было Ѳедоромъ Алексѣевичемъ; но систематическое устройство учрежденій было введено уже Петромъ Великимъ. Губное управленіе было уничтожено, какъ несогласное съ новымъ порядкомъ; вѣрные сборщики подчинены земскимъ властямъ, такъ что выборныя власти образовали самостоятельное управленіе, совершенно отдѣльное отъ приказнаго. Земское начало получило такимъ образомъ бóльшее значеніе, нежели прежде, но вмѣстѣ съ тѣмъ облеклось въ сословный

характеръ, который, вслѣдствіе новаго устройства элементовъ государственной жизни, замѣнилъ собою прежній, поземельный.

Все это совершилось уже въ концѣ XVII-го вѣка; преобразованія Өедора Алексѣевича были первымъ шагомъ къ преобразованіямъ Петра Великаго. До того времени приказныя власти завѣдывали судомъ, полиціею; военными дѣлами и бо́льшею частію финансоваго управленія. Вѣрные сборщики завѣдывали казенными сборами, а земскія власти — мѣстными повинностями и службами, отправляемыми въ пользу государства. Всѣ эти предметы вѣдомства имѣли характеръ чисто-государственный; собственно мѣстныхъ, земскихъ дѣлъ вовсе не было. Устройство мѣстныхъ союзовъ, съ ихъ правами, съ мѣстными дѣлами и учрежденіями, относится уже ко временамъ Екатерины II. Въ ея царствованіе существеннымъ началомъ управленія сдѣлалось народное благо, тогда какъ прежде главною цѣлью была государственная польза. Государство было исходною точкою всего общественнаго развитія Россіи съ XV-го вѣка. Возникнувъ на развалинахъ средневѣковыхъ учрежденій, оно нашло вокругъ себя чистое поле; не было мелкихъ союзовъ, крѣпкихъ и замкнутыхъ; отдѣльныя личности, бродящія съ мѣста на мѣсто и занятыя исключительно своими частными интересами, однѣ противостояли новому общественному союзу. Главною задачею сдѣлалось устройство государства, которое организовалось сверху, а не снизу; нужно было устроить общій союзъ, а частные должны были служить ему орудіемъ. Поэтому на всѣхъ учрежденіяхъ лежалъ государственный характеръ; и такъ какъ прежде всего нужны были государству матеріяльныя средства, то и задача управленія была преимущественно финансовая. Этимъ XVII-й вѣкъ отличается отъ XVIII-го, въ которомъ цѣлью управленія сдѣлались также промышленность и образованіе, хотя и эти отра-

сли дѣятельности первоначально развивались въ видахъ государственной пользы.

Средства новаго государства были, однакожь, ничтожны; ему недоставало людей — и оно сдѣлало государственную службу повинностью сословій; ему недоставало денегъ—и оно учредило множество мѣстныхъ повинностей въ пользу государства; ему недоставало, наконецъ, и административныхъ средствъ—и оно восполняло ихъ отвѣтственностью подданныхъ. Такимъ образомъ, надзоръ за мѣстными правителями былъ почти невозможенъ; поэтому отвѣтственность за сборы возложена была какъ на мѣстныхъ жителей, которые обязаны были выбирать вѣрныхъ сборщиковъ, такъ и на самихъ сборщиковъ и правителей, которые отвѣчали за успѣхъ своимъ лицомъ и имуществомъ. Точно такъ же и богатство отдѣльныхъ лицъ мало подлежало вліянію государства, которое не имѣло средствъ ни узнать количество имущества подданныхъ, ни удержать ихъ на мѣстахъ, ни даже принудить ихъ къ уплатѣ податей; поэтому уплата была возложена на цѣлыя общины, которыя отвѣчали за всѣхъ членовъ и сами уже взыскивали съ нихъ деньги. Эта система повинностей проникала такимъ образомъ во всѣ отношенія; земскіе люди несли службы, отправляли повинности, отвѣчали за сборы, отвѣчали даже за поведеніе всѣхъ живущихъ посреди нихъ подозрительныхъ людей, хотя не имѣли на нихъ никакого вліянія.

Ничтожность государственныхъ средствъ, незначительное вліяніе центральной власти на областное управленіе дѣлали необходимымъ усиленіе власти воеводъ. Поэтому всякаго рода дѣла сосредоточивались въ ихъ рукахъ, къ чему, съ другой стороны, вели младенческое состояніе правительственныхъ учрежденій и самая запутанность администраціи.

Эти три черты областнаго управленія: государственный характеръ учрежденій, система повинностей и соединеніе всѣхъ

дѣлъ въ рукахъ воеводъ, характеризуютъ всю эпоху, простирающуюся отъ возникновенія государства въ XV-мъ вѣкѣ до временъ Екатерины II-й; только начальство надъ постоянными войсками отнято было у воеводъ при Петрѣ. Но Московское государство имѣло свои особенности, которыя рѣзко отличаютъ его отъ Петровскихъ временъ.

Петръ Великій, не вводя никакихъ новыхъ началъ въ областное управленіе, только привелъ въ порядокъ существующее. Попытка его установить правильное раздѣленіе областнаго управленія, которое прежде того все сосредоточивалось въ рукахъ воеводъ, была преждевременна, и потому не удалась. Послѣ его смерти воеводы попрежнему соединили всю власть въ своихъ рукахъ, но управленіе получило уже правильную организацію. Результатомъ преобразованія было, слѣдственно, систематическое устройство управленія. Этимъ опредѣляется его значеніе, которое прямо вытекало изъ потребностей того времени и изъ характера государственныхъ учрежденій XVII-го вѣка. Такимъ образомъ, преобразованія Петра Великаго составляютъ третью эпоху въ развитіи областныхъ учрежденій Московскаго государства: въ XVI-мъ вѣкѣ установлены были общественныя повинности и устроено основанное на нихъ земское начало; въ XVII-мъ вѣкѣ развито было правительственное начало; въ XVIII-мъ вѣкѣ весь государственный организмъ получилъ правильное, систематическое устройство.

Таковы главнѣйшія воззрѣнія г. Чичерина на развитіе и составъ нашихъ областныхъ учрежденій въ XVII мъ вѣкѣ—воззрѣнія, основанныя на самомъ тщательномъ, подробномъ и добросовѣстномъ изученіи многочисленныхъ источниковъ, относящихся къ этой эпохѣ. Мы бы не кончили, еслибъ захотѣли передать всѣ отдѣльныя замѣтки и мысли, внушенныя автору глубокимъ знаніемъ дѣла и разсѣянныя почти на каждой стра-

ницѣ разбираемаго нами, достойнаго всякаго уваженія ученаго труда. Того, кто бы захотѣлъ глубже вникнуть въ предметъ и узнать его со всѣми оттѣнками, мы отсылаемъ къ самой книгѣ, чтеніе которой не замѣнятъ и болѣе длинныя выписки.

За самыми немногими и незначительными исключеніями, мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣнія ученаго автора въ томъ, что̀ касается собственно до избранной имъ эпохи; но едва-ли можно согласиться съ нимъ безусловно во многомъ относительно нашего историческаго развитія, предшествующаго XVII-му вѣку; также и значеніе различныхъ фактовъ, относящихся къ нашей областной администраціи XVII-го вѣка, мы объяснили бы нѣсколько иначе, потому именно, что иначе смотримъ на предыдущее развитіе.

Сущность взгляда г. Чичерина приводится къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: у племенъ, образовавшихъ Русское государство, былъ первоначально родовой, кровный бытъ; но онъ разрушился, и личное начало заступило мѣсто семейно-общиннаго. Выраженіемъ этого личнаго начала было необузданное господство частнаго права и произвола, наполняющее нашу внутреннюю исторію и составляющее основу нашего быта до образованія Московскаго государства. Съ наступленіемъ третьяго періода нашего развитія, государство беретъ верхъ надъ исключительно личнымъ началомъ. Сперва, не имѣя возможности собственными средствами достигать своихъ цѣлей, оно какъ бы возлагаетъ исполненіе ихъ на народъ. Здѣсь, по мнѣнію г. Чичарина, лежитъ источникъ общиннаго и выборнаго начала древней Россіи. Но лишь только государство сложилось и почувствовало свои силы, правительственная дѣятельность общинъ замѣнилась дѣятельностью непосредственныхъ органовъ государственной власти — приказныхъ людей и вскорѣ потомъ воеводъ. Въ то же время, преслѣдуя свои цѣли, государство старалось дать хоть какую-нибудь прочность и постоянство без-

престанно колеблющимся и бродящимъ общественнымъ элементамъ, и для этого укрѣпило ихъ, возложивъ на нихъ, по недостатку собственныхъ средствъ, множество личныхъ служебъ и обязанностей всякаго рода въ свою пользу. Такъ образовались сословія, имѣвшія сначала государственное назначеніе, обязанныя, каждое, различнаго рода повинностями въ пользу государства и лишь въ царствованіе императрицы Екатерины II-й утратившія служебное значеніе. Подъ вліяніемъ этого служебнаго начала, или системы повинностей, города выдѣлились изъ селъ, и жители ихъ образовали особое сословіе. Но собственно общинное начало осталось неразвитымъ и бездѣятельнымъ. Оттого выборныя и приказныя власти смѣшивались между собою, кругъ дѣйствій тѣхъ и другихъ нимало не былъ разграниченъ, и областное — правильнѣе, мѣстное — управленіе представляло во всѣхъ отношеніяхъ совершенный хаосъ, пока преобразованія Петра Великаго не внесли нѣкоторую систему и порядкъ въ эту неурядицу.

Чтобъ найдтись въ этомъ сплетеніи множества разнороднѣйшихъ явленій и фактовъ, разберемъ ихъ на группы: анализъ непремѣнно выведетъ насъ на прямую дорогу.

Прежде всего надобно замѣтить, что такъ называемая авторомъ система повинностей, то-есть требованіе со стороны государства, отъ всѣхъ сословій, различнаго рода служебъ и работъ, едва ли можетъ быть признана за историческое начало, и едва ли было бы правильно характеризовать этой системой одну какую-нибудь эпоху нашего государственнаго и общественнаго быта. Требованіе личныхъ работъ и служебъ — явленіе общее всѣмъ народамъ, которые въ экономическомъ отношеніи стоятъ на очень низкой ступени. Существованіе этихъ служебъ и работъ въ значеніи повинностей предполагаетъ, что въ народѣ не утвердились еще понятія о преимуществѣ наемнаго и договорнаго труда передъ обязательнымъ и даровымъ, что

трудъ не имѣетъ цѣны, другими словами, что промыслы почти не существуютъ, а деньги — великая рѣдкость; что правительство еще не разсчитало, что для него самого во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе требовать, вмѣсто личной службы, взноса денегъ, и на эти деньги нанимать и заказывать по вольнымъ цѣнамъ все, что̀ нужно. Система повинностей—не историческое начало, а просто неразсчетъ. Притомъ же, эта система (если только она заслуживаетъ такого названія) существуетъ у насъ испоконъ-вѣка, тянется чрезъ весь удѣльный періодъ въ видѣ обязанностей народа къ намѣстникамъ и другимъ княжескимъ чиновникамъ, и продолжается отчасти до нашего времени, все болѣе и болѣе уступая мѣсто системѣ податей и пошлинъ. Какое же можетъ быть справедливое основаніе заключать повинности въ пользу государства въ одну какую-нибудь эпоху, точно какъ-будто ихъ не существовало ни прежде, ни послѣ? Итакъ, дѣло состоитъ, если мы не ошибаемся, не въ томъ, когда именно появилось у насъ начало повинностей и когда оно кончилось: оно и теперь не изчезло; а въ томъ собственно, что государственная власть, возникшая въ Москвѣ подъ формами исторически-установившагося владѣльческаго типа, долго не совлекала съ себя этого типа, долго жила подъ старою формою, хотя это и было во многихъ отношеніяхъ очень неудобно. Восторжествовавъ надъ другими элементами, претендовавшими на политическое значеніе и роль, о чемъ мы скажемъ тотчасъ же, государство, въ качествѣ домовладыки, обрекло ихъ себѣ на служеніе по-тогдашнему, то-есть обложило разными личными повинностями или обязанностями. Чрезъ это означенные элементы стали сословіями, обязанными службою госдарству.

Точно также и хаотическое состояніе администраціи въ древней Россіи должно отнести къ числу явленій, общихъ всѣмъ необразованнымъ и неразвитымъ народамъ. Введеніе, въ замѣнъ безпорядка, систематическаго, стройнаго управленія,

безспорно, есть шагъ впередъ, особенно важный по своимъ практическимъ результатамъ; но оно не можетъ служить характеристическимъ признакомъ цѣлой эпохи въ развитіи народной и государственной жизни. Значеніе преобразованій Петра Великаго, конечно, весьма глубоко; но совершившаяся при немъ систематизація областныхъ учрежденій и управленія, при всей несомнѣнной ея пользѣ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа эпохою въ историческомъ развитіи составныхъ стихій Россіи. Это такой же успѣхъ, какъ смягченіе нравовъ, распространеніе просвѣщенія, умноженіе народнаго богатства и проч.—успѣхъ, встрѣчаемый у всѣхъ народовъ, идущихъ впередъ, какъ бы ни были различны ихъ историческія судьбы. И здѣсь, какъ и въ предыдущемъ, дѣло, сколько мы понимаемъ, не во внѣшнихъ признакахъ и послѣдствіяхъ явленій, одинаковыхъ у всѣхъ народовъ, а въ тѣхъ особенностяхъ, которыя породили самыя явленія. Служебный характеръ всѣхъ сословій въ отношеніи къ государству—вотъ эта особенность. Сначала господство послѣдняго было далекое, какъ-будто вытекало изъ международныхъ отношеній. Какъ варяжскіе князья требовали отъ подвластныхъ имъ племенъ только дани и покорности, предоставляя собственному ихъ усмотрѣнію ихъ внутреннія дѣла, такъ и государство относилось первоначально къ сословіямъ: не входя во внутреннее устройство ихъ, оно довольствовалось службами и повинностями, которыя они отправляли въ его пользу. Но на этомъ далекомъ господствѣ государства и подданствѣ сословій дѣло не могло остановиться. По служебному характеру сословій, государство мало-по-малу должно было все глубже входить въ подробности внутренняго быта сословій, опредѣлять не только ихъ отношенія между собою, но и отношенія членовъ каждаго сословія другъ къ другу. Такъ какъ при этомъ государство не имѣло еще, да и не могло имѣть никакихъ общихъ, руко-

водительныхъ началъ, и потому установляло тотъ или другой порядокъ по внушенію и подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ, нерѣдко случайныхъ причинъ, то отсюда возникъ въ администраціи невыразимый хаосъ, который можно было привести въ нѣкоторый порядокъ не иначе, какъ распредѣленіемъ всѣхъ предметовъ управленія по какой-нибудь готовой и выработанной системѣ. Это и сдѣлалъ Петръ Великій, оказавъ тѣмъ Россіи одну изъ тѣхъ услугъ, которыя, рано или поздно, оказываются всѣмъ народамъ съ болѣе или менѣе развитою государственностью.

Снявъ такимъ образомъ внѣшнюю оболочку, заслоняющую отъ насъ сокрытое дѣйствіе историческихъ началъ и обобщающую вопросъ въ ущербъ яснаго пониманія особенностей, обратимся теперь исключительно къ послѣднимъ, ибо на ихъ почвѣ выростаетъ, а, слѣдовательно, ими и опредѣляется и объясняется общее.

Какъ мы уже замѣтили, главная особенность нашего древняго общественнаго быта въ XVII вѣкѣ есть служебный характеръ всѣхъ сословій, ихъ, если можно такъ выразиться, исключительно повинностное значеніе и соотвѣтствующій этому преимущественно приказный, бюрократическій характеръ мѣстнаго управленія. Два могущественные элемента европейской общественности — общины, сословія и корпораціи, у насъ существовали въ XVII вѣкѣ только по имени и не играли никакой роли. Этотъ фактъ поразителенъ! Глазъ, присмотрѣвшійся къ европейской исторіи, складъ ума, образовавшійся вслѣдствіе пристальнаго изученія условій европейской жизни, остаются въ недоумѣніи передъ этой совсѣмъ особенной комбинаціей общественныхъ элементовъ. Г. Чичеринъ старается объяснить это загадочное явленіе, и вотъ на чемъ мы расходимся съ нимъ въ мнѣніяхъ: онъ полагаетъ, что сословія и общинное начало обязаны своимъ происхожденіемъ государ-

ству; мы же, напротивъ, думаемъ, что призраки сословій и общинъ XVII вѣка суть обвѣтшалые и стертые остатки когда-то живыхъ историческихъ элементовъ и началъ, игравшихъ бóльшую или меньшую роль, слѣдъ историческихъ типовъ, происхожденіе которыхъ теряется въ глубокой древности.

Возьмемъ различные разряды собственно такъ называемаго служилаго класса, обязаннаго военной, приказной и придворной службой. Классъ этотъ сложился изъ бывшихъ дружинниковъ, личной княжеской прислуги и грамотѣевъ, употреблявшихся по письменнымъ дѣламъ, которыми, по общей безграмотности, могли заправлять лишь немногіе. Положимъ, что послѣдніе два элемента служилаго класса суть позднѣйшаго происхожденія и сложились подъ вліяніемъ государственнаго начала. А дружинники? Они существовали съ незапамятныхъ временъ, и чѣмъ далѣе назадъ, тѣмъ были самостоятельнѣе, независимѣе отъ князей. Безъ дружины князь ничего не могъ дѣлать; бывало, что дружина и не соглашалась съ мнѣніемъ князя и настаивала на своемъ; а въ нѣкоторыхъ княжествахъ, какъ, напримѣръ, въ Галицкомъ, изъ дружины развилась сильная аристократія — правильнѣе, олигархія, зачатки которой находимъ и въ Московскомъ государствѣ. Вельможество и боярство непремѣнно предполагаютъ зачатки сословнаго элемента и безъ него немыслимы. Въ какой степени было сильно и развито сословное начало—это другой вопросъ, о которомъ рѣчь впереди. Пока достаточно указать на присутствіе въ древней русской жизни, до образованія государства, зародышей сословнаго начала. Этихъ зародышей отрицать, кажется, невозможно.

Отвергая сословное начало въ до-государственной Руси, г. Чичеринъ разсматриваетъ власть намѣстниковъ съ точки зрѣнія частнаго права, и на этомъ основываетъ свое воззрѣніе на весь послѣдующій ходъ развитія нашихъ учрежденій.

Но первая посылка едва ли справедлива. Съ точки зрѣнія Ивана III и Ивана IV, намѣстники, конечно, владѣли своими кормленіями по частному праву, потому что въ это время государство стало предъявлять свои требованія, и представителями политическихъ элементовъ и жизни стали исключительно московскіе великіе князья и цари; но до того времени намѣстники были какъ бы самостоятельные владѣтели, пользовавшіеся почти княжескими правами, за исключеніемъ развѣ одного лишь права вступать въ дипломатическія сношенія. Они имѣли свою печать, свою дружину, свое управленіе; въ предѣлахъ ихъ владѣній всѣ доходы, сборы и повинности платились имъ и отправлялись въ ихъ пользу, или кому они прикажутъ; очевидно, власть намѣстниковъ въ этомъ ея значеніи имѣла государственное, а не частное значеніе. Чѣмъ дальше мы будемъ восходить назадъ, тѣмъ это предположеніе будетъ оправдываться болѣе и болѣе. Въ началѣ такъ-называемаго періода удѣловъ княжескіе намѣстники и посадники, получавшіе въ кормленіе области, были еще независимѣе, чѣмъ намѣстники послѣдующаго времени, потому что члены тогдашнихъ княжескихъ дружинъ, еще не становились къ своему князю въ отношенія подданства; а свѣтлые князья, а бояре и мужи, бывшіе подъ рукою варяжскихъ великихъ князей и посылавшіе своихъ пословъ къ Грекамъ вмѣстѣ съ послами Олега и Игоря— прототипы послѣдующихъ посадниковъ и намѣстниковъ, были чуть-чуть не самостоятельные владѣтели, чуть-чуть не союзники великихъ князей, имѣвшіе съ ними одинакіе права. Послѣ Ивана IV намѣстники изчезаютъ, но типъ сохраняется, вырождаясь все болѣе и болѣе. Мѣсто ихъ заступаютъ владѣльцы помѣстій. Съ воцареніемъ новой династіи, вельможи и знатные люди, принимавшіе дѣятельное участіе при установленіи новаго порядка дѣлъ, воспользовались щедростью юнаго правительства и получили множество владѣній на помѣстномъ правѣ.

Помѣстья были для нихъ не столько средствомъ нести службу, какъ для низшихъ служебныхъ разрядовъ, сколько замѣною владѣній и отчасти владѣтельныхъ правъ, которыми они пользовались въ качествѣ намѣстниковъ. Но характеръ и значеніе владѣній существенно перемѣнились: владѣнія эти потеряли полуполитическій и государственный характеръ и сдѣлались частными. Сначала они, кажется, изъяты были совершенно отъ всякихъ повинностей и обязанностей въ пользу государства, потому что владѣльцы ихъ несли службу; но въ послѣдствіи и это отличіе ихъ мало-по-малу стало изчезать, и владѣнія начали постепенно подводиться подъ общую систему управленія, податей и повинностей.

Точно также и типъ вотчинника, получившій въ послѣдствіи чисто гражданскій характеръ, сначала имѣлъ тоже государственное и политическое значеніе. Въ этомъ легко убѣдиться, прослѣдивъ отношенія князей между собою, начинающіяся братскими, родственными связями удѣльныхъ князей съ великими и кончившіяся отношеніями самаго строгаго подданства. А княжескія владѣнія, съ ихъ державными правами, имѣли въ своемъ основаніи вотчинный типъ, который не только удержался во владѣніяхъ служебныхъ князей, но и весьма долго держался во внѣшнихъ формахъ московскаго государства.

Обратимся теперь къ общинному началу. Постепенное вырожденіе общиннаго типа представляетъ явленіе совершенно аналогическое съ трансформаціей типа намѣстника и вотчинника. До самаго образованія московскаго государства общины даютъ несомнѣнные признаки государственной жизни. Вездѣ онѣ призываютъ, выбираютъ и мѣняютъ князей; вездѣ дѣятельность ихъ проторгается сквозь сѣть дружинъ, которыми подернута древняя Россія и заслонена внутренняя исторія народа; а гдѣ обстоятельства хоть сколько-нибудь благопріятствовали, тамъ онѣ тотчасъ же пріобрѣтали политическую самостоятель-

ность. Весь сѣверъ и весь югъ Россіи были покрыты такими самостоятельными общинами. Только съ усиленіемъ московскаго государства общины понемногу перестаютъ играть политическую роль. Но даетъ ли это намъ право утверждать, что и въ общественной жизни не осталось слѣдовъ общиннаго духа? Съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Историческіе типы не умираютъ скоропостижно, а угасаютъ постепенно, проходя чрезъ цѣлый рядъ перерожденій. Еще въ началѣ XVII вѣка, во время самозванцевъ, смутъ и вторженія иноплеменниковъ, общины обнаружили несомнѣнные признаки жизни: онѣ совѣщались о тогдашнемъ положеніи и событіяхъ, сносились между собою грамотами и старались общими силами спастись отъ угрожавшей со всѣхъ сторонъ гибели. Мининъ былъ результатомъ этой спасительной и патріотической дѣятельности общинъ въ началѣ XVII вѣка; въ лицѣ его и князя Пожарскаго подали другъ другу руку два элемента, которые до того времени нерѣдко враждебно сталкивались между собою и, кажется, вызвали бурю, потрясшую Россію въ самыхъ ея основаніяхъ; теперь же оба совокупными силами возсоздаютъ разрушенную власть какъ бы для того, чтобъ затѣмъ окончательно отказаться отъ всякой политической дѣятельности. Послѣ 1612 года государственная роль общинъ совершенно оканчивается.

Спрашивается: можно ли послѣ всего сказаннаго предположить, что мысль Ивана Грознаго призвать общины къ участію въ мѣстномъ управленіи явилась точно будто deus ex machina, безъ всякаго отношенія къ предыдущему? Возможно ли, чтобъ выборное начало, безъ котораго общинная жизнь немыслима, было совершенно неизвѣстно у насъ дотолѣ и было созданіемъ московскихъ государей? Чѣмъ больше вдумываешься въ эту мысль, тѣмъ она кажется невѣроятнѣе и невозможнѣе. Если мы не имѣемъ прямыхъ указаній на то, что на намѣстничьемъ

и волостелинскомъ судѣ изстари были цѣловальники или присяжные, то изъ этого никакъ еще нельзя заключить, чтобъ они въ самомъ дѣлѣ не присутствовали въ этихъ судахъ, тѣмъ болѣе, что судебникъ 1550 года прямо предписываетъ: «въ которыхъ волостѣхъ *напередъ сего* старостъ и цаловальниковъ *не было*, и нынѣ въ тѣхъ во всѣхъ волостѣхъ быти старостамъ и цаловальникомъ» (ст. 68). Учрежденіе старостъ и цѣловальниковъ, безъ всякой натяжки, можно услѣдить и ранѣе. Въ Судебникѣ 1497 года упоминаются старосты и «лучшіе люди»; тѣ же лучшіе люди, только съ прибавкою «цаловальника» встрѣчаются и въ Судебникѣ 1550 года. Значеніе ихъ совершенно одинаково; только права лучшихъ людей цѣловальниковъ по Судебнику 1550 года расширены. Какое же право имѣемъ мы заключить отсюда, что лучшіе люди, упоминаемые въ первомъ Судебникѣ, не были выборные, а цѣловальники временъ Грознаго были выборные? Явное дѣло, что это учрежденіе при Грозномъ не было нововведеніемъ, а существовало гораздо ранѣе его. Вступивъ въ борьбу съ вельможествомъ и олигархическимъ боярствомъ, царь Иванъ Васильевичъ опирался на общины, представлявшія элементъ противоположный большимъ людямъ Московскаго государства, и потому расширилъ, точнѣе опредѣлилъ права ихъ выборныхъ представителей, сдѣлалъ этихъ выборныхъ учрежденіемъ повсемѣстнымъ, но не создалъ этого учрежденія вновь.

Послѣ Грознаго общины утратили государственное значеніе. Во время смутъ онѣ, какъ мы уже сказали, въ послѣдній разъ заявили свое политическое существованіе. Но это была ихъ лебединая пѣсня. Послѣ 1612 года онѣ распались на свои составныя части. Служилые люди, духовенство, посадскіе и крестьяне образовали особыя сословія—чины, по древней нашей терминологіи, которые, въ свою очередь, подраздѣлились

на множество мелкихъ союзовъ и званій. Представителями общиннаго начала́ остались лишь два самые низшіе класса, которые потому только и сохранили слабые слѣды общинной жизни, что въ нихъ удержалось отправленіе повинностей, службъ и работъ собща, за круговымъ поручительствомъ, какъ было, когда племена, а затѣмъ общины находились въ подданствѣ; удержалось сожительство на однихъ мѣстахъ, и потому невольно, даже безсознательно, удерживались привычки старины. Обложеніе каждаго званія особыми, ему свойственными повинностями и службами въ пользу государства окончательно создало у насъ сословія и разрушило общинное единство, потому что каждый общественный разрядъ получилъ свое особенное назначеніе и чрезъ это, весьма естественно, окончательно отдѣлился отъ прочихъ, не имѣя съ ними ничего общаго, кромѣ самыхъ поверхностныхъ соприкосновеній.

Такимъ образомъ, безспорно, что государство принимало у насъ очень дѣятельное участіе въ образованіи сословій. Оно приложило печать къ разложенію общинъ на ихъ составныя стихіи; оно закрѣпило званія въ ихъ раздѣльности и исключительности. Но созидателемъ сословій оно не было, точно такъ же, какъ не оно образовало общины при Иванѣ IV-мъ. Элементы, данные для того и другаго были уже на лицо, готовы, и государство только воспользовалось ими для своихъ цѣлей.

Съ появленіемъ сословій, общинный духъ перешелъ въ нихъ и здѣсь поддерживался, утративъ только политическое и государственное значеніе и принявъ, въ замѣнъ того, гражданскій характеръ. Весьма естественно, что при этомъ въ сословіяхъ, обложенныхъ тягломъ, гдѣ условія общиннаго быта сохранились хотя отчасти, удержались и различныя формы и учрежденія этого быта; напротивъ, въ служилыхъ разрядахъ, гдѣ люди далеко не такъ тѣсно были связаны между собою общими обязанностями и отвѣтственностью, гдѣ службы и по-

винности отправлялись лично, а не сообща, общинныя установленія стали прививаться лишь въ послѣдствіи времени, и дѣйствительно были результатомъ организующей дѣятельности государства.

Дальнѣйшее развитіе нашего внутренняго быта было послѣдовательнымъ выводомъ изъ этихъ данныхъ. По мѣрѣ того, какъ государственное начало, совлекая съ себя устарѣлыя, несвойственныя ему формы частнаго быта, болѣе и болѣе обобщалось и принимало видъ, усвоенный ему въ Европѣ, сталъ постепенно изчезать и служебный характеръ сословій, вытекавшій изъ владѣльческаго, вотчиннаго типа. Сначала дворянство, потомъ и городскія сословія уволены отъ обязательной службы, а за ними и государственные крестьяне — отъ царскаго тягла лицомъ и натурой. Въ параллель съ этимъ постепенно совершалась и внутренняя организація сословій. Началась она съ половины XVII-го вѣка устройствомъ городскихъ классовъ, которое продолжалось при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, Петрѣ Великомъ, Екатеринѣ II-й и далѣе до нашего времени; позже городскихъ классовъ стали устроиваться служилые классы, которые получили прочную организацію при Петрѣ III-мъ и Екатеринѣ II-й; наконецъ, при императорѣ Николаѣ организовано сословіе государственныхъ крестьянъ. Въ этомъ постепенномъ устройствѣ сословій совершалось детальное развитіе, по частямъ, общиннаго начала. По мѣрѣ того, какъ служебный характеръ сословій изчезалъ, должно было мало-по-малу изчезнуть ихъ взаимное отчужденіе, разрозненность и искусственная замкнутость, а вмѣстѣ съ тѣмъ начаться снова взаимное тяготѣніе другъ къ другу различныхъ общественныхъ интересовъ, представляемыхъ различными сословіями, безъ смѣшенія ихъ подъ однимъ внѣшнимъ, искусственнымъ, безразличнымъ уровнемъ. Центръ взаимнаго тяготѣнія сословій и есть общинное единство.

Г. Чичеринъ опровергаетъ существованіе въ Россіи XVII вѣка общиннаго начала тѣмъ, что воеводы вмѣшивались во всѣ общинныя дѣла безъ изъятія, и что общее владѣніе землею, которое почитается отличительною чертою русской и вообще славянской общины, въ это время тоже не существовало, а создалось лишь въ послѣдствіи, какъ необходимый результатъ обращенія ея въ крѣпостную и тяглую. На основаніи того, что̀ сказано нами выше, съ первымъ доводомъ можно согласиться, не дѣлая, однако, никакихъ заключеній о несуществованіи будто бы общиннаго начала въ древней Россіи вообще. Что же касается втораго возраженія противъ общинъ, то оно не относится прямо къ областному управленію, которое насъ теперь занимаетъ, и потому мы оставимъ его пока въ сторонѣ, чтобъ не отвлечься отъ главнаго вопроса. Впрочемъ, мы надѣемся вскорѣ возвратиться къ этому предмету. Читатели, конечно, припомнятъ, что между гг. Чичеринымъ и Бѣляевымъ идетъ теперь сложный и весьма интересный споръ объ общинномъ владѣніи въ древней Россіи. Такъ какъ вопросъ объ общинахъ имѣетъ для русской исторіи особенную важность, то мы дадимъ объ этомъ спорѣ подробный отчетъ, и тогда уже разберемъ какъ значеніе общиннаго владѣнія, такъ и вообще все то, что̀ г. Чичеринъ говоритъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи объ общинахъ XVII-го вѣка.

Сводя все сказанное выше въ общіе итоги, мы найдемъ, что и представители общиннаго начала—общины, и представители начала личнаго — дружинники, намѣстники и кормленщики, имѣли въ дредней Россіи самостоятельность и политическое значеніе; но это значеніе ихъ современемъ утратилось, и они вдвинуты въ условія частнаго гражданскаго быта. Этотъ, по своему значенію и послѣдствіямъ, безконечно важный поворотъ въ нашей внутренней исторіи совершился московскими великими князьями и царями, представлявшими

собою начало государственнаго и политическаго единства Россіи. Олигархическіе зачатки и плодъ ихъ — анархія, разрозненность независимыхъ общинъ и необходимый этого результатъ—распаденіе народа и страны на части, эти два опаснѣйшіе спутника политической жизни Славянъ, побѣждены великорусскимъ племенемъ. Изъ этого удивительнаго и, къ сожалѣнію, такъ еще мало изслѣдованнаго племени, которое одно между всѣми славянскими племенами одарено государственнымъ смысломъ и организующимъ геніемъ, возникла громадная сила, овладѣвшая хаосомъ, остановившая процессъ разложенія и сохранившая единство народа. Неимовѣрностью этой силы можно измѣрить степень разлагающей, обособляющей силы въ славянскомъ племени. Дружинники и общины, главные дѣятели раздробленія и разрозненности, не могли быть орудіемъ единенія. Оно и совершилось помимо нихъ. Опричина, выразившая стремленіе государства выгородиться изъ всѣхъ элементовъ нашей древней общественности, приказное начало, призвавшее къ государственной дѣятельности, помимо всѣхъ составныхъ стихій тогдашней Руси, людей темныхъ, стоявшихъ внѣ общинъ и сословій, показываютъ, какъ мало третейская власть, объединившая Россію, имѣла общаго со всѣми прочими тогдашними началами нашей жизни, какъ она стояла особнякомъ отъ нихъ, послушная только великому своему призванію подавить внутреннюю борьбу и разорванность и сохранить политическое единство. Была минута — въ началѣ XVII-го вѣка, когда броженіе и вражда общественныхъ стихій, достигнувъ высшей степени, одолѣли государство и, вырвавшись на просторъ, истощались въ безплодной и разрушительной борьбѣ. Казалось, все погибло. Но здравый политическій смыслъ великорусскаго племени спасъ русскій корабль отъ этой конечной невзгоды. Зиждительный геній этого племени овладѣлъ разнузданными общественными эле-

ментами и снова свелъ ихъ къ единству, подчинивъ еще болѣе сильной государственной власти, чѣмъ прежде.

Послѣ политическихъ бурь и смятеній Московское государство долго не могло успокоиться. Наученная опытомъ, напуганная недавними событіями, государственная власть стала бдительнѣе и осторожнѣе. Этимъ объясняется замѣщеніе въ областномъ управленіи дьяковъ и приказныхъ воеводами, властей гражданскихъ военными, что совершилось послѣ 1612 года. Въ началѣ XVII-го вѣка, правительство походило на военный станъ, расположенный въ взволнованной странѣ; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ власти были тогда соединены въ рукахъ воеводъ и что вліяніе ихъ на крестьянскія и посадскія общины—призракъ старинныхъ общинъ—было почти безграничное. Но какъ только волненіе утихло и государственное начало было упрочено, внутреннее развитіе снова началось. Мѣстное управленіе, оставаясь военнымъ по названію, болѣе и болѣе стало принимать гражданскій характеръ. Разныя отрасли администраціи начали постепенно отдѣляться отъ воеводъ и поручаться завѣдыванію другихъ должностныхъ лицъ и учрежденій.

Предметъ близко касается вопроса о централизаціи. О ней авторъ говоритъ (на стр. 257 и 258) слѣдующее:

«Понятія о раздѣленіи вѣдомства тогда (т. е. въ XVII вѣкѣ) еще вовсе не было. Оно является уже при болѣе развитомъ управленіи, вмѣстѣ съ потребностью дать самостоятельное устройство каждой части и уничтожить злоупотребленія, которыя неизбѣжны при сосредоточеніи всѣхъ властей въ однѣхъ рукахъ. У насъ раздѣленіе управленія послѣ неудачной попытки Петра Великаго, который, впрочемъ, окончательно отдѣлилъ военную власть отъ гражданской, было осуществлено уже Екатериною II. Въ Московскомъ же государствѣ, недавно возникшемъ и едва начинающемъ организоваться, господствовала нераздѣльность вѣдомства. Такое государство не заботится о самостоятельномъ устройствѣ частей, а имѣетъ только въ виду общее устройство управленія; оно ищетъ силы, ищетъ орудія, которое могло бы наилучшимъ образомъ приводить въ дѣйствіе правительственныя распоряженія. Кромѣ того,

при отсутствіи сильной центральной власти, при недостаткѣ административныхъ средствъ, необходимо централизировать управленіе въ областяхъ, соединивши всѣ отрасли въ однѣхъ рукахъ: это одно можетъ дать ему достаточную силу. Раздѣленіе управленія неминуемо ведетъ къ общей централизаціи; раздробленное въ частяхъ должно быть строго и формально подчинено единому центру. Но централизація возможна только при чрезвычайно правильномъ и развитомъ устройствѣ управленія; теченіе дѣлъ должно точно и безпрепятственно идти отъ центра къ окружности и наоборотъ. Въ возникающемъ государствѣ, которое содержитъ въ себѣ разнородныя и разнохарактерныя учрежденія, централизація невозможна; поэтому тамъ должна существовать нераздѣльность вѣдомства въ областномъ управленіи. Это періодъ, за которымъ слѣдуетъ раздѣленіе вѣдомства и наконецъ централизація».

Устранивъ совершенно вопросъ о централизаціи политической, которая представляетъ собою государственное единство и есть непремѣнное и необходимое условіе государственной жизни, безъ котораго послѣдняя немыслима, остановимся на централизаціи административной. Говоря о ней, мы также должны различать предметы общей государственной важности, относящіеся къ цѣлому государственному организму, напримѣръ, законодательство, внѣшнія сношенія, военныя силы, государственные финансы, отъ предметовъ чисто-мѣстнаго интереса, неимѣющихъ никакого отношенія къ общей государственной жизни, каковы: мѣстные финансы, текущія административныя и распорядительныя дѣла по всѣмъ отраслямъ мѣстнаго управленія, имѣющія только мѣстное значеніе; судъ, полиція. Сосредоточеніе дѣлъ перваго рода въ центральномъ государственномъ управленіи такъ же естественно и необходимо, какъ то, что нервы движенія и чувствованія сходятся къ головному мозгу, органу мысли и воли. Поэтому мы не станемъ далѣе распространяться объ этомъ предметѣ, а обратимся къ централизаціи дѣлъ чисто-мѣстныхъ. Эти дѣла могутъ быть стянуты въ центральныя государственныя учрежденія, или сцентрализованы на мѣстахъ, и тутъ получать окончательное рѣшеніе. Но централизація управленія производится не однимъ

перенесеніемъ дѣлъ въ тѣ или другія правительственныя учрежденія; та же цѣль достигается и извѣстнымъ устройствомъ административныхъ органовъ. Бюрократическій или коллегіяльный составъ правительственныхъ учрежденій, назначеніе чиновниковъ отъ короны или по выборамъ, степень отвѣтственности выборныхъ чиновниковъ предъ избирателями и правительствомъ — вотъ условія, различная комбинація которыхъ усиливаетъ или ослабляетъ административную централизацію и безъ перенесенія дѣлъ изъ однѣхъ инстанцій въ другія, даже безъ сосредоточенія ихъ въ одномъ какомъ-нибудь учрежденіи, центральномъ или мѣстномъ.

Г. Чичеринъ, очевидно, тоже говоритъ объ одной административной централизаціи и притомъ только о нѣкоторыхъ ея видахъ. Смыслъ приведеннаго нами мѣста изъ книги, если не ошибаемся, тотъ, что соединеніе всѣхъ отраслей мѣстнаго управленія въ рукахъ одной бюрократической власти съ успѣхами государственной жизни, должно уступить мѣсто распредѣленію его между нѣсколькими правительственными органами, а съ тѣмъ вмѣстѣ централизація его необходимо переносится въ центральныя государственныя учрежденія. Но исторія представляетъ неопровержимые факты въ доказательство, что этотъ взглядъ не обнимаетъ всѣхъ сторонъ вопроса, и потому едва ли можетъ быть признанъ за послѣднее слово теоріи и науки. Передъ нами Франція, издавна представляющая осуществленіе теоріи централизаціи, какъ ее разумѣетъ авторъ; передъ нами и Германія, въ особенности же Англія, гдѣ, наоборотъ, недостатокъ или даже отсутствіе централизаціи составляетъ отличительную черту всей системы управленія. Вотъ два различныя воззрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ, подтверждаемыя всѣмъ авторитетомъ долговременнаго практическаго примѣненія. Которому изъ нихъ отдать преимущество? Конечно, англійская система стѣснительна для центральной власти,

потворствуетъ своеобычности различныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается общество или государство, дѣлаетъ всякій успѣхъ, всякое развитіе непомѣрно тугимъ и медленнымъ, поставляя его въ зависимость отъ самой медленной вещи въ мірѣ — отъ постепеннаго перерожденія народныхъ обычаевъ, понятій и нравовъ. Но поборники англійской системы упрекаютъ систему французскую въ томъ, что, вслѣдствіе ея, центральная власть обременяется безчисленными, въ общемъ государственномъ смыслѣ мелочными и незначительными дѣлами; что ея вниманіе развлекается пестротою подробностей, заключающихъ въ себѣ предметы и вопросы важные и существенные, которые должны были бы занимать ее исключительно; что притомъ и рѣшеніе дѣлъ мѣстнаго интереса чрезъ это тоже не выигрываетъ, ибо, восходя до министерствъ и даже до законодательнаго собранія, такія дѣла теряются въ круговоротѣ безконечнаго числа другихъ подобныхъ имъ дѣлъ и потому не могутъ имѣть въ глазахъ производителей и депутатовъ той важности, которую имѣютъ въ средѣ, гдѣ возникли; притомъ же дѣла поступаютъ въ министерства и въ законодательныя собранія въ большей части случаевъ неполныя, потому что невозможно передать на бумагѣ всю ихъ животрепещущую обстановку и подробности, которыя извѣстны всѣмъ и каждому на мѣстахъ, но по необходимости остаются малоизвѣстными для центральныхъ учрежденій, или, по крайней мѣрѣ, доходятъ до нихъ невполнѣ, нерѣдко даже въ искаженномъ видѣ. Всѣ эти принадлежности французской административной системы, по мнѣнію защитниковъ англійской теоріи, суть неизбѣжные спутники открытой вражды общественныхъ элементовъ во Франціи — вражды, которая и породила тамъ чрезмѣрную административную централизацію. Уже по одному этому французская система не можетъ служить основаніемъ для административной теоріи; ибо это значило бы больной

организмъ представлять образцомъ и примѣромъ для здороваго. Внутренняя разорванность французскаго общества, необращавшая на себя сначала никакого вниманія, легкомысленно пренебреженная въ то время, когда государственная власть имѣла всю необходимую силу для радикальнаго лѣченія этого страшнаго общественнаго недуга, быстро развилась и одолѣла самую власть, поставя ее тѣмъ въ искусственное и ложное положеніе. Цѣлый рядъ насильственныхъ переворотовъ во Франціи, въ теченіе какихъ-нибудь шестидесяти лѣтъ, безпрестанно вооружалъ тамъ и народъ и правительство и водворилъ наконецъ военный порядокъ вмѣсто гражданскаго; чтобъ остановить междоусобіе и спасти общество отъ разрушенія, правительство должно было обратиться тамъ въ диктатуру, управленіе преобразоваться въ осадное положеніе. Частое повтореніе припадковъ этой горестной болѣзни не заставляетъ ли опасаться, что она обратится въ хроническую? Въ послѣднемъ случаѣ мѣры предупредительной полиціи должны будутъ однажды навсегда заступить мѣсто обыкновеннаго уголовнаго и полицейскаго порядка, потому что правительство не можетъ не сдѣлаться подозрительнымъ, должно будетъ ежеминутно быть на чеку, вѣчно на-готовѣ; предоставить ежедневную общественную жизнь ея свободному теченію сдѣлается рѣшительно невозможнымъ, ибо безъ вооруженнаго посредничества власти внутренняя междоусобная война ежеминутно готова будетъ возгорѣться. Оттого-то во Франціи правительство по необходимости стягиваетъ всѣ жизненные соки народа подъ свой непосредственный надзоръ, въ Парижъ. Оконечности этого политическаго тѣла, вслѣдствіе того, замираютъ. Парижъ давно уже — вся Франція. Но отъ такого ненормальнаго, неестественнаго распредѣленія жизненныхъ силъ, опасность, вмѣсто того, чтобъ уменьшиться, только увеличивается; ибо парализія частей этого политическаго тѣла лишаетъ

ихъ силы противостоять новымъ припадкамъ болѣзни. Теперь Парижъ возводитъ и низводитъ съ французскаго престола династіи, объявляетъ попеременно республику, имперію, конституціонную монархію, потомъ опять республику и опять имперію, и департаменты безпрекословно подчиняются всѣмъ этимъ быстрымъ метаморфозамъ правительства, какъ будто шла рѣчь о смѣнѣ префекта или мера. Гдѣ же гарантіи и оплотъ противъ такой шаткости власти, противъ нечаянностей и случайностей переворотовъ, объясненіе которыхъ иногда прійдется искать въ однѣхъ лишь особенностяхъ и потребностяхъ парижскаго народонаселенія? Въ развитіи мѣстной общественной жизни. Въ тѣсномъ кругу мѣстной общественности, въ этомъ микрокосмѣ государства, воспитывается любовь къ отечеству и общественный духъ, слагается общественное мнѣніе, выработываются характеры, пріобрѣтается благодатный навыкъ къ завѣдыванію общественными дѣлами и интересами. Изъ этой школы, тѣсной по объему, но широкой по значенію и вліянію, выходятъ потомъ на службу государству, иногда и на сцену всемірной исторіи, великіе государственные дѣятели, честь, слава и украшеніе своей страны. Гдѣ нѣтъ мѣстной общественности, тамъ нѣтъ и такой школы.

Безъ сомнѣнія, административную централизацію производятъ, по крайней мѣрѣ поддерживаютъ также чрезмѣрная разрозненность сословій, запутанность ихъ взаимныхъ отношеній и т. п. Въ такихъ случаяхъ невозможность организовать, съ такими элементами, правильную мѣстную администрацію и, основанное на этомъ, справедливое опасеніе злоупотребленій со стороны ничѣмъ необузданной бюрократіи, заставляютъ иногда центральное правительство взять мѣстное управленіе, со всѣми его подробностями, подъ свой непосредственный надзоръ и, не довѣряя мѣстной администраціи, по возможности стѣснить объемъ ея власти. Но и въ этомъ случаѣ, какъ и

въ приведенномъ выше, къ сосредоточенію дѣлъ мѣстнаго интереса въ центральныхъ учрежденіяхъ приводятъ особенныя, временныя условія, которыя нельзя возводить въ норму и полагать въ основаніе административной теоріи.

Въ заключеніе всѣхъ этихъ разсужденій, спѣшимъ сдѣлать одну оговорку: мы не поборники соединенія всѣхъ отраслей мѣстнаго управленія въ рукахъ одной какой-нибудь исполнительной власти: эта система уже оказалась неудобною на практикѣ; но тотъ же опытъ доказалъ, что отсутствіе единства въ областной администраціи также неудобно и вредно, и потому, избѣгая одного зла, ненадобно возводить въ теорію другое. Притомъ, вредныя стороны мѣстной централизаціи управленія могутъ быть уничтожены, или по крайней мѣрѣ ослаблены, извѣстнымъ устройствомъ центральныхъ мѣстныхъ учрежденій.

Мы не считаемъ себя въ правѣ окончить разборъ сочиненія г. Чичерина, не выписавъ еще здѣсь блистательно проведенной авторомъ параллели между средневѣковымъ развитіемъ западно-европейскихъ народовъ и нашимъ. Это сравненіе, исполненное глубокихъ взглядовъ, остроумныхъ сближеній и замѣтокъ, читатели, безъ сомнѣнія, прочтутъ съ особеннымъ интересомъ и удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что оно существенно дополняетъ взглядъ достойнаго молодаго ученаго на наши историческія судьбы и законы нашего развитія.

Показавъ основныя начала судоустройства въ Россіи до реформъ Ивана Грознаго, о чемъ уже было сказано выше, г. Чичеринъ говоритъ:

«На западѣ судъ имѣлъ тотъ же характеръ: русской вотчинной системѣ соотвѣтствовала тамъ система феодальная; ленное право было также правомъ собственности, которое князь, на основаніи частнаго договора, передавалъ въ потомственное владѣніе своимъ слугамъ и вассаламъ. Въ числѣ этихъ ленныхъ правъ было и право суда. Князь (король, герцогъ, императоръ) былъ верховнымъ собственникомъ суда, и эту собственность онъ отдавалъ въ ленное вла-

дѣніе графамъ и другимъ вассаламъ, которые, въ свою очередь, передавали ее своимъ слугамъ. Этотъ частный характеръ суда отражался на всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ. На Западѣ существовали въ средніе вѣка тѣ же судебныя пошлины, то же право на преступленія (Blutbann), то же отсутствіе апелляціи, тѣ же изъятія и привилегіи, какъ и въ древней Россіи; но въ судебномъ устройствѣ той и другой страны были, однакожъ, два важныя различія: 1) кормленіе было почти всегда временнымъ, ленное владѣніе, напротивъ, всегда потомственнымъ. Причина этого различія лежала въ особенностяхъ народнаго духа того времени: на Западѣ, какъ дворянинъ, такъ и крестьянинъ заключали съ своими господами договоры постоянные, вступали въ прочные, потомственные союзы; на Руси, напротивъ, бояре, слуги и крестьяне никогда не вступали въ прочные, потомственные союзы, а, сохраняя личную независимость, заключали только временные договоры, которые разрывались при первомъ удобномъ случаѣ. Поэтому они не могли пріобрѣсти въ собственность предоставляемыхъ имъ княземъ вотчинныхъ правъ, а получали ихъ только во временное владѣніе. 2) Это преобладаніе союзнаго начала на Западѣ произвело и другое явленіе, котораго не было въ вотчинной Руси—участіе въ судѣ цѣловальниковъ. По древне-германскому праву, приговоръ произносился общиною, или ея представителями; судья только держалъ судъ и исполнялъ приговоръ. Эта древная форма суда сохранилась и при разрушеніи общиннаго устройства, но приняла другой характеръ: мѣсто представителей общины, каждый вассалъ частнымъ договоромъ съ господиномъ обязывался сидѣть у него въ судѣ. Вассалы одного разряда и другіе свободные слуги, будучи въ потомственномъ союзѣ съ господиномъ, составляли мелкую сословную корпорацію, которой каждый членъ судился равными себѣ вассалами и слугами; господинъ, владѣлецъ суда, только держалъ судъ, приговоръ же произносили равные (pares). Напротивъ, въ вотчинной Россіи, гдѣ лицо не примыкало къ прочнымъ мелкимъ союзамъ, а сохраняло себя въ своей отдѣльности и независимости, не могло быть цѣловальниковъ въ судѣ; каждый слуга заключалъ съ господиномъ только временный договоръ, съ прочими слугами онъ вовсе не былъ въ союзѣ. Такимъ образомъ, между тѣмъ, какъ на Руси право суда было чистою собственностью, на Западѣ оно было правомъ собственности, видоизмѣненнымъ участіемъ союзнаго начала. Съ другой стороны, и въ средневѣковыхъ городскихъ общинахъ на Западѣ мы находимъ тѣ же черты, которыя встрѣчаются въ судебномъ устройствѣ Новгорода: въ XIII-мъ вѣкѣ въ итальянскихъ городахъ было общимъ правиломъ призывать изъ чужаго города третейскаго судью, подеста, съ которымъ община всякій разъ заключала договоръ. Въ западныхъ городахъ, такъ же какъ и въ Новгородѣ, встрѣчается участіе въ судѣ самой общины, особено если отвѣтчикъ не хотѣлъ идти на судъ къ установленнымъ властямъ; въ судѣ постоянно засѣдаютъ цѣловальники; преступленія считаются нарушеніемъ дого-

вора, и часто наказываются потокомъ и разграбленіемъ; послѣднее нерѣдко самою общиною. Но вообще городовыя учрежденія на Западѣ представляютъ гораздо болѣе разнообразія, вслѣдствіе многочисленности вольныхъ городовъ, и гораздо болѣе юридической опредѣленности, нежели въ Новгородѣ. Послѣдняя черта опять выражаетъ большую крѣпость союзнаго начала: чѣмъ болѣе развита общественность, тѣмъ опредѣленнѣе юридическій бытъ; напротивъ, гдѣ общественныя явленія предоставлены случайности, тамъ личная воля каждаго гражданина имѣетъ гораздо болѣе простора.

«Изложенныя начала судебнаго устройства отражаютъ въ себѣ характеръ всей общественной жизни среднихъ вѣковъ; славянскій міръ и западный, при поверхностномъ различіи явленій, представляютъ глубокое тождество основныхъ началъ своего быта. И здѣсь и тамъ все средневѣковое гражданское общество зиждется на началахъ частнаго права; собственность и свободный договоръ лежатъ въ основаніи всѣхъ учрежденій и составляютъ двѣ господствующія формы гражданской жизни: первая, какъ система вотчинная и феодальная, вторая, какъ вольная община. Но при этомъ тождествѣ основныхъ началъ общественной жизни, есть, однакожь, и различіе, состоящее въ томъ, что на Западѣ преобладали мелкіе союзы, а на Руси каждая отдѣльная личность обособлялась въ своей частной сферѣ.

«Въ этомъ мы еще болѣе убѣдимся, бросивши бѣглый взглядъ на средневѣковыя учрежденія западныя и русскія. И здѣсь и тамъ верховная власть, за исключеніемъ вольныхъ городовъ, принадлежитъ вотчиннику, землевладѣльцу, какъ бы онъ ни назывался—князь, король, герцогъ и т. п. Право собственности, начало частнаго права, лежитъ слѣдственно въ основаніи всего общественнаго устройства, и до сихъ поръ еще въ Англіи, сохранившей черты средневѣковаго быта, король считается собственникомъ всей земли. Основанная на частномъ правѣ, верховная власть передается также по частному праву, но здѣсь является различіе между западными государствами и Русью: тамъ земля передается обыкновенно въ наслѣдство по праву майоратства, и младшій братъ получаетъ участокъ, какъ вассалъ старшаго; здѣсь земля дѣлится между всѣми сыновьями. Въ этомъ опять видно преобладаніе союзнаго начала на Западѣ: живущіе на землѣ люди составляютъ союзъ, который не дѣлится, не дробится, но цѣликомъ переходитъ въ руки новаго владѣльца. Майоратъ есть измѣненіе частнаго права въ пользу союза, тогда какъ дѣленіе земли на части выражаетъ чистое господство частнаго права. Надобно прибавить, что право майоратства существовало не при одномъ наслѣдованіи верховной власти, но проникало во всѣ вотчинные союзы, которые составляли феодальное общество.

«Отношенія князя къ слугамъ опредѣлялись и здѣсь и тамъ свободнымъ договоромъ. У насъ существовало правило: «а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля». На Западѣ рыцарь дѣлался вассаломъ своего господина черезъ то,

[illegible]

[illegible] но что прежде они стали, когда образовалось Московское государство, и что начали их Иоаннъ Васильевичъ Грозный, но, разумѣется, борьба съ отдѣльными лицами не могла быть такъ упорна, какъ борьба западныхъ королей съ феодальными владѣльцами, которые, во главѣ своихъ феодальныхъ союзовъ, стояли за независимость свою отъ господина, землею которого они владѣли.

Точно такъ же, какъ бояре и слуги, крестьяне переходили у насъ съ мѣста на мѣсто и вступали съ поземельными владѣльцами въ договоры временные. Черезъ это они сохраняли свою личную независимость, но отношеніе ихъ къ землѣ имѣло менѣе прочности, и союзъ владѣльческой общины не могъ быть такъ крѣпокъ, какъ онъ былъ на Западѣ, гдѣ отношенія крестьянъ къ владѣльцу были всегда наслѣдственныя. Эта наслѣдственность превращала даже поземельную зависимость въ личную (Hörigkeit). Крестьянинъ дѣлался крѣпкимъ землѣ, и право собственности переходило черезъ землю и на самое лицо, до такой степени, что поселенный на чужой землѣ въ продолженіе года и дня дѣлался его крѣпостнымъ, такъ же, какъ у насъ дѣлался холопомъ принявшій на себя должность сельскаго тіуна или сельскаго ключника. Эта прочность владѣльческихъ отношеній давала крѣпость общинному владѣльческому союзу: крестьяне подчинялись своему особенному дворовому праву (Hofrecht), и каждая вотчина имѣла свой дворовый судъ (Hofgericht), гдѣ председательствовалъ землевладѣлецъ, или слуга, а засѣдали обыкновенно цѣловальники изъ крестьянъ. У насъ были также вотчинные суды, но это

право даровалось вотчинникамъ, какъ особенная милость князя; иначе крестьяне подлежали общему суду княжескихъ кормленщиковъ. Такія жалованныя грамоты давались преимущественно духовенству, и гораздо рѣже боярамъ и слугамъ, которые, переходя съ мѣста на мѣсто, менѣе дорожили своимъ поземельнымъ значеніемъ. Отъ этой неосѣдлости землевладѣльцевъ и крестьянъ владѣльческій элементъ, связывающій общину, былъ гораздо слабѣе, нежели на Западѣ. Тогда какъ баронъ, сильный своимъ поземельнымъ значеніемъ, старался округлить и обособить свои владѣнія, русскій помѣщикъ или вотчинникъ искалъ только независимости своего собственнаго лица и менѣе дорожилъ землею; поэтому онъ менѣе старался о распространеніи своихъ владѣній, и многія земли могли оставаться въ сторонѣ отъ вліянія владѣльческихъ элементовъ. Это были такъ называемыя черныя земли, которыя принадлежали князю, но не управлялись на вотчинномъ правѣ, а только платили князю извѣстныя подати и несли въ его пользу извѣстныя повинности. Здѣсь общинная связь была еще слабѣе, нежели на другихъ земляхъ; каждый владѣлъ своимъ участкомъ совершенно независимо отъ другихъ, и единственное значеніе общины заключалось въ уплатѣ податей и въ отправленіи повинностей, которыя, при отсутствіи владѣльческаго управленія, возлагались не на каждаго отдѣльно, но на всѣхъ вмѣстѣ. Подобныя сельскія общины, ушедшія отъ вліянія владѣльческихъ элементовъ, были, какъ исключеніе, и на Западѣ въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ; но здѣсь онѣ имѣли гораздо болѣе крѣпости, нежели на Руси: общины имѣли здѣсь свои земли, принадлежавшія имъ въ собственность, свои дѣла, своихъ правителей, свой судъ; онѣ составляли замкнутые, самостоятельные союзы, и нѣкоторыя получили даже державныя права; словомъ, это были общины совершенно свободныя, основанныя на взаимномъ договорѣ ихъ членовъ.

«Свободныя общины составляли вторую форму общественной жизни среднихъ вѣковъ, но, по существу своему, эта форма принадлежала болѣе городовой общинѣ, нежели сельской. Въ городахъ люди соединяются на болѣе тѣсномъ пространствѣ, нежели въ селахъ, что способствуетъ союзному духу; кромѣ того, городскія стѣны доставляютъ жителямъ возможность защищать свою независимость, что̀ гораздо труднѣе въ открытыхъ селеніяхъ. Но какъ русская владѣльческая община была слабѣе, нежели западная, отъ неосѣдлости господъ и крестьянъ и отъ меньшаго вліянія связывающаго общину владѣльческаго элемента, такъ и свободная или договорная община была слабѣе отъ меньшаго развитія союзнаго духа. Весь Западъ былъ усѣянъ договорными общинами, которыя всѣ въ большей или меньшей степени отстаивали свою самостоятельность; въ Россіи же, напротивъ, договорныя общины, находились только, какъ исключеніе, на границахъ государства, въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ остальной Россіи городовыя общины, игравшія нѣкоторую роль въ началѣ удѣльнаго періода, были остатками патріархальнаго быта, которые съ усиленіи-

сть вѣчевой власти нашей совершенно потеряли свое значеніе, и если являются кой-гдѣ договорные начала, то въ самыхъ слабыхъ зачаткахъ. Ч... ное не могло имѣть никакого дальнѣйшаго развитія. На Западѣ города со... ставляли замкнутыя общины, дававшія членамъ право гражданства; он... имѣли свое право, свои постоянныя учрежденія, которыя дѣйствовали н... основаніи законныхъ положеній; почти всѣ имѣли свои самостоятельны... власти, такъ что призваніе правителей извнѣ, показывающее низшую ступен... городового быта, является какъ исключеніе, при упадкѣ городской жизни у... Италіи. Въ Новгородѣ, напротивъ, это было постояннымъ правиломъ: горо-довое право вовсе не существовало; право гражданства было понятіе неизвѣстное; постоянныя юридическія правила распространялись на немногіе случаи, а большею частью все совершалось на основаніи временныхъ постановленій, принятыхъ случайнымъ образомъ, нерѣдко послѣ продолжительныхъ дракъ. Наконецъ, западные города заключали внутри себя множество мелкихъ союзовъ, цеховъ, корпорацій, которые всѣ имѣли свое устройство, свои уставы, свои власти. Въ русскихъ городахъ, напротивъ, встрѣчаются корпораціи въ весьма слабыхъ зачаткахъ; были цѣлыя слободы, заселенныя людьми, занимающимися однимъ ремесломъ, какъ и теперь есть подобныя сословія; но онѣ не имѣли никакого юридическаго устройства и никогда не составляли корпоративныхъ союзовъ.

«Союзный духъ, образовавшій на Западѣ феодальные и общинные союзы, имѣлъ значительное вліяніе и на образованіе сословій. Средневѣковыя сословія основаны были на томъ положеніи, что права каждаго лица зависятъ отъ его частной жизни, отъ его занятій, и передаются наслѣдственно, какъ частная собственность. Этимъ они отличаются отъ сословій новаго времени, которыя имѣютъ уже государственное значеніе и получили, каждое, извѣстныя обязанности въ отношеніи къ государству. На Западѣ лица, имѣвшія извѣстныя занятія, находились вмѣстѣ съ тѣмъ въ постоянномъ союзѣ между собою: рыцари соединялись одними обязанностями въ отношеніи къ господину, горожане — общиннымъ городскимъ союзомъ, крестьяне — отношеніями къ землевладѣльцу. Отсюда произошло то, что цѣлые разряды лицъ получили одинакія права, и сословія составили замкнутые союзы, вступленіе въ которые могло совершаться только на основаніи законныхъ правилъ. То же самое начало существовало и на Руси; были служилые люди, посадскіе и крестьяне, но безпрерывные ихъ переходы съ мѣста на мѣсто препятствовали образованію сословныхъ союзовъ. Вмѣсто того, сословное право распредѣлилось по отдѣльнымъ личностямъ и выразилось въ мѣстничествѣ: каждое отдѣльное лице имѣло наслѣдственное право на извѣстное положеніе въ обществѣ, и этимъ оно не только не входило въ союзъ съ другими, а напротивъ, становилось въ противоположеніе ко всѣмъ лицамъ того же разряда и отстаивало свои права отдѣльно отъ другихъ. Законныхъ правилъ для поступленія въ сословіе не было; но

если низшій уравнивался съ высшимъ, послѣдній считалъ себя обезчещеннымъ и начиналъ тяжбу. Понятіе о чести, тѣсно связанное съ сословнымъ значеніемъ лица, было такимъ образомъ не сословнымъ, какъ на Западѣ, а чисто личное; каждое лице имѣло свою особенную честь, опредѣляемую его частными родственными и общественными отношеніями и совершенно отличную отъ чести другихъ людей того же разряда. Мѣстничество было крайнимъ и самымъ яркимъ выраженіемъ личности, которая преобладала въ Россіи, между тѣмъ, какъ на Западѣ господствовалъ союзный духъ, хотя и здѣсь и тамъ общественная жизнь была основана на однихъ началахъ, на началахъ частнаго права, въ основаніи которыхъ лежитъ понятіе о личности съ ея особенной, частной сферой.

«Это различіе опредѣлило и различіе историческаго хода при образованіи государства. Онъ почти въ одно время возникаетъ, на Востокѣ и на Западѣ, на развалинахъ средневѣковыхъ учрежденій. Однако бытъ измѣняется не вдругъ; въ законахъ и въ жизни долго еще сохраняются начала частнаго права, и только медленнымъ процессомъ развитія государство, освобождаясь отъ нихъ, образуетъ изъ себя правильный организмъ, проникнутый однимъ общественнымъ началомъ. При возникновеніи государства, средневѣковые элементы противопоставили ему свои старыя притязанія и вступили въ борьбу съ новымъ порядкомъ вещей. Это явленіе было какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ; но западные феодальные владѣльцы и города, образуя крѣпкія союзы, могли бороться открытою силою, тогда какъ бояре и слуги, безсильные въ своемъ обособленіи, могли противопоставить государственному порядку только отъѣзды, крамолы и свои личныя притязанія. Западные государи, стремились къ уничтоженію слишкомъ большой самостоятельности мелкихъ союзовъ; московскіе государи, напротивъ того, должны были прекратить слишкомъ большое обособленіе личностей и образовать союзы, которые могли бы служить орудіями государственной власти. То, что на Западѣ образовалось само собою вслѣдствіе господства союзнаго духа, то у насъ учреждено правительствомъ, на основаніи государственныхъ потребностей.

«Создавши государственное единство, московскіе государи не стали разрушать и передѣлывать на новый ладъ элементы средневѣковой жизни; они только укрѣпили ихъ, заставивъ ихъ подчиниться общественной власти» (стр 25—36).

Сближеніе явленій русской и западно-европейской исторіи не только остроумное, но и очень вѣрное! Основныя начала нашей и европейской жизни какъ нельзя лучше схвачены въ ихъ отвлеченной рѣзкости. Но намъ кажется, что въ разсужденіяхъ автора не достаетъ одного и весьма важнаго—заклю-

ченія. Дѣйствительно, союзное начало у насъ развито крайне слабо, а въ Европѣ, напротивъ, весьма сильно. Тамъ государство должно было привести это начало въ границы, а у насъ, наоборотъ, развивать. Но какой смыслъ этого противорѣчиваго явленія? Неужели онъ сводится къ количественному рѣшенію, и немножко больше, немножко меньше и заключаетъ въ себѣ весь смыслъ задачи? Вотъ чего мы никакъ допустить не можемъ! Г. Чичеринъ нѣсколько разъ возвращается, и весьма правильно, къ той мысли, что въ Европѣ все дѣлалось снизу, а у насъ сверху, и указываетъ на другія явленія, столь же рѣзко выказывающія противоположный ходъ европейской и нашей исторіи. Пунктъ, гдѣ онѣ пересѣкаются и какъ бы совпадаютъ, само собою разумѣется, есть; есть оттого и большое внѣшнее, наружное сходство между ними; но какъ точки отправленія разныя, то, при всемъ видимомъ сходствѣ между нашимъ и европейскимъ развитіемъ есть существенное различіе. Обнаружить это различіе, скрываемое обманчивой одинаковостью внѣшней оболочки, также необходимо, какъ показать сходство, потому что безъ того нѣтъ вывода, недостаетъ полной картины.

Г. Чичеринъ находитъ, что въ наши такъ называемые средніе вѣка (примемъ на вѣру, что они дѣйствительно средніе; названіе тутъ не при чемъ) главнымъ дѣйствующимъ началомъ была личность, потому что лицо является одинокимъ дѣятелемъ, внѣ всякаго союза. О началѣ личности когда-то, лѣтъ десять тому назадъ, было много говорено и писано, и тогда личность разумѣлась совсѣмъ не въ томъ значеніи, какое придаетъ ей теперь г. Чичеринъ: тогда подъ личностью разумѣлась та сила, энергія, воля человѣка, которая сама создаетъ свою судьбу, творитъ исторію, есть властелинъ своей дѣятельности, исполнена сознанія своихъ правъ, своего могущества, своего творческаго величія. Въ этомъ смыслѣ разу-

мѣлось, что начало личности лежитъ въ основаніи европейской исторіи; ибо крѣпость и сила союзнаго духа, который составляетъ ея отличительную черту, очевидно зависятъ отъ степени личной воли и дѣятельности. Назвать же началомъ личности фактъ обособленія бездѣятельнаго, пассивнаго лица, неопредѣляющаго ничего, а, напротивъ, опредѣляемаго другою силою—едва ли было бы правильно. Впрочемъ, о словахъ мы спорить не станемъ, только бы условиться въ понятіяхъ. Называя движущее начало нашей древней исторіи началомъ личности, г. Чичеринъ очевидно хочетъ этимъ выразить, что у насъ лицо стояло особнякомъ, отдѣльно, не принадлежа ни къ крѣпкому кровному, ни къ прочному гражданскому союзу. Но какое значеніе этого факта? Кажется, то, что условія кровнаго быта уже не опредѣляли человѣка, а формы гражданскаго союза еще не создались; другими словами, личность не была еще довольно развита, чтобъ создать гражданственность. Изъ этого слѣдуетъ, что нельзя сопоставлять и сравнивать бытъ Европы въ средніе вѣка и нашъ бытъ ему современный, потому что они, очевидно, стоятъ на различныхъ ступеняхъ. Мы такъ мало еще выработались въ то время изъ кровнаго, родственнаго элемента, что князья въ спорахъ между собою ссылались на степени родства, какъ на кодексъ своихъ взаимныхъ отношеній; о твердомъ гражданскомъ уставѣ еще не было и рѣчи; а германскія племена, завоевавшія Римскую Имперію, пришли дружинами, слѣдовательно, съ началомъ личности, уже до того закалившимся въ войнахъ, что общинное начало было у нихъ совсѣмъ разрушено, и поселились на римской почвѣ, обладавшей развитою гражданственностью. У насъ, въ разсматриваемую эпоху, дремота въ патріархальномъ безразличіи едва кончилась, но еще ничто не успѣло опредѣлить характера и направленія человѣка, и личность является въ ея отрицательномъ, пассивномъ, а не въ поло-

жительномъ и дѣятельномъ значенiи; въ Европѣ же, въ это время, о патрiархальныхъ элементахъ и помину не было; ихъ отыскала и замѣтила лишь наука, да и то недавно, съ величайшими усилiями, при помощи труднѣйшихъ археологическихъ операцiй; гражданскiе же элементы, поддерживаемые всѣмъ авторитетомъ классическаго мiра и давности, представляли въ Европѣ для личности готовую и неизбѣжную форму. Чтò лучше и чтò хуже — это другой вопросъ; но нельзя, кажется, отрицать, что тутъ есть разница не въ количествѣ, а въ качествѣ— разница, которая дѣлаетъ невозможнымъ сравненiе средневѣковой Европы съ современной ей Россiей, какъ нельзя ставить на одну доску ребенка съ юношей.

Воздерживаемся отъ всякихъ дальнѣйшихъ выводовъ до другаго раза, а въ заключенiе сдѣлаемъ еще нѣсколько частныхъ замѣчанiй на книгу г. Чичерина.

На стр. 12 и 20, авторъ говоритъ, что когда, въ теченiе удѣльнаго перiода, встрѣчалось затруднительное дѣло, и судья не могъ самъ его рѣшить, то онъ докладывалъ его *кому хотѣлъ*. Послѣднее выраженiе, какъ намъ кажется, нельзя подтвердить историческими свидѣтельствами. Обязанность судьи испрашивать разрѣшенiя въ случаѣ сомнѣнiя, могла быть опредѣлена недостаточно, темно и оставлять большой произволъ судьѣ; но чтобъ было предоставлено на его волю спрашивать разрѣшенiя у того или другаго лица — въ этомъ мы сомнѣваемся.

На стр. 23—25 авторъ слишкомъ строго и едва ли справедливо отзывается о внутреннемъ бытѣ Новгорода. (Мы не приведемъ здѣсь этого мѣста, потому что оно изложено нами выше, почти цѣликомъ). Волненiя, неурядицы и кровопролитiя новгородскiя много разъ были предметомъ заслуженныхъ порицанiй. Новгородъ болѣлъ и умеръ политически, вслѣдствiе недостатка твердаго государственнаго устройства—вотъ глав-

ное; эту судьбу, и по той же самой причинѣ, раздѣлили съ нимъ и всѣ славянскія племена, кромѣ одного великорусскаго. Что жь касается гражданскихъ учрежденій и суда, то, сколько можно судить по дошедшимъ до насъ памятникамъ, они были въ Новгородѣ гораздо выше московскихъ и очень можетъ быть, что реформы въ судопроизводствѣ, сдѣланныя Грознымъ, не чужды новгородскаго вліянія. Отрицать существованіе въ Новгородѣ правильныхъ гражданскихъ учрежденій, основываясь на лѣтописныхъ свидѣтельствахъ о происходившихъ въ этой муниципіи неурядицахъ и междоусобіяхъ, едва ли можно, потому что лѣтописи говорятъ только о событіяхъ чрезвычайныхъ, выходившихъ изъ обыкновеннаго порядка; а ежедневное, будничное теченіе внутренней жизни Новгорода, которое могло бы рѣшить вопросъ, незанесено въ лѣтописи и до насъ дошло только въ несвязныхъ отрывкахъ.

Мы вошли въ подробный разборъ сочиненія г. Чичерина, потому что оно не только въ литературной и ученой лѣтописи нынѣшняго года, но и вообще въ нашей историко-юридической литературѣ достойно занять одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Не раздѣляя нѣкоторыхъ воззрѣній ученаго автора, мы по всей справедливости не можемъ, однако, отказать ему въ глубокомъ уваженіи и сочувствіи. Его обширное изслѣдованіе (почти 600 страницъ въ большую осьмушку) свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ историческомъ и критическомъ его талантѣ, большой начитанности и, что̀ рѣдко встрѣчается въ соединеніи съ талантомъ — о большомъ трудолюбіи и терпѣніи, безъ которыхъ было бы невозможно такъ тщательно свести въ одно стройное цѣлое множество памятниковъ нашей областной администраціи XVII вѣка, разрозненныхъ, однообразныхъ и утомительныхъ безконечными повтореніями. Отъ души желаемъ нашей исторической литературѣ побольше такихъ сочиненій.

Г. Чичеринъ посвятилъ свой трудъ памяти любимаго своего наставника, покойнаго профессора Грановскаго. Это лучшій вѣнокъ на могилѣ того, кто какъ-будто для того только и былъ рожденъ, чтобъ руководить молодыя университетскія поколѣнія въ стезяхъ истины и добродѣтели.

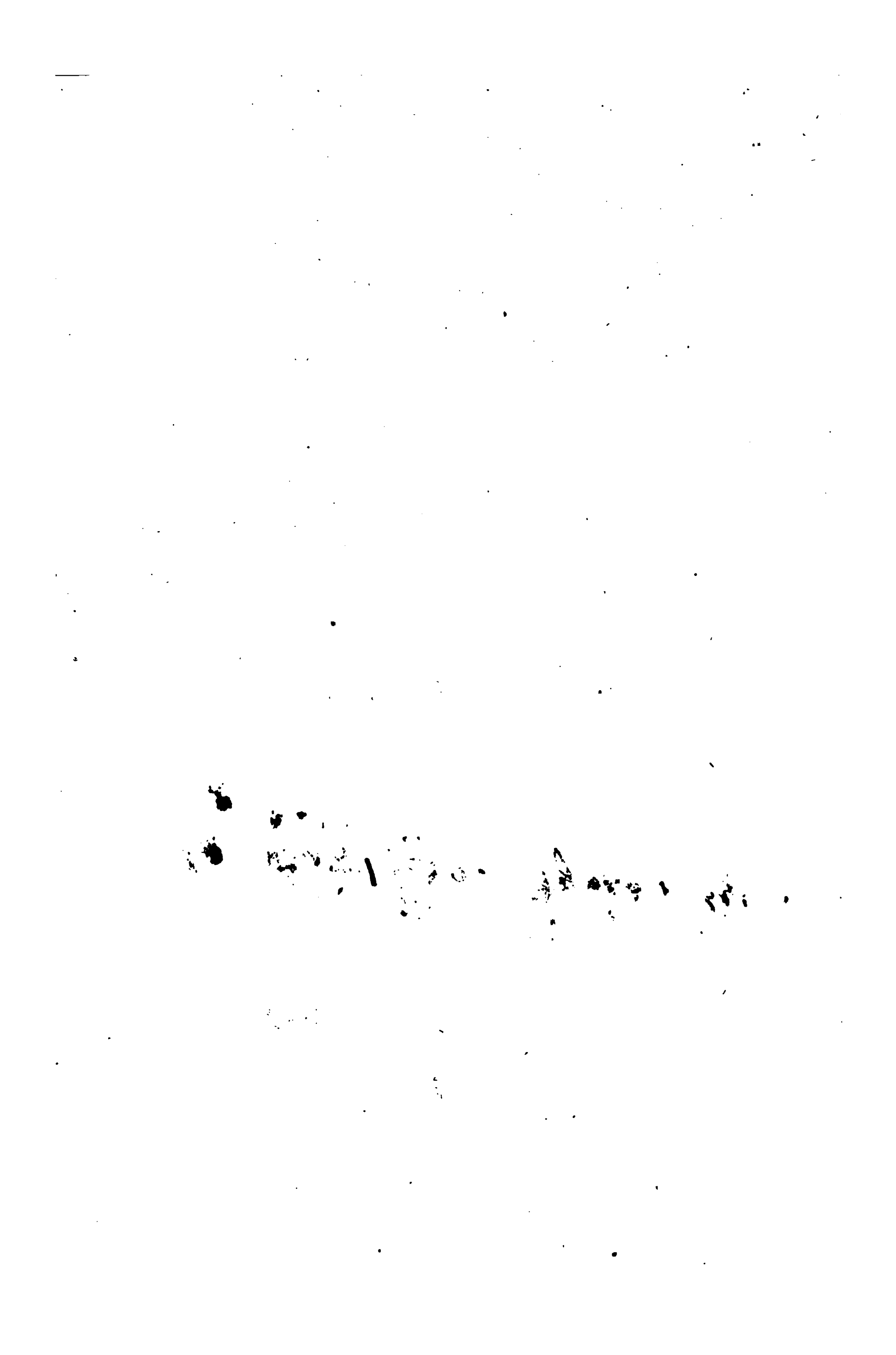
КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

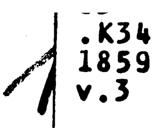
ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

—

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ И РЕЦЕНЗІИ.

DATE DUE

JAN 10 2006 NOV 04 2005	

